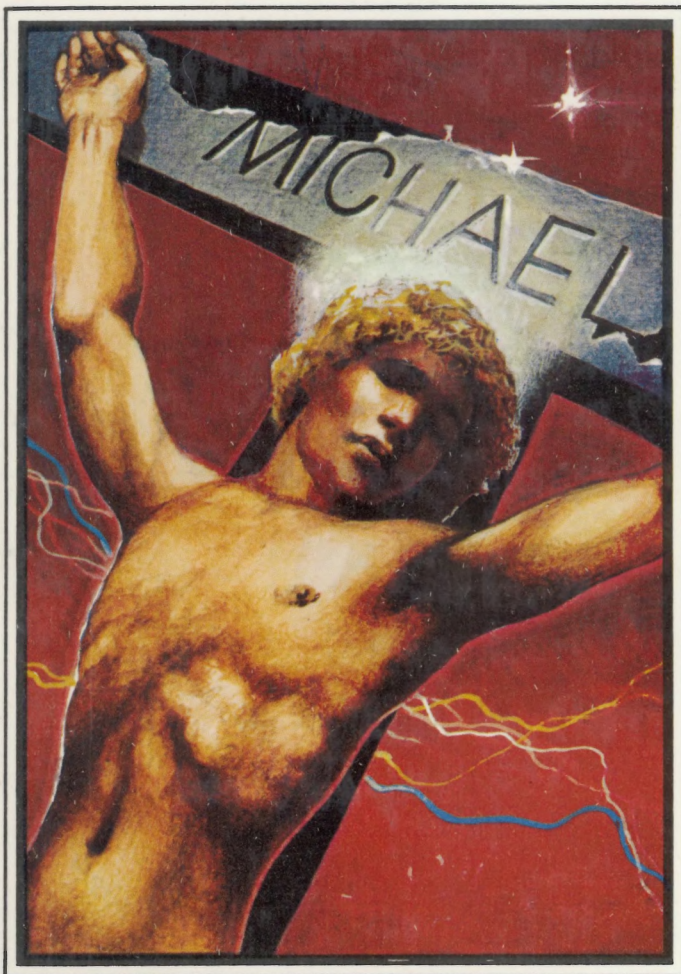

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

10

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume ten

**STRANGER
IN A STRANGE LAND**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга десятая

ЧУЖАК В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

Издательская фирма «Полярис»
1994

Stranger in a Strange Land

Copyright © 1961 by Robert A. Heinlein

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

© 1993 А. Кириллов, *иллюстрации*

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом — запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключитель-
но с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-037-9

ЧУЖАК

В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

Все люди, боги и планеты в этом романе вымышлены. Если вдруг какие-то черты сходства с реальностью все же обнаружатся, автор готов выразить свое глубокое сожаление.

Р. А. Х.

Часть первая

ЕГО СОМНИТЕЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Глава 1

Давным-давно жил да был марсианин по имени Валентайн Майкл Смит.

Члены первой экспедиции на Марс подбирались с учетом предположения, что самый главный враг человека — это он сам. В те времена, то есть спустя восемь лет после основания первой земной колонии на Луне, межпланетный корабль землян должен был лететь в свободном падении по орбите Терра—Марс ровно двести пятьдесят восемь суточных оборотов Терры и столько же обратно, а еще четыреста пятьдесят восемь таких же суток ждать на Марсе, пока обе планеты не сойдутся в позиции противостояния и не дадут возможность кораблю возвратиться домой.

Для успешного полета «Посланца» требовалась дозаправка на космической станции. Побывав на Марсе, корабль имел шансы вернуться только в том случае, если он не разобьется при посадке, если на Марсе найдется достаточно воды, чтобы заполнить топливные баки, и если не случится еще что-нибудь из тысяч возможных неполадок.

Тем восьми людям, которым предстояло прожить почти три года по принятому на Терре исчислению времени в страшной тесноте, надо было вести себя по

отношению друг к другу куда лучше, чем это обычно бывает у людей. Мысль о чисто мужской команде была быстро отброшена как нездоровая и чреватая нестабильностью. Решили, что оптимальный вариант — четыре супружеских пары, разумеется, при том условии, что можно будет добиться сочетания всех нужных профессий.

Эдинбургский университет — генеральный подрядчик проекта — передал задачу подобрать команду своему субподрядчику — институту социальных исследований. После того как отсеяли добровольцев из-за возраста, состояния здоровья, умственного развития, физической подготовки и темперамента, у института осталось около девяти тысяч кандидатов.

В команде должны быть представлены профессии: астрогатора, врача, кока, механика, командира корабля, семантика, инженера-химика, инженера-электронщика, физика, геолога, биохимика, биолога, инженера-атомщика, фотографа, специалиста по гидропонике, инженера по ракетам. В результате получились сотни различных комбинаций, в каждой из которых было по восемь добровольцев, обладавших нужными профессиональными навыками. Было среди них и три комбинации, состоявших только из супружеских пар, но, рассматривая эти комбинации, все специалисты по психодинамике, отвечавшие за психологическую совместимость экипажа, в ужасе всплескивали руками. Генеральный подрядчик предложил было снизить порог совместимости, но институт тут же заявил, что вернет полученную им символическую плату за работу — один доллар.

Компьютеры продолжали анализировать данные, которые все время менялись из-за смерти одних добровольцев, отказа других от участия в полете и появления новых. Капитан Майкл Брант — магистр наук, коммодор резерва космической службы, пилот и ветеран тридцати полетов на Луну, у которого были весьма прочные негласные связи внутри института, попросил свою агентуру подобрать ему несколько имен из числа незамужних добровольцев-женщин, одна из которых могла бы (вместе с ним, разумеется) завершить комплектование команды корабля; затем предполагалось пропустить через компьютер личные данные капитана в

паре с каждой из претенденток и таким образом выбрать наиболее перспективную комбинацию.

Дело это кончилось тем, что капитан срочно вылетел в Австралию, где предложил руку и сердце доктору Уинифред Коберн — девице, девятью годами старше него.

Вот тогда-то огоньки компьютеров замигали, сразу же выскочили нужные карточки, и команда корабля оказалась сформированной в таком составе:

капитан Майкл Брант, командир, первый пилот, астрогатор, запасной кок, запасной фотограф, инженер-ракетчик;

доктор Уинифред Коберн-Брант, сорок один год, семантик, медсестра, заведующая складским хозяйством, историк;

мистер Френсис Х. Сини, двадцать восемь лет, заместитель командира, второй пилот, астрогатор, астрофизик, фотограф;

доктор Ольга Ковалик-Сини, двадцать девять лет, кок, биохимик, специалист по гидропонике;

доктор Уорд Смит, сорок пять лет, физик, хирург, биолог;

доктор Мери Джейн Лайл-Смит, двадцать шесть лет, инженер-атомщик, инженер-электронщик, специалист-энергетик;

мистер Сергей Римски, тридцать пять лет, инженер-электронщик, химик, механик, специалист по приборам, криолог;

миссис Элеонора Альварес-Римски, тридцать два года, геолог, селенолог, специалист по гидропонике.

В команде были представлены все жизненно важные профессии, причем многие из них приобретались в срочном порядке в течение тех нескольких недель, которые оставались до отлета. Самое же главное, что все члены экипажа были психологически совместимы.

«Посланец» отбыл. Первые недели сообщения с корабля принимались многими радиолюбителями Земли. Потом сигналы стали слабее, и их пришлось ретранслировать через земные спутники радиосвязи. Члены команды были здоровы телом и бодры духом. Самое сложное, с чем пока случилось столкнуться доктору Смигу, был стригущий лишай; команда отлично адапти-

ровалась к свободному падению, и уже через неделю спрос на средства от космической болезни полностью прошел. Если же у капитана Бранта и возникали какие-то проблемы дисциплинарного характера, то он о них не сообщал ничего.

«Посланец» вышел на марсианскую орбиту чуть ниже орбиты Фобоса и две недели проводил фоторазведку поверхности Марса. После чего капитан Брант радировал: «Садимся завтра в 12.00 по земному времени, чуть южнее Лакус Соли». Никаких других сообщений от корабля больше не поступало.

Глава 2

Только через четверть земного столетия люди снова посетили Марс. Шесть лет спустя с того дня, как замолчал «Посланец», автоматический зонд «Зомби», спонсором запуска которого было la Societe Astronautique Internationale *, пересек глубокий космос, вышел на околомарсианскую орбиту, пробыл на ней заданное время, а затем вернулся на Землю. Фотографии, сделанные роботом, изображали поверхность по земным стандартам весьма малопривлекательную. Приборы подтвердили сильную разреженность воздуха и непригодность атмосферы Марса для жизни человека.

Зато фотографии «Зомби» с полной ясностью доказали, что «каналы» — это инженерные сооружения; кроме того, кое-какие детали на снимках были условно идентифицированы как развалины городов. Новая экспедиция, вероятно, отправилась бы на Марс сейчас же, если бы не помешала третья мировая война.

Война и вызванная ею задержка полета позволили теперь отправить к Марсу значительно более мощную экспедицию, нежели «Посланец». Корабль Федерации

* Международное общество астронавтики. (Здесь и далее примеч. пер.)

«Победитель» имел на борту стопроцентно мужскую команду из восемнадцати космонавтов и еще двадцати трех поселенцев, тоже мужчин. Благодаря генераторам Лайл полет продолжался лишь девятнадцать дней. «Победитель» сел на Марсе к югу от Лакус Соли, так как капитан Ван Тромп решил поискать останки «Посланца». Вторая экспедиция на радиосвязь выходила ежедневно. Особый интерес представляли три радиogramмы.

Первая — «Ракетный корабль "Посланец" найден. Спасшихся нет».

Вторая — «Марс — обитаем».

Третья — «Поправка к радиogramме 23/105. Найден спасшийся с "Посланца"».

Глава 3

Капитан Виллем Ван Тромп был человек гуманный. Задолго до посадки на Землю он радировал: «Никаких пышных официальных встреч для моего пассажира устраивать не следует. Обеспечьте капсулу, искусственно снижающую тяготение, носилки, санитарную машину и вооруженную охрану».

Потом капитан послал корабельного хирурга, поручив ему удостовериться, что Валентайн Майкл Смит помещен в отдельную палату медицинского центра Бетесда, что там его уложили в гидравлическую постель и что он полностью гарантирован от нежелательных контактов со стороны. Сам же капитан Ван Тромп отправился на экстраординарное заседание Высшего Совета Федерации. Как раз когда Смита водружали на его кровать, его милость министр по делам науки брюзгливо выговаривал капитану:

— Капитан, даже признавая, что ваши полномочия как командира того, что, кстати говоря, является все же научной экспедицией, дают вам право распоряжаться организацией медицинского ухода с целью защиты здоровья временно вверенного в ваше попечение лица, я все же не вижу оснований, которые позволили бы

вам вмешиваться в дела моего министерства. Ведь этот Смит — кладезь драгоценной информации!

— Полагаю, что так, сэр.

— Тогда почему же... — Министр повернулся к его милости министру по делам мира и безопасности. — Дэвид? Вы отдадите приказ вашим людям? Нельзя же, в конце-то концов, держать чуть ли не в прихожей профессора Тиргартена и доктора Окаджиму, уж не говоря о прочих!

Министр по делам мира бросил взгляд на капитана Ван Тромпа. Капитан отрицательно покачал головой.

— Но почему?! — возопил министр науки. — Вы же сами признались, что он не болен!

— Дайте же возможность капитану высказаться, Пьер, — посоветовал министр мира. — Мы вас слушаем, капитан.

— Смит не болен, сэр, — заговорил капитан, — но он чувствует себя плохо. Ему еще никогда не приходилось бывать в условиях земного тяготения. Он тут весит в два с половиной раза больше, чем на Марсе, а его мускулатура к этому еще не адаптировалась. Непривычно для него и земное атмосферное давление, которое нам представляется нормальным. В общем, все это ему чуждо, и такая ситуация означает слишком большую нагрузку на его нервную систему. Черт возьми, джентльмены, я сам устал как собака, хотя родился здесь, на Земле.

Министр науки выглядел чуть ли не оскорбленным.

— Если вас беспокоит истощение от повышенной гравитации, то разрешите вас заверить, дорогой мой, что мы тут все предусмотрели. В конце концов, я же и сам бывал в космосе! Мне эти ощущения знакомы... Этот человек... Смит... он должен...

Капитан Ван Тромп решил, что пришло время дать выход своему раздражению. Вспышку можно будет приписать усталости — вполне, кстати, реальной, — он и в самом деле чувствовал себя так, будто вернулся из вылазки на Юпитер. Поэтому он резко оборвал министра:

— Хм! «Этот человек Смит!» Этот человек! Неужели вы не понимаете, что он вовсе и не человек?!

— Что?

— Смит... вовсе... не... человек.

— Как это? Объяснитесь, капитан.

— Смит — разумное существо, предки у него — люди, но сам он все же больше марсианин, чем человек. Пока мы не появились на Марсе, он и в глаза не видал человека. Мыслит он, как марсианин, чувствует, как марсианин. Он выращен и воспитан расой, которая с нами ничего общего не имеет... У них даже секса нет! Он — человек по происхождению, но марсианин по адаптации к окружающей среде Марса. Если вам благоутодно довести его до безумия, а следовательно, потерять этот «кладезь информации», тогда тащите сюда свою тупоголовую профессуру! Уж они-то не дадут ему ни одного шанса на то, чтобы выжить на нашей идиотской планете! А, впрочем, мне-то какое дело! Я свою работу выполнил!

Молчание было прервано Генеральным секретарем Дугласом.

— И вы отлично поработали, капитан. Если этому человеку, или этому человеко-марсианину, нужно несколько дней отдыха, я думаю, наука подождет, а потому вам лучше успокоиться, Пит. Капитан Тромп устал.

— Однако одно дело ждать не может, — вмешался министр общественной информации.

— Какое именно, Джок?

— Если мы не покажем «Человека с Марса» по стереовидению в ближайшие же часы, могут произойти бунты, мистер секретарь.

— Хм... Вы преувеличиваете, Джок. Вечером в новостях мы дадим кое-какую информацию о Марсе. Приступим к награждению капитана и команды. Полагаю, это будет завтра. Потом капитан Ван Тромп расскажет о своих приключениях... За ночь вы ведь отдохнете, капитан...

Министр покачал головой.

— Что, разве это не годится, Джок?

— Публика считает, что они привезли живого марсианина. Раз его нет, им нужен Смит и нужен немедленно.

— Живой марсианин? — Генеральный секретарь Дуглас повернулся к капитану Ван Тромпу. — У вас есть кинофильмы о марсианах?

— Тысячи футов пленки.

— Вот вам и ответ, Джок. Когда показ наших новостей начнет приедаться, переходите на кино. Теперь, капитан, вот что... Как там с экстерриториальностью? Вы говорите, что марсиане не протестовали?

— Нет, сэр... впрочем, и «за» они тоже не были.

— Тогда я не понимаю вас.

Капитан Ван Тромп пожевал губами.

— Сэр, говорить с марсианами — все равно что говорить с собственным эхо. Возражений нет, но и результатов — тоже никаких.

— Возможно, вам следовало захватить с собой этого... как его... вашего семантика. Или он уже ждет вас в приемной?

— Махмуда, сэр? Доктор Махмуд нездоров. Небольшой нервный срыв, сэр.

Тромп подумал, что весьма достойным эквивалентом этому было бы выражение «пьян в стельку».

— Космическая эйфория?

— Отчасти. (Будь они прокляты, эти настырные жуки-землееды!)

— Хорошо, приводите его, когда оправится. Думаю, что и присутствие юного Смита нам не повредит.

— Возможно... — В голосе Тромпа не хватало убежденности.

Юный Смит в эти минуты напрягал все силы, чтобы остаться в живых. Его тело, непомерно стиснутое и ослабленное невыносимым состоянием Пространства в этом непостижимом месте, наконец-то обрело успокоение в нежной мягкости Гнезда, куда эти новые Чужие поместили его. Он оставил попытки поддержать свое существование и переключил свой третий уровень на контроль дыхания и работы сердца.

Он понимал, что сжигает себя. Легкие трудились в том же режиме, что и на Марсе, сердце галопировало в безудержном старании успевать равномерно распределять поступающий снаружи в кровь кислород, и все это было жалкой попыткой преодолеть тяжесть непрерывно сжимающегося Пространства, попыткой тщетной, так как происходила она в условиях душной, отравленной огром-

ным количеством кислорода и гнетущей жарой атмосферы. Тогда он предпринял необходимые срочные меры.

Когда биение сердца снизилось до двадцати ударов в минуту, а дыхание стало почти незаметным, Смит потратил некоторое время на то, чтобы убедиться, что его тело не умрет, пока он будет заниматься другими делами. Убедившись, что с этим все в порядке, он частично активизировал свой второй уровень и освободил большую часть своего «я». Было очень важно разобраться в особенностях конфигурации множества новых событий, чтобы приспособить их к себе, а затем холить и лелеять, дабы и они стали добры к нему и не поглотили бы его без следа.

С чего же начать? С того ли момента, когда он покинул свой дом, увлекаемый теми Чужими, что потом стали его согнездниками? Или со своего прибытия в это гнетущее его Пространство? Снова на него обрушились волны света и грохота, сопровождавшие прибытие, неся изнуренному мозгу невыносимую боль. Нет, он пока еще не готов обнять этот расклад... тогда — назад... назад... назад, туда, где он еще не повстречался с этими Чужими, ставшими теперь Близкими... Назад, еще глубже в прошлое, назад, во времена, что предшествовали его выздоровлению, когда он впервые *грокк*, что чем-то отличается от своих собратьев по Гнезду... назад к самому Гнезду...

Свои мысли он даже не пытался облечь в земную символику. Тот примитивный английский язык, которому он недавно обучился, был пригоден для этой цели еще меньше, чем, скажем, для базарного крикливого торга индуса с турком. Смит пользовался английским как словарем с запутанным и неточным переводом. И его мысли — абстракции, рожденные чуждой и ни на что не похожей культурой, насчитывающей уже более полумиллиона лет, ушли в такую даль и так оторвались от человеческого опыта, что стали совершенно непереводаемы.

В соседней комнате доктор Таддеус играл в криббедж * с Томом Мичумом — медбратом, специально

* К р и б б е д ж — карточная игра.

приставленным к Смиту. Таддеус одним глазом поглядывал на циферблаты и шкалы приборов. Когда мерцающий огонек внезапно упал с девяноста двух пульсаций до двадцати, он кинулся в палату Смита; за ним последовал и Мичум.

Пациент плавал на мягчайшей поверхности гидравлической кровати. Он казался мертвым.

— Доктора Нельсона сюда! — рывкнул Таддеус.

Мичум отозвался:

— Слушаюсь, сэр! — И добавил: — А не приготовить ли аппаратуру для вывода из шока?

— Доктора Нельсона! И без разговоров!

Медбрат выскочил за дверь. Интерн осмотрел пациента, стараясь, однако, не дотрагиваться до него. В палату вошел пожилой врач, с затрудненными движениями человека, долго пробывшего в космосе и еще не привыкшего к земной силе тяжести.

— Что случилось, доктор?

— Почти прекратилось дыхание, температура и пульс две минуты назад внезапно упали очень резко.

— Что вы предприняли?

— Ничего, сэр... Ваши инструкции...

— Отлично. — Доктор Нельсон осмотрел Смита, взглянул на приборы — точно такие же, как и в дежурной комнате врачей. — Дайте мне знать, когда будут изменения. — И двинулся к выходу.

Таддеус был поражен.

— Но, доктор...

Нельсон остановился и спросил:

— Да, доктор? Каков ваш диагноз?

— Хм... Мне не хотелось бы вмешиваться в ваше лечение, сэр...

— Я только спросил, каков ваш диагноз?

— Хорошо, сэр. Шок, может быть, несколько нетипичный, — промямлил Таддеус, — но все равно шок, ведущий к летальному исходу.

Нельсон кивнул.

— Резонно. Но это особый случай. Я видел этого пациента в таком состоянии не менее десятка раз. Смотрите! — Нельсон поднял руку Смита и отпустил ее. Рука неподвижно замерла в воздухе.

— Катаlepsия? — спросил Таддеус.

— Называйте, как хотите. В общем, старайтесь не беспокоить больного и зовите меня, если произойдут изменения. — Он осторожно вернул руку Смита в прежнее положение.

Нельсон ушел. Таddeус поглядел на пациента, тряхнул головой и вернулся в дежурку. Мичум взял свои карты.

— Продолжим?

— Нет.

— Док, если хотите знать, он сыграет в ящик еще до утра.

— Я тебя об этом не спрашивал. Поэтому сходи-ка ты покурить с охраной. Мне тут надо подумать кое о чем.

Мичум пожал плечами и присоединился к охранникам в коридоре. Они было вытянулись, но, увидев, что это всего лишь Мичум, снова расслабились. Тот морской пехотинец, что был повыше, спросил:

— Из-за чего переполох-то?

— Да пациент у нас разродился пятью близнецами, так мы все спорили, как их назвать. Слушайте, рожи, а у вас в заначке не найдется окурка? И огоньку заодно.

Другой морской пехотинец вытащил из кармана пачку сигарет.

— Ты что — окосел, что ли?

— Разве что самую малость. — Мичум сунул сигарету в рот. — Богом клянусь, джентльмены, я об этом пациенте ни хрена не знаю.

— А что это за приказ «Никаких женщин не допускать»? Он что — сексуальный маньяк?

— Все, что я знаю, так это то, что его сюда притащили с «Победителя» и предписали полный покой.

— С «Победителя»? — сказал первый пехотинец. — Ну, тогда все понятно.

— Что понятно-то?

— Да все. Не видал баб, не имел баб, не щупал баб вот уже несколько месяцев. И заболел, понял? Боятся, что ежели он доберется до бабы, то так и помрет на ней. — Он подумал. — Я бы на его месте обязательно помер, это уж точно...

Смит ощущал присутствие врачей, но он *грокк*, что их намерения исполнены добра. Никакой необходимости снова будить основную часть своего сознания не было.

В ранний утренний час, когда сестры милосердия начинают обтирать пациентов влажными полотенцами, Смит вернулся. Он ускорил биение сердца, участил дыхание и безмятежно оглядел помещение. Он рассматривал комнату, вознося хвалу всем деталям ее обстановки. Он видел ее впервые, так как когда его сюда доставили, он был слишком сжат, чтобы раскрыться ей навстречу.

Комната была интересна. Такого на Марсе не увидишь, да и на нарезанные, как торт, клиновидные стальные каюты «Победителя» она тоже не походила. Восстановив в памяти события, связывающие эту комнату с Гнездом, Смит готов был принять ее, приласкать и, в какой-то степени, возлюбить.

И тут он почувствовал, что рядом с ним находится еще одно живое существо. «Дядюшка Долгоног» медленно спускался с потолка, тихонько вращаясь на своей паутинке. Смит рассматривал его с восторгом, гадая, не принадлежит ли он к его Гнезду.

Доктор Арчер Фрейм — интерн, сменивший Таддеуса, вошел в палату как раз в эту минуту.

— Доброе утро, — сказал он. — Как мы себя чувствуем?

Смит всесторонне рассмотрел этот вопрос. Первую фразу он расценил как чистое проявление вежливости, не требующее ответа. Вторую он перевел в нескольких вариантах. Если бы ее произнес доктор Нельсон, она означала бы одно; если бы капитан Тромп — другое, опять же скорее просто знак внимания.

Он ощутил ту тревогу, которая всегда охватывала его при попытках общения с этими существами, но силой принудил свое тело к покою, рискнув ответить:

— Чувствую себя хорошо.

— Хорошо! — эхом отозвалось существо. — Через минутку появится и доктор Нельсон. Готовы ли вы к завтраку?

Все эти символы были в словаре Смита, но ему было трудно поверить, что он расслышал верно. Он прекрасно знал, что он сам и есть пища, но не был уверен, что ему нравится чувствовать себя едой. Не было и предупреждения, что ему выпала такая высокая честь. Он не знал, что ситуация с продовольствием здесь такова, что

наступил час снизить численность живых. Ему стало немного грустно, что так много вещей останутся неувиденными, и он их не сможет *грокк*, но тем не менее ему даже в голову не пришло уклониться от этой чести.

Однако от необходимости переводить свой ответ его избавил приход доктора Нельсона. Судовой врач посмотрел на Смита, потом бросил взгляд на шкалы приборов и только затем обратился к пациенту:

— Желудок работал?

Это Смит понял, так как доктор Нельсон постоянно задавал такой вопрос.

— Нет.

— Ладно, с этим разберемся. Но сначала ты должен поесть. Санитар, принеси поднос.

Нельсон скормил ему три кусочка, а затем потребовал, чтобы Смит взял ложку и ел сам. Это было утомительно, но породило радостное чувство триумфа, так как это был первый поступок, который он совершил без посторонней помощи с тех пор, как его доставили в это странное и плохо организованное место. Он очистил тарелку и вовремя вспомнил, что следует освесомиться «кто это был?», чтобы помянуть добром своего благодетеля.

— Ты хочешь знать, что это такое? — ответил Нельсон. — Это было синтетическое пищевое желе, и, узнав это, ты вряд ли стал намного умнее, чем был раньше. Закончил? Ладно, тогда давай-ка вылезай из кровати.

— Прошу прощения? — Это был символ внимания, весьма полезный в случае нарушения контакта.

— Я сказал, чтобы ты вылезал из нее. Встань. Походи. Разумеется, ты слаб, как котенок, но знай, что, валяясь в этой кровати, ты никогда не накачаешь себе мускулатуру.

Нельсон открыл вентиль, вода начала выливаться. Смит подавил чувство страха, зная, что Нельсон заботится о нем. Через несколько минут он уже лежал на опустившемся дне кровати, и водонепроницаемая ткань морщинками облегла его тело. Доктор Нельсон сказал:

— Доктор Фрейм, возьмите его под другой локоть.

С помощью Нельсона, который ободрял и поддерживал его с одного бока, и другого доктора, который ему помогал, Смит преодолел борт кровати.

— Осторожно! Вставай! — командовал Нельсон. — Не надо бояться! Мы тебя подхватим, если упадешь.

Смит сделал усилие и попробовал стоять самостоятельно. Это был тощий молодой человек, со слабо развитой мускулатурой и непропорционально широкой и выпуклой грудной клеткой. Волосы ему остригли еще на «Победителе», усы сбрили и наложили на них запрет. Самой бросающейся в глаза чертой Смита было открытое детское лицо, на котором глубоко сидели глаза девяностолетнего старца.

Он постоял, не поддерживаемый никем, затем попробовал шагнуть. Ему удалось сделать три заплетающихся шага, и лицо его расплылось в солнечной детской улыбке.

— Молодчина! — зааплодировал Нельсон.

Смит попробовал сделать еще шаг, вздрогнул и неожиданно рухнул на пол. Врачи еле-еле успели подхватить его.

— Черт бы его побрал! — бушевал Нельсон. — Опять он в шоке! Ну-ка помогите уложить его в кровать! Хотя нет, сначала напустите в нее воду!

Фрейм отключил воду, лишь когда водонепроницаемая ткань поднялась до шести дюймов от края кровати. Они с трудом взвалили Смита на постель, так как он застыл в крайне неудобной позе человеческого эмбриона.

— Положите ему под шею подушку-валик, — распорядился Нельсон. — И зовите меня, если будет необходимость в моем присутствии. Сегодня днем мы снова с ним походим. Месяца через три он у нас будет прыгать по веткам не хуже обезьяны. Ничего с ним не случится!

— Хорошо, доктор, — отозвался Фрейм без особой уверенности в голосе.

— Ах, да... когда он выйдет из каталепсии, научите-ка его пользоваться гальюном. И пусть медбрат вам поможет, я не хочу, чтобы он снова падал.

— Хорошо, сэр... хм... а каким способом... я хочу сказать... как?

— Как? Да просто продемонстрируйте ему! В словах он еще слабо разбирается, но соображает не хуже партийного организатора в парламенте!

Смит съел свой ленч самостоятельно. В палату вошел санитар, чтобы забрать посуду. Санитар наклонился к Смицу.

— Слушай, — сказал он шепотом, — у меня к тебе выгодное дельце.

— Прошу прощения?

— Ну дело, понятно?! Чтобы хватануть изрядную денюгу, да к тому же без всяких хлопот.

— Денюгу? А что такое «деньга»?

— Ты мне тут философию не разводи! Деньги всем нужны. Буду говорить по-простому, мне тут долго отираться нельзя, знаешь, как трудно было добраться до тебя! Я представляю «Сногшибательные истории». Мы тебе дадим шестьдесят кусков за твой рассказ, а от тебя ничего не потребуем. У нас работают самые лучшие в мире писатели-«невидимки». Ты только ответишь на вопросы, а уж они обработают все, как надо. — Он вытащил бумагу. — Ты, давай, распишись вот здесь...

Смит принял бумагу и начал рассматривать ее вверх ногами. Санитар приглушенно вскрикнул:

— Да ты читать-то умеешь или нет?

Смит понял вполне достаточно, чтобы ответить «нет».

— Ладно, тогда я тебе прочту, ты приложишь отпечаток большого пальца вот в этом квадратике, и я же засвидетельствую. «Я, нижеподписавшийся Валентин Майкл Смит, известный под кличкой "Человек с Марса", сим подтверждаю, что передаю "Сногшибательным историям лимитед" все исключительные права на мою правдивую историю, которая будет именоваться "Я был пленником Марса", в обмен на..."»

— Санитар!!!

В дверях стоял доктор Фрейм. Бумажка тут же скрылась в кармане санитара.

— Иду, иду, сэр. Я собирал поднос...

— А что такое вы говорили вслух?

— Ничего.

— Я же слышал. Этого больного запрещается беспокоить.

Оба вышли. Доктор Фрейм тщательно закрыл дверь. Смит же неподвижно пролежал еще около часа, но, хоть и старался изо всех сил, все равно так ничего и не смог *грокк*.

Глава 4

Джиллиан Бордмен была опытной медсестрой, а мужчины — ее любимым хобби. В этот день она вышла на работу в качестве старшей сестры того этажа, где лежал Смит. Когда «сарафанное радио» разнесло слух, что пациент в боксе К-12 никогда в жизни не видал женщины, она этому просто не поверила. И решила нанести странному больному визит.

Ей, конечно, был известен запрет «Никаких посетителей женского пола», но она не относилась к посетителям, а потому гордо проследовала мимо охраняемой двери, даже не сделав попытки пройти в нее: морские пехотинцы славятся своим буквальным пониманием приказов. Вместо этого она вошла в соседнюю с боксом дежурную комнату.

Доктор Таддеус поднял на нее глаза.

— Да неужто это ты, Пышечка! Каким ветром тебя, милочка, сюда занесло?

— Совершаю обход. А как ваш пациент?

— Не беспокойся о нем, девочка, он ведь не по твоему ведомству. Загляни-ка в свой журнал назначений.

— Уже заглянула. Но мне хочется посмотреть на него хоть одним глазком.

— Отвечу одним словом: нет!

— О, Тад, ну нельзя же, в самом деле, быть таким законником!

Таддеус внимательно разглядывал свои ногти.

— Если я позволю тебе сделать внутрь этого бокса хоть один шаг, меня в ту же минуту вышвырнут в какую-нибудь захудалую Антарктиду. Мне бы очень не хотелось, чтобы доктор Нельсон застал тебя даже в этой дежурной комнате.

Она встала.

— А много шансов, что доктор Нельсон зайдет сюда?

— Он не придет, пока я его не позову. Отсыпается от усталости, вызванной долгим пребыванием в невесомости.

— Тогда зачем же ты разыгрываешь этого службиста?

— Разговор окончен, сестра.

— Слушаюсь, доктор. — И добавила: — Зануда чертов.

— Джилл!

— И воображала к тому же!

Он тяжело вздохнул.

— А как насчет субботнего вечера? Состоится?

Она пожала плечами.

— Почему же нет? В наши дни девушке не приходится быть разборчивой.

Джилл вернулась в свою каморку и взяла отмычку. Ее отбросили, но не разбили, так как бокс К-12 имел еще один выход из соседнего бокса, вернее, из той комнаты, которая служила гостиной, когда бокс занимала какая-нибудь большая шишка. Сегодня этот бокс пустовал. Она вошла в него. Охрана не обратила на Джилл внимания, не подозревая, что их уже обошли с фланга.

Джилл задержалась у двери между двумя боксами, ощущая тот трепет, который испытывала когда-то, удирая под вечер из общежития сестер-медичек. Потом открыла дверь и заглянула внутрь.

Больной лежал в постели; он поднял глаза как раз в тот момент, когда Джилл приоткрыла дверь. Первое впечатление было такое, что он так близок к смерти, что лечить его уже нет никакого смысла. Отсутствие какого бы то ни было выражения на лице, казалось,

говорило об апатии умирающего. Потом Джилл заметила его глаза, горевшие огнем неподдельного интереса. Она подумала, а не парализованы ли у него лицевые мышцы?

И тут же вошла в свою обычную роль медсестры.

— Ну и как же мы себя чувствуем сегодня? Получше?

Смит в уме перевел оба вопроса. Включение их обоих в одно предложение отчасти сбивало его. Он решил, что вся фраза символизирует намерение лелеять и сближаться. Вторая же часть ее напоминала манеру разговора доктора Нельсона.

— Да, — сказал он.

— Превосходно! — Кроме отсутствующего выражения лица Джилл не заметила в нем ничего странного... а если женщины ему неизвестны, то он это весьма успешно скрывает.

— Я могу вам быть чем-нибудь полезна? — Она увидела, что на тумбочке нет стакана. — Можно мне предложить вам воды?

Смит заметил, что это существо не похоже на других. Он сравнил ее с картинками, которые ему показывал доктор Нельсон на пути из Дома к этому месту... Картинки, видимо, должны объяснять странную конфигурацию одной из человеческих групп. Следовательно — это «женщина».

Смит почувствовал себя одновременно и взволнованным, и разочарованным. Напряжением воли он подавил оба чувства, с тем, чтобы *грокк* поглубже, и проделал это столь успешно, что доктор Таddeус не заметил на шкалах своих приборов никаких изменений.

Но когда он перевел последний вопрос, он почувствовал такой эмоциональный подъем, что чуть не допустил резкое ускорение пульса. Он вовремя спохватился и сделал себе выговор, какой делают юному согнездику, нарушившему дисциплину. Потом еще раз проверил правильность своего перевода.

Нет, он не ошибся! Это женское создание предлагает ему воду! Оно хочет сближения!

С огромными усилиями отыскав адекватное словарное значение, он умудрился сложить ответ, звучащий с приличествующей случаю торжественностью:

— Благодарю тебя за воду. И да не испытаеть ты никогда жажды.

Сестра Бордмен поразились.

— Господи, как это мило!

Она нашла стакан, наполнила его и подала больному.

Он сказал:

— Пей ты.

«Интересно, не думает ли он, что я хочу его отравить?» — спросила она себя, но в тоне его просьбы было что-то неотразимое. Она отпила глоток, потом глоток сделал он, после чего откинулся на подушки с таким видом, будто совершил нечто очень важное.

Джилл сказала себе, что это приключение можно расценить как полную неудачу.

— Что ж, если вам ничего больше не нужно, я пойду заниматься своими делами. — И двинулась к дверям.

Он воскликнул:

— Нет!

Джилл остановилась.

— Что?

— Не уходи.

— Но мне и вправду надо бежать. — Она вернулась к постели. — Вы что-нибудь хотите?

Он осмотрел ее с ног до головы.

— Ты... женщина?

Вопрос совершенно ошеломил Джилл Бордмен. Ее первым импульсом было отделаться какой-нибудь шуточкой. Однако серьезное лицо Смита и его странные тревожащие глаза остановили ее. Джилл вдруг поняла, что самое невероятное в этом пациенте подтвердилось, — он действительно никогда не видел женщин. Она ответила, четко выговаривая слова:

— Да, я — женщина.

Смит продолжал рассматривать ее. Джилл вдруг почувствовала себя крайне неловко. Она привыкла, что мужчины заглядываются на нее. Но ведь совсем другое дело, когда тебя рассматривают, как под микроскопом. Затянувшееся молчание она прервала вопросом:

— И что же? Я похожа на женщину, не так ли?

— Не знаю, — медленно выговорил Смит. — А как выглядит женщина? И что делает тебя женщиной?

— Ну и вопросик! — Честно говоря, подобных разговоров Джилл не приходилось вести с мужчинами лет этак с двенадцати. — Уж не хотите ли вы, чтобы я разделась и показала вам?

Смиту понадобилось время, чтобы рассмотреть эти символы и постараться перевести их. Первую группу он не *грокк* совсем. Возможно, это были символы вежливости, к которым часто прибегают люди... А тем не менее они были произнесены так энергично, как будто знаменовали последнее сообщение перед отключением. Вполне вероятно, что он повел себя глубоко неправильно по отношению к этому женскому существу, и она оказалась почти на грани телесной смерти.

Он, однако, совсем не хотел, чтобы она сейчас умерла, хотя это было ее право, а может быть, и обязанность. Этот резкий переход от водного ритуала к ситуации, когда только что обретенный брат по воде внезапно стремится к разрыву общения или даже к телесной смерти, мог бы повергнуть Смита в панику, если бы он сознательно не подавил ее. Он только решил, что, если оно умрет, ему придется тут же последовать за ним... Он не мог совершить ничего мудрее... раз они разделили воду.

Вторая часть вопроса содержала символы, с которыми он не встречался, но он с некоторой долей неопределенности все же *грокк* намерение; ему представилось, что кризиса можно избежать, если он согласится с высказанным пожеланием. Возможно, если эта женщина снимет свои одежды, никому из них не придется покинуть телесную оболочку. Он ласково улыбнулся:

— Пожалуйста!

Джилл открыла рот. Потом закрыла его. Потом опять открыла.

— Вот это да, будь я неладна!

Смит *грокк* эмоциональное возмущение и понял, что его реплика была ошибкой. Он начал уже подготавливать свой мозг к быстрой смерти, с нежностью вспоминая и лаская мысли о том, где был и что видел, и особенно об этой женщине. И вдруг осознал, что она наклонилась к нему, и тут же понял, что женщина вовсе не собирается умирать.

Она смотрела ему прямо в глаза.

— Вы меня поправьте, если я ошиблась, — сказала она, — но мне показалось, будто вы хотите, чтобы я разделась?

Инверсии и абстракции требуют очень точного перевода, но Смит с ними справился.

— Да, — ответил он, надеясь, что ответ не приведет к новому кризису.

— Вот и мне показалось, будто вы так намекнули. Значит, братик, ты вовсе не так уж и болен.

Слово «братик» он рассмотрел первым. Женщина напомнила ему, что они братья по воде. Он запросил помощи своих согнездников, чтобы определить, чего же собственно хочет новый брат.

— Я не болен, — согласился он.

— И хотя, будь я проклята, если знаю, что с вами такое, однако разоблачаться все же не стану. Мне вообще давным-давно пора бежать. — Женщина выпрямилась и шагнула к двери, потом остановилась и оглянулась на Смита с легкой улыбкой. — Но вы можете попросить меня о том же в другой раз, только чуть понастойчивее и, разумеется, при других обстоятельствах. Мне самой интересно, как я тогда поступлю.

Женщина ушла. Смит расслабился и позволил комнате уйти из своего сознания. Он был чрезвычайно доволен тем, что вел себя так, что никому из них не пришлось умереть... Но тут еще было многое, о чем следовало *грокк*. Последние слова женщины содержали символы совершенно непереводимые и еще другие, которые ему были знакомы, но помещены в такие сочетания, что понять их было трудно. И все же он ощущал случившееся как свою маленькую победу. У него хватило сообразительности повести дело так, что никому из них не пришлось умирать во плоти.

Смит был очень доволен, что нашел тон, подходивший для общения между братьями по воде, хотя и окрашенный примесью беспокойства и чего-то еще несказанно приятного. Это напомнило тот случай, когда ему было дозволено впервые присутствовать при добровольной смерти во плоти; тогда он тоже почувствовал себя почему-то очень счастливым.

Смиту хотелось, чтобы его брат, доктор Махмуд, оказался рядом. Так много было того, о чем надо было

как следует *грокк*, но он совершенно не представлял, откуда надо начинать *грокк*.

Весь остаток дежурства Джилл провела в каком-то тумане. Перед ней стояло лицо «Человека с Марса», а в ушах все еще звучали странные фразы, которые он произнес. Нет, конечно, он не псих, — она проходила практику в психиатрических больницах и была совершенно уверена, что в его словах не было даже крошечной примеси безумия. Она было решила, что более подходящим термином была бы «детскость», но тут же поняла, что это слово тоже не очень точно передает смысл. Слова были невинны, а глаза — нет. Почему у него такое лицо?

Когда-то ей случилось немного поработать в католическом госпитале. Перед ее глазами снова встало лицо «Человека с Марса» в пышных складках чепца сестры-монашки. Это видение смутило Джилл — в лице Смита не было ничего женственного.

Джилл уже переодевалась перед уходом, когда в раздевалку просунула голову другая сестра.

— Тебе звонят, Джилл.

Джилл, продолжая одеваться, включила видеофон — только звук без изображения.

— Это Флоренс Найтингейл *? — спросил приятный баритон.

— Лично. А это ты, Бен?

— Непокколебимый защитник свободы прессы в его лице. Малышка, ты занята?

— А что ты предлагаешь?

— Я предлагаю купить тебе бифштекс, накачать тебя спиртным и задать вопрос.

— Ответ на него будет тот же, что и всегда — нет.

— Да вовсе не этот вопрос!

— Ах, так у тебя значит есть и другие? Выкладывай.

— Попозже. Мне сначала надо привести тебя в соответствующее расположение духа.

* Знаменитая английская сестра милосердия и борец за права женщин (1820—1910 гг.).

— А бифштекс будет настоящий? Не синтетик?
— Гарантия! Ты тычешь в него вилкой, а он мычит.
— У тебя что — открытый счет в банке?
— Вопрос излишний и не деликатный. Ну так как?
— Уговорил.
— Стало быть, на крыше медицинского центра. Через десять минут.

Джилл повесила только что надетый костюм обратно в свой гардеробный шкафчик и оделась в платье, которое хранила тут же на непредвиденный случай. Платье было скромное, почти не просвечивающее, с турнюрком и накладной грудью, правда нужными лишь для воссоздания того эффекта, который Джилл произвела бы и так, будь под платьем лишь голое тело. Она удовлетворенно посмотрелась в зеркало и села в скоростной лифт, поднявший ее на крышу.

Она уже начала искать глазами Бена Какстона, когда дежурный по крыше тронул ее за руку.

— Машина вас ждет, мисс Бордмен. Вон тот «Талбот».

— Спасибо, Джек.

Джилл увидела такси, уже готовое к отлету; даже дверца была приоткрыта. Джилл забралась в салон, готовясь подпустить Бену заранее подготовленную шпильку, но вдруг обнаружила, что Бена в машине нет. Это было такси-автомат. Его дверца захлопнулась, машина взлетела в воздух, сделала полукруг и скользнула над Потомаком. На плоской крыше Александрии машина приземлилась, и тут в нее сел Какстон. Затем такси взлетело снова. Джилл внимательно оглядела своего спутника с ног до головы.

— Ух ты, какой важный! С каких пор ты посылаешь такси-автоматы за своими дамами?

Он похлопал ее по коленке и мягко ответил:

— Есть причина, малышка. Не надо, чтобы видели, как я встречаюсь с тобой.

— Нет, какое нахальство!..

— Точнее, тебе не следует встречаться со мной. Поэтому перестань ерошить перышки — так было надо.

— Хм... Так кто же из нас прокаженный?

— Оба. Джилл, я — журналист...

— А я уж начала было думать, что ты — нечто совсем другое...

— А ты — медсестра в той больнице, где лежит «Человек с Марса».

— И что же? Это причина, чтобы не быть представленной вашей матушке?

— Не сечешь, Джилл? Вблизи центра ошивается не менее тысячи репортеров, плюс пресс-агенты, ловцы новостей и слухов, обозреватели стереовидения, будущие газетные знаменитости, а также всякая шушера, налетевшая сюда в связи с возвращением «Победителя». Каждый из них горит желанием взять интервью у «Человека с Марса» и... никому пока это не удалось. Разве хорошо, если бы нас увидели выходящими из больницы вдвоем?

— Не понимаю, какое кому до этого дело. Я же не «Человек с Марса».

Он взглянул на нее.

— Ты-то, конечно, нет. Но ты должна помочь мне с ним увидеться. Вот почему я не встретил тебя на крыше.

— Что?! Ты, Бен, должно быть, перегрелся на солнце без шляпы! У его бокса наряд морских пехотинцев!

— Знаю. Мы сейчас это обговорим.

— Тут и обговаривать нечего!

— Ладно, не сейчас. Попозже, когда поужинаем.

— Наконец-то ты заговорил о деле. Твой счет выдержит «Нью Мейфлауэр»? Кстати, у тебя действительно открытый счет?

Какстон нахмурился.

— Джилл, я не могу рискнуть появиться с тобой в ресторане, ближе чем в Луисвилле. На этой развалюхе, чтобы добраться туда, надо не меньше двух часов. Как насчет ужина в моей квартире?

— ...«сказал пауку мошке». Бен, я слишком устала сегодня, чтобы отбиваться от твоих приставаний.

— А никто тебя и не заставит отбиваться. Я буду как рыцарь без страха и упрека. Умереть мне на этом самом месте, если не так!

— Ну это уж, пожалуй, тоже слишком. Однако если мне гарантируют безопасность, рискну. Поехали, рыцарь.

Какстон нажимал какие-то кнопки. Такси, делавшее круги согласно команде «ждать», пробудилось к жизни

и полетело к огромному дому гостиничного типа, где снимал квартиру Бен. Он нажал кнопку телефонного вызова и спросил у Джилл:

— Сколько тебе нужно времени, чтобы напиться, многоножка? Скажи, и я отдам распоряжение на кухню, когда подавать бифштексы.

Джилл серьезно обдумала его слова.

— Бен, в твоей мышеловке есть что-то вроде кухоньки?

— Что-то в этом роде есть. Я иногда жарю там бифштексы.

— Сегодня бифштексы жарю я. Дай-ка мне телефон.

Она отдала распоряжения, остановившись только для того, чтобы узнать, любит ли Бен салат из эндивия*.

Такси приземлилось на крыше здания, и они на лифте спустились в квартиру Бена. Обстановка была весьма старомодной, единственная роскошь — зеленый травяной газончик в гостиной. Джилл встала как вкопанная, потом сбросила туфли, босиком кинулась в гостиную и спрятала ноги среди прохладных стеблей травы.

— Боже, как прекрасно! Мои ножки болят с тех самых пор, как я начала работать!

— Садись.

— Нет, я хочу, чтобы мои пальчики помнили это ощущение и завтра.

— Действуй, как знаешь!

Бен ушел в буфетную смешивать коктейли. Джилл вскоре присоединилась к нему, все больше чувствуя себя как дома. Бифштексы уже лежали в кухонном подъемнике, там же находился и поджаренный картофель. Она смешала салат, сунула его в холодильник, набрала на таймере печки комбинацию для жарки бифштексов и разогрева картофеля, но включать не стала.

— Бен, у этой печки есть дистанционное управление?

Он взглянул на пульт, повернул выключатель.

— Интересно, Джилл, что бы ты делала, если бы тебе пришлось готовить на костре?

— Прекрасно бы справилась. Я же в скаутах была. А вот ты бы что делал, хитрюга?

* Цикорий. Листья используются для приготовления салата.

Они вернулись в гостиную. Джилл села на корточки, и оба погрузились в дегустацию картины. Как раз напротив Бена находился ящик стереовизора, оформленный под аквариум. Бен включил его, гуппи и тетры уступили место физиономии знаменитого Огастуса Гривса.

«...из авторитетных источников известно, — говорило изображение, — что "Человека с Марса" держат под воздействием наркотиков, чтобы помешать обнародованию этих фактов. Администрация считает это исключительно...»

Бен выключил «ящик».

— Гас, старый дружище, — сказал он ласково, — и ни черта-то ты не знаешь, во всяком случае не больше, чем я. — Он нахмурился. — Хотя насчет наркотиков и правительства, может, ты и прав.

— Нет, и тут он не прав, — неожиданно для себя сказала Джилл.

— Что? А откуда это тебе известно, малышка?

— «Человеку с Марса» не дают наркотиков! — Уже сказав больше, чем намеревалась, Джилл все же добавила еще: — В соседней с боксом комнате сидит врач, но распоряжения о применении успокоительных лекарств ему не давали.

— Ты в этом уверена? Уж не входишь ли ты в число тех сестер, что ухаживают за ним?

— Нет... хм... уж если говорить правду, то есть приказ держать от него женщин подальше; за выполнением этого приказа присматривает наряд здоровенных морских пехотинцев.

Какстон кивнул.

— И я так слыхал. Но все дело в том, что ты не можешь знать, дают ему наркотики или нет.

Джилл прикусила губу. Чтобы доказать свою правоту, ей придется выдать себя.

— Бен, ты меня не продашь?

— Как это?

— Ну... вообще.

— Хм... Хотя это звучит слишком уж общо, но я, пожалуй, готов дать гарантию.

— Ладно. Налей-ка мне еще.

Он наполнил ее стакан, и Джилл продолжала:

— Я знаю, что они не посадили «Человека с Марса» на иглу, потому что разговаривала с ним.

Какстон присвистнул.

— Так я и знал! Когда я сегодня проснулся, то сказал себе: «Надо повидаться с Джилл — она козырной туз в моем рукаве». Лапочка, выпей еще капельку. Вот тебе полный шейкер.

— Ну-ну, не так быстро!

— Да как тебе будет уютно! А может, мне помассировать ваши бедные ножки? Леди, приготовьтесь, я сейчас буду брать у вас интервью... Как...

— Нет, Бен! Ты же мне обещал! Если ты меня назовешь, я тут же потеряю работу.

— Мм... ну а если мы скажем «из надежных источников»?

— Нет, я все равно боюсь.

— Значит, ты хочешь, чтобы я тут помер от неудовлетворенного любопытства, а ты съела бы мои бифштексы?

— Да нет, тебе я расскажу. Но использовать это ты не сможешь.

Бен промолчал. Джилл рассказала, как она обошла охрану бокса с фланга.

Тут Бен прервал ее.

— Послушай, а ты не смогла бы сделать это еще раз?

— Что? Думаю, смогла бы, но не хочу. Уж очень рискованно.

— Ладно, а как насчет того, чтобы провести меня этим путем? Я оденусь электриком — комбинезон, значок союза, сумка с инструментами... Ты дашь мне ключ...

— Ни в коем случае!

— А? Слушай, девочка, ну будь же благоразумна. Это самая большая сенсация с тех пор, как Колумб обманом принудил Изабеллу загнать свои драгоценности! Единственное, что меня беспокоит, так это встреча с настоящим монтером...

— А меня беспокоит совсем другое, — прервала его Джилл. — Для тебя это просто сенсационная история, а для меня — карьера. Они отберут у меня мою шапочку, мой значок и вынесут меня из города на шесте.

— Ммм... что ж, пожалуй.

— Не «пожалуй», а так оно и будет.

— Леди, а если бы вам предложили взятку?

— Большую? Это, знаешь ли, должна быть немалая сумма, чтобы поддержать мой привычный уровень жизни где-нибудь в Рио до конца моих дней.

— Вряд ли ты можешь ожидать, что я переплюну «Ассошиэтед Пресс» или «Рейтер». Как насчет сотни долларов?

— Да за кого вы меня принимаете?

— Насчет этого мы уже договорились. Сейчас речь идет только о сумме. Сто пятьдесят?

— Лучше дай мне телефон «Ассошиэтед Пресс», будь так добр.

— Капитолий, 10-9000. Джилл, пойдешь за меня замуж? Большого я дать тебе не могу.

Она несказанно удивилась.

— Что ты сказал?

— Пойдешь за меня? Тогда, если тебя вынесут из города на шесте, я буду ждать тебя на городской границе и вытяну из этой ужасной истории. Ты вернешься сюда, охладишь свои бедные пальчики в моей прохладной траве — *нашей траве* — и забудешь о своем позоре. Однако сначала тебе придется помочь мне проникнуть в эту чертову палату.

— Бен, можно подумать, что ты говоришь всерьез? Не позвать ли сюда Честного Свидетеля, чтобы ты повторил все при нем?

Какстон вздохнул.

— Зови своего Свидетеля.

Джилл вскочила на ноги.

— Бен, — сказала она тихо, — я не стану ловить тебя на слове. — Она чмокнула его. — Но никогда не шути на тему о браке со старыми девами.

— Я и не шутил.

— Вот даже как! Вытри-ка лучше помаду с губ, и я расскажу тебе все, что знаю сама, а потом мы подумаем, как тебе это использовать, с тем чтобы меня не вынесли на шесте. Идет?

— Еще бы!

Джилл подробно рассказала обо всем, чему была свидетелем.

— Я уверена, что он не на игле. И еще больше уверена в том, что он в здравом уме, хотя говорил он странно и задавал чертовски нелепые вопросы.

— Я думаю, было бы еще удивительнее, ели бы он не задавал странных вопросов.

— Что ты имеешь в виду?

— Джилл, мы мало знаем о Марсе, но нам определенно известно, что марсиане не гуманоиды. Предположим, что ты родилась среди племени дикарей, живущих в далеких джунглях и не имеющих даже понятия, что такое туфли. Так что бы ты могла понять из светской болтовни людей нашей культуры? Но даже и эта аналогия в высшей степени приблизительна. До истины ей еще идти и идти этак миллионов сорок миль.

Джилл кивнула.

— И я так подумала. Вот почему я не обиделась на его странное предложение. Не совсем же я дурочка.

— Нет, для женщины ты соображаешь не так уж туго.

— Ты что, хочешь, чтобы я вылила тебе на голову коктейль?

— Извини. Женщины куда сообразительнее мужчин, что и доказывается нашей ситуацией. Дай-ка твой стакан, я налью.

Джилл приняла эти слова как знак искреннего раскаяния и продолжала:

— Бен, а ведь этот приказ насчет недопущения женщин звучит глуповато! Смит вовсе не сексуальный маньяк.

— Ну можно предположить, что его хотят избавить от слишком сильных впечатлений, выпавших на его долю за такое короткое время.

— Нет, он ничуть не выглядел шокированным. Так... скорее уж заинтересованным. Смотрел на меня совсем не так, как обычно смотрят мужчины.

— Ну если бы ты согласилась на его просьбу, то, возможно, у тебя с ним было бы хлопот полон рот.

— Не думаю. Можно предположить, что ему известно о существовании мужчин и женщин и ему просто хотелось знать, чем же отличаются женщины.

— Да здравствуют отличия! — с энтузиазмом подхватил Бен.

— Не надо быть таким вульгарным.

— Мне? Да я благоговею! Возношу благодарственные молитвы, что не родился ни женщиной, ни марсианином.

— Послушай, ты можешь быть серьезным?

— Никогда не был более серьезен, чем сейчас.

— Тогда помолчи. Нет, с ним неприятностей не было бы. Ты же не видел его лица, а я видела.

— А какое у него лицо?

Джилл растерялась.

— Бен, ты когда-нибудь видел ангела?

— Только тебя, мой херувим. И никого больше.

— Ну и я тоже... но выглядит он именно так. У него мудрые старческие глаза на совершенно спокойном лице, на котором лежит отпечаток какой-то неземной непорочности. — Джилл даже вздрогнула.

— Неземной — уж это точно, — медленно сказал Бен. — Слушай, мне необходимо его увидеть.

— Бен, а почему его заперли? Он же и мухи не обидит.

Какстон сложил пальцы домиком.

— Ну, знаешь, они просто оберегают его. Он вырос в условиях силы тяжести Марса. Так что наверняка слаб, как котенок.

— Но ведь слабость мышц не опасна. *Myasthenia gravis** куда хуже, но мы научились с ней отлично справляться.

— Еще они, очевидно, боятся, что он подхватит тут какую-нибудь дрянь. Он же наверняка вроде тех экспериментальных зверюшек, что на Нотр-Дам**. Ему ведь незнакомы человеческие болезни.

— Конечно, конечно — никаких антител. Но я краем уха слышала в ординаторской, что доктор Нельсон — судовой врач «Победителя» — позаботился об этом на обратном пути к Земле. Несколько переливаний крови, так что у Смита половина крови заменена.

— Могу я это использовать, Джилл? Это ведь сенсация.

— Хорошо, но без ссылок на меня. Кроме того, ему сделали прививки от всего, кроме разве что «колена

* Миастения, вызванная длительным пребыванием в невесомости.

** Гора в штате Индиана.

горничной». И еще, Бен, защита от инфекции вовсе не объясняет вооруженную охрану.

— Ммм... Джилл, я тут подхватил кое-какие отрывочные сведения, которых ты, конечно, не знаешь. Использовать их я не могу, так как должен оберегать свои источники. Но тебе расскажу, при условии, что ты — молчок!

— Договорились.

— История длинная. Налить?

— Нет, давай займемся бифштексами. Где кнопка?

— А вот она!

— Так нажми на нее.

— Я? Ты же обещала, что будешь жарить сама.

— Бен Какстон, я лучше тут лягу и умру с голода, чем встану, чтобы нажать на кнопку, до которой тебе ничего не стоит дотянуться.

— Как вам будет угодно. — Он нажал на кнопку. — И не забудь, кто из нас готовил ужин. Теперь о Валентайне Майкле Смите. Есть серьезные сомнения в его праве на фамилию Смит.

— Как?!

— Милая, твой приятель — первый в истории межкосмических сообщений бастард.

— Что за чертову чушь ты несешь!

— Никогда не забывай, что ты все же леди! Ты что-нибудь помнишь о «Посланце»? Четыре супружеских пары. Две из них — капитан Брант и миссис Брант, доктор Смит и миссис Смит. Твой дружок с лицом ангела — сын миссис Смит от капитана Бранта.

— Откуда они это взяли? И кому какое дело! Это же позор — раскапывать скандал, случившийся Бог знает сколько лет назад! Они же все умерли — и Бог с ними!

— Что касается того, откуда они это взяли, так, надо думать, вряд ли найдутся еще восемь человек, которые были бы так подробно изучены и обследованы, как эти. Пробы крови. Резус-фактор. Цвет глаз и волос. Всяческая генетическая информация... Ну обо всем этом ты знаешь больше меня. Совершенно очевидно, что Мери Джейн Лайл-Смит — мать, а Майкл Брант — отец. Это дает Смицу отличную наследственность: коэффициент интеллигентности у Бранта сто

шестьдесят три, у матери — сто семьдесят. Оба считались в своих областях знания самыми известными специалистами... Что же касается того, кому до этого дело, — продолжал Бен, — то очень даже многим, и их будет еще больше, если события и дальше будут так развиваться. Слыхала ли ты когда-нибудь о двигателе Лайл?

— Конечно. Это то, чем пользовался «Победитель».

— И чем вообще пользуется каждый космический корабль в наше время. А кто его изобрел?

— Не знаю... Подожди-ка! Неужели?..

— Леди, вы заработали себе на сигару! Доктор Мери Джейн Лайл-Смит. Она изобрела его еще до отлета, доводка делалась потом. Она подала заявку на принцип изобретения, получила патент и основала фонд. Заметь, не бесприбыльную некоммерческую корпорацию, а фонд, и передала временный контроль и распределение доходов «Сайенс Фаундейшн». Таким образом, контроль перешел в конечном счете к государству, но право собственности принадлежит теперь твоему приятелю. Стоит это все большие миллионы, даже сотни миллионов. Не знаю точно, сколько.

Сели ужинать. Какстон, чтобы не портить свою лужайку, пользовался столиками, спускавшимися с потолка. Свой он опустил возле стула, а другой, уменьшив по высоте до уровня японского, поставил прямо возле Джилл так, чтобы она могла продолжать сидеть на траве.

— Хорошо прожарился?

— Сногшибательно!

— Благодарю. И помни, кто из нас готовил ужин.

— Бен, — сказала Джилл, проглотив кусок, — а как же насчет того, что Смит... незаконный? Разве он может наследовать?

— А он вовсе не бастард. Доктор Мери Джейн работала в Беркли. Калифорнийские законы вообще не признают понятия бастардности. То же касается и капитана Бранта, поскольку Новая Зеландия — высокоцивилизованная страна. В родном же штате Уорда Смита ребенок, родившийся в законном браке, считается законнорожденным, а там хоть трава не расти! Итак,

Джилл, перед нами человек, являющийся законным ребенком трех родителей!

— Как? Нет, постой, Бен, быть того не может... Я, конечно, не юрист...

— Уж что не юрист, это точно. Юрист бы тут ничего странного не увидел. Смит законнорожденный со всех точек зрения и по любому законодательству, хотя фактически он бастард. Поэтому он законный наследник. Мало того что его мать очень богата, но и отцы — тоже весьма состоятельные люди. Брант вкладывал большую часть своего скандально большого жалования лунного пилота в «Лунар Энтерпрайз». Ты же знаешь, как подскочили эти акции в цене. Они и дивиденды выплачивают своими акциями. У Бранта был порок — он играл, но парень был удачлив, постоянно выигрывал и выигрыш тоже вкладывал в те же акции. Уорд Смит имел фамильное состояние. Майкл Смит — наследник обоих.

— Ого!

— Но это еще не все, девочка. Смит — единственный наследник всей команды.

— Это еще как?

— Все восемь подписали контракт «джентльменов удачи», который делал их наследниками друг друга и распространялся на их потомков. Документы были подготовлены тщательно, за образцы брались контракты XVI и XVII веков, так что оспорить их просто невозможно. Все они были большие ученые, и денег у них было немало. Кстати сказать, все имели акции «Лунар Энтерпрайз», не говоря уж об акциях Бранта. У Смита, таким образом, сейчас находится контрольный пакет... во всяком случае главный блок акций.

Джилл вспомнила детское лицо «Человека с Марса», сумевшего придумать такую трогательную церемонию водопития, и ощутила вдруг к нему острое чувство жалости.

Какстон продолжал:

— Хотелось бы мне заглянуть в бортовой журнал «Посланца». Его нашли, но я сильно сомневаюсь, что он будет опубликован.

— А почему, Бен?

— Неприглядная история. Я успел вытащить ее из своего информатора, пока он не протрезвел. Доктор Уорд Смит делал своей жене кесарево сечение, и она умерла прямо на операционном столе. То, что он сделал потом, говорит, что он знал правду. Тем же самым скальпелем он перерезал глотку капитану Бранту, а потом себе. Мне очень жаль, моя маленькая.

Джилл пожала плечами.

— Я — медсестра. Такие вещи на меня не действуют.

— Все ты врешь, но я тебя за это люблю. Сам я три года служил полицейским репортером, но так и не свыкся с подобными делами.

— Что же случилось с остальными?

— Если нам не удастся оторвать бюрократов от этого журнала, нам никогда не узнать остальное. Но я отношусь к числу тех сумасшедших газетчиков, которые считают, что публика должна знать все. Секретность порождает тиранию.

— Бен, а, может быть, было бы лучше, если бы он лишился этого наследства? Он какой-то... не от мира сего.

— Ты нашла очень хорошее слово! Да и деньги ему ни к чему. «Человек с Марса» без куса хлеба не останется. Любое правительство, тысячи университетов и учреждений будут считать за честь, если заполучат к себе Смита в качестве постоянного гостя.

— Лучше бы он отказался от богатства и забыл о нем.

— Ну это тоже не так-то просто! Джилл, ты помнишь знаменитое дело «Дженерал Атомикс» против Ларкина и других?

— Ты говоришь о «Решении Ларкина»? Я слышала об этом, как и все, в школе. Но что тут общего со Смитом?

— Подумай. Русские первыми послали корабль на Луну, но он там разбился. Соединенные Штаты и Канада послали свой. Он вернулся, но на Луне никого не оставил. Через некоторое время США и Содружество собрались послать новую экспедицию уже с целью основать колонию. Спонсором экспедиции была Федерация. Россия готовилась к тому же, но на свой страх и риск. «Дженерал Атомикс» решила обойти всех, запустив ракету с острова, арендованного у Эквадора. Их

люди оказались на Луне — счастливые и ужасно довольные собой, — когда корабль Федерации, а за ним и корабль русских прилетели туда.

И тогда «Дженерал Атомикс» — швейцарская компания, контролируемая американским капиталом, предъявила права на владение всей Луной. Федерация не могла выгнать их и сцапать Луну для себя. Русские бы этого не позволили. Поэтому Высший Суд Федерации постановил, что корпорация как юридическое лицо не может обладать планетой. Реальными собственниками могут быть только люди, участвовавшие в высадке и колонизации, то есть Ларкин и его товарищи. Их признали суверенной нацией и приняли в члены Федерации. Разумеется, «Дженерал Атомикс» и ее дочерней компании «Лунар Энтерпрайз» достались сочные куски — важные концессии. Решение Суда, в общем, никого не устраивало, но Высший Суд Федерации был тогда слабоват, так что всем пришлось удовлетвориться предложенным компромиссом. В дальнейшем были разработаны правила колонизации планет, которые опять-таки основывались на «Решении Ларкина» и имели целью предотвращение возникновения вооруженных конфликтов. Цель эта была достигнута — третья мировая война возникла не из-за противоречий, связанных с космическими полетами, и так далее. В связи с этим «Решение Ларкина» является теперь законом и вполне применимо к Смигу.

Джилл покачала головой.

— Не вижу связи...

— А ты еще раз подумай. По нашим законам Смит — суверенная нация и собственник планеты Марс.

Глава 5

Джилл глядела круглыми от изумления глазами.

— Слишком много мартини, Бен. Мне показалось, будто ты сказал, что наш пациент — владелец Марса?

— Именно так. Он находился на нем положенное по закону время. Смит — это планета Марс. Он ее президент, ее король, ее парламент, ее... что хочешь. Если бы «Победитель» не оставил на Марсе колонистов, «заявку» Смита можно было бы считать истекшей с момента его возвращения на Землю, но колонисты там остались, значит колонизация продолжается, хотя Смит и вернулся. Смит с ними делиться не обязан. Они являются просто иммигрантами до тех пор, пока он не дарует им гражданство.

— Фантастика!

— Но юридически законная. Детка, теперь ты понимаешь, почему в Смите так заинтересованы? И почему Администрация заперла его на замок? То, что она делает — противозаконно. Смит одновременно гражданин США и Федерации, а содержать гражданина, даже преступника, *incommunicado* * где-либо на территории Федерации — серьезнейшее преступление. Точ-

* Лишение права переписки и общения, заточение в тюрьму

но так же на протяжении всей истории считалось предосудительным заключать под стражу приехавшего с визитом монарха (а Смит как раз таковым и является), лишив его возможности общаться с людьми, особенно с прессой, то есть, в данном случае, лично со мной. Ну так как, ты все еще отказываешься провести меня туда?

— Что? Ты меня, глупый, просто запугал. Бен, а если они меня поймут, что со мной можно сделать?

— Ммм... да ничего особенного. Запрут тебя в подвал с обитыми войлоком стенами, сделают это на основании заявления, подписанного тремя врачами, и будешь ты слать оттуда по одной записочке в два високосных года. Меня больше интересует, как они с ним поступят.

— А что они могут?

— Ну, например, он может помереть, скажем, от последствий изменения силы тяжести.

— Ты хочешь сказать, что они могут убить его?

— Ну-ну, не следует прибегать к такой грубой терминологии. Во-первых, он настоящий кладезь информации. Во-вторых, он мост между нами и единственной известной нам пока негуманоидной цивилизацией. Ты классику-то помнишь? Читала когда-нибудь «Войну миров» Г. Дж. Уэллса?

— Давным-давно, еще в школе.

— Предположим, марсиане окажутся коварны. Это вполне возможно, и мы в таком случае не будем даже знать, как тяжела та дубина, которой они на нас замахнулись. Смит мог бы стать посредником, благодаря которому первая межпланетная война не состоится. Если даже такой шанс и маловероятен, Администрация не может его полностью игнорировать. Открытие жизни на Марсе — такая штука, которая в состоянии оказать влияние на всю политическую линию Администрации.

— Значит, ты полагаешь, что он в безопасности?

— На какое-то время. Генеральный секретарь должен все взвесить. Как ты знаешь, его Администрация не очень-то устойчива.

— Я политикой не интересуюсь.

— А надо бы. Она не менее важна, чем твое собственное сердцебиение.

— А мне и на него наплевать.

— Не болтай, когда я произношу речь! Лоскутное большинство, возглавляемое Дугласом, может развалиться когда угодно — Пакистан, например, спит и видит, как бы ему сбежать, — он путается даже простого шороха. За этим последует вотум недоверия, и мистер Генеральный секретарь Дуглас вернется к своему бывшему положению мелкого адвокатишки. «Человек с Марса» может легко спасти его, а может столь же легко и погубить. Ну так как — проведешь меня?

— Нет, я собираюсь уйти в монастырь. Кофе еще есть?

— Сейчас взгляну.

Джилл встала, потянулась и сказала:

— О мои бедные старые косточки! Не думай о кофе, Бен. У меня завтра тяжелый день. Отвези меня домой, хорошо? Или отправь туда, если так безопаснее.

— О'кей, хотя время еще детское. — Он ушел в спальню и вернулся, держа в руке какую-то штучку, размером с маленькую зажигалку. — Так ты проведешь меня?

— Послушай, Бен, я очень хотела бы, но...

— Неважно. Это действительно опасно и не только для твоей карьеры. — Он показал коробочку. — «Жучка» у него поставишь?

— А? Что это такое?

— Самый ценный подарок для шпионов со времен Микки Фина. Микродиктофон. Проволоку крутит тончайшая пружинка, которую при работе нельзя обнаружить с помощью самых совершенных детекторов. Все детали упакованы в футляр из пластмассы, столь прочной, что машинку можно швырять из такси на камни мостовой. Что касается энергии, то ее радиоактивность меньше, чем у стрелок часового циферблата, а защита от нее гораздо надежнее. Проволоки хватает на двадцать четыре часа работы. Потом кассета вынимается вместе с пружинкой, и вставляется новая; пружинка — часть кассеты.

— Она взрывается?

— Можешь запечь ее в пироге.

— Бен, ты так меня запутал, что я боюсь заходить к нему в палату.

— Но в соседнюю с боксом комнату зайти сможешь, а?

— Думаю, да.

— У этой машинки уши чуткие, как у осла. Прилепи ее вогнутой стороной к стенке, можно скотчем, нажми на спуск, и она услышит все, что происходит за стеной.

— Но меня заметят, если я буду все время шастать туда и обратно. Бен, его палата имеет общую стену с палатой, которая выходит в другой коридор. Подойдет?

— Еще как! Значит сделаешь?

— Хм... ладно, давай. Я подумаю.

Какстон тщательно обтер машинку своим носовым платком.

— Надень перчатки.

— Зачем еще?

— За обладание этой игрушкой можно получить отдых за решеткой. Значит, будешь пользоваться перчатками и постарайся с этой штукой не попадаться.

— Всегда ты скажешь нечто воодушевляющее.

— Хочешь выйти из игры?

— Нет.

— Умница! — Свет мигнул, Бен взглянул вверх. — Должно быть, твое такси. Я позвонил, когда ходил за этой игрушкой.

— О! Поищи-ка мои туфли, ладно? И не выходи на крышу. Чем меньше меня будут видеть с тобой, тем лучше.

— Как прикажешь.

Когда Бен, надев ей туфли, встал с колен, она обхватила его лицо ладонями и поцеловала.

— Милый Бен, я знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет, особенно теперь, когда мне известно, что ты уголовник; правда, ты все же недурной повар, при условии, что комбинации на таймере буду набирать я. Так что, может быть, я и выйду за тебя замуж, если когда-нибудь снова заманю в ситуацию, в которой ты склонен делать предложения.

— Предложение не отменяется.

— Разве гангстеры женятся на своих девках? Или они называют их «телками»? — И Джилл убежала.

«Жучка» Джилл поставила легко. Больной в палате, расположенной в другом коридоре, был предписан постельный режим. Джилл частенько забежала побеседовать с ней. Продолжая болтать о том, как плохо санитарки вытирают пыль в палатах, она приложила машинку к внутренней стенке встроенного шкафа.

Сменить новую кассету на следующий день было тоже нетрудно: больная спала. Она проснулась, когда Джилл все еще стояла на стуле. Джилл отвлекла внимание пациентки, отпустив какую-то соленую шуточку по поводу взаимоотношений персонала.

Потом отправила первую кассету почтой, так как это показалось ей надежнее уловок из трагедий «плаща и кинжала». Но при попытке сменить вторую кассету она чуть не попалась. Выждав момент, когда больная заснет, она залезла было на стул, как та проснулась.

— О, хелло, мисс Бордмен!

Джилл окаменела.

— Хелло, миссис Фритчли, — удалось ей выдать из себя. — Хорошо вздремнули?

— Так себе, — ответила женщина недовольно. — Спина болит.

— Сейчас помассирую.

— Не поможет. А почему вы всегда роетесь в моем шкафу? Что-то не так?

Джилл с трудом контролировала свой взбудораженный желудок.

— Там мыши, — ответила она.

— Мыши!!! Я немедленно потребую перевода в другую палату!

Джилл отцепила машинку от стены, спрятала в карман и соскочила на пол.

— Нет-нет, миссис Фритчли, я только взглянула, нет ли там норки, и ее там, конечно, не оказалось.

— Вы уверены?

— Абсолютно. А теперь давайте помассируем спину. Расслабьтесь.

Тогда Джилл решила воспользоваться пустой комнатой, бывшей частью бокса К-12, то есть частью бокса «Человека с Марса». Она захватила отмычку... и только для того, чтобы найти комнату незакрытой и занятой двумя морскими пехотинцами. Численность охраны была удвоена. Один из караульных взглянул на нее, когда дверь открылась.

— Кого-нибудь ищите?

— Нет. Не садитесь на кровать, мальчики, — сказала она сухо, — если вам нужны стулья, скажите, и я пришлю.

Охранник неохотно встал. Джилл вышла, стараясь скрыть сотрясавшую ее дрожь.

«Жучок» все еще лежал в ее кармане, когда она закончила дежурить. Джилл решила немедленно вернуть машинку. Когда она оказалась в воздухе и направилась к жилищу Бена, ей сразу стало легче. Она позвонила Бену прямо из такси.

— Какстон слушает.

— Говорит Джилл. Бен, я должна тебя увидеть.

Он раздельно сказал:

— Не считаю это разумным.

— Бен, мне надо. Я уже еду.

— Что ж, о'кей, раз надо, значит надо.

— Сколько энтузиазма!

— Слушай, девочка, это не...

— Пока!

Она отключилась, успокоилась и решила не держать зла на Бена. Они играли в игру, в которой оба были сопливыми новичками. Во всяком случае, она... Нечего было ей соваться в политику.

Когда Джилл оказалась в объятиях Бена, ей тут же полегчало. Бен был такой славный, может, она когда-нибудь и в самом деле пойдет за него замуж. Она начала что-то говорить, но он тут же прикрыл ей рот ладонью и шепнул:

— Помолчи. Нас могут подслушивать.

Джилл кивнула, достала диктофон и отдала его Бену. Брови у него поднялись, но он промолчал. Вместо ответа сунул ей в руку дневной выпуск «Пост».

— Газеты видела? Почитай, пока я умоюсь.

Он указал ей столбец и вышел, унося диктофон. Колонка принадлежала перу Бена.

Бен Какстон

ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО

Всем известно, что тюрьмы и больницы имеют нечто общее: выйти оттуда нелегко. В каком-то смысле заключенный даже менее изолирован, чем больной. Заключенный может вызвать своего адвоката, может потребовать прихода Честного Свидетеля, прибегнуть к habeas corpus *, может, наконец, обратиться к начальнику тюрьмы с просьбой об открытом процессе.

Но нужна лишь табличка «ВИЗИТЫ ЗАПРЕЩЕНЫ», повешенная по приказу знахаря, — то есть члена загадочного клана врачей, — чтобы подвергнуть человека заключению более строгому, чем то, в котором пребывал знаменитый узник «Железная Маска».

Конечно, ближайших родственников это не касается, но «Человек с Марса, по-видимому, таковых не имеет. Команда незадачливого «Посланца» тоже почти не оставила каких-либо родственных связей на Земле. Если человек в железной маске, извините, я имел в виду «Человека с Марса», и имеет какого-нибудь родича, охраняющего его интересы, то нескольким тысячам репортеров отыскать такого не удалось.

Кто представляет интересы «Человека с Марса»? Кто выставил вооруженный караул у его дверей? Что за страшную болезнь он подхватил, так что никто не может даже взглянуть на него, а уж тем более задать ему вопрос? Я спрашиваю Вас, мистер Генеральный секретарь! Объяснения насчет «физической слабости» или «утомления от перегрузок» не стоят и ломаного гроша. Если бы в действительности ответ был таков, то нужна была бы только медсестра весом в девяносто фунтов, а не здоровенные вооруженные стражи.

А может быть, болезнь носит финансовый характер или (скажем мягче) политический?..

Ну и дальше в том же духе. Джилл понимала, что Бен ловит Администрацию на наживку, пытаясь заста-

* Судебный приказ о немедленной доставке задержанного в распоряжение суда.

вить ее действовать. Какстон, конечно, сильно рискует, бросая вызов Администрации, но оценить как масштабы риска, так и формы, в которые он может вылиться, Джилл не могла.

Она бегло просмотрела газету. Номер был заполнен информацией о Марсе, о «Победителе», фотографиями Генерального секретаря Дугласа, прищипливающего ордену к груди космонавтов, интервью с капитаном Ван Тромпом и его бравой командой, картинами городов Марса и самих марсиан. О Смите почти ничего не было, кроме официального бюллетеня о состоянии здоровья, которое медленно улучшалось после длительного и тяжелого путешествия.

Появился Бен и бросил ей на колени стопку тонкой папиросной бумаги.

— Вот тебе еще одна газета, — сказал и снова ушел.

Джилл поняла, что эта перепечатка записи на первой кассете. В тексте были пометки: «первый голос», «второй голос» и так далее, но Бен там, где был уверен, делал расшифровку имен карандашом; вверху он написал «все голоса — мужские».

Большая часть записи свидетельствовала, что Смит кормят, умывают, массируют, что он занимается физическими упражнениями под надзором голоса, который был идентифицирован как «доктор Нельсон», и другого голоса, который был назван «второй врач».

Только один отрывок не имел ничего общего с уходом за больным. Джилл прочла его очень внимательно.

Доктор Нельсон. Как ты себя чувствуешь, малыш? Хватит сил, чтобы поболтать?

Смит. Да.

Нельсон. Тут с тобой один человек хочет побеседовать.

(Пауза)

Смит. Кто?

(Примечание Какстона — «Всем ответам Смита предшествует пауза».)

Нельсон. Этот человек наш (неразборчивый утробный звук, может быть, марсианское слово). Он наш главный Старейший. Поговоришь с ним?

С м и т (после долгой паузы). Я очень довольный. Старейший будет говорить, я — слушать и расти.

Н е л ь с о н. Нет, он хочет задавать тебе вопросы.

С м и т. Я не могу учить Старейшего.

Н е л ь с о н. Старейший желает этого. Ты позволишь ему задавать тебе вопросы?

С м и т. Да.

(Шум.)

Н е л ь с о н. Пожалуйте сюда, сэр. Я позвал доктора Махмуда, чтобы помочь в случае необходимости с переводом».

Джилл прочла «Новый голос», но Бен вычеркнул это место и надписал «Генеральный секретарь Дуглас».

Г е н е р а л ь н ы й с е к р е т а р ь. Он мне не нужен. Вы говорили, что Смит понимает по-английски?

Н е л ь с о н. И да и нет, ваше превосходительство. Он знает много слов, но, как говорит Махмуд, у него нет культурного контекста, с которым эти слова согласовывались бы. Могут быть ошибки.

Г е н е р а л ь н ы й. Ничего, уверен, мы справимся сами. Когда я был мальчишкой, я проехал автостопом всю Бразилию, не зная, когда пускался в путь, ни одного португальского слова. Ну а теперь познакомьте нас и оставьте одних.

Н е л ь с о н. Сэр! Я должен быть со своим пациентом.

Г е н е р а л ь н ы й. Вот как, доктор? Боюсь, мне придется настаивать на своем. Очень сожалею.

Н е л ь с о н. И я боюсь, что должен настаивать на своем. Сожалею, сэр... Врачебная этика...

Г е н е р а л ь н ы й. Как юрист, я немного знаком с медицинским правом, так что не суйте мне эту чушь насчет «врачебной этики». Разве этот пациент вас выбрал сам?

Н е л ь с о н. Не совсем, но...

Г е н е р а л ь н ы й. А была ли у него вообще возможность выбирать врача? Сомневаюсь. Его статус сейчас — «опекаемый государством». Я действую в качестве ближайшего родственника *де-факто* и, как вы

узнаете вскоре, и *де-юре* тоже. Мне надо поговорить с ним наедине.

Н е л ь с о н (*долгая пауза, говорит оскорбленно*). Раз вы так ставите вопрос, ваше превосходительство, я умываю руки и отказываюсь вести этого больного дальше.

Г е н е р а л ь н ы й. Не надо так обострять ситуацию, доктор. Я же не выражаю недоверия вашим методам лечения. Но вы не посмеете запретить матери повидаться наедине с больным сыном, не так ли? Вы что, боитесь, что я причиню ему вред?

Н е л ь с о н. Нет, но...

Г е н е р а л ь н ы й. Тогда какие могут быть сомнения? Будьте добры, познакомьте нас и прекратим спор. Наш разговор может лишь повредить больному.

Н е л ь с о н. Ваше превосходительство, я представляю вас. А затем можете искать другого врача для вашего... «опекаемого».

Г е н е р а л ь н ы й. Я действительно очень сожалею, доктор. Не хочу считать это вашим последним словом, мы все обсудим позже. Ну а теперь...

Н е л ь с о н. Пожалуйте сюда, сэр. Сынок, этот человек хочет с тобой поговорить. Он наш главный Старейший.

С м и т. (*Непереводимо*).

Н е л ь с о н. Это почтительное приветствие. Доктор Махмуд переводит его так: «Я всего лишь яйцо». По смыслу довольно близко. Выражение дружелюбия. Сынок, говори по-английски.

С м и т. Да.

Н е л ь с о н. А вам лучше пользоваться простыми понятиями, если вам угодно принять мой последний совет.

Г е н е р а л ь н ы й. Хорошо.

Н е л ь с о н. Всего хорошего, ваше превосходительство. Прощай, сынок.

Г е н е р а л ь н ы й. Спасибо, доктор, мы увидимся позже. (*После паузы*) — Как вы себя чувствуете?

С м и т. Чувствую хорошо.

Г е н е р а л ь н ы й. Если вам что-нибудь нужно, только скажите. Мы хотим, чтобы вы были довольны. А сейчас я хочу, чтобы вы сделали кое-что для меня. Вы умеете писать?

С м и т. Писать? Что такое «писать»?

Г е н е р а л ь н ы й. Ничего, хватит и отпечатка большого пальца. Я прочту вам одну бумагу. В ней много юридических терминов, но если говорить просто, то в ней написано, что вы согласны с тем, что, покинув Марс, вы потеряли, я хочу сказать, вы отказались от личных прав, которые имели. Поняли? Вы отказываетесь от них в пользу правительства.

Смит молчит.

Г е н е р а л ь н ы й. Давайте скажем так: Марс не есть ваша собственность.

С м и т (*пауза еще дольше*). Не понимаю.

Г е н е р а л ь н ы й. Ммм... попробуем еще разок... Вы хотите тут остаться?

С м и т. Не знаю. Меня послали Старейшие (*долгие непронизимые горловые звуки, похожие на то, как если бы лягушка-бык вступила в бой с диким котом*).

Г е н е р а л ь н ы й. Будь они прокляты, не могли научить его языку получше. Слушай, сынок, ты только не волнуйся. Ты давай, поставь сюда отпечаток пальца — вот тут, внизу страницы... Дай-ка мне свою руку... Нет, уж ты, пожалуйста, не дергайся. Прекрати!!! Я ж тебе ничего плохого не делаю... Доктор!!! Доктор Нельсон!

Д р у г о й в р а ч. Да, сэр?

Г е н е р а л ь н ы й. Доктора Нельсона сюда!!!

В р а ч. Доктора Нельсона? Но он уехал, сэр. Сказал, что вы его сняли с работы.

Г е н е р а л ь н ы й. Неужели так и сказал? Черт бы его подрал! Ладно, сделайте хоть что-нибудь! Искусственное дыхание! Укол! Не стойте тут как... Разве вы не видите, что он умирает...

В р а ч. Не знаю, что тут можно сделать, сэр. Пусть полежит и придет в себя. Именно так поступал всегда доктор Нельсон.

Г е н е р а л ь н ы й. Да будь он проклят, ваш доктор Нельсон!!!

Голос Генерального секретаря больше не возникал, равно как и голос Нельсона. Из обрывков разговоров Джилл сделала вывод, что Смит впал в один из своих каталептических припадков. Были еще две фразы.

Первая: «Можно не говорить шепотом, он вас все равно не слышит».

Вторая: «Забери поднос. Покормим, когда придет в себя».

Джилл во второй раз перечитывала запись, когда снова пришел Бен. В руке у него была новая пачка листов, но их он Джилл не отдал, а вместо этого спросил:

— Есть хочешь?

— Просто помираю.

— Тогда съездим и отстреляем коровку.

Он молчал, пока они поднимались на крышу, пока садились в такси и летели к Александрии, где сменили такси. Бен выбрал там такси с балтиморским номером. Поднявшись в воздух, он набрал шифр Хагерстауна в Мериленде и тогда позволил себе расслабиться.

— Вот теперь можно и поговорить.

— Бен, к чему такая таинственность?

— Очень сожалею, малютка. Я не знаю, есть ли «жучок» в моей квартире, но если я сумел подбросить его им, то почему бы им не сделать того же со мной? Опять же, хоть и маловероятно, чтобы вызванная из моей квартиры машина имела встроенный «жучок», но все же исключить такую вероятность нельзя. Работники Специальной службы действуют весьма эффективно. Эта же машина... — Он похлопал по сиденью. — Не могут же они посадить «жучков» в тысячи такси. Та, что попалась случайно, в принципе должна быть безопасна.

Джилл вздрогнула.

— Бен, ты же не думаешь... — Она оборвала начатую фразу.

— Еще как думаю-то! Ты же прочла заметку. Девять часов назад я отпечатал эту запись. Ты полагаешь, что Администрация позволит мне давать ей пинки в брюхо и не ответит мне тем же?

— Но ты и раньше выступал против Администрации!

— Тогда все было о'кей. Сейчас расклад другой. Я обвинил их в том, что у них есть политический заключенный. Джилл, правительство — это живой организм. И как у всех живых существ, его главным инстинктом является инстинкт самосохранения. Ударь его — и оно

ответит ударом на удар. На этот раз я действительно крепко врезал ему... Но я не должен был втягивать тебя в это дело.

— Я не боюсь. Особенно теперь, когда отдала тебе машинку.

— Да, но ты связана со мной. Если начнется драка, для них этого будет достаточно.

Джилл молчала. Мысль о том, что она, которой в детстве не приходилось испытывать ничего более страшного, чем порка, а во взрослые годы — чем грязная брань, может оказаться вдруг в опасности, — просто не укладывалась у нее в голове. Как медсестре, ей нередко приходилось сталкиваться с последствиями жестокости, но ведь ничего подобного не могло случиться с ней !

Их такси уже делало круг, заходя на посадку, когда Джилл нарушила мрачное молчание.

— Бен, а предположим, пациент умрет. Что тогда будет?

— Отличный вопрос. — Он нахмурил лоб. — Если других нет, то будем считать класс распущенным на перемену.

— Не остри!

— Хм... Джилл, я не спал ночь, стараясь найти ответ на этот вопрос. И вот ответы, которые я получил. Если Смит умрет, его права на Марс умрут вместе с ним. Вероятно, оставленная «Победителем» группа колонистов приобретет эти права заново, и, надо думать, еще до того, как они вылетели с Земли, Администрация заключила с ними сделку. «Победитель» принадлежит Федерации, но вполне возможно, что сделка передает все нити в руки Генерального секретаря Дугласа. Это позволит ему оставаться у власти сколь угодно долго. С другой стороны, все, может быть, обстоит совершенно иначе.

— И как же?

— Может быть, «Решение Ларкина» не будет применено в данном случае. Луна была необитаема, а Марс обитаем, на нем живут марсиане. В настоящее время, с точки зрения закона, марсиане — ноль. Но Высший Суд может взглянуть на политическую ситуацию совсем иначе и решить, что человеческая экспансия на планете с негуманоидной цивилизацией не правомочна. И что решение селиться на Марсе должно исходить от марсиан.

— Но, Бен, вероятно, так было бы правильнее... Мысль, что один человек обладает целой планетой, кажется мне фантастичной...

— Ты только таких слов юристам не говори. Как варить похлебку из москитов и как проглотить верблюда целиком — это предметы, которые обязательны для студентов юридических колледжей. Кроме того, есть прецеденты. В пятнадцатом веке папа римский решил, что западное полушарие принадлежит испанцам, а восточное — португальцам. И никто не подумал, что на этих землях живут индейцы со своими законами, правилами, обычаями и правами собственности. Причем сам раздел был весьма эффективен: посмотри на карту и увидишь, где говорят на испанском, а где на португальском языках...

— Да, но, Бен, сейчас же не пятнадцатый век!

— Для юристов именно пятнадцатый. Джилл, если Высший Суд постановит, что «Решение Ларкина» работает, Смит может продавать концессии, стоящие миллионы, а вернее сказать, миллиарды долларов. Если он передаст свои права Администрации, то контролировать снятие сливок будет Генеральный секретарь Дуглас.

— Бен, как ты думаешь, почему человек стремится захватить так много власти?

— А почему бабочки летят на огонь? Но помни, финансовое положение Смита играет ничуть не меньшую роль, чем его номинальный пост — короля-императора Марса. Высший Суд может отобрать у него права, связанные со скваттерством, но я сомневаюсь, чтобы что-то могло поколебать его право на двигатель Лайл и на здоровенный пакет акций «Лунар Энтерпрайз». Что же произойдет, если он умрет? Разумеется, появятся сотни дальних кузенов и кузин, но «Сайенс Фаундейшн» имеет долгую практику борьбы с такими паразитами. Вполне возможно, что Смит умрет, не оставив завещания, и его состояние вернется государству.

— Ты говоришь о США или о Федерации?

— Еще один вопрос, на который у меня нет ответа. Родители Смита родом из двух государств, которые являются членами Федерации, сам он родился вне их границ... Это создает весьма щекотливую ситуацию для нынешних управляющих именами и лицензиями его

родителей. Управление вообще вряд ли перейдет к Смигу, — он же не может отличить доверенности от железнодорожного билета. Управлять, надо думать, будет тот, кто завладеет самим Смитом и будет его цепко держать в руках. Очень сомневаюсь, чтобы Ллойд сейчас согласился застраховать его жизнь: мне представляется, что риск был бы слишком велик.

— Бедное дитя! Бедный, бедный ребенок!

Глава 6

Ресторан в Хагерстауне имел то, что принято называть «атмосферой». Столики были расставлены на лужайке, спускавшейся к озеру, а несколько столов находилось в дуплах трех невероятно больших деревьев. Джилл хотела ужинать в дереве, но Бен вручил чаевые метрдотелю, и тот распорядился накрыть столик возле самой воды, а затем приказал доставить туда стереовизор.

Джилл вспыхнула:

— Бен, почему, если мы платим такие деньжищи, не можем поужинать в дупле, и к тому же должны терпеть этот идиотский крикливый ящик?!

— Спокойствие, родная. На столиках, что в деревьях, установлены микрофоны, они предназначены для вызова прислуги. Этот же стол не подключен, во всяком случае я надеюсь на это, ведь официант взял его из кладовки. Что касается «ящика», то ужинать без стереовизора — вообще антиамериканский обычай, но главное — его рев парализует микрофоны направленного действия. Это на тот случай, если ищейки мистера Дугласа продолжают проявлять к нам интерес.

— Неужели ты думаешь, что они следят за нами, Бен? — Джилл пожала плечами. — Нет, я не рождена для преступной жизни.

— Это еще цветочки! Вот когда я расследовал скандал с «Дженерал Синтетикс», я вообще никогда не спал две ночи подряд в одном месте, а ел только консервы. Знаешь, к этому можно привыкнуть — здорово ускоряет обмен веществ.

— Мой обмен в этом не нуждается! Все, что мне нужно — это почтенный и богатый пациент.

— Значит, за меня ты замуж не собираешься?

— Соберусь, когда мой будущий муж откинет копыта. А, может быть, я так разбогатею, что смогу держать тебя вместо комнатной собачки.

— А как насчет того, чтобы начать уже сегодня вечером?

— Нет, только после того, как он откинет копыта.

Ужин еще не кончился, когда музыкальное шоу, рвавшее барабанные перепонки, внезапно прервалось. Весь «ящик» заполнило лицо диктора. Он с улыбкой объявил:

«НУ-НУ — Нью Уорлд Нетуоркс * и ее спонсор "Антимальтузианские таблетки для Умниц" имеют честь предоставить время для исторического обращения Федерального правительства. Помните, друзья, все умные девушки пользуются только "Умницами". Они всегда с вами, они приятны на вкус, их успех гарантирован, они продаются без рецепта согласно закону 1312. Зачем прибегать к старомодным, антиэстетичным, опасным для здоровья и ненадежным средствам? К чему рисковать потерей его любви и уважения? — Изящный, похожий на хищного волка диктор бросил взгляд в сторону и заспешил, закругляя свое объявление: — Передаю вас в руки "умницы", которая, в свою очередь, передаст слово Генеральному секретарю».

Появилось трехмерное изображение женщины, столь чувственной, столь явно принадлежащей к млекопитающим и столь соблазнительной, что она легко оставила бы далеко позади в представлении любого мужчины всех знакомых ему красоток. Она потянулась, изогнулась и произнесла «постельным» голосом:

«Я *всегда* пользуюсь "Умницами"».

* Новая всемирная сеть телевещания.

Потом изображение растаяло, оркестр заиграл «Хайль, Суверенный Мир», а Бен спросил:

— А ты пользуешься «Умницами»?

— А это уж совсем не твое дело! — Джилл явно оскорбилась и добавила: — Все это чистое шарлатанство. А потом, какое право ты имеешь даже предполагать, что я вообще в них нуждаюсь?

Какстон не успел ей ответить. Во весь «ящик» расплылась отеческая улыбка Генерального секретаря Дугласа.

«Друзья, — начал он. — Граждане Федерации, мне сегодня предоставлена редкая честь и уникальная возможность. Со времени триумфального возвращения нашего "Победителя"...

Он долго поздравлял землян с успешным завершением контакта с другой планетой и с другой разумной расой. Ему удалось внушить слушателям мысль, что эта экспедиция чуть ли не личное достижение каждого гражданина, что каждый из них с успехом мог бы возглавить ее, если бы не был так занят своей важной работой, и что он — Генеральный секретарь Дуглас — и есть то скромное орудие, с помощью которого они осуществляют свою волю. Все эти мысли подавались отнюдь не в лоб, сквозь них просвечивало убеждение, что рядовой человек равен лучшим и куда выше большинства остальных людей, и что старый добрый Джо Дуглас представляет именно такого среднего человека. Даже дурно завязанный галстук Дугласа и волосы, словно прилизанные языком коровы, казалось, говорили, что он «мужик из народа».

Бену Какстону очень хотелось знать, кто писал ему речь. Возможно, это был Джим Санфорт; Джим мог дать сто очков вперед любому парню из секретариата Дугласа в выборе нужных прилагательных, чтобы возбуждать и усиливать впечатление. До того как податься в политику, он сочинял рекламные объявления и к тому же не имел никаких принципов. Да, этот абзац насчет «материнской руки, тихо качающей колыбель» точно принадлежит Джиму. Джим как раз такой парень, который способен соблазнить девушку, вручив ей взамен пустой конфетный фантик.

— Выключи немедленно, — потребовала Джилл.

— Подожди, долгоножка, мне это нужно.

«...а теперь, друзья, я имею честь представить вам нашего согражданина Валентайна Майкла Смита, "Человека с Марса"! Майкл, мы знаем, что ты устал и чувствуешь себя нездоровым, но не скажешь ли ты хотя бы несколько слов своим друзьям, собравшимся здесь?»

Стерео показало, примерно в половину натуральной величины, человека, сидевшего в кресле-каталке. С одной стороны к нему склонялся Дуглас, с другой стороны — сиделка, накрахмаленная, стройная и фотогеничная.

Джилл вскрикнула. Бен шепнул:

— Потихе.

Гладкое детское лицо человека в кресле осветилось застенчивой улыбкой. Он взглянул прямо в камеру и произнес:

«Хелло, ребята. Извините, что сижу. Я все еще слаб».

Казалось, он говорил, с трудом подбирая слова; сиделка взяла его за руку и пощупала пульс.

В ответ на вопросы Дугласа, он рассыпался в комплиментах в адрес капитана Ван Тромпа и команды, поблагодарил весь мир за свое освобождение и заявил, что все марсиане взволнованы контактом с Землей, и он очень надеется способствовать укреплению дружественных связей между обеими планетами. Сиделка прервала его, но Дуглас мягко сказал:

«Майк, как вы думаете, еще один вопрос вам не повредит?»

«Разумеется, нет, мистер Дуглас, если, конечно, я сумею на него ответить».

«Что вы скажете о девушках Земли?»

«Ги-и-и!»

Детское лицо выразило благоговение, экстаз и покраснело от восторга. Затем в «ящике» снова показались голова и плечи Дугласа.

«Майк просил передать вам, — продолжал он отеческим тоном, — что он снова появится у вас на стереозэкранах, как только сможет. Ему, знаете ли, надо подкачать мускулатуру. Может быть, это случится уже на следующей неделе, если, конечно, разрешат врачи».

В «ящике» опять появились «Таблетки Умниц» с надписью, свидетельствовавшей, что девушка, которая ими не пользуется, не только полоумная, но и никуда не годится в постели, так что мужчины, завидев ее, будут перебегать на противоположную сторону улицы.

Бен выключил стереовизор, повернулся к Джилл и сказал:

— Ну мне придется отозвать свою завтрашнюю статью. Дуглас нашел с ним полный контакт.

— Бен!

— Что?

— Это не «Человек с Марса»!

— Что?! Ты в этом уверена, бэби?

— О, этот внешне похож на того, но он не тот больной, которого я видела в палате под караулом.

Бен сказал, что Смита, должно быть, видели десятки людей — охрана, интерны, санитары, капитан и команда «Победителя», а также, наверняка, другие люди. Многие из них смотрели эту передачу; Администрация должна была считаться с возможностью, что кто-то из них заметит подмену. Какой же смысл идти на такой большой риск?

Но Джилл просто закусила удила и стояла на своем: человек, участвовавший в стереопередаче — вовсе не тот, с которым она говорила накануне. Наконец она выкрикнула в сердцах:

— Ну как знаешь! Эх, вы — мужчины!

— Джилл, ну...

— Вези меня домой!

Бен пошел за машиной. Он не стал заказывать ее из ресторана, а выбрал на посадочной площадке отеля, стоявшего на другой стороне улицы. Джилл сурово молчала всю дорогу. Бен достал из кармана записку, сделанную в больнице, и перечитал ее. Помолчал, подумал и сказал:

— Джилл?

— Что вам угодно, мистер Какстон?

— Я тебе покажу «мистер»! Слушай, Джилл, я должен извиниться. Я был не прав.

— И что вас привело к столь мудрому заключению?

Бен хлопнул стопкой листов по своей ладони.

— А вот это самое! Смит не мог вести себя вот так вчера, а сегодня давать такое интервью. У него снова

сработала бы его нервная система... Впал бы в транс или как там его...

— Я польщена, что вы наконец-то смогли узреть очевидное...

— Джилл, давай ты меня лягни как следует, и забудем. Ты понимаешь, что это означает?

— Это означает, что они наняли актера. Я тебе уже час назад это сказала.

— Так-то оно так! Актер при этом очень хороший, прекрасно подготовлен и натаскан. Но тут есть еще кое-что. Я вижу две возможности. Первая — Смит мертв, и...

— Мертв! — Джилл мгновенно перенеслась в те минуты смешной церемонии водопития и снова ощутила странный, теплый, неземной аромат личности Смита и тут же почувствовала острую неодолимую тоску.

— Не исключено. В этом случае двойник остается «в живых» так долго, сколько в нем будут нуждаться, потом он «умрет», его тихонько выводят из города, устроят ему сеанс гипноза, чтобы он каждый раз, как начнет заговаривать об этом деле, давился бы от приступа астмы, а возможно, и к лоботомии прибегнут. Если Смит мертв, нам больше делать нечего. Правду мы все равно никогда не докажем. Поэтому давай предположим, что Смит жив.

— О, я так надеюсь на это!

— И кто тебе Гекуба, и кто ты Гекубе, — немного переврал цитату Бен. — Если он жив, то действительность может оказаться лучше, чем она нам представляется. В конце концов, двойников имеют многие общественные деятели. Очень может быть, что через две-три недели наш друг Смит уже сможет выдержать напряжение, связанное с появлением на публике, и они его выпустят на сцену. Но я в этом чертовски сомневаюсь.

— Почему?

— А ты попытайся думать головой. Дуглас уже один раз провалился, пытаясь выжать из Смита то, что ему было надо. Вторую неудачу Дуглас себе разрешить не может. Так что, я думаю, он запрячет Смита еще глубже, чем раньше... И мы никогда не увидим настоящего «Человека с Марса».

— Убьет его?! — спросила Джилл, выговаривая отдельно каждый слог.

— Ну зачем же так грубо. Запрячет его в частную лечебницу, и о нем больше никогда не услышат.

— Боже мой! Бен, что же мы будем делать?

Какстон помрачнел.

— Понимаешь, у них и мяч, и бита, они диктуют и правила игры. Но я собираюсь взять Честного Свидетеля и ловкого адвоката и потребовать встречи со Смитом. Может, мне удастся вытащить его на свет Божий.

— Я тоже пойду с тобой!

— Еще чего! Как ты сама сказала, это погубит твою карьеру.

— Но я же нужна тебе, чтобы узнать его.

— Когда я окажусь с ним лицом к лицу, я и сам смогу отличить человека, воспитанного негуманоидами, от актера, который только разыгрывает такую роль. Но если дела пойдут наперекосяк, ты станешь козырным тузом в моем рукаве — человеком, который знает, что они жулье, и имеет доступ к Бетесде изнутри. Девочка, если ты не получишь от меня известий, действуй самостоятельно.

— Бен, но они же могут покалечить тебя!

— Я умею драться даже с теми, кто работает в большей весовой категории, девочка.

— Бен, мне это не по душе! Слушай, а если ты его увидишь, что станешь делать?

— Спрошу, не хочет ли он уйти из больницы. Если он ответит «да», предложу ему уйти со мной. В присутствии Честного Свидетеля они не посмеют остановить Смита.

— Хм... и тогда что? Он ведь действительно нуждается во врачебном уходе, Бен. А самостоятельно лечиться не может.

Какстон опять поморщился.

— Я думал об этом. Я его нанять не могу. Мы поместим его в моей квартире...

— ...и я буду за ним ухаживать! Так мы и сделаем, Бен!

— Остынь-ка!.. Дуглас тут же вытащит кролика из шляпы, и Смит все равно придется идти в свою тюрьму. Вероятнее всего, что и мы оба попадем туда же. —

Бен нахмурил брови. — Я знаю человека, который с этим справится.

— Кто это?

— Приходилось тебе слышать имя Джубала Харшоу?

— Кто ж о нем не слышал?

— Это и есть один из его козырей. Все знают, кто он такой. Уже поэтому его трудно загнать в угол. Будучи доктором медицины и адвокатом, он имеет тройную защиту от мерзавцев. Но еще важнее то, что он убежденный индивидуалист и поэтому, если ему того захочется, может драться с Федерацией, имея в руках всего лишь перочинный нож. И эта смелость делает его защиту еще более непробиваемой. Я познакомился с ним на одном из судов над диссидентами. Он мой друг, и я могу на него положиться. Если мне удастся вытащить Смита из Бетесды, я спрячу его в доме Харшоу в Поконосе, а потом пусть эти чокнутые попробуют его оттуда достать. Я со своей газетной колонкой с одной стороны и Харшоу с его любовью к драке — с другой — еще зададим им перца.

Глава 7

Несмотря на то что спать она легла поздно, Джилл сменила ночную дежурную по этажу на десять минут раньше срока. Она твердо решила выполнить приказ Бена и не участвовать в его попытке добиться свидания с «Человеком с Марса», но хотела быть неподалеку. Бену могла понадобиться помощь.

В коридоре охраны не оказалось. Возня с подносами, раздачей лекарств и с двумя больными, которых готовили к операции, заняла не меньше двух часов. Джилл еле-еле удалось вырвать минутку для того, чтобы проверить дверь бокса К-12. Дверь была заперта, равно как и дверь соседней гостиной. Она подумала, что раз охраны нет, можно попробовать пробраться внутрь бокса через гостиную, но намерение это пришлось отложить: дел было выше головы. Тем не менее она старалась по возможности следить за каждым новым лицом, которое появлялось на их этаже.

Бен так и не пришел, и осторожно заданный вопрос подружке на коммутаторе прояснил, что ни Бен и никто другой не заходили в бокс К-12 в то время, пока Джилл отсутствовала. Это удивило ее. Бен ничего не говорил о времени, но было ясно, что штурм цитадели он предполагал начать утром.

Оставалось только одно — следить. Когда выдалась свободная минутка, Джилл постучалась в дверь дежурной комнаты, сунула голову в дверную щель и притворилась удивленной.

— Ох, доброе утро, доктор! Я думала, не тут ли доктор Фрейм?

Врач, сидевший за пультом, посмотрел на нее и улыбнулся.

— Он мне не попадался, сестра. А меня зовут доктор Браш. Не смогу ли я его заменить?

Ощувив привычную мужскую реакцию, Джилл почувствовала облегчение.

— Да ничего особенного. А как поживает «Человек с Марса»?

— Кто?

Она улыбнулась.

— От нашего штата секретов нет, доктор. Ваш пациент... — И она показала на дверь, ведущую в палату.

— Ничего не понимаю! — Врач смотрел на нее с удивлением. — Разве он здесь был?

— А что, сейчас его тут нет?

— Никаких следов! Тут миссис Роуз Банкерстон — пациентка доктора Гарнера. Мы перевезли ее сюда ранним утром.

— Вот как! А что же случилось с «Человеком с Марса»?

— Не имею ни малейшего представления. Слушайте, неужели же я пропустил случай увидеть Валентайна Смита?

— Позавчера он был тут.

— Везет же людям! А вы гляньте, с чем мне приходится иметь дело!

Он открыл окошко для визуального наблюдения. Джилл увидела гидравлическую кровать. В ней покоилась маленькая старушка.

— Что с ней?

— Ммм... Знаете ли, сестра, если бы у нее было поменьше денег, ее болезнь называлась бы *senile dementia* *. Ну а раз денег нехватка, значит ее положили сюда для отдыха и проверки здоровья.

* Старческий маразм.

Джилл поболтала еще немного, затем притворилась, что слышит вызов. Она отправилась к своей конторке и вынула из ящика журнал. Да, вот оно: «В. М. Смит, К-12, переведен». Ниже стояло: «Роуз С. Банкерсон (миссис), помещена в палату К-12, стол диетический, ведущий врач Гарнер. Назначений нет. Круглосуточное дежурство».

Почему Смита забрали ночью? Вероятно, с целью избежать свидетелей. Куда же его перевели? В обычных условиях она позвонила бы в приемный покой, но предупреждение Бена и фальсифицированное выступление по стерео сделали ее осторожной. Она решила, что будет ждать и посмотрит, что можно выудить из местных сплетен.

Но прежде всего она воспользовалась общественной телефонной кабиной в коридоре и позвонила Бену. В его офисе ей сказали, что мистер Какстон уехал из города. Она начала было что-то говорить, но потом взяла себя в руки и оставила поручение — пусть Бен позвонит ей.

Она позвонила ему и домой. Там его тоже не было. Она оставила такое же поручение автоответчику.

Бен даром времени не терял. Он нанял Джеймса Оливера Кавендиша. Конечно, сгодился бы любой Честный Свидетель, но престиж Кавендиша был таков, вообще-то говоря, что делал излишним присутствие адвоката; старый джентльмен столько раз присягал в Верховном Суде, что поговаривали, будто суммы завещаний, хранящихся в его памяти, оцениваются в миллиарды. Кавендиш учился у самого великого Сэмюэла Реншоу, а курс гипнотического внушения прошел в «Рейн Фаундейшн». Дневная оплата его услуг превышала недельный заработок Бена, но Бен надеялся, что деньги будут ему возвращены синдикатом «Пост», — тот за хорошую работу средств не жалел.

Какстон нанял также младшего Фрисби из фирмы «Биддл, Фрисби, Фрисби, Биддл и Рид». Потом они заехали за Свидетелем Кавендишем. Тощая фигура мистера Кавендиша, закутанная в белую тогу — знак

его профессиональной принадлежности, — напомнила Бену статую Свободы: она так же бросалась в глаза.

Бену пришлось объяснить Марку Фрисби, что именно он намерен попытаться сделать (Марк на это ему ответил, что прав у Бена — никаких.). Разговор этот состоялся еще до того, как они заехали за Кавендишем: находясь в присутствии последнего, они должны были соблюдать приличия и не разговаривать о том, что Свидетелю предстоит увидеть и услышать.

Такси доставило их в центр Бетесда. Там они спустились в приемную директора. Бен вручил свою визитную карточку и попросил приема. Дама, выглядевшая, как императрица, спросила, есть ли у него предварительная договоренность. Бен признался, что нет.

— Тогда ваши шансы увидеться с доктором Бремером очень скромны. Не изложите ли вы суть вашего дела?

— Скажите ему, — сказал Бен очень громко, чтобы все присутствующие могли его услышать, — что Какстон — ведущий колонки «Воронье Гнездо» — находится здесь вместе с адвокатом и Честным Свидетелем, чтобы проинтервьюировать Валентайна Майкла Смита — «Человека с Марса».

Дама была поражена, но ей все же удалось оправиться и сказать ледяным тоном:

— Я проинформирую директора. Не присядете ли?

— Благодарю. Мы подождем.

Фрисби закурил сигару; Кавендиш ждал с суровым спокойствием человека, которому знакомы все виды Добра и Зла; Какстон метался.

Наконец «Снежная Королева» объявила:

— Вас примет мистер Берквист.

— Берквист? Гил Берквист?

— Мне кажется, его имя Гилберт Берквист.

Какстон задумался: Берквист входил в число наемников Дугласа, называвшихся «помощниками по особым поручениям».

— Мне нужен не Берквист. Мне нужен директор.

Но Берквист был уже тут как тут — рука протянута, на лице радостная улыбка.

— Бенни Какстон! Как поживаешь, старина! Все еще торгуешь залежалым старьем? — Тут он увидел Свидетеля.

— Конечно, тем же самым. А ты что тут делаешь, Гил?

— Знаешь, когда я уйду из политики, я тоже заведу себе колонку в какой-нибудь газетенке — буду набалтывать по телефону свою тысячу слов разных грязных слухов, а потом целый день лодырничать. Завидую тебе, Бен.

— Я ведь спросил: «Что ты тут делаешь, Гил?» Я хочу видеть директора, а потом «Человека с Марса». Мне отказ на твоём уровне не нужен.

— Слушай, Бен, не надо задираться. Я здесь потому, что доктору Бремеру пресса прямо-таки житья не дает. Поэтому Генеральный секретарь прислал меня сюда — снять с директора это бремя.

— О'кей. Я хочу видеть Смита.

— Бен, старина, да каждый репортер, каждый специальный корреспондент, каждый свободный художник и журналист-одиночка, да и каждая пискушка хотят того же. Двадцать минут назад тут была Полли Пайперс. Ей нужно было проинтервьюировать его относительно половой жизни марсиан! — Берквист воздел руки к небу.

— Я хочу видеть Смита. Увижу я его или нет?

— Бен, давай сходим куда-нибудь, где можно опрокинуть стопку и поболтать. Там ты сможешь расспросить меня о чем угодно.

— Спрашивать мне тебя не о чем. Я хочу видеть Смита. Вот мой адвокат — мистер Фрисби. — Как было положено, Бен не представил Честного Свидетеля.

— Мы знакомы, — ответил Берквист. — Как поживает ваш папаша, Марк? По-прежнему страдает от синусита?

— Как всегда.

— Это местный климат виноват. Пошли, Бен. И вы тоже, Марк.

— Не торопись! — стоял на своем Какстон. — Я хочу видеть Валентайна Майкла Смита. Я представляю синдикат «Пост», а косвенно — двести миллионов его читателей. Увижу я Смита? Если нет, скажи это гром-

ко, назови свою должность и основание, на котором ты отказываешь.

Берквист вздохнул.

— Марк, скажите этому специалисту по подглядыванию в замочные скважины, что он не имеет права врываться в палаты больных людей. Смит уже давал интервью вчера вечером, кстати, против желания своего лечащего врача. Смит имеет право на покой и тишину, ему нужно восстановить свои силы.

— Ходят слухи, — заявил Какстон, — что его появление на экранах вчера вечером было фальсифицировано.

Берквист перестал улыбаться.

— Фрисби, — сказал холодно, — не угодно ли вам предупредить своего клиента об ответственности за клевету?

— Бен, будь поосторожнее.

— Мне известен закон о клевете, Гил. Только скажи мне, на кого я клеветчу? На «Человека с Марса»? Или на кого-то другого? Назови его имя. Я повторяю, — продолжал Бен, повышая голос, — что я слышал, будто человек, которого интервьюировали по стерео, не был «Человеком с Марса». Я хочу спросить его именно об этом.

Набитая людьми приемная замерла. Берквист взглянул на Честного Свидетеля, обуздал свои чувства и произнес, улыбаясь:

— Бен, возможно, нам ты навязал интервью, но себе судебный процесс уж наверняка. Подожди минутку.

Он исчез, но вскоре вернулся.

— Я договорился, — сказал он устало. — Хоть ты и не заслуживаешь этого, Бен. Пошли. Но только один ты. Марк, сожалею, но мы не можем допустить скопления народа в палате. Смит все же болен.

— Нет, — сказал Какстон.

— Что «нет»?

— Или все трое, или никого.

— Бен, не ваяй дурака. Ты и так получил особую привилегию. Вот что я тебе предложу: пусть Марк подождет за дверью палаты. А вот он — нам не нужен. — Берквист кивнул на Кавендиша. Тот будто ничего не слышал.

— Может, оно и так. Но моя колонка сегодня же заявит, что Администрация отказалась допустить на свидание с «Человеком с Марса» Честного Свидетеля.

Берквист пожал плечами.

— Пошли, Бен. Надеюсь, что иск о клевете хоть чему-нибудь научит тебя.

Из уважения к возрасту Кавендиша они поднялись на эскалаторе, потом движущаяся дорожка повезла их мимо лабораторий, мимо лечебных кабинетов и мимо палат, палат, палат. Их остановил часовой, он позвонил и предупредил кого-то о приходе посетителей. Наконец, их впустили в комнату с дисплеями для наблюдения над больными, находящимися в критическом состоянии.

— Это доктор Таннер, — объявил Берквист. — Доктор, это мистер Какстон и мистер Фрисби. — Разумеется, Честного Свидетеля он не представил.

Доктор Таннер очень нервничал.

— Джентльмены, я должен вас кое о чем предупредить. Не говорите и не делайте ничего, что могло бы взволновать моего пациента. Он находится в крайне возбужденном состоянии и может внезапно оказаться под патологическим стрессом... Можете назвать это состояние трансом.

— Эпилепсия? — спросил Бен.

— Невежда мог бы принять это за эпилепсию. Скорее же это катаlepsия.

— А вы специалист в какой области, доктор? Психиатрия?

Таннер глянул на Берквиста.

— Да, — признался он.

— А где защищали докторскую?

Берквист быстро вмешался:

— Давайте посмотрим на больного, Бен. Допрос доктора Таннера вы проведете позже.

— О'кей.

Таннер глянул на свои циферблаты, затем щелкнул переключателем и взглянул через потайное окошко в палату. Открыл дверь и, приложив палец к губам, ввел их в соседнюю комнату.

Комната была погружена в полутьму.

— Мы держим его в притененном свете, поскольку его глаза еще не привыкли к нашему уровню освещен-

ности, — полушепотом объяснил Таннер. Он подошел к гидравлической кровати, стоявшей в центре комнаты.

— Майк, я привел наших друзей навестить тебя.

Какстон приблизился вплотную. Плавая в жидкости, наполовину скрытый от глаз складками синтетической кожи и до подмышек укрытый простыней, перед ним лежал юноша. Он смотрел на вошедших, не произнося ни единого слова. Его гладкое круглое лицо не выражало никаких чувств.

Насколько Бен мог судить, это был тот самый человек, что выступал прошлым вечером по стерео. У Бена возникло ощущение, что Джилл подбросила ему живую бомбу: обвинение в клевете могло довести Бена до полного банкротства.

— Вы Валентайн Майкл Смит?

— Да.

— «Человек с Марса»?

— Да.

— Это вы выступали по стерео вчера вечером?

Человек молчал.

— Не уверен, что он понимает вас, — сказал Таннер. — Майк, ты помнишь, что ты делал вчера с мистером Дугласом?

Лицо юноши перекосилось от раздражения.

— Свет яркий. Больно.

— Да, для глаз освещение было неприятным. Мистер Дуглас сказал людям: «Хелло».

Больной чуть улыбнулся.

— Долго ехать на коляске.

— О'кей, — согласился Бен, — я продолжу сам. Майкл, с тобой обращаются хорошо?

— Да.

— Тебе тут быть необязательно. Ходить можешь?

Таннер тут же вмешался.

— Послушайте, мистер Какстон... — Однако Берквист положил ему руку на плечо.

— Могу... только немного... устал...

— Я вижу тут кресло на колесах. Майк, если ты не хочешь тут оставаться, я увезу тебя, куда прикажешь.

Таннер сбросил с плеча руку Берквиста.

— Я не потерплю, чтобы в мое лечение вмешивались посторонние!

— Он свободный человек, — ответил Какстон, — не так ли? А может, он пленник?

— Конечно, свободный, — подтвердил Берквист. — Спокойствие, доктор. Пусть этот идиот выроет себе могилку поглубже.

— Благодарю, Гил. Ты слышал, Майк? Ты можешь уйти отсюда, куда пожелаешь.

Пациент с ужасом взглянул на Таннера.

— Нет! Нет! Нет!

— О'кей! О'кей!

— Мистер Берквист, репортер заходит слишком далеко, — прошипел Таннер.

— Вы правы, доктор. Бен, хватит.

— Хм... Еще один вопрос.

Какстону приходилось тяжело: надо было на ходу сообразить, что еще он может выжать из этой ситуации. Джилл, конечно, ошиблась... Но как же она могла ошибиться?... Ведь вчера он ей поверил до конца.

— Только пусть он действительно будет последним, — буркнул Берквист.

— Вспомни, тебя спросили, что ты думаешь о девушках Земли, так?

На лице пациента появилась широкая улыбка.

— Ги-и-и!

— Да-да... Майк, а где и когда ты видел этих девушек?

Улыбка исчезла. Пациент глянул на Таннера, по телу его прошла судорога, глаза закатились, и он свернулся, приняв эмбриональную позу, — колени выдвинуты вперед, голова пригнута к груди, руки скрещены.

— Вон отсюда! — рявкнул Таннер.

Он наклонился над пациентом и принялся нащупывать пульс.

Берквист сказал зло:

— Все! Какстон, ты уберешься сам или мне придется вызывать охрану?

— О, мы уходим, — согласился Какстон.

Все, кроме Таннера, вышли, и Берквист захлопнул дверь.

— Еще секунду, Гил, — стоял на своем Бен. — Он же у вас под замком... Так где же он видел этих девушек?

— Что? Не валяй дурака! Он видел уйму девок. Сестры... Лаборантки... Что, ты сам не знаешь, что ли?

— Не знаю. Мне известно только, что никого, кроме врачей и санитаров мужского пола к нему не допускали.

— Что? Да не смеши людей!

Берквист, видимо, разозлился, но тут же на его лице появилась ухмылка.

— Ты же вчера сам видел рядом с ним медсестру.

— Ох, и в самом деле. — Тут Какстону нечего было возразить.

Они молчали все время, пока такси не поднялось в воздух. Потом Фрисби пробормотал:

— Бен, я не думаю, что Генеральный секретарь подаст на тебя в суд. И все же, если у тебя есть сведения об источнике этих слухов, нам лучше загодя подготовить доказательства.

— Забудь об этом, Марк. В суд он не подаст. — Бен смерил его бешеным взглядом. — Откуда наша уверенность, что это действительно «Человек с Марса»?

— Как? Да брось ты, Бен!

— Нет! Откуда мы знаем это? Мы видели человека подходящего возраста, который лежал на больничной кровати. У нас есть только слово Берквиста, но Берквист сделал свою политическую карьеру на опровержениях. Мы видели незнакомца, который заявил, что он психиатр, но когда я попытался выяснить, где он учился, меня отшили. Мистер Кавендиш, видели ли вы что-нибудь, убедившее вас в том, что этот парень — «Человек с Марса»?

— В мои функции не входит делать выводы, — ответил Кавендиш. — Я смотрю, я слушаю — и это все.

— Извините.

— Вам больше не нужны мои профессиональные услуги?

— Как? О, конечно, нет. Благодарю вас, мистер Кавендиш.

— Это я благодарю вас, сэр. Очень любопытное дело.

Старик снял тогу, которая, так сказать, отделяла его от прочих смертных. Он откинулся на спинку сиденья, лицо его потеряло деревянную неподвижность.

— Если бы мне только удалось привести сюда кого-нибудь из членов команды «Победителя», — продолжал Какстон. — Тогда я бы им показал!

— Должен признаться, я удивлен, что вы не обратили внимания на одну деталь, — заметил Кавендиш.

— Какую? Что я упустил?

— Мозоли.

— Мозоли?

— Разумеется. По мозолям можно прочесть всю историю человеческой жизни. Я однажды написал целую монографию о них для «Ежеквартального Свидетеля». Этот молодой человек с Марса, поскольку он никогда не носил туфель и жил при силе тяжести в одну треть земной, должен был бы иметь мозоли на подошвах, соответствующие его прежней среде обитания.

— Черт! Мистер Кавендиш, почему же вы не наметнули на это?

— Сэр? — Старик выпрямился и ноздри его раздулись. — Я — Честный Свидетель, сэр. В деле я не участвую.

— Извините. — Какстон нахмурился. — Вернемся обратно... Мы пощупаем его подошвы или я по камешку разнесу эту палату!

— Вам придется искать другого свидетеля, поскольку я, к сожалению, уже принял участие в обсуждении существа дела.

— Ах, да... это так, — снова нахмурился Какстон.

— Успокойся, Бен, — посоветовал Фрисби. — Ты и так почти утопил себя. Лично я убежден: это был «Человек с Марса».

Какстон высадил их, а затем пустил машину в свободный полет, чтобы хорошенько обдумать случившееся. Он уже был в больнице с адвокатом и Честным Свидетелем, так что требовать в то же утро вторичного свидания с «Человеком с Марса» было просто глупо. Ему, понятно, в нем откажут.

Но Бен никогда бы не получил от синдиката персональную колонку, если бы так легко отступал перед трудностями. Он проникнет внутрь больницы!

А как это сделать? Ему известно то место, где содержится поддельный «Человек с Марса». Проникнуть туда под видом электрика? Этот ход легко предугадать. Вряд ли он доберется даже до «доктора Таннера».

Был ли Таннер врачом? Настоящие врачи сторонятся таких темных делишек, которые противоречили бы их нравственному кодексу. Взять хотя бы этого судебного врача Нельсона, он вышел из дела только потому...

Минуточку! Доктор Нельсон — вот кто мог бы подтвердить без всяких мозолей и прочих штук, является ли тот юноша «Человеком с Марса» или нет! Какстон попробовал связаться с доктором Нельсоном по телефону через свою редакцию, поскольку не знал, где тот живет. Не знал этого и помощник Бена Осберт Килгаллен, но досье синдиката на «знаменитых лиц» переадресовало его в «Нью Мейфлауэр». Уже через несколько секунд Бен разговаривал с Нельсоном.

Нельсон передачи не видел. Да, он слышал о ней. Нет, у него нет оснований считать, что передача фальсифицирована. Знал ли доктор Нельсон, что была сделана попытка обманным путем заставить Смита отказаться от прав, принадлежащих ему, согласно «Решению Ларкина»? Нет, ему не интересно знать, правда ли это: чудовищно даже предполагать, что кто-то владеет Марсом. Марс принадлежит марсианам. Вот как? Тогда, доктор, зададим себе гипотетический вопрос: если бы кто-нибудь попробовал...

Нельсон повесил трубку. Когда Какстон попытался соединиться с ним снова, телеответчик сказал: «Абонент временно отказывается от разговора. Если вам угодно записать...»

Какстон отпустил довольно дурацкое замечание о происхождении доктора Нельсона. То, что он сделал потом, было еще глупее, — он позвонил во Дворец правительства и потребовал беседы с Генеральным секретарем.

За долгие годы работы репортером-пронирой Бен усвоил, что многие секреты могут быть раскрыты, если пробиться на самый верх и держать там себя крайне грубо и нагло. Он знал и то, что крутить хвост тигру — задача весьма опасная. Он понимал психопатологию

Большой Власти лучше, нежели понимала ее Джилл Бордмен, но надеялся на свое положение человека, торгующего другой Властью, чья сила признавалась повсеместно.

Однако он упустил из вида, что, обращаясь во Дворец с просьбой, он делал это из такси, а не на людях.

Какстон поговорил с полудюжиной подчиненных Дугласа, причем с каждым последующим держался все более агрессивно. Он так увлекся, что даже не заметил, как такси вышло из свободного полета.

Когда же это обнаружилось, было слишком поздно — машина отказывалась повиноваться приказам. Какстон со стыдом понял, что сам себя загнал в ловушку, попался в нее так, как не смог бы попасться ни один уважающий себя хулиган: его звонок проследили, установили машину, управление ею переключили на полицейскую частоту, и теперь такси доставит его куда надо тепленьким и без шума.

Бен попробовал вызвать своего адвоката.

Он все еще пытался сделать это, когда машина села посреди двора, и его сигналы оказались заблокированными высокими стенами. Он попробовал выйти из такси, но дверца не открывалась... Бен нисколько не удивился, когда почувствовал, что теряет сознание...

Глава 8

Джилл утешала себя мыслью, что Бен отправился по другому следу и забыл ее предупредить. Впрочем, в глубине души она этому не очень верила. Своим успехом Бен был обязан повышенному вниманию к мелочам человеческого поведения. Он помнил дни рождения всех своих друзей и скорее зажулил бы карточный долг, чем забыл послать знакомой вежливую записочку с благодарностью за внимание. Куда бы он ни ушел, как бы ни было это срочно, он обязательно нашел бы пару минут, чтобы позвонить ей по телефону.

Он должен был подать ей хоть какой-нибудь знак! В обеденный перерыв она позвонила ему в офис и поговорила с помощником Бена, заведующим его канцелярией — Осбертом Килгалленом. Тот продолжал уверять, что Бен никакой записки ей не оставил и в офис не заходил с тех пор, как она звонила утром.

— Бен не сказал, когда вернется?

— Нет. Но у нас всегда есть в запасе заранее подготовленный материал, чтобы заполнить место в газете, если произойдет нечто непредвиденное.

— Ну хорошо... А откуда он вам звонил? Или, может быть, я слишком любопытна?

— Нисколько, мисс Бордмен. Он не звонил. Это был телестат, посланный из Паоли-Флет в Филадельфии.

Джилл пришлось этим довольствоваться. Она пообедала в столовой для медсестер, почти не замечая, что ест. Не может быть, говорила она сама себе, чтобы все пошло наперекосяк. Она волнуется так, будто влюблена в этого идиота.

— Эй! Бордмен! Проснись!

Джилл взглянула и увидела Молли Уилрайт — диет-сестру их отделения, которая рассматривала ее широко раскрытыми глазами.

— Извини...

— Я спросила: с каких это пор ваш этаж кладет в боксы для богачей нищих больных, лечащихся на деньги филантропов?

— У нас таких нет.

— Разве К-12 не на твоем этаже?

— К-12? Нет там никаких нищих. Там лежит богатая старуха с такими деньгами, что может нанять доктора, который следил бы за каждым ее вздохом.

— Вот еще! Должно быть, она получила свое наследство только что. Она пролежала в палате для немущих больных из дома престарелых все последние семнадцать месяцев.

— Должно быть, какая-то ошибка.

— Только не моя. На моей кухне ошибок не бывает. У нее очень хитроумная диета — без жиров, с добавкой множества успокаивающих и ряда других препаратов. Поверь мне, милочка, назначения на диету столь индивидуальны, что могут служить неплохой заменой отпечатков пальцев. — Мисс Уилрайт встала. — Мне пора бежать, цыпочки!

— О чем это трепалась Молли? — спросила одна из сестер.

— А, ерунда! Она все напутала!

Джилл пришло в голову, что она сможет узнать о «Человеке с Марса», наведя справки во всех кухнях центра, но тут же выкинула это из головы, так как потребовалось бы несколько дней, чтобы обойти их все. Медицинский центр Бетесда был военно-морским госпиталем в те времена, когда войны еще велись на океанах, и даже тогда был огромен. Когда его передали

в ведомство здравоохранения, образования и социальной помощи, он разросся еще больше. Теперь он принадлежал Федерации и по размерам превосходил небольшой город.

И все-таки в случае с миссис Банкерсон было нечто странное. Больница принимала всех пациентов — частных, оплачиваемых государством или филантропическими организациями. В коридоре Джилл обычно лежали «государственные» больные, а боксы предназначались для сенаторов и других правительственных шишек. Частные пациенты здесь были редки.

Конечно, миссис Банкерсон могли поместить сюда временно, если та часть центра, которая обычно предназначалась для платных частных больных, была переполнена и там не оказалось мест. Да, вероятно, так оно и было.

После ленча Джилл была так загружена приемом новых больных, что у нее не было ни минутки, чтобы подумать о собственных делах. Вскоре ей понадобилась кровать с автономным энергоснабжением. Проще всего было позвонить и заказать ее, но склад находился в подвале в четверти мили отсюда, а кровать была нужна немедленно. Она припомнила, что видела такую кровать в боксе К-12; она стояла там в гостиной. Джилл даже вспомнила, что запретила морским пехотинцам сидеть на ней. Очевидно, эту кровать переставили в гостиную из спальни, когда там устанавливали гидравлическую. Может, она и сейчас стоит там? Если так, Джилл сможет ее взять немедленно.

Гостиная была заперта, и обнаружилось, что отмычка Джилл к замку не подходит. Сделав пометку, чтобы напомнить службе ремонта о неисправности, она отправилась в дежурную комнату бокса, намереваясь выяснить судьбу кровати у доктора, наблюдающего за миссис Банкерсон.

Врач был тот же самый — доктор Браш. Он был не интерн, не местный, а приглашенный, как он сам сказал, доктором Гарнером. Браш поднял глаза, как только Джилл открыла дверь.

— Мисс Бордмен! Именно вы-то мне и нужны!

— Так почему же вы мне не позвонили? А как ваша больная?

— С ней все в порядке, — ответил он, взглянув на экран, — а вот со мной — нет!

— Что случилось?

— Да дела-то всего минут на пять. Сестра, вы можете мне уделить несколько минуток? Ну и, естественно, не болтать об этом?

— Думаю, да. Разрешите мне воспользоваться вашим телефоном, я только скажу моей помощнице, где буду.

— Ни в коем случае, — ответил он резко. — Вы просто закройте дверь, когда я уйду, и не открывайте ее до тех пор, пока я не простучу по филенке несколько тактов из «Бриться и стричься». Ну же, будьте славной девочкой.

— Ладно, сэр, — сказала она с некоторым сомнением. — Я что-нибудь должна сделать для вашей больной?

— Нет, нет. Вы только следите за экраном. Ни в коем случае не тревожьте ее.

— Хорошо. Но на случай, если что-нибудь произойдет, где будете вы? В комнате отдыха врачей?

— Мне надо в мужскую уборную в конце коридора. А теперь помолчите, пожалуйста, мне нужно... срочно...

Он выбежал, и Джилл заперла за ним дверь. Потом она посмотрела на больную через окошечко и окинула взглядом многочисленные циферблаты. Дисплей показывал, что пульс ровен, дыхание спокойно, все прочее в норме. Джилл никак не могла понять, зачем здесь понадобилось круглосуточное дежурство, которое организуется возле больных, находящихся при смерти.

Потом она решила взглянуть, есть ли в дальней комнате та кровать. Хотя это и не соответствовало инструкциям доктора Браша... впрочем, не побеспокоит же она пациентку, она знает, как надо ходить по палате, чтобы не разбудить больного. Кроме того, из своей практики Джилл знала: то, что остается докторам неизвестным, ничуть не мешает им спать спокойно. Поэтому она открыла дверь и вошла в палату.

Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться, что миссис Банкерсон спит типичным сном полного маразматика. Дверь была закрыта, но Джилл воспользовалась своей отмычкой. Там она увидела, что нужная ей кровать стоит на месте. И тут же ей показалось, что

комната занята: в кресле, положив на колени книжку с картинками, сидел «Человек с Марса».

Смит поднял голову, и на лице его расплылась восхищенная детская улыбка.

У Джилл голова пошла кругом. Валентайн Смит *тут*? Быть того не может! Его же выписали. Так написано в журнале!

Затем отдельные детали стали складываться в единый ряд... фальсифицированная передача «Человек с Марса» по стерео... старуха при смерти, присутствие которой скрывает тот факт, что в боксе есть еще один пациент... Дверь, не поддающаяся ключу... и кошмарное видение «мясного фургона» — каталки, которая вывезет отсюда когда-нибудь ночью под простыней не одно тело, а два!

Все это промелькнуло в ее мозгу вместе с чувством страха и с ощущением близкой беды, которая грозит всем, проникшим в эту страшную тайну.

Смит неуклюже вылез из кресла, протянул ей обе руки и сказал:

— Мой брат по воде!

— Хелло!.. Э-э-э... Как вы?

— Я хорошо. Рад. — Он добавил еще что-то на странном, как будто кашляющем языке, замолчал, а потом заговорил, тщательно подбирая слова: — Ты здесь, мой брат. Тебя не было. Теперь ты здесь... Я пью тебя жадно.

Джилл чувствовала, как ее разрывают эмоции. От одних ее сердце таяло, другие жгли его ледяным ужасом. Смит ничего не замечал. Он сказал:

— Видишь? Я хожу. Становлюсь сильным. — Он сделал несколько шагов и остановился — торжествуя, задышавшись и улыбаясь.

Джилл заставила себя ответить ему улыбкой.

— Значит, мы продвигаемся, не так ли? Вам надо как следует окрепнуть, вот что! А я должна бежать... я заскочила на минутку... только поздороваться...

Его лицо выразило глубокое разочарование.

— Не уходи!..

— Но мне пора...

Он был опечален, и в голосе его задрожали трагические нотки:

— Я причинил тебе боль. И не знаю как.

— Боль? Нет, нет, ничего подобного. Просто я должна уйти... и немедленно.

Его лицо стало безжизненным. Он сказал, скорее утверждая, чем спрашивая:

— Ты возьмешь меня с собой, мой брат?

— Что? Но я не могу... и надо бежать... Послушайте, никому не говорите, что я тут была, ладно?

— Не сказать, что мой собрат по воде был здесь?

— Да. Не говорить никому... я... хм... вернусь. Будьте хорошим мальчиком, ждите меня и не говорите никому.

Смит, усвоив сказанное, вновь обрел безмятежность взора.

— Я буду ждать. Я никому не скажу.

— Отлично!

Джилл думала о том, как трудно ей будет выполнить свое обещание. Она уже поняла, что «сломанный» замок был вовсе не испорчен, и ее взор перешел на дверь, ведущую в коридор. Она тут же поняла, почему не могла войти — на двери стоял засов. Как то было принято в больнице, двери в уборную и ванную закрывались на задвижку изнутри, но в случае необходимости могли быть открыты и снаружи специальной отмычкой, так что больным не грозила никакая беда. А этот засов наглухо изолировал Смита от внешнего мира, так как имел такую конструкцию, которая фактически в госпиталях запрещалась, ибо дверь не могли открыть даже сотрудники со специальной отмычкой.

Джилл отодвинула засов.

— Ждите. Я вернусь.

— Я буду ждать.

Когда она вернулась в соседнюю комнату, то услышала тук-тук-тик-ток — сигнал, о котором говорил доктор Браш. Она подошла к двери и открыла ее.

Он вбежал, зло выкрикнув:

— Где вы были, сестра?! Я стучал трижды! — И подозрительно взглянул на внутреннюю дверь.

— Я увидела, что ваша пациентка повернулась во сне, — быстро нашла Джилл, — и поправила ей подушку.

— Черт возьми, я же приказал вам сидеть в этой комнате и не отходить от стола.

Джилл вдруг догадалась, что этот человек чего-то боится. Тогда она перешла в контратаку.

— Доктор, — сказала она холодно, — я не ответственна за вашу пациентку. Но поскольку вы мне ее доверили, я сделала то, что считала нужным. Если вас это не устраивает, позовем администратора отделения.

— Что? Нет, нет, давайте забудем об этом.

— Нет, сэр. Такая пожилая больная могла бы задохнуться в гидравлической постели. Может, и есть сестры, которые позволяют взваливать на себя последствия небрежности докторов, но я не из их числа. Давайте вызовем администратора.

— Зачем? Послушайте, мисс Бордмен, я сказал, не подумав. Прошу у вас извинения.

— Хорошо, доктор, — сказала она сухо. — Вам еще угодно что-нибудь?

— Нет, спасибо. Благодарю, что подменили. Только... Знаете ли, мне не хотелось бы никаких разговоров об этом...

— Я не скажу.

Можно поручиться, что не скажу! Но что же мне делать? Ах, если бы Бен был в городе! Она прошла к своей конторке и притворилась, будто просматривает бумаги. Внезапно она вспомнила, что надо позвонить насчет кровати, которая была так нужна. Затем отослала куда-то свою помощницу с поручением и села подумать.

Где же Бен? Если бы до него можно было добраться, она освободилась бы минут на десять, позвонила и переложила бы бремя на его широкие плечи. Но Бен, черт бы его побрал, где-то шлялся и бросил ее на произвол судьбы.

А может, и нет? Подозрение, которое уже давно грызло ее подсознание, выбилось, наконец, наружу. Бен не уехал бы из города, не дав ей знать о том, что вышло из его попытки увидеть «Человека с Марса». Как его товарищ по заговору, она имела право знать это, а Бен всегда соблюдал правила игры.

Она вдруг снова как бы услышала его слова: «Если дела пойдут наперекосяк, ты мой единственный козырь... Детка, если ты не получишь от меня весточки, действуй самостоятельно».

Она не вспоминала об этом до сих пор потому, что не верила, будто с Беном может случиться что-то плохое. Теперь же она вспомнила. В жизни каждого человека наступает такой момент, когда ему или ей приходится поставить на кон свою жизнь, свое состояние и свою честь, даже если все шансы против него.

Джилл Бордмен получила вызов судьбы и приняла его в три часа сорок семь минут пополудни.

После ухода Джилл «Человек с Марса» снова уселся в свое кресло. Он не поднял свою книжку с картинками, а просто ждал, можно было бы сказать — ждал покорно, если бы это человеческое определение подходило к характеру марсиан. Он хранил в себе тихое ощущение счастья, ибо его брат обещал вернуться. Он приготовился ждать, ждать и ждать, не шевеля ни одной мышцей, ждать, ничего не делая, ждать, если потребуется, долгие годы.

Смит не имел ни малейшего представления о том, сколько времени прошло с тех пор, как они впервые разделили воду с этим братом. И не только потому, что место, в котором он находился, было так искривлено во времени и пространстве, что он не *грокк* последовательности смены звуков и образов, но еще и потому, что культура Гнезда время воспринимала иначе, чем люди. Различия лежали не в большей или меньшей продолжительности жизни марсиан и людей, если считать ее в земных годах, но в самой основе концепции Времени.

«Сейчас позднее, чем ты думаешь», — эту мысль нельзя было выразить на марсианском языке, равно как и «поспешись — людей насмешишь», хотя и по разным причинам: первая мысль была невообразима по существу, вторая же являлась частью марсианского Бытия, а потому произносить ее было столь же бессмысленно, как сказать рыбе, чтобы она искупалась. А вот фраза «так было вначале, так есть сейчас, так пребудет вечно» настолько соответствовала духу марсиан, что ее перевести было проще, чем выражение

«два плюс два — четыре», которое, кстати говоря, вовсе не было трюизмом на Марсе.

Смит ждал.

Пришел Браш, поглядел на него. Смит не шевелился, и Браш вышел. Когда Смит услышал, как поворачивается ключ в замке наружной двери; он вспомнил, что уже слышал такой звук перед первым появлением его брата по воде, поэтому он изменил обмен веществ, готовясь к тому, что последовательность событий может повториться снова. Он очень удивился, когда дверь открылась и сквозь нее проскользнула Джилл, ибо не знал, что это дверь. Но тут же *грокк*, что это она, и он целиком отдался радостному ощущению полноты, возникающему лишь в присутствии согнездников, братьев по воде и (при некоторых обстоятельствах) в присутствии Старейших.

Его радость чуть-чуть затуманивалась пониманием, что брат по воде эту радость не вполне разделяет, — брат казался гораздо более растерянным, чем это можно было предположить... Так мог быть растерян лишь тот, кого предназначили к телесной смерти за содеянную ошибку или небрежность. Но Смит знал уже, что эти существа способны были переносить эмоции, которые непереносимы для марсиан, и не умирать.

Его брат Махмуд по пять раз в день переносил душевную агонию, но не только не умер, но даже считал эту агонию совершенно необходимой для жизни. Его брат капитан Ван Тромп время от времени испытывал жуткие непредсказуемые спазмы, каждый из которых, по представлению Смита, должен был привести его к неминуемой смерти во плоти и покончить с ним навсегда, но, тем не менее, насколько он мог судить, этот брат был по сию пору жив и бодр. Поэтому Смит не обратил особого внимания на волнение Джилл.

Джилл отдала ему сверток.

— Наденьте это. Быстро.

Смит взял сверток и стал ждать. Джилл поглядела на него и сказала:

— О Боже! Ладно, снимайте свои шмотки, я помогу вам.

Ей, однако, пришлось раздеть его и одеть заново. На нем были больничный халат, пижама и тапочки, но не потому, что ему в них было хорошо, а потому, что так приказали. С этой одеждой он уже приучился справляться, но гораздо медленнее, чем хотелось бы Джилл. Она мгновенно раздела его донага. Джилл была медичка, а Смиту никогда и слышать не приходилось о запретах, налагаемых стыдливостью, да он ничего и не понял бы, даже если бы ему рассказали о них. Поэтому им обоим ничего не мешало. Смит пришел в восторг от искусственной кожи, которую Джилл натянула ему на ноги. Она не дала ему времени приласкать эту кожу и закрепила чулки скотчем из-за отсутствия пояса с резинками. Форма сестры милосердия, в которую она обрядила Смита, была позаимствована у значительно более крупной женщины, чем сама Джилл, под предлогом, что ее кузену нужен маскарадный костюм. Джилл набросила на Смита застегивающуюся на шее пелеринку медсестры, которая должна была скрыть некоторые половые особенности Смита; во всяком случае, Джилл рассчитывала на это. С туфлями было труднее: они не подходили по размеру, а кроме того, Смит при земной силе тяжести даже босиком-то передвигался с трудом.

Джилл закончила переодевание, водрузив ему на голову шапочку медсестры.

— Волосы коротковаты, — сказала она с тревогой, — но некоторые сестры стригутся коротко, так что будем надеяться, сойдет.

Смит ничего не ответил, так как не вполне разобрался в значении ее слов. Он попробовал заставить свои волосы расти быстрее, но обнаружил, что на это требуется довольно много времени.

— Ну, а теперь, — сказала Джилл, — слушай меня внимательно. Что бы ни случилось, не говорить ни слова. Понятно?

— Не говорить. Я не буду говорить.

— Просто иди со мной рядом. Я буду держать тебя за руку. И если знаешь какие-нибудь молитвы — молись.

— Молись?

— Ладно уж. Просто иди рядом и молчи. — Она открыла наружную дверь, и они вышли в коридор.

Смит обнаружил множество незнакомых форм, окруживших его со всех сторон. На него навалились образы, на которых он не успевал даже сфокусировать свое внимание. Он слепо тащился вперед, практически отключив зрение и слух, чтобы защитить себя от этого хаоса.

Джилл довела его до конца коридора и ступила на перпендикулярно бегущую дорожку. Смит споткнулся и упал бы, если бы Джилл не поддержала его. Какая-то уборщица с удивлением уставилась на них, и Джилл вырталась себе под нос. Теперь она с еще большим вниманием стала следить за движениями Смита. На крышу они поднялись на лифте, так как Джилл не была уверена, что ей удастся протащить его через антиграв.

Здесь их ожидало серьезное испытание, хотя Смит об этом обстоятельстве и не подозревал. Он почувствовал беспредельный восторг перед открывшимся зрелищем неба. Ведь он не видел его с тех пор, как покинул Марс. Небо казалось ему ярким, чистым и радостным, хотя был типичный сумрачный вашингтонский денек. Джилл искала глазами такси. Крыша была почти пуста, как она и надеялась, так как сестры, уходившие с той же смены, что и она, уже были на пути домой, а дневные посетители тоже покинули здание. Однако не было и такси. Поездка же в аэробусе Джилл никак не устраивала.

Она уже думала вызвать такси, когда одно из них опустилось на крышу. Джилл окликнула служителя:

— Джек, это такси заказное?

— Да, я вызвал его для доктора Фиппса.

— О Боже! Джек, я очень тороплюсь, вызовите мне машину побыстрее. Это моя кузина Мэйдж, она работает в южном крыле. У нее ларингит, и ее нужно скорее укрыть от ветра.

Служитель почесал голову.

— Ну разве что уж для вас, мисс Бордмен... Вы возьмите это такси, а я вызову для доктора Фиппса другое.

— О, Джек, какой вы чудесный малый! Мэйдж, не разговаривай! Я сама поблагодарю Джека! Она совсем потеряла голос. Попробуем вернуть его с помощью горячего рома.

— Должно помочь. Эти старомодные рецепты действуют крепко, как бывало говаривала моя матушка.

Служитель набрал по памяти код дома Джилл, а потом помог им влезть в такси. Джилл старательно загоразживала Смита, чтобы скрыть явное отсутствие у него знакомства с этим видом транспорта.

— Спасибо, Джек! Огромное спасибо!

Такси взлетело, и Джилл смогла перевести дух.

— Можешь говорить.

— О чем я должен говорить?

— Да о чем хочешь.

Смит обдумал это. Масштаб приглашения требовал достойного ответа, соответствующего особым обстоятельствам беседы двух братьев. Он рассмотрел несколько вариантов, но отказался от них, так как затруднялся с их переводом, потом выбрал один, который даже на этом странном и невыразительном языке мог передать теплоту сближения, радостно ощущаемую братьями.

— Пусть наши яйца лягут в одно гнездо.

Джилл так и подскочила.

— Как?! Что ты сказал?

Смит был огорчен, почуяв что-то не то в ответной реакции, но объяснил это неадекватностью своих действий. Он с горечью ощутил, что каждый раз вызывает беспокойство у этих созданий, хотя его цель — прийти к единению. Перебрав весь свой скудный словарный запас, он попытался еще раз сформулировать ту же мысль, но другими словами.

— Мое гнездо — твое гнездо, а твое гнездо — мое.

На этот раз Джилл ласково улыбнулась.

— Ох, как славно! Милый, я не уверена, что понимаю тебя правильно, но, по-моему, это самое чудесное предложение из всех, что я получала за много лет. — И добавила: — Но пока мы с тобой сидим в луже, давай еще подождем немножко, ладно?

Смит понимал ее вряд ли лучше, чем она его, но он уловил удовлетворенность духа своего собрата по воде и понял, что ему предлагают подождать.

Ждать было нетрудно, это не требовало никаких усилий; он откинулся на спинку сиденья, крайне довольный, что между ними все хорошо, и стал любоваться видом, расстилавшимся перед ним. Он видел его впервые, со всех сторон Майка обступали образы новых сущностей, которые надо было попытаться *грокк*. Он даже пожалел, что средства передвижения, существовавшие на Марсе, не дают возможности наслаждаться тем, что лежит внизу. Мысль эта чуть не привела его к сравнению образа жизни марсиан и людей, сравнению, слегка неблагоприятному для Старейших, но его мозг поспешил защититься от подобной ереси, воздвигнув перед собой непреодолимый щит.

Джилл молчала и лихорадочно обдумывала ситуацию. Вдруг она заметила, что такси уже опускается на крышу ее многоквартирного дома, и сообразила, что сюда-то ей ни в коем случае нельзя, — здесь их будут искать в первую очередь, сразу же, как только поймут, что это она помогла сбежать Смигу. Хотя она мало что знала о методах работы полиции, но все же понимала, что в палате Смита она повсюду оставила отпечатки своих пальцев, не говоря уже о том, что многие видели, как они вместе выходили оттуда. Было также технически возможно, как рассказывали ей, прочесть запись, сделанную автопилотом такси, и узнать, по каким адресам и в какое время направлялась машина.

Она нажала на клавиши, отменив инструкции следовать по ее адресу. Машина поднялась со взлетной площадки и начала кружить. Куда лететь? Где можно спрятать взрослого человека — наполовину идиота, который даже одеться-то сам не умеет, и которого сейчас разыскивают так, как не разыскивали никого на Земле? Ох, если бы Бен был здесь! Бен, где же ты?

Она подняла трубку и почти без всякой надежды набрала номер Бена. Ее настроение сразу поднялось: ей ответил мужской голос; через секунду оно так же быстро упало: это был не Бен, а его управляющий.

— Ох, извините, мистер Килгаллен. Говорит Джилл Бордмен. Я думала, что набрала домашний номер Бена.

— Вы не ошиблись. Звонки ему автоматически переводятся в офис в том случае, если его нет больше двадцати четырех часов.

— А его все еще нет?

— Нет. Может быть, я могу быть чем-нибудь полезен?

— Увы, нет. Мистер Килгаллен, не странно ли, что Бен исчез? Вы не беспокоитесь?

— Что? Нисколько. В его сообщении было сказано, что он не знает, когда вернется.

— Разве это не *странно*?

— При стиле работы мистера Какстона — нет, мисс Бордмен.

— Ну... ну а мне его отсутствие кажется *очень странным*. Я думаю, вы обязаны сообщить об этом. Вы обязаны распространить сообщение об этом во все средства массовой информации страны... и всего мира.

Хотя телефоны в такси и не передавали изображения, Джилл почувствовала, как Осберт Килгаллен напрягся.

— Боюсь, мисс Бордмен, что я обязан интерпретировать инструкции своего нанимателя лично. И разрешите мне сказать, что каждый раз, когда мистер Какстон уезжает, обязательно появляется какая-нибудь подружка, которая настаивает на его розыске.

«Какой-то девке не терпится надеть на него ошейник, — перевела для себя Джилл сердито, — и этот сукин сын думает, что я отношусь к этой же категории». Однако всякое желание просить Килгаллена о помощи у Джилл отпало. Она положила трубку.

Куда же податься? Решение пришло внезапно. Если Бен куда-то пропал, а Администрация приложила к этому руку, то его квартира — последнее место, где они будут искать Валентайна Смита... разве что, конечно, они свяжут ее с Беном... Это, впрочем, казалось ей маловероятным.

В буфетной Бена можно найти еду, у него же она возьмет одежду для этого идиотика. Джилл набрала адрес Бена. Через несколько минут такси опустилось на площадку на крыше дома Бена.

Возле двери квартиры Бена Джилл сказала в переговорное устройство:

— Carthago delenda est! *

Ничего не произошло!

* Карфаген должен быть разрушен (лат.).

«О черт! — воскликнула она про себя. — Он сменил код!» Джилл еле стояла на подгибающихся ногах, стараясь, чтобы Смит не увидел выражения ее лица. Она снова обратилась к переговорному устройству. Та же самая система приводила в движение дверь, когда приходили заранее назвавшие себя визитеры. Она назвала себя на тот невероятный случай, если Бен вернулся:

— Бен, это Джилл.

...И дверь отворилась.

Они вошли внутрь, и она тут же захлопнулась. Джилл подумала, что Бен впустил их, потом сообразила, что она случайно угадала его новый код, задуманный им как своего рода сюрприз, решила она... Впрочем, Джилл охотно отказалась бы от этого сюрприза: уж больно мерзкое состояние паники пришлось ей пережить перед дверью.

Смит спокойно остановился на краю густой зеленой лужайки и впитывал в себя новые впечатления. Это было совсем непривычное для него место, и его было очень трудно *грокк* в одну минуту, и тем не менее он чувствовал себя здесь необычайно счастливым. Это место волновало чуть меньше, чем то — движущееся, где они только что были, но зато оно как бы приглашало раскрыться. Он с интересом глянул в окно и решил, что скорее всего это картина, вроде тех, что были дома... Его палата в Бетесде находилась в новом здании, где окон вообще не было. Ему в голову не могла прийти даже сама идея «окна».

С одобрением он отметил удивительную глубину перспективы и отличную передачу движения на «картине»; надо думать, это было творение великого художника. До сих пор он не видел ничего, что говорило бы о том, что люди понимали толк в искусстве. Новый опыт позволил *грокк* о них выше, чем раньше, и он был доволен.

Глаз схватил какое-то движение. Он обернулся и увидел, как его брат снимает с ноги фальшивую кожу и туфли.

Джилл удовлетворенно вздохнула и пошевелила пальцами ног в траве.

— Господи, как ноги-то болят!

Она подняла глаза и увидела, что Смит смотрит на нее со странным и тревожным выражением на детском лице.

— Устраивайся! Тебе это тоже понравится.

— Как это «устраивайся»?

— Ох, я же все время забываю! Иди сюда, я помогу. — Она сняла с него туфли, отстегнула чулки и стащила их с ног. — Ну разве так не лучше?

Смит пошевелил пальцами ног в траве, а потом робко спросил:

— А они не живые?

— Конечно, живые. Трва-то настоящая. Бен заплатил за нее уйму денег. Только одно специальное освещение стоило больше, чем я зарабатываю за месяц. Иди сюда, сядь и дай ногам отдохнуть.

Большая часть сказанного прошла мимо сознания Смита, но он понял, что эти травинки — живые существа и что ему предлагается по ним ходить.

— Ходить по живым? — просил он с непередаваемым ужасом.

— А почему бы и нет? Траве это не повредит. Она выведена специально для изготовления комнатных ковров.

Смиту пришлось напомнить себе, что собрат по воде не может посоветовать дурное. Напряжением воли он заставил себя сделать несколько шагов и нашел, что ему это нравится, а живые существа не протестуют. Свою способность к восприятию он поставил почти на предельный уровень: его брат был прав — предназначение этих созданий было именно таково, чтобы по ним ходили. Он принял решение раскрыться и вознести хвалу, затратив на это решение усилие, сравнимое только с усилием человека, которому предложили воспеть радости каннибализма (кстати, этот обычай Смит как раз считал нормальным).

Джилл вздохнула.

— Пора кончать развлекаться, я не имею представления, сколько времени мы можем оставаться тут в безопасности.

— В безопасности?

— Здесь нам оставаться нельзя. Надо думать, они проверяют каждого, кто вышел сегодня из центра.

Эта мысль заставила ее помрачнеть. Ее квартира не годится, эта квартира не годится. Сам Бен намеревался повезти Смита к Джубалу Харшоу. Однако она не знала ни Харшоу, ни места, где он живет... Кажется, где-то в Поконосе, говорил Бен. Что ж, придется искать — больше-то деваться некуда.

— Почему ты несчастен, мой брат?

Джилл очнулась и взглянула на Смита. Этот бедный ребенок даже понять не может, как плохи их дела. Она попыталась взглянуть на все с его точки зрения. Ей это не удалось, но все же она поняла, что у него нет никакого представления о том, что они бегут от... От чего? От копов? От госпитального начальства? Она сама не знала, в чем именно ее могут обвинить, какие законы она нарушила. Просто кожей ощущала, что встала на пути Больших Людей, на дороге Боссов.

Разве могла она объяснить «Человеку с Марса», кто им противостоит, если она сама этого не знала? Да и есть ли на Марсе полиция? Разговаривать с ним было все равно, что переговариваться через водосточную трубу.

Господи, а есть ли у них на Марсе водосточные трубы? И дождь?

— Это не важно, — сказала она спокойно. — Главное, поступай так, как я тебе говорю.

— Да.

Он принимал ее распоряжения безраздельно. Это было какое-то всеохватывающее «да». Джилл вдруг почувствовала, что Смит выскочит из окна, если она прикажет ему. Она была права. Он выпрыгнул бы, и был бы счастлив каждую секунду полета с двадцатого этажа, и принял бы без удивления и горечи убивающий плоть удар о тротуар. И дело вовсе не в том, что он не понимал, что такое падение уничтожит его. Просто смерть как концепция была ему неведома. Если собрат по воде избрал для него такую страшную смерть плоти, он восславил бы его и постарался бы *грокк*.

— Так. Значит, тут мы долго оставаться не можем. Мне нужно приготовить поесть, одеть тебя в другой костюм, а потом сматываться отсюда. Снимай это! — И она пошла осматривать гардероб Бена.

Там она отобрала костюм для поездок, берет, рубашку, ботинки и вернулась. Смит запутался в одежде, как котенок в пряже. Одна рука оказалась прикрученной к телу, голова застряла в вырезе рубашки, — снимая ее, он забыл снять с головы шапочку медсестры.

— О Господи! — воскликнула Джилл и бросилась на выручку.

Она вытряхнула его из одежды, затем засунула все снятое в люк для мусора... Эти Шер придется потом отдать деньги за костюм, но ей не хотелось, чтобы копы нашли все это... так, на всякий случай.

— Тебе придется искупаться, мой милый, прежде чем влезать в чистую одежду Бена. За тобой плохо смотрели. Пошли.

Будучи медсестрой, она не обращала внимания на дурные запахи, но (опять-таки, будучи медсестрой) была фанатиком мыла и мочалки... и ей казалось, что в обозримом прошлом ее пациента никто не мыл. Хоть от Смита и не воняло, он почему-то напомнил ей лошадь в жаркий солнечный день.

С восторгом он смотрел, как она наполняет ванну водой. В туалете бокса К-12 ванна тоже была, но никто не научил Смита, как ею пользоваться. Обмывание в постели — было все, что он получал, да и то не так уж часто. Мешали его похожие на транс припадки.

Джилл измерила температуру воды.

— Все, можешь залезать.

Смит изумился.

— Скорей! — прикрикнула Джилл. — Лезь в воду!

Все эти слова были в его словаре, и Смит поступил так, как она приказала, но его прямо распирало от эмоций. Его брат хочет, чтобы он окунул все свое тело в Источник Жизни! Такой чести ему никогда не выпадало еще. Насколько он знал, на Марсе вообще никто и никогда не пользовался такой привилегией. Теперь он начинал понимать, что это распоряжение имело прямую связь с Сутью Жизни... факт, который он еще не грокк, но принял к сведению.

Он поставил в воду одну дрожащую ногу, потом другую... лег, и вода покрыла его с головой.

— Эй! — закричала Джилл и вытащила его голову на поверхность.

Ей показалось, что она тянет труп утопленника. Господи! Ну не мог же он утонуть, да еще в такое время! Она страшно испугалась и стала трясти его изо всех сил.

— Смит! Проснись! Да очнись же!

Из дальней дали Смит услышал зов брата и вернулся. Его глаза потеряли остекленелость, сердце забилось быстрее, дыхание пришло в норму.

— Ты жив? — добивалась ответа Джилл.

— Я в порядке... очень счастлив... мой брат...

— Ты напугал меня. Слушай, больше не окунайся с головой. Сиди так, как сейчас сидишь.

— Да, мой брат!

Смит добавил что-то на непонятном для Джилл карканье, набрал в пригоршню воды, как будто это были драгоценные камни, и поднес к своим губам. Губы его коснулись воды, после чего он протянул ладонь Джилл.

— Эй, не надо пить воду из ванны! Нет, нет. Я пить ее не стану!

— Не пить?

Его незащищенность и боль были так очевидны, что Джилл не знала, как ей поступить. Мгновение она колебалась, потом наклонила голову и коснулась губами подношения.

— Спасибо.

— Да не испытываешь ты никогда жажды!

— Надеюсь, и ты не будешь страдать от нее. Но пока хватит. Если хочешь пить, я принесу тебе. Эту воду больше не пей.

Смит казался удовлетворенным и сидел тихо. Теперь Джилл стало ясно, что ванны он никогда не принимал и не знал, что его ждет. Без сомнения, она могла подготовить его... но драгоценное время бежало слишком стремительно.

А, ладно, все равно это было не так плохо, как возня с буйными больными из бесплатных палат. Ее блузка промокла насквозь, когда она вытаскивала Смита со дна ванны. Джилл сняла блузку и повесила ее на крючок. Она была одета для улицы и носила коротенькую юбочку, далеко не доходившую до колен. Джилл бросила взгляд на ноги. Хотя складки на юбке были «вечны», мочить ее казалось глупо. Джилл пожала плечами

и расстегнула молнию. Она осталась в бюстгальтере и трусиках.

Смит рассматривал ее с любопытством ребенка. Джилл внезапно обнаружила, что краснеет, — обстоятельство, очень удивившее ее. Она считала себя свободной от ложной скромности, помня, что еще в пятнадцать лет ей довелось пойти на свое первое смешанное купание голышом. Но этот детский взгляд беспокоил ее. Она решила, что лучше вымочить нижнее белье, чем сделать само собой разумеющийся шаг.

Джилл постаралась скрыть чувство неловкости под маской деловитости.

— Пора заняться делом и как следует потереть тебе кожу.

Она встала на колени у ванны, опрыскала его шампунем и принялась взбивать пену.

Смит протянул руку и дотронулся до ее правой груди. Джилл отшатнулась.

— Эй! Без рук!

Он посмотрел так, будто его ударили по лицу.

— Нет? — спросил он в тоске.

— Нет, — жестко подтвердила она, но, взглянув на несчастное выражение его лица, добавила мягче: — Все хорошо. Только меня нельзя отвлекать, я очень спешу.

Джилл постаралась как можно скорее закончить водные процедуры, спустила воду из ванны, заставила Смита встать и душем смыла с него пену. Потом, пока горячий воздух сушил кожу Смита, она оделась. Теплый поток воздуха так удивил Смита, что он задрожал. Джилл попросила его не пугаться и показала, за что ему ухватиться, чтобы не упасть.

Потом помогла ему выйти из ванны.

— Ну вот, теперь от тебя хорошо пахнет, и, ручаясь, что ты почувствуешь себя куда лучше.

— Чувствую себя прекрасно.

— Отлично. Давай я одену тебя.

Она отвела его в спальню Бена. Но, прежде чем она успела объяснить, предупредить и помочь натянуть ему шорты, ее до смерти напугал громкий мужской голос:

— Откройте немедленно!!!

Джилл выронила шорты. Известно ли им, что в квартире кто-то есть? Да, они должны это знать, иначе не явились бы сюда. Должно быть, ее выдало проклятое роботакси.

Ответить? Или замереть, как замирает при виде опасности опоссум?

Окрик через переговорное устройство двери повторился. Она шепнула Смиту:

— Стой тут. — И вышла в гостиную.

— Кто там? — спросила она, стараясь заставить свой голос звучать нормально.

— Именем закона, откройте.

— Именем какого закона? Не валяйте дурака! Скажите, кто вы такие, или я вызову полицию.

— Это и есть полиция. Вы Джилиан Бордмен?

— Я? Я Филлис О'Тул, и я жду мистера Какстона. Сейчас я вызову полицию и обвиню вас во вторжении в частную жизнь.

— Мисс Бордмен, у нас есть приказ о вашем аресте. Откройте, иначе вам будет хуже!

— Я не мисс Бордмен, и я вызываю полицию.

Голос не ответил. Джилл ждала, глотая слюну. Неожиданно она почувствовала на лице сильный жар. Дверной замок раскалился докрасна, потом добела. Что-то треснуло, и дверь широко распахнулась. На пороге стояли двое мужчин. Один вошел в прихожую, ухмыльнулся и сказал:

— Она самая! Джонсон, пошарь в квартире и отыщи его.

— О'кей, мистер Берквист.

Джилл попыталась сыграть роль дорожного заграждения, но человек по имени Джонсон небрежно отодвинул ее в сторону и пошел в спальню. Джилл взвизгнула:

— Это насилие! Где ваш ордер?!

Берквист сказал успокаивающе:

— Не валяй дурака, сестренка. Веди себя спокойно, глядишь, и тебе облегчение выйдет.

Она стукнула его ногой по коленной чашечке. Он отступил, хромая.

— Ах, ты дрянь! — прошипел он. — Джонсон, ты нашел его?

— Тут он, мистер Берквист. Голый как лягушка!.. А ну-ка с трех раз догадайтесь, чем они тут занимались?

— Не имеет значения. Веди его сюда.

Появился Джонсон, толкая перед собой Смита и выкручивая ему руку.

— Не хотел идти добром!

— Он у нас пойдет как миленький!

Джилл, обогнув Берквиста, кинулась на Джонсона. Тот ударом отшвырнул ее.

— Ты это брось, шлюшка!

Джонсон ударил Джилл куда слабее, чем он бил свою жену, пока она не ушла от него, и уж совсем не так, как он лупил арестованных, не желавших раскалываться. До этого Смит ничем не выдал своего отношения к происходившему и не произнес ни слова. Он просто подчинился силе. Что происходит, он не понимал и старался ни во что не вмешиваться. Когда же он увидел, что его собрата по воде кто-то ударил, он рванулся, высвободился и протянул руку к Джонсону... и Джонсон тут же исчез.

Лишь стебельки травы, расправившиеся на том месте, где только что возвышались ножищи Джонсона, говорили о том, что он когда-то существовал. Джилл в изумлении смотрела на это место, чувствуя, что сейчас потеряет сознание.

Берквист захлопнул рот, потом снова открыл его и прохрипел:

— Ты что с ним сделала? — Он смотрел на Джилл.

— Я? Да ничего я с ним не делала!

— Брось врать! Там у вас люк или что?

— Нет там люка.

— Так куда ж он делся? — Берквист облизал губы.

— Не знаю.

Берквист выхватил из-под пиджака пистолет.

— И не вздумай пробовать на мне свои фокусы. Ты останешься здесь. Его я заберу с собой.

Смит снова погрузился в молчаливое пассивное ожидание. Не понимая происходящего, он сделал лишь минимум того, что должен был сделать. Но оружие он видел в руках людей на Марсе, и выражение лица Джилл, на которую был этот пистолет направлен, ему не понравилось. Он *грокк*, что это одна из самых критических

переломных точек кривой развития личности и что необходимо предпринять верно направленное усилие, дабы развитие шло без перерыва. Он вмешался.

Старейшие обучили его хорошо. Он сделал шаг к Берквисту. Пистолет тут же нацелился на него. Он протянул руку... и Берквиста не стало в этой точке пространства.

Джилл вскрикнула.

Раньше лицо Смита ничего не выражало. Теперь на нем появилось выражение трагического отчаяния, ибо он понял, что выбрал неправильный метод воздействия на критическую точку. Он умоляюще взглянул на Джилл и затрясся. Глаза его закатились, он медленно опустился на пол, свернулся клубочком и замер.

Истерию Джилл обрезало как ножом. Она была нужна своему пациенту, для эмоций не было места, как не было времени для рассуждений о том, куда же подевались те двое. Она бросилась на колени и осмотрела Смита.

Когда она не нашла ни пульса, ни дыхания, она приложила ухо к его груди. Ей показалось, что и сердце прекратило свою работу. Однако после долгого ожидания она услышала тихое тук-тук, а по истечении еще четырех-пяти секунд снова слабый удар. То, что произошло, напомнило ей шизоидную кататонию, хотя ей никогда не приходилось встречаться с таким глубоким трансом, — даже в классе во время демонстрации гипноанестезии. Она слышала о случаях такого, сходного со смертью, состояния у индийских факиров, но этим рассказам никогда не верила.

В обычных условиях она и не пыталась бы вывести больного из припадка каталепсии, а просто вызвала бы врача. Но обстоятельства были необычны. Последний поворот событий не только не ослабил ее решимости, а, наоборот, еще больше укрепил в ней намерение не допустить, чтобы Смит попал в руки властей. Однако десять минут безумных попыток использовать весь свой опыт убедили ее, что разбудить его невозможно.

В спальне Бена она нашла сильно потертый чемодан, слишком большой, чтобы служить ручной кладью, но слишком малый, чтобы именоваться сундуком. Джилл раскрыла его. Внутри лежали диктофон, комплект одеж-

ды и все необходимое репортеру, которому нужно срочно выехать из города, — даже лицензированный миниатюрный записывающий аппарат, который подключают к телефону. Джилл поняла, что этот чемодан еще раз доказывает, что отсутствие Бена было отнюдь не таким, каким его считал Килгаллен, но времени терять не стала.

Она выкинула все вещи Бена и отнесла чемодан в гостиную. Смит весил больше Джилл, но ее мускулы, привычные обрабатывать больных вдвое крупнее ее, позволили ввалить его тело внутрь чемодана.

Нужно было немного изменить позу Смита, иначе крышка не захлопывалась. Его мышцы противились резкому нажиму, но мягкое длительное усилие сделало их податливыми как воск. В углы чемодана она напихала белье Бена. Ей хотелось просверлить дырки для дыхания, но чемодан был крепок, как небьющееся стекло. Она решила, что при столь замедленном дыхании и низком уровне обмена веществ Смит не задохнется.

Ей еле-еле удалось приподнять чемодан обеими руками, нести его она не могла. Хорошо еще, что чемодан оказался оборудованным подшипниками «Ред Кэп». Они оставили страшные следы на травяном ковре Бена, но ей удалось все же вытащить чемодан на паркет прихожей.

На крышу выйти Джилл не решилась. Хватит с нее этих авиатакси! Через служебный ход она спустилась на цокольный этаж. Там не было никого, кроме молодого человека, инспектировавшего завезенные для кухни продукты. Он посторонился и позволил ей вытащить чемодан на тротуар.

— Слышь, сестренка! А что у тебя в ящике-то?

— Труп, — ответила она кратко.

Он передернул плечами.

— Задай дурацкий вопрос и получишь дурацкий ответ. Пора бы знать!

Часть вторая

ЕГО НЕСЛЫХАННОЕ БОГАТСТВО

Глава 9

Каждый день население третьей от Солнца планеты увеличивается на 230 тысяч человек, но для пяти миллиардов жителей Земли такой прирост почти не замечен. Королевство Южной Африки — ассоциативный член Федерации — опять предстало перед Высшим Судом по обвинению в попрании прав белого меньшинства. Короли моды собрались в Рио и провозгласили, что нижняя кромка блузок будет опущена и закроет пупок. Оборонные космические станции Федерации шастали в небе, обещая немедленную гибель всякому, кто нарушит мир на планете. Однако мир нарушался лишь воплями рекламы, передаваемой коммерческими спутниками и отражающей вечную битву товаров, выпускаемых конкурирующими фирмами. На берегах Гудзонова залива было установлено на полмиллиона передвижных домов больше, чем на ту же дату год назад. Рисовый пояс Китая был объявлен Ассамблеей Федерации зоной голода. Синтия Дачесс, известная как Богатейшая Невеста Мира, откупилась деньгами от своего шестого мужа.

Преподобный доктор Дениэл Дигби — Верховный епископ Церкви Нового Откровения (фостериты) — объявил, что назначил ангела Азраила ангелом-храните-

лем сенатора Федерации Томаса Буна и что он ожидает божественного утверждения этого назначения не позже сегодняшнего вечера. Все средства массовой информации сообщили эту сногшибательную новость, поскольку в прошлом фостериты разгромили несколько редакций газет. У мистера и миссис Гаррисон Кемпбел VI в детском госпитале Цинциннати родился с помощью «матери-хозяйки» сын и наследник, — счастливые родители как раз в это время отдыхали в Перу. Доктор Орас Квакенбуш, профессор искусства отдыха в Йельской школе богословия выступил с призывом бороться за возрождение веры и в поддержку духовных ценностей. Разразился скандал, связанный с тотализатором, в который оказалась вовлеченной почти половина членов футбольной команды Вест-Пойнта. Три специалиста по ведению бактериологической войны были освобождены от работы в Канаде в связи с эмоциональной нестабильностью. Они объявили, что обжалуют это решение в Высшем Суде. Высший Суд Федерации отменил решение Верховного Суда Соединенных Штатов по делу «Рейзенберг против штата Миссури», касающегося первичных выборов в Ассамблею Федерации, в котором были замешаны некоторые члены Ассамблеи.

Его превосходительство высокочтимый Джозеф Э. Дуглас, Генеральный секретарь Всемирной Федерации Свободных Государств, ковыряясь в своем завтраке, размышлял о том, почему это человеку не могут дать чашку приличного кофе. Его утренняя газета, подготовленная ночной сменой собственного информационного штаба, передвигалась перед глазами на экране сканера с оптимальной для чтения скоростью. Слова бежали лишь тогда, когда глаза его обращались к экрану. Сейчас он как раз смотрел туда, главным образом для того, чтобы не встречаться со взглядом своего босса, сидевшего за столом напротив него. Миссис Дуглас не читала газет. У нее были другие способы получения информации.

— Джозеф...

Он вздохнул и поднял глаза. Сканер перестал работать.

- Что, моя дорогая?
- Ты чем-то озабочен.
- Что? Почему ты так думаешь, дорогая?

— Джозеф! Неужели я напрасно ухаживала за тобой, чинила твои носки, спасала тебя от неприятностей в течение тридцати пяти лет — и не знаю, когда тебя что-то беспокоит?!

И беда в том, подумал он, что она действительно *знает!* Он взглянул на жену и подумал, какого черта он позволил ей чуть ли не силой загнать себя в бессрочный брачный контракт? Она была его секретарем в те добрые старые времена, когда он был всего лишь членом легислатуры штата. Их первым контрактом было соглашение о сожительстве, заключенное на срок девятидесяти дней, чтобы сэкономить на гостиничных счетах деньги, отпущенные на проведение избирательной кампании. Оба согласились в том, что «сожительство» должно пониматься только как проживание под одной крышей. Черт возьми, но она и тогда не штопала ему носки!

Он попробовал вспомнить, как получилось, что все пошло иначе. Биография миссис Дуглас — «В тени величия: биография одной женщины» — утверждала, что он сделал ей предложение во время подсчета голосов на своей первой избирательной кампании и был так романтичен, что ничто, кроме старомодного брака «пока смерть не разлучит нас» его не могло удовлетворить.

Впрочем, какой толк спорить с официальными версиями!

— Джозеф! Отвечай мне!

— Что? Да ничего особенного, моя милая. Я плохо спал сегодня.

— Знаю. Я всегда просыпаюсь, когда тебя будят по ночам.

Он подумал, что ее покои находятся не менее чем в пятидесяти ярдах от его, да еще их разделяет холл.

— Как ты узнаешь это, моя дорогая?

— Как? Женская интуиция! Что было в той записке, которую принес Бредли?

— Извини, дорогая... мне обязательно надо прочесть газету перед началом Совета...

— Джозеф Эджертон Дуглас, не пытайтесь меня обмануть!

Он вздохнул.

— Мы потеряли следы этого прощелыги Смита.

— Смита? Ты имеешь в виду «Человека с Марса»? Что ты хочешь сказать, говоря «потеряли следы»? Это же невозможно!

— Как бы то ни было, дорогая, но он сбежал. Еще вчера исчез из своей палаты.

— Неслыханно! Как ему это удалось?

— Видимо, он переоделся сестрой милосердия.

— Но... Впрочем, неважно. Главное, что он сбежал. И какой же дурацкий план вы разработали, чтобы его найти?

— Его ищут. Ищут самые надежные люди. Берквист...

— Этот болван?! Вместо того, чтобы задействовать всех полицейских из ФДБ *, от офицеров до постовых, ты посылаешь Берквиста!

— Но, моя дорогая, ты не понимаешь всей сложности ситуации. Мы так поступить просто не можем. Официально Смит никуда не исчезал. Видишь ли, есть другой... хм... так сказать, официальный «Человек с Марса».

— О! — Она побарабанила пальцами по столу. — Я же тебя предупреждала, что эта подмена к добру не приведет.

— Но, моя дорогая, ведь именно ты предложила этот план.

— Ничего подобного! И не вздумай со мной спорить! Ммм... Пошли за Берквистом.

— Видишь ли, Берквиста нет, он идет по следу. И пока еще не рапортовал.

— Вот как! Твой Берквист наверняка уже находится на пути в Занзибар! Он нас продал! Я всегда не доверяла этому проходимцу! Я же говорила тебе, когда ты нанимал его...

— Когда я нанимал его?

— Не перебивай... Что человек, который извлекает доходы, работая на две стороны, непременно найдет и

* Федеральный департамент безопасности.

третью. — Она нахмурилась. — Джозеф, за всем этим стоит Восточная Коалиция! Тебе следует подготовиться к тому, что они поставят в Ассамблее вопрос о доверии к правительству.

— Ты так считаешь? А я не вижу, почему. Никто об этом не знает еще.

— О, помолчи, ради Бога! Скоро все узнают. Об этом позаботится Восточная Коалиция. Помолчи и дай мне подумать.

Дуглас послушно замолчал. Он прочел, что совет округа и города Лос-Анджелес подал петицию в Ассамблею Федерации, прося помощи в борьбе со смогом, жалуясь при этом на министерство здравоохранения, которое ничеготеньки не сделало в данном направлении. Придется бросить им кусок пожирнее, иначе Чарли будет туговато на пере выборах, особенно когда фостериты решили выставить собственного кандидата. Акции «Лунар Энтерпрайз» к закрытию биржи поднялись на два пункта.

— Джозеф!

— Да, дорогая?

— Наш «Человек с Марса» — единственный! Тот же, которого выставит против нас Восточная Коалиция, — просто фальшивка. Вот так мы и поступим.

— Но, моя дорогая, нам никто не поверит...

— Как это не поверит?! Надо сделать, чтоб поверили!

— Ничего не выйдет. Ученые-специалисты тут же обнаружат подмену. Мне с огромным трудом пока удалось не допускать их к нему.

— Ученые, вот еще!

— И тем не менее это полностью в их силах.

— Не желаю ничего знать! Ученые какие-то! Наполовину воображалы, наполовину гадалки! Посадить их! Запретить законом! Джозеф, я много раз говорила тебе, что единственная настоящая наука — астрология!

— Ну не знаю, дорогая. Я, конечно, не против астрологии...

— Еще бы ты был против! Она тебя всю жизнь выручала!

— ...Но эти ученые профессора тоже не дураки. Один из них еще вчера рассказывал мне про звезду,

которая весит в шесть тысяч раз больше свинца... Или в шестьдесят тысяч раз? Дай-ка вспомнить...

— Чушь! Откуда они могут знать такие подробности?! Помолчи, Джозеф! Мы ни в чем не признаемся. Их парень — поддельный. За это время мы задействуем отряды нашей Специальной службы и похитим его, если возможно, еще до того, как Восточная Коалиция выступит со своими претензиями. Если понадобится, применим силовые приемы, и этот Смит будет застрелен при попытке сопротивления аресту или что-то в этом духе... Что же делать... От него с самого начала были одни неприятности.

— Агнес! Ты соображаешь, что говоришь?!

— А я ничего такого не предлагаю. С людьми ежедневно случаются несчастья. В этом деле, Джозеф, нужна полная ясность. Максимальная выгода для максимального большинства, как ты всегда говорил.

— Я не желаю, чтобы с этим парнишкой случилась беда.

— А кто говорит о беде? Нужны суровые меры, Джозеф. Это твой долг. История тебя оправдает. Что важнее — благосостояние пяти миллиардов человек или стать сентиментальной тряпкой ради одного мальчишки, который, строго говоря, даже не гражданин Земли?

Дуглас ничего не ответил, а миссис Дуглас продолжала стоять на своем:

— Мы просто не имеем права тратить время на споры о каких-то мелочах. Надо немедленно связаться с мадам Весант, чтобы она составила гороскопы. Неужели же я потратила лучшие годы своей жизни на то, чтобы вытащить тебя на тот уровень, где ты сейчас находишься, а ты отшвырнешь все это прочь из-за своей мягкотелости? Вытри яйцо с подбородка! — И она выплыла из комнаты.

Глава исполнительной власти планеты выпил еще две чашки кофе, прежде чем отправиться в зал заседаний Совета.

Бедная старушка Агнес! Он чувствовал, что она в нем разочаровалась... и, надо думать, изменение их образа жизни тоже оказало кое-какое влияние... А

недостатки есть у каждого; он, должно быть, наскучил ей так же, как она... А! Что там говорить!

Он выпрямился. В одном он тверд: он не позволит им быть жестокими с этим парнишкой Смитом. Конечно, мальчик — источник многих неприятностей, но что-то в нем есть такое, что располагает к нему — беззащитность и полоумие, вернее всего. Видела бы Агнес, как он пугался и впадал в панику, она бы сейчас так не говорила. Смит наверняка пробудил бы в ней материнский инстинкт.

А есть ли в Агнес этот инстинкт? Трудно сказать, особенно тогда, когда она сжимает свои губы! А, черт, во всех женщинах он должен быть. Это ж доказано наукой, верно?

Во всяком случае, будь она неладна, он не позволит ей командовать им! Взяла манеру напоминать ему, что это она протолкнула его на самый верх, но он-то знает правду. И ответственность за все тоже несет он один. Дуглас встал, распрямил плечи и пошел на Совет.

Весь день он провел в ожидании, что ему доложат о начале скандала. Однако ничего подобного не произошло. Дуглас пришел к заключению, что факт исчезновения Смита сохранен в секрете его штабом лучше, чем он мог надеяться. Как бы хотелось Генеральному секретарю закрыть глаза, а потом проснуться с чувством, что вся эта идиотская суматоха ему только снилась; однако действительность не оставляла его в покое, жена — тоже.

Агнес Дуглас не стала ждать, чтобы в истории «Человека с Марса» ее муж начал действовать сам. Его штаб привык получать от нее распоряжения и выполнять их с той же готовностью, что и приказы самого Дугласа (а возможно, и с большей). Она послала за помощником, отвечающим за гражданскую информацию, — такой пост занимал этот адъютант Дугласа, а затем вернулась к самой насущной проблеме — составлению гороскопа.

Линия спецсвязи соединяла ее покои со студией мадам Весант. Крутое лицо астролога появилось на экране почти немедленно.

— Агнес? Что случилось, дорогая? У меня клиент.

— Твой телефон прослушивается?

— Разумеется, нет.

— Тогда отделись от клиента.

Мадам Александра Весант не выказала ни малейшего раздражения.

— Минуточку!

Ее лицо исчезло с экрана, сменившись надписью «ждите». Кто-то вошел и встал у стола миссис Дуглас. Это был Джеймс Санфорт — пресс-агент, которого она вызвала.

— Какие известия от Берквиста? — резко спросила она.

— Что? Я этим не занимаюсь. Это дело Мак-Крири. Она жестом отмела его возражения.

— Его следует дискредитировать до того, как он заговорит.

— Вы полагаете, что Берквист нас предал?

— Не будьте идиотом. Надо было спросить меня, прежде чем брать его на работу.

— Я не брал. Это дело Мак-Крири.

— Предполагается, что вы должны следить за порядком... Я... — На экране появилось лицо мадам Весант. — Подождите там, — бросила миссис Дуглас Санфорту и повернулась к экрану. — Эли, дорогая, мне срочно нужен новый гороскоп Джозефа и мой.

— Хорошо, — ответила астролог, и в голосе ее прозвучала некоторая нерешительность. — Моя помощь была бы эффективней, если бы ты рассказала о причинах такой спешки.

Миссис Дуглас побарабанила по столу.

— Разве тебе это необходимо знать?

— Конечно, нет. Всякий, кто прошел серьезную школу, обладает познаниями в математике и знает звездную механику, может составить гороскоп, не имея ничего, кроме дня, часа и места рождения того или иного человека. Ты вполне могла бы овладеть этим и сама, если бы не была так занята. Но помни, звезды влияют, но не определяют. Если мне предстоит провести тонкий анализ, чтобы помочь тебе в кризисной ситуации, я должна знать, к какому сектору мне надлежит обратиться. Имеем ли мы дело с влиянием Венеры? Или, может быть, Марса? Или...

Миссис Дуглас решила.

— Марс, — прервала она астролога. — Элли, мне нужен и третий гороскоп.

— Хорошо, но чей?

— Гм... Элли, я ведь могу на тебя положиться?

Мадам Весант изобразила возмущение.

— Агнес, если ты мне не веришь, тогда обращай в другое место. Научную помощь тебе могут оказать и другие люди. Я не одна сведуща в древних знаниях. Профессор фон Краузмейер известен достаточно широко, даже если он иногда... — Она умышленно оставила фразу незаконченной.

— Успокойся, успокойся! Я даже представить себе не могу, чтобы кто-то, кроме тебя, предсказывал мне будущее. Выслушай меня. У тебя никто не подслушивает?

— Конечно, нет, дорогая.

— Мне нужен гороскоп Валентайна Майкла Смита.

— Валентайна Май... «Человека с Марса»?!!

— Да, да, Элли... Его похитили. Нам необходимо его найти.

Двумя часами позже мадам Весант оторвалась от своего письменного стола и с удовлетворением перевела дух. Ей пришлось дать секретарю указание отменить все намеченные встречи. Листы бумаги перед ней были покрыты диаграммами и какими-то расчетами, а зачитанный альманах с завернувшимися уголками страниц свидетельствовал о немалых усилиях. Мадам Александра Весант отличалась от многих других астрологов тем, что старалась определить влияние небесных тел, пользуясь дешевым изданием книги под названием «Тайная наука неопровержимой астрологии и ключ к Соломонову камню», которая принадлежала еще ее покойному супругу — профессору Саймону Магусу — чтецу мыслей, цирковому гипнотизеру и фокуснику, а также исступленному последователю Тайной Науки.

Мадам Весант верила в эту книгу так же, как верила в своего мужа. Никто не умел составить гороскоп лучше профессора, когда он был трезв, но, к сожалению, половину своего времени он был лишен возможности пользоваться этой жемчужиной среди книг. Она знала, что никогда не достигнет его уровня. Ее расчеты частенько бывали сумбурны, ибо Бекки Вейси (так ее

звали когда-то) так и не сумела постичь таблицу умножения и вечно путала семерки с девятками.

Тем не менее ее гороскопы славились своей надежностью. Миссис Дуглас была далеко не единственной из ее именитых клиентов.

Она слегка запаниковала, когда миссис Дуглас потребовала гороскоп «Человека с Марса»; один раз ей уже пришлось испытать схожее чувство, когда, как раз перед тем как профессор начал задавать ей вопросы на сеансе чтения мыслей, какой-то идиотик из зала заново перевязал ей повязку на глазах. Тогда она вывернулась, вспомнив, что еще девочкой она умудрялась отвечать на хитрые вопросы правильно. Поэтому она собралась с духом и довела чтение мыслей до победного конца.

Она затребовала у Агнес данные о часе, дне и месте рождения «Человека с Марса», будучи твердо уверенной, что таких сведений не существует в природе.

Однако эта информация, заимствованная из бортового журнала «Посланца», была ей вскоре вручена.

К этому времени мадам Весант уже успокоилась, приняла посланные материалы и обещала известить, когда гороскопы будут готовы.

После двух часов мучительного блуждания среди множества цифр, она, хотя вчерне и завершила работу над мистером и миссис Дуглас, но ровным счетом ничего не могла сказать о Смите. Причина загвоздки была проста и неустранима: Смит родился не на Земле.

В ее астрологической библии ничего на сей счет не было сказано, поскольку анонимный автор отдал Богу душу еще до первого полета на Луну. Она попробовала решить эту дилемму, используя положение, что принципы — есть принципы, и они неизменны, и что нужно лишь внести некоторые коррективы, связанные с местом рождения. Но тут она сразу же оказалась вовлеченной в лабиринт непонятных взаимозависимостей. Она даже не была уверена, что знаки Зодиака действительно на Марсе. А что можно сделать без знаков Зодиака?

Ей было бы, вероятно, легче извлечь кубический корень, хотя именно он послужил причиной того, что ей пришлось покинуть школу досрочно.

Мадам Весант достала бутылку тоника, которую приберегала для особо трудных случаев. Она приняла стаканчик, налила другой и задумалась о том, как бы в этом случае поступил Саймон. Ей показалось, что она слышит его уверенный голос: «Главное — это уверенность в себе, детеныш. Если ты уверена, тогда и все прочие дураки поверят тебе! Всегда смело рассчитывай на их глупость».

Теперь она чувствовала себя куда лучше и бодро взялась за гороскопы Дугласов. После них написать гороскоп Смита было уже совсем легко. Она обнаружила, что написанное слово (как всегда) звучит солиднее сказанного. Слова, перенесенные на бумагу, выглядели очаровательно и весомо. Мадам Весант уже кончала работу, когда позвонила миссис Дуглас.

— Элли, ты еще не закончила?

— Заканчиваю, — деловито ответила мадам Весант. — Ты, конечно, понимаешь, что гороскоп Смита представляет собой необычайную и очень трудную проблему для науки. Он ведь родился на другой планете, и каждый аспект приходится пересчитывать по-новому. Влияние Солнца уменьшается, Венеры — почти пропадает, зато Юпитер оказался в совершенно иной, можно сказать, уникальной роли, что, как я полагаю, требует...

— Элли, хватит об этом! У тебя есть ответы?

— Естественно.

— Благодарение Богу! А мне показалось, что ты объясняешь мне причины, по которым проблема оказалась тебе не по зубам.

Мадам Весант тут же дала ей понять, что ее достоинству нанесена кровоточащая рана.

— Моя дорогая, наука истинна, меняются лишь формы и отношения. Силы, которые определили мгновение и место рождения Христа, которые открыли Цезарю момент и обстоятельства его смерти, — не могут ошибаться. Истина — есть Истина, она неизменна.

— О да, конечно!

— Ты готова?

— Сейчас, только переключу на запись. Давай...

— Отлично. Агнес, это один из самых критических моментов вашей жизни. Никогда еще небеса не создавали такого сочетания силовых линий! От тебя требуются

прежде всего хладнокровие и глубокое продумывание каждого шага. В целом, перспективы у тебя благоприятные, но, разумеется, лишь в том случае, если ты не совершишь каких-нибудь опрометчивых действий. Не позволяй отвлекать свой ум деталям, лежащим на поверхности...

И пролился целый дождь подобных советов. Бекки Вейси была мастер давать хорошие советы, она обладала огромной силой убеждения, ибо считала их действительно превосходными. От Саймона она почерпнула, что, даже если звезды предсказывают беду, всегда следует найти возможность смягчить удар и намекнуть, что есть обстоятельства, которые клиент может использовать для достижения своего полного благополучия.

Напряженное лицо на экране ее видеофона успокоилось и стало одобрительно кивать в самых важных местах.

— Из этого мы заключаем, что отсутствие юного Смита есть неизбежное следствие, вызванное совместным влиянием трех гороскопов. Не беспокойся, он вернется... или же вы услышите о нем... и очень скоро. Самое важное — не принимать никаких скороспелых решений. Будь благоразумна.

— Понятно.

— И еще одно. Влияние Венеры благотворно и потенциально должно перевесить влияние Марса. Венера, разумеется, это ты, а Марс — твой муж и юный Смит, вследствие уникальных обстоятельств своего рождения. Это означает, что ты несешь двойное бремя ответственности и тебе придется принять вызов. Ты должна быть готова проявить те качества спокойной мудрости и стойкости, которые свойственны исключительно женщинам. Ты должна служить опорой своему мужу, вести его сквозь этот кризис и служить ему утешением. Тебе предстоит стать для него источником мудрости Земли-Матери. Это твой главный талант, и тебе его следует использовать со знанием дела.

Миссис Дуглас облегченно вздохнула.

— Эли, ты просто бесподобна! Не представляю, что бы я делала без тебя!

— Благодарю тех древних учителей, чьим недостойным последователем являюсь я.

— Ну их-то я физически не могу поблагодарить, а тебя могу. Эта услуга не может быть покрыта выданным тебе задатком.

— Нет, нет, Агнес, служить тебе — это моя привилегия.

— А моя привилегия — оценивать эти услуги. Элли, ни слова больше!

Мадам Весант позволила уговорить себя, а затем выключила экран, вполне удовлетворенная тем, что дала совет, который, как она знала, наверняка правилен. Бедняжка Агнес! Действительно, расчищать ей путь, облегчать ей ношу — это важная привилегия. Она обожала помогать Агнес.

Мадам Весант было приятно, что с ней почти как с равной обращается супруга самого Генерального секретаря, хотя думала она об этом не так уж часто, ибо вовсе не была снобом. В юности Бекки Вейси была персоной крайне незначительной, и члены надзорной комиссии местного полицейского участка даже не могли как следует запомнить ее фамилию, хотя были неплохо знакомы с ее бюстом. Бекки Вейси, однако, не помнила зла. Бекки любила людей. Агнесу Дуглас она тоже любила. Бекки любила всех.

Она посидела, наслаждаясь теплом камина, и отпила еще чуточку тоника, но ее изощренный ум в это время уже анализировал клочки той информации, которые она подобрала. Чуть позже она позвонила своему биржевому брокеру и приказала ему продать акции «Лунар Энтерпрайз».

Он так и фыркнул:

— Элли, диета явно действует на твои мозги!

— Слушай меня, Эд. Когда они упадут на десять пунктов, прикрой меня, даже если они будут продолжать падать... когда же они поднимутся пункта на три, — покупай опять... а продашь тогда, когда они вернутся к курсу сегодняшнего дня.

Последовало многозначительное молчание.

— Элли, ты что-то знаешь! Расскажи дядюшке Эду.

— Это послание звезд.

Эд вслух предположил нечто, астрономически совершенно невозможное.

— Ладно, если ты не хочешь сказать, так тому и быть. Ммм... Никогда не мог воздержаться от участия в изящном жульничестве. Как насчет того, чтобы последовать твоему примеру?

— Как хочешь, Эд. Только действуй осторожно, чтобы игра не стала явной. Ситуация очень деликатная, Сатурн равноудален от Льва и Девы.

— Как прикажешь, Элли.

Миссис Дуглас начала действовать немедленно, окрыленная тем, что Элли подтвердила ее предположения. Она отдала приказ открыть кампанию по дискредитации исчезнувшего Берквиста, после того как ознакомилась с его досье. Она вызвала команданте Туитчела из эскадронов Специальной службы. После этого он еще долго ходил мрачным и выместил все на своем заместителе. Она повелела Санфорту выпустить еще одну передачу о «Человеке с Марса», в которой должен быть пущен слух, будто бы из «источников, близких к Администрации», что Смит собирается уехать, а возможно, уже уехал в санаторий, находящийся в Андах, климат которых больше всего напоминает климат Марса. Потом она занялась проблемой покупки благожелательного отношения Пакистана. Она позвонила мужу и уговорила его поддержать претензии Пакистана на львиную долю кашмирского тория. Так как это совпадало с его собственным мнением, Генерального секретаря было легко уговорить, хотя он и был несколько раздражен сообщением миссис Дуглас, будто он постоянно противился такому решению. Когда с этим было покончено, миссис Дуглас отправилась на собрание Дочерей Второй Революции произносить речь на тему «Материнство в новом мире».

Глава 10

Пока миссис Дуглас болтала о предметах, в которых не понимала ровным счетом ничего, Джубал Е. Харшоу, БП, ДМ, ДН *, бонвиван, гурман, сибарит, популярнейший автор боевиков и философ-неопессимист — сидел у плавательного бассейна в своем поместье в Поконосе, почесывая густую серую поросль волос на груди и любуясь, как три его секретарши купаются в бассейне. Все три были потрясающе красивы. Кроме того, они были отличными секретарями. По мнению Харшоу, принцип минимизации усилий требовал, чтобы красота совмещалась с утилитарностью.

Анни была блондинкой, Мириам — рыжей как огонь, Доркас — брюнеткой. Фигуры их в том же порядке являли постепенный переход от приятной округлости к очаровательной стройности. Возрастной разрыв у них составлял пятнадцать лет, но кто был старше, а кто моложе, — сказать было трудно.

Харшоу усиленно трудился. Большая часть его сознания была занята наблюдением за тем, как прекрасные девушки изящно играют с солнцем и водой, а в малюсенькой замкнутой и звукоизолированной ячейке

* Бакалавр права, доктор медицины, доктор наук.

этого сознания шел творческий процесс. Харшоу говорил, что его метод сочинительства заключается в том, чтобы накрепко соединять половые железы со зрительным нервом и отключать серое вещество мозга. Привычки Харшоу вроде бы подтверждали надежность этой теории.

Микрофон, стоявший на столе, был подключен к диктофону, но Джубал пользовался им только для заметок. Когда же творческий процесс завершался, Джубал вызывал стенографистку и внимательно следил за ее реакцией. Сейчас он как раз был готов, а потому завопил:

— Первая!

— Первая — Анни, — откликнулась Доркас, — но я могу ее заменить: она только что нырнула.

— Нырй сама и тащи ее!

Брюнетка вошла в воду, как нож, а через секунду из бассейна вылезла Анни, накинула халат и присела к столу. Она не сказала ни слова и ничего не стала подготавливать. У нее была абсолютная память.

Харшоу поднял чашу, полную льда и налитого поверх него бренди.

— Анни, я родил нечто потрясающе слезоточивое. О крошечном котенке, который забрел в церковь в рождественский сочельник, чтобы согреться. Помимо того, что он помирал от голода и холода, он еще заблудился, главное — Бог знает почему — у него была перебита лапка. Итак, начнем! «Снег падал уже давно...»

— А какой псевдоним?

— Ммм... Молли Уодсворт... как раз подходит к этой сентиментальщине. Назовем его «Другие ясли». Начали...

Он диктовал, пристально следя за девушкой. Когда из ее опущенных к бумаге глаз покатились слезинки, Харшоу слегка улыбнулся и закрыл глаза. К тому времени, когда диктовка закончилась, слезы струились из его глаз так же обильно, как и у Анни. Оба прямо купались в катарсисе слащавых сентиментов.

— Точно в яблочко! — объявил он. — Вытри нос, унеси это барахло и, Бога ради, сделай так, чтобы оно никогда больше не попадалось мне на глаза.

— Джубал, неужто вам не стыдно самого себя?

— Нисколько!

— В один прекрасный день я за подобные рассказы дам хороший пинок в ваше толстое брюхо!

— Знаю. А пока уноси свою попку в дом и займись делом, а то как бы я не передумал.

— Слушаюсь, босс.

Обходя кресло, она чмокнула его в лысину. Харшоу снова взревел:

— Первая!!! — И Мириам тут же подбежала к нему.

В это время ожил установленный в доме громкоговоритель.

— Босс!

Харшоу произнес словцо, заставившее Мириам подавиться от неожиданности. Он прибавил:

— Что случилось, Ларри?

Громкоговоритель ответил:

— У ворот какая-то дама, а с ней труп.

Харшоу подумал.

— Хорошенькая?

— Э-э-э... Да.

— Так какого лешего ты ковыряешь в носу? Впусти ее!

Харшоу откинулся на спинку.

— Начнем, — сказал он. — «Глыбы домов тонут в дымке заднего плана. Коп сидит на стуле без фуражки, ворот расстегнут, лицо потное. Мы видим со спины другую фигуру, которая находится между зрителями и копом. Фигура поднимает руку, размахивается, так что рука исчезает из поля зрения, и ударяет копа. Раздается тяжелый, хлесткий звук удара с оттяжкой...» — Харшоу остановился и добавил: — Потом продолжим с этого места.

По склону холма к дому поднималась машина. Вела ее Джилл, рядом с которой сидел молодой человек. Когда машина остановилась, молодой человек выпрыгнул, явно довольный, что расстается с ней.

— Вот она, Джубал, — сказал он.

— Вижу. Доброе утро, девочка. Ларри, а где труп?

— На заднем сиденье, босс. Под одеялом.

— Это вовсе не труп, — возразила Джилл. — Бен сказал, что вы... Я имею в виду... — Она опустила голову и разрыдалась.

— Успокойся, малышка, — мягко сказал Джубал. — Вряд ли есть трупы, которые стоили бы столько слез. Доркас, Мириам, займитесь ею. Дайте ей чего-нибудь выпить и умойте.

Он подошел к заднему сиденью и приподнял одеяло. Джилл сбросила с плеча руку Мириам и пронзительно вскрикнула.

— Но выслушайте же меня! Он не умер! Во всяком случае, я надеюсь... Он... О Господи!!! — Тут Джилл снова зарыдала. — Я такая грязная и так напугана...

— По всей видимости, это труп, — рассуждал Харшоу. — Температура тела, насколько я могу судить, соответствует температуре воздуха. Правда, окоченение не совсем типично... Сколько времени он уже мертв?

— Да не мертв он вовсе! Нельзя ли вытащить его из машины?! Я с таким трудом затащила его туда!

— Ну еще бы! Ларри, помоги мне, и нечего делать вид, что тебя тошнит. Если вырвет, сам будешь убирать!

Они вдвоем вытащили Валентайна Майкла из машины и опустили на траву. Его тело окоченело и скрючилось. Доркас принесла Харшоу стетоскоп и, установив его на земле, включила и отошла в сторону.

Харшоу сунул в уши слуховые наконечники и начал прослушивать сердце.

— Боюсь, ты ошибаешься, — мягко сказал он Джилл. — Тут я уж ничем не смогу помочь. Кто это был?

Джилл тяжело вздохнула. Ее лицо было безжизненно, голос глух.

— Это был «Человек с Марса». А я так надеялась...

— Я верю, что так оно и было... «Человек с Марса»?

— Да. Бен... Бен Какстон сказал, что вы тот, к кому можно обратиться...

— Бен Какстон, вот как? Польщен доверием... Тихо!

Харшоу жестом потребовал полной тишины. Он явно был ошеломлен, потом на лице его появилось выражение радости.

— Сердце бьется! Будь я проклят, оно бьется!!! Доркас — наверх, в клинику — третий ящик в запертом отделении холодильника. Код «Сладкие сны». Тащи сюда весь ящик и шприц на кубик.

— Бегу!!!

— Доктор! Никаких стимуляторов!

Джубал обернулся к Джилл.

— Как это — никаких?

— Извините, сэр... Я, конечно, только медсестра... Но этот случай особый... Я знаю, что говорю.

— Ммм... Он теперь мой пациент, сестра. Но уже сорок лет назад я обнаружил, что я не Господь Бог, а десятью годами позже понял, что я даже не Эскулап. Что же вы предлагаете попробовать?

— Я хочу разбудить его. Если же он получит стимулятор, он еще глубже погрузится в забытие.

— Хм... Валяйте. Только не надо его топором... потому что, если это не поможет, мы попробуем мой способ.

— Слушаюсь, сэр.

Джилл опустилась на колени, пытаясь распрямить члены Смита. У Харшоу глаза полезли на лоб, когда он увидел, что это ей удастся. Джилл положила голову Смита себе на колени.

— Проснись, ну, пожалуйста, проснись, — шептала она. — Я твой брат по воде...

Медленно поднялась грудь. Смит глубоко вздохнул, и его глаза открылись. Он увидел Джилл и улыбнулся ей своей детской улыбкой. Потом осмотрелся вокруг, и улыбка исчезла.

— Все в порядке, — сказала Джилл. — Это наши друзья.

— Друзья?

— Все они наши друзья. Не волнуйся и не покидай нас опять. Все в порядке.

Он лежал неподвижно с открытыми глазами, которые внимательно разглядывали окружающих. Ему, видно, было так же хорошо, как котенку на коленях хозяйки.

Через двадцать пять минут оба пациента уже были в постелях. До того как начала действовать полученная от Харшоу пилюля, Джилл рассказала достаточно, чтобы он понял, что очутился в положении человека, поймавшего медведя за хвост.

Харшоу взглянул на машину, в которой приехала Джилл. Машина принадлежала муниципалитету и имела

на борту надпись «Ридингская аренда — вечное дорожное оборудование. Сделка с Голландцем всегда выгодна».

— Ларри, проволока под током?

— Нет.

— Включи. Затем сотри все отпечатки пальцев с этой рухляди. А когда стемнеет, отвези ее на противоположную окраину Ридинга, лучше всего доезжай до Ланкастера и брось ее в канаве. Потом отправляйся в Филадельфию, возьми шаттл на Скрантон и возвращайся домой с другой стороны.

— Будет сделано, Джубал. Скажите, а он действительно «Человек с Марса»?

— Молись, чтобы это было не так. Потому что, если тебя схватят до того, как ты оттащишь этот фургон на свалку, они тебя повяжут и будут пытаться ацетиленовой горелкой. Я-то думаю, что он самый и есть.

— Ладно, там поглядим. Может, мне заодно ограбить банк на обратном пути?

— Возможно, это единственная умная вещь из всех, что ты можешь предпринять.

— О'кей, босс, — Ларри переминался с ноги на ногу. — Может, вы разрешите переночевать в Филадельфии?

— Если хочешь, пожалуйста. Но, во имя Бога, что делать человеку в Филадельфии ночью? — Харшоу отвернулся. — Первая!

Джилл спала до ужина и проснулась освеженной и деятельной. Она понюхала воздух, шедший из решетки наверху, и поняла, что доктор скомбинировал снотворное со стимулятором. Пока она спала, кто-то унес грязную одежду и положил вечернее платье с сандалиями. Платье было ей впору, и Джилл предположила, что оно принадлежит девушке по имени Мириам. Она искупалась, подкрасилась, причесалась и спустилась в гостиную, ощущая себя совершенно новым человеком.

Доркас свернулась в кресле, что-то вышивая. Она кивнула Джилл так, будто та была членом семьи, и

вернулась к своему занятию. Харшоу помешивал питье в покрытом изморозью кувшине.

— Стаканчик?

— О да! Большущее спасибо.

Он налил до краев высокие стаканы для коктейлей и один подал ей.

— Что это такое? — спросила она.

— Сделано по моему рецепту. Одна треть водки, одна треть соляной кислоты и одна — дистиллированной воды, плюс две щепотки соли и таракан в уксусе.

— Лучше возьми обыкновенный хайбол, — посоветовала Доркас.

— А ты не лезь со своими советами, — откликнулся Харшоу. — Соляная кислота улучшает пищеварение, а таракан — это витамины и протеины. — Он поднял бокал и торжественно произнес: — За доблестных нас! Таких, как мы, уже почти не осталось! — И осушил до дна.

Джилл сделала осторожный глоток и сразу же — большой. Каковы бы ни были ингредиенты, это было именно то, в чем она нуждалась. Ощущение радости жизни распространилось от желудка по всему телу. Она отпила половину, и Харшоу тут же долил ее бокал.

— Заглядывала к нашему пациенту? — спросил он.

— Нет, сэр. Я даже не знаю, где он.

— Я навестил его несколько минут тому назад. Спит, как ребенок. Я думаю, надо переименовать его в Лазаря*. Как думаешь, он захочет спуститься ужинать?

Джилл подумала.

— Я не знаю, доктор.

— Ладно, когда проснется — узнаем. Он может присоединиться к нам, а захочет — получит ужин в постель. Это Храм Свободы, моя дорогая. Тут каждый делает, что хочет... но... если он сделает что-то, что не понравится мне, я его выкину к чертям. Кстати, я не люблю, когда меня зовут доктором.

— Сэр?

— Нет, нет. Ты меня не обидела. Но когда докторские степени стали раздавать за народные танцы и передовые способы ловли рыбы на мормышку, я гордо

* По евангельской притче — покойник, воскрешенный Христом.

отказался пользоваться этим титулом. Я ведь не пью виски разбавленным водой, а потому не могу гордиться разбавленной водой степенью. Зови меня Джубал.

— О! Но ведь медицинские степени водой не разбавлялись?

— Тогда самое времечко назвать их иначе, чтобы не путали докторов и зрителей танцевальных площадок. Девочка, а почему ты так интересуешься этим больным?

— Почему? Да я же вам все рассказала, док... Джубал...

— Ты мне рассказала, что произошло. Но не сказала почему. Джилл, я ведь видел, как ты с ним говорила. Ты влюблена в него?

Джилл чуть не задохнулась от негодования.

— Как можно предположить такое!

— А почему бы и нет? Ты — девушка, он — юноша. Вполне нормальная ситуация.

— Но... Нет, Джубал, тут не то... Я... ну он был пленником, и я подумала... или Бен подумал, что он в опасности. Мы не хотели, чтобы его права попирались.

— Ммм... Моя дорогая, я с большим подозрением отношусь к бескорыстной заинтересованности... На мой взгляд, у тебя вполне нормально работают железы внутренней секреции, так что догадываюсь, это либо Бен, либо этот несчастный мальчик с Марса. Уж лучше бы ты сама проанализировала мотивировку своих действий, а потом решила, каким путем тебе идти. А между прочим, что ты хочешь, чтобы я с ним сделал?

Такая широкая постановка вопроса делала ответ на него особенно трудным. С той минуты, как Джилл перешла рубикон, она не думала ни о чем, кроме спасения. Каких-либо планов у нее не было.

— Я не знаю.

— Так я и думал. Предполагая, что ты захочешь сохранить свой диплом, я взял на себя смелость послать письмо из Монреаля твоему заведующему терапией. В нем ты просишь об отпуске по случаю болезни одного из членов твоей семьи. О'кей?

Джилл почувствовала внезапное облегчение. Она постаралась как можно глубже запрятать беспокойство о своем собственном благополучии. Однако где-то внутри

сидел твердый комок горечи из-за того, что она сделала со своей профессиональной карьерой.

— О, Джубал, спасибо вам! — Потом она добавила: — Я не виновна в небрежении своим долгом: сегодня у меня выходной день.

— Тем лучше. Что ты еще хочешь?

— У меня еще не было времени подумать. Гм... наверное мне следует связаться со своим банком и снять со счета деньги... — Она замолкла, пытаясь вспомнить состояние своего счета, — он никогда не бывал особенно велик, и иногда она забывала...

Джубал перебил ее:

— Если ты это сделаешь, копы на тебя тут же навалятся, да так, что ребра затрещат. Не лучше ли остаться здесь, пока дела как-то не образуются?

— Но, Джубал, я не хотела бы навязываться.

— А ты уже навязалась. Не беспокойся, дитя, У нас всегда кто-нибудь гостит. Никто не навязется мне без моего собственного желания, так что не пугайся. Теперь о нашем пациенте. Ты сказала, что не хочешь, чтобы его права нарушались. Ты ждешь моей помощи в этом?

— Ну Бен говорил... Бен думал, что вы поможете...

— Бен говорил, не спросив меня. Меня совершенно не интересуют так называемые «права». Его право на Марс — юридический нонсенс. И, будучи сам адвокатом, я не могу уважать такую чушь. Что касается богатства, которым, как считают, Смит владеет, то данная ситуация создана страстями множества людей и нашими племенными обычаями. Сам он никакого богатства не заработал. Пусть радуется, если они украдут у него все состояние, а я даже газету не разверну, чтобы поискать сообщение об этом событии. Если Бен ожидал, что я буду бороться за «права» Смита, значит, вы попали не туда, куда нужно.

— Ох... — Джилл почувствовала себя покинутой и одинокой. — Придется мне что-то придумать и забрать его отсюда.

— О нет! Только в том случае, если ты сама того захочешь.

— Но вы же сказали...

— Я сказал, что не интересуюсь юридическими фикциями. Но гость под моей крышей — дело совсем иного рода. Он может оставаться здесь, сколько пожелает. Я просто хотел разъяснить тебе, что не имею ни малейшего желания быть вовлеченным в грязную политику ради того, чтобы вы с Беном могли позабавиться игрой в романтическую чушь. Моя дорогая, когда-то давно я думал, что служу человечеству... и был в восторге от этой мысли. Затем я обнаружил, что человечество вовсе не хочет, чтобы ему служили, а, наоборот, всячески противится таким попыткам. Поэтому теперь я делаю лишь то, что нравится самому Джубалу Харшоу. — Он отвернулся. — Пожалуй, наступило время ужина, верно, Доркас? В этом доме хоть кто-нибудь занимается делом?

— Мириам. — Доркас отложила вышивание и встала.

— Не могу понять, как эти девчонки делят между собой работу!

— Босс, а откуда вам это знать? Вы-то сами все равно никакой работы не выполняете. — Доркас хлопала его по животу. — А едите аккуратнейшим образом, ничего не пропуская.

Прозвучал гонг, и они пошли в столовую. Если Мириам и готовила ужин, то, надо полагать, она для этого разработала совершенно новый способ экономии сил; она сидела в конце стола — спокойная и очаровательная. В дополнение к трем секретаршам за столом был еще один мужчина, чуть постарше Ларри, которого все звали Дьюк и который обращался с Джилл так, как будто она жила тут всегда.

За столом прислуживали роботы, а не андроиды, управление ими производилось с пульта, находившегося рядом с Мириам. Еда была великолепной и, видимо, натуральной.

Но Харшоу все не нравилось. Он бурчал, что его нож затупился, что мясо жесткое, он даже обвинил Мириам в том, что на стол поданы вчерашние объедки. Никто, по-видимому, к нему не прислушивался особенно, но Джилл стало очень жаль Мириам. Вдруг Анни положила вилку.

— Он посмел упомянуть готовку своей мамаша, — зловеще сказала она.

— Опять воображает, должно быть, что он тут босс, — поддержала ее Доркас.

— Сколько дней это уже тянется?

— Примерно десять.

— Этого предостаточно!

Анни взглядом подала команду Мириам и Доркас. Все трое встали. Дьюк продолжал спокойно есть.

Харшоу быстро забормотал:

— Девочки, девочки, только не за едой! Подождите пока...

Но они молча надвигались на него. Робот метнулся в сторону. Анни схватила Харшоу за ноги, Мириам и Доркас досталось по руке. Французское окно распахнулось само собой. Визжащего Харшоу унесли.

Вопль заглушило громким всплеском.

Девушки вернулись. Они казались совершенно спокойными. Мириам села на свое место и обратилась к Джилл:

— Хочешь еще салата, Джилл?

Вернулся Харшоу в пижаме и халате вместо вечернего костюма. Робот, прикрывший его тарелку стеклянным колпаком, когда Харшоу вынесли из столовой, снял колпак. Джубал приступил к еде.

— Как я уже говорил, — заметил Харшоу, — женщины, которые не умеют готовить, ничего не стоят. Если меня не будут кормить, как надо, я скормлю вас собакам, а потом пристрелю собак. Что у нас на десерт, Мириам?

— Клубничный торт.

— Ну это еще куда ни шло! Приведение приговора в исполнение откладывается до среды.

После ужина Джилл отправилась в гостиную, надеясь посмотреть передачу новостей по стереовизору и узнать, не уделено ли там внимания ее собственной персоне. В гостиной не оказалось ни экрана и ничего такого, что могло бы быть закамуфлированным «ящиком». Подумав, она сообразила, что вообще не видела здесь ничего похожего. Не видела она и газет, хотя книг и журналов было полно.

Никто к ней не присоединился. Она не знала, который час. Ее часы остались наверху. Она пошарила взглядом по стенам в поисках настенных часов. Не нашла их, и тут в ее памяти всплыло, что она вообще не видела здесь ни часов, ни календарей. Тогда Джилл решила, что с тем же успехом можно отправляться в постель. Одна стена была заставлена полками с книгами и кассетами. Джилл взяла кассету со сказками Киплинга и, весело напевая, побежала наверх.

Кровать в ее комнате была, должно быть, из затраченного дня. Она имела приспособления для автомассажа, кофеварку, климатизатор, читальную машину и много чего еще. Не было только будильника. Джилл решила, что не проспит, вложила пленку в аппарат, легла на спину и стала читать бегущие по потолку строчки. Вскоре ее пальцы соскользнули с контрольной клавиши, свет погас... Джилл уснула.

Джубал Харшоу никак не мог уснуть. Он был крайне недоволен собой. Его чувство любопытства уже давно атрофировалось, а реакции притупились. Почти полстолетия назад он дал, казалось, нерушимую клятву никогда больше не подбирать бездомных котят, и вот теперь, по соизволению Венеры любвеобильной, разом подобрал двух... нет, трех, если считать Бена Какстона.

То, что он уже нарушал клятву больше раз, чем она насчитывала лет, его не беспокоило. Логика никогда не надевала на его ум своих пут. Не беспокоило и появление под крышей его дома двух новых постояльцев. Мелочная скупость не была свойственна натуре Джубала. На протяжении почти ста лет своей бурной жизни он много раз разорялся, но неоднократно становился еще более богатым, чем был сейчас. Он смотрел на это так же спокойно, как на изменения погоды, и никогда не опускался до того, чтобы пересчитывать сдачу.

Однако перспектива переполоха, который, без сомнения, последует за тем, как ищейки схватят этих детишек, раздражала Джубала. Он считал, что их поимка неотвратима. Эта наивная девочка Джилл оставила за собой следов не меньше, чем хромая корова!

И до каких пор люди будут ломиться в его священное убежище, предъявляя требования?.. До каких пор ему придется принимать решения и переходить к действиям? Он был убежден, что действие всегда бессмысленно, и поэтому перспектива необходимости совершать поступки злила его.

Естественно, он не ожидал от людей осмысленного поведения. Большинство людей вообще кандидаты на пребывание в сумасшедшем доме. Как бы он хотел, чтобы его оставили в покое! Все... кроме тех немногих, которых он выбрал себе в товарищи по играм. Он был уверен, что, если бы его предоставили самому себе, он давно достиг бы нирваны. Любовался бы на свой пуп и даже исчезал бы с глаз других людей, как это делают индусские фокусники. Неужели так трудно оставить человека *одного*?

Около полуночи он отложил в сторону свою двадцать седьмую сигарету и зажег свет. Потом заорал в микрофон:

— Первая!!!

Вошла Доркас в халате и ночных тапочках. Она зевнула:

— Да, босс?

— Доркас, последние двадцать или тридцать лет я прожил, как последний паразит!

Она снова зевнула.

— А кто же этого не знает?

— Нечего мне льстить! В жизни каждого человека рано или поздно наступает момент, когда он перестает быть разумным, и тогда он поднимается во весь рост и становится мужчиной, с которым считаются все; наступает момент идти сражаться за Свободу и побеждать Зло.

— У-а-а-а!

— Поэтому немедленно прекрати зевать! Время настало!

Она взглянула на свои ноги.

— Может, мне лучше одеться?

— Конечно! Подними остальных девиц! Мы немедленно займемся делами. Вылей ушат воды на Дьюка и вели ему стереть пыль с балаболки и принести ее в кабинет. Мне нужны новости.

Доркас не поверила своим ушам:

— Вам нужен стереовизор?!

— Я разве неясно выразился? Вели Дьюку, если аппарат неисправен, немедленно встать и отправиться на поиски другого. А теперь — сгинь! Нам предстоит историческая ночь!!!

— Хорошо, — сказала Доркас с сомнением, — но сначала мы измерим вам температуру.

— Молчи, женщина!

Дьюк притащил «ящик» как раз вовремя, чтобы Джубал смог увидеть повторную трансляцию второго фальсифицированного интервью с «Человеком с Марса». Комментарий включал слух о предполагаемом переезде Смита в Анды. Джубал сложил два и два, после чего начал обзванивать своих знакомых, что продолжалось до самого утра.

На рассвете Доркас принесла ему завтрак — шесть яиц, взбитых с коньяком. Он проглотил их, размышляя о преимуществах долголетия, дающего возможность быть знакомым почти со всеми сколько-нибудь именитыми людьми и даже звонить им в любое время дня и ночи.

Харшоу готовил бомбу, но не хотел ее взрывать до тех пор, пока сильные мира сего не заставят его это сделать. Он понимал, что правительство захочет немедленно изолировать Смита на том основании, что тот некомпетентен и не может здраво оценивать действительность.

Предварительный диагноз Джубала был таков: Смит, по всем меркам, безумец с юридической точки зрения, и психопат — с медицинской. Он жертва уникального и невиданного ситуационного психоза, развившегося, во-первых, потому что взращен негуманоидами, а во-вторых, так как недавно был перенесен в другое, чуждое ему общество.

Но Джубал презирал и юридические представления о безумии, и медицинские о психопатии; они для него значения не имели. Это человеческое существо претерпело глубокую и, видимо, успешную адаптацию к нечеловеческому обществу в том возрасте, когда психология ребенка особенно податлива. Так не мог бы Смит уже взрослым, обладающим установившимися привычками и стереотипами, пережить еще одну адаптацию, которая, конечно, будет протекать гораздо сложнее в этом

возрасте? Доктор Харшоу был намерен выяснить это. Это был первый случай на протяжении нескольких десятилетий, когда он действительно заинтересовался чем-то из области практической медицины.

Кроме того, Джубала интриговала идея подразнить сильных мира сего. В его душе глубоко сидел сильнейший заряд анархизма того сорта, что свойствен всякому американцу с первого дня рождения. Восстать против планов правительства — эта мысль придавала его существованию ту пикантность, которой он был лишен чуть ли не целое столетие.

Глава 11

Вокруг незначительной звезды типа «G», на задворках второстепенной Галактики, планеты вращались точно так же, как вращались уже миллиарды лет в согласии с модификацией универсального закона о кратности квадратов, формирующего пространство Вселенной. Четыре были приличных для планет размеров, то есть достаточно заметны, а остальные — просто песчинки, прячущиеся либо в складках солнечной короны, либо затерянные во мгле космоса.

Все они, как и полагалось, были заражены той странной формой нарушения энтропии, которая именуется Жизнью. На Третьей и Четвертой планетах температуры на поверхности колебались около точки замерзания окиси водорода, вследствие чего здесь зародилась жизнь, весьма сходная по формам, что создавало предпосылки для развития некоторых, в том числе социальных, контактов.

Древнюю расу марсиан, живших на четвертой от Солнца планете, контакт с Землей мало волновал. Их нимфы радостно резвились на поверхности, учась жить, в результате чего восемь из десяти нимф погибали. Взрослые марсиане резко отличались от нимф по форме и степени разумности. Они жили в своих сказочно

изящных городах и были в той же степени исполнены спокойствия и выдержки, в какой нимфы — жизнерадостны и подвижны. Взрослые жили напряженной интеллектуальной жизнью.

Конечно, взрослые марсиане не были свободны от работы, если понимать это слово в том смысле, который вкладывают в него люди. У них была планета, за которую они отвечали; были растения, которым надо было указывать, где и когда расти; были нимфы, прошедшие испытания на выживаемость, которых надо было собирать вместе, ухаживать за ними и оплодотворять. Полученные в результате этого процесса яйца надо было тщательно лелеять, нужно было отдавать много времени их созерцанию, дабы поощрять правильное созревание; надо было уговаривать выполнивших свой долг нимф бросить заниматься глупостями и переплотиться во взрослые марсианские особи.

Все это были дела, но на Марсе они формировали Большую Жизнь еще в меньшей степени, чем формируют у человека, руководящего всемирной промышленной компанией, ежедневные прогулки со своей собакой (хотя существа с Арктура III расценили бы подобные прогулки как самое важное событие в жизни крупного капиталиста, посчитав этого человека за раба собаки).

И марсиане, и люди были жизненными формами, способными к самосозерцанию, но этот процесс пошел у них в разных направлениях. Все поведение людей, все мотивы этого поведения, все надежды и страхи человечества были окрашены и контролировались трагическим и странно привлекательным способом размножения. Примерно то же самое было и на Марсе, но с зеркально противоположными результатами. У марсиан биполярная половая структура, характерная для этой части Галактики, вылилась в столь отличную от Земли форму, что понятие «секс» имело здесь чисто биологический смысл и ни в коей мере не было эквивалентно тому смыслу, который вкладывает в это понятие земной психиатр. Марсианские нимфы были женскими особями, взрослые марсиане — мужскими.

Но каждый пол различался лишь функционально, а не психологически. Та полярность «мужчина — женщина», которая определяла весь характер жизни лю-

дей, на Марсе просто отсутствовала. Брак как таковой здесь был невозможен. Взрослые марсиане были огромны, и первым людям на Марсе они больше всего напоминали ледоколы под парусом. Физически они были пассивны, интеллектуально — активны. Нимфы же представляли собой жирные, покрытые шерстью сферические тела, полные неумной и бездумной энергии.

Параллель между основами психологии людей и марсиан отсутствовала. У людей двуполость была источником единения и движущей силой, определяющей всю деятельность человека — от написания сонетов до открытия уравнений атомной физики. Если кто-либо предполагает, что земные психологи преувеличивают силу половой биполярности, пусть он общается с земными патентными конторами, библиотеками и картинными галереями и найдет там хоть одно произведение, принадлежащее евнуху.

Марсиане, движимые иными, чем у людей, побудительными причинами, почти не обратили внимания ни на «Посланец», ни на «Победитель». Эти события для них были слишком недавними, чтобы сыграть значительную роль: ведь если бы марсиане пользовались газетами, им вполне хватало бы одного выпуска в земное столетие. В контактах с другими расами для марсиан тоже ничего нового не было. Это случалось раньше и будет происходить в будущем. Когда марсиане полностью *грокк* новую для них расу (а на это уходило по земным меркам не менее тысячелетия), то, если в том была необходимость, они начинали действовать.

В данное время на Марсе имели место гораздо более важные события. Поэтому умершие во плоти Старейшие, особо не раздумывая, решили послать своего человеческого согнезника на Третью планету, чтобы он там *грокк*, что сможет, а сами обратились к своим собственным важным проблемам.

Незадолго до этого — примерно в те времена, когда на Земле жил Цезарь Август, — некий марсианский художник занялся созданием великого творения. Его можно назвать как угодно — поэмой, музыкальнымopusом, философским трактатом. В общем, это был ряд эмоциональных переходов, аранжированных в трагико-логическую необходимость. Поскольку люди

могли бы оценить это произведение примерно так же, как слепой от рождения может понять что-то из устного описания заката, то к какому виду искусства это произведение относилось — совершенно неважно. Важно другое, — художник расстался со своей плотью до того, как закончил свое произведение.

Неожиданная потеря плоти — явление на Марсе очень редкое. Марсиане в этих делах любят, чтобы жизнь тела была «завершена», то есть чтобы смерть плоти наступила бы в точно предназначенный для этого момент. Художник же так увлекся своей работой, что забыл вовремя укрыться от холода. Когда его отсутствие было замечено, тело художника уже не годилось для еды. Сам же он даже не заметил гибели своей плоти и продолжал трудиться над завершением начатого опуса.

Марсианское искусство распадается на две ветви: то, которое разрабатывается ныне живущими взрослыми, — оно отличается жизненностью, часто весьма радикально и несколько примитивно; и то, которое практикуется Старейшими, — обычно консервативное, очень усложненное и насыщенное интереснейшими и изысканнейшими техническими решениями. Обе ветви оцениваются только по отдельности.

По каким же канонам следовало судить произведение того художника, о котором идет речь? Явно оно было мостом от тех, кто еще жил во плоти, к тем, кто уже был бесплотен. Окончание этого опуса принадлежало уже Старейшему, но автор погрузился в творческий процесс, как это свойственно настоящим творцам всех времен и народов, столь глубоко, что не заметил изменения собственного статуса и продолжал трудиться так же, как если бы был во плоти. Может быть, это был новый вид искусства? Не могут ли появиться новые его образцы в случае внезапной телесной смерти художников, погруженных в творческий процесс? Старейшие обсуждали эти восхитительные возможности, погружаясь в транс и вступая в состояние внутренней групповой связи, а телесные марсиане с нетерпением ждали их решения.

Проблема эта представляла особый интерес еще и потому, что касалась религиозного (в земном понима-

нии) искусства и имела огромную значимость в эмоциональном плане: в опусе описывался контакт между марсианами и жителями Пятой планеты — событие, которое имело место очень давно, но сохранило для марсиан животрепещущее значение, подобно тому как одна-единственная казнь путем распятия остается для землян живой и необычайно важной спустя два тысячелетия.

Марсиане встретились с жителями Пятой планеты, полностью их *грокк* и немедленно приступили к действиям: обломки астероидов — вот все, что осталось от этой планеты, хотя марсиане, разумеется, продолжают ценить и восхвалять уничтоженных ими ее бывших обитателей. Произведение, о котором речь шла выше, было одной из попыток *грокк* этот восхитительный момент истории во всей его сложности, но в рамках единого творческого импульса. Однако, прежде чем дать ему окончательную оценку, следовало *грокк*, как же его судить. Это была интереснейшая проблема.

А Валентайн Майкл Смит, находившийся в это время на Третьей планете, об этой жгучей проблеме даже не помышлял. Он о ней никогда и не слыхивал. Его марсианский Учитель и собратья этого Учителя по воде не были расположены дразнить воображение Смита вещами, сути которых он уловить не мог. Смит, конечно, знал о разрушении Пятой планеты, так же, как школьники на Земле узнают о Трое или Плимут-Роке *, но до искусства, которого он *грокк* не мог, его просто не допускали. Его образование было уникальным: он знал неизмеримо больше, чем его юные согнезники, но и на столько же меньше, чем взрослые марсиане. Его Учитель и советники Учителя из числа Старейших с мимолетным интересом наблюдали, сколько и какие именно знания мог усвоить этот чужестранный юный согнезник. Результат наблюдений дал им больше знаний о человеческой сущности, чем имеют о себе сами люди, ибо Смит свободно *грокк* такие вещи, о которых прочие люди и понятия не имеют.

* Скала в Плимуте (штат Массачусетс), отмечающая место высадки первых английских колонистов в Америке в 1620 г.

Сейчас Смит был очень счастлив. В Джубале он нашел нового собрата по воде, приобрел много друзей и знакомых, обогащался множеством впечатлений, сменявшихся с калейдоскопической быстротой, так что он не успевал их как следует *грокк*. Он откладывал их в памяти, чтобы потом, в свободную минуту, пережить еще раз.

Его брат Джубал сказал ему, что Смит будет *грокк* это удивительное и прекрасное место и лучше, и быстрее, если научится читать, поэтому он высвободил целый день, а Джилл показывала ему слова и учила произношению. Правда, из-за этого ему пришлось на день отказаться от купания в бассейне и плавания, что было для него огромной жертвой, поскольку плавание стало не только счастьем, но и приводило его в настоящий религиозный экстаз. Если бы не Джилл и Джубал, он бы ни на минуту не вылезал из бассейна.

Поскольку по ночам ему плавать не разрешалось, то это время суток посвящалось чтению. Он проглядывал тома энциклопедии, а на десерт «закусывал» медицинскими и юридическими книгами из библиотеки Харшоу.

Его брат Джубал, увидев, как он перелистывает какую-то книгу, остановился и спросил, о чем он читает. Смит отнесся к вопросу очень серьезно, точно так же, как относился к тем проверкам, которые ему устраивали Старейшие. Его собрат, по-видимому, остался чем-то недоволен, так что Смиту пришлось заняться медитацией, — он был уверен, что ответил теми же самыми словами, которыми была написана книга, хотя он их не *грокк*.

Все же бассейн он предпочитал книгам, особенно когда Джилл, Мириам, Ларри и все остальные брызгали водой друг в друга. Он не сразу научился плавать, но зато открыл, что может делать то, чего остальные не могут. Он опустился на дно и лежал там, погруженный в блаженство, пока его не вытащили оттуда с таким шумом и волнением, что он чуть было не впал в транс, хотя было ясно, что ими движет забота о его благополучии.

Потом он продемонстрировал то же самое Джубалу, проведя на дне чудесное время, и даже попробовал обучить своего брата Джилл, но она почему-то развол-

новалась, и он не стал настаивать. Так он впервые понял, что умеет делать вещи, которые недоступны для его новых друзей. Он много думал об этом, стараясь *грокк* проблему во всей ее глубине.

Смит был счастлив. Харшоу — нет. Он продолжал бездельничать, время от времени обращаясь к наблюдениям над своим новым лабораторным экспонатом. Он не разрабатывал для Смита ни особого расписания, ни особых программ, не проводил даже регулярных наблюдений над его физиологией. Харшоу пустил Смита бегать без поводка, как щенка на ранчо. Присмотр Джилл был более чем достаточен, хотя, по мнению раздражительного Джубала, женское воспитание никогда не приносило мужчинам добра.

Однако Джилл в основном лишь старалась привить Смицу кое-какие правила приличий. Теперь он обедал за столом и сам одевался (так думал Джубал, хотя и сделал для себя пометку, чтобы спросить у Джилл, не помогает ли она ему). Он быстро усвоил порядки этого дома и хорошо справлялся с возникающими перед ним проблемами по методу: «обезьянка видит, обезьянка подражает». В первую свою трапезу за общим столом Смит пользовался ложкой, а Джилл резала ему мясо ножом. Уже к концу обеда он ел так же, как и все остальные. А в следующий раз его манеры были скопированы с Джилл, даже включая некоторую присущую ей манерность.

Даже открытие, что Смит научился самостоятельно читать со скоростью электронного сканера, не подвигло Джубала на создание своего рода «Проекта Смита» с обязательными наблюдениями, измерениями и вычерчиваниями кривых прогресса. Харшоу была свойственна высокомерная скромность человека, так много познавшего, что теперь ему стала ясна беспредельность его незнания. Он не видел нужды в измерениях, поскольку не знал, что именно надо измерять.

Но и наслаждаясь наблюдением того, как уникальное лабораторное животное превращается в копию

человека, он все же не испытывал полного удовлетворения.

Подобно Генеральному секретарю Дугласу, Харшоу ожидал начала большого скандала.

Поскольку Джубал решил действовать лишь в ответ на действия, направленные против него, отсутствие таковых его сильно раздражало. Черт побери, неужели федеральные копы так тупы, что не смогли проследить совершенно неопытную девчонку, тащившую чуть ли не через весь континент мужчину, находившегося в бессознательном состоянии? Или же они все время шли по ее следам, а теперь установили глухую слежку за его домом? Эта мысль приводила его в бешенство. Представить себе, что правительство днем и ночью следит за его домом, за его замком, было столь же тошнотворно, как и думать, будто его письма читают чужие глаза.

Ведь это тоже было в их власти! Ничего себе правительство! Три четверти его состоит из жалких паразитов, а остальные — просто тупые болтуны... О, Харшоу допускал, что человек, как животное общественное, не может обходиться без правительства, подобно тому, как он не в состоянии свергнуть власть собственного желудка над собой. Но только потому, что Зло неодолимо, вряд ли стоит называть его Добром. Как хотелось ему, чтобы правительство убралось куда подальше, да там и осталось!

Было вполне возможно и даже вероятно, что Администрация знает, где находится сейчас «Человек с Марса», но решила пока ничего не предпринимать. Если это так, то как долго будет продолжаться период бездействия? И как долго сможет Харшоу держать свою «бомбу» в боевой готовности? И где, во имя всех чертей, находится этот молодой идиот — Бен Какстон?

Джилл Бордмен заставила его выйти из состояния той духовной прострации, в которой он занимался расчетами на пальцах.

— Джубал!

— А? Ах, это ты, девочка! Я задумался. Садись. Выпьешь стаканчик?

— Нет-нет, спасибо. Джубал... я очень беспокоюсь.

— Что ж, это нормально. Смотри, какой великолепный прыжок! Интересно, удастся ли повторить его?

У Джилл были искусаны губы, и выглядела она лет на двенадцать старше, чем всегда.

— Джубал! Выслушайте меня! Я очень боюсь.

Он вздохнул.

— Ну в этом случае тебе бы следовало обсушиться. Бриз довольно прохладный.

— Ничего, мне тепло. Скажите, Джубал, можно мне оставить у вас Майкла одного?

Харшоу поморгал.

— Разумеется. Девочки присмотрят за ним, неприятностей от него никаких. Ты уезжаешь?

Она старательно избегала его взгляда.

— Да.

— Ммм... Мы тут тебе рады. Но ты свободна и можешь уехать, если захочешь.

— Но, Джубал, я вовсе не хочу уезжать!

— Тогда не уезжай.

— Так ведь надо.

— Давай-ка еще раз прокрутим нашу пленку, я как-то не ухватил смысла.

— Ну как вы не понимаете, Джубал. Мне тут очень хорошо. Вы так добры к нам! Но я не могу остаться, особенно, когда Бен пропал. Я должна разыскать его!

Харшоу буркнул весьма непристойное словцо, а затем добавил:

— А как ты собираешься начать свои поиски?

Джилл еще больше помрачнела.

— Не знаю. Но я не могу тут валяться, бездельничать и плавать в бассейне, когда Бена нет.

— Джиллиан, Бен уже большой мальчик. А ты ему не мать, да и не жена тоже. У тебя нет никакого долга, который обязывал бы идти и искать его. Верно?

Джилл поковыряла большим пальцем ноги в траве.

— Нет, — признала она, — никаких особых прав у меня на Бена нет. Но я знаю, что, если бы пропала я, Бен искал бы меня, пока не нашел. Словом, я должна его отыскать.

Джубал пробормотал под нос проклятие всем богам, виновным в идиотизме рода человеческого, а затем сказал:

— Ладно. Давай внесем в это хоть чуточку логики. Ты планировала нанять частных детективов?

Джилл выглядела ужасно несчастной.

— Думаю, это следовало бы сделать, но я... Я никогда не имела с ними дела. Это дорого?

— И даже очень.

Джилл слотнула слюну.

— Как вы думаете, они согласятся работать за ежемесячные выплаты из моего заработка?

— Их девиз — деньги на бочку. Ладно, не печалься, детка. Я уже занялся этим. Нанял искать Бена самых лучших, так что тебе не стоит подрывать свое будущее благополучие, нанимая второсортных.

— И вы мне ничего не сказали!

— Не было нужды.

— Джубал, а что же они выяснили?

— Ровным счетом ничего, — вынужден был он признать, — так что ни к чему было повергать тебя в отчаяние пустыми разговорами. — Джубал скривил рот. — Мне казалось, что ты и так слишком беспокоишься о Бене. Я держался того же мнения, что и его помощник... Как его там?... Килгаллен... насчет того, что Бен, повизгивая от восторга, удрал по другому следу и вернется, когда накропает свою колонку. — Харшоу вздохнул. — Теперь я так не думаю. Этот дурак Килгаллен получил телестат, в котором говорится, что Бен уезжает. Мой парень видел стат, снял с него фото и проверил. Стат действительно был послан.

Джилл удивилась.

— Но почему же Бен не известил меня? Это на него не похоже! Бен очень внимателен.

Джубал с трудом подавил стон.

— Ну думай же головой, Джиллиан. Только потому, что на пачке написано «сигареты», нельзя быть уверенным, что в ней лежат именно они. Вы со Смитом явились в пятницу сюда. Кодовое обозначение на телестате говорит, что он отправлен из Филадельфии — отделение Паоли-Флет — в десять часов тридцать четыре минуты утра в четверг. Стат послан и получен мгновенно. В офисе Бена находится свой статпринтер. Хорошо. А теперь скажи мне, почему Бен послал в свою контору телестат, а не позвонил туда?

— Я не верю, что он так поступил. Я бы на его месте обязательно позвонила по телефону. Это проще.

— Ну ты — не Бен. Для человека с профессией Бена я могу придумать десяток поводов, объясняющих этот поступок. Например, желание сбить со следа, желание оставить запись в анналах телеграфной компании для какой-то надобности... Словом, причин может быть множество. Килгаллен ведь не увидел в присылке стата ничего странного, да и тот факт, что Бен поставил у себя столь дорогостоящую аппаратуру, говорит, что он ею пользовался. Однако, — продолжал Джубал, — стат доказывает, что Бен находился в Паоли-Флет ровно в десять часов тридцать четыре минуты в четверг.

— Но...

— Минутку! Телестат отправляется либо лично, либо передается по телефону. Если лично, так сказать, из рук в руки, то у получателя остается факсимильное воспроизведение почерка и подписи. Но если передать по телефону, то там стат лишь перепечатывают на машинке, а потом передают изображение.

— Конечно.

— А разве это ни о чем не говорит нам, Джилл?

— Гм... Джубал, я так беспокоюсь за Бена, что мне ничего в голову не лезет.

— Ладно, ладно, не надо бить себя в грудь. Мне это тоже поначалу ничего не сказало, но парень, что работает на меня, — тонкая штучка. Он отправился в Паоли с поддельной копией стата, сделанной по фотографии, которую он снял чуть ли не под самым носом у Килгаллена. Этот документ как бы удостоверял, что он и есть Осберт Килгаллен — адресат телестата. Затем своей отеческой манерой держаться и обворожительно честным лицом он выудил у девушки на пункте кое-что, что, вообще-то говоря, она имела право сообщать лишь по постановлению суда. Очень печально, не правда ли? В обычных условиях она, конечно, не запомнила бы этот телестат, поступивший среди сотен других, — они, как правило, входят в уши, протекают сквозь кончики пальцев и исчезают после микрофотографирования. Но эта девица оказалась горячей поклонницей Бена, она каждый вечер читает его колонку — жуткий порок! — Джубал помигал. — Первая! — заорал он.

Появилась Анни, с которой еще стекали капли воды.

— Напомни мне, — распорядился Джубал, — чтобы я написал статью о вреде чтения новостей. Тема: большинство неврозов можно связать с нездоровой привычкой совать нос в частные дела пяти миллиардов незнакомых людей. Название будет «Нелимитированные сплетни». Нет, лучше назовем «Одичавшие слухи».

— Босс, вы становитесь жутким занудой.

— Это не я, это все остальные. Последи, чтобы я не забыл сочинить ее на следующей неделе. А теперь — исчезни! Я занят. — Он снова повернулся к Джиллиан. — Так вот, девушка запомнила имя Бена, так как была страшно заинтригована — еще бы, — ведь он один из ее героев! Ее огорчило, что Бен оплатил лишь разговор, — то есть лишь голос, а не передачу своего изображения. И еще она запомнила, что платил за телестат Бен живыми деньгами в кабинке общего пользования... в Вашингтоне.

— В Вашингтоне? — переспросила Джилл. — Но зачем же Бену заказывать телестат из Вашингтона?

— Именно, — раздраженно сказал Джубал. — Если он находился в телефонной кабине в Вашингтоне, он мог бы просто поговорить и даже увидеть лицо своего помощника на экране — это дешевле, проще и быстрее, чем звонить по телефону в Паоли-Флет, чтобы они отправили телестат в Вашингтон, находящийся оттуда на расстоянии больше сотни миль.

Смысла в этом нет. Вернее, некий смысл проясняется. Мы имеем дело с обманом. Конечно, Бен привык к обманам, как невеста привыкает к поцелуям. Он не стал бы лучшим в стране репортером-пронирой, если бы играл в открытую.

— Бен вовсе не проныра. Он обзреватель!

— Извини, я на таком расстоянии плохо вижу различия. Возможно, он решил, что его телефон прослушивается, а стат — нет. А может, прослушивается и то, и другое, и Бен использовал такой обходной маневр, надеясь убедить того, кто за ним следит, что он уехал и скоро не вернется. — Джубал нахмурил лоб. — В этом случае мы окажем ему дурную услугу, отыскав его. Может быть, даже поставим под угрозу его жизнь.

— Джубал! Быть того не может!

— Очень даже может! — устало сказал он. — Этот парень всегда катался по очень тонкому льду. Именно этим он и создал свою репутацию. Но никогда еще, Джилл, Бен не впутывался в такое опасное дело. Если он исчез по собственной воле, зачем нам привлекать к этому факту внимание? Килгаллен его прикрывает, — колонки Бена появляются ежедневно, я об этом позаботился узнать.

— Эти колонки заготовлены впрок!

— Разумеется. А, возможно, их пишет Килгаллен. Во всяком случае, официально Бен занимается своим профессиональным делом. Может быть, девочка, он так и запланировал, раз попал в такое опасное положение, что не может связаться даже с тобой. Ну как?

Джилл закрыла лицо руками.

— Джубал, я не знаю, что делать...

— Перестань хныкать! — грубо огрызнулся он. — Самое худшее, что может с ним случиться — это смерть. А мы все ходим под ней — кто через час, кто через неделю, кто через годы. Поговори-ка с Майком. Он, например, считает, что «умереть во плоти» лучше, чем быть изруганным. Господи, да скажи я ему, что намерен поджарить его к обеду, он возблагодарит меня за оказанную ему честь, и голос его будет дрожать от счастья.

— Я знаю, — тихо отозвалась она, — но не разделяю его философские взгляды.

— Я тоже, — радостно присоединился Джубал, — но начинаю понимать их, и это служит утешением человеку моих лет. Способность радоваться неизбежному... Господи, да я сам всю жизнь развивал в себе эту способность... Но этот ребенок, еле-еле приблизившийся к возрасту, когда впервые идут к избирательным урнам, неопытный до такой степени, что может попасть под телегу, запряженную полудохлой конягой, убедил меня, что я еще даже и в детский садик ходить не начал. Джилл, ты спрашивала, не мешает ли мне Майк? Девочка, да я готов держать у себя этого мальчишку до тех пор, пока не узнаю все то, что он знает, а я — нет! Одна эта штучка насчет утраты плотской оболочки... Это, знаешь ли, тебе не фрейдистское «стремление к гибели»... это ближе к Стивенсону с его «радостно жил

я, легко умру и лечь в могилу готов». Подозреваю, что Стивенсон просто насвистывал что-то в темноте, перед которой испытывал страх, а, возможно, был в эйфорическом состоянии, хорошенько заложив за галстук... Но Майк почти убедил меня в том, что он знает, о чем говорит.

— Ничего я не понимаю, — глухо сказала Джилл. — Я боюсь за Бена.

— Я тоже, — неожиданно согласился с ней Джубал. — Джилл, я не думаю, что он прячется.

— Но вы же сказали...

— И сожалею об этом. Мои ищейки не ограничились его конторой и Паоли-Флетом. В четверг утром Бен явился в медицинский центр Бетесда с адвокатом и Честным Свидетелем — Джеймсом Оливером Кавендишем. Называя это имя, я надеюсь, что ты следишь за такими делами.

— Боюсь, что нет.

— Неважно. Тот факт, что Бен нанял Кавендиша, говорит о серьезности дела. На охоту за кроликами не ходят с ружьями, предназначенными для слонов. Всех их повели на свидание с «Человеком с Марса».

Джилл от неожиданности вздрогнула и воскликнула:

— Этого быть не могло!

— Джилл, ты берешься оспаривать Честного Свидетеля... и не просто Свидетеля... То, что говорит Кавендиш, почти также бесспорно, как Священное писание.

— А мне все равно, будь он хоть всеми двенадцатью апостолами сразу! Его на моем этаже в четверг утром не было.

— Ты же не слушаешь меня. Я не сказал, что их повели на встречу с Майком, я сказал, что их повели на встречу с «Человеком с Марса» — наверняка с фальшивым, с тем, что со стерео.

— А, теперь понятно. И Бен их вывел на чистую воду?

У Джубала был разочарованный вид.

— Девочка, Бен их никуда не вывел. Даже Кавендиш не смог этого сделать... Во всяком случае он молчит. Ты же знаешь, как ведут себя Честные Свидетели...

— Нет, откуда же? Я их никогда не видела.

— Вот как? Анни!!!

Анни в этот момент стояла на трамплине для прыжков в воду. Она повернула голову. Джубал крикнул:

— Видишь тот дом на вершине холма? В какой цвет его покрасили?

Анни посмотрела и ответила:

— Обращенная к нам стена — белая.

Джубал возвратился к разговору с Джилл.

— Теперь понимаешь? Анни даже в голову не придет предположить, что задняя стена тоже белая. Вся королевская рать не заставит ее так поступить... если только она не отправится туда и не увидит своими глазами. Даже и тогда она ни в коем случае не станет утверждать, что стена осталась белой после ее ухода.

— Анни — Честный Свидетель?!

— Окончила курс, имеет бессрочную лицензию, может выступать в Высшем Суде. Спроси ее как-нибудь, почему она бросила эту работу. Но уж больше на этот день не планируй ничего — девочка скажет тебе правду, только правду и ничего, кроме правды, на что уйдет немало времени.

Но вернемся с мистеру Кавендишу. Бен нанял его для открытого свидетельства, для полного изложения всех событий и деталей без каких-либо умолчаний личного характера. Поэтому, когда Кавендиша спросили, он ответил, упомянув самые мелкие детали. Но самое интересное — это то, чего он не сказал. Он ни разу не сказал, что человек, которого они видели, не был «Человеком с Марса». Но ни одно произнесенное им слово не свидетельствует, что Кавендиш принял этот экземпляр за настоящего «Человека с Марса». Если бы ты знала Кавендиша, это убедило бы тебя. Если бы Кавендиш видел Майка, он бы доложил с такой точностью, что ты и я поняли бы, что он видел именно Майка. Например, Кавендиш долго говорил о форме ушей этого экземпляра... и это описание не имеет никакого отношения к ушам Майка. Отсюда вывод — им показали подделку. Кавендиш это знает, но делать выводы из виденного он не имеет права.

— Я же говорила вам! Они и близко не подходили к моему этажу!

— Это говорит нам о многом. Все случилось за несколько часов до того, как вы удрали из этой тюрьмы. Кавендиш утверждает, что свидание с «Человеком с Марса» началось ровно в девять четырнадцать утра в четверг. Значит, в это время правительство еще держало Майка под замком и могло показать его Бену. И тем не менее они рискнули предложить подделку самому знаменитому Честному Свидетелю страны. Почему?

— Вы меня спрашиваете? Не знаю. Бен сказал мне, что намеревается спросить Майка, не хочет ли тот уйти из больницы, и помочь ему, если ответ будет «да».

— Бен и попытался это сделать с двойником.

— Вот как? Но, Джубал, они же не знали, что собирается делать Бен... да и Майк не ушел бы с ним.

— Но ведь с тобой он все-таки ушел?

— Да... но я была его «братом по воде», точно так же, как вы сейчас. У него есть такая безумная идея, что каждому, с кем он разделит глоток воды, можно верить безоговорочно. С «братом по воде» он — послушный ребенок, а с прочими — упрям, как осел. Бен ничего бы с ним не добился... Во всяком случае, таким он был на прошлой неделе: он меняется необычайно быстро.

— Так оно и есть. Возможно — слишком быстро. Ладно. Вернемся к Бену. Кавендиш свидетельствует, что Бен посадил его и адвоката — парня по имени Фрисби — в девять тридцать одну. Такси Бен оставил себе. Через час Бен или кто-то другой, назвавшийся Беном, послал телестат через Паоли-Флет.

— Вы не думаете, что это был Бен?

— Нет, не думаю. Кавендиш назвал номер такси Бена, и мои ищейки попробовали получить ленту с записями маршрутов этой машины в четверг. Если бы Бен воспользовался кредитной карточкой, то ее номер обязательно был бы на ленте, но, если даже он платил по счетчику живыми деньгами, все равно лента показала бы, куда ездило такси.

— Ну и...

Харшоу пожал плечами.

— Согласно имеющимся данным, такси находилось в ремонте и никто им утром в четверг пользоваться не мог. Значит, либо Честный Свидетель неправильно запомнил номер, либо кто-то дурил с лентой записей.

Можно допустить, что даже Честный Свидетель может напутать с номером, особенно, если никто не просил его запоминать, но я в это никогда не поверю, тем более, что этот свидетель Джеймс Оливер Кавендиш. Будь он в чем-то неуверен, он просто не поместил бы это в свой отчет. — Харшоу скривился. — Джилл, ты меня чуть ли не силой заставила сунуть нос в эти дела, и мне они не нравятся. Согласен, Бен мог послать этот теле-стат, но предположить, что потом он занялся подделкой путевых записей такси, просто невозможно. Еще менее вероятно, что у него для этого были какие-то веские причины. Бен поехал куда-то, и тогда кто-то с большим трудом раздобыл путевую ленту такси, чтобы скрыть, куда именно поехал Бен... и послал поддельный стат, чтобы никто не понял, что Бен действительно исчез.

— Исчез? Вы хотите сказать «был похищен»?

— Спокойнее, Джилл. «Похищение» очень сильное слово.

— Но это верное слово! Джубал, как вы можете сидеть тут, вместо того чтобы звонить во все колокола...

— Прекрати, Джилл! Бен, может быть, и не похищен. Возможно, он мертв.

Джиллиан так и присела.

— Верно, — сказала она глухо.

— Но мы будем исходить из того, что он жив, пока не найдем его костей. Джилл, ты знаешь, в чем главная опасность при похищениях? Это объявление всеобщей тревоги, потому что испуганный похититель почти всегда убивает свою жертву.

Джилл выглядела ужасно. Харшоу мягко продолжал:

— Я должен признаться, что смерть Бена представляется мне очень вероятной. Уж слишком долго он отсутствует. Мы с тобой решили исходить из предположения, что он жив. Ты намерена его разыскивать. Джилл, как ты сделаешь это, не увеличивая риск, что Бена убьют те неизвестные, которые его похитили?

— Хм... но мы же знаем, кто они?

— Вот как?

— Конечно. Те самые, кто держал Майка под замком, — правительство.

Харшоу покачал головой.

— Это только твое предположение. Бен своей колонкой нажил множество врагов, и вовсе не все они входят в правительство. Однако... — Харшоу нахмурил брови, — ...кроме твоего предположения нам просто не от чего танцевать. А «правительство» — это несколько миллионов человек. Нам следует спросить себя: на чью мозоль наступил Бен? На чью персонально?

— Ну и что? Джубал, я же вам рассказывала, что Бен сам мне сказал про Генерального секретаря.

— Нет, — отклонил это соображение Джубал, — что бы он тебе ни сказал, но если эти действия носят сугубо силовой характер и нарушают закон, это не может быть Генеральный секретарь, даже в том случае, если результат приносит ему выгоду. Никто не сможет доказать и то, что он знал о заговоре. Вполне вероятно, что он вообще ничего не знал о, так сказать, силовой стороне. Джилл, нам нужно найти того лейтенанта из банды наемников Генерального секретаря, который прокрутил всю операцию. Думаю, что это не так уж безнадежно трудно, как кажется с первого взгляда. Когда Бена повели на свидание с поддельным «Человеком с Марса», с ним разговаривал один из помощников Дугласа — пытался отговорить Бена от свидания, а потом пошел с ним. Теперь выясняется, что этот наемник высокого ранга тоже куда-то исчез и тоже в прошлый четверг. Не думаю, что это простое совпадение, поскольку он ведал операцией с поддельным «Человеком с Марса». Если мы его найдем, мы почти наверняка выйдем на Бена. Его зовут Гилберт Берквист, и у меня есть причины...

— Берквист!!!

— Именно так. Есть основания... Джилл, в чем дело? Да не падай ты в обморок, иначе я швырну тебя в бассейн!

— Джубал, этот Берквист... Может, есть и другие Берквисты?

— А? Я слышал об этом подонке... Думаю, он один. Я имею в виду, в исполнительном штабе Генерального секретаря. Ты его знаешь?

— Не знаю. Но если это тот же самый... то, полагаю, искать его смысла нет.

— Ммм... Ну-ка выкладывай все, девочка.

— Джубал, мне очень жаль... но я тогда рассказала не все...

— Таких людей, что говорят все, — мало. Ладно, давай-ка по порядку.

Запинаясь и заикаясь, Джиллиан рассказала Джубалу об исчезнувших людях.

— Вот и все, — закончила она со слезами. — Я завопила и напугала Майка... Он впал в транс, а потом было это тяжелейшее путешествие сюда. Об этом я уже рассказывала.

— Ммм... да, жаль, что ты об этом тогда умолчала.

Она покраснела.

— Я думала, что мне никто не поверит. Я испугалась. Джубал, нам за это что-нибудь будет?

— Что именно? — Джубал был искренне удивлен.

— Ну там... тюрьма или...

— О, моя дорогая, разве это преступление — присутствовать при чуде? Или даже совершать его. Но тут возможностей больше, чем у кошки шерсти. Дай-ка подумать.

Джубал молча сидел минут десять. Потом открыл глаза и произнес:

— Чего-то, что могло бы тебе угрожать, девочка, я не вижу. А Майк, должно быть, лежит на дне бассейна?

— Да, он там.

— Тогда валяй, нырни за ним и тащи сюда. Веди его прямо в кабинет. Интересно, он сумеет повторить это?.. И зрители нам не нужны. Нет, один нужен. Скажи Анни: пусть наденет свою тогу Свидетеля, я хочу, чтоб она была в своем официальном качестве. И еще мне нужен Дьюк.

— Хорошо, босс.

— У тебя нет привилегии называть меня боссом, ведь я из-за тебя не уменьшаю сумму своего налогообложения.

— Хорошо, Джубал.

— Ммм... как жаль, что у нас нет кого-нибудь, без кого мы легко могли бы обойтись... Как думаешь, он это может сделать с неодушевленными предметами?

— Не знаю.

— Ладно, выясним. Ныряй и разбуди его. — Джубал помолчал. — Ах, какой способ отделяться от... нет, не надо поддаваться соблазну. Жду вас наверху, девочка.

Глава 12

Через несколько минут Джилл появилась в кабинете Джубала. Анни уже была там, одетая в белую тогу Свидетеля. Она подняла на Джилл глаза, но промолчала. Джубал диктовал Доркас. На Джилл он даже не посмотрел.

— ...под расprostертым телом, пропитывая угол ковра и образуя темно-красную лужу на паркете, где она уже привлекла внимание двух легкомысленных мушек. Миссис Симпсон прижала руку ко рту. «Боже, — сказала она огорченно, — надо же — любимый папочкин ковер... А это, кажется, вдобавок ко всему, и сам папочка...» Это конец главы, Доркас, а заодно и выпуска. Отправь почтой. Иди.

Доркас вышла, захватив с собой машинку для стенографирования и улыбнувшись Джилл.

— Где Майк? — спросил Джубал.

— Он одевается, — ответила Джилл. — Скоро придет.

— Одевается? — возмутился Джубал. — Я же звал его не на вечерний прием!

— Но должен же он одеться?

— Почему это? Мне, например, совершенно все равно, как вы ходите — голышом или в пальто. Гони его сюда!

— Ну пожалуйста, Джубал. Надо же ему научиться...

— Уф! Ты хочешь загнать его в рамки своей узкой буржуазной протестантской морали!

— Ничего подобного! Я просто учу его необходимым правилам поведения.

— Правила! Мораль! Какая разница! Женщина, здесь перед нами, благодарение Богу, находится личность в чистом виде, на которую никто не накладывал психологического табу нашего племени, а ты хочешь превратить его в жалкую копию третьеразрядного конформиста из этой задерганной страны. Почему бы тебе не пойти еще дальше? Не купить ему атташе-кейс?

— Ничего подобного я не делаю! Я просто хочу, чтобы он не попадал впросак. Хочу ради его же пользы!

Джубал фыркнул:

— Нечто подобное говорили коту, когда несли его кастрировать.

— О! — Джилл сосчитала до десяти. Потом холодно сказала: — Это ваш дом, мистер Харшоу, и мы у вас в долгу. Я сейчас же приведу Майка. — Она встала.

— Придержи-ка коней, Джилл.

— Сэр?

— Сядь и не пытайся перещеголять меня в умении быть неприятным. А теперь давай кое-что проясним. Ты мне ровным счетом ничего не должна. Быть у меня в долгу нельзя. Я никогда не делаю того, чего не хочу делать. Вообще-то, так поступают все, но мой случай отличается тем, что я это признаю. Поэтому не надо изобретать долг, которого не существует, иначе ты, чего доброго, захочешь ощутить ко мне благодарность, а это уж не что иное, как первый шаг к моральной деградации. Ты это *грокк*?

Джилл закусила губу, потом рассмеялась.

— Я не уверена, что понимаю значение слова «*грокк*».

— Я тоже, но намерен брать уроки у Майка, пока не пойму. Но помни, я с тобой говорил совершенно серьезно. «Благодарность» — эвфемизм для затаенной недоброжелательности. Недоброжелательность посторонних я как-нибудь перенесу, но со стороны хорошенькой девушки она крайне нежелательна.

— Но, Джубал, у меня нет к вам недоброжелательности. Это просто глупо...

— Надеюсь. Но почувствуешь ее, если не выкорчуете из своего сознания эти иллюзии, будто ты мне что-то должна. У японцев есть пять разных способов говорить «спасибо», и каждый из них содержит в разных степенях элемент неприязни. Как было бы хорошо, если бы такая честность была встроена в английский язык! Однако вместо этого английский язык дает дефиниции чувств, которых человеческий организм просто не может ощущать. Пример — «благодарность».

— Джубал, вы просто циничный старикашка. Я вам действительно благодарна и останусь благодарной навсегда.

— Ах ты, сентиментальная девчонка! Мы неплохо дополняем друг друга. Давай съездим на уик-энд в Атлантик-Сити и проведем там время в близости, не освященной узами брака. Только вдвоем и больше никого!

— Что вы, Джубал!

— Ну вот, теперь видишь, какова твоя благодарность!

— О, я готова. Когда едем?

— Хрумф! Нам следовало выехать еще сорок лет назад. Второе: ты, конечно, права: Майк должен знать людские обычаи. Он должен снимать туфли в мечети, надевать шляпу в синагоге и скрывать наготу, когда того требуют табу; иначе наши шаманы сожгут его как диссидента. Но, дитя, во имя всех заветов Аримана, не вздумай промывать ему мозги. Постарайся, чтобы он относился ко всему этому с некоторой долей цинизма.

— Хм... не знаю, сумею ли я. Мне кажется, в Майке цинизма нет ни капли.

— Вот как? Ладно, я тебе помогу. Пожалуй, он должен был уже одеться?

— Пойду посмотрю.

— Подожди минутку. Джилл, я хочу объяснить, почему я не тороплюсь обвинять кого-нибудь в похищении Бена. Если Бена незаконно удерживают (применим такой мягкий термин), мы не должны этого «кого-то» загонять в угол, чтобы он не решил отделаться от улик, убив Бена. Если Бен еще жив, то у него сохраняются

шансы жить и дальше. Однако уже в первый вечер твоего пребывания здесь я предпринял определенные шаги. Ты Библию помнишь?

— Ну... не так чтобы...

— А она заслуживает глубокого изучения, ибо содержит ценнейшие советы на случай чрезвычайных ситуаций. «Каждый, сотворяющий зло, ненавидит свет». Это какой-то там Иоанн, разговор Иисуса с Никодимусом... Я ожидаю, что они предпримут попытку отнять у нас Майкла силой, так как считаю маловероятным, что тебе удалось хорошо замести свои следы. А у нас местечко безлюдное и тяжелой артиллерии тоже нет. Есть только одно оружие, с помощью которого мы их можем отбросить. Это Свет. Яркий прожектор Свободы Печати. Поэтому я договорился, что, если здесь начнется свалка, это событие немедленно получит рекламу. И не маленькую, на которую можно не обращать внимания, а настоящие рупоры, — работающие на всю планету, быстро и оперативно. Детали не важны, — где будут стоять камеры, за какие нитки я потяну, но если бой начнется, его увидят сразу по трем сетям телевидения, а специальные выпуски будут тут же вручены всем большим шишкам, вернее, всем тем, кто хотел бы увидеть нашего Генерального секретаря с голой задницей. — Харшоу опять нахмурился. — Но я не могу их долго держать в ожидании. Когда я начинал переговоры, меня интересовало одно — скорость. Удара я ждал немедленно. Теперь я думаю, что нам следует самим предпринять активные действия — пока прожектор нацелен на нас.

— Какие действия, Джубал?

— Об этом я думал все последние три дня. Но ты расшевелила мою мысль, рассказав эту историю о происшествии в квартире Бена.

— Мне очень жаль, что я не сказала об этом раньше. Не думала, что мне поверят, а сейчас, после того, как вы поверили, мне стало так легко.

— Я не говорил, что поверил.

— Как! Но ведь вы...

— Я думаю, что ты рассказала правду. Но ведь и сон в определенном смысле — реальность, и иллюзия под гипнозом — тоже. Но то, что произойдет в бли-

жайший час в этой комнате, будут наблюдать Честный Свидетель и камеры, которые, — тут он нажал кнопку, — уже начали работать. Не верю, что Анни, когда она находится при выполнении своего профессионального долга, может быть загипнотизирована, и, готов поспорить, что камеры — тем более. Мы узнаем, с какой правдой мы имеем дело, после чего обдумаем, как заставить сильных мира сего начать действовать... А может быть, придумаем и как помочь Бену. Иди за Майком.

Причина задержки Майка была проста: он связал шнурок правого ботинка со шнурком левого, встал, запутался, рухнул на пол и затянул узелок так, что распутать его было невозможно. Остальное время он провел, анализируя ситуацию, в которую попал, и, пытаясь уговорить шнурки развязаться и завязаться как надо. Он не представлял, как быстро летит время, но его беспокоило, что он не успел повторить урок, заданный ему Джилл. Он признался ей в своей неудаче, хотя уже устранил ее последствия к тому времени, когда Джилл за ним пришла.

Она успокоила его, причесала и увела с собой. Харшоу оторвал взгляд от бумаг.

— Здорово, сынок. Садись.

— Здорово, Джубал, — ответил с полной серьезностью Валентайн Майкл Смит и сел — весь ожидание.

Харшоу спросил:

— Ну, мальчик, чему ты сегодня научился?

Смит радостно улыбнулся, а потом, как всегда, после паузы, ответил:

— Я сегодня научился крутить полтора оборота. Это такой прыжок с трамплина, чтобы входить в воду, как...

— Знаю. Я видел тебя. Держать пальцы ног вытянутыми, колени — выпрямленными, ступни вместе...

Смит тут же огорчился:

— Я что-то сделал не так?

— Все было правильно, особенно для первого раза. Учись у Доркас.

Смит обдумал сказанное.

— Вода *грокк* Доркас. Любит его.

— Ее. Доркас не «он», а «она».

— Ее, — поправился Смит, — значит, я сказал неверно? Я читал в Новом международном словаре английского языка Вебстера, издание третье, напечатано в Спрингфилде, Массачусетс, что при разговоре мужской род включает женский. В «Законах о Контрактах» Хагворта, издание пятое, Чикаго, Иллинойс, 1978 г., на странице 1012 сказано...

— Оставим это, — торопливо прервал его Харшоу. — В языке мужские формы включают женские, если мы говорим о людях вообще, но не тогда, когда имеется в виду определенное лицо. Доркас всегда «она» или «ее» и никогда не будет «он» или «его».

— Я запомню.

— И хорошо сделаешь, а то, пожалуй, спровоцируешь Доркас, и она покажет тебе, насколько она не мужчина. — Джубал задумался. — Джилл, парнишка спит с тобой? Или с кем-нибудь из вас?

Она поколебалась и после паузы ответила ровным голосом:

— Насколько я знаю, Майк вообще не спит.

— Ты уходишь от ответа.

— Тогда вам следовало бы понять, что я делаю это умышленно. Однако могу сказать, что со мной он не спит.

— Ммм... Черт побери, это было проявление чисто научного интереса. Майк, чему ты еще научился?

— Я научился двум способам завязывать шнурки. Первый годится только, чтобы лежать на полу, второй — чтобы ходить. И еще я узнал спряжения: я есть, ты есть, он есть, мы есть... Я был, он был...

— О'кей, этого достаточно. Что еще?

Майк восторженно улыбнулся.

— Вчера я учился водить трактор. Быстро, быстро и красиво.

— Это было вчера, когда вы спали после обеда, Джубал. Все в порядке, Дьюк был очень осторожен, и Майк в целости и сохранности.

— Хм... Я вижу. Майк, ты читал что-нибудь?

— Да, Джубал.

— Что именно?

— Я прочел, — стал перечислять Майк, — еще три тома энциклопедии: от «Мариб» до «Морок», от «Морось» до «Мышь» и от «Озон» до «План». Ты велел мне читать понемножку за один раз, поэтому я больше энциклопедию не читал. Затем я прочитал «Трагедию о Ромео и Джульетте» господина Вильяма Шекспира из Лондона, затем «Воспоминания Жака Казановы» в переводе на английский язык Артура Мехема и «Искусство перекрестного допроса» Френсиса Уэлмана. После этого я попытался *грокк*, что прочел, до тех пор пока Джилл не повела меня завтракать.

— И ты *грокк* все это?

— В полной степени я не *грокк*, что прочел. Прочитав историю, описанную господином Вильямом Шекспиром, я исполнился радости и счастья, дойдя до смерти Ромео. Однако, продолжая читать дальше, я узнал, что его плоть умерла преждевременно. Во всяком случае я полагаю, что я *грокк* так. Но почему?

— Потому что он был законченный юный идиот.

— Прощу прощения?

— Я не знаю, Майк.

Смит обдумал сказанное. Затем пробормотал что-то на марсианском языке и добавил:

— Я всего лишь яйцо.

— Что? Ты говоришь так всегда, когда хочешь просить об одолжении, Майк. Чего ты хочешь?

Смит сказал, запинаясь:

— Джубал, мой брат, не будешь ли ты так добр и не спросишь ли у Ромео, почему он умер во плоти? Сам я спросить не могу. Я еще только «яйцо», но ты можешь и тогда научишь меня, как *грокк* все это.

Джубал понял, что Майк считает Ромео реально существующим лицом, и уловил, что Майк ждет, чтобы Джубал связался с призраком Ромео и потребовал у него разъяснения поведения Ромео при жизни во плоти. Но оказалось, разъяснить Майку, что ни Капулетти, ни Монтекки в действительности никогда не существовали, было просто невозможно. Концепция «вымысла» лежала за пределами опыта Майка, ее не на чем было

основать. Попытки Джубала объяснить суть художественного творчества были столь болезненны для Майка, что Джилл начала бояться, как бы он опять не свернулся в клубок.

Майк и сам понял, насколько он близок к необходимости перейти в это состояние; но он уже знал, что ему не следует искать в нем убежища в присутствии друзей, так как (за исключением брата доктора Нельсона) это вызывает у них сильнейший душевный стресс. Поэтому он сделал над собой усилие, замедлил биение сердца, успокоил эмоции и улыбнулся.

— Я буду ждать, пока способность *грокк* это не придет сама собой.

— Отлично, — согласился Джубал, — а пока, прежде чем начинать что-то читать, спрашивай у меня, или у Джилл, или еще у кого-нибудь, не вымысел ли это. Я не хочу, чтобы ты запутался в таких делах.

— Буду спрашивать, Джубал.

Майк решил, что когда он *грокк* эту необъяснимую идею, он доложит ее Старейшим во всей полноте... И тут же поймал себя на мысли, знают ли Старейшие о «вымысле»? Невероятная мысль, что может существовать нечто такое, что покажется Старейшим столь же странным, как и ему, была настолько революционна, сколь и сам нелепый *вымысел*, идею которого он отложил в сторону, чтобы та остудилась, а потом была использована при медитации.

— ...Но я позвал тебя, — продолжал его брат Джубал, — не для того, чтобы рассуждать о литературных формах. Майк, ты помнишь тот день, когда Джилл увела тебя из больницы?

— Из больницы?

— Я не уверена, Джубал, — вмешалась Джилл, — что Майк знает о больнице. Разрешите, я попробую.

— Валяй.

— Майк, ты помнишь, где ты был, когда жил один в комнате, перед тем как я одела тебя и увезла?

— Да, Джилл.

— Потом мы уехали в другое место, где я раздела тебя и искупала в ванне.

Майк расплылся в улыбке.

— Да. Это было великое счастье.

— Когда я тебя сушила, пришли двое мужчин.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Майка. Он задрожал и начал съеживаться.

Джилл крикнула:

— Майк, прекрати! Не смей уходить!

Майк овладел собой.

— Да, Джилл.

— Слушай, Майк. Я хочу, чтобы ты вспомнил то время, но ты не должен расстраиваться. Там были двое мужчин. Один вытащил тебя в гостиную.

— В комнату с чудесными травками, — согласился он.

— Верно. Он втащил тебя в комнату с травяным покровом, и я хотела его остановить. Он ударил меня и вдруг исчез. Помнишь?

— Ты на меня не сердишься?

— Что ты! Нет, нет, ни в коем случае. Один человек исчез, а другой направил на меня пистолет, а затем тоже исчез. Я испугалась, но нисколько не рассердилась на тебя.

— А сейчас ты на меня не сердишься?

— Майк, дорогой, я *никогда* на тебя не сердилась. Джубал и я хотим знать, что случилось. Там были двое мужчин. Ты что-то сделал, и... они исчезли. Что ты сделал? Можешь нам сказать?

— Я скажу... Человек — большой мужчина — ударил тебя... и я тоже испугался... поэтому я... — Он прокаркал что-то по-марсиански, а на лице его почему-то выразилось сильное удивление. — У меня нет слов.

— Майк, а что если ты попробуешь рассказать об этом подробнее?

— Я постараюсь, Джубал. Что-то мне мешает... что-то стоит на моем пути... Это плохая вещь, ее не должно быть. Тогда я протяну... — Выглядел он очень удивленным. — Это очень просто. Проще, чем завязать шнурки на ботинках. А вот слов нет! Мне очень жаль. — Он опять задумался. — Может быть, эти слова есть в томе от «Райт» до «Риальто» и от «Риальто» до «Сардиния»? Или от «Сардиния» до «Сом»? Я их сегодня ночью прочту, а тебе расскажу за завтраком.

— Возможно, — согласился Джубал. — Еще минутку, Майк. — Он отошел в угол и вернулся с ящи-

ком, в котором когда-то был бренди. — Ты можешь его «исчезнуть»?

— А это плохая вещь?

— Мы сделаем вид, что плохая.

— Но... Джубал... я *должен знать*, что это плохая вещь. А это просто ящик. Я не *грокк*, что он существует во зле.

— Ммм... а предположим, я возьму его и швырну в Джилл?

Смит сказал с мягкой грустью:

— Джубал, но ты же не можешь так поступить с Джилл.

— Хм... черт, думаю, что нет. Джилл, можешь ты швырнуть этой штукой в меня? Сильно, по крайней мере, чтоб шрам остался, если Майк меня не защитит?

— Джубал, мне эта идея не по душе.

— Брось! В интересах науки... И Бена Какстона.

Джилл вскочила, схватила ящик и швырнула его в голову Джубала. Джубал думал, что вынесет это, но инстинкт сработал, и он увернулся.

— Мимо! — воскликнул он. — Черт возьми, я же не смотрел, а ведь божился, что глаз с него не сведу. — Он поглядел на Смита. — Майк... это... В чем дело, малыш?!

«Человек с Марса» дрожал и выглядел жутко несчастным. Джилл обняла его.

— Ну, ну, все в порядке, милый. То, что ты сделал — прекрасно! Ящик не долетел до Джубала. Исчез, и все тут.

— Видимо, да, — согласился Джубал, оглядываясь по сторонам и кусая свой палец, — Анни, ты смотрела?

— Да.

— И что ты видела?

— Ящик не просто исчез. Процесс занял доли секунды. Оттуда, где сидела я, было видно, что он вдруг уменьшился в размерах, как будто исчезал вдали. Но комнату он не покинул. Я видела его до того мгновения, когда он исчез окончательно.

— Куда же он делся?

— Я сказала, что могла.

— Ммм... Ладно, потом посмотрим фильм, но я уверен... Майк!

— Да, Джубал?

— А где этот ящик?

— Ящик в... — Смит замолк. — У меня нет слов. Мне так жаль.

— Совсем запутались. Сынок, а ты можешь извлечь его оттуда?

— Прошу прощения?

— Ты заставил его исчезнуть? Заставь его вернуться.

— Не могу. Ящика больше нет.

Джубал погрузился в раздумье.

— Если этот метод получит распространение, придется резко изменить законодательство об уликах... «У меня есть список здесь... вернее, был, да вышел весь...» Майк, как близко ты должен быть?

— Прошу прощения?

— Если бы ты был в холле, а я у окна... Ну, скажем, в тридцати футах, ты бы смог остановить ящик, чтобы он не ранил меня?

Смит удивился.

— Да, Джубал.

— Хм... подойдем к окну. Предположим, Джилл и я были бы на дальнем берегу бассейна, а ты тут. Мог бы ты остановить ящик?

— Да, Джубал.

— А, предположим, мы были бы у ворот, в четверти мили отсюда. Или это слишком далеко?

Смит колебался.

— Джубал, тут дело не в расстоянии и не в том, чтобы видеть. Тут надо *знать*...

— Хм... Давай посмотрим, верно ли я *грокк*. Неважно, как далеко. Не надо даже видеть ящик. Если ты знаешь, что творится Зло, ты можешь ему противодействовать. Верно?

Смит был явно в затруднении.

— Почти верно. Но я еще совсем недавно вышел из яйца. И для того чтобы знать, должен видеть. Старейшим не нужны глаза, чтобы знать. Старейший знает и так. Он *грокк*. Он действует. Мне очень жаль.

— Понятия не имею, чего тебе жаль, — сердито сказал Джубал. — Его светлость министр по делам мира поставил бы на тебе штамп «Сов. секретно» уже десять минут назад.

— Прошу прощения?

— Не имеет значения! — Джубал вернулся к своему столу и поднял тяжелую пепельницу. — Джилл, ты только не целься мне в голову. О'кей, Майк, встань в дверях.

— Джубал... мой друг... прошу тебя, не надо...

— В чем дело? Мне нужна еще одна демонстрация, и на этот раз я уж глаз не спущу...

— Джубал!

— Да, Джилл?

— Я *грокк*, почему Майк так расстроен.

— Тогда скажи мне.

— Мы провели эксперимент, в котором я могла ранить вас тем ящиком. Но мы — его братья по воде, и Майка потрясла мысль, что я пыталась это сделать. Мне кажется, что вся ситуация какая-то немарсианская.

Харшоу нахмурил брови.

— Возможно, она может послужить предметом для расследования комиссии по антимарсианской деятельности.

— Я не шучу, Джубал.

— Я тоже. Ладно, Джилл, поищем другое решение. — Харшоу передал пепельницу Майку. — Посмотри, какая она тяжелая, сынок. Видишь, какие у нее острые углы?

Смит рассматривал пепельницу. Джубал продолжал:

— Я собираюсь подбросить ее вверх и дать ей упасть прямо себе на голову.

Майк удивился:

— Ты хочешь расстаться с плотью?

— Что? Нет, нет! Но она ранит меня, если ты ее не остановишь. Поехали!

Харшоу швырнул пепельницу вверх над собой, так что она взлетела к самому потолку. Тут пепельница прервала свой полет и остановилась. Харшоу смотрел так, как будто участвовал в замедленной съемке.

Он прохрипел:

— Анни, что ты видишь?

Она ответила ровным голосом:

— Пепельница висит в пяти дюймах от потолка. Я не вижу ничего, что бы ее удерживало... Джубал, я

думаю, что я это вижу, но если камера того не подтвердит, я разорву свою лицензию.

— Хм... Джилл?

— Она как бы парит.

Джубал подошел к столику и сел в кресло, не сводя глаз с пепельницы.

— Майк, почему она не исчезла?

— Но, Джубал, — заговорил как бы извиняясь Майк, — ты же велел остановить ее, а не приказал исчезнуть. Когда я отправил тот ящик, ты захотел, чтобы я его вернул. Я поступил ошибочно?

— Ох, нет! Ты все сделал очень правильно. Я все время забываю, что ты многое понимаешь буквально.

Харшоу припомнил ругательства, бывшие в ходу в годы его юности, и приказал себе никогда не произносить их при Майке, а то слова «хоть бы ты сдох», «чтоб я провалился на этом самом месте», как был уверен Харшоу, могут быть поняты Майком в буквальном смысле и тут же выполнены.

— Я рад, — рассудительно сказал Смит, — но мне очень жаль, что я не смог вернуть тот ящик обратно. И еще больше сожалею, что зря потерял пищу. Но тогда это было необходимо, или, во всяком случае, так я считал.

— Э? А о какой пище ты говоришь?

Джилл быстро вмешалась в разговор:

— Он имеет в виду тех двух мужчин — Берквиста и того, который был с ним.

— Ах, да... — Харшоу обнаружил, что еще не освоился с марсианским пониманием «пищи». — Майк, ты не беспокойся, что «пища» пропала. Сомневаюсь, чтобы инспекция по мясным продуктам пропустила бы ее в продажу. Фактически, — добавил он, вспомнив федеральное соглашение о «длинных свиньях»*, — она была бы квалифицирована как непригодная к употреблению. Кроме того, тогда была необходимость. Ты *грокк* это во всей полноте и действовал верно.

* На островах Тихого океана, где еще в XIX веке существовал ритуальный каннибализм, так назывались на пиджин-инглиш жертвы, предназначенные для съедения.

— Теперь я спокоен, — сказал Майк с облегчением. — Только Старейшие могут быть всегда уверены в правильности своих действий, особенно в критических точках — «каспах». А мне нужно еще так много учиться и расти, прежде чем я присоединюсь к Старейшим. Джубал, можно я отпущу ее? Я уже устаю.

— Ты хочешь заставить ее исчезнуть? Валяй.

— Но я не могу.

— А почему, собственно?

— Твоя голова не находится под ней. Я не *грох* опасности ее существовании там, где она сейчас есть.

— Ага. Все в порядке. Убери ее.

Харшоу внимательно следил глазами, ожидая, что пепельница снова займет позицию над его головой и, тем самым, обретет элемент опасности. Вместо этого пепельница косо скользнула вниз, приблизилась к столу, заколыхалась и совершенно спокойно опустилась на стол.

— Спасибо, Джубал.

— Спасибо тебе, мой мальчик. — Джубал поднял пепельницу. Она ничуть не изменилась. Обыкновенная пепельница. — Я очень тебе благодарен. Это самое удивительное событие в моей жизни, с тех пор как одна служанка затащила меня на чердак. — Он поглядел на Анни.

— Анни, ты обучалась на Рейне?

— Да.

— Ты когда-нибудь раньше видела левитацию?

Она подумала.

— Мне приходилось видеть то, что называется телекинезом. Это было передвижение игральные кости, но я не математик и не могу с уверенностью утверждать, что это был телекинез.

— Черт побери! Видно, ты не сможешь ответить утвердительно даже на вопрос, встало ли солнце, если на улице облачная погода.

— А как же иначе? А может, кто-то установил мощный источник искусственного света над покровом облаков? Один из моих соклассников, вероятно, умел заставить левитировать предметы массой со скрепку для бумаг, но ему для этого требовалось предварительно высосать стаканчика три. Я же не могла рассмотреть

этот опыт так, чтобы дать ответственное заключение — тоже была пьяна.

— А что-нибудь подобное этому ты видела?

— Нет.

— Ммм... Ладно. С твоей профессиональной деятельностью мы пока покончили. Если хочешь остаться, повесь тогу и бери кресло.

— Спасибо. С удовольствием. Но, помня вашу лекцию насчет мечетей и синагог, я, пожалуй, переоденусь в своей комнате.

— Как хочешь. Разбуди Дьюка и скажи, чтобы он занялся камерами.

— Хорошо, босс. Только не начинайте ничего нового, пока я не вернусь. — Анни побежала к двери.

— Не обещаю. Майк, сядь за мой стол. А теперь подними эту пепельницу, покажи, как это делается.

— Хорошо, Джубал. — Смит протянул руку и взял пепельницу.

— Нет, нет!

— Я что-нибудь сделал не так?

— Нет, ошибка моя. Я хочу знать, можешь ли ты поднять ее, не дотрагиваясь.

— Да, Джубал.

— Тогда — начинай! Или ты устал?

— Нет, Джубал.

— Джубал, — вмешалась Джилл, — вы же не приказали ему, а только задавали вопросы.

— Ох! — Джубал сконфуженно улыбнулся. — Майк, пожалуйста, не дотрагиваясь руками, подними эту пепельницу на фут от стола.

— Хорошо, Джубал. — Пепельница поднялась и застыла над столом. — Ты хочешь измерить расстояние? Если я ошибся, я ее перенесу.

— Нет, все прекрасно. Ты можешь поддержать ее немного в таком положении? Если устанешь, скажи.

— Я скажу.

— А можешь одновременно поднять еще что-нибудь? Скажем, карандаш? Если да, сделай.

— Хорошо, Джубал. — Карандаш взлетел в воздух и повис рядом с пепельницей.

По просьбе Джубала Майк добавил к висевшим в воздухе предметам еще несколько. Вернулась Анни,

подтащила кресло поближе, села и молча стала наблюдать за происходящим. Вошел Дьюк, неся складную лестницу, взглянул, посмотрел еще раз, ничего не сказал и начал расставлять ее. Наконец Майк нерешительно сказал:

— Я не уверен, Джубал, но я... — Он искал слова. — Я ведь идиот в этих делах...

— Только не доводи себя до изнеможения.

— Думаю, я смогу еще один... Надеюсь... — Пресс-папье шевельнулось, приподнялось, и... вся полудюжина плавающих в воздухе предметов рухнула вниз. Майк готов был заплакать. — Джубал, я невероятно сожалею...

Джубал похлопал его по плечу.

— Тебе следует гордиться собой, Майк. Сынок, то, что ты сделал... — Джубал искал слова для сравнения, которые были бы в словаре Майка, — это куда труднее, чем завязать шнурки ботинок, и более удивительно, чем прыжок в воду с полутора оборотами. Ты сделал это... гм... потрясающе, великолепно и с блеском. Ты *грокк*?

Майкл выглядел очень удивленным.

— Мне не надо стыдиться?

— Тебе надо гордиться.

— Хорошо, Джубал, — согласился Майк, — я буду гордиться.

— Великолепно! Майк, а ведь я не могу поднять даже одну пепельницу, без того чтобы не притронуться к ней.

Смит поразился.

— Ты не можешь?

— Нет. А ты можешь меня научить?

— Да, Джубал. Ты... — Смит остановился, он выглядел странно пристыженным. — У меня опять нет слов. Я буду читать, читать и читать, пока не найду нужные слова. Потом я научу своего брата.

— Не напрягайся так.

— Прошу прощения?

— Майк, не нужно огорчаться из-за того, что ты не смог найти нужные слова. Возможно, их просто нет в английском языке.

Смит обдумал сказанное.

— Тогда я обучу своего брата языку моего Гнезда.

— Боюсь, что для этого ты прибыл лет на пятьдесят позже, чем нужно.

— Я поступил плохо?

— Нет, нет. Но ты можешь начать учить Джилл уже сегодня.

— У меня от этого языка в горле першит, — запротестовала Джилл.

— А ты попробуй воспользоваться аспирином. — Джубал посмотрел на нее. — Как предлог увильнуть, это никуда не годится, сестра. Я нанимаю тебя как ассистента-исследователя марсианской лингвистики... Впрочем, это будет включать и другие задания. Анни, внеси ее в платежную ведомость и смотри, не забудь отразить это в моей налоговой декларации.

— Она ведь уже раньше трудилась на кухне. Может быть, датировать задним числом?..

Джубал пожал плечами.

— Не лезь ко мне со всякой ерундой.

— Но, Джубал, — запротестовала Джилл, — я не думаю, что мне удастся выучить марсианский язык.

— Но ты можешь постараться.

— Но...

— Так где же твоя «благодарность»? Берешь работу? Джилл прикусила губу.

— Беру... да... босс...

Смит застенчиво притронулся к ее руке.

— Джилл... я буду учить тебя...

Джилл похлопала его по ладони.

— Спасибо, Майк! — Она поглядела на Харшоу. — Выучусь вам назло.

Тот ухмыльнулся.

— Такую причину я *грокк*, — ты обязательно выучишься. Майк, а что ты умеешь еще из того, чего мы не умеем?

Майк выглядел очень удивленным.

— Я не знаю.

— Ну как он может сказать, — запротестовала Джилл, — если он не знает, что мы можем, а что нет?

— Ммм, да... Анни, измени ее должность на «ассистент-исследователь марсианской лингвистики, культуры и техники». Джилл! Изучая их язык, ты наверняка

наткнешься на вещи, которые необычайны, в буквальном смысле слова необычайны, и о них ты должна мне рассказывать. Майк, а если ты заметишь что-нибудь, что ты умеешь делать, а мы — нет, тоже говори мне.

— Я скажу, Джубал. А что это за вещи?

— Не знаю. Вроде тех, что ты делал только что... и то, как остаться на дне бассейна дольше, чем мы... Хм... Дьюк!

— Босс, у меня обе руки полны пленок.

— Но говорить-то ты можешь? Я заметил, что вода в бассейне мутная.

— Я как раз сегодня вечером собирался подмешать туда коагулятор, а завтра утром удалить осадок.

— А каково качество воды?

— Все в порядке. Можно даже подавать к столу как питьевую. Она только выглядит грязной.

— Тогда пусть пока остается как есть. Я тебе скажу, когда надо будет ее очищать.

— Но, босс, кому же приятно купаться в воде, похожей на помой?

— Кто слишком привередлив, пусть не купается. Перестань спорить, Дьюк. Фильмы готовы?

— Будут через пять минут.

— Отлично. Майк, ты знаешь, что такое пистолет?

— Пистолет, — ответил Майк медленно, — это вид оружия, выбрасывающего пулю при помощи взрывчатого вещества, например, пороха; он состоит из трубки, или ствола, закрытого на одном конце, где...

— О'кей, о'кей. Ты его *грокк*?

— Я не уверен.

— А ты когда-нибудь видел пистолет?

— Я не знаю.

— Как же, конечно, видел! — прервала их Джилл. — Майк, ты вспомни то время, о котором мы говорили... и комнату с ковром из травы. Но только не путайся... Мужчина ударил меня...

— Да.

— Другой направил на меня что-то.

— Он направил на тебя дурную вещь.

— Это и был пистолет.

— Я так и думал, что эта дурная вещь должна называться пистолетом, Вебстеровский новый между-

народный словарь английского языка, Третье издание, выпущено...

— Все верно, сынок, — заторопился Джубал. Теперь слушай. если кто-нибудь направит пистолет на Джилл, что ты сделаешь?

Смит молчал дольше, чем обычно.

— Ты не рассердишься на меня, если пища опять пропадет?

— Нет. В таких обстоятельствах на тебя никто не будет сердиться. Но я хочу знать другое. Ты можешь сделать так, чтобы пистолет исчез, а человек бы остался?

Смит подумал.

— Это чтобы сохранить пищу?

— Ну я имел в виду не совсем это. Так ты можешь заставить пистолет исчезнуть, не ранив при этом человека?

— Джубал, он не пострадает. Пистолет я заставляю уйти, а человека только останавливаю. Он просто потеряет плоть. И пища нисколько не пострадает.

Джубал вздохнул.

— Да, да, я уверен, что именно так и будет, как ты говоришь. А вот нет ли возможности отправить прочь только пистолет? Не «останавливать» мужчину, не убивать его, а оставить его, чтобы он продолжал жить?

Смит подумал.

— Проще одновременно сделать и то и другое. Но, Джубал, если я оставляю его во плоти, он все же может повредить Джилл. Во всяком случае, я так *грокк*.

Джубал должен был напомнить себе, что этот невинный ребенок был, во-первых, вовсе не ребенком, а, во-вторых, вовсе не таким уж и невинным, больше того, он принадлежал к культуре, которая, как начал понимать Джубал, намного опережала во многих таинственных областях человеческую... и эти наивные фразы исходили от супермена или от кого-то очень похожего на него. Он ответил Майку, тщательно выбирая слова, поскольку им предстоял довольно опасный эксперимент.

— Майк, когда мы окажемся в «переломной точке», в такой, где ты обязан сделать что-то, защищая Джилл, ты так и поступишь.

— Да, Джубал, я это сделаю.

— И не думай о потере еды. Вообще ни о чем не думай. Защищай Джилл.

— Я всегда буду защищать Джилл.

— Отлично. Но, предположим, человек направил пистолет или, скажем, держит его в руке. Предположим, ты не хочешь его убивать... Но тебе надо, чтобы пистолет исчез... Ты так можешь сделать?

Майк ответил почти без паузы:

— Думаю, я *грокк*. Пистолет — плохая вещь. Но, возможно, человеку следует остаться во плоти. — Он подумал. — Это я могу сделать.

— Хорошо. Майк, я покажу тебе пистолет. Пистолет — плохая вещь.

— Пистолет — плохая вещь. Я заставляю его уйти.

— Но не сразу, как только его увидишь.

— Нет?

— Я подниму пистолет и направлю его на тебя. Прежде чем он займет опасное положение, заставь его исчезнуть. Но не надо «останавливать» меня, не надо причинять мне вреда, не надо убивать, вообще не делай мне ничего... и не теряй меня как пищу тоже.

— О, нет, — серьезно сказал Майк. — Когда ты расстанешься с плотью, Джубал, мой брат, я надеюсь, что мне разрешат съесть тебя, восхваляя и превознося твои достоинства с каждым кусочком... и так будет до тех пор, пока я не *грокк* тебя во всей полноте.

Харшоу сдержал естественный рефлекс и ответил со всей серьезностью, на какую был способен:

— Благодарю тебя, Майк.

— Это я должен благодарить тебя, мой брат, и если случится так, что я буду избран раньше тебя, я уповаю, что ты сочтешь меня достойным *грокк*. Вы с Джилл разделите меня. Ведь ты поделишь меня с Джилл? Я очень прошу тебя...

Харшоу взглянул на Джилл и увидел, что ее лицо ничего не выражает, надо думать, по той причине, что она отлично вышколенная медсестра.

— Я разделю тебя с Джилл, — сказал он, как бы произнося торжественную клятву, — но, Майк, ни один из нас так скоро не станет едой. Я хочу тебе показать этот пистолет, а ты жди, пока я не скажу тебе. И будь очень осторожен, у меня еще много дел, которые я

должен выполнить, прежде чем буду готов расстаться с плотью.

— Я буду очень осторожен.

— Ладно. — Харшоу открыл ящик стола. — Смотри, Майк. Видишь пистолет? Сейчас я его возьму. Только ничего не делай, пока я не скажу. — Харшоу взял пистолет — старинная полицейская модель — и вынул. — Приготовься, Майк! Давай! — Харшоу направил пистолет на Майка.

Его рука была пуста.

Джубал чувствовал, что весь дрожит.

— Чудесно, — сказал он. — Ты вырвал его у меня прежде, чем я прицелился.

— Я счастлив.

— И я тоже. Дьюк, ты это зафиксировал?

— Ага.

— Отлично. — Харшоу вздохнул. — Вот и все, детишки. Расходитесь.

Анни спросила:

— Босс, а вы расскажете мне, что показали фильмы?

— Хочешь остаться и посмотреть?

— О нет, я не могу. Во всяком случае не те части, по которым я должна свидетельствовать. Но мне хотелось бы знать, показывают ли они, что у меня поехала крыша?

— О'кей.

Глава 13

Когда Анни ушла, Харшоу принялся отдавать распоряжения Дьюку, а потом сердито буркнул:

— Ты почему такой кислый сегодня?

— Босс, а когда мы отделаемся от этого вурдалака?

— Вурдалака? О чем ты, деревенщина, толкуешь?

— О'кей, я действительно из Канзаса. А в Канзасе людоедства отродясь не бывало. Я буду есть на кухне до тех пор, пока он отсюда не уберется.

Харшоу холодно промолвил:

— Вот как?! Через пять минут Анни приготовит тебе чек под окончательный расчет, а на упаковку своих комиксов и рубашек тебе вполне хватит и десяти.

Дьюк как раз закончил подготовку проектора. Он остановился.

— Да нет. Увольняться я не собираюсь.

— А я считаю, что собираешься, сынок.

— Но... Какого черта! Я же много раз обедал на кухне.

— Тогда были другие обстоятельства. Никто в моем доме не может отказаться обедать за моим столом, потому что ему, видите ли, не нравятся те, кто за ним сидит. Я принадлежу к почти вымершему виду старомодных джентльменов, а это означает, что могу, когда

мне заблагорассудится, быть законченным сукиным сыном. В данный момент мне это заблагорассудилось... и поэтому ни один безграмотный, суеверный, набитый предрассудками болван не будет давать мне советы, кто должен, а кто не должен есть за моим столом. Я преломляю хлеб с кабатчиками и грешниками, но не преломлю его с фарисеями.

Дьюк тяжело вздохнул.

— Надо бы врезать вам как следует... Да я бы и врезал... будь мы ровесники...

— А пусть тебя это не останавливает. Может быть, я куда крепче, чем кажусь. А если нет, то сюда сбегутся все остальные. Как думаешь, ты справишься с «Человеком с Марса»?

— С ним? Да я переломлю его пополам одной левой!

— Может быть. Если, разумеется, тебе удастся добраться до него.

— Чего?

— Ты же видел, как я пытался навести на него пистолет. Дьюк, где тот пистолет сейчас? Поищи-ка его. А когда найдешь, скажи, думаешь ли еще, что можешь переломить Майка пополам. Только сначала обязательно разыщи пистолет.

Дьюк опять занялся проектором.

— Какой-нибудь фокус-покус. Фильм все покажет.

Харшоу сказал:

— Дьюк, бросай с этим возиться. Сядь. Я займусь пленками сам, когда ты уйдешь.

— Что?! Джубал, да я вам и пальцем не дам прикоснуться к машинке. Вы же все испортите!

— Сядь, я сказал!

— Но...

— Дьюк, если мне заблагорассудится, я эту дурацкую игрушку хоть выкину! Я не желаю, чтобы мне помогал человек, который уволился от меня.

— Черт! Вовсе я не уволился! Вы разозлились и вышвырнули меня без всякой причины.

— Сядь, Дьюк! — спокойно стоял на своем Харшоу. — И разреши мне попытаться спасти твою жизнь или убирайся, покуда цел. И даже не задерживайся, чтобы упаковаться. Тебе вряд ли удастся прожить столько времени.

— Что за чертовщину вы несете?

— Буквально то, что я сказал. Дьюк, вне зависимости от того, выгнал ли я тебя или ты сам уволился, ты перестал у меня работать с той самой минуты, когда заявил, что не будешь есть за моим столом. И несмотря на это, мне было бы неприятно, если бы тебя убили в моем доме. Поэтому сядь, и я постараюсь, чтобы этого не случилось.

Дьюк сел, ничего не понимая. Харшоу продолжал:

— Ты брат Майка по воде?

— Что? Конечно, нет. О, я слышал эти разговоры, но, если вам угодно знать, все это полнейшая чепуха.

— Это не чепуха, и я тебя об этом не спрашивал. Ты недостаточно компетентен, чтобы высказывать свое мнение. — Харшоу нахмурился. — Дьюк, я не хочу тебя увольнять. Ты держишь в порядке технику и избавляешь меня от необходимости валять дурака с этой механической ерундовинной. Но я обязан убрать тебя отсюда, а также выяснить, кто еще здесь не является собратом Майка по воде, и либо посоветовать ему стать таковым, либо сплавить его отсюда. — Джубал пожевал губами. — Ммм... может быть, удастся обойтись обещанием Майка не причинять им никакого вреда без моего разрешения? Нет, это недостаточно надежно. Майк слишком часто не улавливает истинного смысла происшедшего. Скажем, если ты... или Ларри, поскольку тебя уже здесь не будет, схватил бы Джилл и бросил ее в бассейн... В этом случае Ларри мог бы оказаться там, где сейчас находится пистолет, задолго до того, как я успел бы разъяснить Майку, что Джилл ничто не угрожает. Ларри имеет право на жизнь, которая не должна прерваться преждевременно из-за моей небрежности. Дьюк, я убежден, что каждый человек держит свою судьбу в собственных руках, но это не причина давать ребенку играть с динамитной шашкой.

Дьюк, не торопясь, ответил:

— Босс, вы несете чепуху. Майк никому не причинит вреда. Конечно, от этой болтовни о людоедстве меня воротит, но поймите меня правильно... Он дикарь, что ж с него возьмешь, но он добр, как ягненок, и никого обидеть не может.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— Ладно. У тебя в комнате есть оружие. Я утверждаю, что он опасен. Откроем сезон охоты на марсиан. Возьми винтовку, подойди к бассейну и пристрели Майка. О правой стороне не беспокойся. Я гарантирую тебе полное оправдание. Валяй — иди и убей.

— Джубал, вы все это говорите несерьезно!

— Да. Конечно, да. Потому что ты не сможешь его убить. Если бы ты попытался, твоя винтовка отправилась бы туда же, где находится мой пистолет, а если бы ты напал внезапно, то и сам бы попал в те же места. Дьюк, ты не понимаешь, с кем затеял игру. Майк вовсе не добр, как ягненок. И он вовсе не дикарь. Я сильно подозреваю, что это мы дикари. Тебе когда-нибудь приходилось разводить змей?

— Хм... нет.

— А я в детстве разводил их. Однажды во Флориде я поймал одну, которую счел за багряную змею. Знаешь, как она выглядит?

— Я змеями не интересуюсь.

— Опять предубеждение. Большинство змей безобидно, полезно, и их очень интересно держать дома. Багряная змея необычайно красива: красная, черная, желтая; она в высшей степени доверчива и хорошо привыкает к людям. Я думаю, эта малышка меня любила. Я хорошо знал, как надо обращаться со змеями, каким осторожным надо быть, чтобы не напугать их, как помешать им кусаться, — укусы даже безвредной змеи весьма неприятны. Эта змейка была украшением моей коллекции. Я часто брал ее в руки и показывал знакомым, держа ее за шею и позволяя ей обвиваться вокруг запястья.

Как-то я получил возможность показать свою коллекцию ученому-герпетологу из зоопарка Тампы. Гордость моей коллекции я показал ему первой. У него чуть было родимчик не начался. Моя любимица оказалась не багряной змеей, а молодой коралловой змейкой. А это самая ядовитая змея в Северной Америке. Дьюк, ты понимаешь, к чему я веду?

— Верно к тому, что держать змей опасно. Это-то я и сам бы мог вам сказать.

— Брось валять дурака! Я ведь держал гремучих и водяных змей. Ядовитая змея опасна, но не более, чем заряженный пистолет. И в том и в другом случае просто надо знать, как с ними правильно обращаться. Эту змею опасной делало то, что я не знал, чего от нее можно ждать. Если бы в своем неведении я повел бы себя с ней неосторожно, она убила бы меня так же просто, как котенок, играя, царапает твою руку. Именно это я и стараюсь внушить тебе в отношении Майка. Он кажется обыкновенным юношей, не очень хорошо развитым физически, неуклюжим, бесконечно невежественным, но очень способным и стремящимся к знанию. Однако, подобно моей змее, Майк — нечто гораздо большее, чем кажется. Если Майк тебе не доверяет, он может оказаться куда опаснее коралловой змеи. Особенно, если решит, что ты обижаешь его братьев по воде — Джилл или меня. — Харшоу покачал головой. — Дьюк, если бы ты выполнил свое желание врезать мне, а Майк оказался бы в этих дверях, ты бы умер раньше, чем понял бы, что мертв, и слишком быстро для того, чтобы я успел предупредить его действия. Майк очень сожалел бы потом о потере «пищи», то есть о твоём исчезнувшем мясе. Но никакого раскаяния при этом он бы не ощутил, — с его точки зрения, это была необходимость, возникшая *по твоей* вине... и к тому же не имеющая значения даже для тебя. Потому что, видишь ли, Майк верит в бессмертие твоей души.

— Хм... Черт возьми, я тоже верю, но...

— Тоже? — холодно спросил Джубал. — Сомневаюсь.

— Почему? Разумеется, верю. По церквам не хожу, но меня воспитали в правильной вере...

— Отлично. Хотя я никогда не мог понять, почему Бог ждет от своих созданий, чтобы они выбирали правильную религию случайно, — мне это кажется довольно странным способом управления Вселенной. Однако, поскольку ты веришь в бессмертие души, нам не стоит волноваться по поводу того, что твои предрассудки приведут твое брэнное тело к преждевременной кончине. Как с тобой прикажешь поступить — кремировать или похоронить?

— О, ради Бога, Джубал, перестаньте паясничать!

— А я не паясничая. Я не могу гарантировать тебе безопасность, если ты настаиваешь на том, что коралловая змея так же безвредна, как и багряная. Каждая твоя ошибка может стать последней. Но я обещаю, что не позволю Майку тебя слопать.

Нижняя челюсть Дьюка отвисла. Затем он ответил горячо, бессвязно и непристойно. Харшоу выслушал тираду и сказал раздраженно:

— Ладно, заткнись. Договаривайся с Майком, как знаешь. — Харшоу наклонился над проектором. — Я хочу посмотреть фильмы. Будь оно проклято, эта идиотская штуковина выводит меня из себя.

— Вы неправильно с ним обращаетесь. Вот!

Дьюк исправил настройку, которую нарушил Харшоу, затем вставил ролик. Никто из них не поднимал вопроса о том, работает ли еще Дьюк на Джубала или уже нет. Проектор был с адаптером для прогонки четырехмиллиметровых лент со звуковой дорожкой. Через несколько минут они уже смотрели события, которые предшествовали исчезновению пустого ящика из-под бренди.

Джубал увидел, как ящик летит ему прямо в голову и исчезает на полпути.

— Анни будет рада, что камеры ее поддержали. Дьюк, повтори-ка все в замедленном темпе.

— О'кей, — Дьюк перемотал ленту и объявил: — Одна десятая нормы.

Сцена была та же, но на этой скорости звук был бесполезен, и Дьюк его выключил. Ящик выплыл из рук Джилл и медленно поплыл к голове Джубала, а затем испарился. Но при замедленном показе было видно, что он как бы сморщился и делался все меньше и меньше, пока не исчез совсем.

— Дьюк, а еще медленней нельзя?

— Минуту...Stereo не в порядке...

— А что такое?

— Кто его знает! При быстром пуске все было хорошо, а при медленном эффект глубины не работает. Ящик уходит от нас очень быстро, но почему-то всегда остается ближе стены. Какой-то, надо думать, побочный эффект. Но я ведь не снимал катушку со шпинделя...

— Ох, погоди-ка, Дьюк... Давай посмотрим фильм, снятый другой камерой.

— Ага, понятно... Это даст нам изображение под другим углом, и мы увидим все как надо, даже если я как-то испортил первую пленку. — Дьюк сменил катушки. — Я прокручу начало по-быстрому, а последнюю часть посмотрим в замедленном варианте.

— Давай!

Сцена не изменилась, изменился лишь угол, под которым велась съемка. Когда Джилл схватила ящик, Дьюк замедлил пуск, и опять они увидели, как ящик исчезает вдаль.

Дьюк выругался:

— Что-то случилось со второй камерой!

— Почему ты так думаешь?

— Съемка велась сбоку, и ящик, исчезая, должен был выйти за рамки кадра. Вместо этого он удалился по прямой от нас. Вы же видели!

— Да, — согласился Джубал. — Он уходит, как и в первом случае, под прямым углом от нас.

— Но он же не может уходить в этом направлении при съемке под разными углами!

— Что ты хочешь сказать этим «не может»? Он смог. Интересно, что бы мы увидели, воспользуйся мы радаром с доплеровским эффектом, а не камерами?

— Откуда мне знать?! Я эти камеры по винтику разберу!

— Можешь не беспокоиться.

— Но...

— Дьюк, камеры в полном порядке. Что расположено под прямым углом ко всему прочему в мире?

— Я слаб в загадках.

— Это не загадка. Ответ ты бы мог найти у мистера А. Квадрат из Страны Плоскостей, но я скажу его тебе сам. Что перпендикулярно всему прочему? Ответ: два тела, один пистолет и один ящик.

— Что за чертовщину вы несете, босс?

— Никогда в жизни я еще не выражался яснее. Ты постарайся поверить своим глазам, вместо того чтобы обвинять камеры в том, что они засвидетельствовали нечто иное, чем то, что ты ожидал увидеть. Давай-ка поглядим другие фильмы.

Новые фильмы ничего не добавили к тому, что Харшоу видел раньше. Взлетевшая к потолку пепельница вышла из кадра, но ее ленивый спуск был зафиксирован. Изображение пистолета в стереофильме было слишком мелким, но, насколько можно было судить, пистолет исчез, даже не шевельнувшись. Поскольку Харшоу держал пистолет в руке очень крепко, он был вполне удовлетворен опытом, если, разумеется, считать, что слово «удовлетворен» тут годится.

— Дьюк, я хочу, чтобы ты немедленно продублировал эти пленки.

Дьюк замешкался.

— Значит, я все еще работаю у вас?

— Что? Будь ты проклят! Но на кухне ты есть не будешь. Это окончательно. Дьюк, попробуй забыть свои предрассудки и выслушай меня.

— Я слушаю.

— Когда Майк просил о привилегии съесть мое старое жилистое тело, он оказывал мне великую честь, вытекающую из естественных, известных ему обычаев. Согласно тем обычаям, которые он, как сказали бы у нас, «впитал с молоком матери», это был величайший комплимент мне и одновременно скромная просьба об ответной милости. И неважно, что об этом думают в Канзасе, — Майк-то живет согласно марсианской системе ценностей.

— Я предпочитаю Канзас!

— Конечно, — согласился Джубал, — и я тоже. Но ни для тебя, ни для меня, ни для Майка этот выбор не является свободным. Практически ведь невозможно отрешиться от того, что тебе было привито в детстве. Дьюк, можешь ты вколотить в свою тупую башку, что, если бы ты был воспитан марсианами, у тебя были бы такие же представления о еде и каннибализме, как сейчас у Майка?

Дьюк затряс головой.

— Я с этим никогда не соглашусь. Конечно, в отношении многого можно сказать, что Майк не виноват в том, что его воспитали не в цивилизованных понятиях... Но тут совсем другое дело, тут должен был сработать инстинкт.

— Инстинкт! Дерьмо!

— И вовсе нет! И не с «молоком матери» я впитал, что людоедство плохая штука! Я *всегда* знал, что это — грех, и мерзкий притом. Господи, да у меня от одной мысли о нем желудок выворачивается наизнанку...

Джубал застонал.

— Дьюк, как это может быть — ты так много знаешь о машинах и ни черта о том, как сам функционируешь. Конечно, твоя мать не шептала тебе «не кушай своих друзей, милый, это некрасиво», просто ты усвоил это со всей культурой нашего общества. И я тоже. Шуточки насчет людоедов и миссионеров, карикатуры, сказки, жуткие истории и множество всякого другого... Черта с два — инстинкт! В историческом аспекте каннибализм — одно из самых распространенных явлений всех племен и народов. У твоих предков, у моих, у всех!

— У ваших, вполне возможно!

— Хм... Дьюк, разве ты не рассказывал мне, что в твоих жилах течет индейская кровь?

— Чего? Ах да, одна восьмая. Ну и что?

— Тогда мы оба имеем в своих генеалогических древах людоедов, но есть много шансов, что у тебя они на несколько поколений ближе к нашему времени, ибо...

— Ах ты, лысый старый подо...

— Остынь! Ритуальный каннибализм был обычен среди аборигенных культур Северной Америки, ты можешь найти об этом сведения в литературе. Кроме того, раз мы — североамериканцы, у нас есть весьма веские шансы найти в числе своих предков кого-нибудь с примесью негритянской крови из Конго, о чем мы и не подозреваем. Так что еще и с этой стороны... Но даже если бы в тебе текла чистейшая нордическая кровь (дурацкая выдумка, поскольку случаев незаконных связей куда больше, чем принято считать), но если бы это было действительно так, то подобное родство могло бы сказать нам лишь одно — от каких именно людоедов ты происходишь... ибо каждая ветвь человеческой расы практиковала каннибализм. Дьюк, глупо говорить о практике, будто она «противна инстинкту», если это практика миллионов людей.

— Но... Ладно, не следовало мне ввязываться с вами в спор, Джубал, вы же всегда все выворачиваете

наизнанку. Но предположим, что мы все происходим от дикарей, которые ничего лучшего не знали... Так что из того? Теперь мы цивилизованны. Во всяком случае — я.

Джубал ухмыльнулся.

— Намекаешь, что я не цивилизован? Сынок, если даже оставить в стороне мой твердо установившийся рефлекс против каннибализма, мешающий мне насладиться жарким, скажем, из твоей ягодицы, так вот, оставив в стороне этот рефлекс, я рассматриваю табу против людоедства как очень здоровую идею... потому, что мы с тобой вовсе не цивилизованные люди.

— Это еще как?

— Если бы не было табу столь прочного, что ты веришь, будто оно — инстинкт, я мог бы составить очень длинный список людей, к которым побоялся бы повернуться спиной, особенно при нынешней цене на мясо. А?

Дьюк выдавил улыбку.

— Да, я бы тоже поостерегся своей бывшей тещи!

— А как насчет нашего милейшего соседа к югу, который так небрежно относится к чужому скоту, когда начинается сезон охоты? Готов спорить, что ты и я имели бы шанс оказаться в его морозильнике. А вот Майку я верю. Майк — он цивилизован.

— Чего, чего?

— Майк цивилизован до мозга костей в марсианском понимании. Дьюк, я много говорил с Майком и знаю, что обычай, практикуемый марсианами, не исходит из правила «одна собака ест другую»... или «один марсианин поедает другого». Они поедают своих близких вместо того, чтобы их хоронить, кремировать или выбрасывать стервятникам. Этот обычай формализован и полон глубокого религиозного смысла. Ни одного марсианина не убивают без его согласия. У марсиан вообще нет концепции убийства. Марсианин умирает, когда захочет, обсудив этот вопрос с друзьями и получив согласие призраков его умерших предков на присоединение к ним. Решив умереть, он так и поступает, причем делает это просто и легко, примерно как ты закрываешь глаза — нет ни насилия, ни болезней, ни снотворных таблеток. Сейчас он жив-здоров, а через минуту — уже дух. Затем его друзья поедают то, в

чем он уже больше не нуждается, они его *грох*, как сказал бы Майк, восхваляя его достоинства и одновременно намазывая на его мясо горчицу. Призрак, или дух, присутствует на пиршестве. Это своего рода бар-мицво*, или конфирмация, в процессе которой призрак приобретает статус Старейшего и, как я понял, почетного общественного деятеля.

Дьюк скорчил рожу.

— Господи, какая суеверная чушь!

— Для Майка это торжественная и радостная церемония.

Дьюк фыркнул.

— Джубал, вы же не верите в эту чепуху насчет привидений. Это всего лишь людоедство, одобренное предрассудками.

— Знаешь, я бы так далеко не заходил. Мне тоже было бы нелегко проглотить этих Старейших. Но Майк говорит о них так, как мы говорим о прошедшем четверге. Что же касается прочего, то... Дьюк, ты к какой церкви принадлежишь? — Дьюк ответил, и Джубал продолжал: — Я так и думал. В Канзасе большинство принадлежит или к ней, или к другой, столь похожей, что разница между ними лишь в названии. Скажи, как ты чувствуешь себя, когда принимаешь участие в символическом каннибализме, играющем такую важную роль в обрядах твоей церкви?

Дьюк недоумевающе уставился на Джубала.

— Что вы имеете в виду?

Джубал ответил ему невинно:

— Ты был прихожанином или только ходил в воскресную школу?

— Что? Ну, разумеется, я был прихожанином. И остаюсь им, хотя в церкви бываю редко.

— Я подумал, что ты, возможно, не удостоился такой чести. Ладно, ты догадаешься, о чем я говорю, если немного подумаешь. — Джубал встал. — Я не стану спорить с тобой о разнице в формах одного или другого ритуального каннибализма. Дьюк, у меня больше нет времени выбивать из тебя эти суеверия и предрассудки. Ты увольняешься? Если да, я лучше сам

* Праздник посвящения мальчиков в мужчины у евреев.

выведу тебя за ворота. Или хочешь остаться? Остаться и есть вместе с нами, которые людоеды?

Дьюк наморщил лоб.

— Думаю остаться.

— Я умываю руки. Фильмы ты видел. Если у тебя хватит сообразительности разобраться что к чему, ты поймешь, как опасен может быть этот человек-марсианин.

Дьюк кивнул.

— Я не настолько глуп, как вы думаете, Джубал. Но я не позволю Майку выгнать меня отсюда... Вы говорите, что он опасен. Но я не собираюсь гладить его против шерсти. Знаете, Джубал, этот малыш мне ведь во многих отношениях нравится.

— Ммм... И все равно, ты его недооцениваешь, Дьюк. Слушай, если ты испытываешь к нему дружеские чувства, то предложи ему стакан воды. Понял? Стань ему братом по воде.

— Хм... Я подумаю.

— Только, Дьюк, не вздумай его обманывать. Если Майк примет твоё предложение, он отнесется к этому с величайшей ответственностью. Он будет верить тебе беспредельно, невзирая ни на что. Поэтому не делай этого, если ты не готов верить ему так же, как он тебе, и стоять за него, как бы плохо ни повернулось дело. Или все — или ничего.

— Это я понял. Вот почему я сказал — подумаю.

— О'кей. Только думай не слишком долго. Полагаю, что события не заставят себя ждать.

Глава 14

В Лапуте, если верить Лэмюэлю Гулливеру, ни одна более или менее значительная личность не слушала и не говорила без «клайменоле», или в переводе «хлопальщика», — слуги, чья обязанность заключалась в том, чтобы хлопать по губам и ушам хозяина свиным пузырем в том случае, когда, по мнению слуги, хозяину полагалось слушать или отвечать. Без решения хлопальщика разговаривать с лапутянами правящего класса было просто невозможно.

На Марсе хлопальщики неизвестны. У марсианских Старейших потребность в них столь же мала, как у змеи в туфлях. Марсиане, живущие во плоти, могли бы ими пользоваться, но не делают этого, так как подобная концепция противоречит их образу жизни.

Марсианин, которому хочется на несколько минут или лет погрузиться в самосозерцание, просто погружается в него — и вся недолга. Друзья, которым не терпится с ним побеседовать, должны ждать. Поскольку впереди лежит вечность, причин торопиться нет, и само понятие «торопливость» в словаре марсиан аналога не имеет. «Скорость», «быстрота», «ускорение», «убыстрение» — эти и другие абстракции, имеющие отношение к структуре Вечности, конечно, есть в мар-

сианской математике, но они неприменимы в эмоциональной сфере марсиан.

В противоположность этому, стремительный поток людского бытия брал свой исток не в математических абстракциях времени и пространства, а в неистовой настырности, определяемой сексуальной биполярностью.

На Земле система хлопальщиков развивалась медленно. Было время, когда любой суверен вершил собственный открытый суд, так что нижестоящие могли явиться пред его очи без всяких посредников. Следы этой системы сохранились и много времени спустя после того, как короли стали редкостью. Англичанин мог заорать «караул!» (хоть делалось это не так уж часто), и самые важные городские шишки открывали свои двери для какого-нибудь отставного танцора или метельщика улиц вплоть до двадцатого века. Остатки этого пережитка можно встретить и в первой и девятой поправках Конституции США, хотя в дальнейшем они были отменены соответствующими статьями Конституции Мировой Федерации.

К тому времени, когда «Победитель» вернулся с Марса, принцип свободного доступа к суверену был мертв повсюду, какова бы ни была номинальная форма правления; значение той или иной персоны определялось числом хлопальщиков, отделявших его от толпы. Их называли помощниками, личными секретарями, столоначальниками, ответственными чиновниками и тому подобными именами, но все они были хлопальщиками, ибо каждый имел право накладывать вето на всякую попытку со стороны связаться с его боссом.

Эта сеть официальных хлопальщиков дополнилась множеством лиц неофициальных, которые хлопали по ушам и губам Великого Человека без разрешения официальных хлопальщиков, используя для этого социальные контакты, черные ходы или телефонные номера, не числящиеся в телефонных справочниках. Этих неофициальных лиц звали «компаньоны по гольфу», «теневой кабинет», «лоббисты», «уважаемые государственные деятели», «пятипроцентники»* и так далее. Эти неофици-

* Посредник, берущий за услуги пять процентов суммы заключенной сделки.

циальные лица создавали собственные сети до тех пор, пока до них не стало так же трудно добраться, как и до самого Великого Человека, и тогда неизвестно откуда появились неофициальные лица второго порядка, избравшие хлопальщиков для неофициальных лиц первого порядка. Имея во главе персону высшей важности, лабиринт неофициальных хлопальщиков стал столь же сложным, как и официальные фаланги, обслуживающие персону просто важную.

Доктор Джубал — почти профессиональный клоун, любитель в подрывании устоев и тунец по выбору образа жизни, отличался почти марсианским отношением к торопливости. Зная, что срок его жизни краток, и не обладая ни марсианской, ни канзасской верой в бессмертие души, он решил, что будет относиться к каждой краткой минуте жизни как к Вечности — без страха, без надежды, но со страстностью сибарита. Для этой цели ему требовалось нечто большее, чем бочка Диогена, но и нечто меньшее, нежели купол дворца Кубла-хана. Его поместье отличалось скромностью — всего несколько акров, огороженных от непрошенных гостей колючей проволокой под током, дом из четырнадцати комнат или около того, с секретарями и прочими современными удобствами. Поддерживая это скромное гнездышко и немногочисленный штат слуг, он старался прилагать минимум сил и получать максимальную отдачу, считая, что быть богатым проще, нежели бедным (а Харшоу хотел жить в ленивой роскоши, делая лишь то, что интересовало его самого).

Он полагал себя оскорбленным, если обстоятельства заставляли его спешить и, уж конечно, ни за что не признался бы, что в глубине души ему это нравилось.

На это утро он наметил разговор с главой высшей исполнительной власти планеты. Он знал, что система хлопальщиков делает такой разговор практически невозможным. Харшоу была отвратительна даже мысль о собственных хлопальщиках, которых он вполне мог бы иметь по своему рангу. Он сам отвечал на телефонные звонки, если оказывался рядом с аппаратом, ибо каждый звонок давал ему возможность нахамить какому-нибудь незнакомцу, осмелившемуся нарушить его покой без особой причины (в понимании Харшоу, разумеет-

ся). Он прекрасно понимал, что ситуация во Дворце правительства будет совершенно иной. Но не даром же у Харшоу были за спиной долгие годы валяния дурака и противодействия обычаям человеческого общежития. Знаясь он этим делом весело, начав его сразу после завтрака.

Его имя медленно путешествовало от одного слоя хлопальщиков к другому. Харшоу относился к той немногочисленной категории весьма важных персон, которым нельзя отказать просто так. Его передавали от одного секретаря к другому, и наконец он добрался до исключительно вежливого молодого человека, который, видимо, готов был слушать сколь угодно долго, независимо от того, о чем говорил Харшоу, но никак не мог соединить его с достопочтенным мистером Дугласом.

Харшоу знал, что дела пойдут совсем иначе, если он заявит, что «Человек с Марса» находится на его попечении, но он не считал, что подобное развитие событий его устроит. Харшоу думал, что упоминание о Смите убьет всякую надежду связаться с Дугласом и в то же время возбудит бешеную энергию его подчиненных, чего он никак не хотел. Раз жизнь Какстона стояла на кону, Харшоу не мог пренебречь риском неудачи из-за какого-нибудь нерешительного или, наоборот, амбициозного холуя.

Но это мягкое сопротивление подорвало терпение Харшоу. Он наконец показал зубы.

— Молодой человек, если вы не располагаете полномочиями, соедините меня с кем-нибудь, у кого они есть. Дайте-ка мне мистера Берквиста.

Помощник внезапно потерял охоту улыбаться, и Джубал злорадно подумал, что наконец достал его. Поэтому он поднажал.

— Ну! Чего ж вы сидите? Позвоните Гилу по внутреннему телефону и скажите, что вы заставили ждать самого Джубала Харшоу.

Лицо на экране сказала деревянным голосом:

— Здесь нет мистера Берквиста.

— Меня не касается, где он. Подайте его сюда. Если вы не знаете Гила Берквиста, спросите у своего босса. Мистер Берквист — личный помощник мистера Дугласа. Если вы работаете во Дворце, то должны были

видеть мистера Берквиста — лет тридцать пять, всего восемьдесят, рост шесть футов, волосы песочного цвета, поредевшие на лбу, много улыбается и обладает недурным набором зубов. Если вы не осмеливаетесь его беспокоить, передайте это дело своему боссу. И хватит грызть ногти! Пора двигаться!

Молодой человек произнес:

— Подождите у телефона, я узнаю.

— Конечно, подожду. Давайте-ка сюда Гила!

Лицо на экране исчезло, на его месте возник абстрактный рисунок. Чей-то голос прошептал: «Подождите завершения разговора. Время ожидания в ваш счет не включается. Пожалуйста отдохните...» Раздалась тихая музыка. Джубал уселся поудобнее и окинул взглядом свое окружение. Анни читала, скрытая от поля зрения экрана. С другой стороны сидел «Человек с Марса», которого тоже нельзя было видеть по видеофону, и смотрел стереовизиор, звук которого шел через наушники.

Джубал подумал, что надо бы вернуть этот г...й ящик обратно в подвал.

— Что ты смотришь, сынок? — спросил он, протягивая руку и включая звук.

— Не знаю, Джубал, — ответил Майк.

Звук подтвердил опасения Джубала: Смит смотрел службу фостеритов. Пастырь читал церковные объявления: «...младшая команда "Дух в действии" организует демонстрацию, так что стоит прийти пораньше и посмотреть, как летят пух и перья. Тренер нашей команды брат Хорнсби просил передать вам, что следует захватить с собой только каски, рукавицы и дубинки. В этот раз мы не пойдем громить грешников. Однако "Юные Херувимы" будут на стреме со своими походными аптечками на случай взрыва энтузиазма». Пастырь умолк и широко ухмыльнулся. «А теперь, замечательная новость, дети мои. Послание от Ангела Рамзая брату Артуру Ренвику и его милой жене Дороти. Ваши мольбы услышаны, и вы вознесетесь на Небо на расвете в четверг. Встань, Арт! Встань, Дотти! Поклонитесь!»

Камера изменила угол обзора, показывая всю конгрегацию, и наконец остановилась на «брате» и «сест-

ре» Ренвиках. Дикие аплодисменты и вопли «Аллилуйя!» Брат Ренвик ответил, по-боксерски подняв сжатые руки над головой и потрясая ими в воздухе, а его жена покраснела, заулыбалась и скомканным платочком промокнула глаза.

Камера снова вернулась к Пастырю, который поднял руку, прося тишины. Он деловито продолжал: «Вечерняя церемония "В добрый путь" начнется ровно в полночь, и одновременно закроются все двери, поэтому соберитесь здесь пораньше, и пусть все увидят этот радостный праздник нашей паствы. Мы гордимся Артом и Дотти. Похоронная служба состоится после восхода солнца с завтраком для тех, кто должен быть на работе рано». Лицо Пастыря вдруг посуровело, камера наезжала на него, пока голова не заняла весь «ящик». «После последней вечеринки "В добрый путь" причетник обнаружил пустую бутылку, емкостью в одну пинту, в комнате Радости, причем марки, изготавливаемой грешниками. Это было и прошло. Оступившийся брат наш покался, заплатил семикратный штраф, отказавшись даже от положенной при уплате наличными скидки. Я уверен, что больше он не поскользнется. Но остановитесь на минуту и подумайте, дети мои, стоит ли рисковать вечным блаженством ради экономии нескольких пенсов на рукотворном мирском товаре? Всегда приобретайте тот радостный, просветленный и одобренный Церковью напиток, на этикетке которого изображен улыбающийся Епископ Дигби. Не позволяйте грешникам всучить вам нечто, будто бы «столь же хорошее». Наши спонсоры поддерживают нас, и поэтому они заслуживают нашей поддержки. Брат Арт, мне очень жаль, что пришлось поднять этот вопрос... — Все в порядке, Пастырь. Наливай до краев! — ...в такие радостные минуты. Но нам всем надлежит помнить, что...»

Джубал выключил звук.

— Майк, это совсем не то, что тебе нужно.

— Не то?

А, черт, все равно малыш когда-нибудь об этом узнает...

— Ладно, смотри, только после приходи ко мне, мы поговорим.

— Хорошо, Джубал.

Харшоу хотел было добавить что-то насчет склонности Майка понимать все в буквальном смысле, но музыка в видеофоне стала стихать, потом прекратилась совсем, и экран заполнило лицо человека лет сорока, на которое Джубал тут же мысленно наклеил этикетку «коп».

Джубал пошел в атаку первым:

— Вы не Гил Берквист!

— А почему вас интересует мистер Берквист?

Джубал ответил с наигранным спокойствием:

— Мне угодно с ним поговорить. Послушайте, мой друг, вы государственный служащий?

Человек на экране замялся:

— Да, вы должны...

— Ничего я вам не должен. Я гражданин этой страны, и мои деньги идут на ваше жалованье. Я потратил целое утро на то, чтобы позвонить по телефону... и меня отсылают от одного тупицы с мозгом гусеницы к другому, причем все они кормятся из государственной кормушки... Теперь еще вы! Сообщите мне ваше имя, вашу должность и номер платежной карточки. После этого я хочу поговорить с мистером Берквистом.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Бросьте, бросьте! Я не обязан отвечать. Я частное лицо, а вы нет, и вопрос, который я задал, имеет право задать любой гражданин любому государственному служащему. Смотри дело О'Келли против штата Калифорния, 1972 год. Я требую, чтобы вы назвали себя, должность, номер карточки.

Человек на экране сказал ровным тоном:

— Вы доктор Джубал Харшоу. Вы звоните из...

— Так вот, значит, зачем вам потребовалось столько времени?! Это очень глупо. Мой адрес можно получить в любой библиотеке, в любом почтовом отделении, в любом телефонном справочнике. Кто я такой, знают все. Все, кто умеет читать. А вы умеете читать?

— Доктор Харшоу, я полицейский офицер и требую вашего содействия. Какова причина...

— Фу, сэр! Я ведь адвокат. От гражданина можно потребовать содействия лишь при определенных обстоятельствах. Например, во время преследования пре-

ступника, но и в этом случае полицейский обязан предъявить свои документы. Разве вы преследуете преступника? Вы что, хотите прыгнуть за ним сквозь этот проклятый экран? Кроме того, от гражданина можно потребовать содействия в разумных и законных пределах во время полицейского расследования.

— В данном случае ведется именно расследование.

— Чего, сэр? Перед тем как потребовать моего содействия, вы обязаны назвать себя, удостоверить мне ваше bona fide *, объявить о цели, которую вы преследуете, и — если я того пожелаю — предъявить соответствующую статью и доказать, что действительно имеет место разумная необходимость. Вы ничего этого не сделали. Я желаю разговаривать с мистером Берквистом.

У мужчины играли желваки на скулах, когда он сказал:

— Я капитан Хейнрих из Федерального бюро С.С. Тот факт, что вас соединили со мной, когда вы звонили во Дворец правительства, должен служить вам доказательством, что я именно тот, кем представился. Однако...

Он вынул бумажник, открыл его и поднес к экрану. Харшоу глянул на его служебное удостоверение.

— Отлично, капитан, — пробурчал он, — а теперь объясните мне, почему вы мешаете моему разговору с мистером Берквистом?

— Мистера Берквиста сейчас нет.

— А почему же мне раньше не сказали об этом? Тогда соедините меня с кем-либо того же ранга. Я имею в виду одного из тех, кто работает непосредственно с Генеральным секретарем, как Берквист. Я не желаю, чтобы меня снова гоняли к какому-нибудь мелкому чинуше, у которого нет власти даже чтобы утереть себе сопли. Если Гила нет, тогда, ради Бога, дайте мне кого-нибудь того же ранга.

— Вы стараетесь дозвониться до Генерального секретаря?

— Совершенно точно.

— Очень хорошо. Тогда вы, может быть, объясните, что именно вам нужно от Генерального секретаря?

* Искренность, честность. Здесь: честность намерений (лат.).

— А вы, что — личный советник Генерального секретаря и допущены к его секретам?

— Это вас не касается.

— Нет, касается, да еще как! Как полицейский офицер, вы должны были бы это знать. Я все объясню, но лишь тому человеку, о котором мне будет известно, что он допущен к очень деликатной информации и пользуется доверием мистера Дугласа в такой мере, что может устроить мне разговор с Генеральным секретарем. Вы уверены, что я не могу связаться с мистером Берквистом?

— Совершенно уверен.

— Тогда пусть это будет кто-то равный ему по положению.

— Если это секрет, вы не имеете права разглашать его по телефону.

— Дорогой капитан, поскольку вы проследили мой вызов, вам известно, что мой телефон оборудован устройством для принятия обратного вызова связи высокой секретности.

Офицер Специальной Службы проигнорировал сказанное. Вместо этого он сказал:

— Доктор, я буду откровенен. До тех пор, пока вы не скажете, по какому делу звоните, вы ничего не добьетесь. Если вы позвоните снова, вас опять переклучат на мой кабинет. Будете звонить сотню раз или целый месяц, будет то же самое. Пока вы не согласитесь с нами сотрудничать.

Джубал довольно ухмыльнулся.

— А теперь в этом больше нет надобности, поскольку вы — то ли умышленно, то ли намеренно, не знаю, допустили ошибку, насчет уговора, который будет предшествовать действиям. Я со своей стороны тоже ведь могу отключиться хоть на весь день... Но теперь кодовым словом будет уже не «Берквист».

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Мой дорогой капитан! Ради Бога, не по телефону, даже если нас не подслушивают! Вам следовало бы знать, что я крупный специалист по философанкулистике и в этой области весьма активен.

— Как вы сказали? Повторите еще раз!

— Да неужели вы не изучали амфигуэри *? Господи, сейчас ее проходят в начальных классах школы! Ладно, возвращайтесь тогда к вашим игрушкам. Мне вы больше не нужны.

Джубал отключился, поставил автоответчик на отказ от соединения на десять минут, сказал: «Пошли, ребята», — и вернулся на свое излюбленное место возле бассейна. На всякий случай Анни было приказано принести сюда белую тогу Свидетеля, Майку — находиться в пределах видимости, Мириам получила инструкции насчет телефона. Свершив все это, Джубал позволил себе расслабиться.

Он был весьма доволен собой. Джубал и не ожидал, что его сразу же соединят с Генеральным секретарем. Его вылазка открыла ему слабое место в обороне Генерального секретаря, и он надеялся, что стычка с капитаном Хейнрихом однозначно приведет к телефонному звонку с более высокого уровня.

Если же этого не произойдет, то обмен любезностями с копом из С.С. был сам по себе удовольствием и согрел душу. Харшоу был твердо убежден, что есть ноги, самой судьбой предназначенные для того, чтобы на них наступали, дабы минимизировать нахальство бюрократов и улучшить их породу. Он сразу же обнаружил, что у капитана Хейнриха именно такие ноги.

Он очень хотел знать, долго ли протянется ожидание? Кроме того, что подготовленная им «бомба» могла и не сработать вообще, он обещал Джилл заняться судьбой Бена Какстона, а теперь его заставляло торопиться еще одно событие — пропал Дьюк.

Исчез ли он на день или ушел навсегда, Джубал не представлял. Дьюк был за ужином, но за завтраком уже отсутствовал. В штате Харшоу никто друг за другом не следил, да никому вроде и не было дела до Дьюка.

Джубал глянул через бассейн, поглядел, как Майк пытается повторить прыжок Доркас, которая только что показала высший класс, и заметил про себя, что сегодня утром он не спрашивал про Дьюка не без причины. Дело в том, что он вовсе не желал справлять-

* Шуточные стихи, набор бессмысленных словосочетаний.

ся у медведя, где находится Эдджи *. А вдруг медведь ответил бы правду? Был лишь один способ исправить последствия собственного слабоволия.

— Майк, поди сюда!

— Да, Джубал.

«Человек с Марса» вылез из бассейна и трусцой, как преданный щенок, подбежал к Джубалу. Харшоу оглядел его и решил, что тот сейчас весит фунтов на двадцать больше, чем когда прибыл сюда... и все это мускулы!

— Майк, ты знаешь, где Дьюк?

— Нет, Джубал.

Что ж, все в порядке. Парнишка врать не умеет... Стой! Джубал вспомнил кошмарную манеру Майка отвечать только на точно заданный вопрос. Майк ведь и о пропавшем ящике из-под бренди тоже сказал, что не знает, где тот находится после исчезновения.

— Майк, когда ты его видел в последний раз?

— Я видел, как Дьюк шел вверх по лестнице, когда я и Джилл спускались по ней сегодня утром, в то время, когда пора было готовить завтрак. — Майк с гордостью добавил: — Я помогал готовить.

— Это было в последний раз, когда ты видел Дьюка?

— С тех пор не видел, Джубал. Я прекрасно сжег тост!

— Уверен в этом. Из тебя получится превосходный муж для какой-нибудь счастливцы, если ты не поостережешься.

— О, я сжег его очень осторожно!

— Джубал!

— Да, Анни?

— Дьюк позавтракал очень рано и тут же ускакал в город. Я думала, вы знаете.

— Да, — чуть помедлив, отозвался Джубал, — только я предполагал, что он уедет после ленча.

Внезапно пришло ощущение снятой с души колоссальной тяжести. И дело вовсе не в том, что Дьюк для него что-то значит... конечно, нет... Он уже много лет назад решил, что ни одно человеческое существо более

* Персонажи английской детской сказки.

не станет для него близким... Просто почему-то было тревожно... вот и все...

Интересно, какой юридический закон нарушается, если человека заворачивают перпендикулярно ко всему *остальному*?

Разумеется, это не убийство, раз мальчик пользовался своим средством в порядке самозащиты или дозволенной обороны другого — например, Джилл. Скорее уж тут применимы пенсильванские законы против колдовства... Любопытно бы узнать, как может быть сформулировано обвинение?

А если повернуть дело под углом зрения гражданского права? Можно ли подвести то, что он, Джубал, укрывает «Человека с Марса», под статью о «соблазне, нарушающем порядок»? Да, вскоре, судя по всему, нам понадобятся новые законы. Майк уже вышиб подставку из-под ног физики и медицины, хотя, конечно, люди этих профессий и не подозревают о наступившем хаосе. Харшоу вспомнил, какой трагедией стала для многих ученых теория относительности. Они не смогли ее понять и обрушили свой гнев лично на Эйнштейна. Самое лучшее, что может сделать негнибаемая старая гвардия — это вымереть и дать простор молодым умам.

Его дед рассказывал ему примерно то же самое о медицине, когда появилась гипотеза о микробах как причинах многих болезней. Врачи сходили с ума, называли Пастера лжецом, идиотом и еще хуже, отказываясь при этом даже подумать над доказательствами, которые их «здравый смысл» просто не принимал.

Что ж, он предвидит, что Майк вызовет куда больший переполох, нежели Пастер и Эйнштейн вместе взятые. Это, кстати, напомнило ему...

— Ларри! Где Ларри?

— Я тут, босс, — ответил ему громкоговоритель. — Внизу, в мастерской.

— «Тревожная кнопка» с тобой?

— Еще бы! Вы же велели мне даже спать с ней!

— Подскочи сюда и передай ее Анни. Анни, держи ее вместе со своей тогой.

Анни молча кивнула, а Ларри ответил:

— Сию минуту, босс, а что, отсчет времени уже начинается?

— Давай, давай, не болтай! — Джубал заметил, что «Человек с Марса» все еще стоит перед ним, неподвижный как статуя.

Статуя? Джубал покопался в памяти. Микеланджеловский Давид! Точно — те же еще полудетские кисти рук и ступни ног, безмятежное чувственное лицо, выщипанные, пожалуй, чуть длинноватые волосы.

— Пока все, Майк.

— Хорошо, Джубал.

Однако Майк и не думал уходить.

— Тебе что-нибудь нужно, сынок?

— Насчет того, что я видел в этом г...ном ящике. Ты сказал поговорить после.

— О! — Харшоу вспомнил передачу фостеритов и поморщился. — Хорошо. Только не зови его г...ным. Это стереовизор.

Майк безмерно удивился.

— Разве это не г...ный говорящий ящик? Я неверно расслышал, как ты его называл?

— Нет, это действительно г...ный говорящий ящик. Но ты всегда должен называть его стереовизором.

— Я буду называть его стереовизором. Но почему, Джубал, я не *грокк*.

Харшоу вздохнул. Опять двадцать пять! Любой разговор со Смитом кончался тем, что они сталкивались с человеческим поведением, не поддающимся логическому обоснованию, и попытки объяснить Смиту это обстоятельство занимали бесконечно много времени.

— Я сам не *грокк* этого, Майк, — признался он, — но Джилл хочет, чтоб ты говорил именно так.

— Я буду так делать, Джубал, раз Джилл хочет этого.

— Ну а теперь скажи мне, что ты видел и слышал и что ты из всего этого *грокк*?

Майк пересказал виденное и слышанное в говорящем ящике с точностью до единого слова и малейшего жеста, включая рекламные клипы. Поскольку он уже прочел почти всю энциклопедию, то познакомился с такими статьями, как «Религия», «Христианство», «Ислам», «Иудаизм», «Конфуцианство», «Буддизм» и всеми относящимися к ним вопросами. Он, однако, не *грокк* из этого ничего.

Джубал узнал, что:

а) Майк не понял, что служба фостеритов была религиозной церемонией;

б) Майк помнил все, что прочел о религии, но оставил этот предмет для будущей медитации, не поняв в прочитанном ни слова;

в) у Майка было весьма слабое представление о том, что такое религия вообще, хотя он мог свободно процитировать девять дефиниций этого понятия;

г) марсианский словарь не содержал ни единого слова, которое можно было бы как-то соотнести с этими дефинициями;

д) обычаи, которые Джубал описывал Дьюку как религиозные марсианские церемонии, таковыми вовсе не были — для Майка они столь же прозаичны, как поход на овощной рынок для Джубала;

е) на марсианском языке было невозможно провести границу между такими понятиями, как «религия», «наука» и «философия», а поскольку Майк думал на марсианском, он, естественно, не мог их разделить.

Для него все это было «учением» Старейших. Он никогда не слыхивал о сомнении или об «исследованиях» (для всего этого в марсианском языке слов не было). Ответы на все вопросы они получали прямо от Старейших, которые были всезнающими и всемогущими, касалось ли это погоды на завтра или космической телеологии *. Майк видел на Земле прогнозы погоды и считал их посланиями от человеческих Старейших тем, кто еще существовал во плоти. Примерно такой же была его концепция в отношении авторов энциклопедии «Британика». Но последним и самым худшим для Джубала было то, что Майк *грокк* службу фостеритов как объявление о близящейся церемонии расставания души с телом у двух людей, которые должны были присоединиться к человеческим Старейшим, — и Майка это в высшей степени взволновало.

Верно ли он *грокк*? Майк понимал, что его английский пока еще плох, он по незнанию делал ошибки, так как пока был еще только «яйцом». Но это-то он *грокк* правильно? Он с нетерпением ждал встречи с человеческими Старейшими, у него к ним накопилось множе-

* Идеалистическое учение о цели и целесообразности.

ство вопросов. Верно ли, что теперь эта возможность появилась? Или ему еще надо много учиться, и он пока не достоин?

Джубала спас лишь удар гонга. Пришла Доркас с подносом сэндвичей и кофе. Джубал ел в молчании, что вполне устраивало Смита, которого еще в детстве обучили, что трапеза — это время медитации. Джубал стремился затянуть завтрак как можно дольше, продолжая обдумывать ответы и проклиная себя, что разрешил Майку смотреть это стерео.

О, разумеется, мальчик все равно рано или поздно наткнулся бы на что-то религиозное, иначе и быть не могло, раз он собирается провести жизнь на этой идиотской планете. Но, черт побери, следовало бы все же немножко подождать, пока Майк не попривыкнет к странностям человеческого поведения... И уж, конечно, не фостериты должны быть первой ласточкой в знакомстве с религиозной проблематикой.

Убежденный агностик, Джубал считал, что все религии, от анимизма бушменов Калахари до самой интеллектуализированной современной веры, стоят друг друга. Но эмоционально он к одним относился хуже, чем к другим, и одно упоминание о Церкви Нового Откровения вызывало у него скрежет зубовой.

Фостериты претендовали на полную Истину, благодаря своей непосредственной связи с Небесами; их наглая нетерпимость, их манифестации и футбольные ралли, их службы, подобные торговым распродажам — все это угнетало его. Если уж люди должны ходить в церковь, то какого черта они не делают это с достоинством, подобно католикам, квакерам или приверженцам «Христианской Науки»?

Если Бог существует (а в отношении этого вопроса Джубал соблюдал прочный нейтралитет) и если ему угодно, чтобы его почитали (допущение, которое Джубал считал маловероятным, но тем не менее возможным в свете собственного невежества), то представлялось совершенной дикостью, что Бог, сотворивший целые Галактики, мог соблазниться той собачьей чушью, которую предлагали фостериты в качестве веры.

Однако доведенная до абсурда честность вынуждала Харшоу признать, что фостериты и в самом деле могли оказаться носителями Истины, только Истины и

ничего, кроме Истины. Вселенная была столь идиотским местечком, что известное положение, будто нечто абстрактное случайно оказалось состоящим из атомов, которые случайно соединились таким образом, который случайно оказался похожим на всеобъемлющий закон природы, причем некоторые случайно образовавшиеся формы случайно приобрели способность самосознания, и две из них случайно оказались «Человеком с Марса» и старым лысым дураком, в шкуре которого заключен Джубал, выглядело еще более невероятным, чем проповедь фостеритов.

Нет, Джубал никак не мог проглотить эту теорию случайностей, которая, однако, была весьма популярна среди людей, называвших себя учеными. Случайность никак не могла объяснить Джубалу существования Вселенной. Она не могла объяснить даже существования самой случайности, как горшок не мог объяснить существования горшка.

Что же тогда остается? «Наиболее вероятная гипотеза» не заслуживает уважения; «Бритва Оккама»* не может отсеять главную проблему — природу Разума Господня (можно назвать и так, ведь «Бог» — единственное односложное слово англосаксонского происхождения, не относящееся к числу односложных четырехбуквенных** и вполне подходящее для того, чтобы обозначать то, чего ты сам не понимаешь).

И вообще, есть ли какая-нибудь причина, чтобы отдать предпочтение той или иной гипотезе? Раз ты ничего не знаешь, значит ее нет. Джубал признавал, что всей его долгой жизни так и не хватило, чтобы разобраться хотя бы в основных проблемах Вселенной.

Так что фостериты могут оказаться и правы.

Но, напомнил он себе со злостью, две вещи незыблемы: мой вкус и моя гордость. Если монополией на Истину обладают фостериты, если Небо открыто только для фостеритов, то он — Джубал Харшоу, будучи джентльменом, предпочтет ту Вечность, что наполнена

* Одно из положений формальной логики, сформулированное средневековым философом Оккамом («Не надо умножать сущности сверх необходимого»).

** Намек на «неприличные» односложные четырехбуквенные слова в английском словаре.

воплями пытаемых и предназначена грешникам, отринувшим Новое Откровение. Если он и не мог четко различить Лик Господень, то глаз был все же достаточно зорок, чтобы подобрать себе компанию, соответствующую его вкусам... А фостериты под эту мерку никак не подходили.

Джубал понимал, в чем ошибка Майка. Фостериты, «отправлявшиеся» на Небо в назначенное время, действительно внешне напоминали о той добровольной смерти плоти, которая, как Джубал не сомневался, была широко распространенным обычаем на Марсе. Джубал сильно подозревал, что более точным определением практики фостеритов был бы термин «убийство». Но последнее никогда не было доказано, и теперь на это почти не намекали. Фостер был первым, кого отправили «по зову» и который умер в точно назначенное время. С тех пор, среди фостеритов это считалось особым отличием и высокой милостью. Уже много лет ни один прокурор не осмеливался сунуть свой нос в эти таинственные смерти.

В общем-то Джубалу это было до лампочки, хороший фостерит — это мертвый фостерит.

Но объяснить Майку это было трудно.

К чему же тянуть резину — лишняя чашка кофе все равно не спасет положения.

— Майк, кто сотворил мир?

— Прошу прощения?

— Оглянись вокруг. Все, что тебя окружает. И Марс. И звезды. Все. Тебя. Меня. Всех. Старейшие говорили тебе, кто это сделал?

Майк казался невероятно удивленным.

— Нет, Джубал.

— А сам ты думал об этом? Откуда Солнце? Кто подвесил на небе звезды? Кто создал все это? Все, повсюду, весь мир, всю Вселенную... и нас, разговаривающих об этом между собой?

Джубал замолк, удивленный собственным красноречием. Он намеревался прибегнуть к обычным агностицистским подходам... и вдруг обнаружил, что невольно следует правилам своей профессии: будучи порядочным адвокатом, он игнорирует собственные взгляды и пытается поддержать религиозный взгляд, которого не

придерживается сам, но который разделяется большинством людей. Он нашел, что вольно или невольно стал адвокатом ортодоксальных взглядов против... против чего, он и сам не знал... Против нечеловеческой точки зрения, должно быть.

— Как отвечают Старейшие на эти вопросы?

— Джубал, я не *грокк*... что это действительно вопросы. Мне очень жаль!

— Как? Я не *грокк* ответа!

Майк помолчал.

— Я попробую... но слова... они... неправильны. Не «поместил», не «сделал». Мир есть. Мир был. Мир будет. Вот!

— Каким был вначале, таков теперь и пребудет всегда. Мир бесконечен...

Майк радостно улыбнулся.

— Ты *грокк* это!

— Я не *грокк*, — хрипло ответил Джубал, — я просто процитировал нечто, сказанное одним Старейшим.

Он решил подойти с другой стороны. Бог-Демиург был не тем аспектом Божественности, с которого следовало начинать: Майк не представлял себе самой идеи Создания. Джубал и сам не был уверен в правильности своего понимания, но уже давным-давно заключил с самим собой договор: постулировать создание Вселенной по четным дням, а вечной, никем не сотворенной, хватающей себя за хвост Вселенной — по нечетным, поскольку каждая из гипотез не уступала в парадоксальности своей сопернице. Лишний же день високосного года оставался на долю оголтелого солипсизма.

Решив так для себя раз и навсегда этот не имеющий ответа вопрос, он не вспоминал о нем уже в течение отрезка времени, равного жизни целого поколения.

Теперь Джубал решил объяснить религию в самом общем плане, оставляя проблему Божества и связанных с ней аспектов на потом.

Майк согласился, что Знания приходят разных размеров — от маленьких, которые даже юные согнезники могут *грокк*, до больших, которые только Старейшие могут *грокк* во всей полноте. Но попытки Джубала провести границу между большими и малыми знаниями так, чтобы «большие знания» имели бы значение

«религиозных вопросов», были безуспешны. Некоторые религиозные вопросы вообще не казались Майку вопросами (как, например, «Творение»), а другие — слишком «маленькими» вопросами, ответы на которые очевидны даже для молодняка, как, например, жизнь после смерти.

Джубал оставил это и перешел к теме множественности религий. Он объяснил, что люди имеют сотни путей, которыми доставляются «большие знания», каждый из которых со своими собственными ответами и каждый претендует на их истинность.

— Что такое истина? — спросил Майк.

(«Что есть Истина?» — спросил один римский судья и умыл руки. Джубал очень жалел, что не может поступить так же.)

— Отвечаю: истина — то, что ты говоришь правильно. Сколько у меня рук?

— Две руки. Я вижу две руки, — поправился Майк. Анни подняла глаза от книги.

— За шесть недель я из него воспитаю Честного Свидетеля.

— Помолчи, Анни. Нам и без того трудно. Майк, ты ответил верно. У меня две руки. Твой ответ — истина. Но, предположим, ты ответил бы, что у меня их семь.

Майк выглядел совсем несчастным.

— Я не *грокк*, как бы я мог дать такой ответ.

— Да, я не думаю, что ты мог бы так сказать. Ты бы ответил неверно, если бы поступил так. Твой ответ тогда не был бы истиной. Но, слушай меня внимательно, Майк, каждая религия претендует на истинность, претендует на то, что говорит правильно. Однако их ответы так же различаются между собой, как две руки и семь рук. Фостериты говорят одно, буддисты — другое, мусульмане — третье. Ответов много, и все они разные.

Майк, судя по всему, делал гигантские усилия, стараясь понять.

— Все говорят верно? Джубал, я не *грокк*.

— Я тоже.

«Человек с Марса» выглядел очень встревоженным, потом вдруг заулыбался.

— Я попрошу фостеритов спросить ваших Старейших, и тогда мы все узнаем, мой брат. Как мне сделать это?

Через несколько минут Джубал, к своему полному неудовольствию, обнаружил, что пообещал Майку организовать интервью с кем-нибудь из церковных шишек. Ему не удалось поколебать убежденность Майка в том, что фостериты имеют контакт с человеческими Старейшими. Трудность заключалась в том, что Майк не мог понять, что такое ложь — дефиниции понятий «ложь» и «фальшь» вошли в его сознание без того, чтобы он их *грокк*. Ошибиться, сказав что-то не то, можно было, с его точки зрения, только в силу какой-то невероятной случайности. Поэтому церковную церемонию фостеритов он принял за Истину.

Джубал пробовал объяснить ему, что все человеческие религии претендуют на общение со Старейшими, но тем не менее их ответы не совпадают.

Майк высказал определенную тревогу.

— Джубал, мой брат, я пытаюсь... но я не *грокк*, как может быть неверно сказано. У моего народа Старейшие всегда говорят верно. Мой народ...

— Погоди-ка, Майк...

— Прошу прощения?

— Когда ты сказал «мой народ», ты говорил о марсианах? Майк, но ведь ты не марсианин. Ты — человек.

— А что такое человек?

Джубал даже застонал. Майк, безусловно, мог бы привести правильную дефиницию из словаря. Он никогда не задавал вопросов, чтобы подразнить собеседника. Он всегда жаждал информации и сейчас ожидал, что Джубал снабдит его ею.

— Я — человек, ты — человек, Ларри — человек.

— А Анни — не человек?

— Гм... Анни — человек, только женский... Женщина.

(Спасибо, Джубал... — Заткнись, Анни!)

— Ребенок — человек? Я видел картинки и в г...ном «ящи...», в стереовизоре. Ребенок не имеет облика Анни... а у Анни форма другая, чем у тебя... А у тебя другой облик, чем у меня... Но ребенок — это ребячий человек, да?

— Гм... да, ребячий человек.

— Джубал, я думаю, я *грокк*, что мой народ — марсиане — они тоже человеки. Человек, он *грокк*. Верно я говорю?

Джубал решил подать заявление о выходе из философского общества и заняться вязанием. Что такое *грокк*? Он сам уже чуть ли не ежечасно пользовался этим словом, но *грокк* его не мог. А что такое «человек»? Двуногое существо без перьев? Образ Божий? Или случайный результат борьбы за существование наиболее приспособленных в самом приземленном значении этого слова? Наследник Смерти и Налогов? Марсиане, казалось, победили смерть, и, видимо, у них не было денег, собственности, производства в человеческом понимании, а значит, не могло быть и налогов.

Да, мальчик прав. Форма не имеет значения при определении понятия «человек», как неважна бутылка, в которую налито вино. Человека можно даже вынуть из этой бутылки, как того бедолагу, чью жизнь русские «спасли», поместив его мозг в стеклянный контейнер и опутав проводами, как телефонную станцию. Боже, какая жуткая шутка! Интересно, сумел ли этот бедняга сам оценить ее?

Но чем, с точки зрения марсианина, человек отличается от других животных? Может ли раса, умеющая левитировать (и Бог знает еще что), испытывать уважение к машинам? Если так, то что для них Асуанская плотина в сравнении с тысячами миль кораллового рифа? Человек способен к самопознанию? И обобщениям? Чистой воды бахвальство — ведь невозможно доказать, что кит или секвойя не являются философами и поэтами невиданной на Земле силы...

Есть лишь одна сфера, где человек не имеет соперников. Он доказал свою неистощимую изобретательность в том, как убивать, поработать, подавлять, и нашел тысячи способов со все возрастающей эффективностью делать жизнь других людей непереносимым бременем. Человек — самая мрачная насмешка над самим собой. Ведь основой юмора является...

— Человек — животное, которое смеется, — сказал Джубал.

Майк подумал.

— Значит, я не человек.

— Как?

— Я не смеюсь. Я слышал смех, но он меня напугал. Потом я *грокк*, что он не приносит боли. Я старался научиться... — Майк закинул голову и издал ужасное карканье.

Джубал заткнул уши.

— Перестань!!!

— Ты слышал? — печально согласился с ним Майк. — Я даже воспроизвести его не могу. Значит, я не человек.

— Минутку, сынок. Ты просто еще мало знаешь... и у тебя ничего не получится, если ты станешь подражать. Но ты засмеешься, обещаю тебе. Если ты поживешь с нами достаточно долго, то однажды ты откроешь, как мы смешны, и засмеешься...

— Засмеюсь?

— Обязательно. Не беспокойся, это придет само собой. Еще бы, даже настоящий марсианин захохочет, когда он *грокк* нас.

— Я буду ждать.

— А пока ждешь, не сомневайся, что ты человек. Ты человек. Человек, рожденный женщиной и рожденный для мук... и когда-нибудь ты *грокк* во всей полноте и захохочешь, ибо человек — это животное, которое смеется над собой. Насчет же твоих марсианских друзей я не знаю, но *грокк*, что они тоже «человек».

— Хорошо, Джубал.

Джубал уже полагал интервью оконченным и чувствовал облегчение. Он никогда еще не испытывал подобного стыда, никогда, с того самого далекого дня, когда отец (с порядочным опозданием) объяснил ему, что все: и птицы, и пчелы, и цветы — все они...

Но «Человек с Марса» еще не закончил.

— Джубал, мой брат, ты спрашивал меня: «Кто построил Мир?» У меня не было слов, потому что я не мог *грокк* вопрос правильно. Я все время искал эти слова.

— Ну и...

— Ты сказал мне: «Бог создал Мир».

— Нет, нет, — запротестовал Джубал, — я сказал, что, хотя религии и расходятся по многим вопросам, большинство из них утверждает, что Бог создал Мир. Я

сказал тебе, что не *грокк* этого во всей полноте, но что слово «Бог» — это то слово, которым они все пользуются.

— Да, Джубал, — сказал Майк. — Слово «Бог»! — И добавил: — Ты *грокк*!

— Должен признаться, что я не *грокк*.

— Ты *грокк*, — твердо повторил Майк. — Я понял. У меня не было слов. Ты *грокк*. Анни *грокк*. Я *грокк*. Травы под моими ногами *грокк* в своей счастливой прелести. Но у меня не было слов. Слово — Бог.

— Давай дальше.

Майк торжествующе указал на Джубала:

— Ты — БОГ!

Джубал хлопнул ладонью по щеке.

— О Иисус! Что я наделал! Слушай, Майк, успокойся! Ты меня не так понял! Я сожалею, горько сожалею, что так вышло! Забудь все, что я сказал, мы как-нибудь потом обговорим по новой. Но...

— Ты есть Бог, — убежденно повторил Майк. — Тот, кто *грокк*. Анни — Бог. Я — Бог. Счастливые травы — Бог. Джилл, которая всегда *грокк* в своей безмятежной красоте. Джилл — Бог. Все творят форму, радуются и создают вместе... — Он прокаркал что-то на марсианском.

— Ладно, Майк. Все это может подождать. Анни, ты запомнила?

— Можете поручиться, босс.

— Запиши. Я поработаю над этим позже. Так я это не брошу. Я должен. — Джубал взглянул на небо и воскликнул: — О Боже! Все в Генеральный штаб! Анни! Проверь, верно ли поставлен указатель тревоги и палец на кнопку! Может быть, они направляются не сюда.

Он опять взглянул на небо, на котором ясно были видны две машины, летевшие с юга.

— Боюсь, это они. Майк, немедленно в бассейн! Помни, что я тебе сказал — в самую глубокую часть, замереть и не выходить, пока я не пришлю Джилл к тебе.

— Хорошо, Джубал.

Майк быстрыми шагами достиг бассейна, прыгнул в него и исчез. Колени выпрямлены, носки вытянуты, ступни сложены вместе.

— Джилл! — позвал Харшоу. — Нырни и вылезай на берег. Ларри — то же самое. Если кто-то наблюдал за нами, я их запутаю — сколько людей вошло в бассейн и сколько вышло. Доркас! Выйди из воды, потом снова нырни. Анни! Нет, у тебя сигнал тревоги.

— Я могу надеть тогу и сесть на берегу. Босс, вы хотите, чтобы между сигналом и нажатием кнопки был какой-то промежуток?

— Да, тридцать секунд. Если они сядут, надевай тогу Свидетеля, а палец на кнопку. Потом подожди, когда я позову тебя к себе, и жми!! Боюсь кричать «волки!» напрасно. — Он посмотрел из-под ладони. — Один из них опускается... вид у него типичного «черного ворона». Ох, черт, а ведь я надеялся, что они начнут переговоры!

Первая машина сделала разворот и стала опускаться прямо на цветник, окружавший бассейн. Вторая продолжала описывать круги на небольшой высоте. Машины были полицейского образца, рассчитанные чуть ли не на целый взвод, с маленькой стилизованной эмблемой Федерации на борту.

Анни пристроила передатчик на траве, быстро натянула тогу, подняла передатчик и положила палец на кнопку. Дверца первой машины открылась сразу же, как только колеса коснулись земли, и Джубал кинулся к ней с безумной смелостью пекинеса. Когда из машины показался человек, Джубал завопил:

— Уберите эту вонючую кучу железа с моих роз!

— Джубал Харшоу? — осведомился человек.

— Прикажите вашему кретину поднять эту металлическую бочку и отвести ее прочь! Прочь с цветника на траву! Анни!

— Иду, босс.

— Джубал Харшоу, у меня ордер...

— Мне плевать, какой у вас там ордер! Хоть на английского короля! Уберите это г... с моих цветов! А затем я, черт бы вас побрал, подам в суд на ваши действия... — Джубал наконец взглянул на офицера, как будто увидев его впервые. — А-а... это вы! — процедил он с глубоким презрением. — Вы родились идиотом или специально учились на него? А этот олух в форме, где он-то учился водить машину?

— Будьте добры, ознакомьтесь с ордером. — Капитан Хейнрих говорил с нарочитым спокойствием. — А потом...

— Вы сначала уберите эту тачку с моей клумбы, или я предприму действия в защиту моих прав, которые будут вам стоить пенсии!

Хейнрих заколебался.

— Сию же минуту, — кричал Джубал, — прикажите этим болванам, чтобы они уносили свои сапожищи отсюда! Вон тот идиот с коровьими зубами стоит на получившей приз Элизабет М. Хьюитт!

Хейнрих обернулся:

— Ребята, вы там поосторожнее с розами! Паскин, сойди с клумбы! Роджерс! Подними машину и сядь на лужайку подальше от цветника. — Он опять повернулся к Харшоу. — Это вас удовлетворит?

— Если он уберется... но вам все равно придется оплатить убытки! Покажите мне ваши документы! И покажите их Честному Свидетелю, а потом громко и четко объявите ваше имя, звание, организацию и номер платежной карточки.

— Вы знаете, кто я такой. У меня ордер...

— А у меня — право посадить в вас кое-что из дробовика, если вы не будете действовать по закону и в установленном порядке. Мне неизвестно, кто вы такой! Вы похожи на того зануду, которого я видел по видеофону, но я не обязан вас узнавать! Вы *должны* доказать мне, кто вы есть, и сделать это в установленном порядке, смотри Свод Законов, параграф 1602, статья 2; все это следует делать до того, как вы предъявите ордер. И то же самое относится вон к тем гориллам, а также к тому паразиту, который водит вашу машину.

— Все они полицейские офицеры, действующие по моему приказу.

— Мне неизвестно, кто они такие. Может быть, они приобрели свои клоунские костюмы в костюмерной, — они на них сидят безобразно. Следуйте букве закона, сэр! Вы вломились в мой дом, который мой замок! Вы *утверждаете*, что вы полицейский офицер, и вы *утверждаете*, что у вас есть ордер, оправдывающий это вторжение. Но я заявляю, что вы просто бродяги,

нарушившие границы частного владения, и буду считать так, пока вы не докажете противного. Я могу во исполнение своих суверенных прав даже применить против вас силу, чтобы удалить вас отсюда, чем я и воспользуюсь ровно через три секунды.

— Я бы вам не советовал.

— А кто вы такой, чтобы давать мне советы? Если я буду ранен при попытке выполнить свой долг гражданина, ваше поведение будет расценено как незаконное нападение с применением смертоносного оружия, если те штуки, которые носят ваши ослы, действительно пистолеты, которыми они мне кажутся. Вы нарушаете, другой мой, и уголовный, и гражданский кодексы, и я за это с вас шкуру спущу! — Джубал вытянул свою морщинистую руку и сжал кулак. — Пошли прочь с моей земли!

— Успокойтесь, доктор. Мы поступим по-вашему.

Хейнрих побагровел, но старался говорить спокойно. Он предъявил удостоверение, на которое Джубал глянул очень бегло, а затем отдал Хейнриху, который предъявил его Анни. Затем он объявил свое имя, сказал, что он капитан полиции из Федерального бюро Специальной Службы, и назвал код платежной карточки. Один за другим все полицейские и водитель прошли эту издевательскую процедуру, повинаясь приказу Хейнриха, отдавшего его с окаменевшим от гнева лицом.

Когда это кончилось, Джубал вежливо произнес:

— А теперь, капитан, чем я могу быть полезен вам?

— У меня есть ордер на арест Гилберта Берквиста, в котором поименована эта местность, эти строения и окрестности.

— Покажите мне его, а потом предъявите Честному Свидетелю.

— Хорошо, покажу. У меня есть аналогичный ордер на арест Джиллиан Бордмен.

— Кого, кого?

— Джиллиан Бордмен. Обвинение — похищение.

— Боже!

— И еще на Гектора С. Джонсона... и еще на Валентина Майкла Смита... и еще один лично для вас, Джубал Харшоу.

— Меня? Неужели опять налоги?

— Нет. Соучастие в разных делах... а также, как важного свидетеля по другим. Кроме того, я бы лично

предъявил вам обвинение в сопротивлении закону, если бы имеющийся ордер не делал это излишним.

— Бросьте, бросьте, капитан! С той минуты, как вы предъявили свои удостоверения и стали вести себя, как то следует по закону, я со своей стороны был в высшей степени вежлив и готов служить по мере сил. Так будет и дальше. Конечно, я все равно подам в суд на вас и ваше непосредственное начальство, а также на правительство за противоправные действия *до того...* и я буду и дальше использовать все имеющиеся у меня права и ресурсы, если вы снова совершите такие деяния. Ммм... ну и списочек же у вас! Понимаю, почему вы захватили еще один «воронок». Но... постойте, тут что-то непонятное... Эта... как ее... миссис Баркман... я вижу, ей вменяется в вину похищение некоего Смита. А в другом ордере Смит обвиняется в побеге из заключения... Я ничего не понимаю.

— Все верно. Он бежал, а она его похитила.

— А не кажется ли вам, что это обвинение несколько... Оба документа... А на каком основании он был задержан? В ордере об этом не сказано.

— Откуда, черт возьми, мне знать! Бежал, и все тут. Он беглец.

— Господи, помилуй! Я полагаю, что предложу им обоим свои услуги в качестве адвоката. Любопытное дельце... Если допущена ошибка или ошибки, это может привести к самым неожиданным последствиям.

Хайнрих холодно осклабился.

— Это будет несколько затруднительно. Вы ведь тоже будете в тюрьме.

— О, совсем недолго, я думаю. — Джубал повысил голос и повернулся лицом к дому. — Я надеюсь, что среди слушающих нас есть и судья Холланд, который, вероятно, сочтет уместным применить процедуру *habeas corpus* для всех нас. А если «Ассошиэйтед-Пресс» имеет поблизости курьерскую машину, можно будет срочно вручить эти документы кому следует.

— Как ты был, так и остался скользким стряпчим, Харшоу!

— Это клевета, мой друг. Я запомню.

— Валяй, запоминай — никакой пользы от этого не будет, мы тут одни.

— Вот как? Это вы так думаете!

Глава 15

Валентайн Майкл Смит проплыл сквозь мутную воду к глубокой части бассейна, пробрался под выступающий трамплин для прыжков и уютно устроился на дне. Он не знал, зачем его собрат по воде приказал ему спрятаться. Впрочем, не знал он и того, что прячется. Джубал сказал, как ему следует поступить, и он должен оставаться в этом месте, пока за ним не придет Джилл. Этого было достаточно.

Он свернулся, выпустил из легких воздух, проглотил язык, закатил глаза и замедлил работу сердца. Словом, он почти что умер во плоти, исключая то, что с телом своим он не распротился. Он решил растянуть свое ощущение времени так, чтобы секунды тянулись как часы, поскольку для медитации у него было достаточно материала.

Ему опять не удалось достичь истинного понимания — взаимного слияния разумов, чтобы *грокк*, которое должно существовать между братьями по воде постоянно. Он знал, что причина неудачи лежит в нем, что она вызвана неверным использованием этого странного многозначного человеческого языка и что эта ошибка очень огорчила Джубала.

Он знал также, что его собратья-люди могут переносить сильное эмоциональное напряжение без особого вреда, но тем не менее остро переживал то, что причинил Джубалу такое огорчение. Ему-то самому казалось, что он наконец *грокк* самое трудное земное слово. Наверное, ему надо было быть более осторожным, ибо еще в начале обучения под руководством его собрата по воде Махмуда он открыл, что длинные человеческие слова имеют гораздо меньше значений, чем короткие, которые были скользкими и меняли смысл без всяких правил. Во всяком случае ему показалось, что он так *грокк*. Короткие слова были, все равно что попытка поднести воду ко рту на лезвии ножа.

А это было очень короткое слово.

Смиту и теперь казалось, что он правильно *грокк* английское слово «Бог». Ошибка произошла при попытке подобрать к нему другие слова. Концепция была такая простая, такая основополагающая и важная, что даже ребятня из Гнезда могла бы объять ее... на марсианском, конечно. Проблема заключалась в том, чтобы найти человеческие слова, которые позволили бы ему говорить верно, быть уверенным, что он правильно расположил их и они полностью соответствуют тому, что он сказал бы на родном языке.

Он подивился, что возникла трудность в формулировании этого общеизвестного положения... Возможно, ему следовало спросить человеческих Старейших, как выразить это, а не пытаться самому справиться с множеством ускользающих значений. Если так, то придется подождать, пока Джубал организует такую встречу. Ведь он пока еще только «яйцо».

Он ощутил мимолетное огорчение от того, что ему не досталась привилегия присутствовать при прощании с плотью брата Арта и брата Дотти.

После этого он занялся повторением Вебстерского нового международного словаря английского языка, третье издание, опубликованного в городе Спрингфилде в Массачусетсе.

Откуда-то издалека к Смиту пришло пробудившее его смутное ощущение, что его собратьям по воде грозит опасность. Он остановился между словами «шербаха» и «шербет», чтобы обдумать это. Должен ли он

покинуть Воду Жизни, чтобы присоединиться к ним, *грокк* вместе с ними и разделить их тяготы? Дома такого вопроса не могло возникнуть: тяготы разделялись в радостном единении.

Но Джубал велел ему ждать.

Он перебрал слова Джубала, сверяя их с другими словами английского языка, чтобы убедиться, что он *грокк*. Нет! Он *грокк* верно. Он должен ждать, пока к нему не придет Джилл.

И все же ему стало так неудобно, что он не мог заставить себя вернуться к охоте на слова. И тогда ему пришла мысль, наполнившая его такой радостной решимостью, что он вздрогнул бы, будь его тело пригодно для этого в данный момент.

Джубал приказал ему спрятать свое тело под водой и оставить его там, пока не придет Джилл. Но разве Джубал говорил, чтобы он сам остался ждать Джилл?

Смит потребовалось много времени, чтобы обдумать это, зная, что ускользающее значение английских слов может легко вызвать ошибочные действия. Он решил, что Джубал не приказывал ему оставаться обязательно вместе с телом... И это открывало перспективу выхода из греховного бездействия и позволяло разделить тяготы собратьев.

И Смит решил прогуляться.

Он сам поражался своей смелости, так как, хотя он и проделывал это раньше, но никогда не делал этого «соло». Всегда с ним был Старейший, который присматривал за ним, заботился, чтобы тело Смита было в безопасности, чтобы он сам не потерял ориентации, и всегда оставался рядом, пока Смит не возвращался в свое тело.

Сейчас Старейшего, чтобы помочь ему, не было, но Смит был уверен, что сможет проделать все и один, да еще так, чтобы его Учитель преисполнился гордости за него. Он по очереди проверил каждый член, дабы убедиться, что они не понесут ущерба во время его отсутствия, а затем покинул тело, оставив там небольшую часть себя в качестве сторожа.

Он оказался на краю бассейна; Смит старался вести себя точно так же, как если б тело сопровождало его и оберегало от потери ориентации, от потери направле-

ний, ведущих к бассейну и к его телу, ко всему материальному, чтобы не оказаться вдруг в неведомых пределах, откуда нет пути обратно.

Смит огляделся.

Только что в цветнике приземлилась машина, и существа, попавшие под ее колеса, стонали и жаловались на боль и унижения. Было ли это той бедой, которую он предчувствовал? Трава ведь предназначалась для того, чтобы по ней ходили, а цветы и кусты — нет... и с ними поступать так было скверно.

Нет... тут скверны было куда больше. Из машины вышел человек, его нога еще не коснулась земли, а к нему уже бежал Джубал. Смит чувствовал тот заряд гнева, который швырнул Джубал в этого человека, заряд был такой бешеной силы, что, случись это на Марсе, оба марсианина уже лишились бы своей плоти.

Смит отметил это, как нечто, о чем следовало подумать позже, и если это окажется переломной точкой необходимости, то и решить, должен ли он оказать помощь своему брату. Потом он посмотрел на остальных.

Доркас как раз выходила из бассейна. Она была встревожена, но не сильно; Смит ощущал ее полное доверие к Джубалу. Ларри стоял на краю, он тоже только что вылез из воды, стекавшие с него капли еще висели в воздухе. Ларри был в восторге — его доверие к Джубалу было безмерно. Около него стояла Мириам — ее настроение занимало среднее положение между настроениями Ларри и Доркас. Неподалеку находилась Анни, одетая в длинную белую одежду, которую она сегодня носила повсюду с собой. Смит не совсем понимал ее настрой, — он чувствовал в ней ледяное нестигаемое самообладание Старейших. Это удивляло его. Анни всегда была мягкой, доброй, исполненной дружеской теплоты.

Он видел, что Анни пристально наблюдает за Джубалом и готова прийти ему на помощь. И Ларри тоже... и Доркас... и Мириам... В приливе горячей симпатии Смит осознал, что все они братья Джубала по воде, а потому и его, Смита. Это освобождение от оков слепоты так потрясло его, что он чуть не потерял точку опоры. Успокоившись, он вознес им хвалу и благодарность — по очереди, одному за другим.

Джилл держала руку на бортике бассейна, и Смит понял, что она недавно ныряла, чтобы проверить, в безопасности ли он. Он чувствовал ее присутствие, когда она подплывала к нему... Но теперь он знал, что она беспокоится не только за него. Джилл ощущала и другую, еще более острую тревогу, тревогу, которая не рассеялась знанием того, что ее брат в безопасности и укрыт Водой Жизни. Это очень взволновало Смита, и он подумал, не подойти ли к ней, не дать ли понять, что он с ней и разделяет ее бремя.

Он бы так и поступил, если бы не слабое сознание своей вины: Смит все же не был уверен, что Джубал захочет, чтобы он бродил тут, пока тело его лежит в бассейне. Смит нашел компромиссное решение, сказав себе, что разделит с ними их невзгоды и даст знать, что он с ними, если это будет необходимо.

Потом Смит оглядел мужчину, выходящего из машины, ощутил его эмоции, отшатнулся от омерзения, но заставил себя изучить их тщательно и детально.

В специальном футляре на поясе этот человек носил пистолет.

Да, Смит был уверен, что это пистолет. Он проанализировал его внимательно, сравнив с пистолетами, которые видел ранее, сверив с описаниями пистолетов в Вебстеровском новом международном словаре английского языка, третье издание, опубликованном в Спрингфилде, Массачусетс.

Да. Это был пистолет — не только по форме, но и по тому ощущению скверны, которое исходило от него и пронизывало насквозь. Смит заглянул в ствол пистолета, понял, как он функционирует, и Зло глянуло на Смита из глубины ствола.

Может быть, его следует повернуть и отправить куда-то, чтобы он унес с собой и присущую ему скверну? Совершить это сейчас, пока человек не вылез из машины? Смит чувствовал, что это обязательно следует сделать... Но Джубал велел ему не поступать так с пистолетом, пока сам Джубал не скажет, что пора.

Теперь он знал, что точка перелома в развитии необходимости наступила... Но решил, что ему следует балансировать на этом острие, пока он не *грокк* всего. Была ведь и такая возможность, что Джубал, дабы не

дать ему совершать неверных шагов и, зная, что перелом наступает, послал его под воду.

Ему следовало ждать... Но он будет зорко следить за этим пистолетом. Обычное зрение его теперь не ограничивало, и он мог при желании видеть одновременно все происходящее вокруг. Поэтому, продолжая наблюдать за мужчиной и его пистолетом, он проник в машину.

Сколько же здесь жестокости и зла! Он даже не предполагал, что их может быть так много. Там были еще люди, и все они, кроме одного, готовились мгновенно выскочить из дверей. От их мыслей исходил запах, как от стаи кхагов, почуявших беззаботную нимфу... И каждый из них держал в руках нечто, источавшее зло и свирепость.

Как он говорил Джубалу сегодня, Смит знал, что форма никогда не может служить главной определяющей чертой сущности. Было необходимо, не обращая внимания на форму, проникнуть вглубь, в сущность, чтобы *грокк*. Его собственный народ проходил через пять видимых форм: яйцо, нимфа, молодежь, взрослые и Старейшие, которые вообще формы не имели. Но сущность Старейших была заложена уже в яйце.

То, что эти люди держали в руках, походило на пистолеты, но Смит не стал руководствоваться догадкой, он рассмотрел их со всей тщательностью. Они были куда больше, чем те, что он видел раньше. Форма тоже была другая, отдельные детали — тоже.

И все равно — это были пистолеты.

Он скрупулезно проверил все еще раз. Да. Это были пистолеты.

У человека, сидевшего тихо, тоже был пистолет, только маленький.

В машину были встроены два невероятно больших пистолета, помимо каких-то еще вещей, которых он не *грокк*, но почуял в них скверну.

Смит обдумал возможность развернуть машину со всем ее содержимым и выбросить из этого пространства. Но вдобавок к воспитанному жизнью предубеждению к потере пищи, он знал, что не *грокк* происходящего, а тогда лучше идти постепенно, медленно, тщательно наблюдая, чтобы затем помочь и разделить остроту

момента, следуя указаниям Джубала. А если правильное решение заключается в том, чтобы оставаться пассивным, то вернуться к своему телу, когда острота пройдет, и позже обсудить с Джубалом все, что произошло.

Он вышел из машины. Наблюдал, слушал, ждал.

Первый, который вышел из машины, говорил с Джубалом о вещах, которые Смит мог только отложить в сторону «на потом». Грокк он их не мог — они лежали за пределами его опыта. Другие люди тоже вышли из машины и разошлись в стороны. Смит распространил свое внимание на всех и продолжал следить за ними. Машина поднялась, подалась назад и снова остановилась, что позволило тем существам, которые машина придавила, вздохнуть спокойно. Смит хорошо *грокк* их и старался успокоить кипевшую в них обиду.

Потом первый мужчина отдал Джубалу какие-то бумаги. Затем показал их Анни. Смит прочел их вместе с ней. Он ощутил, что слова и их сочетания были связаны с людскими ритуалами Лечения и Порядка. Поскольку он ознакомился с такими ритуалами лишь в библиотеке Джубала, он даже не попробовал *грокк* эти бумаги. Тем более что Джубала они, видимо, не волновали, — зло находилось где-то вне их. Смит был в восторге, что отыскал свое человеческое имя в двух бумагах сразу. Он всегда извлекал какое-то странное удовольствие, читая свое имя, как будто он находился одновременно в двух местах, что было, разумеется, невозможно, — таким свойством владели одни Старейшие.

Джубал и тот, что первым вышел из машины, подошли к бассейну, Анни следовала за ними по пятам. Смит изменил свое ощущение времени так, чтобы позволить им двигаться быстрее, однако протяженность времени была достаточна, чтобы продолжать одновременно следить и за остальными. Двое из этих остальных держались рядом с группой, шедшей к бассейну.

Первый мужчина остановился около друзей Смита, стоявших у бортика, оглядел их, вынул из кармана фотографию, посмотрел на нее и перевел глаза на Джилл. Смит ощутил, как в ней поднимается волна страха, и приготовился. Джубал велел ему: «Защищай

Джилл. Не беспокойся о потере пищи. И вообще ни о чем другом не беспокойся. Только защищай Джилл».

Он и так в любом случае защитил бы Джилл, даже рискуя совершить ошибку. Но чувствовать поддержку Джубала было очень важно: ум Смита был спокоен, его не терзали никакие сомнения.

Когда первый мужчина указал на Джилл, и двое, шедших по бокам, двинулись к ней со своими пистолетами высокого накала Зла, Смит потянулся к ним через своего Doppelganger * в другом пространстве и придал каждому тот небольшой поворот, который вызывает падение за пределы.

Первый мужчина уставился на то место, где только что стояли те двое, потянулся было за пистолетом... и тоже исчез...

Остальные четверо пытались сомкнуть кольцо. Смит не стремился развернуть их, Смит знал, что Джубал будет рад, если он просто остановит их. Но остановить материальную вещь, даже если это пепельница, — большая работа, а Смит был без тела. Старейшие, конечно, справились бы с такой задачей, Смицу же приходилось делать лишь то, что он должен был делать и что он мог.

Четыре легких, почти незаметных прикосновения, — и они исчезли. Он ощутил острую скверну, исходящую от машины на земле, и того, кто сидел в ней, *грокк* быстрое решение, — и машина исчезла вместе с пилотом.

Он почти упустил из виду вторую машину, патрулировавшую воздух. Он было уже расслабился, когда почувствовал, что скверна растет, и взглянул вверх.

Вторая машина шла на посадку.

Смит растянул время до предела своих возможностей, приблизился к машине в воздухе, детально обследовал ее, *грокк*, что она доверху набита скверной... После чего она тоже ушла в Никуда. Потом он вернулся к своим. Его друзья казались очень взволнованными. Доркас плакала, Джилл обнимала ее за плечи и утешала. Анни была единственной, кто оказался свободным от эмоций, бушевавших вокруг Смита. Но опасность ушла, ушла целиком, вместе со всеми бедами, которые

* Двойник (нем.).

пробудили его и вызвали из состояния медитации. Доркас, — он знал это, — излечится с помощью Джилл очень быстро: Джилл *грокк* боль полностью и мгновенно.

Встревоженный бурными всплесками их эмоций, неуверенный, что он действовал в опасной точке во всех отношениях верно, и тем, что Джубал мог так *грокк*, Смит решил, что сейчас в нем тут больше не нуждаются. Он скользнул в бассейн, нашел свое тело, *грокк*, что оно такое же, каким он покинул его, и проник внутрь.

Он рассматривал минувшие события как точку перелома. Однако они были еще слишком свежи, а он по-настоящему еще не был готов объять их, еще не был готов восславить и лелеять тех людей, которых принужден был удалить. Вместо этого он с радостью вернулся к той задаче, над которой трудился раньше... «шербет»... «шерсть»... «шерстистый»...

Он дошел до слова «щелок» и уже готовился рассмотреть следующий за ним «щелчок», когда почувал приближение Джилл. Он высвободил язык и приготовился, зная, что его брат Джилл не может оставаться под водой долго без неприятных ощущений.

Когда она прикоснулась к нему, он взял ее лицо в обе ладони и поцеловал. Это была шутка, которой он научился недавно и еще не *грокк* во всей полноте. В поцелуе было ощущение близости, порождаемое ритуалом разделения воды. Но в нем было еще нечто... нечто такое, что хотелось *грокк* до самого конца.

Глава 16

Джубал не стал ждать, пока Джилл извлечет свое странное дитя из бассейна; он распорядился дать Доркас успокоительное и поспешил в свой кабинет, оставив Анни объяснять (или не объяснять) события последних десяти минут.

— Первая!! — крикнул он через плечо, уходя к себе.

Мириам догнала его.

— Должно быть, я первая, — сказала она, задыхаясь, — но, босс, что, во имя...

— Ни слова, девочка!

— Но, босс...

— Замри, я сказал! Мириам, через неделю от сего дня мы спокойно сядем, и Анни расскажет нам, что произошло. Но сейчас нам начнут трезвонить все знакомцы и незнакомцы, из всех дыр полезут репортеры, а мне необходимо успеть сделать несколько срочных вызовов. Неужели же ты окажешься из того сорта женщин, что падают в обморок именно тогда, когда в них больше всего нуждаются? Кстати, запиши, что следует сделать вычет из жалованья Доркас за время, проведенное в истерике.

Мириам возмутилась:

— Босс, только попробуйте это сделать, и мы все как одна уволимся!

— Чушь!

— А вы прекратите придирааться к Доркас! Да я бы и сама впала в истерику, если бы она меня не опередила. — И добавила: — Знаете, устрой-ка я ее сейчас, пожалуй...

— Попробуй только, — ухмыльнулся Харшоу, — и я тебя отшлепаю. Ладно уж, дадим Доркас премию за дежурство в условиях кризиса. Да, пожалуй, выпиши премии всем. И мне в первую очередь. Уж я-то ее заработал.

— Ладно! А вам-то кто будет ее выплачивать?

— Налогоплательщики. Мы изыщем возможность урезать... А, черт!

Они вошли в кабинет. Телефон уже трезвонил восторо. Джубал уселся в кресло и нажал клавишу.

— Говорит Харшоу. А вы кто такой, черт вас побери?

— Бросьте, док! — ответило лицо на экране. — Вам же ни разу еще не удавалось меня напугать. Как дела?

Харшоу узнал Томаса Маккензи — главного управляющего корпорацией «Нью Уорлд Нетуоркс». Он немного оттаял.

— Ничего себе, Том. Но я страшно занят и поэтому...

— Вы заняты?! Поработали бы вы мой сорокачасовой день! Как вы полагаете, у вас все же в ближайшее время для нас что-нибудь будет? Дело тут даже не в оборудовании. У меня его хватит. Но я плачу жалованье целым трем оперативным группам, которые заняты только одним — ожиданием вашего сигнала. В свое время мы использовали немало ваших сценариев, надеемся на то же самое в будущем, но... я не представляю, что скажу нашему финансовому контролеру.

Харшоу не верил собственным ушам:

— Вы что же, полагаете, что такой съемки вам мало?

— Какой съемки?

И тут же Харшоу выяснил, что корпорация «Нью Уорлд» решительно ничего из событий, происходивших в его доме, не видела и не слышала. Он постарался увиливать от расспросов Маккензи, ибо был уверен,

что правдивые ответы бесспорно оставят у Маккензи впечатление, что у старого Харшоу съехала окончательно крыша.

Вместо этого они договорились, что, если в ближайшие два часа ничего достойного внимания не произойдет, «Нью Уорлд» заберет камеры и прочее оборудование.

Когда изображение исчезло, Харшоу отдал распоряжение:

— Вызови Ларри. Пусть принесет с собой «тревожную кнопку». Она у Анни.

Потом Джубал позвонил еще по двум номерам. Ко времени прихода Ларри он уже знал, что ни одна из трансляционных корпораций не засняла сцену, когда отряд С.С. пытался совершить рейд на его поместье. Работа всех съемочных групп зависела от того же сигнала, который так и не дошел до камер «Нью Уорлд».

Ларри положил перед ним «тревожную кнопку» — портативный радиопередатчик.

— Он вам нужен, босс?

— Хотел бы надругаться над ним. Ларри, пусть это будет тебе уроком — никогда не имей ничего общего с механизмом сложнее вилки и обеденного ножа.

— О'кей. Еще что-нибудь?

— Слушай, а эту штуку как-нибудь проверить можно? Только так, чтобы не вытащить из постелей три крупнейшие телевещательные корпорации?

— Конечно! Там, в мастерской, стоит специальный передатчик, у которого есть такой переключатель. Поверните его, нажмите кнопку тревоги и в передатчике загорится свет. Чтобы убедиться окончательно, можно по тому же передатчику оповестить операторов, что вы хотите провести проверку боевой готовности камер и их связи с оперативными группами.

— А, положим, проверка покажет, что сигнал не проходит? Ты можешь определить, в чем неисправность?

— Возможно, — с некоторым сомнением отозвался Ларри, — если там какая-нибудь проволочка отпаялась. Вот Дьюк, тот сечет в электронике, а я... ну, больше интеллектуального типа...

— Это я знаю, сынок... сам не очень-то секу в практических делах. Ладно, сделай, что можешь.

— Что-нибудь еще, Джубал?

— Да вот, если встретишь человека, который избрал колесо, тащи его сюда. Скройся!

Джубал обдумал возможность порчи и даже саботажа «тревожной кнопки» со стороны Дьюка, но сразу же отбросил эту мысль. Он разрешил себе лишь краешком сознания коснуться того, что же в действительности произошло в его саду, и того, как парнишка сумел это сделать, находясь на глубине десяти футов под водой. Он нисколько не сомневался, — за всей этой невозможной абракадаброй стоит Смит.

То, что он видел в этой самой комнате вчера, тоже было недоступно уму, но эмоционально воспринималось совсем иначе. Мышь — такое же чудо природы, как и слон, но тем не менее между ними есть огромная разница — слон очень большой.

Зрелище пустого ящика — просто никому не нужной рухляди, — исчезающего в воздухе, дает возможность предвидеть, что так же может исчезнуть и полицейская машина, полная людей. Но от одного события у вас отнимается язык, а от другого — нет.

Ладно, этих казаков ему не так уж и жаль. Джубал допускал, что копы как таковые — в порядке. Он даже сам встречал честных копов... впрочем, даже и полицейский-взяточник не заслуживал, чтобы его... «исчезали». А береговая охрана вообще была примером того, какими должны быть копы и какими они нередко бывают.

Но, для того чтобы служить в С.С., человек должен обладать подлым сердцем и душой садиста. Гестапо. Штурмовики, что прислуживают тому политикану, которому удалось дорваться до власти! Джубал тосковал о тех днях, когда адвокат мог цитировать Билль о правах и никакие федеральные «поправки» не могли ему помешать.

Ладно, пускай... Что же будет теперь? Отряд Хейнриха, безусловно, имел радиосвязь со штаб-квартирой. Ерго *, его исчезновение заметят. Еще больший отряд парней из С.С. явится сюда (возможно, они уже летят),

* Следовательно (лат.).

если та вторая машина замолкла в разгар передачи о боевых действиях.

— Мириам!

— Да, босс?

— Мне нужны Майк, Джилл и Анни. Незамедлительно. Потом найди Ларри. Он, должно быть, в мастерской. Когда вы оба придете, закрой здесь все окна и двери, а также окна подвального этажа.

— Ждете неприятностей?

— Торопись, девочка!

Если эти обезьяны явятся... нет — *когда* они явятся, и их начальник решит вломиться в *запертый* дом, что ж, он выпустит на них Майка. Но все-таки следует попытаться прекратить эту бойню, а это значит, что нужно добраться до Генерального секретаря.

Но как это сделать?

Позвонить прямо во Дворец? Хейнрих, должно быть, говорил правду, сказав, что новая попытка просто будет переадресована Хейнриху или тому боссу из С.С., который будет сидеть в его кресле. Тогда как же? Их, надо думать, удивит, что человек, арестовать которого они послали только что чуть не целый взвод, нахально звонит и глядит с экрана прямо им в глаза. Таким путем ему, возможно, и удалось бы пробиться до самого верха, например, к команданте, как его там... — к этому парню с рожей хорошо откормленной коровы... Туитчел! Этот главный начальник громил из С.С. должен иметь выход на самый верх.

Не годится. Нет смысла зря тратить воздух на разговор с человеком, который верит лишь в силу пистолета, и пытаться убедить его, что у вас есть кое-что получше. Туитчел начнет бросать на него все новых и новых людей с пистолетами, пока у него не кончится запас и тех и других. Он никогда не признается, что не в состоянии арестовать человека, место проживания которого хорошо известно. Что ж, если нельзя войти в парадную дверь, придется воспользоваться черным ходом — практика самая элементарная. Черт, ему необходим Бен Какстон. Бен знает, у кого ключи от черного хода.

Но отсутствие Бена — результат той же чертовщины. Бена спросить невозможно. Тогда кто же из знакомых Джубала может его заменить?

Чертов недоумок! Он же только что разговаривал с одним из них! Джубал повернулся к телефону и попробовал вызвать Тома Маккензи, пробился через три слоя «хлопальщиков», где все его знали и быстро передавали друг другу. Пока он занимался этим, подошли его секретари и «Человек с Марса»; они уселись, а Мириам наклонилась и написала на листке блокнота: «Двери и окна заперты».

Джубал кивнул и написал: «Ларри — "тревожная кнопка"?», а затем обратился к экрану:

— Том, извините, я опять тревожу вас.

— Рад быть полезным, Джубал.

— Том, если бы вам потребовалось поговорить с Генеральным секретарем Дугласом, с чего бы вы начали?

— А? Позвонил бы его пресс-секретарю Джиму Санфорту. Я не стал бы тревожить Генерального, Джим сделал бы все сам.

— Но предположим, вам надо было бы поговорить обязательно с самим Дугласом?

— Что ж, я попросил бы Джима устроить это. Но рассказать Джиму о моем деле было бы скорее. Видите ли, Джубал, телеведущие корпорации очень важны для Администрации, и Администрации это хорошо известно. Но мы стараемся такие вещи не акцентировать.

— Том, но предположим, вам буквально позарез необходимо поговорить с Дугласом в течение ближайших десяти минут.

Брови Маккензи полезли вверх.

— Ну... если бы это было так важно, я бы объяснил Джиму, почему...

— Нет!

— Ну будьте благоразумны!

— Этого-то я как раз и не могу себе позволить. Предположим, вы обнаружили, что Санфорт крадет серебряные ложки, так что в чрезвычайной ситуации вы ему доверять не можете. А вам надо поговорить с Дугласом немедленно...

Маккензи вздохнул.

— Я бы сказал Джиму, что мне надо поговорить с боссом, и, если меня немедленно не соединят с ним, Администрация никогда не получит от нас поддержки.

— О'кей, Том! Приступайте!

— Что?

— Позвоните во Дворец по другому аппарату и будьте готовы моментально подключить меня к нему. Мне *необходимо* говорить с Генеральным... и немедленно!

Маккензи был возмущен.

— Джубал, старина...

— Иными словами, вы не хотите?

— Иными словами, я не могу. Вы выдумали чрезвычайную ситуацию, в которой, прошу извинить, главный менеджер глобальной сети вещания мог бы пробиться к Генеральному секретарю. Но я не могу передать это право кому-то другому. Слушайте, Джубал, я вас глубоко уважаю. Корпорация не хотела бы потерять с вами контакт, мы страшно сожалеем, что не можем привязать вас к себе постоянным контрактом. Но *этого* я сделать никак не могу. Нельзя звонить главе мирового правительства, если он с вами разговаривать не хочет.

— Ну а если я соглашусь на исключительный семилетний контракт?

Вид у Маккензи был такой, как будто у него разболелись зубы.

— Все равно не могу. Я потеряю свою работу, а вы будете связаны по рукам и ногам контрактом на семь лет.

Джубал подумал, не позвать ли Майка к телефону и не назвать ли его. Но именно корпорация Маккензи транслировала фальшивку «Человек с Марса», а Маккензи или участвовал в жульничестве, или, если даже он был честен, как считал Джубал, то все равно не поверил бы, что его втянули в такой пошлый обман.

— Ладно, Том. Но вы знаете все ходы и выходы в правительстве. Кто может позвонить Дугласу, когда захочет, и будет с ним говорить? Я не имею в виду Санфорта.

— Никто.

— Черт, да не может же он жить в вакууме! Должны быть люди, которые могут позвонить, и никакой секретарь их не отошьет.

— Может, кто из кабинета? И то не все.

— Ну их-то я все равно не знаю. Нет, не из политиков. Кто может позвонить ему по домашнему телефону и пригласить сыграть в покер?

— Хм... много же вы хотите... Ну есть такой Джейк Алленби.

— Его я встречал и не понравился ему. А он — мне. И он знает это.

— У Дугласа мало личных друзей. Его жена не поощряет... Слушайте, Джубал, а как вы насчет астрологии?

— Спасибо, никогда не пью... Предпочитаю бренди.

— Что ж, дело вкуса. Но знаете, Джубал, если вы когда-нибудь только намекнете, что я вам это сказал, я перережу вам лживую глотку.

— Подписано. Согласовано. Продолжайте.

— Так вот, Агнес Дуглас употребляет это кушанье. И я знаю, где она его покупает. Ее астролог звонит ей в любое время, а, поверьте мне, Генеральный секретарь очень прислушивается к голосу миссис Дуглас. Можете позвонить ее астрологу... Остальное будет зависеть от вас.

— Помнится, в списке тех, кому я посылаю рождественские подарки, никаких астрологов нет, — с сомнением ответил Харшоу. — А как его зовут?

— Ее. Ее зовут мадам Весант. Живет в Вашингтоне. По буквам: В, Е, С, А, Н, Т.

— У меня есть ее номер! — в восторге возопил Джубал. — Том, вы оказали мне огромную услугу!

— Надеюсь. Что-нибудь еще?

— Подождите минуту. — Джубал взглянул на записку, подложенную ему под локоть. Она гласила: «Ларри говорит, что передатчик не работает, и он не знает почему». Джубал продолжил: — Ваши камеры не работали из-за неполадок в передатчике.

— Пришлю кого-нибудь.

— Спасибо. Больше того — огромное спасибо.

Джубал отключился, потом снова набрал номер, назвал имя, попросил оператора задействовать противоподслушивающую технику, если названный номер такую технику имеет. Такое приспособление было, что Джубала нисколько не удивило. Вскоре исполненное достоинства лицо мадам Весант заполнило экран. Джубал улыбнулся во всю ширь и окликнул:

— Эй, Руб!

Она всмотрелась и обомлела:

— Господи! Док Харшоу! Ах вы старый жулик! Да благословит вас Бог, как же приятно вас снова видеть! И куда это вы запропалились?

— Вы верно сказали, Бекки — именно запропалился. За мной по пятам гонятся гороховые шуты в мундирах. Бекки среагировала мгновенно:

— Чем я могу помочь? Деньги?

— Денег у меня навалом, Бекки. Мои неприятности куда больше, и никто помочь мне не может, кроме самого Генерального секретаря. Мне надо с ним поговорить... и немедленно!

На ее лице ничего не отразилось.

— Много же вы хотите, док!

— Бекки, я знаю. Я пытался добратся до него... и не смог. Да и вам с этим связываться опасно, девочка. Я ведь сейчас хуже динамита. Я рискнул позвонить вам, надеясь, что вы мне посоветуете — может быть, дадите телефон, по которому я смогу его поймать. Но я не хочу, чтобы вы тоже вляпались в эту кашу. Вы можете пострадать, и я уж никогда не смогу попасться на глаза профессору... да упокоит Господь его душу.

— Я-то лучше знаю, что мне посоветовал бы профессор, — ответила она резко. — Бросьте нести чушь, док. Профессор божился, что вы единственный костоправ, которому можно доверить хирургический нож. Он никогда не забывал тех дней, что провел в Элктоне.

— Ну, Бекки, стоит ли об этом вспоминать! Я же получил свой гонорар.

— И спасли ему жизнь.

— Ничего подобного я не сделал. Сработала его воля к жизни... и ваши заботы.

— Гм... Док, мы теряем время. Насколько велика опасность?

— Они обвиняют меня во всевозможных преступлениях... и всякого, кто со мной связан — тоже. Есть ордер на... Федеральный ордер. Им известно, где я нахожусь, а бежать я не могу. Жду их с минуты на минуту. И мистер Дуглас единственный человек, который может все это остановить.

— Вы будете спасены. Я гарантирую это.

— Бекки... я уверен, что вы этого добьетесь. Но на это потребуется несколько часов. А будет допрос с

пристрастием... Я же слишком стар для допроса третьей степени...

— Но... О Боже! Док, дайте мне какие-нибудь подробности. Мне придется составить гороскоп, и тогда я буду знать, что делать. Вы ведь Меркурий? Конечно, раз вы доктор. Но мне надо знать, в какой «дом» заглядывать, тогда было бы легче...

— Девочка, нет времени. — Мысли Джубала метались. Может ли он ей довериться? — Бекки, даже одно знание об этом деле может вовлечь вас в такую же опасность, в которой нахожусь я.

— Говорите, док. Я ведь не трусиха, и вам это хорошо известно.

— Ладно. Итак, я — Меркурий. Но неприятности идут от Марса.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Что вы хотите сказать?

— Вы смотрели передачи новостей? Предполагается, что «Человек с Марса» отдыхает в Андах. Так вот — ничего подобного. Это обман для простаков.

Бекки удивилась гораздо меньше, чем мог ожидать Джубал.

— А как вы в это замешались, док?

— Бекки, на этой сволочной планете полно людей, которые хотят захватить мальчишку в свои лапы. Они стремятся заставить его таскать им каштаны из огня. Он мой клиент, и я не имею права сидеть сложа руки. Мой единственный шанс — поговорить с мистером Дугласом.

— «Человек с Марса» ваш клиент? И вы можете его предъявить?

— Только мистеру Дугласу. Вы же знаете, как это бывает: мэр города хороший парень и обожает детей и собак, но он ничего не знает о своей городской полиции, особенно если она хватает человека и устраивает ему допрос третьей степени.

Она кивнула.

— Копы!

— Мне надо договориться с мистером Дугласом до того, как они меня схватят.

— Все, что вам нужно — это поговорить с ним?

— Да. Я дам вам свой номер и буду сидеть здесь, надеясь на его звонок... до тех пор пока они не заберут меня. И если у вас ничего не выйдет... все равно — спасибо. Я буду знать, что вы сделали все, что могли...

— Не отключайтесь!!!

— Почему?

— Не вешайте трубку, док. Если удача будет, он сможет соединиться через мой телефон, и это сэкономит время. Поэтому держите линию.

Мадам Весант исчезла с экрана и бросилась звонить Агнес Дуглас. Она говорила со спокойной уверенностью, указав, что подобный разворот событий был предусмотрен звездами и все развивается точно, как по расписанию. Сейчас наступила та критическая точка, когда Агнес должна вести своего мужа, используя всю свою женскую мудрость и хитрость, чтобы заставить его действовать не только умно, но и без задержки.

— Агнес, дорогая, эта конфигурация не повторится и через тысячу лет. Марс, Венера и Меркурий в полном согласии, причем Венера скоро перейдет меридиан и станет доминирующей. Таким образом, ты понимаешь...

— Элли, чего ждут от меня звезды? Ты же знаешь, я не очень разбираюсь в научной сфере.

Это вряд ли можно было счесть удивительным, поскольку описанное Бекки взаимодействие светил ничему реальному соответствовать просто не могло. У мадам Весант времени на составление гороскопа не было, и она импровизировала. Это обстоятельство ее мало тревожило, — она возвещала Высшую Истину, давая хорошие советы и помогая друзьям. Возможность же помочь сразу двум друзьям делала Бекки Вейси счастливой вдвойне.

— Дорогая, ты все понимаешь, у тебя же врожденный талант. Ты — Венера и поддерживаешь на всем протяжении этого кризиса Марс, который усилен, ибо одновременно является и твоим мужем, и тем молодым человеком. Меркурий же — доктор Харшоу. Чтобы скомпенсировать нарушившееся равновесие, вызванное усилением Марса, Венере необходимо поддержать и Меркурий, пока не пройдет кризис. Однако времени страшно мало. Венера обладает нужным влиянием толь-

ко пока не пройдет меридиан, а до этого осталось всего восемь минут, после чего ее влияние упадет. Действовать надо немедленно.

— Тебе следовало предупредить меня раньше.

— Дорогая, я ждала у телефона весь день, чтобы в случае необходимости действовать мгновенно. Звезды говорят нам о природе кризиса, но деталей они не сообщают никогда. Однако время у нас еще есть. Мой телефон соединен с телефоном доктора Харшоу. Все, что нужно — это свести их обоих лицом к лицу, прежде чем Венера пройдет меридиан.

— Ну... хорошо, Эли. Мне придется вытащить Дугласа с какой-то дурацкой конференции. Дай мне номер того телефона, который соединен с телефоном этого... как его там... доктора Ракшоу... или, может, лучше перевести разговор на наш телефон?

— Я переключу отсюда. Только добудь скорее мистера Дугласа. Торопись, дорогая.

— Лечу!

Когда Агнес исчезла с экрана, Бекки подошла к другому аппарату. Ее профессия требовала хорошей связи, расходы на которую занимали первое место среди издержек производства. Весело напевая, Бекки позвонила своему другу-брокеру.

Глава 17

Когда экран погас, Джубал откинулся на спинку кресла.

— Первая! — распорядился он.

— О'кей, босс,— отозвалась Мириам.

— Это будет для редакции «Подлинных переживаний». Отметь, что у исполнительницы должно быть сексуальное сопрано.

— Может быть, мое подойдет?

— Нет, у тебя избыток секса. Разыщи список редких фамилий, присланный нам из бюро переписей, выбери какую-нибудь и присоедини к ней обычное, но явно женское имя, из тех, что прямо-таки отдают грудным молоком. Это будет псевдоним. Когда имя девушки кончается на «а», у читателя тут же возникает видение большой груди.

— Ишь ты, а у нас ни у кого нет имени, кончающегося на «а». Вечно вам не везет!

— Да уж, поистине сборище плоскогрудых! «Ангела»! Ее имя будет Ангела! Заголовок: «Как я вышла замуж за марсианина». Начало: «Всю жизнь я страстно мечтала стать астронавтом. Еще когда я была совсем крошкой, с веснушками на носу и звездочками в очах, я собирала купоны с коробок, как это делали мои

братики, и рыдала, когда мама не разрешала мне ложиться в постель в моем любимом космическом шлеме. В эти невинные дни моего детства я и не помышляла о том, какие странные, горько-сладкие плоды принесут мои мальчишеские мечты...»

— Босс!

— Да, Доркас?

— Сюда направляются еще две машины.

— Потом закончим... Мириам — к телефону. — Джубал подошел к окну и увидел две машины, готовившихся к посадке. — Ларри, дверь на засов! Анни, надень тогу! Джилл, держись ближе к Майку. Майк, делай то, что скажет Джилл...

— Хорошо, Джубал. Я так и поступлю.

— Джилл, выпусти его на них только в случае крайней необходимости. И я бы предпочел, чтобы он подальше отправлял не людей, а их пистолеты.

— Хорошо, Джубал.

— Эту беспорядочную ликвидацию копов надо как-то приостановить.

— Телефон, босс.

— Всем быть наготове. Мириам, запиши еще одно название: «Как я вышла замуж за человека». — Джубал уселся в кресло и сказал: — Да?

На него смотрело чье-то не улыбочное лицо.

— Доктор Харшоу?

— Он самый.

— С вами будет говорить Генеральный секретарь.

— О'кей.

На экране появилось несколько расплывчатое изображение его превосходительства достопочтенного Джозефа Эджертона Дугласа, Генерального секретаря Мировой Федерации Свободных Наций.

— Доктор Харшоу? Мне известно, что вы хотели со мной поговорить.

— Нет, сэр.

— Как?

— Разрешите, мистер секретарь, я выскажусь иначе. Это вам надо поговорить со мной.

Дуглас посмотрел с удивлением, потом ухмыльнулся.

— Доктор, у вас есть десять секунд, чтобы это доказать.

— Очень хорошо, сэр. Я — адвокат «Человека с Марса».

Дуглас перестал казаться вышедшим из фокуса.

— Повторите.

— Я — адвокат Валентайна Майкла Смита. Я думаю, вам будет проще, если вы будете считать меня *de facto* * полномочным послом Марса... если следовать духу «Решения Ларкина».

— Вы, должно быть, рехнулись!

— Тем не менее я представляю «Человека с Марса». А он готов к переговорам.

— «Человек с Марса» находится в Эквадоре!

— Ради Бога, мистер секретарь! Смит — настоящий Валентайн Майкл Смит, а не подделка под него, выступавшая по стерео, — бежал из медицинского центра Бетесда в прошлый четверг вместе с медсестрой Джиллиан Бордмен. Он обрел свободу и намерен сохранять ее и дальше. Если ваши помощники рассказали вам нечто иное, значит, кто-то солгал.

Дуглас задумался. Видимо, некто, находившийся за экраном, дал ему какой-то совет. Наконец он сказал:

— Даже если то, что вы говорите, правда, вы не можете представлять Смита. Он подопечный государства.

Джубал покачал головой.

— Это невозможно. Вспомните «Решение Ларкина».

— Послушайте, как юрист, могу вас заверить...

— Будучи сам адвокатом, я следую своему долгу и защищаю своего клиента всеми доступными средствами.

— Разве вы адвокат? Я думал, что вы просто практикующий ходатай по делам, а не советник.

— Я и то и другое. Я адвокат, имеющий право выступать на заседаниях Верховного Суда.

Джубал услышал глухой удар вниз и кинул взгляд в сторону. Ларри шепнул ему:

— Я думаю, это входная дверь, босс. Посмотреть?

Джубал отрицательно покачал головой.

— Мистер секретарь, время бежит. Ваши люди — ваши хулиганы из С.С. — вламываются в мой дом. Вы прекратите этот произвол? Тогда мы можем провести

* Фактически (лат.).

переговоры. Или мы с вами будем драться в Верховном Суде, что может выпустить в воздух немало вони?

Опять Дуглас поговорил с кем-то невидимым.

— Доктор, если полицейские из Специальной Службы прибыли вас арестовать, для меня это полная новость... Я...

— Если вы прислушаетесь, вы услышите, как они топают по лестнице, сэр. Майк, Анни, подойдите сюда. — Джубал отодвинул свое кресло, чтобы они попали в кадр. — Мистер Генеральный секретарь — «Человек с Марса». — Анни он представлять не стал — ее белая тога, символ высокого статуса, говорила сама за себя.

Дуглас уставился на Смита, Смит — на него, причем последний чувствовал себя немного неловко.

— Джубал...

— Подожди, Майк. Так как же, мистер секретарь? Ваши люди ворвались в мой дом, — я слышу, как они взламывают дверь моего кабинета. — Джубал повернул голову. — Ларри, открой дверь! — Он положил руку на плечо Майка. — Не волнуйся, малыш.

— Хорошо, Джубал. Этот человек... я его знаю...

— А он знает тебя. — Джубал крикнул через плечо: — Войдите, сержант!

Сержант С.С. стоял в дверях, держа в руках штурмовой автомат. Он крикнул:

— Эй, майор! Они тут!

Джубала несколько успокоило то, что майор вошел с пистолетом в кобуре. Майк начал дрожать с того мгновения, как увидел автомат сержанта. Джубал не питал к этим штурмовикам особой любви, но не хотел, чтобы Смит демонстрировал свои способности перед присутствующими.

Майор огляделся.

— Вы — Джубал Харшоу?

— Да. Входите. С вами будет говорить ваш босс.

— Вы мне это бросьте! Поедете с нами. Мне нужны также...

— Подойдите сюда! Генеральный секретарь хочет сказать вам пару слов.

Майор С.С., казалось, ничего не понимал. Он вошел в кабинет, увидел экран, взглянул на него, вытянулся и отдал честь. Дуглас кивнул.

- Имя, звание, задание.
- Майор К. Д. Блох, эскадрон С.С. «Черио», казарма Анклав, сэр.
- Доложите, что вы там делаете.
- Сэр, я затрудняюсь...
- А вы попроще. Я слушаю вас, майор.
- Да, сэр. Я явился согласно приказу. Видите ли...
- Пока я ничего не вижу.
- Хорошо, сэр. Час или два назад летучий отряд был послан сюда, чтобы произвести арест нескольких человек. Мы потеряли с ними связь, и меня послали, чтобы отыскать их и оказать им содействие.
- Чей приказ?
- Хм... команданте, сэр.
- Вы их нашли?
- Нет, сэр. Ни малейшего следа.
- Дуглас посмотрел на Харшоу.
- Советник, вы видели этот второй отряд?
- В мои обязанности не входит следить за вашими подчиненными, мистер секретарь.
- Вряд ли это ответ на мой вопрос.
- Вы правы, сэр. Но и я не на допросе. И не стану отвечать иначе, как согласно духу и букве закона. Я представляю своего клиента. Я не нянька для этих гороховых шутов в форме. По тому, что я наблюдал, я могу предположить, что они не смогут найти даже свинью в собственной ванной.
- Ммм... возможно. Майор, соберите ваших людей и возвращайтесь назад.
- Слушаюсь, сэр. — Майор отдал честь.
- Минуту, — вмешался Харшоу. — Эти люди вломились в мой дом. Я требую предъявления ордера.
- О! Майор, покажите ему ордер.
- Майор побагровел.
- Сэр, ордера были у того офицера, который был раньше меня.
- Дуглас, казалось, ушам не верил.
- Молодой человек... вы хотите сказать, что вы вломились в жилище гражданина не имея *ордера*?!
- Но, сэр... вы же не поняли! Ордера есть! Они были у капитана Хейнриха, сэр.
- Дуглас поглядел на него без всякого удовольствия.

— Возвращайтесь назад. Доложите, что вы под арестом. Я вызову вас позже.

— Слушаюсь, сэр.

— Пойдите, — потребовал Джубал, — я хочу использовать свое право на *гражданский арест*. Я собираюсь посадить его в местную кутузку. За вооруженный взлом и проникновение.

Дуглас поморгал.

— Разве это необходимо?

— Думаю, да. Этих парней бывает иногда очень трудно найти, и я хочу, чтобы этот не ушел из-под юрисдикции местных властей. Кроме криминальных действий есть еще и убытки, сумму которых я еще не определил.

— Заверяю вас, сэр, что все вам будет компенсировано.

— Благодарю вас, сэр. Но что может удержать следующего болвана в форме от явки сюда попозже? Ему даже не придется взламывать дверь! Мой замок опоганен и открыт для любого прохожего. Только задержка, связанная с необходимостью преодолеть сопротивление моих, когда-то крепких дверей, помешала этим негодьям умыкнуть меня до того, как я поговорил с вами. Вы же слышали, он сам признал, что есть еще один вроде него и тоже на свободе... с ордерами, как это утверждает...

— Доктор, я ничего не знаю об этом ордере.

— Ордерах, сэр. Он сказал «несколько ордеров на арест». Может быть, лучше сказать было бы *lettres de cachet* *.

— Это очень ответственное обвинение.

— А это — серьезное дело.

— Доктор, я ничего об этих ордерах не знаю, если они даже и существуют. Но даю вам свое личное заверение, что немедленно займусь этим, устанавливаю, кем они были выданы, и буду действовать соответственно. Что еще я могу обещать?

— Очень многое, сэр. Я могу предположить, как были оформлены эти ордера. Кто-то, находящийся на

* Королевский приказ о заточении в крепость без суда и следствия (фр.).

вашей службе, в порыве рвения упробил сговорчивого судью подписать их... чтобы схватить меня и моих друзей и допросить тайком от вас. *Тайком от всех, сэр!* Мы готовы обсудить наши проблемы с вами, но мы не позволим допрашивать нас таким, — Джубал показал на майора пальцем, — в каком-нибудь подвале без окон! Сэр, я полагаюсь на вашу справедливость... но если эти ордера не будут уничтожены сейчас же, если меня не заверят без всяких уверток, что «Человека с Марса», медсестру Бордмен и меня никто не потревожит и мы свободны входить и выходить, то... — Джубал беспомощно пожал плечами, — я должен буду искать защитников. Есть ведь люди и вне Администрации, у которых тоже существует глубокий интерес к делам «Человека с Марса»...

— Вы, кажется, мне угрожаете?

— Нет, сэр. Я просто умоляю вас. Мы хотим договориться, но мы не можем вступать в переговоры, если нас травят. Я прошу вас, сэр, отзовите ваших псов!

Дуглас опять посмотрел куда-то в сторону.

— Эти ордера... если они существуют... они не будут применены; как только я их обнаружу, их аннулируют.

— Благодарю вас, сэр.

Дуглас взглянул на майора Блоха.

— Вы настаиваете, чтобы его посадить?

— Его? Да ведь он только дурак в мундире. Давайте заодно забудем и об ущербе. У нас с вами есть более серьезные вопросы для обсуждения.

— Можете быть свободны, майор.

Офицер С.С. отдал честь, круто повернулся и вышел. Дуглас продолжал:

— Советник, вопросы, которые вы подняли, не могут быть решены по телефону.

— Согласен.

— Вы и ваш... гм... клиент будете моими гостями во Дворце. Я пришлю за вами яхту. Вам хватит часа на сборы?

Харшоу покачал головой.

— Благодарю вас, мистер секретарь. Мы переночуем здесь... а когда придет время, я вытащу свою со-

бачью упряжку или что-нибудь в том же роде... Яхту присылать не надо.

Мистер Дуглас нахмурился.

— Перестаньте, доктор. Вы сами сказали, что конференция будет квазидипломатическая. И я согласен на определенную форму протокола. Поэтому моя обязанность предложить вам официальное гостеприимство.

— Видите ли, мой клиент уже получил полную дозу официального гостеприимства, и потребовалось Бог знает сколько усилий, чтобы от него избавиться.

Лицо Дугласа окаменело.

— Сэр, вы намекаете...

— Я ни на что не намекаю. Смит перенес слишком много, и он не привык к официальным церемониям. Здесь же он будет спать спокойно. И я тоже. Я старик, сэр, и предпочитаю собственную кровать. Кроме того, я должен указать на возможность того, что наши переговоры могут прерваться и моему клиенту придется искать другие пути, так что находиться под вашей крышей ему будет в высшей степени неудобно.

Генеральный секретарь выглядел очень мрачным.

— Опять угрозы. Я думал, вы мне доверяете, сэр. Мне показалось, вы говорили нечто о готовности к переговорам?

— Я вам верю, сэр (до тех пор, пока держу в руках), и мы готовы начать переговоры. Это слово я использую в его буквальном значении, а не, как это часто делают сейчас, в качестве синонима сдачи позиций. Однако мы намерены быть конструктивными. И все же мы не можем начать переговоры немедленно. Во-первых, мы еще не готовы, во-вторых, нужно, чтобы истекло какое-то время. Какое — трудно сказать.

— Что вы имеете в виду?

— Мы предполагаем, что Администрация будет представлена делегацией, которую назначите вы, и такое же право будет у нас.

— Разумеется. Но делегации не должны быть большими. Нам потребуется еще два-три человека. Генеральный юрисконсульт... эксперты по космическому праву... Вести переговоры лучше в немногочисленном составе. Чем меньше, тем лучше.

— Совершенно с вами согласен. Наша группа будет невелика. Конечно, Смит, я, еще Честный Свидетель...

— Это еще зачем?

— Свидетель не помешает. Потом еще один-два человека, но одного из них у нас не хватает. У меня есть указания, чтобы присутствовал человек по имени Бен Какстон... а я этого типа обыскался.

Джубал уже давно ждал случая вставить эту ремарку и теперь спокойно ждал ее результатов.

Дуглас выкатил глаза.

— Какстон? Неужели вы имеете в виду этого дрянного репортеришку?

— Тот Какстон, о котором я говорю, ведет колонку в одном из синдикатов.

— Этого никогда не будет!

Харшоу покачал головой.

— Тогда все кончено, мистер секретарь. Мои инструкции не оставляют мне выбора. Сожалею, что отнял у вас столько времени. Прошу меня извинить. — Он протянул руку, чтобы выключить экран.

— Подождите!

— Сэр?

— Я еще не окончил говорить с вами!

— Прошу извинения у Генерального секретаря. Конечно, мы должны были подождать, пока вы нас отпустите.

— Ладно, ладно... Доктор, вы читаете ту чушь, которую сообщают «Новости» о нашем Дворце?

— Боже мой, конечно же, нет.

— Я бы очень хотел быть на вашем месте. Вести переговоры в присутствии журналистов просто невозможно. Мы их пригласим, когда договоримся окончательно. Но даже, если бы они были допущены, Какстона среди них не было бы... Этот человек — чистая отравка... любитель подглядывать в замочные скважины, да еще самого низкого разбора!

— Мистер секретарь, у нас нет возражений против гласности. Более того, мы на ней будем настаивать.

— Чудовищно!

— Возможно. Но я служу своему клиенту так, как считаю для него полезным. Если мы достигнем соглашения, касающихся «Человека с Марса» и планеты, кото-

рая является его домом, я хочу, чтобы каждый человек на нашей планете знал, как это было сделано и к чему мы пришли. Иными словами, в том случае, если мы не достигнем цели, люди должны знать, как и почему провалились переговоры. Никаких «Звездных Палат»* не будет, мистер секретарь.

— Черт бы вас подрал, я вовсе не имел в виду «Звездную Палату», и вам это прекрасно известно! Я говорю о спокойных, упорядоченных переговорах, без всякого толкания локтями.

— Ну тогда пусть присутствует пресса со своими камерами и микрофонами, а локти им придется оставить снаружи. Это напомнило мне, что сегодня, ближе к вечеру, мы — мой клиент и я — дадим интервью одной из крупнейших телевещательных компаний, и я объявляю, что мы настаиваем на открытых для публики переговорах.

— ЧТО?! Вы не должны давать никаких интервью... сейчас, во всяком случае... Это... это нарушает дух нашей с вами дискуссии!

— Мне так не кажется. Вы, по-моему, полагаете, что гражданин не может разговаривать с прессой без вашего согласия?

— Конечно, нет, но...

— Боюсь, что все равно уже поздно. Обо всем уже договорено, и отложить это можно лишь в том случае, если вы пришлете ко мне еще несколько машин с вашими штурмовиками. Я упомянул об этом только потому, что подумал, будто вы сами захотите заранее сделать заявление по этому поводу, уведомив весь мир, что «Человек с Марса» вернулся и отдыхает в Поконосе. Чтобы не было впечатления, будто правительство захвачено врасплох. Вы меня понимаете?

— Я-то вас понимаю. — Генеральный секретарь буравил Харшоу взглядом. — Пожалуйста, подождите! — И исчез с экрана.

Харшоу подозвал Ларри, прикрывая другой рукой микрофон.

* Высший суд в Англии, созданный в 1487 г. и распущенный в 1641 г. Действовал при закрытый дверях.

— Слушай, сынок, — шепнул он, — с этим испорченным передатчиком я блефую, имея на руках всего лишь неполный флеш *. Выберись тайком из дома, дозвонись до Тома Маккензи, скажи ему, что, если он не добьется того, чтобы вся система заработала как часы, он упустит самую большую сенсацию из всех, что были со времен падения Трои. А потом возвращайся, но будь осторожен — в доме могут быть копы.

— А как я пробьюсь к Маккензи?

— Хм... (на экране снова появился Дуглас)... спроси у Мириам...

— Доктор Харшоу, я последовал вашему совету. Заявление правительства в общем соответствует вашим словам, но содержит еще ряд важных деталей. — Дуглас ухмыльнулся, напустив на себя самый простецкий вид. — Я добавил, что Администрация будет обсуждать с «Человеком с Марса» межпланетные отношения, как только он отдохнет от своей поездки, и это обсуждение будет проходить прилюдно... только прилюдно. — Его улыбка как бы примерзла к лицу, и он уже больше не походил на старого доброго Джо Дугласа.

Харшоу усмехнулся, чувствуя невольное восхищение, — этот старый прохвост хорошо держал удары и умудрился обратить свое поражение в выигрыш для правительства.

— Это превосходно, мистер секретарь. Тут мы поддержим вас до последней точки.

— Благодарю вас. Теперь об этом Какстоне... Допуск прессы на него не распространяется. Пусть смотрит по стереовизору и перевирает содержание передач. Но присутствовать он не будет.

— Тогда переговоры не состоятся, мистер секретарь, что бы вы там ни сказали прессе.

— Мне кажется, вы меня не поняли, советник! Этот человек вел себя по-хамски по отношению ко мне лично. Тут речь идет о личной привилегии...

— Вы правы, сэр. Это дело касается личной привилегии.

— Тогда больше не о чем говорить.

* Комбинация в покере, состоящая из карт одной масти, идущих подряд.

— Вы не поняли меня. Это действительно привилегия. Но не ваша. А Смита.

— А?

— Ваша привилегия — выбирать себе советников, и вы можете пригласить хоть самого дьявола, и мы против этого возражать не сможем. Привилегия Смита — выбирать своих советников и приглашать их на заседание. Если Какстона не будет, мы не приедем. Мы отправимся на другую конференцию. Ту, на которую вас не пригласят. Даже в том случае, если вы говорите на хинди.

Харшоу, как врач, подумал, что человеку в возрасте Дугласа не следует давать волю гневу. Дуглас решил обратиться прямо к «Человеку с Марса».

Майк на экране был виден хорошо — спокойный, молчаливый, как Свидетель. Дуглас сказал:

— Смит, почему вы настаиваете на таком чудовищном требовании?

Харшоу вмешался мгновенно.

— Не отвечай, Майк! — Потом Дугласу: — Ну и ну, мистер секретарь... А Устав? Вы не имеете права спрашивать моего клиента, почему он дал мне те или иные указания. Данное нарушение Устава особенно нетерпимо потому, что мой клиент только недавно научился английскому языку и потому не может сравниться с вами. Если вы выучите марсианский, я еще, может быть, разрешу вам задать ему этот вопрос... на марсианском языке. Но уж никак не сегодня.

Дуглас нахмурился.

— Я мог бы поинтересоваться, какие именно статьи Устава нарушили лично вы в процессе наших с вами переговоров, но у меня нет времени. Я должен руководить правительством. Сдаюсь. Но не ожидайте, что я буду жать руку вашему Какстону.

— Как вам будет угодно, сэр. Но теперь вернемся к первому пункту. Я не смог отыскать Какстона.

Дуглас рассмеялся.

— Вы настаиваете на привилегии, которую я считаю оскорбительной. Приводите кого вы считаете нужным, но и отыскивайте их тоже сами.

— Резонно, сэр. Но не сделаете ли вы «Человеку с Марса» одолжения?

— Какого еще одолжения?

— Переговоры не начнутся, пока мистера Какстона не будет. Об этом мы даже говорить не станем. Но я его найти не смогу. Я ведь всего-навсего частное лицо.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я тут пренебрежительно отозвался об эскадрах С.С., но вы можете отнести это на счет раздражения человека, у которого только что высадили дверь. Мне известно, что в некоторых случаях они удивительно эффективны... Они ведь могут требовать помощи от полиции в любой сфере. Мистер секретарь, не могли бы вы позвонить команданте С.С. и сказать ему, что вы хотите отыскать одного человека, и тогда, сэр, я думаю, это вызвало бы такой выброс энергии за один час, какого бы я не смог произвести за столетие.

— Какого дьявола я буду беспокоить все полицейские силы страны из-за одного скандального репортершики?

— Тут дело не в чертах, мой дорогой сэр, я ведь прошу у вас одолжения для «Человека с Марса».

— Ну это... неслыханно, но я постараюсь. — Дуглас посмотрел на Майка. — Как одолжение для Смита. В ответ я буду ждать аналогичных шагов от вас, когда мы начнем переговоры.

— Заверяю вас, сэр, что это существенно облегчит ситуацию.

— Конечно, я ничего не обещаю. Вы сказали, что этот человек пропал. Он мог попасть под грузовик, мог умереть.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь. Надеюсь, ради всех нас.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я попытался намекнуть своему клиенту на такую возможность, но он об этом даже и слышать не пожелал. — Харшоу вздохнул. — Разрыв! Если мы его не найдем, это будет означать полный разрыв.

— Хорошо, я постараюсь. Но не ожидайте чудес, доктор.

— Не я, а мой клиент, сэр. У него марсианский взгляд на чудеса, и он их ожидает. Будем молиться, чтобы чудо все же произошло.

— Я вам сообщу. Вот все, что я могу пока сказать.

Харшоу поклонился, не вставая.

— Ваш слуга, сэр.

Когда изображение Дугласа исчезло, Джубал встал, и руки Джилл тут же сомкнулись на его шее.

— О Джубал! Вы были потрясающе!

— Мы пока еще не выбрались из чащи, дитя.

— Но если что-нибудь и может спасти Бена, то вы это сделали. — Она расцеловала Джубала.

— Эй! Эй! Прошу без этого! Я завязал еще до того, как ты родилась! Будь добра уважать мои седины! — Он поцеловал ее крепко и со вкусом. — Это чтобы убрать привкус Дугласа. Меня тошнит от розданных ему пинков и от иудиных поцелуев. Иди лучше поцелуй Майка. Он заслужил это хотя бы тем, что молчал, пока я врал из всех сил.

— С радостью! — Джилл отпустила Джубала и обняла «Человека с Марса». — Ах, как вы прекрасно лгали, Джубал! — Она повисла на Майке.

Джубал с интересом смотрел, как Майк входит в роль ведущего партнера во второй серии поцелуев. Он занимался этим необыкновенно серьезно, но явно не как новичок. Джубал поставил бы ему четверку с минусом за выполнение и пятерку за прилежание.

— Сынок, — произнес он, — ты меня удивил! Я-то ожидал, что ты сейчас же свернешься в клубок и закатаешь очередной припадок.

— Так оно и было, — серьезно ответил Майк, крепко держа Джилл, — в первый раз, когда мы целовались.

— Вот оно как! Поздравляю, Джилл! Ну и как получилось? Ток был постоянный или переменный?

— Джубал, вы все время дразните меня, но я вас люблю и отказываюсь сердиться. Сначала Майк был вроде как подавлен, но, как видите, недолго.

— Да, — согласился Майк, — это благо! Так братья по воде растут еще ближе. Сейчас я тебе покажу. — Он отпустил Джилл.

Джубал поднял руку.

— Нет!

— Нет?

— Ты разочаруешься, сынок. Это сближает братьев по воде только в том случае, если эти братья — юные девушки и хорошенькие к тому же — ну как Джилл.

— Мой брат Джубал говорит верно?

— Я говорю очень верно. Целуй всех, какие тебе приглянутся — это куда лучше, чем перекидываться в картишки.

— Прошу прощения?

— Это великий способ сближения... с девушками... хм... — Джубал огляделся. — Мне хотелось бы знать, повторится ли «эффект первого раза»? Доркас, мне нужна твоя помощь в проведении научного эксперимента.

— Босс, я вам не морская свинка! Идите вы к дьяволу!

— Безусловно, но в свое время. У Майка нет никаких кожных заболеваний, иначе я не позволил бы ему пользоваться общим бассейном. Ах, да... кстати... Мириам, когда увидишь Ларри, передай ему, чтобы он вычистил бассейн, нужды в грязной воде больше нет. Ну так как же, Доркас?

— А откуда вам известно, что это будет в первый раз?

— Ммм... что-то в этом есть. Майк, ты когда-нибудь целовал Доркас?

— Нет, Джубал. Я ведь только что узнал, что Доркас мой брат по воде.

— Вот как?

— Да, и Доркас, и Анни, и Мириам, и Ларри. Все они твои братья по воде, мой брат Джубал.

— Ммм... да... По существу ты прав.

— Да. По сути. Грокк, даже не разделяя воды. Я верно говорю?

— Очень верно.

— Они твои собратья по воде, — Майк остановился, подыскивая нужные слова, — и по внутренним связям сущности они мои братья. — Майк посмотрел на Доркас. — Для братьев расти ближе — благо.

Джубал спросил:

— Ну, Доркас?

— Гм... Господи, босс, вы самая противная липучка в мире. А вот Майк — не липучка. Майк, милый. — Она подошла к Майку, привстала на цыпочки и протянула руки. — Поцелуй меня, Майк.

Майк так и поступил. Несколько секунд они «росли ближе». Потом Доркас потеряла сознание.

Джубал удержал ее от падения. Джилл резко окликнула Майка, который уже начал дрожать в предчувствии припадка самоуглубления. Доркас тут же пришла в себя и успокоила Майка, сказав, что с ней все в порядке и она будет рада порасти еще теснее, но сперва надо отдышаться.

— Ф-ф-у-у!

Мириам смотрела во все глаза.

— Сама не знаю, рискну ли я.

Но тут вмешалась Анни:

— Давайте по старшинству... Босс, вы со мной, как со Свидетелем, покончили?

— Пока да.

— Тогда поддержите тогу. Пари хотите?

— На сколько?

— Семь против двух, что я не потеряю сознание, хотя и не возражала бы.

— Принято.

— Долларов, не сотен! Майк, милый... давай порастем теснее, только подольше.

Анни пришлось сдаться из-за нехватки воздуха. Майк, с его марсианской подготовкой, мог продержаться без притока кислорода извне гораздо дольше. Анни хватала воздух открытым ртом.

— Босс, я дам вам еще шанс выиграть пари. Позиция была неправильная...

Анни уже подняла лицо к Майку, когда Мириам похлопала ее по плечу.

— Ты вне игры!

— Куда ты торопишься?

— Вне игры, я сказала. Уходи за отметку, девчонка!

— Ну ладно.

Анни сдалась. Мириам же подошла к Майку, улыбнулась и ничего не сказала. Они «поросли теснее», и продолжали расти весьма долго.

— Первая!!!

Мириам оторвалась от Майка.

— Босс, разве вы не видите, что я занята!

— Что ж, тогда прочь с дороги, я возьму трубку сам.

— Честное слово, я ничего не слышала.

— Это-то и так ясно! Но нам придется придать себе чуточку серьезности: это может быть сам Генеральный секретарь.

Но это был Маккензи.

— Джубал, во имя всех чертей, что тут происходит?!

— Какие-нибудь неприятности?

— Мне позвонил кто-то, потребовавший, чтобы я бросил все дела и начал действовать, так как у вас есть для меня нечто важное. Я к вам отправил мобильную съемочную группу.

— Ее тут нет.

— Я знаю. Они позвонили, проблуждав где-то к северу от вас. Наш диспетчер дал им правильные координаты, и они должны появиться с минуты на минуту. Я пробовал дозвониться к вам, но линия была занята. Что я пропустил?

— Пока еще ничего. (Черт, ему нужен кто-нибудь, кто помог бы справиться с этой проклятушей «балаболкой»! Искренен ли Дуглас, или сюда снова заявится очередная банда копов? Пока эти ребяташки играли тут в «бутылочку»... Джубал, ты впадаешь в маразм...) Была ли за это время какая-нибудь экстренная передача «Новостей»? За последние полчаса?

— Кажется, нет... Ах, да, одна была: Дворец извещает, что «Человек с Марса» вернулся и отдыхает в... Джубал!!! Неужели вы замешаны в этом?!

— Минутку. Майк, поди сюда. Анни, надень тогу.

— Готово, босс.

— Мистер Маккензи, познакомьтесь с «Человеком с Марса».

Нижняя челюсть у Маккензи отвисла.

— Стойте!!! Дайте мне время наладить камеру! Мы сделаем съемку прямо с экрана и продублируем по стерео, как только эти недотепы доберутся до вас. Джубал, это не «утка»? Вы не...

— Неужели я буду лгать, когда рядом стоит Честный Свидетель? Нет, я не вешаю вам лапшу на уши. Но если опасаетесь, придется подождать «Аргуса» и «Транспланетную»...

— Джубал, такую свинью вы мне подложить не можете!

— И не буду! Соглашение со всеми тремя корпорациями было таково: камеры начнут работать, когда я подам сигнал; вам разрешается использовать заснятый материал при условии, что он годится для передачи. Давать в дополнение к этому интервью я не подряжался. — Джубал добавил: — Вы же не только одолжили мне оборудование, но еще и лично оказали огромную услугу, Том. Я даже сказать не могу, как велика эта услуга.

— Вы имеете в виду... гм... тот номер телефона?

— Верно. Но об этом меня не спрашивайте, Том. Разве что частным образом и этак через годик.

— Мне бы это и в голову не пришло. Вы держите свой язык за зубами, а я уж постараюсь удержать свой. Только не отключайтесь...

— Еще одно. Те конверты, которые у вас... Пришлите их мне...

— Что? Ладно, я держал их в столе, вы же были так взволнованны. Джубал, камера нацелена на вас. Может начинать?

— Давайте!

— Я займусь этим лично. — Маккензи отвернулся, видимо, он сейчас смотрел прямо в объектив. — Срочное сообщение! Говорит репортер НУ-НУ, передача идет из «горячей точки». Только что позвонил «Человек с Марса», он хочет говорить с вами... Перерыв. Монитор, немедленно известите спонсора о срочном сообщении. Джубал, есть что-нибудь такое, что я, по вашему мнению, должен спросить у вас?

— Не надо спрашивать про Южную Америку. Самая безопасная тема — плавание. А какие у него планы — можете спросить у меня.

— Конец перерыва. Друзья, вы находитесь лицом к лицу, глаза в глаза с Валентайном Майклом Смитом — «Человеком с Марса». НУ-НУ как всегда на переднем крае событий. Оно недавно передало, что мистер Смит только что спустился с вершин Анд, и мы рады приветствовать его. Помашите рукой вашим верным друзьям, мистер Смит!

(Помаши в экран, сынок, улыбнись и помаши).

— Благодарю вас, Валентайн Майкл Смит! Мы рады видеть вас здоровым и загорелым. Я так понимаю, что вы набирались сил и учились плавать?

— Босс, визитеры или что-то в этом духе!

— Перерыв после слова «плавать». Какого черта, Джубал?

— Сейчас узнаем. Джилл, возьми на себя Майка. Это может быть сам Генеральный штаб!

Но это оказались только что приземлившаяся съемочная группа НУ-НУ (розовые кусты опять пострадали), Ларри, вернувшийся после разговора с Маккензи, и Дьюк. Маккензи решил быстро закруглить интервью, поскольку съемки с экрана не гарантировали ни перспективы, ни хорошей передачи цвета. Между тем группа занялась проверкой одолженной Джубалу аппаратуры. Вместе с ними отправились Ларри и Дьюк.

Интервью закончилось обычными благоглупостями, Джубал перехватывал вопросы, смысл которых был труден для Майка. Маккензи закончил, пообещав зрителям, что полный текст интервью будет передан в цвете и с нужной глубиной кадра («не отключайте передачи нашего канала»). Свой телефон Маккензи тоже отключать не стал — ждал заключения техников.

Руководитель группы отработовал незамедлительно:

— Оборудование в полном порядке, мистер Маккензи.

— Тогда что там было?

Техник взглянул на Дьюка и Ларри.

— Оно работает лучше при подключенной энергии. Рубильник на щите был выключен.

Джубал оборвал ожесточенный спор о том, сказал или не сказал Дьюк Ларри, что рубильник следует включить перед тем, как начать пользоваться оборудованием. Джубалу не было дела до того, кто виноват; все, что произошло, подтверждало его убеждение, что техника достигла своего апогея, произведя модель «Т» Форда, и с этого времени пошла к упадку.

Интервью в цвете и с перспективой закончилось. Майк приветствовал своих друзей с «Победителя», включая доктора Махмуда, к которому он обратился на каркающем, рвущем голосовые связки марсианском языке.

Наконец Джубал установил автоответчик телефона на двухчасовой отказ от разговоров, потянулся и, по-

чувствовав страшную усталость, подумал, не слишком ли быстро он стареет.

— Где ужин? Кто из вас, паршивые девчонки, должен был готовить сегодня? Господи! Весь этот дом на глазах превращается в руины...

— Сегодня моя очередь, — сказала Джилл, — но...

— Одни увертки! Одни вечные увертки!

— Босс, — резко оборвала его Анни, — да как вы смеете требовать от нас ужина, если держали взаперти весь день?

— Это ваши проблемы! — непреклонно возразил Джубал. — Даже если у нас в доме разразится Армагеддон *, я требую, чтобы пища подавалась горячей и без опозданий, точно минута в минуту. Более того...

— Более того, — завершила его фразу Анни, — сейчас только семь сорок и времени, чтобы ужин был готов к восьми — навалом. Поэтому перестаньте вопить. Ишь раскричался, ползунок!

— Только без двадцати восемь? А мне казалось, что с ленча прошла чуть ли не неделя. И ты не учла времени, которое понадобится на выпивку перед ужином.

— Ах, вы бедняжка!

— Эй! Кто-нибудь, подайте мне выпить! Всем подайте выпить! Давайте пропустим ужин! Я напряжен, как палаточная веревка в дождь! Анни, а мы не можем устроить «шведский стол»?

— У нас есть все необходимое.

— Тогда поставь размораживать восемнадцать-девятнадцать сортов разных закусок, и пусть каждый выбирает, что ему по душе. К чему споры!

— Сию минуту будет готово, — согласилась Джилл.

Анни остановилась, чтобы чмокнуть Джубала в лысину.

— Босс, вы молодчина. Мы накормим вас, напоим и уложим в постельку. Подожди, Джилл, я сейчас помогу тебе.

— Можно и я помогу? — радостно спросил Майк.

* Последняя битва сил Света и Тьмы в День Страшного Суда (биб.).

— Конечно, Майк. Ты будешь носить подносы. Босс, ужин будет у бассейна. Вечер жаркий.

— А где же еще?

Когда все ушли, Джубал спросил Дьюка:

— Где ты, черт подери, шатался?

— Думал.

— Обычно это дело себя не окупает. Потом чувствуешь себя неудовлетворенным. И что же ты надумал?

— Надумал, — отозвался Дьюк. — Я решил, что еда — частное дело Майка.

— Поздравляю. Желание воздержаться и не лезть в дела ближнего своего — это уже восемьдесят процентов мудрости.

— Да вы сами все время лезете в чужие дела.

— А кто тебе сказал, что я мудр?

— Джубал, если я предложу Майку стакан воды, он согласится повести дело по всем ритуалам его логи?

— Думаю, да. Дьюк, единственная чисто человеческая черта Майка — всепобеждающее желание быть любимым. Но я должен убедиться, что ты понимаешь, насколько это серьезно. Я вступил в водное братство с Майком еще до того, как сам понял, и оказался намертво повязанным ответственностью. Ты обязываешься никогда не врать ему, никогда не обманывать, стоять с ним заодно насмерть, что бы ни произошло. Подумай об этом.

— Уже подумал, Джубал, в Майке есть что-то, что заставляет вас стремиться заботиться о нем.

— Я знаю. Ты наверняка раньше не встречался с честностью и истинной невинностью. Майк никогда не пробовал плода с Древа Познания Добра и Зла... поэтому мы не можем понять его мысли и действия. Что ж, надеюсь ты не пожалеешь. — Джубал взглянул на вошедшего Ларри. — А я подумал, уж не занялся ли ты самогоноварением?

— Не мог найти штопор, — ответил Ларри.

— Опять эта техника! Дьюк, стаканы за «Анатомией Меланхолии» — вон там.

— Да знаю я, где вы их прячете.

— И мы тяпнем по маленькой, прежде чем перейдем к солидному выпивону.

Дьюк достал стаканы, Джубал разлил и поднял свой.

— За братство алкоголиков... более подходящее для нежных человеческих душ, чем какое-либо другое.

— Будьте здоровы!

— Ура!

Джубал вылил стакан прямо в глотку.

— Ах, — сказал он с наслаждением и икнул. — Предложи чуточку Майку, Дьюк, и пусть он узнает, как прекрасно быть человеком. Я, например, ощущаю позыв к творчеству. Первая!! Почему этих девчонок никогда нет на месте, когда они нужны! ПЕРВАЯ!!!

— Я — первая, — ответила Мириам, стоя в дверях, — но...

— Я закончил так: «...я и не помышляла о том, какие странные, горько-сладкие плоды принесут мои мальчишеские мечты...»

— А я сама дописала эту историю, пока вы тут любезничали с Генеральным секретарем.

— Тогда ты больше не «первая». Отошли рассказ.

— А вы сами не хотите прочесть? Мне все равно надо будет переделать его — поцелуй Майка дал мне новое видение.

Джубала прямо передернуло.

— Читать? Господи Боже мой! Плохо уже то, что я его написал! И не вздумай переписывать, в этом нет надобности. Дитя мое, настоящая исповедальная проза не должна омрачаться даже привкусом достоверности.

— О'кей, босс, Анни зовет к бассейну, закусить перед едой.

— Самое времечко. Объявляется перерыв, джентльмены.

Вечеринка удалась. Рыба и другие скандинавские закуски придавали особый шарм лившемуся рекой вину. По совету Джубала Майк пропустил стаканчик бренди. Майк нашел результат волнующим, проанализировал причину, добавил кислород к этиловому спирту, что привело к ускорению процесса ферментации и образованию в организме глюкозы и воды.

Джубал изучал эффект воздействия алкоголя на «Человека с Марса». Сначала он увидел, что Майк быстро пьянеет, потом, как он еще быстрее трезвеет. Пытаясь понять, в чем дело, Джубал уговорил Майка выпить еще бренди, которое тот и принял, поскольку его пред-

лагал собрат по воде. Майк выпил весьма впечатляющую порцию, прежде чем Джубал понял, что напоить его невозможно.

Совсем иначе, несмотря на годы практики, обстояло дело с самим Джубалом. Стараясь держаться на одном уровне с Майком во время эксперимента, он изрядно окосел. Когда он спросил Майка, в чем же собственно дело, Майк решил, что речь идет о рейде С.С., в отношении которого у него сохранялось ощущение не-которой вины. Он попробовал объясниться и, если нужно, испросить прощения у Джубала.

Джубал прервал его, как только разобрался, о чем идет речь.

— Сынок, об этом я не хочу знать ничего. Ты сделал то, что надо, выполнил это превосходно, но... — он поморгал, как сова на свету, — мне об этом не надо рассказывать, а уж другим и подавно...

— Нет?

— Нет. Это было самое странное из виденного мной, после того как мой двухголовый дядюшка спорил о свободе обращения серебра и блестяще доказал ошибочность своих собственных суждений. Объяснение может все испортить.

— Я не *грокк*.

— Я тоже. Давай лучше выпьем.

Начали собираться репортеры. Джубал встречал их вежливо, приглашал закусить, выпить и отдохнуть, но просил воздержаться от приставания к нему или Майку.

Тех, кто не подчинялся, бросали в бассейн.

Джубал создал специальный отряд из Дьюка и Ларри для флангового обеспечения обряда крещения. Кто-то злился, другие же присоединялись к бригаде крестителей с фанатическим энтузиазмом прозелитов, — Джубал чуть ли не силой удержал их от попытки макнуть дуайена * обозревателей из «Нью-Йорк Таймс» в третий раз.

Поздно вечером Доркас отыскала Джубала и шепнула ему:

— Телефон, босс.

— Прими телефонограмму.

* Старшина.

— Вы должны поговорить с ним сами.

— Я с ним топором поговорю! Я уже давно питаю надежду отделаться от этой Железной Девы, а сейчас у меня как раз подходящее настроение. Дьюк, подай топор!

— Босс, это человек, с которым вы так долго говорили днем.

— О! Чего ж ты молчишь?!

Джубал с трудом взобрался наверх, закрыл дверь на задвижку и подошел к телефону. На экране был один из аколитов * Дугласа, который немедленно сменился физиономией Генерального секретаря.

— Долго же вы собирались подойти к телефону!

— Это мой телефон, сэр. Иногда я к нему вообще не подхожу.

— Видимо так. Почему вы мне не сказали раньше, что ваш Какстон алкоголик?

— А он алкоголик?

— Безусловно. Просто алкаш. Отсыпается в кутузке в Соноре **.

— Рад слышать, что он нашелся. Благодарю вас, сэр.

— Был арестован за бродяжничество. На суде мы настаивать не будем, отпустим его к вам.

— Ваш должник, сэр.

— О, это не такой уж подарок! Мне сообщили, в каком виде его нашли — грязный, небритый и, как я понял, от него несло как из бочки. Я хочу, чтоб вы сами видели, как выглядит этот бродяга.

— Отлично. Когда же мне его ожидать?

— Курьер вылетел из Ногалеса некоторое время назад. Пилот привезет его и передаст вам под расписку.

— Прекрасно, он ее получит.

— А теперь, советник, я умываю руки. Ожидаю прибытия вас и вашего клиента вне зависимости от того, привезете вы с собой этого запойного клеветника или нет.

— Согласен. Когда?

— Завтра в десять?

— Чем скорее, тем лучше. Согласен.

* Прислужник, помощник.

** Штат на северо-западе Мексики.

Джубал спустился вниз и вышел в сад.

— Джилл, подойди сюда!

— Да, Джубал. — Она вприпрыжку подбежала к нему, за ней увязался какой-то репортер. Джубал махнул ему рукой, чтобы он отстал.

— Частный разговор, — сказал он твердо, — семейные обстоятельства.

— В чьей семье несчастье-то?

— В вашей. У вас кто-то сейчас запросто может помереть! Исчезни! — Газетчик усмехнулся и удалился.

Джубал наклонился к Джилл и сказал тихо:

— Он в безопасности.

— Бен?

— Да. И скоро будет здесь.

— О, Джубал! — Она уже настроилась заплакать.

Он обнял ее за плечи.

— А ну перестань! Иди в дом и оставайся там, пока не придешь в себя.

— Хорошо, Джубал.

— Иди, поплачь в подушку и умойся.

Джубал подошел к бассейну.

— Тихо, вы! У меня важное сообщение! Нам было с вами хорошо, но вечеринка закончилась.

— У-у-у!!!

— А ну-ка бросьте его в бассейн! Я старик, и мне нужен отдых. И моей семье тоже. Дьюк, закупорь бутылки. Девочки, уберите еду со столов!

Раздалось ворчание, самые трезвые уговаривали ворчливых коллег. Через десять минут хозяева остались одни.

А еще через десять прибыл Какстон. Офицер, командовавший машиной, попросил поставить подпись и печать Харшоу на официальной форме и отбыл. Джилл рыдала на груди Какстона.

Джубал оглядел его.

— Бен, я слышал, вы пьянствовали всю неделю?

Какстон, продолжая гладить Джилл по спине, выругался.

— Может, и пьянствовал. Только не пил ни черта...

— А что же произошло?

— Не знаю. Я не знаю!

Через час Бену закончили промывать желудок, а Джубал сделал ему несколько уколов, чтобы снизить действие алкоголя и барбитуратов. Его выкупали, побрили, одели в чью-то одежду, познакомили с «Человеком с Марса» и сообщили главное из информации последних дней, пока он пил молоко и поглощал разные закуски.

Однако сам он мало чего мог сказать. Для Бена эта неделя была пустой. Сознание он потерял в Вашингтоне, а разбудили его в Мексике.

— Конечно, я знаю, что произошло. Они держали меня на игле в темной комнате... и выворачивали наизнанку. Но доказать что-либо я бессилен. Наверняка найдутся какой-нибудь деревенский Jefe * и мадам в том борделе плюс множество других свидетелей, которые поклянутся в том, как безобразно проводил время гринго. И я ничего не смогу им возразить.

— Ну и не надо ничего делать, — посоветовал Джубал. — Лучше отдохните и наслаждайтесь жизнью.

— Черта с два! Я этого...

— Ну-ну... Бен, вы живы, на что у меня лично, по правде говоря, надежды не было. А Дуглас будет выполнять все, что мы захотим, и ему придется даже делать вид, что ему нравится плясать под нашу дудку.

— Об этом мне и хочется поговорить. Я думаю...

— А я думаю, что вам пора в постель. Да еще выпить стакан молока с добавкой Тайного Зелья старого доктора Джубала Харшоу для запойных пьяниц-одиночек.

Вскоре Какстон уже храпел. Джубал тоже пошел спать, но в верхнем холле столкнулся с Анни. Он устало покачал головой.

— Ну и денек выдался, девочка.

— Да. Я ни за что не согласилась бы его пропустить, но и повторить ни малейшего желания не испытываю. Идите спать, босс.

— Сейчас. Анни, а что особенного в манере этого мальчишки целоваться?

Казалось, Анни погрузилась в мечты; потом на ее щеках возникли ямочки.

* Начальник (исп.).

— Вам бы следовало попробовать это самому.

— Уж слишком я стар, чтобы переходить на новые рельсы. Но мне интересно все, что имеет отношение к мальчику. Его поцелуи отличаются чем-нибудь особым?

Анни подумала.

— Да, отличаются.

— Чем?

— Майк отдается этому делу полностью.

— Подумаешь! Я тоже. Я хочу сказать в прошедшем времени...

Анни покачала головой.

— Нет. Меня целовали мужчины, которые знали свое дело до тонкости. Но они не отдавались ему полностью. Не могли. Как бы они ни старались, часть их мозга была занята еще чем-то. Тем, что последний автобус уже ушел; тем, каковы их шансы переспать с девочкой; или тем, как высока их поцелуйная техника; или своей работой, деньгами; не застывает ли их жена, папаша или сосед. А когда вас целует Майк... он больше ни о чем не думает. В вас заключена вся его Вселенная... и этот момент вечен, и нет у него никаких других планов, и никуда он не торопится. Он только целует. — Она вздрогнула. — Это потрясает.

— Хм...

— Нечего говорить мне «хм», вы — старый развратник. Все равно вы ничего не поняли.

— Нет. И, к сожалению, уже никогда не пойму. Ладно, спокойной ночи. И... между прочим, я велел Майку сегодня закрыть свою дверь на задвижку.

Анни состроила ему гримасу.

— Вам бы только все портить!.

— Майк и без того узнал слишком много. Не надо его торопить.

Глава 18

Конференция была отложена на двадцать четыре часа, что дало возможность Какстону прийти в норму, выслушать новости потерянной им недели и «порастить теснее» с «Человеком с Марса», поскольку Майк *грокк*, что Джилл и Бен — собратья по воде, а потому проконсультировался с Джилл и торжественно предложил Бену разделить воду.

Джилл уже успела предупредить Бена. Тому пришлось немало порыться в своей душе. Бена мучили противоречивые чувства: ему были не по душе слишком близкие отношения, возникшие между Джилл и Майком. К тому же его взгляды холостяка претерпели значительные изменения под влиянием недели, проведенной в забвении, весьма близком к смерти. Он снова сделал Джилл предложение, как только смог поймать ее одну.

Джилл посмотрела куда-то мимо него.

— Не надо, Бен...

— А, собственно, почему? У меня есть постоянная работа, я здоров или, вернее, буду здоров, как только из меня выйдут эти «наркотики правды»... а поскольку они пока не вышли, я склонен говорить правду. Я люблю тебя. Я хочу на тебе жениться и растирать твои

усталые бедные ножки. Или я стар? Или у тебя возникли планы выйти за кого-нибудь другого?

— Нет, ни за кого я не собираюсь! Милый мой Бен... Бен, я люблю тебя, но сейчас не проси меня об этом. У меня есть обязательства.

Поколебать Джилл Бену так и не удалось.

В конце концов он понял, что «Человек с Марса» ему не соперник, — он просто пациент Джилл, а тому, кто собирается жениться на медсестре, следует принять как данное тот факт, что медсестры питают материнские чувства к своим подопечным. Надо было принять этот факт и примириться с ним, ибо если бы у Джилл не было характера сиделки, он вряд ли полюбил бы ее. Дело же не в том, похожем на восьмерку, движении ее зазорной попки при ходьбе и даже не в том увлекательнейшем зрелище, которое открывалось при взгляде с другой стороны, — Бен не принадлежал к тому инфантильному типу, который интересуется только размером молочных желез. Нет, он любил ее ради нее самой!

И если Джилл хочет, чтобы он занял второе место после нуждающихся в ней пациентов, то — гром их всех разрази! — он не будет к ним ревновать! Майк славный парнишка — именно такой невинный и простодушный, каким рисовала его Джилл.

Да и сам он не мог предложить Джилл ложе из роз: жене журналиста придется смириться со многим. Иногда он будет пропадать на недели, рабочий день у него ненормированный. Конечно, ему будет неприятно, если Джилл ему изменит. Впрочем *этого* с ней произойти не может.

Придя к такому заключению, Бен с открытой душой принял воду из рук Майка.

Джубал нуждался в лишнем дне для шлифовки своих планов.

— Бен, когда вы подбросили мне эту проблему, я сказал, что и пальцем не шевельну, чтобы обеспечить мальчику его так называемые «права». Теперь я думаю иначе. Мы не позволим правительству ограбить его.

— Еще бы! И уж никак не этой Администрации!

— Да никакой не позволим. Следующие будут еще хуже. Бен, вы недооцениваете Джо Дугласа.

— Дешевый политикан, и мораль у него такая же!

— Да, и невежественный — дальше некуда! И тем не менее он весьма компетентный руководитель мира, даже лучший, чем мы заслуживаем. Мне бы очень хотелось сыграть с ним в покер... он не стал бы плутовать и оплатил бы выигрыш с улыбкой. О, он, конечно, «С.С.», но эта аббревиатура может расшифровываться не только как «сукин сын», но и как «смышленный старикан». Он более или менее честен...

— Джубал, будь я проклят, если понимаю вас. Вы же сами сказали, что были почти уверены, что Дуглас приказал меня уничтожить... Да и дело-то шло к тому. Вам пришлось немало потрудиться, чтобы вытащить меня оттуда живым, и один Бог знает, как я вам за это благодарен. И вы хотите, чтобы я забыл, что за всем этим стоял Дуглас? Не его заслуга, что я жив, он-то с радостью услышал бы о моей смерти.

— Полагаю, да. И, знаете, об этом лучше забыть.

— Черта с два я забуду!

— Ну и докажете собственную глупость. Доказать другое вы не сможете. Ко мне вы тоже не должны чувствовать благодарности, я не позволю вам взвалить на мои плечи такой тяжкий груз. Я сделал *это* не ради вас.

— Как это?

— Я сделал это ради девчурки, которая уже готова была броситься вам на выручку и, видимо, погибнуть. Я сделал это потому, что она была моей гостьей и я оказался в положении *in loco parentis* *. Сделал потому, что в ней были мужество и преданность, но она была слишком невежественна, чтобы играть с опасной государственной машиной. Если ваша собственная беспечность втягивает вас в опасное положение, то кто я такой, чтобы бороться с вашей кармой **?

— Ммм... О'кей, Джубал, можете идти к чертям... за то, что вмешались в мою карму. Если она у меня есть, конечно.

— Спорная точка зрения. Верующие в предопределенность и в свободу воли, насколько я помню, помещаются вместе в четвертом круге ада. Так или иначе,

* Приемный родитель (лат.).

** Судьба (санскрит).

но я никогда не потревожу человека, дрыхнувшего в канаве. Делать добро — все равно что лечить гемофилию: самое надежное средство — дать больному истечь кровью... до того как он породит следующее поколение больных.

— Вы еще могли бы их стерилизовать.

— Хотите, чтобы я разыгрывал из себя Господа Бога? Ладно, мы ушли от темы. Дуглас вовсе не отдавал приказа убить вас.

— Кто это утверждает?

— Это утверждает непогрешимый старый Джубал Харшоу, вещающий с кафедры прямо из своего пупка. Сынок, если помощник шерифа забудет заключенного до смерти, можно побиться об заклад, что начальник полиции округа не допустил бы этого, если бы знал. В самом худшем случае он посмотрел бы на случившееся сквозь пальцы, но скандала устраивать не стал бы. Политическое убийство никогда не было популярно в политике нашей страны.

— Посмотрели бы вы на истинные причины нескольких смертей, которыми мне пришлось заниматься!

Джубал отмахнулся.

— Я сказал «в политике». Убийств у нас сколько хочешь — от таких заметных фигур, как Хью Лонг *, и до неизвестных, забытых до смерти, о которых даже на восьмой странице ничего не найдешь. Но политикой в полном смысле этого слова убийства никогда не были, и вы сами живы по той причине, что убийство не входит в политику Джо Дугласа.

Они ободрали вас как липку, они выжали вас досуха, они отделались бы от вас так же хладнокровно, как вы спускаете в туалет дохлую мышь. Но их босс вовсе не стремился к такой грубой игре и, если он убедится, что они вели ее так, они заплатят за это своими местами, а может быть и головой. — Джубал сделал глоток. — Эти бандиты — всего лишь орудия. Это даже не преторианцы, ставящие на престол цезарей. Так кого же вы хотите в цезари? Юриста Джо, чьи принципы все же восходят ко времени, когда страна была нацией, а не сатрапией в многоязычной империи... Дугласа, кото-

* Губернатор штата Луизиана, убит в 1936 г.

рый не приемлет убийств? Или вы хотите свергнуть его — мы это можем сделать, обманув его, — сбросить и посадить на место Генерального секретаря кого-нибудь из страны, где жизнь человека не стоит ни гроша, а политические убийства — традиция. Если вы этого хотите, Бен, то что случится со следующим любопытным репортером, когда он будет проходить по темному переулку?

Какстон не ответил.

— Как я уже сказал, С.С. — только оружие. Люди, которых нанимают обычно те, кто любит грязную работу. Как же будет грязна эта работа, если вы лишите Дугласа поддержки большинства?

— Джубал, вы хотите сказать, что я не должен критиковать Администрацию?

— Ничего подобного. Оводы необходимы. Но всегда полезно взглянуть на новых проходимцев, когда собираетесь выкинуть старых. Демократия — жалкая система. Единственно, что говорит в ее пользу, так это то, что она в восемь раз лучше остальных систем. Ее главный порок в том, что ее лидеры — лишь отражение выборщиков, то есть они стоят на страшно низком уровне. Но чего же от них ждать? Поэтому поглядите на Дугласа, поймите, что при всем его невежестве, тупости, личной заинтересованности, он похож на своих американских соплеменников, но все же на два-три пункта выше среднего. Потом взгляните на того, кто займет его место, если правительство рухнет.

— Разница невелика.

— Разница есть всегда! Между «плохо» и «еще хуже» разница куда больше, чем между «хорошо» и «еще лучше».

— Ладно! Так чего же вы от меня хотите?

— Ничего, — ответил Джубал. — Я сам поведу игру. От вас же я жду, чтобы вы воздержались от выпадов против Дугласа по поводу грядущего соглашения. Вы даже можете похвалить его за проявленную «государственную мудрость».

— Меня от вас просто тошнит!

— Что ж, можете воспользоваться собственной шляпой. Я расскажу вам все, что собираюсь сделать. Ос-

новой принцип езды на тигре — крепко держаться за его уши.

— Довольно болтать. Чего вы хотите?

— А вы попробуйте не глупить и выслушайте. Майк имел несчастье унаследовать больше богатства, чем могло присниться самому Крезу, плюс претензии на политическую власть благодаря политико-юридическому прецеденту, не имеющему соперников по идиотизму с тех самых пор, когда секретаря Фолла осудили за получение взятки, а Дозни был оправдан как якобы не дававший ее. Меня вовсе не интересует такая чушь, как «справедливость». Я не считаю, что богатство принадлежит действительно Майку. Он его не создавал. Даже если бы он его и заработал, то «собственность» — вовсе не такая уж естественная и очевидная концепция, как то считают люди.

— А ну-ка еще раз!

— Собственность — хитроумная абстракция, мистическая основа взаимоотношений между людьми. Бог знает, как усложнили ее таинственность наши теоретики, но мне и не снилось, как слаба эта концепция, пока я не столкнулся с проблемой Марса. Оказывается, марсианам лично ничего не принадлежит... они даже собственных тел и то не имеют.

— Минутку, Джубал, даже животные обладают собственностью. А марсиане никак не животные. Это цивилизация с городами и всем таким прочим...

— Да. «У лис есть норы, у птиц есть гнезда». Никто не знает разницы между *meus et tuus** лучше, чем цепной дворовый пес. Но не марсиане. Если, конечно, не рассматривать все то, чем совместно располагают миллионы, а может, и миллиарды Старейших («призраков» по-вашему), как собственность.

— Слушайте, Джубал, а что же такое эти Старейшие?

— Вам нужна официальная версия?

— Нет, только ваше личное мнение.

— Я полагаю, что это своего рода религиозный выверт, реально пригодный лишь для удобрения лужаек, предрассудок, намеренно внедренный в сознание маль-

* Мое и твое (лат.).

чика в таком раннем возрасте, что теперь уже он не может избавиться от этого представления.

— Но Джилл говорит о них так, будто она в них верит.

— Вы еще услышите, как я говорю о них точно так же. Обычная вежливость. Одна из моих самых близких друзей верит в астрологию. Я никогда не обижу ее, сказав, что я думаю на самом деле об этом предмете. Способность человека верить в то, что мне представляется в высшей степени невероятным — от столоверчения до безграничной веры в превосходство своих отпрысков, по-моему, не имеет предела. Вообще веру как таковую я считаю проявлением умственной лени, но вера Майка в Старейших не более иррациональна, чем убеждение, что динамика Вселенной может быть нарушена с помощью молитвы о ниспослании дождя.

— Ммм... Джубал, я должен покаяться, что я, хотя и склоняюсь к мысли о возможности бессмертия, но все же в восторге, что привидение моего дедушки надомной не изгаляется. Это был довольно-таки вредный старый черт.

— Мой тоже. Да и я не лучше. Но разве может быть причиной ликвидации гражданских прав гражданина только то, что этот гражданин помер? В том избирательном округе, где я провел детство, голосовало столько мертвых душ, что никакому Марсу за ним не угнаться. Судя по всему, Майк просто не имеет права на владение чем-либо, ибо Старейшие уже распоряжаются всем. Мне было очень трудно объяснить ему, что он обладает более чем миллионом акций «Лунар Энтерпрайз», генератором Лайл, плюс всевозможные ценные бумаги и недвижимое имущество. То, что бывшие собственники все умерли, нисколько не помогло: для Майка они — Старейшие, а Майк в дела Старейших и носа сунуть не посмеет.

— Хм... черт, он же недееспособен!

— Разумеется. Он не может управлять собственностью, так как верит в ее мистичность не больше, чем я верю в его «призраков». Бен, все, чем владеет Майк — это его зубная щетка, да и то он не знает, что она ему принадлежит! Если вы ее заберете, он решит, что так распорядились Старейшие. — Джубал пожал плеча-

ми. — Он недееспособен. Поэтому я не могу позволить, чтобы была учинена проверка его дееспособности, ибо неизбежно встанет вопрос, кто же будет назначен опекуном?

— Ха! Дуглас! Или кто-то из его подручных.

— Вы уверены, Бен? Взвесьте-ка нынешнюю ситуацию в Высшем Суде. Разве не может он назначить опекуном Сувановонга? Или Нади? Или Ки?

— Хм... пожалуй, вы правы.

— В этом случае мальчику долго не протянуть. А если он и доживет до зрелых лет, то в каком-нибудь роскошном саду, откуда сбежать будет потруднее, чем из Бетесды.

— И что же вы планируете?

— Номинальное право владения слишком опасно для Майка, поэтому мы его передадим.

— И как же вам удастся отдать такое богатство?

— Просто отдать нельзя. Это бы изменило сложившийся баланс сил. Любая попытка такого рода может послужить причиной проверки компетентности мальчугана. Поэтому придется позволить тигру мчаться во всю мочь, а сами будем цепляться за его уши ради спасения собственной жизни. Бен, разрешите мне обрисовать вам все, что я собираюсь сделать, а затем попытайтесь как можно более придирчиво отыскать в предложенном варианте уязвимые места. Не в юридических тонкостях — юридические консультанты Дугласа найдут все нужные формулировки, а я их потом проверю. Я хочу, чтобы вы со своим нюхом оценили политическую «проходимость» наших предложений. Итак, вот, что мы сделаем...

Глава 19

Марсианская дипломатическая миссия отправилась во Дворец правительства утром следующего дня. Ничего не подозревающего претендента на марсианский трон — Майкла Смита — цель поездки не тревожила. Зато само путешествие вызвало у него живейший интерес. Они пустились в путь на заказном «Летающем Грейхаунде». Майк сидел под прозрачным колпаком в передней части машины, Джилл по одну его сторону, Доркас — по другую, и никак не мог наглядеться, в то время как девушки трещали и показывали ему окрестности. Сиденье было для двоих, но они втиснулись втроем, что создавало обстановку теплоты и взаимопонимания, столь необходимую, чтобы «расти ближе». Майк обнимал их обеих за талии, смотрел, слушал, пытался *грокк* и вряд ли был бы счастливее даже в бассейне в десяти футах под водой.

Он впервые видел цивилизацию Терры. Когда его высаживали из «Победителя», ему вообще было не до того; десятью днями позже он провел несколько минут в аэрокаре, но ничего из увиденного не *грокк*. С тех пор его мир ограничивался домом, бассейном, садом, травой, деревьями, и он даже не выходил за калитку владений Джубала.

К тому же теперь он был более образован. Понимал, что такое окна, двери, понимал, что купол, под которым он сидит, предназначен для осмотра и что внизу под ним лежат города. С помощью девушек он отыскивал на карте, что светилась перед ним на экране, места, над которыми пролетал. Он до последнего времени даже не подозревал, что у людей есть карты. У Смита, когда он *грокк* карту, возникло приятное чувство тоски по дому. Она была статична и мертва в сравнении с картами его народа, но все же это была карта... По своей сути карты людей были сходны с марсианскими и потому — приятны.

Под ним, на ширину почти в двести миль, тянулась пригородная зона расползшегося величайшего в мире мегаполиса, и каждый ее дюйм он впитывал с неистребимым любопытством, стараясь его *грокк*. Майка поражали размеры земных городов и бьющая в глаза активность их жизни, столь отличная от похожих на монастырские сады городов его народа.

Смиту казалось, что города землян должны очень быстро изнашиваться и стареть от полного упадка сил, — так были они переполнены переживаниями, что только самые могучие Старейшие могли бы вынести посещение их улиц и *грокк* в созерцании событий и эмоций, громоздившихся друг на друга бесчисленными слоями. Он и сам побывал в заброшенных городах родной планеты, — было несколько таких незабываемых и ужасных случаев, пока его Учителя не прекратили такие посещения, *грокк*, что он еще недостаточно крепок для таких переживаний.

Вопросы, задаваемые Майком Джилл и Доркас, помогли ему *грокк* возраст городов. Этот город был построен меньше двух земных столетий назад. Поскольку земные единицы времени ничего не говорили Майку, он перевел счет в марсианскую систему, получив сто восемь марсианских лет (три заполненных плюс три ожидаемых периода, или $3^4 + 3^3$).

Ужасающе и прекрасно! Да, наверное, люди уже готовятся бросить город, предоставив его собственным думам, пока еще его стены не поникли под грузом накопленного опыта, и он не перестал быть... Хотя,

если брать в расчет абсолютное время, этот город всего-навсего город-«яйцо».

Майк хотел бы вернуться в Вашингтон столетие-другое спустя, мечтал пройти по его пустынным улицам и попробовать впитать в себя его бесконечную боль и прелесть, жадно *грокк*, пока он сам не станет Вашингтоном, а город им самим — Майком, если допустить, конечно, что к тому времени Смит станет достаточно выносив.

Майк отложил эту мысль, поскольку ему еще предстояло расти и расти, для того чтобы приобрести умение возносить хвалу и пестовать могучую тоску этого города.

Пилот «Грейхаунда» круто свернул на восток, чтобы обойти зону нерегулируемого движения (она была без ведома Майка порождена известием о его прибытии), и тут Майк увидел МОРЕ!

Джилл сказала ему, что все это вода. Доркас добавила, что это Атлантический океан, и показала его береговую линию на карте. Майк еще в то время, когда принадлежал к малышне, узнал, что следующая ближайшая к Солнцу планета чуть ли не вся покрыта Водой Жизни, а позже выяснил, что люди воспринимают это изобилие как самую что ни на есть банальность. Ему пришлось преодолеть один из самых трудных барьеров марсианской ортодоксальности и *грокк*, что церемония водного братства не обязательно требует воды. Вода была символом бытия, символом чудесным, и в то же время без самой жидкости можно было и обойтись.

Майк понял, что абстрактное знание — это совсем не то, что реальность. Атлантический океан преисполнил его таким благоговейным трепетом, что Джилл пришлось одернуть его:

— Майк, сиди спокойно!

Майк приглушил свои эмоции и припрятал их на будущее. Он смотрел на воду, простиравшуюся до горизонта, и пытался измерить ее, пока голова у него не загудела от множества цифр, возведенных в степень, помноженных друг на друга и снова возведенных в степень.

Когда они приземлились во Дворце, Джубал скомандовал:

— Помните, девочки, вы должны окружить его и не стесняться в крайних случаях пускать в дело локти и каблуки. Анни, ты будешь в тоге, но это не причина, чтобы не наступить на любимую мозоль тому, кто будет толкаться. Или тебе нельзя?

— Перестаньте метать икру, босс. Никто и никогда не толкнет Свидетеля, а, кроме того, на мне туфли с каблуками-гвоздиками, и вешу я побольше вашего.

— О'кей. Дьюк, отошли Ларри обратно на аэробусе и как можно скорее.

— Я это *грокк*, босс. Не дергайтесь.

— Захочу и буду дергаться. Пошли!

Харшоу, четыре девушки с Майком и Какстоном вышли из «Грейхаунда». Аэробус поднялся и улетел. Посадочная площадка не была забита народом, но и пустой ее назвать было трудно.

Какой-то человек вышел вперед и сказал дружелюбно:

— Доктор Харшоу? Я Том Бредли — старший личный помощник Генерального секретаря. Вам надлежит пройти в кабинет мистера Дугласа. Он примет вас до начала конференции.

— Нет.

Бредли моргнул.

— Вы, вероятно, не поняли. Таково распоряжение Генерального секретаря. О да, он велел передать, что если мистер Смит, — я хочу сказать, «Человек с Марса» — пожелает идти с вами, то — пожалуйста...

— Нет. Мы пройдем прямо в конференц-зал. Поручите кому-нибудь показать нам дорогу. А пока у меня есть для вас поручение. Мириам, где письмо?

— Но, доктор Харшоу...

— Я сказал — нет. Вы должны передать это мистери Дугласу немедленно и тут же принести мне его расписку. — Харшоу расписался поперек клапана конверта и приложил большой палец поверх подписи. — Скажите ему, чтобы он прочел сейчас же, до начала заседания.

— Но Генеральный секретарь желает...

— Секретарь желает увидеть это письмо. Молодой человек, у меня дар предвидения. Я предсказываю, что вы уже завтра вылетите отсюда, если будете терять

время, вместо того чтобы доставить письмо по назначению.

Бредли сказал:

— Джимми, проводи. — И унес письмо.

Джубал перевел дух. На письмо он затратил уйму сил. Он и Анни бодрствовали почти всю ночь, исписывая один черновик за другим, — Джубал намеревался уладить дело в открытом заседании, но не хотел заставить Генерального секретаря врасплох.

Вперед вышел человек, получивший распоряжение от Бредли. Джубал решил, что это один из тех притких молодых людей, что всегда на подхвате и тянутся к тем, кто сейчас в силе, чтобы делать за них грязную работу.

Человек улыбнулся и сказал:

— Мое имя Джим Санфорт. Доктор, я секретарь шефа по вопросам прессы. Я буду опекать вас с этой минуты — организовывать интервью и тому подобное. К сожалению, должен сообщить, что конференц-зал еще не готов. В последнюю минуту пришлось перевести заседание в большее помещение. Я думаю...

— А я думаю, что мы сразу же отправимся в зал заседания.

— Доктор, вы не поняли. Там тянут проводку, всюду провода, зал набит репортерами и...

— Отлично, мы поболтаем с ними.

— Но, доктор, у меня инструкции...

— Мальчик, вы можете взять свои инструкции, смять их, чтоб было побольше острых уголков, и засунуть себе... Мы пришли сюда с одной целью — начать открытые переговоры. Если конференция не подготовлена, мы увидимся с прессой, но в конференц-зале.

— Но...

— Вы задерживаете «Человека с Марса» на крыше, где дует. — Харшоу повысил голос. — Нет ли тут кого-то с капелькой мозгов в голове, чтобы провести нас в конференц-зал?

Санфорт сглотнул слюну.

— Следуйте за мной, доктор.

Конференц-зал кишел репортерами и техникой; там же находился огромный овальный стол, кресла и несколько меньших столиков. Майка сейчас же заметили и, несмотря на протесты Санфорта, напор толпы удер-

жать не удалось. Летучий отряд амазонок доставил Майка к большому столу. Джубал посадил его за стол, по сторонам сели Джилл и Доркас, а Честный Свидетель и Мириам сели за их спинами во втором ряду. После этого Джубал не отгонял ни камер, ни репортеров. Майка предупредили, что люди будут совершать странные поступки, и Джубал попросил его не принимать никаких неожиданных действий (вроде «исчезновения» или «остановки»), разве что его попросит об этом сам Джубал.

Майку суматоха была неприятна; Джубал держал его за руку, и от этого ему становилось немного легче.

Джубал считал, что чем больше нащелкают фотографий с Майка, тем лучше. Что касается вопросов, то он их не боялся. Недельное знакомство с Майком убедило его, что ни один репортер от Майка ничего не добьется без помощи эксперта. Обычай Майка понимать вопросы буквально и замолкать сводил к нулю всякие попытки выкачать из него информацию.

На большинство вопросов он отвечал: «Не знаю» и «Прошу прощения?».

Корреспондент агентства «Рейтер», предчувствуя вероятный спор о праве Майка на наследование, попытался провести собственное тестирование компетентности Майка:

— Мистер Смит, что вам известно о законах, касающихся наследования?

Майк знал, что он далеко не *грокк* человеческую концепцию собственности и в особенности раздел о завещании и наследовании, а потому решил строго придерживаться книги, в которой Джубал тут же узнал «Эли о наследовании и завещаниях», глава первая.

Майк без пропусков и выражения процитировал все, что он прочел, страницу за страницей, и зал погрузился в молчание, а спросивший заткнулся.

Джубал позволил продолжаться этому довольно долго, пока каждый репортер в зале не узнал куда больше, чем хотел бы, о вдовьей части, кровном родстве, единоутробии, подушевом разделе, передаче по доверенности и многом другом. Наконец Джубал сказал:

— Довольно, Майк.

Майк удивился.

— Там еще много осталось.

— Как-нибудь потом... Может быть, у кого-то есть вопросы по другим проблемам?

Репортер лондонской воскресной газеты воспользовался случаем и выскочил с оригинальным вопросом, всегда интересовавшим его нанимателя:

— Мистер Смит, нам ясно, что вам нравится женский пол. Вы когда-нибудь целовались с девушками?

— Да.

— И как вам это понравилось?

Майк ответил не задумываясь:

— Целовать девушку — благо. Это куда лучше, чем перекинуться в карточки.

Аплодисменты напугали Майка. Но он чувствовал, что ни Джилл, ни Доркас их не боятся. Они постарались разъяснить ему, что это всего лишь шумное выражение удовольствия, о котором он еще не слышал. Поэтому Майк успокоился и стал ожидать, что будет дальше.

Новых вопросов не последовало, но зато Майка ожидала большая радость: он увидел, как в боковую дверь входит знакомая фигура.

— Мой брат, доктор Махмуд! — И в полном восторге он перешел на марсианский язык. Семантик с «Победителя» помахал рукой, ответил на том же самом, раздражающем слух языке, и поспешил к Майку. Оба болтали на нечеловеческом диалекте, Майк быстро, Махмуд заметно медленнее, издавая звуки, похожие на удары носорожьего рога по стальной клетке.

Журналисты некоторое время слушали молча, те, у кого были диктофоны, записывали, те, у кого только блокноты, заносили туда свои впечатления. Наконец один из них не выдержал:

— Доктор Махмуд! Что вы ему говорили?

Махмуд ответил с пропуском гласных, что характерно для выпускника Оксфорда:

— Я преимущественно повторял: «Помедленнее, мальчик, пожалуйста, помедленнее».

— А он вам что?

— Все остальное личное, частное, никому не интересное. Приветствия, знаете ли. Старые друзья. — И он продолжил разговор на марсианском.

Майк рассказал собрату по воде обо всем, что с ним произошло после их последней встречи, так, чтобы они могли *грокк* лучше. Однако отбор фактов, сообщаемых Майком, был сделан, исходя из марсианских концепций, а потому затрагивал преимущественно его новых братьев по воде и рассматривал особенности каждого из них... ласковую водную гладь Джилл... глубину Анни... странный факт, которого он еще не *грокк* полностью, что Джубал иногда ощущается как «яйцо», а потом сразу как Старейший, но не есть ни то, ни другое, а ему больше всего соответствует ширь океана, который не подвластен для *грокк*.

Махмуд мог сообщить куда меньше о том, что с ним случилось, если исходить из марсианских стандартов, — один вакхический загул, которым вряд ли можно было гордиться, один долгий день, проведенный ничком на каменном полу вашингтонской мечети Сулеймана, результаты чего пока еще нельзя было *грокк* или даже обсуждать. Новых братьев по воде он не приобрел.

Потом он остановил Майка и протянул руку Джубалу.

— Вы — доктор Харшоу? Валентайн Майкл считает, что он представил меня вам... и по своим обычаям он прав.

Харшоу внимательно оглядел того, кому пожимал руку. Этот парень выглядел, как подлинный британец — охотник, стрелок, спортсмен, начиная от подчеркнуто поношенного дорогого твидового костюма до подстриженных щеточкой седых усов... Однако кожа была смугла, а гены, вызвавшие на свет божий этот нос, явно происходили из стран Леванта. Харшоу терпеть не мог подделок и всегда предпочитал кукурузную лепешку синтетическому филе.

Но Майк относился к Махмуду как к другу, а значит, он будет считаться другом до тех пор, пока не докажет обратного.

Махмуд же рассматривал доктора Харшоу как музейный экспонат того, что он называл «янки» — вульгарный, шумный, одетый слишком небрежно для данного случая, вероятно, невежественный и почти наверняка сугубо провинциальный. К тому же узкий специалист, что только ухудшало дело, так как по опыту доктора Махмуда, американские специалисты были плохо обра-

зованны и невероятно узкоспециализированны — скорее техники, чем специалисты. Ему вообще все американское казалось в высшей степени противным. Их вавилонское смешение религий, их кухня (тоже мне, кухня!), их манеры, их ублюдочная архитектура и слюнявое искусство, их наглая уверенность в собственном превосходстве, хотя звезда этого народа уже давным-давно закатилась. Их женщины. Больше всего их женщины, эти бесстыжие самовлюбленные бабы с костлявыми недокормленными телами, которые, тем не менее, почему-то вселяли в него тревожащие мысли о гуриях. Сейчас целых четыре таких окружали Валентайна Майкла, хотя эта конференция должна быть делом чисто мужским.

Но Валентайн Майкл представил этих людей, включая баб, представил гордо и серьезно, как своих братьев по воде, возложив, таким образом, на Махмуда узы более крепкие, чем те, что должны связывать, скажем, двоюродных братьев, ибо Махмуд основывал свое понимание марсианского термина, означающего такую расширяющуюся сеть связей, на своих наблюдениях за марсианами и не нуждался в неточном переводе, например, как «внутренне связанное сообщество» или даже «два явления, порознь равные третьему, равны между собой». Он видел марсиан дома. Ему была знакома их бедность (по земным стандартам); он испил (и понял, как мало) из богатства их культуры и *грокк* то первостепенное значение, которое марсиане придавали личностным отношениям.

Что ж, ничего другого не остается — он разделил воду с Валентайном Майклом, а теперь должен оправдать веру в него своего друга... Остается надеяться, что эти янки не такие уж непроходимые олухи.

Поэтому он тепло улыбнулся.

— Да, Валентайн Майкл объяснил мне, и он горд, что вы все (Махмуд воспользовался марсианским словом) с ним.

— А?

— Водное братство. Вы поняли?

— Я *грокк* это.

Махмуд очень сомневался, что Джубал *грокк*, но продолжил:

— Поскольку я нахожусь с ним в таких же отношениях, я хотел бы, чтобы меня рассматривали как члена этой семьи. Мне знакомо ваше имя, доктор, а это, я полагаю, мистер Какстон — я видел его портрет, предвещающий колонку, но мне хотелось бы знать, верно ли я угадал имена девушек. Эта должна быть Анни.

— Да. Но она сейчас в тоге.

— О, конечно. Я принесу ей дань своего уважения позже.

Харшоу познакомил его с остальными... и тут Джилл удивила Махмуда, обратившись к нему с правильным приветственным величанием, как и полагалось собрату по воде, хотя и произнесла его на три октавы выше, чем это сделал бы любой марсианин, но зато с очень чистым и болезненным для горла произношением. Это было одно из десятка слов, которые она научилась говорить из сотни понятных для нее. Это слово Джилл выучила лучше остальных потому, что Майк обращался с ним к ней по меньшей мере несколько раз в день.

Глаза доктора Махмуда широко раскрылись... Может быть, эти люди и в самом деле не такие уж невежественные варвары... У его юного друга отличная интуиция. Он тут же ответил Джилл другим величанием и склонился над ее рукой.

Джилл видела, что Майк в восторге. Ей удалось прокаркать самую краткую из девяти форм, которыми собрат по воде мог ответить на приветствие, хотя она и не *грокк* его и не могла бы выразить на английском его ближайший биологический эквивалент... и уж, разумеется, не человеку, с которым встретилась впервые.

Махмуд же, которому слова были ясны, воспринял лишь их символический смысл, а не буквальный (вообще невозможный для человека физически), и ответил как надо. Однако Джилл уже достигла своего потолка. Она не поняла, что сказал Махмуд, и не могла бы ему ответить даже по-английски.

И тут на нее снизошло озарение. На столе через определенные интервалы были расставлены графины с водой, окруженные стайками стаканов. Джилл взяла графин и наполнила водой стакан. Прямо посмотрев в глаза Махмуду, она сказала серьезно:

— Вода. Наше гнездо — ваше. — Прикоснулась к воде губами и протянула стакан Махмуду.

Он ответил ей по-марсиански, увидел, что она не поняла и перевел:

— Кто разделяет воду, тот разделяет все.

Махмуд отпил глоток и уже хотел отдать стакан обратно, но спохватился и передал его Харшоу.

Джубал сказал:

— Я не говорю по-марсиански, сынок, но спасибо за воду. Да не испытываешь ты никогда жажды. — Он отпил треть стакана и передал его Бену.

Какстон поглядел на Махмуда и спокойно произнес:

— Раста ближе. С Водой Жизни мы сближаемся. — Выпил и отдал Доркас.

Несмотря на серию прецедентов, Доркас замешкалась.

— Доктор Махмуд, вы знаете, насколько это серьезно для Майка?

— Знаю, мисс.

— Что ж... это так же серьезно и для нас. Вы понимаете? Вы *грокк*?

— Я *грокк* во всей полноте... Иначе я бы отказался от питья.

— Хорошо. Пусть у тебя всегда будет вода с избытком, и пусть наши яйца лягут в одно гнездо. — По щекам Доркас побежали слезы. Она выпила и быстро передала стакан Мириам.

Мириам шепнула:

— Спокойней, девочка, — а потом обратилась к Майку: — Водой мы встречаем нашего брата. — И, повернувшись к Махмуду: — Гнездо, вода, жизнь. — Мириам выпила воду. — Наш брат. — Она вернула ему стакан.

Махмуд выпил до дна и сказал, но уже на арабском:

— И если смешаешь ты их дела со своими, станут они тебе как братья.

— Аминь, — заключил Джубал.

Доктор Махмуд бросил на него быстрый взгляд, но решил не спрашивать, понял ли его Джубал — не то это было место, чтоб открывать свои собственные боли и сомнения. Тем не менее душа его отогрелась, как это

всегда бывает после водного ритуала, хотя он и отдает ересью.

Его размышления прервал суетившийся помощник главы протокольного отдела.

— Доктор Махмуд? Вам придется сесть подальше, доктор. Будьте добры, пройдите за мной.

Доктор Махмуд улыбнулся.

— Нет, мое место теперь тут. Доркас, могу я взять стул и сесть между вами и Майком?

— Конечно, доктор. Я подвинусь.

Помощник главы протокола начал бить копытом.

— Доктор Махмуд, я вас прошу! Согласно списку, вы сидите совсем в другой части зала. Генеральный секретарь может появиться каждую минуту, а зал кишит репортерами и Бог знает кем еще... Я просто не представляю, что делать...

— Тогда, парень, тебе лучше заняться чем-нибудь другим, — посоветовал Джубал.

— Что?! Да вы-то кто такой? Вы-то есть в списке? — И он начал нервно копаться в своих листках.

— А ты кто такой? — спросил Джубал. — Главный официант, что ли? Я — Джубал Харшоу. Если меня нет в твоем списке, можешь разорвать его к чертям собачьим. Слушай, голубок, если «Человек с Марса» хочет, чтобы доктор Махмуд сидел с ним рядом, дело кончено.

— Но он не может тут сидеть! Кресла у стола переговоров предназначены только для министров, глав делегаций, судей Высшего Суда и лиц, приравненных к ним по рангу... и я не знаю, как мне их разместить, если появится кто-нибудь еще... Ну и «Человек с Марса», разумеется.

— Разумеется, — согласился Джубал.

— А доктор Махмуд должен сидеть неподалеку от Генерального секретаря, сразу же за его спиной, чтобы помочь в любую минуту с переводом. И должен сказать, что вы мне ничем не помогаете.

— Сейчас я тебе помогу, — сказал Джубал, выхватив список из рук чиновника. — Гм... посмотрим... «Человек с Марса» сидит напротив Генерального секретаря, почти там, где он сидит сейчас. Затем, — Джубал взял карандаш и с его помощью атаковал план, —

эта половина от сих до сих принадлежит «Человеку с Марса». — Джубал поставил две черточки и соединил их жирной дугой, а затем начал вычеркивать одну фамилию за другой, из тех, что были написаны против кресел на этом участке стола. — Вот я и сделал за вас половину работы. А кого я буду рассаживать на своей половине — это уж моя забота.

Сотрудник протокола был слишком шокирован, чтобы возражать. Губы его шевелились, но ни одного звука с них не слетало. Джубал взирал на него добродушно.

— Что-нибудь еще вас беспокоит? О, я совсем забыл — документ должен быть подписан. — И он нацарапал под исправлениями «Дж. Харшоу за В. М. Смита». — Давай-ка скажи к своему старшему сержанту, сынок, и покажи ему это. Скажи, пусть просмотрит «Свод правил приема лиц, прибывших с официальным визитом с дружеских планет».

Чиновник открыл рот и убежал, забыв его захлопнуть. Он вернулся в сопровождении более пожилого мужчины. Новоприбывший заговорил тоном, не терпящим возражений.

— Доктор Харшоу, я — Ла Рю, глава протокола. Вам что — действительно нужна половина стола? Я слышал, что ваша делегация весьма малочисленна.

— Дело не в этом.

Ла Рю усмехнулся.

— Боюсь, что именно в этом. Я и без того теряю голову, борясь за каждый дюйм площади. Почти все официальные лица высшего ранга решили присутствовать. Если вы ожидаете еще людей, хотя вам бы следовало поставить меня в известность об этом заранее, то я поставлю стол позади тех двух мест, которые зарезервированы для вас с мистером Смитом.

— Ни в коем случае.

— Боюсь, что будет именно так. Очень сожалею, но...

— И я тоже сожалею, но о вашей судьбе. Потому что, если половина стола не будет отведена Марсу, мы покидаем зал. Скажите Генеральному секретарю, что вы провалили конференцию своей грубостью по отношению к «Человеку с Марса».

— Вы, конечно, шутите?

— Вы что — не слышали сказанного?

— Хм... я принял это за шутку.

— Я тут не для того, чтобы шутки шутить, сынок. Смит — или глава другой планеты, прибывший с официальным визитом к главе правительства этой планеты, и в таком случае ему положены все прислужники и танцоры, которых вы можете выставить, или же он просто турист, и никаких официальных почестей ему не положено. И то и другое вперемешку не получится. Оглянись-ка да сосчитай своих «официальных лиц высшего ранга», как вы их зовете, и подумай, были бы они тут, если, по их мнению, Смит всего лишь турист.

Ла Рю сказал медленно:

— Такого прецедента не было.

Джубал фыркнул.

— Я видел, как в зал входил глава Республики Луна, так сходи и расскажи ему насчет прецедента. А потом уходи сразу в оборону, я слышал, что у него очень скверный характер. Но, сынок, я старик, я сегодня плохо спал, и не мое дело учить тебя твоей работе. Скажи мистеру Дугласу, что мы увидимся как-нибудь на днях... когда он будет готов принять нас, как должно. Пошли, Майк. — И он начал с трудом выбираться из-за стола.

Ла Рю поспешно переменял тон:

— Нет, нет, мистер Харшоу! Мы эту сторону стола очистим. Я... я что-нибудь придумаю. Это ваши места.

— Так-то лучше. — Харшоу все еще делал вид, что встает. — Но я не вижу марсианского флага. И как там насчет почестей?

— Боюсь, я не понимаю вас...

— Наверно, я сегодня очень плохо говорю по-английски. Смотрите, видите, там, где будет сидеть Генеральный секретарь, висит знамя Федерации? А где другое — знамя Марса?

Ла Рю захлопал глазами.

— Должен сказать, вы меня ошеломили. Я не знал, что у марсиан есть флаги.

— У них нет. И вам, надо думать, в голову не придет, что они используют в официальных случаях (мне тоже, мой мальчик, но это сюда не относится). Поэтому мы не станем придирааться к вам и отпустим,

чтобы вы немедленно занялись этим делом. ...Мириам! Лист чистой бумаги! Вот смотрите. — Харшоу взял лист и набросал известный символ Марса — круг с отходящей от него вправо и вверх стрелкой. — Фон белый, а символ — красный... Надо бы, конечно, вышить это шелком, но с помощью простыни и краски любой бойскаут сумеет симпровизировать по-быстро-му... Вы были бойскаутом?

— Хм... Это было так давно...

— Вот и отлично. Вы же помните их девиз... Ну а как насчет почестей? Надо думать, когда войдет Генеральный секретарь, оркестр заиграет «Хайль, Суверенный Мир»?

— Да, мы всегда так делаем...

— Тогда помимо этого вы должны сыграть и гимн Марса!

— Я не знаю, как это сделать. Даже если такой и есть... мы его не имеем... Доктор Харшоу, будьте же благоразумны...

— Слушай, сынок, я-то как раз благоразумен. Мы пришли сюда ради скромной торжественной встречи. И обнаружили, что вы тут все превратили в цирк. Что ж, если у вас цирк, то вам понадобятся и слоны. Мы знаем, что вы так же способны исполнить марсианскую музыку, как какой-нибудь малыш — симфонию на своем свистке. Но вы-то можете сыграть «Симфонию девяти планет»? Грокк это дело? Я хочу сказать, сечете? Включите пленку там, где начинается тема Марса, и сыграйте столько тактов, сколько будет необходимо, чтобы публика поняла, что это такое.

Ла Рю задумался.

— Да, полагаю, это мы сможем, но, доктор Харшоу, я не знаю, сможем ли мы обещать вам почести, надлежащие суверену, даже в таком импровизированном виде... у меня таких полномочий нет.

— И смелости нет, — с горечью отозвался Джу-бал. — Ладно, нам цирк не нужен, а потому сообщите мистеру Дутласу, что мы вернемся, когда он будет посвободнее. Приятно было поболтать с тобой, сынок. Когда мы вернемся, встречай нас у входа в кабинет Генерального, если, конечно, ты еще будешь занимать свое кресло. — И он снова разыграл в замедленном

темпе трагедию старого больного человека, которому трудно вылезать из кресла.

Ла Рю воскликнул:

— Ради Бога, доктор Харшоу, не уходите... хм... секретарь не появится, пока я не сообщу ему, что все готово, поэтому разрешите мне сделать все, что будет в человеческих силах... Хорошо?

Харшоу с кряхтением сел обратно.

— Валяйте. И еще одно, раз уж вы тут. Я слышал какой-то шум и понял, что кое-кто из команды «Победителя» прорывается в зал. Это друзья Смита, так что впустите их. Мы их уж как-нибудь посадим. Надо же заполнить эту половину стола! — Харшоу вздохнул и потер поясницу.

— Слушаюсь, сэр, — очень неохотно согласился Ла Рю и ушел.

Мириам шепнула:

— Босс, вы что, вывихнули спину, стоя на ушах прошлым вечером?

— Тихо, девчонка, а то отшлепаю!

Доктор Харшоу с удовлетворением оглядел зал, который продолжал наполняться высокими гостями. Он сказал Дугласу, что хочет иметь скромные неофициальные переговоры, прекрасно понимая, что объявление о них привлечет не только сильных мира сего, но и тех, кто хочет стать сильными, и они все слетятся сюда, как мошкара на огонь. И теперь (он был уверен в этом) эти набобы станут относиться к Майку как к суверену, а весь мир будет на это смотреть. Пусть они после этого попробуют взирать на Майка сверху вниз!

Санфорт утихомиривал репортеров, несчастный помощник главы протокола носился, как нервная нянька, пытающаяся решить неразрешимую задачу и рассадить многочисленных гостей на детском музыкальном празднике, где явно не хватает стульев. А именитые личности все входили и входили в зал, и Джубал понял, что Дуглас и не намеревался начать конференцию раньше одиннадцати и что все они были предупреждены об этом, — лишний час был предназначен для неофициальной встречи с Джубалом, от которой тот отказался. Что ж, эта отсрочка Джубала вполне устраивала.

Вошел лидер Восточной Коалиции. Так получилось, что мистер Кунг не был даже главой официальной делегации своей страны. Его статус, если подходить формально, был всего лишь статусом члена Ассамблеи, но Джубал не удивился, когда увидел, как помощник шефа протокола бросил все и кинулся усаживать главного политического противника Дугласа за большой стол, рядом с креслом Генерального секретаря. Это лишь укрепило Джубала в мысли, что Дуглас далеко не дурак.

Доктор Нельсон, хирург с «Победителя», и капитан Ван Тромп, шкипер корабля, вошли вместе, и Майк приветствовал их с восторгом. Джубал был очень рад их появлению, так как это давало возможность мальчику поработать для камер, вместо того чтобы сидеть неподвижно, как кукла. Возникшее небольшое смещение Джубал использовал для того, чтобы всех рассадить по-новому. Он усадил Майка прямо напротив места Генерального секретаря, сам сел слева от него так, чтобы можно было в случае нужды подтолкнуть Майка. Поскольку у того были весьма сумбурные понятия о манерах людей, Джубал договорился с ним о некоторых сигналах, столь же незаметных, как и те, что используются для дрессировки лошадей в школах верховой езды: «встань», «сядь», «поклонись», «пожми руку». Разница была лишь в том, что Майк был отнюдь не лошадью, и на всю тренировку ушло минут пять, результат же был почти идеальный.

Махмуд оторвался от своих корабельных друзей и подошел к Джубалу.

— Доктор, шкипер и хирург — тоже братья по воде нашего брата, и Валентайн Майкл хочет подтвердить это повторением ритуала, в котором мы все приняли участие недавно. Я велел ему подождать. Вы одобряете?

— Что? Ну конечно. Но не в этой толкучке. (Черт его знает, сколько еще братьев у Майка). Может быть, вы втроем пообедаете с нами, когда все закончится? Мы сможем перекусить и поболтать без помех.

— Буду польщен. Уверен, что и те двое согласятся.

— Отлично. Доктор Махмуд, не знаете ли вы, сколько еще здесь может появиться братьев нашего брата по воде?

— Нет. Во всяком случае, на «Победителе» их больше нет. — Махмуд не решился задать аналогичный вопрос Джубалу, поскольку это могло выдать его собственные сомнения, когда он впервые узнал о значительном расширении круга своих новых родичей. — Так я скажу Старику и Нельсону?

Джубал увидел, как за главный стол сажают папского нунция, и ухмыльнулся про себя, — если этот длинноухий осел Ла Рю имел какие-то сомнения насчет официального характера этой встречи, ему придется с ними распрощаться.

Кто-то хлопнул Харшоу по плечу.

— Это тут обретается «Человек с Марса»?

— Здесь, — подтвердил Харшоу.

— Я — Том Бун, то есть сенатор Бун, и у меня есть для него послание от архиепископа Дигби.

Джубалу пришлось думать с аварийной скоростью.

— Я — Джубал Харшоу, сенатор. — И он подал Майку знак встать и пожать руку. — А это мистер Смит. Майк, это сенатор Бун.

— Как поживаете, сенатор Бун? — произнес Майк в стиле лучших танцевальных залов.

Он рассматривал Буна с интересом. Его уже информировали, что слово «сенатор» не означает «Старейший», хотя, казалось бы, это вытекало из буквального значения термина. Но посмотреть на сенатора было все равно интересно. Он решил, что чего-то не *грокк*.

— Благодарю вас, отлично, мистер Смит. Я не отниму у вас много времени. По-моему, они уже собираются начать этот спектакль. Мистер Смит, архиепископ Дигби просил меня передать вам персональное приглашение присутствовать на богослужении в храме архангела Фостера Церкви Нового Откровения.

— Прошу прощения?

Джубал вмешался:

— Сенатор, как вы знаете, многое... почти все ново для «Человека с Марса»... но случилось так, что мистер Смит видел одну из ваших служб по стерео.

— Это совсем не то...

— Я знаю. Он выразил большой интерес и задал множество вопросов, на которые я, к сожалению, не смог ответить...

Бун пристально посмотрел на него.

— Вы не принадлежите к числу Верных?

— Должен признаться, нет.

— Тогда приходите и вы. Для грешника всегда есть надежда.

— Благодарю вас, с удовольствием. (Обязательно приду, дружок, неужели же я пушу в ваше логово Майка одного?)

— В следующее воскресенье? Я предупрежу архиепископа Дигби.

— В следующее воскресенье, если будет возможно, — поправил его Джубал. — Мы ведь можем оказаться и в темнице.

Бун усмехнулся.

— От этого никто не застрахован, верно! Тогда подайте весточку мне или архиепископу, и вас выпустят незамедлительно. — Он оглядел зал. — Вроде бы, стульев маловато. Простому сенатору никак не пробиться через толпу этих расталкивающих друг друга локтями типчиков.

— Так, может, вы окажете нам честь и присоединитесь к нашей компании, — вежливо отозвался Джубал, — за этим столом?

— Как? Благодарю вас, сэр! С большим удовольствием. У вас тут — все равно что на ринге.

— Разумеется, — добавил Харшоу, — если вы не опасаетесь последствий того, что сели с марсианской делегацией. Мы совсем не собираемся загонять вас в угол и причинять неприятности.

Бун почти не колебался.

— Да ради Бога! Между нами, девочками, архиепископ очень, очень интересуется этим молодым человеком.

— Отлично. Вон тот стул возле капитана Ван Тромпа. Вы, возможно, знаете капитана?

— Ван Тромпа? Как же, как же, мы с ним старые друзья, знаю его прекрасно, не раз встречались на приемах! — Сенатор Бун кивнул Смиту, важно проследовал к указанному ему стулу и уселся.

Поток входивших мимо стражей в двери ослабевал. Джубал видел, как назревают ссоры из-за мест, и заметно нервничал. Наконец он не выдержал, так как

не мог выносить подобное безобразие, поговорил о чем-то с Майком, уверился, что, хотя тот не понимает зачем, но чего от него хочет Джубал, ему ясно.

— Джубал, я согласен...

— Спасибо, сынок.

Джубал встал и подошел к группе из трех человек: помощника главы протокола, главы уругвайской делегации и человека, казавшегося раздраженным и недоумевающим. Уругваец говорил:

— Если вы его посадите, вам придется подыскивать места для всех глав местных администраций — человек этак восьмидесяти или даже больше. Это территория Федерации, и никакие главы отдельных государств не имеют здесь преимуществ перед прочими. Если исключение будет сделано...

Джубал прервал говорящего, адресуясь к третьему члену этой группы:

— Сэр! — Он подождал, чтобы все обернулись к нему и замолчали, после чего выпалил: — «Человек с Марса» просил меня передать вам его просьбу оказать ему великую честь сесть рядом с ним... если, конечно, дела не требуют вашего присутствия в других местах.

Человек, видимо, удивился, а затем широко улыбнулся.

— Конечно, с удовольствием. Мне очень приятно...

Оба других — чиновник и уругвайский сановник — начали было возражать, но Джубал повернулся к ним спиной.

— Поспешим, сэр, у нас мало времени.

Он видел, как в зал входят служители, неся нечто вроде подставки для рождественской елки и запачканной чем-то красным простыни; это, разумеется, был «марсианский флаг». Когда, торопясь, они подошли, Майк встал им на встречу.

Джубал произнес:

— Сэр, разрешите представить вам Валентайна Майкла Смита. Майк, это Президент Соединенных Штатов.

Майк отвесил глубокий поклон.

Они еле успели усадить Президента справа от Майка, когда рядом водрузили «знамя Марса». Зазвучала музыка, все встали, и чей-то голос объявил:

— Генеральный секретарь!

Глава 20

Джубал подумал, не оставить ли Майка сидеть, когда войдет Дуглас, но отверг эту мысль. Он не хотел ставить Майка выше Дугласа, а хотел просто дать всем понять, что это встреча между равными. Поэтому он встал и сделал знак Майку сделать то же самое. Большие двери в задней части зала широко распахнулись при первых звуках «Хайль, Суверенный Мир», и вошел Дуглас. Он проследовал к своему креслу и стал садиться.

В ту же минуту Джубал сделал знак Майку сесть, в результате чего оба сели одновременно и с довольно значительным интервалом во времени в сравнении с остальными присутствовавшими.

Джубал замер, прислушиваясь. Что там Ла Рю? Он, правда, не обещал невозможного...

Гул колокольного набата интродукции «К Марсу» наполнил зал — тема Бога Войны, возбуждающая аудиторию, даже подготовленную к ней. Глядя в упор на Дугласа, который смотрел на него, Джубал вскочил с кресла, как рекрут по приказу «смирно».

Дуглас встал не так быстро, но без задержки.

Майк, однако, не встал — Джубал не подал сигнала. Он продолжал сидеть, ничуть не смущенный тем, что все присутствующие поднялись на ноги вслед за

Генеральным секретарем. Майк лично ничего в церемонии не понимал и был вполне удовлетворен тем, что выполнил пожелание брата по воде.

Джубал обдумывал этот вопрос все время после того, как выдвинул свое требование исполнить гимн Марса. Если требование будет выполнено, как должен вести себя Майк? Ответ заключается в той роли, которую играет Майк в этой комедии...

Музыка оборвалась. По сигналу Джубала Майк встал, поклонился и опустился в кресло, сев в него чуть раньше, чем это сделал Генеральный секретарь и все остальные. На этот раз они садились быстрее, так как никто не пропустил того важного обстоятельства, что Майк сидел во время исполнения гимна.

Джубал вздохнул с облегчением. Пронесло! Много лет назад ему пришлось видеть представительницу одного из вымерших ныне королевских родов (правящую королеву), принимавшую парад, — и он заметил, что коронованная леди склонила голову *после того*, как был исполнен гимн, она как бы благодарила за салют, произведенный в ее честь как суверена.

Что же касается демократического главы, то он при исполнении своего национального гимна встает как и любой другой гражданин — он не суверен.

Как указал немного раньше Джубал в разговоре — тут следовало выбирать что-то одно: или Майк частное лицо, и в таком случае все эти цирлихи-манирлихи ни к чему, или, с учетом духа и буквы «Решения Ларкина», он суверен и стоит особняком.

Джубал с удовольствием угостил бы сейчас Ла Рю понюшкой табаку. Было ясно, что намек дошел: папский нунций сохранял спокойное выражение лица, но в его глазах прыгали смешинки.

Дуглас заговорил:

— Мистер Смит, мы горды и счастливы видеть вас в качестве своего гостя. Мы надеемся, что и вы будете считать Землю своим домом, таким же, как и ту планету, на которой вы родились — нашего соседа... нашего доброго соседа — Марс...

Он продолжал выводить приятные округлые фразы. Майка приветствовали то ли как суверена, то ли как

туриста, то ли как гражданина этой страны, вернувшегося домой, — сказать было трудно.

Джубал следил за Дугласом, надеясь увидеть хоть какой-нибудь знак того, как воспринято присланное ему Джубалом письмо. Наконец Дуглас закончил, не сказав ничего, но зато произнес все отлично.

Джубал шепнул:

— Ну, Майк!

Смит обратился к Генеральному секретарю... по-марсиански.

Вдруг он оборвал свою речь и перешел на английский:

— Мистер Генеральный секретарь Федерации Свободных Наций планеты Земля... — И снова перешел на марсианский. Затем снова по-английски: — ...мы благодарим вас за сегодняшний прием. Мы передаем вам привет от Древних Марса... — И опять заговорил по-марсиански.

Джубал считал «Древних Марса» великолепной находкой; это звучало лучше «Старейших», да и Майк не возражал... Идея чередования марсианских и английских кусков принадлежала Джилл, и Джубал горячо подхватил ее, сказав, что предложение Джилл превратило формальную маленькую речь, столь же лишенную реального содержания, как предвыборные обещания, в нечто глубоко впечатляющее — вроде вагнеровской оперы (и столь же туманное).

Майку-то было все равно. Он мог включить отрывки из марсианских стихов и прочесть их так же легко, как легко произносил затверженные им английские фразы. Если его собратьям по воде хотелось услышать именно эти слова, Майку доставляло радость их цитировать.

Кто-то тронул Джубала за плечо и вложил ему в руку конверт, шепнув: «От Генерального секретаря». Джубал взглянул и увидел Бредли, быстро уходявшего прочь. Джубал открыл конверт и заглянул внутрь.

Записка содержала только одно слово «Да» и была подписана инициалами «Д.Э.Д.» знаменитыми зелеными чернилами.

Майк закончил речь замечательно бессодержательной фразой. Джубал услышал свои собственные слова:

«...сближение ко взаимной выгоде обоих миров... каждый народ, согласно особенностям своей природы...»

Затем Дуглас поблагодарил «Человека с Марса» коротко, но очень тепло.

Джубал поднял глаза и увидел, что Дуглас смотрит на него.

Джубал кивнул, Дуглас отвел глаза в сторону. Конференция окончилась, осталось лишь объявить миру ее результаты.

Джубал встал.

— Мистер Генеральный секретарь!

— Да, доктор Харшоу?

— Мистер Смит находится тут как бы в двух ипостасях. Подобно путешествующим принцам нашей собственной великой расы, пересекавшим на караванах верблюдов и под парусами огромные, еще не нанесенные на карту пространства, чтобы посетить далекую страну, он принес добрые пожелания древних властителей Марса. Но он еще и человек, гражданин Федерации и Соединенных Штатов, и как таковой он имеет права, собственность и обязанности, — Джубал покачал головой, — и весьма сложные к тому же. Как адвокат, имеющий прямое отношение к его второй ипостаси — человека и гражданина, — я рылся в его делах, но мне не удалось даже составить полный список того, чем он владеет, а уж о том, что сказать сборщикам налогов, я и помыслить не могу. — Джубал, тяжело дыша, остановился, чтобы все смогли оценить шутку. — Я уже старик и могу не дожить до завершения этой работы. Вы знаете, что у моего клиента нет достаточного опыта в делах, человеческого опыта, так как марсиане все делают иначе. Но он юноша большого ума, — всему миру известно, что его родители были гениями, а он унаследовал их способности. Нет сомнения в том, что через несколько лет он мог бы, если бы захотел, справиться сам без помощи старого и сломленного жизнью юриста. Но его дела требуют внимания *сейчас*. Дела ждать не могут.

Мистер Смит, однако, больше интересуется историей, искусством и обычаями людей, то есть своего второго мира, нежели долговыми обязательствами, акциями, гонорами, и я считаю это разумным.

Мистер Смит обладает практическим умом, который продолжает восхищать меня и поражает всех, кто сталкивается с ним. Когда я разъяснил ему все трудности, он одарил меня ясным взглядом и сказал: «Никакой проблемы я тут не вижу, Джубал. Мы попросим мистера Дугласа». — Джубал помолчал и спросил с беспокойством: — Все остальное — это, пожалуй, дела личные, мистер секретарь. Могу ли я побеседовать с вами наедине? А этих леди и джентльменов можно, вероятно, отпустить по домам?

— Продолжайте, мистер Харшоу. — И мистер Дуглас добавил: — Протокольная встреча закончена. Всякий желающий выйти, может это сделать.

Но никто не ушел.

— Хорошо, — продолжал Джубал, — суть дела можно изложить в одной фразе. Мистер Смит хочет, чтобы вы взяли на себя роль его поверенного в делах, с полным правом распоряжаться всем его наследством.

Дуглас выглядел искренне удивленным.

— Это в высшей степени неожиданное предложение, доктор.

— Я это знаю, сэр. Я сказал ему, что вы самый занятой человек на нашей планете и просто у вас не хватит времени заниматься еще и его делами. — Джубал покачал головой и улыбнулся. — Однако я, видимо, не сумел произвести на него должного впечатления. На Марсе, кажется, чем больше данное лицо занято, тем больше от него ждут. Мистер Смит просто сказал: «Мы можем попросить его». Вот я и прошу вас. Разумеется, мы не ожидаем немедленного ответа — это было бы нарушением марсианских обычаев — марсиане никогда не спешат. В еще большей степени они не любят осложнять проблемы. Никаких обязательств, никаких аудиторских проверок и подобных дешевых трюков — просто письменная передача власти поверенному, если вам так угодно. Мистеру Смигу все равно, он готов сделать это хоть сию минуту, устно и в присутствии всех. Это еще один марсианский обычай: если марсианин верит вам, он верит вам во всем. О, я должен добавить, мистер Смит обращается не к Генеральному секретарю, он просит одолжения у Джозефа Эджертона Дугласа, то есть лично у вас. Если вы удалитесь с

общественной сцены, это никак не отразится на соглашении. Тот, кто заменит вас в должности, никакого отношения к этому делу иметь не будет. Мистер Смит верит вам, а вовсе не тому, кто случайно займет место в Октагоне этого Дворца.

Дуглас поклонился.

— Независимо от моего ответа, благодарю вас за честь, хотя и не чувствую себя достойным ее.

— А если вы откажетесь от этого предложения, или не сможете его принять, или примете его сейчас, а потом захотите от него избавиться, или что-то еще в этом роде, мистер Смит остановит свой выбор на Бене Какстоне. Встаньте, Бен. Дайте людям посмотреть на вас. А если не сможет ни Бен, ни вы, то следующий выбор его... Впрочем, пожалуй, пока лучше обойтись без имен... Скажу лишь, что в списке их несколько... хм... дайте-ка подумать... — Джубал, казалось, потерял нить размышлений. — Отвык говорить стоя. Мириам, где тот листок, на котором мы сделали запись?.. — Он взял листок бумаги и добавил: — Лучше отдай мне и копии. — Мириам протянула ему толстую пачку листов. — Вот памятная записка, которую мы подготовили для вас... или для Какстона, если дела примут такой оборот. Ммм... так-так... ах, да... поверенный сам назначит себе оплату в зависимости от собственной оценки сложности работы, но не меньше, чем... ну тут названа сумма и весьма значительная... никого не касается, конечно... Поверенный должен положить деньги на открытый счет для покрытия расходов на жизнь владельца и... хм... хм... да, мы подумали, что вам может быть уютно воспользоваться услугами Шанхайского банка, скажем, в роли банка-хранителя и, скажем, Ллойда в качестве вашего делового агента... или наоборот, только ради того, чтобы застраховать ваше доброе имя и славу. Но инструкции мистера Смита не обязательны... имеет место просто ничем не ограниченная передача власти, аннулирование которой производится по соглашению обеих сторон. Но читать это я не буду... иначе зачем было все писать? — Джубал растерянно оглянулся вокруг. — Хм... Мириам, обойди стол и отдай это Генеральному секретарю, умница. Что касается копий, то я оставляю их тут. Если захотите,

можете раздать их, а возможно, они вам пригодятся самим. О, одну я передам, пожалуй, мистеру Какстону. Вот она, Бен. — Джубал недоуменно оглядел присутствующих. — Хм... думаю, что это все, мистер секретарь. Вы что-нибудь хотите сказать нам?

— Одну минуту. Мистер Смит?

— Да, мистер Дуглас?

— Вы действительно хотите этого? Вы хотите того, что изложено в этой бумаге?

Джубал перевел дух, не смея взглянуть на своего клиента. Майка тренировали на такой вопрос... но было невозможно угадать точную форму, в которую он будет облечен, и того, в какой степени буквальное повторение заученного совпадет с этой формой.

— Да, мистер Дуглас. — Голос Майка раскатился по залу и по миллиарду комнат всей планеты.

— Вы хотите, чтобы я вел ваши дела?

— Будьте так добры, мистер Дуглас. С вашей стороны это было бы добрым делом. Я буду вам очень признателен.

Дуглас прикрыл глаза.

— Что ж, все ясно. Доктор, я не скажу пока о своем решении, но вы получите ответ в ближайшее время.

— Благодарю вас, сэр. Благодарю за себя и за своего клиента.

Дуглас стал вставать. И тут раздался голос члена Ассамблеи Кунга.

— Одну минуту! А как же «Решение Ларкина»?

Джубал перехватил инициативу.

— Ах, да, «Решение Ларкина»! Я слышал столько болтовни, связанной с этим решением, причем, главным образом, со стороны совершенно безответственных лиц. Мистер Кунг, а что вы имеете в виду?

— Это я вас спрашиваю... Или вашего клиента... Или Генерального секретаря.

Джубал мягко спросил:

— Можно, я отвечу, мистер секретарь?

— Пожалуйста...

— Превосходно. — Джубал вынул из кармана носовой платок и прочистил нос, испустив при этом трубный звук по меньшей мере на три октавы ниже среднего

«си». Он поглядел Кунгу прямо в глаза и сказал очень серьезно: — Мистер член Ассамблеи, я обращаюсь к вам, так как знаю, что нет необходимости обращаться к правительству в лице Генерального секретаря. Много лет назад, когда я был мальчишкой, мы с моим приятелем создали клуб. Поскольку существовал клуб, то должен был существовать и устав. И первое правило устава, принятое нами единогласно, гласило, что с этого времени мы будем называть наших матерей «брюзгами». Глупо, конечно. Но мы были тогда юны... Мистер Кунг, вам ясны последствия?

— Я не понимаю вас, доктор Харшоу.

— Я применил наше решение насчет «брюзги» только раз. Этого было достаточно и спасло моего друга от последствий повторения такой ошибки. А все, что я получил, так это хорошую порку веткой персикового дерева. Таков был печальный финал «Решения "Брюзга"». — Джубал прочистил горло. — Зная, что кто-нибудь захочет поднять эту несуществующую проблему, я попробовал объяснить «Решение Ларкина» моему клиенту. Ему было трудно представить себе, что подобная юридическая фикция может быть применена к Марсу. Марс обитаем. Обитаем древним и мудрым народом — гораздо более древним, чем наш, сэр... и, возможно, и более мудрым. Но, когда он понял, он... очень долго смеялся. Именно так, сэр; ему это показалось весьма забавным. Однажды — и только однажды — я недооценил способность моей матери наказывать меня. Урок был не таким уж и болезненным. Но наша Земля вряд ли может позволить себе получить его в планетарном масштабе. Прежде чем мы начнем продавать земли, которые нам не принадлежат, нам следовало бы подумать о том, какого рода персиковые розги висят в каждой марсианской кухне.

Кунг все же не был убежден.

— Мистер Харшоу, если «Решение Ларкина» всего лишь мальчишеская глупость, то почему мистеру Смитту были возданы королевские почести?

Джубал пожал плечами.

— Этот вопрос следовало бы задать правительству, а не мне. Но я могу сказать вам, как я понимаю это

дело. А понимаю его как элементарную вежливость... по отношению к Древним Марса.

— Извините?

— Мистер Кунг, эти почести не были эхом «Решения Ларкина». В некотором смысле, трудно понятном для землян, мистер Смит и есть планета Марс.

Кунг не дрогнул.

— Продолжайте.

— Или вернее — его марсианская раса. В лице Смита нас посетили Древние Марса. Почести, оказанные ему — оказаны им, а причиненный ему вред — вред причиненный им. Это так и есть как в буквальном, так и в трудно представимом для человека смысле. С нашей стороны было очень мудро воздать почести нашим, теперь уже близким соседям. Но эта мудрость не имеет ничего общего с «Решением Ларкина». Никакое ответственное лицо не высказывалось в том смысле, что «Решение Ларкина» может быть применимо к обитаемой планете, и я возьму на себя смелость сказать, что такого не произойдет и впредь. — Джубал возвел очи горе, как бы прося небо о помощи. — Но, мистер Кунг, разрешите мне заверить вас, что древние правители Марса знают, как мы встречаем их посла. Почести, оказанные ему, были символом вежливости, и я уверен, что правительство нашей планеты проявило в этом государственную мудрость. В свое время и вы убедитесь, что это был очень разумный поступок.

Кунг ответил грубовато:

— Доктор, если вы хотели запугать меня, то вам это не удалось.

— А я и не пытался. Но, к счастью, для благоденствия этой планеты, ваше мнение роли не играет. — Джубал повернулся к Дугласу. — Мистер секретарь, мне давно уже не приходилось так долго бывать на людях... и я очень утомился. Можно нам отдохнуть, пока мы будем ожидать вашего решения?

Глава 21

Совещание закончилось. Джубал обнаружил, что его намерению быстро увести свою команду мешают Президент Соединенных Штатов и сенатор Бун. Оба они поняли, как выгодно им показать свою близость к «Человеку с Марса», и оба знали, что глаза всего мира направлены на них.

За ними надвигались толпы других политиканов.

Джубал быстро проговорил:

— Мистер Президент, сенатор, мы сейчас же уходим, чтобы позавтракать. Не желаете ли присоединиться к нам?

Он полагал, что справиться с этими двумя в дружеской компании будет легче, чем с полудюжиной других на людях, и ему не терпелось увести отсюда Майка, пока что-нибудь не сорвалось.

К его радости, у обоих оказались неотложные дела. Джубалу, однако, пришлось не только дать обещание привести Майка на это гнусное богослужение фостеритов, но еще пообещать нанести визит в Белый Дом. Впрочем, в случае чего мальчугана можно будет объявить больным.

— Девочки, пошли!

На крышу Майка сопровождала Анни, с которой все встречные раскланивались, пораженные ее ростом, скандинавской красотой и впечатляющей тогой. Джубал, Бен, офицеры «Победителя» прикрывали тыл. Ларри с аэробусом уже ждал их. Через несколько минут пилот доставил всю компанию на крышу «Нью Мейфлауэра». Здесь их окружили репортеры, но девушки охраняли Майка вплоть до дверей номера, который был снят Дьюком. Делом своим девушки занимались с энтузиазмом. Мириам и Доркас выказали решительность, напомнившую Джубалу кошек, защищающих своих котят. Репортер, приблизившийся фута на три, рисковал понести серьезный ущерб от каблуков-шпилек.

Коридор охраняли солдаты С.С., у дверей номера стоял их офицер. Джубал было ошетинился, но понял, что их присутствие означает выполнение Дугласом договоренности. Письмо, которое Джубал послал ему в начале конференции, содержало и просьбу обеспечить Майку безопасность, чтобы несчастный мальчуган мог вести нормальную жизнь.

Джубал крикнул:

— Джилл, держи Майка под контролем. Все хорошо.

— Слушаюсь, босс.

Офицер у дверей отдал честь. Джубал взглянул на него.

— Ну и ну! Привет, майор! Приходилось ли вам в последнее время взламывать какие-нибудь двери?

Майор Блох побагровел и не ответил. Джубал подумал, не является ли это назначение наказанием для майора?

Дьюк ждал внутри. Джубал распорядился:

— Садитесь, джентльмены. Все ли в порядке, Дьюк?

Дьюк пожал плечами.

— С той минуты, как я получил этот номер, тут «жучков» никто поставить не мог. Но, босс, в любой «малине» можно установить «жучки» заранее так, что вы их и не найдете.

— Ну, ну, я вовсе не это имел в виду. Я хотел сказать — как наши запасы? Я голоден, дружище, я жажду, а у нас трое гостей.

— Ах, это... Припасы выгружали под моим при-
смотром. Я сложил их в нашей буфетной. Очень уж у
вас подозрительный характер, босс.

— Советую тебе обзавестись таким же, и тогда
будешь жить долго, как я.

— В гробу я видал такой!

— Дело вкуса. В целом наши дела сложились непло-
хо. Девочки, за дело! Первая, кто снабдит меня выпив-
кой, может пропустить потом свою очередь в качестве
«первой». Садитесь, джентльмены. Свен, какую отраву
вы предпочитаете? Аквавит? Ларри, сбегай, купи пару
бутылок... и джин «Больш» для капитана.

— Пойдите, Джубал, — сказал Нельсон, — я бы
предпочел шотландское виски.

— И я тоже, — отозвался Ван Тромп.

— Ну, этого добра у нас хватит, чтобы утопить
лошадь. Махмуд! Если вы предпочитаете безалкоголь-
ные напитки, я уверен, что у девочек найдется нужное.

Махмуд с тоской в голосе ответил:

— Не следовало бы вам соблазнять меня алкоголем.

— Разрешите мне... — Джубал внимательно огля-
дел Махмуда. — Сынок, у тебя явный нервный стресс.
Поскольку у меня нет непроботама, я предписываю
заменить его двумя унциями девяностопроцентного эти-
лового спирта и в случае необходимости — повторить.
Чего-нибудь туда добавить?

Махмуд улыбнулся.

— Спасибо, доктор, но грешить так грешить. Пожа-
луйста, джин с водой, или водку, или вообще что вам
будет угодно.

— Или чистого медицинского спирта, — добавил
Нельсон, — не поддавайтесь на эту удочку, Джубал:
Стинки пьет что попало, а потом горько плачет.

— Я действительно сожалею, — сказал серьезно
Махмуд. — Это грех.

— Не дразните его, Свен, — грубовато ответил
Джубал, — если Стинки хочет извлекать из грехов
наслаждение, оплакивая их, это его личное дело. Каж-
дому свое. А как насчет закуски, Стинки? Анни напи-
хала ветчины в одну корзину, и, надо думать, что в
других тоже может попасться что-нибудь нечистое.
Проверим?

Махмуд покачал головой.

— Я не традиционалист, Джубал. Эти законы были изданы очень давно и исходили из тогдашних нравов. Теперь времена другие.

Джубал внезапно погрузстнел.

— Да, конечно. Но к лучшему ли они изменились? Неважно, все это тоже пройдет... Ешь, что хочешь, мой брат. Бог простит необходимость.

— Спасибо. Но я редко ем в первой половине дня.

— Лучше закусывай, а то спирт только расслабит тебя. Кроме того, эти девочки, что работают на меня и часто пижут с ошибками... все они отличные кухарки...

Вошла Мириам, неся поднос со стаканами; она готовила напитки, пока Джубал упражнялся в красноречии.

— Босс, — сказала она, — а ну-ка изложите все это в письменном виде!

— Что? — взвился он. — Опять подслушиваешь! Останешься после уроков и тысячу раз напишешь: «Я никогда не буду вострить уши во время частной беседы».

— Хорошо, босс. Это вам, капитан, и вам, доктор Нельсон, и вам, доктор Махмуд. Вы ведь просили с водой?

— Да, Мириам, спасибо.

— Обычное обслуживание у Харшоу — плохо, но быстро. А вот и ваш стакан, босс.

— Ты налила туда воды!

— Так мне приказала Анни. Вы слишком устали, чтобы пить только со льдом.

Вид у Джубала был самый страдающий.

— Вы понимаете, что мне приходится переносить, джентльмены? Нет, нет, им нельзя давать потачки! Мириам, ты напишешь свою тысячу упражнений на санскрите.

— Хорошо, босс. — Она похлопала его по лысине. — Вперед без страха и сомнений, милый. Вы это заслужили. Мы гордимся вами.

— На кухню, женщина! У всех есть выпивка? А где же Бен?

— Выпивка есть у всех. А Бен звонит в свою контору, причем перед носом у него стоит стакан.

— Отлично! Можешь выйти тихонько, почтительно пятясь задом, и прислать сюда Майка. Джентльмены!

Ми ке алоха пау оле! — Джубал выпил, и все последовали его примеру.

— Майк на подхвате. Думаю из него, когда вырастет, получится приличный дворецкий.

— А я думал, он ушел. Все равно пригласи его сюда. Доктор Нельсон хотел бы осмотреть его.

— С этим можно и подождать, — откликнулся корабельный хирург. — Джубал, скотч выше всех похвал, но что это был за тост?

— Извините. Это полинезийский. «Да будет бесконечна наша дружба». Назовем его сноской к нашей водной церемонии. Между прочим, джентльмены, Дьюк и Ларри — братья Майка по воде, но пусть это вас не обманывает... готовить они ни черта не умеют... но зато ребята такого сорта, которых хорошо иметь за спиной, когда идешь по темному переулку.

— Раз вы ручаетесь за них, Джубал, — заявил Ван Тромп, — надо запустить их сюда, и дверь на запор. Давайте выпьем за девушек. Свен, как звучит твой тост за flickas*?

— Тот, что за прекрасных девушек во всем мире? Четыре из них здесь. Скооль! — Они выпили за женщин-собратьев по воде, и Нельсон продолжил: — И где вы таких берете, Джубал?

— Лично вывожу в собственном погребке. А потом, когда я их натаסקаю, являются какие-нибудь щеголи и женятся на них. Безвыигрышная игра.

— Я вижу, как вы страдаете, — сочувственно сказал Нельсон.

— Еще бы! Я надеюсь, джентльмены, вы все женаты?

Двое были женаты, Махмуд — нет. Джубал посмотрел на него холодно.

— Будьте добры, умрите во плоти! Разумеется, после ленча. Я не могу допустить, чтобы вы это сделали на пустой желудок.

— Я не опасен. Я убежденный холостяк.

— Бросьте, сэр! Я видел, как Доркас строила вам глазки... а вы в ответ мурлыкали...

— Безопасен, уверяю вас. — Махмуд уж решил было сказать, что может жениться лишь на единове-

* Девушек (норв., шведск.).

ке, но сообразил, что общество, пожалуй, его не поймет. — Но, Джубал, не вздумайте сделать такое предложение Майку, он не *грокк*, что вы шутите, и в результате у вас на руках окажется мертвое тело. Я не уверен, что Майк может умереть по собственному желанию, но он обязательно попробует.

— А я уверен, что он может, — твердо сказал доктор Нельсон. — Доктор... я хочу сказать, Джубал, вы заметили что-нибудь странное в метаболизме Майка?

— Хм... я бы сказал так: я не нашел в его метаболизме ничего такого, что не казалось бы странным.

— Совершенно точно.

Джубал повернулся к Махмуду.

— Не бойтесь, что я подтолкну Майка к самоубийству. Я *грокк*, что он не *грокк* шуток. — Джубал подмигнул. — Но я не *грокк*, что такое «*грокк*»? Стинки, вы же говорите по-марсиански?!

— Чуть-чуть.

— Вы говорите свободно, я вас слышал. Вы-то *грокк* «*грокк*»?

Махмуд задумался.

— Нет. «*Грокк*» — самое важное слово в этом языке, и я, намереваясь отвести несколько лет на попытку проникнуть в него, не думаю, что мне это удастся. Надо думать по-марсиански, чтобы *грокк* слово «*грокк*». Может быть, вы заметили, что Майк применяет его в весьма различных ситуациях?

— Еще бы! Моя бедная голова просто трещит.

→ Моя — тоже.

— Еда! — объявил Джубал. — Ленч, и в самое время. Девочки, поставьте все на стол, так чтобы было удобно брать еду, и постарайтесь сохранять почтительное молчание. Продолжайте, доктор. Или в присутствии Майка этот разговор неуместен?

— Вовсе нет. — Махмуд заговорил с Майком по-марсиански. Майк ответил, на его лице расплылась радостная улыбка. Потом это выражение исчезло, и он занялся едой. — Я рассказал ему, что пытаюсь сделать, и он ответил, что я поступаю правильно. Это не мнение, а констатация факта. Надеюсь, что если он

заметит мои ошибки, то вмешается и поправит. Впрочем, сомневаюсь, захочет ли он это сделать. Майк мыслит по-марсиански и, таким образом, как бы создаст совсем другую «карту». Вы понимаете меня?

— Я *грокк* это, — согласился Джубал. — Язык формирует основу мышления.

— Точно! Доктор, вы говорите по-арабски?

— А? Очень плохо, — признался Джубал. — Попахивался кой-чего, когда служил военным врачом в Северной Африке. Но продолжаю читать, так как предпочитаю слова Пророка в оригинале.

— И правильно делаете. Коран непереводим — «карта» получается искаженной, как бы вы ни старались. Вы, значит, понимаете, с каким трудом в свое время мне давался английский? И не только потому, что в моем родном языке более простые флексии. Изменилась «карта». Английский язык — величайший язык мира. Его разнообразие, тонкость, иррациональная идиоматическая сложность позволяют выразить понятия, невозможные на другом языке. Я чуть не сошел с ума... пока не научился думать на нем... и таким образом получил новую «карту» мира, перекрывшую ту, с которой я вырос. Может, и не лучшую, но уж точно — куда более детальную. Но есть вещи, которые можно отлично выразить по-арабски, но никак нельзя по-английски.

— Вот почему я продолжаю читать Коран по-арабски, — сказал Джубал.

— Да. Марсианский язык сложнее английского и совершенно на него не похож в том, как он отражает картину Вселенной. В сравнении с ним английский и арабский языки выглядят как очень близкие. Англичанин и араб могут научиться думать на языках друг друга, но я совершенно не уверен, что кто-нибудь из них сможет думать на марсианском (разве что подобно тому, как научился Майк). О, мы, конечно, можем научиться пиджин-марсианскому * — это тот язык, на котором я говорю.

* По аналогии с «пиджин-инглиш» — жаргоном, распространенным в бывших английских колониях на Дальнем Востоке и островах Тихого океана.

Возьмем слово «грокк». Его буквальное значение очень просто. Оно восходит ко временам рождения марсианской расы, как расы мыслящих существ, и бросает свет на всю «карту». «Грокк» означает «пить».

— Как?! — воскликнул Джубал. — Майк никогда не произносит «грокк» в связи с питьем. Он...

— Подождите минуточку. — Махмуд заговорил с Майком.

Тот казался слегка удивленным.

— «Грокк» — это пить.

— Но Майк согласился бы, — продолжал Махмуд, — если б я назвал еще целую сотню английских слов, которые мы считаем концептуально разными и даже прямо противоположными по значению. «Грокк» охватывает их все! Он означает «страх», означает «любовь», означает «ненависть» — истинную ненависть, ибо, согласно марсианской «карте», нельзя ненавидеть что-либо, если ты не *грокк* это, то есть если не понимаешь это так глубоко, что как бы соединяешься с этим воедино, а оно соединяется с тобой. Вот когда ты ненавидишь. Ненавидя себя и в себе. Но это значит одновременно, что ты любишь это нечто и пестуешь его. Иначе и быть не может. Вот тогда-то ты ненавидишь и, я полагаю, что марсианская ненависть — эмоция столь мрачная, что в сравнении с ней земной эквивалент может быть назван легкой неприязнью.

Махмуд поморщился.

— «Грокк» означает «идентично равные». Наше клише «ваше горе я переносу как свое» имеет слегка марсианский привкус. Судя по всему, марсианам инстинктивно известно то, что мы с таким трудом извлекаем из нашей новейшей физики, а именно, что наблюдатель взаимодействует с объектом наблюдения в процессе последнего. «Грокк» означает понимание столь полное, что наблюдатель становится частью наблюдаемого — сливается, объединяется, поглощается, теряет личностное в групповом опыте. «Грокк» означает почти все, что содержится в нашей религии, философии и науке, а для нас это слово значит столь же мало, как краски для слепого. — Махмуд помолчал. — Джубал, если бы я разрезал вас на мельчайшие кусочки, сделал бы из вас похлебку, то вы и похлебка, какая бы она ни получи-

лась, *грокк* друг друга, а когда я съел бы вас, мы бы *грокк* вместе, и ничего бы не пропало, и было бы совершенно неважно, кто и кого именно съел.

— Ну для меня-то это вряд ли было бы безразлично, — категорически не согласился Джубал.

— Так вы же не марсианин. — Махмуд остановился, чтобы поговорить с Майком на марсианском.

Майк кивнул.

— Ты сказал верно, мой брат Махмуд. И я так говорю. Ты есть Бог.

Махмуд беспомощно пожал плечами.

— Видите, насколько это все безнадежно! Все, что я в результате получил — это богохульство. Мы думаем не так, как марсиане. Иначе не можем.

— Ты есть Бог, — спокойно повторил Майк. — Бог, он *грокк*.

— Давайте переменим тему. Джубал, не могу ли я во имя братства попользоваться еще джином?

— Сейчас принесу. — Засуетилась Джилл.

Все выглядело, как обычный семейный пикник; причиной были открытые и свободные манеры Джубала, а также то, что все три гостя принадлежали к тому же, что и он, сорту людей — ученые, жизнелюбивые, не имевшие нужды казаться. Даже доктор Махмуд, всегда настороженно относившийся к тем, кто не разделял истинной веры в полное подчинение воли человека Воле Божьей — благодатной и милосердной, — позволил себе расслабиться. Ему очень понравилось, что Джубал читал слова Пророка... и сейчас, когда он перестал следить за ним, женщины дома Джубала казались ему уже куда пышнее, чем раньше. Вон та — черненькая... Он постарался изгнать эту мысль из головы. Он же гость.

Но ему нравилось, что эти женщины не стрекочут, не ввязываются в неторопливый разговор мужчин, быстро управляют с едой и выпивкой, веселы и гостеприимны. Некоторая непочтительность Мириам, проявленная в отношении хозяина, слегка покорибила его, но потом он понял, что это была та свобода, которой пользуются кошки и любимые дети в хорошем доме.

Джубал объяснил, что они просто дожидаются ответа Генерального секретаря.

— Если он деловой человек, мы получим от него известие скоро. Если бы мы оставались во Дворце, у него могло бы возникнуть желание поторговаться из-за мелочей. А здесь мы от такой торговли защищены.

— Торговля из-за чего? — спросил капитан Ван Тромп. — Вы и так дали ему все, чего он только мог пожелать.

— Нет, там есть и то, чего бы он не хотел. Дутлас предпочел бы условия безвозвратного перехода, а не основанного на хорошем поведении, с угрозой передать полномочия человеку, которого он не переносит, а именно, этому паршивцу с невинной улыбкой, то есть нашему брату Бену. Но ведь торговаться хотят и другие. Этот пустоглазый будда Кунг с радостью вспорол бы мне брюхо, ведь я выбил у него из-под ног шикарную подставку! Но если бы он смог придумать расклад, который нас соблазнил бы, то тут же предложил бы его нам. Поэтому мы закрылись от него. Кунг — одна из причин, по которым мы едим и пьем только то, что привезли с собой.

— Вот, значит, что вас беспокоило?! — воскликнул Нельсон. — Джубал, я считал, что вы просто гурман, предпочитающий свою кухню. Мне и в голову не пришло, что в таком отеле меня могут отравить!

Джубал с сожалением покачал головой.

— Свен, никто не собирается травить вас, но вполне возможно, что ваша жена получит страховку, поскольку вы преломили хлеб с Майком.

— Вы в этом уверены?

— Свен, я могу позвонить в гостиничный отдел обслуживания и заказать все, что вам будет угодно. Но сам ни к чему не притронусь и Майку тоже не позволю. Им известно, где мы, и у них есть часа два на действия, поэтому у меня все основания подозревать, что каждый официант подкуплен Кунгом... а может, и еще два-три человека из obsługi. Я свою главную задачу вижу в том, чтобы сохранить этому парню жизнь, пока нам не удастся обезвредить силы, которыми он обладает.

Джубал нахмурился.

— Вы посмотрите на паука «черная вдова». Маленькое путливое создание, полезное, самое красивое из всех паукообразных, сделанное будто из лакированной кожи, с такой тоненькой талией, что напоминает видом песочные часы. Но у него, к сожалению, слишком много силы для его скромной величины. И поэтому каждый стремится его уничтожить. И «черная вдова» бессильна что-либо предпринять — избавиться от своей смертоносной силы она не может. У Майка та же самая дилемма. Разве что он не так красив, как «черная вдова»...

— Ну уж, Джубал, — негодуяще всплеснула руками Доркас, — и как вы можете говорить такое! При этом так несправедливо.

— Дитя, я не обладаю твоими сексуальными предпочтениями. Красив он или нет, но Майк не может ни отделаться от своих денег, ни быть в безопасности, владея ими. Тут ведь не один Кунг. Высший Суд тоже далеко не так аполитичен, как должен был бы быть... хотя его методы скорее привели бы Смита к тюремному заключению, чем к смерти — судьба, на мой взгляд, еще более печальная. Не говоря уж о прочих заинтересованных силах, которые ломают себе головы, высчитывая, как отразится на их благосостоянии то, что Майк вдруг окажется главным экспонатом пышных похорон. Я...

— Телефон, босс.

— Анни, если это из Порлока...

— Нет, это Даллас.

— Тогда я не буду подходить.

— Она велела вам передать, что говорит Бекки.

— Что же ты молчишь! — Джубал быстрыми шагами вышел из комнаты.

Широкий экран почти полностью занимало лицо мадам Весант.

— Бекки, как же я рад вас видеть!

— Привет, доктор! Ну насмотрелась же я на ваше представление!

— И каково впечатление?

— Лучшей постановки мне еще в жизни видеть не приходилось! Док, профессия потеряла великого актера оттого, что у вас не было брата-близнеца.

— Это высокая оценка, Бекки, — Джубал быстро просчитал варианты, — но пьеса была поставлена вами. Я только сделал на нее ставку и выиграл неплохую денежку. Называйте гонорар, Бекки.

Мадам Весант нахмурилась.

— За что обижаете?

— Бекки, орать и хлопать могут все, но аплодисменты стоят дороже, если к ним приложена пачка аккуратно сложенных зеленых бумажек. «Человек с Марса» выиграл кое-что и, значит, кое-что может себе позволить. — Он ухмыльнулся. — Что касается меня, то я могу вас только потискать немножко и подарить такой поцелуй, от которого у вас затрещат ребра.

Бекки подобрела и улыбнулась.

— Я припоминаю, как вы бывало похлопывали меня по попке, заверяя, что профессор наверняка поправится. Вам всегда удавалось вызвать у меня приятные ощущения.

— Уверен, что никогда не вел себя столь предосудительно.

— Сами знаете, что вели. И притом в вас не было ничего отеческого.

— А может, это был метод лечения, в котором вы нуждались? Увы, я давно не похлопываю попок, но в вашем случае готов отступить от правил.

— Вот так-то лучше!

— А вы лучше подумайте насчет гонорара. И не забудьте приписать побольше нулей.

— Док, для получения гонорара есть и иные пути, нежели подсчитывать мелочь. Вы знаете, как сейчас выглядит Биржа?

— Не знаю и знать не хочу. Лучше приезжайте к нам и выпьем.

— Нет, пожалуй, откажусь. Я пообещала... гм... очень важному клиенту, что буду на месте.

— Понял. Бекки, а не могут звезды сказать, что все кончится для всех благополучно, если бумаги будут подписаны и утверждены сегодня же? Возможно, сразу после закрытия Биржи?

Она задумалась.

— Надо поразмыслить.

— Думайте. Приезжайте навестить нас. Вам этот мальчик понравится. Необычен, как подтяжки на змее, и мил, как поцелуй, сорванный украдкой.

— Гм... я приеду. Спасибо, док.

Они простились. Джубал обнаружил, что доктор Нельсон увел Майка в спальню, чтобы осмотреть его. Хирург выглядел невероятно удивленным.

— Доктор, я видел этого пациента только десять дней назад. Скажите, где он приобрел свою мускулатуру?

— Как где? Послал купон в «Журнал для настоящих мужчин». Знаете эти объявления, рекламирующие, что любой девяностофунтовый доходяга...

— Доктор, будьте же серьезны!

— А почему бы вам не спросить его самого?

Нельсон так и сделал.

— Я их надумал, — ответил Майк.

— Верно, — подтвердил Джубал, — он их надумал. Когда Майк появился у меня неделю назад, это было нечто желеобразное, дохлое, тощее, жиденькое и бледное. Было похоже, что его выращивали в глубокой пещере. Я так и решил. Поэтому велел ему расти и набирать силы. Что он и сделал.

— Упражнения? — недоверчиво спросил Нельсон.

— Чуток плавания.

— Несколько дней, проведенных в бассейне, не могут изменить человека настолько, чтобы он выглядел так, будто всю жизнь упражнялся на брусках. — Нельсон задумался. — Я знаю, что Майк может упражнять свои, так называемые «неконтролируемые мышцы». Такие случаи известны и у нас. Однако это состояние заставляет думать...

— Доктор, — мягко сказал Джубал, — а почему бы не признаться, что вы просто не *грокк* этого?

Нельсон вздохнул.

— И верно. Одевайся, Майк.

Немного позже Джубал рассказывал трем офицерам «Победителя»:

— Решить финансовый вопрос было легче всего. Надо было поставить его так, чтобы борьба вокруг него стала невозможной. Даже в том случае, если Майк умрет. И поэтому я заявил, будто его смерть означает конец опекуинства, а специально пущенный слух из одного обычно надежного источника довел до сведения Кунга и остальных, что смерть Майка повлечет переход от постоянного контроля в руки Дугласа. Разумеется, если бы я обладал магическими способностями, я бы вообще отобрал у Майка деньги, все до последнего пенни. Так...

— Зачем, Джубал? — прервал его капитан.

Джубал в удивлении уставился на него.

— А вы — состоятельный человек, капитан? Я хочу сказать, вы — человек богатый?

— Я? — фыркнул Ван Тромп. — У меня есть мое жалованье, будет когда-нибудь пенсия, дом с закладной и две девочки в колледже. Мне очень хотелось бы быть богатым.

— Нет, вам бы это по душе не пришлось.

— Ха! Вы не так бы запели, будь у вас девчонки в школе!

— Я провел через колледжи четырех и был по уши в долгах. Одна из них сейчас звезда своей профессии — разумеется, под фамилией мужа, ибо я, по ее мнению, старый грешник, а не почтенный престарелый родитель. Другие вспоминают обо мне в дни моего рождения, а в остальное время просто забывают. Образование им не повредило. Я упомянул своих потомков, только чтоб доказать — мне хорошо известно, что отцам из-за них часто требуется куда больше, чем у этих самых отцов есть. Вы можете перейти в какую-нибудь фирму, которая будет платить в несколько раз больше, чем вы получаете сейчас, только за право числить вас среди своих директоров. Вам ведь делали такие предложения?

— Это к делу не относится, — холодно ответил капитан Ван Тромп. — Я профессионал.

— Ваши слова означают, что деньги не способны соблазнить вас на отказ от командования кораблем.

— Но я бы не отказался и от денег впридачу.

— Мало денег — мало проку. Дочери тратят ровно на десять процентов больше того, что может заработать

любой профессионал. Таков закон природы, каковой отныне будет известен как «Закон Харшоу». Но, капитан, настоящее богатство, богатство такого масштаба, который требует чуть ли не бригады прохвостов, чтобы отыскать способ снизить налоги, прихлопнуло бы вас еще надежнее, чем отставка.

— Чушь! Я бы поместил его в облигации и стриг бы себе купоны.

— Ни в коем случае, если вы из породы тех, кто сам добывает богатства. Крупные деньги добыть нетрудно. Только на это придется положить всю жизнь, жизнь, полную стараний. Ни одна балерина не работает так много. Капитан, это не ваш стиль! Вы не хотите делать деньги, вы хотите их тратить.

— Вы правы, сэр! И поэтому я не понимаю, почему вы хотите забрать у Майка его богатство.

— Потому, что большое богатство — это проклятье, если вам не нравится делать деньги ради самого процесса их деланья. Но и тогда у богатого человека будет немало неприятностей.

— Чепуха! Джубал, вы говорите, будто евнух в гареме, пытающийся убедить обыкновенного человека, что в положении евнуха есть свои преимущества.

— Возможно, — согласился Джубал. — Способность человека творить из собственных недостатков достоинства — безгранична. Я — не исключение. Но раз я, подобно вам, сэр, не имею к деньгам другого интереса, кроме как тратить их, то для меня стать богатым невозможно. И, наоборот, я никогда не испытываю страха, что мне не удастся обзавестись скромным доходом, которого хватит на удовлетворение моих пороков, ибо достичь такого положения любой человек со смекалкой может менее рискованными средствами, нежели прикупая к двойке в покере.

А большое богатство? Вы же видели этот фарс? Разве я не мог переписать сценарий так, чтобы самому получить всю добычу и стать ее распорядителем, а de facto — собственником, получая любой приглянувшийся мне доход? И сделать это так, чтобы Дуглас поддержал бы такой вариант? Майк мне верит. Я его собрат по воде. Мог я украсть его сокровища?

— Гм... черт бы вас побрал, Джубал! Я думаю — да.

— Безусловно. Потому что Генеральный секретарь не больший искатель сокровищ, чем вы. Его страсть — жажда власти. Кстати, мне этот барабанный бой тоже ничего не говорит. Если бы я гарантировал ему (о, разумеется, очень изящно), что имущество Майка будет полностью поддерживать его Администрацию, я мог бы уволить весь мешок. — Джубал передернул плечами. — Я думал, что, может, придется пойти и на это, чтобы защитить Майка от стервятников, и тогда меня охватила паника. Капитан, вы не знаете, что такое богатство Морского Царя. Человека, который им обладает, окружают со всех сторон, липнут к нему, как липнут в Бомбее нищие, требуют инвестировать или просто отдать хоть частичку своего богатства. Он делается подозрительным: ведь даром ему никто не отдаст свою дружбу. Его прежние друзья слишком разборчивы, чтобы толкаться среди попрошаек, они слишком горды, чтобы навлечь на себя подозрение, что они тоже попрошайки.

Еще хуже — его семья в постоянной опасности. Капитан, вашим дочерям угрожало когда-нибудь похищение?

— Что? Господи, конечно же, нет.

— А если бы вы обладали богатством, взваленным на плечи Майка, вам пришлось бы караулить своих девочек день и ночь, и все равно вы не знали бы покоя, так как никогда не смогли бы довериться охране полностью. Посмотрите истории хотя бы сотни похищений и заметьте, сколько доверенных людей было в них замешано и как мало жертв вернулись живыми... Есть ли что-нибудь такое, что можно купить за деньги и ради чего стоит набросить удавку на шейки ваших дочерей?

Ван Тромп задумался.

— Знаете, я, пожалуй, предпочту свой заложенный дом, Джубал.

— Аминь. Я тоже хочу жить своей жизнью, спать в своей постели и жить спокойно. Да, я испугался, что мне придется провести свои последние годы в конторе, осаждаемой идиотами, работая до позднего вечера в качестве поверенного Майка. И тут я прозрел. Дуглас уже живет годами за такими баррикадами, он обладает нужным штатом. Поскольку мы отдаем власть над бо-

гатством, чтобы сохранить жизнь Майка, то почему бы не заставить Дугласа расплатиться за это своей головной болью? Я не боялся, что он украдет: только второстепенный политикан способен на преступление из-за денег, а Дуглас не мелочевка. Перестаньте корчить рожи, Бен, и будем надеяться, что он не переложит это бремя на ваши плечи.

Итак, я перебрал бремя Дугласу и теперь смогу вернуться в свой любимый сад. Но все было просто, если главное понятно. Меня пугало «Решение Ларкина».

Какстон перебил:

— Я полагаю, вам тут изменило остроумие, Джубал. Эта глупость с почестями суверену... Надо было просто дать Майку подписать акт передачи своих интересов, если таковые существуют, под эгидой этого «Решения».

— Бен, мой мальчик, — мягко сказал Джубал, — как журналиста, вас иногда еще можно терпеть...

— Хм... спасибо. Я и не знал, что вы мой поклонник.

— Но ваши стратегические концепции приличествуют лишь неандертальцу...

Какстон вздохнул.

— Так-то лучше. Мне на какую-то минуту показалось, что вы совсем уж размякли.

— Если такое случится, прошу тут же пристрелить. Капитан, сколько человек вы оставили на Марсе?

— Двадцать три.

— И каков их статус, исходя из «Решения Ларкина»?

Ван Тромп нахмурился.

— Мне не полагается говорить об этом.

— Ну и не надо, — согласился Джубал, — мы сами вычислим.

Вмешался доктор Нельсон:

— Шкипер, я и Стинки сейчас на гражданке. Я могу говорить, что хочу...

— И я, — поддержал его Махмуд.

— Им известно, куда они могут запихать себе мое звание в запасе. Какое право имеет правительство указывать мне, что надо говорить, а что — нет?! Эти просиживатели штанов на Марс, небось, не летали.

— Успокойся, Свен. Я буду говорить сам — мы же тут среди братьев по воде. Но, Бен, мне не хотелось бы видеть это в газете...

— Капитан, может, вам будет удобнее, если я уйду к девочкам и Майку?

— Нет, пожалуйста, останьтесь. Правительство с этой колонией село в лужу. Каждый колонист передал свои «ларкинские права» правительству. Появление Майка спутало все. Я не юрист, но я так понимаю, что, если Майк откажется от своих прав, правительство будет на коне, когда дело дойдет до дележа ценностей Марса.

— Каких это ценностей? — спросил Какстон. — Слушайте, шкипер, я совсем не собираюсь бросать тень на ваши подвиги, но все же мне приходилось слышать, что Марс не имеет ценности, с точки зрения человеческих представлений о недвижимости. Или в докладах есть нечто, что отмечено индексом «перед прочтением умереть»?

Ван Тромп покачал головой.

— Нет, докладные технического характера все рассекречены. Но, Бен, ведь и Луна, когда мы до нее добрались, была всего лишь куском пустой породы.

— *Touche* *, — признал Какстон, — жалею, что мой родитель не купил акций «Лунар Энтерпрайз»... но Марс обитаем.

Капитан Ван Тромп явно чувствовал себя неудобно.

— Да, но... Стинки, расскажи лучше ты.

Махмуд принял эстафету:

— Бен, на Марсе очень много места для заселения человеком, и, насколько мне удалось уяснить, марсиане мешать нам не станут. Мы вывесили свой флаг и теперь требуем экстерриториальности. Но наш статус может оказаться примерно таким же, как у муравейника, сооруженного под стеклом в кабинете биологии. Так что особой ясности у меня лично нет.

Джубал кивнул.

— У меня тоже. Я, в общем-то, и тогда ситуацию полностью не представлял, кроме того, что правительство очень хочет заполучить эти самые «права». Поэтому я решил, что правительство знает не больше меня, и пошел в атаку. «Отвага, отвага и еще раз отвага»!

Джубал усмехнулся.

* Задет! Удачный выпад! (фр.).

— Когда я учился в школе, я победил в дебатах, процитировав аргумент Британской комиссии по проблемам судоходства. Мои противники не смогли меня опровергнуть, ибо такой комиссии отродясь не существовало.

Сегодня утром я поступил столь же бессовестно. Это Администрации было нужно «Решение Ларкина», и она боялась, что мы договоримся с кем-нибудь еще. Я воспользовался их алчностью и трусостью, форсируя этот логически абсурдный постулат их юридического нонсенса и добиваясь признания в протокольном порядке Майка сувереном, с которым следует соответственно обращаться. — Джубал выглядел весьма довольным собой.

— И тем самым, — сухо произнес Бен, — посадили себя в здоровенную лужу.

— Бен, Бен, — с упреком произнес Джубал, — это они, согласно собственной логике, короновали Майка. Вряд ли мне стоит говорить, что, несмотря на известную поговорку насчет голов и корон, все же королем быть куда безопаснее, чем скрывающимся претендентом на трон. Позиция Майка существенно укрепилась от нескольких музыкальных тактов и старой простыни. И все же она осталась очень сложной. Благодаря этой небывальщине — «Решению Ларкина», Майк в одно мгновение оказался признанным сувереном Марса, имеющим право раздавать концессии, торговые привилегии, земли и все такое прочее. И он должен был или делать все это и попасть под еще больший пресс, чем тот, который грозил ему из-за богатства, или отречься и позволить «ларкиным правам» перейти к тем людям, что сидят на Марсе, то есть к Дугласу. — На лице Джубала отразилось страдание. — Обе альтернативы были мне одинаково противны. Джентльмены, я не мог позволить, чтобы мой клиент попал в такую ловушку. Надо было найти решение, которое бы минимизировало ущерб Марсу и одновременно не дало бы зацепки Высшему Суду. — Джубал ухмыльнулся. — Поэтому мне пришлось пойти на прямой обман. Почести суверена были Майку оказаны. Весь мир это видел. Но такие почести могут оказываться и *alter ego* * суверена, —

* Второе «я» (лат.).

то есть его послу. Поэтому я показал, что Майк не карточный король, который получил звание благодаря юридической фикции, а посол великого марсианского народа. — Джубал пожал плечами. — Конечно, я блефовал. Но я основывал свой блеф на убеждении, что другие — Дуглас и Кунг — знакомы с фактами не лучше меня. — Джубал огляделся. — Я пошел на этот блеф потому, что вы были с нами, братья Майка по воде. Я чувствовал поддержку, и, значит, Майк должен был превратиться в марсианского посланника, а «Решение Ларкина» — умереть.

— Очень надеюсь на это, — сказал спокойно Ван Тромп, — хотя ни в малейшей степени не могу расценить ваше заявление как ложь.

— Как? Я всего лишь плел словесную паутину, импровизировал.

— Неважно. Мне казалось, что вы говорите правду. — Шкипер помолчал. — Разве что я бы не назвал Майка послом. Назвать его силами вторжения было бы куда вернее.

У Какстона отвисла нижняя челюсть.

— В каком смысле, сэр? — отозвался Харшоу.

— Я внесу поправку, — ответил Ван Тромп. — Я полагаю, что он разведчик, собирающий информацию для своих марсианских хозяев. Только не думайте — я так же люблю этого мальчика, как и вы. Но у него нет никаких причин быть по отношению к нам лояльным, я хочу сказать, по отношению к Земле. — Капитан снова нахмурился. — Было бы естественно ожидать, что человек, найденный на Марсе, ухватится за предложение вернуться домой, а на самом деле ничего похожего не произошло. Верно, Свен?

— Майк ни в какую не хотел, — согласился Нельсон, — он нас к себе даже близко не подпускал. Боялся. Затем марсиане велели ему лететь с нами... и он повел себя, как солдат, выполняющий приказ, идиотская суть которого ему предельно ясна.

— Минуточку, — запротестовал Какстон, — капитан, вы хотите сказать, что Марс вторгается к нам? Марс? Не выглядит ли это так же, как если бы мы решили вторгнуться на Юпитер? Сила тяжести у нас в два с половиной раза превышает марсианскую, а на

Юпитере — в два с половиной больше, чем на Земле. Аналогичны различия в температурах, в давлении атмосферы и так далее. Мы не смогли бы жить на Юпитере, и я, признаться, не вижу, как марсиане выдержали бы наши условия. Разве не так?

— В общем, близко к истине, — согласился Ван Тромп.

— Зачем же атаковать Юпитер? Или зачем Марсу нападать на нас?

— Бен, а вы слышали о проекте создания площадки для высадки на Юпитере?

— Так ведь дальше болтовни дело не пошло. Не практично.

— Несколько лет назад космические перелеты тоже считались непрактичными. Инженеры рассчитали, что использование всех данных, которые получены в процессе изучения океанов, плюс разработка типов скафандров с автономным двигателем вполне может помочь «завоевать» Юпитер. Не думайте, что марсиане глупее нас. Посмотрели бы вы на их города!

— Гм... — сказал Какстон, — все же я не понимаю, зачем им лишнее беспокойство...

— Капитан!

— Да, Джубал?

— Я вношу одно возражение. Вам знакома классификация культур на аполлонические и дионисийские?

— В самом общем виде.

— Ну так мне кажется, что даже культуру Зуни на Марсе сочли бы дионисийской. Вы там были, но я разговаривал с Майком. Малыш был взращен в аполлонической культуре, а такие культуры, как известно, не агрессивны.

— Ммм... я бы на это не полагался.

Неожиданно вмешался Махмуд:

— Шкипер, есть свидетельства, подтверждающие точку зрения Джубала. Культуру можно анализировать с помощью языка. У марсиан нет слова, обозначающего войну. Во всяком случае, я так думаю. И слов «оружие», «сражение» тоже... Если в языке таких слов нет, значит и сам предмет, обозначаемый ими, в культуре отсутствует.

— О, ерунда, Стинки! Животные сражаются, муравьи ведут войны. А разве у них есть нужные для обозначения сих предметов слова?

— Они обязательно были бы, будь то расы, общающиеся с помощью языка. Говорящая раса имеет слова для каждой концепции и дает новые дефиниции, когда возникают новые концепции. Нервная система, которая имеет предпосылки для развития речи, не может не заговорить. Если бы марсиане знали, что такое война, у них нашлось бы и обозначающее ее слово.

— Так мы ничего не решим, — предложил Джубал, — позовем Майка.

— Подождите, — возразил Ван Тромп, — я уже много лет знаю, что спорить со специалистами безнадежно. Но я знаю и то, что в истории было множество специалистов, которые чертовски грубо ошибались... Извини, Стинки.

— Вы правы, капитан, но на этот раз я вряд ли ошибаюсь.

— Майк может нас рассудить только в том случае, если он знает данное слово... так что может случиться то же, как если бы ребенка двух с половиной лет спросили бы, что такое «компьютер». Давайте лучше придерживаться фактов. Свен, как насчет Агню?

Нельсон ответил:

— Уж лучше вы сами, капитан.

— Ладно... только это все между братьями по воде, джентльмены. Лейтенант Агню был нашим младшим врачом. Очень способный, как мне говорил Свен... Но марсиан он не переносил. Я отдал приказ не носить оружие, когда выяснилось, что марсиане — мирный народ. Агню не подчинился, во всяком случае нам не удалось разыскать его пистолет, а люди, видевшие его последними, говорили, что пистолет был при нем. В моем бортовом журнале осталась запись: «Пропал без вести, вероятно погиб».

Двое из членов команды видели, как Агню завернул в проход между двумя большими утесами. Потом они заметили марсианина, следующего тем же путем... Они тотчас поспешили туда, так как особенности норова доктора Агню были им хорошо известны.

Оба слышали выстрел. Один из них рассказывал, что когда добежал до прохода, то, кажется, видел Агню проходящим мимо марсианина. Но Агню тут же исчез. Второй утверждает, что когда он оказался на том же месте, то марсианин появился, проплыл мимо него и двинулся своим путем. Они исследовали проход, но он был пуст и кончался тупиком.

Вот и все, джентльмены. Может быть, Агню перескочил через тупиковую стену благодаря низкой силе тяжести и влиянию страха... мне это не удалось, хоть я пытался. Кроме того, стоит упомянуть, что оба космонавта носили кислородные маски, на Марсе это необходимо, но гипоксия может сильно поколебать доверие к их свидетельствам. Я не могу утверждать, что первый космонавт был просто в состоянии кислородного голодания. Я говорю так потому, что в такую вероятность поверить все же легче, чем в то, что Агню исчез в мгновение ока. Я сказал офицеру, что он, должно быть, страдал от удушья, и приказал ему проверить свое снаряжение.

Я полагал, что Агню скоро найдется, и даже хотел наказать его за выход с оружием.

Но мы так и не нашли его. Мое недоверие к марсианам, вероятно, берет исток в этом инциденте. Они уже больше не казались мне просто большими, добрыми, безобидными, чуть комическими существами, несмотря на то что никаких неприятностей мы от них не имели, а они всегда давали нам то, о чем мы просили, особенно с тех пор, как Стинки понял, как именно следует обращаться к ним с просьбами.

Я постарался замять дело: нельзя допустить панику, если вы находитесь в миллионах миль от Земли. Скрыть, что Агню исчез, я, конечно, не мог, группа космонавтов долго искала его. Однако я утаил все, что могло содержать намек на таинственность. Агню заблудился в утесах, умер, когда иссяк запас кислорода... ну и его занесло песком. Его пример я использовал, запретив выходить в одиночку, требуя поддержки постоянной связи по радио и частых проверок снаряжения. Тому первому космонавту я не приказывал молчать, просто намекнул, что его история невероятна, так как компаньон ее не подтверждает. Так что официальная версия победила.

Махмуд медленно произнес:

— Я впервые слышу, капитан, о какой-то тайне. И предпочитаю вашу «официальную версию» — я не суеверен.

Ван Тромп кивнул.

— Именно к этому я и стремился. Только Свен и я слышали этот дичайший рассказ, но все равно... — Лицо капитана внезапно как бы постарело. — Я иногда просыпаюсь по ночам и спрашиваю себя, что же все-таки случилось с Агню?

Джубал слушал молча. Рассказала ли Джилл Бену насчет Берквиста и этого... второго... как его... Джонсона? Говорил ли кто-нибудь Бену о битве у бассейна? Это казалось маловероятным. Девочки знали, что «официальная версия» такова, будто передовой отряд так и не появился — они ведь слышали его телефонный разговор с Дугласом.

Черт побери! Единственное, что можно сделать — это молчать и постараться внушить Майку, чтобы он не отправлял в Никуда не пригланувшихся ему посторонних.

От дальнейших угрызений совести Джубала избавило появление Анни.

— Босс, там у дверей стоит мистер Бредли. Тот, который зовет себя старшим помощником Генерального секретаря.

— Ты его непустила?

— Нет, мы говорили по переговорному устройству. Он сказал, что принес вам бумаги и должен ждать ответа.

— Пусть просунет их в прорезь почтового ящика. Это ведь пока территория марсианского посольства.

— А его оставить стоять за дверью?

— Анни, я знаю, ты хорошо воспитана, но в данной ситуации грубость себя полностью окупает. Мы не уступим ни дюйма, пока не получим того, чего хотим.

— Хорошо, босс.

Пакет был довольно толстый, так как в нем лежали и копии. Джубал собрал всех.

— Я предлагаю по леденцу за каждую обнаруженную ошибку, ловушку или двусмысленность.

После долгого молчания Джубал нарушил тишину:

— Он честный политик — однажды купленный, он не продается другим.

— Видимо, так, — согласился капитан.

— Кто-нибудь хочет что-либо сказать?

На приз претендентов не было. Дуглас сформулировал лишь то, что было в соглашении, подготовленном Джубалом.

— О'кей, — сказал Джубал, — каждый из нас завизирует копии. Дай сюда мою печать, Мириам. Черт! Ипусти Бредли. Пусть он тоже завизирует. А потом угостите его стаканчиком. Дьюк, извести портье, что мы отбываем. Позвони в «Грейхаунд» — пусть подадут нашу карету. Свен, шкипер, Стинки — мы бежим отсюда, как Лот из Содомы... Почему бы вам не поехать с нами и не отдохнуть на природе? Кроватей хватит, еда домашняя, тревог никаких...

Женатые мужчины попросили перенести их визит на более позднюю дату, доктор Махмуд принял предложение. Подписание документов затянулось, так как Майку очень нравилось подписывать, тщательно и с артистическим удовлетворением выводя каждую букву своего имени. Остатки от пикника упаковали как раз к тому времени, когда бумаги были подписаны, скреплены печатью, а счет за номер доставлен.

Джубал глянул на кругленькую цифру и написал на счете: «Утверждаю к оплате. Доктор Дж. Харшоу за В. М. Смита» и вручил его Бредли.

— Это уж забота вашего босса.

Бредли с недоумением заморгал.

— Сэр?

— О, мистер Дуглас без сомнения передаст его шефу протокола. Я, знаете ли, в таких делах полный невежда.

Бредли принял счет.

— Да, — сказал он задумчиво, — Ла Рю оплатит его, я передам.

— Благодарю вас, мистер Бредли... благодарю за все.

Часть третья

ЕГО ЭКСЦЕНТРИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Глава 22

На краю спиральной Галактики, вблизи звезды, известной некоторым как «Солнце», возникла сверхновая. Во всем великолепии она будет видна на Марсе через семьсот двадцать девять марсианских лет (три наполненных периода), или тысяча триста семьдесят лет Терры. Старейшие отметили это как полезное явление, которое можно будет эффективно использовать в процессе обучения молодняка, и ни на минуту не отвлеклись от своего волнующего обсуждения эстетических проблем нового эпического произведения, воспевавшего смерть Пятой планеты.

Отбытия «Победителя» они не заметили, не сопроводив его даже кратким комментарием. Связь с чужезранным юным согнездником, посланным с «Победителем» на Землю, продолжалась, но ничего нового не дала, ибо нужно время, дабы появилось нечто достойное, чтобы его *грокк*. Люди, оставшиеся на Марсе, боролись с его природой, летальной для незащищенных человеческих тел, но все же более пригодной для жизни, чем природа Свободного Государства Антарктида. Один из них умер во плоти, сраженный болезнью, именуемой «тоска по дому». Старейшие обласкали раненую душу и отправили ее куда следует для дальней-

шего лечения. В остальном марсиане землян не беспокоили.

На Земле взорвавшуюся звезду не обнаружили, поскольку земных астрономов в их исследованиях ограничивала скорость света. О «Человеке с Марса» сообщения в «Новостях» бывали очень кратки. Лидер меньшинства в сенате Федерации призвал к «смелому новому подходу» к проблеме народонаселения и голода в Юго-Восточной Азии, который должен включать выдачу дотаций семьям, где больше пяти детей. Миссис Перси В. С. Сучек подала в суд на администрацию города-округа Лос-Анджелеса по поводу смерти ее пуделя Пиддла, произошедшей во время пятидневной температурной инверсии. Синтия Дачесс объявила, что она намерена родить Идеального Ребенка от специально выбранного донора и столь же исключительной «матери-хозяйки», как только эксперты закончат вычисление подходящего мгновения для зачатия, которое обеспечит Идеальному Ребенку гениальность в области музыки, искусства и государственной деятельности, и что она с помощью гормональных добавок будет сама кормить Ребенка. Она дала интервью по проблемам психологических преимуществ естественного кормления и разрешила (настояла) прессе сфотографировать ее, дабы подтвердить, что она в избытке обладает нужными данными для такого дела.

Архиепископ Дигби объявил ее «блудницей вавилонской» и запретил фостеритам брать на себя обязанности донора или «матери-хозяйки». Цитировали Агнес Дуглас: «Хоть я и не знакома с мисс Дачесс, но не могу ею не восхищаться. Ее смелый пример должен воодушевить матерей повсюду».

Джубал нашел ее фотографию в каком-то журнале. Он наклеил ее в кухне на стену, но заметил, что долго снимок не провисел, и это заставило его удовлетворенно хмыкнуть.

Вообще-то на этой неделе у Джубала было мало поводов для смешков. Мир навалился на них всей своей тяжестью. Пресса прекратила гоняться за Майком, когда история с совещанием была исчерпана, но тысячи и тысячи людей о нем помнили. Дуглас принял меры по защите личной жизни Майка — полиция из

С.С. патрулировала изгородь имения Джубала, а машины С.С. курсировали в воздухе и блокировали каждый аэрокар, который пытался сесть. Харшоу с трудом примирился с присутствием надоевших ему караульных.

Что касается телефонных разговоров, то подстанция получила от Джубала список имен людей, с которыми он готов был разговаривать, и держала аппарат в доме на режиме «отказ от разговора, запись» почти все остальное время.

Однако письма прорывались через изгородь беспрепятственно.

Харшоу сказал Джилл, что Майку пора бы повзрослеть и пусть он начнет с чтения своей почты. Джилл может ему помочь. «Но ко мне не приставать, у меня и без того до черта этой проклятой почты».

Полностью остаться в стороне Джубал не сумел: писем было много, а Джилл не всегда знала, что с ними делать.

Даже от сортировки голова шла кругом. Джубал позвонил местному почтмейстеру (без толку), а затем добрался до Бредли, что привело к возникновению наверху «мнения», и поток писем слегка сократился. Теперь они прибывали в мешках уже рассортированные по четырем классам важности, а в отдельном мешке шла почта всех остальных обитателей поместья. Второй и третий классы использовались исключительно для теплоизоляции погреба, где хранили картофель. Когда теплоизоляцию завершили, Джубал велел Дьюку использовать письма для засыпки оврагов.

Проблему представляла почта четвертого класса. Один из пакетов взорвался прямо в почтовом отделении, уничтожив многолетние залежи объявлений «разыскивается» и вывеску «Обращайтесь в соседнее окошко». К счастью, почтмейстер вышел попить кофейку, а его помощница — пожилая дама с больными почками — сидела в туалете. Джубал подумывал о возможности привлечь к обработке пакетов специалистов-минеров.

Такая предосторожность оказалась ни к чему. Майк мог почуять скверну в пакете, не вскрывая его. После этого почта четвертого класса просто оставалась у входа, Майк некоторое время изучал ее издали и за-

ставляя исчезнуть любой подозрительный пакет. Все остальное Ларри перетаскивал в дом.

Майк любил распаковывать пакеты сам, хотя содержащаяся в них добыча его не очень интересовала. Все, что оказывалось никому не нужным, выбрасывалось в овраг. Сюда входили продукты, так как Джубал не был уверен, что чувство скверны у Майка распространяется и на еду. Майк как-то выпил раствор, использующийся в фотографии, который Дьюк поставил в холодильник. Майк только заметил, что «холодный чай» на этот раз имел привкус, который ему не очень понравился.

Джубал позволял Джилл оставлять все, что она захочет, при условии, что:

- а) за это не надо будет платить;
- б) не надо подтверждать получение отправителю;
- в) не надо возвращать обратно, что бы там ни было написано. Среди посылок преобладали подарки, но было много и никем не заказанных товаров. Так или иначе, рассуждал Джубал, незатребованное получателем движимое имущество представляет собой попытку использовать «Человека с Марса» в корыстных целях и не заслуживает благодарности.

Исключением была живность, которую Джубал рекомендовал тут же возвращать, кроме тех случаев, когда Джилл гарантировала животным уход и кормежку, а также уверенность, что они не утонут в бассейне.

Самое большое беспокойство причиняла почта первого класса. Просмотрев около бушеля такой корреспонденции, Харшоу выделил следующие категории:

- а) просьбы денег — в овраг для борьбы с эрозией;
- б) угрожающие письма — хранить, не отвечая, при повторении писем из одного и того же источника — передавать в С.С.;
- в) деловые предложения — пересылать Дугласу;
- г) письма от сумасшедших — интересные хранить, остальные — в овраг;
- д) дружеские — отвечать, если к письму приложен конверт с обратным адресом и маркой, используя форму, подписанную Джилл (Джубал учел, что подпись «Человека с Марса» ценится выше и может рассматриваться как приглашение к дальнейшей бесполезной переписке);

е) «сортирные» — передавать Джубалу (он заключил пари с самим собой, что ни в одном из них не найдется неизвестного ему бранного слова) для истребления, то есть в овраг;

ж) предложения брака и менее формальных отношений — в архив;

з) письма от научных и образовательных учреждений — обращаться, как с письмами категории «д». Если отвечать, то используя, форму, где объясняется, что «Человек с Марса» в данное время ничем не может быть полезен. Если же Джилл посчитает, что «отшить» не удастся, то передавать Джубалу;

и) письма от людей, знакомых с Майком, как, например, от членов команды «Победителя», Президента США и других — передавать Майку и пусть отвечает, как хочет. Упражнение в писании полезно, а упражнения в поддержании отношений с людьми — тем более (если нужен совет — пусть спрашивает).

Количество ответов сократилось до нескольких (для Джилл) и изредка одного-двух для Майка. Джилл усвоила, что просмотреть и классифицировать дневную почту можно примерно за час. Первые четыре категории продолжали оставаться самыми многочисленными. Категория «ж» — очень обильная после передачи из Дворца, затем заметно сократилась. Джубал предупредил Джилл, что, хотя Майк лично отвечает лишь на письма знакомых, все же почта, адресованная ему, есть его личное достояние.

На третье утро, после того как система была разработана, Джилл принесла Джубалу письмо категории «ж». Дамы и другие особы женского пола (извращенцы-мужчины тоже), которые пополняли эту категорию, обычно прилагали к письмам свои фотографии. Некоторые из них были таковы, что почти не требовали дополнительных усилий воображения.

Данное письмо содержало фото, которое от воображения работы не требовало ни капли, но зато вызывало совершенно определенные эмоции.

— Босс, вы только посмотрите на это! — воскликнула Джилл. — Умоляю вас!

Джубал прочел письмо.

— Знает, чего хочет. А что думает Майк?

— Он его не видел.

Джубал еще раз глянул на фотографию.

— Тип, который в дни моей юности назывался «титькастая». В сексуальности сомневаться не приходится, в ловкости — тоже. А зачем ты мне это показываешь? Я видал и получше.

— А что мне делать? Хватило бы и одного письма, а тут еще эта омерзительная фотография... Можно я порву ее?

— А что написано на конверте?

— Наш адрес и обратный.

— Кому адресовано?

— Как кому? Валентайну Майклу Смиту, «Человеку с Марса».

— О?! Значит, не тебе?

— Нет, конечно...

— Тогда давай подведем итог. Ты Майку не мать, не дуэнья. Если Майк захочет читать всю свою почту, включая и такое дерьмо, это его право.

— Он читает почти все объявления. Но не хотите же вы, чтоб он читал подобную дрянь? Он невинный ребенок.

— Вот как! А сколько человек он убил?

Вид у Джилл был очень несчастный.

Джубал продолжал:

— Если ты хочешь ему помочь, то лучше постарайся внушить, что на убийства в нашем обществе смотрят не очень-то одобрительно. В противном случае, он обратит на себя внимание сразу же, как только начнет выезжать в свет.

— Я не думаю, что он очень стремится «выехать в свет».

— А я намерен вышибить его из гнезда, как только он научится летать. Я не считаю возможным, чтобы он провел всю жизнь в заточении, как какой-нибудь арестованный инфант. Во-первых, это невозможно... Майк переживет меня на много, много лет. Но ты права, Майк невинен. Сестра, ты видела ту стерильную лабораторию в Нотр-Дам?

— Я читала о ней.

— Самые здоровые животные в мире, но они не могут жить за стенами лаборатории. Дитя, Майку надо

познакомиться с «грязью» и приобрести иммунитет. Когда-нибудь он встретит девку, которая написала это письмо, или ее духовных сестер, и их будут сотни. Что ж, с его славой и красотой он может провести всю жизнь, прыгая из одной постели в другую. Пресечь это не в твоих силах, и я не смогу. Женщины — личное дело Майка. Более того, я не стал бы вмешиваться, хотя подобная жизнь сама по себе глупа, — я имею в виду, что все время повторяешь одни и те же физические упражнения. А как ты думаешь?

— Я?.. — Джилл вспыхнула.

— Может, ты и не находишь их монотонными, это дело не мое. Но если ты не хочешь, чтобы Майк откинул копыта на первой же полутысяче баб, которые захватят его врасплох наедине, тогда не перехватывай его почту. Такое письмо должно его только насторожить. Передай ему весь мешок, ответь на все вопросы и постарайся не краснеть.

— Босс, ваша логика просто возмутительна!

— Ну и как же ты думаешь ее опровергнуть?

— Я собираюсь порвать фото сразу же после того, как Майк его посмотрит.

— А вот этого не надо!

— Что? Может, оно нужно вам?

— Упаси Бог! Но Дьюк собирает такие открытки. Если Майку не нужно, отдай Дьюку.

— Дьюк собирает такую дрянь? Он показался мне таким милым.

— Он такой и есть.

— Но... я не понимаю.

Джубал вздохнул.

— Я мог бы объяснять тебе целый день, но ты все равно не поймешь. Моя дорогая, есть аспекты секса, по которым взаимопонимание двух полов нашей расы невозможно. Их иногда инстинктивно *грокк* через разделяющую нас пропасть особо одаренные индивиды. Но слова тут бесполезны. Поверь мне: Дьюк настоящий рыцарь, но ему эта карточка понравится.

— Я не могу передать ее Дьюку сама — у него могут возникнуть идеи.

— Ханжа! В почте есть еще что-нибудь интересное?

— Нет. Обычное жулье, желающее, чтобы Майк поручился за что-то или согласился дать разрешение на продажу какого-то барахла, якобы одобренного «Человеком с Марса». Один тип требует монополию на пятилетний срок без выплаты отчислений Майку, но зато с его финансовой поддержкой.

— Вот такие нахальные прохвосты мне по душе. Напиши ему, что Майку очень важно снизить налоговые отчисления. Пусть скажет, какую сумму гарантирует нам для списания.

— Вы это серьезно, босс?

— Нет, конечно. Этот жулик может заявиться сюда со всем своим семейством. Но зато какая тема для рассказа! Первая!!!

Майк заинтересовался «мерзким» фото. Он *грокк* (теоретически), что означают и письмо, и фотография, и изучал карточку с тем же восторгом, с каким рассматривал бабочек. Он находил и бабочек, и женщин в высшей степени интересными... Весь мир, который он пытался *грокк*, был восхитителен, и ему хотелось впитать все как можно глубже, пока он не *грокк* этот мир во всей полноте.

Майк понимал и механический, и биологический процессы, которые предлагались в письмах, но удивлялся, почему совершенно незнакомым людям потребовалась его помощь в вызревании яиц? Майк знал (но не *грокк*), что люди совершали ритуал необходимости, «росли теснее», что примерно соответствовало водной церемонии, и ему очень хотелось *грокк* это.

Но причин торопиться не было. Правда, что значит «торопиться», он не *грокк*. Он обладал способностью точно выбирать время, но в марсианском смысле: правильное время приходит в результате ожидания. Он замечал, что братья по воде не обладают его способностями обращаться со временем, и часто им приходилось ждать быстрее, чем то сделал бы марсианин. Он, однако, не упрекал людей за подобную неловкость, он просто сам учился ждать «быстрее», чтобы не выставить на свет человеческие недостатки, и иногда ждал

«быстрее» так ловко, что человеку могло бы показаться, будто Майк несется на невероятных скоростях.

Он принял совет Джилл не отвечать на братские предложения женщин, но расценил его как необходимость ждать, возможно, долго — даже целое столетие. Во всяком случае сейчас было не время, ибо его брат Джилл всегда говорила верно.

Майк согласился, когда Джилл предложила отдать фотографию Дьюку. Он бы и сам так сделал. Он уже видел коллекцию Дьюка, просмотрел ее с интересом, стараясь *грокк*, почему Дьюк сказал: «У этой мордашка подгуляла, но ты только посмотри на ноги, братишка!» Майку было приятно, что его назвал братишкой один из самых близких, но ноги были как ноги, если не забывать, что у марсиан три ноги, а у людей две (причем это не увечье, напомнил он себе).

Что же касается лиц, то самым прекрасным из всех, которые приходилось видеть Майку, было лицо Джубала — оно у него было свое... Эти молодые женщины из коллекции Дьюка вообще не имели своих лиц. Все молодые женщины на одно лицо, а как же иначе?

Он всегда легко узнавал лицо Джилл: она была первая женщина, которую он увидел, первая женщина-собрать по воде. Майк знал каждую пору на ее носу, каждую почти незаметную морщинку на шее и каждую из них восхваляя по отдельности во время своих сладостных медитаций.

Хотя сейчас он отличал Анни от Доркас и Доркас от Мириам по чертам лица, вначале все было не так. Майк тогда различал их только по росту, по цвету волос и по голосу — голоса всегда разные. А когда случалось, что все трое умолкали одновременно, делу помогало то, что Анни такая высокая, Доркас — маленькая, а Мириам меньше Анни, но больше Доркас. Иногда приходилось прибегать к другим признакам: так, если Анни и Доркас отсутствовали, то Мириам отличал цвет волос; они назывались «красными», хотя это был совсем другой цвет, чем у красных же предметов.

Майк знал, что каждое английское слово имеет несколько значений. Это был факт, к которому следовало привыкнуть, как пришлось привыкнуть к однообразию девичьих лиц... Тем более что если подождать,

то возникали различия. Майк теперь мог вызвать в памяти лицо Анни и сосчитать количество пор на ее носу с той же легкостью, что и у Джила. По существу-то даже яйцо обладает уникальной индивидуальностью и отлично от всех других яиц, где бы и когда бы они ни существовали. Поэтому потенциально каждая девушка обладала собственным лицом, хотя различия могли быть очень малы.

Майк отдал фотографию Дьюку, и радость Дьюка согрела его. Себя Майк этим не обделил. Он мог вызвать в памяти, когда хотел, это лицо, на котором светилось странное отражение прекрасной боли. Он выслушал благодарность Дьюка и с радостью вернулся к своей почте.

Майк не разделял недовольство Джила лавиной писем. Он прямо-таки купался в них, во всех этих объявлениях страховых компаний и предложениях руки и сердца. Путешествие во Дворец открыло ему глаза на бесконечное разнообразие этого мира, и он настроился все это *грокк*.

На это потребуются столетия, ему предстоит расти, расти и расти, но торопиться нечего, он *грокк*, что вечность и постоянные, чудесно изменчивые «сейчас» идентичны.

Он решил не перечитывать энциклопедию «Британика»: почта давала ему более любопытные аспекты мира. Он читал письма, кое-что *грокк*, остальное запоминал для последующих размышлений, когда дом засыпал. Он начал, думал Майк, *грокк* «бизнес», «покупку», «продажу» и родственные виды немарсианской деятельности. Энциклопедия же оставляла его «пустым», поскольку (как он *грокк* сейчас) каждая статья подразумевала наличие таких знаний, какими он не обладал.

Прибыла почта от мистера Генерального секретаря Джозефа Эджертона Дугласа — чековая книжка и другие бумаги. Его брат Джубал постарался объяснить ему, что такое деньги и как ими пользоваться. Майк ничего не понял, хотя Джубал показал ему, как заполнять чек, дал в обмен на чек деньги и научил их считать.

Затем внезапно он *грокк* с такой ослепительной ясностью, что даже задрожал, что есть деньги. Эти симпатичные картинки и блестящие круляшки вовсе

не «деньги» — это символ идеи, распространенной в человеческой массе и охватившей весь их мир. Эти материальные предметы были не деньгами, а лишь символизировали идею денег в такой же степени, как разделенная вода символизирует понятие «расти ближе». Деньги были такой же абстрактной идеей, как мысли Старейших; это был мощный структурный символ укрепления, оздоровления и сближения.

Майк был потрясен величественной красотой денег.

Движение, обмен, взаимопроникновение символов — прекрасны даже в малом, — ему вспомнились игры малышни, помогавшие им расти и учиться размышлять, но сейчас его ослепила тотальность, с которой весь мир отражался в единой динамической структуре этого символа. Затем Майк *грокк*, что Старейшие люди наверняка очень древние, раз им удалось сконструировать такую потрясающую красоту. Он робко надеялся, что ему когда-нибудь будет дозволено встретиться с одним из них.

Джубал поощрял его тратить деньги, и Майк так и делал, с застенчивым нетерпением невесты, готовящейся лечь в брачную постель. Джубал посоветовал ему купить подарки для друзей, а Джилл помогла, начав с установления пределов: один подарок каждому, и определила конечную сумму, которая не должна была превысить третью часть его счета. Майк же сначала вознамерился потратить все.

Он понял, как трудно бывает тратить деньги. Существовало множество вещей, таких удивительных и таких недоступных для понимания. Окруженный каталогами из Маршалл-Филдс, Гинзы, Бомбея и Копенгагена, он чувствовал себя тонущим в изобилии. Даже одного каталога «Сирс и Монтгомери» было более чем достаточно.

Помогла Джилл.

— Нет, Дьюку трактор не нужен.

— Но Дьюк любит тракторы.

— У него уже есть один. Вернее, у Джубала есть, что одно и то же. Ему бы понравился один из тех миленьких бельгийских одноколесных велосипедов. Он мог бы его разбирать и собирать целыми днями. Но и это слишком дорого. Майк, милый, подарки не должны быть дорогими. Разве только, если ты хочешь, чтобы

какая-нибудь девчонка пошла за тебя замуж или что-то в этом роде. Подарок должен показать, что ты считаешься со вкусом человека, которому его преподносишь. Даришь то, что ему нравится, но такое, что вряд ли он когда-нибудь купит сам.

— Как это?

— Вот в том-то и проблема. Подожди, я вспомнила... что-то из сегодняшней утренней почты. — Она вернулась почти сразу же. — Нашла! Слушай: «"Современная Афродита". Альбом-люкс женской красоты. Великолепные красочные стереоснимки, принадлежащие лучшим в мире мастерам фотокамеры. Примечание: данный альбом по почте не пересылается. Не принимаются заказы из следующих штатов...» Гм... Пенсильвания есть в списке, но мы найдем способ это обойти. Насколько я знаю вкусы Дьюка, он будет в восторге.

Подарок был доставлен с помощью патрульной машины С.С. В последующие дни в рекламе появилось добавление: «Доставлен "Человеку с Марса" по специальной договоренности», что очень понравилось Майку и сильно расстроило Джилл.

Выбирать подарок Джубалу оказалось для Джилл тяжелым испытанием. Что подарить человеку, у которого есть все, что он хочет и что можно купить за деньги? Три волшебных желания? Источник вечной молодости, который безуспешно искал Понсе де Леон? Смазку для его скрипящих суставов? Или один золотой день юности? Джубал давно отказался держать домашних животных, так как уже пережил многих своих любимцев и, что еще хуже, боялся, что любимцы переживут его и останутся сиротами.

Они посоветовались с остальными.

— Пустяки, — сказал Дьюк. — Разве вы не знаете? Босс любит статуи.

— Вот как? — удивилась Джилл. — Но я здесь не видела ни одной скульптуры.

— То, что он любит больше всего, — не продается. Он говорит, что дерьмо, которое делают теперь, не годится даже для свалки. И любой болван с ацетиленовой горелкой и астигматизмом сейчас именует себя скульптором.

Анни кивнула.

— Дьюк прав. А ответ мы поищем в книгах библиотеки Джубала. — Анни принесла три книги, вид которых, как ей казалось, свидетельствовал, что их листают чаще всего. — Хм... — сказала она, — боссу нравятся все скульптуры Родена. Майк, если б ты смог купить одну из них, какую бы ты выбрал? Вот очень славная — «Вечная весна».

Майк посмотрел на «Весну» и стал перелистывать книгу.

— Вот эту.

— Что?! — Джилл прямо всю передернуло. — Майк, но она ужасна! Я надеюсь, что помру задолго до того, как стану похожа на нее.

— Она прекрасна, — сказал Майк твердо.

— Майк, — протестовала Джилл, — у тебя извращенный вкус, ты хуже Дьюка.

Обычно такой упрек, особенно со стороны Джилл, заставил бы Майка замолчать и провести в попытках *грокк* свою ошибку всю ночь. Но в данном случае он чувствовал себя уверенно. Эта статуя была как дыхание Родины. Хотя изображала она женщину, создавалось впечатление близости Старейшего, который мог быть ее творцом.

— Она прекрасна, — сказал он, — у нее есть собственное лицо. Я — *грокк*.

— Джилл, — медленно сказала Анни, — Майк прав.

— Как? Анни! Неужели тебе нравится это?

— Она ужасает меня. Но книга сама раскрывается в трех местах. Ту страницу он смотрел чаще двух остальных. Вот на эту — «Кариатида, упавшая под тяжестью своего камня» Джубал смотрит очень часто. Но самая любимая — эта.

— Я покупаю ее, — решительно сказал Майк.

Анни позвонила в музей Родена в Париже, и только галльская галантность удержала парижан от хохота. Продать одну из работ Мастера? Дорогая леди, они не только не для продажи. Их нельзя даже копировать.

Но для «Человека с Марса» и невозможное — возможно. Анни позвонила Бредли; через два дня он позвонил ей. В качестве знака доброй воли французское правительство, с условием, что данный экземпляр никогда не будет выставляться, согласилось передать Май-

ку точную до микрона бронзовую фотопантограмму в натуральную величину скульптуры «Та, которая была прекрасной Омиер».

Джилл помогала выбирать подарки для девушек. Когда Майк спросил, что бы она хотела для себя, она ответила, что он не должен ей покупать ничего.

Майк уже начал понимать, что, хотя его собратья по воде говорят верно, иногда они говорят вернее, чем в других случаях. Он посоветовался с Анни.

— Джилл сказала так, как должна была сказать, милый, но ты обязательно должен сделать ей подарок... хм... — Анни выбрала то, что его очень удивило. Джилл уже пахла так, как должна была пахнуть Джилл.

Когда подарок прибыл, его скромные размеры и кажущаяся малозначимость еще больше огорчили Майка. А когда Анни заставила его понюхать, прежде чем отдать подарок Джилл, Майк прочно утвердился в сомнениях: запах был сильный и вовсе не походил на запах Джилл.

Джилл была в восторге от духов и захотела его тут же расцеловать. Целуя ее, Майк *грокк*, что подарил то, что нужно, и поэтому они стали еще ближе. Когда она, надушенная, вечером явилась на ужин, Майк открыл, что по совершенно непонятной причине, благодаря подарку, Джилл пахла как Джилл, только еще прекраснее. И самое удивительное было то, что Доркас поцеловала его и шепнула:

— Майк, милый, мое неглиже просто очаровательно, но, может, когда-нибудь ты подаришь мне духи?

Майк не мог *грокк*, зачем Доркас духи. Доркас пахла иначе, чем Джилл... поэтому духи ей не годятся... да и не хочет он, чтобы Доркас пахла так же, как пахнет Джилл... Он хочет, чтобы Доркас пахла как Доркас.

Вмешался Джубал:

— Перестань липнуть к мальчику и дай ему поесть. Доркас, от тебя и так несет, как от кошки из марсельского борделя. В доме хватает этой вони и без майковых подарков.

— А вы, босс, не лезьте в чужие дела.

Все было загадочно. Почему Джилл может пахнуть еще сильнее и все равно, как Джилл? Почему Доркас хочет пахнуть, как Джилл, хотя она пахнет, как Дор-

кас? И почему Джубал сказал, что Доркас пахнет кош-
кой? В имени жила кошка (не домашняя, а совладельца). Иногда она заходила в дом и изредка соглашалась
принять дань. Кошка и Майк *грокк* друг друга. Майк
счел ее хищные мысли очень славными и по духу
своему близкими к марсианским. Он открыл, что имя
кошки («Фридрих Вильгельм Ницше») было вовсе не
кошачьим, но Майк об этом никому не сказал, так как
настоящее ее имя выговорить не мог. Он только слы-
шал, как оно звучало в ее собственном мозгу.

Кошка пахла совсем иначе, чем Доркас.

Дарить подарки было Благо. И Майк понял истин-
ную цену денег. Но он не забывал и о других вещах,
которые намеревался *грокк*. Джубал уже два раза отка-
зывал сенатору Буну, но Майка не ставил в известность
об этом, а Майк ничего не заметил: его понимание
времени не связывало выражение «следующее воскре-
сенье» с определенной датой. Однако новое приглаше-
ние было прислано прямо на имя Майка. Бун под
давлением архиепископа Дигби сообразил, что Харшоу
просто тянет.

Майк принес письмо Джубалу.

— Ну и что? — рявкнул Джубал. — Хочешь идти?
Ты не обязан выполнять их требования. Можешь по-
слать их к черту.

Аэротакси с пилотом (Харшоу не доверял роботопи-
лотам) было заказано на утро следующего воскресенья,
чтобы доставить Майка, Джилл и Джубала в храм
архангела Фостера Церкви Нового Откровения.

Глава 23

По пути к храму Джубал старался предостеречь Майка, но от чего именно, Майк так и не понял. Он слушал, но пейзажи отвлекали его внимание, поэтому Майк принял компромиссное решение — отложил все, что сказал Джубал, в запасник своей памяти.

— Слушай, мальчуган, — наставлял его Джубал, — эти фостериты охотятся за твоими деньгами. И за престижем, который возрастет, если «Человек с Марса» присоединится к их церкви. Они за тебя примутся, но ты должен держаться стойко.

— Прошу прощения?

— Черт, да ты же не слушаешь!

— Извини, Джубал.

— Ладно. Давай посмотрим на это дело так. Религия — утешение для многих, и можно предположить, что в какой-то из религий заключена абсолютная истина. Но часто религиозность — всего лишь разновидность тщеславия. Вера, в которой я был воспитан, утверждала, что я лучше других людей. Я — «спасен», а они — «прокляты». Нас осеняет милость Господня, а все остальные — язычники. Под язычниками же они подразумевали таких, как наш брат Махмуд. Невежественные олухи, которые никогда не мылись и сеяли

кукурузу при луне, претендовали на то, что им известны ответы на все проблемы Вселенной. Это давало им право смотреть на всех чужаков свысока. Наши гимны просто распирает самодовольство и самолюбование от того, на какой короткой ноге мы с Богом, какое высокое мнение сложилось у него о наших персонах, и сколько горя хлебнут все прочие в Судный День.

— Джубал, — запротестовала Джилл, — он же не грокк это.

— А? Извините. Моя семья мечтала сделать из меня проповедника. Думаю, это сказывается.

— Еще как!

— Не дерзи, девочка. Из меня получился бы неплохой проповедник, если бы я не приобрел идиотскую привычку читать. Немножко больше самоуверенности и чуть-чуть побольше невежества превратили бы меня в знаменитого евангелиста. Черт! То место, куда мы летим, могло бы называться Храмом Архангела Джубала!

Джилл вздрогнула.

— Джубал, ну не надо. Разве можно говорить о таких вещах после сытного завтрака?!

— А я говорю серьезно. Мошенник знает, что он лжет, и это ограничивает масштабы его деятельности. А вот удачливый шаман верит тому, что говорит, а вера заразительна, и для его влияния никаких границ не существует. Мне не хватало веры в свою непогрешимость. Из меня не вышел бы пророк... Только критик — что-то вроде третьеразрядного пророка со всеми заблуждениями, присущими этому сорту людей. — Джубал нахмурился. — Вот потому-то меня и беспокоят фостериты, Джилл. Я думаю — они искренни. А Майк... он клюет на искренность.

— И что они сделают, как вы думаете?

— Попробуют обратить его. А затем наложат лапу на его богатство.

— Мне казалось, что вы все так организовали, что это никому не удастся.

— Нет. Просто никто не может захватить без его на то разрешения. Да и Майк в большинстве случаев не может отдать свои деньги без ведома правительства. Однако дарение политически могущественной Церкви — дело совершенно иного рода.

— Не понимаю почему?

Джубал скривился.

— Моя дорогая, в юридическом отношении религия — область совершенно особая. Церковь может все, что доступно любой организации, но при этом без всяких ограничений. Она не платит налогов, она не публикует данных о доходах и расходах, она не может быть подвергнута обыску, инспекции и контролю. И кроме того, церковь — это все то, что пожелает называть себя церковью. Были попытки провести границу между «подлинными» религиями, обладающими неприкосновенностью, и «культами». Оказалось, что это невозможно, разве что объявить какую-то религию государственной... а это лекарство хуже самой болезни. И то, что осталось от Конституции США, и Договор о Федерации утверждают право всех церквей на неприкосновенность, особенно, если те командуют большим количеством избирателей. Если бы Майк перешел к фостеритам... и составил бы завещание в пользу Церкви, то тогда фраза «отправился на Небо на восходе солнца» прозвучала бы с такой же неизбежностью, как неизбежны богослужения по воскресеньям.

— О Господи! А я-то думала, что он в безопасности.

— Нет безопасности по сию сторону могилы.

— Ну и что же вы намерены делать, Джубал?

— Ничего. Буду выжидать.

Майк отложил в памяти этот разговор, не пытаясь его *грокк*. Он относил вопрос, лежавший в его основе, к простейшим, если обсуждать его на марсианском языке, но удивительно скользким — на английском. Поскольку даже с братом Махмудом ему не удалось достичь общего *грокк* этой проблемы, так как всеобъемлющая марсианская концепция «Ты есть Бог» в переводе звучала неполно и неверно, то, видимо, оставалось только ждать. На этот раз ожидание должно принести свои плоды. Его брат Джилл изучает марсианский, и он ей все разъяснит. Они будут *грокк* вместе.

Сенатор Бун встретил их на посадочной площадке храма.

— Привет, друзья! Пусть Всеблагой Господь благословит вас в этот дивный день отдохновения от трудов! Мистер Смит, я счастлив видеть вас снова. И вас тоже, доктор. — Он вынул сигару изо рта и взглянул на Джилл. — А эту юную леди не видел ли я во Дворце?

— Да, сенатор. Я — Джиллиан Бордмен.

— Так я и думал, милая. Вы спасены?

— Хм... боюсь, что нет, сенатор.

— О, это никогда не поздно. Мы будем счастливы, если вы посетите службу для ищущих во внешнем храме... я отыщу хранителя, и он вас проведет. Мистер Смит и док пройдут прямо в святилище.

— Сенатор...

— А? Что вы хотите, док?

— Если мисс Бордмен не может посетить святилище, лучше и мы прослушаем службу для ищущих. Она медсестра мистера Смита.

Бун забеспокоился.

— Он болен?

Джубал пожал плечами.

— Как его врач, я предпочитаю, чтобы с нами была медсестра. Мистер Смит еще не привык к нашей планете. А почему бы не спросить его самого? Майк, ты хочешь, чтобы Джилл пошла с нами?

— Да, Джубал.

— Но... ну хорошо, мистер Смит. — Бун опять вынул изо рта сигару, вложил два пальца в рот и свистнул. — Херувима сюда!

Тут же подлетел подросток лет десяти. Он был облачен в короткую и широкую тунику, узкие штаны, кеды и имел маленькие крылышки. Были там еще золотые локоны и ясная улыбка. Джилл подумала, что ребенок почти так же мил, как реклама имбирного эля.

Бун приказал:

— Лети в контору святилища и скажи дежурному стражу, что мне нужен еще один знак пилигрима, пусть его доставят прямо к воротам святилища. Пароль — «Марс».

— Марс, — повторил мальчик, отдал Буну скаутский салют и сделал шестидесятифутовый прыжок над толпой. Джилл поняла, почему туника казалась такой

широкой — под ней скрывалось приспособление для прыжков.

— Эти знаки у нас на особом учете, — заметил Бун. — Вы бы удивились, узнав, сколько грешников готовы насладиться Божественной Радостью, не смыв с себя пятен греха... Мы тут побродим да посмотрим как и что, пока не доставят третий значок.

Они прошли через храм, попав в длинный и высокий холл. Здесь Бун остановился.

— Я хочу, чтоб вы хорошенько поняли. Умение показать товар лицом необходимо даже в служении Господу. Любой турист — неважно, идет он на богослужение для ищущих или нет, а службы идут по двадцать четыре часа в сутки, неизбежно попадает сюда. И что он видит? Крутом сколько хочешь счастливых шансов. — Бун показал на игральные автоматы, стоявшие вдоль двух стен. — Бар и закусочная с моментальным обслуживанием находятся в дальнем конце, но он не получит выпивки, пока не пройдет сквозь строй автоматов. Должен вам сказать, что надо быть закоренелым грешником, чтобы пройти этот путь, не растратив всю мелочишку... Но мы не отбираем у него деньги, не дав ему ничего взамен. Вот посмотрите... — Бун протолкался к автомату и похлопал по плечу игравшую женщину. — А ну-ка, дочь моя.

Женщина посмотрела на него, возмущение на ее лице сменилось улыбкой.

— Пожалуйста, пожалуйста, епископ.

— Благослови вас Господь! Заметьте, — продолжал Бун, вкладывая в прорезь автомата четвертак, — выдаст ему машина что-нибудь в мирских ценностях или нет, грешник все равно будет вознагражден благословением и сувенирным священным текстом.

Жужжание автомата смолкло. В окошечке появилась надпись: «БОГ БДИТ И ВИДИТ ТЕБЯ».

— Тут воздается трижды к одному, — сказал Бун и выудил свой выигрыш из специального отделения. — А вот и ваш текст. — Он оторвал билетик и вручил Джилл. — Держите, юная леди, и внимайте.

Джилл удалось бросить беглый взгляд на билетик, прежде чем убрать его в сумочку: «Но брюхо грешника набито нечистотами. Н.О. XXII, 17».

— Заметьте, — продолжал Бун, — что выигрыш выдается жетонами, а не деньгами, кабинка же казначея находится вон там, в самом дальнем конце, за баром. Таким образом, у вас есть уйма возможностей внести свою добровольную лепту на милостыню и другие добрые дела. И каждый раз грешник будет получать на свои вложенные деньги выигрыши, сопровождаемые благословениями. Кумулятивный эффект огромен! Многие из наших самых верных членов паствы начинали свой путь именно здесь, в этой комнате.

— В этом я не сомневаюсь, — согласился Джубал.

— Особенно, если им удастся сорвать банк. Понимаете, любая комбинация — это уже благословение, но «банк» — это когда в окошечках появляются три Божественных ока. Прямо вам говорю, когда они видят, как все три ока выстраиваются в линию и смотрят на них, а с небес начинает сыпаться манна, то тут грешники начинают задумываться. Некоторые даже теряют сознание. Вот, мистер Смит, — Бун передал Майку один из жетонов, — пустите-ка его в оборот.

Майк замешкался. Джубал взял жетон — он вовсе не хотел, чтобы мальчик стал жертвой «Однорукого бандита».

— Дайте-ка я попробую, сенатор. — И опустил жетон в прорезь.

Майк немного растянул чувство времени и проник внутрь машины, стараясь понять, как она работает. Он был слишком застенчив, чтобы играть самому.

Но когда Джубал нажал на ручку, Майк увидел, как вращаются цилиндры, заметил нарисованные на них глаза, и ему стало интересно, что это за штука «банк». У этого слова было, насколько он знал, три значения. И ни одно из них сюда не подходило. Вовсе не намереваясь вызвать сенсацию, он замедлил вращение колес, а потом и совсем остановил их так, чтобы глаза выглянули в окошко.

Раздался звон колокола, хор исполнил «Осанну», автомат озарился сиянием и начал выбрасывать из прорези жетоны. Бун продемонстрировал полный восторг:

— Благослови вас Господь, док! Сегодня у вас большой день! Ну-ка положите один жетон обратно, чтобы «снять» автомат с банка.

Он взял один жетон и вложил его в прорезь.

Майку стало интересно, что же все-таки происходит, и он снова выровнял глаза в одну линию. Все повторилось снова, за исключением того, что водопад жетонов превратился в жалкую струйку. Бун уставился на машину с недоверием.

— Ну... будь я благословен! Выигрыш два раза подряд невозможен. Но я лично присмотрю, чтобы вы получили за оба. — И он быстро вложил в прорезь еще один жетон.

А Майку все еще хотелось понять, почему это «банк», и снова глаза вытянулись в одну линию.

Бун отказывался верить своим глазам. Джилл сжала руку Майка и шепнула:

— Майк, прекрати это.

— Но, Джилл, я же видел...

— Не разговаривай. Прекрати. Ох, и задам же я тебе, когда вернемся домой.

Бун задумчиво произнес:

— Я боюсь назвать это чудом. Может быть, просто машине нужен ремонт. — Он закричал: — Херувим, сюда! — И добавил: — Во всяком случае попробуем снять его с позиции банка, — после чего опустил в прорезь еще один жетон.

Без вмешательства Майка, в окошечках появилась надпись: «ФОСТЕР ЛЮБИТ ТЕБЯ».

Явился Херувим и сказал:

— Счастливого дня! Вам нужна помощь?

— Три банка! — ответил ему Бун.

— ТРИ?!

— А ты что, не слышал музыки? Может, ты оглох? Мы будем в баре. Принеси деньги туда. И пусть кто-нибудь проверит машину.

— Слушаюсь, епископ.

Бун поспешно увел их в бар.

— Надо вас отсюда поскорее увести, — сказал он жизнерадостно, — а то вы доведете нашу церковь до банкротства. Док, вам всегда так везет?

— Всегда, — ответил Харшоу скромно. Про себя же он подумал, что и в самом деле не уверен, имеет ли Майк отношение к происходящему. Но ему очень хотелось, чтобы дело на этом и закончилось.

Бун подвел их к стойке с табличкой «Заказано» и сказал:

— Пожалуй, подойдет. А может, юная леди желает посидеть?

— Нет. Тут хорошо (...только назови меня еще раз юной леди, и я спущу на тебя Майка).

Подскочил бармен.

— Счастливый день! Вам, как обычно, епископ?

— Двойной. А вам чего, док? И мистеру Смитсу? Не стесняйтесь, вы — гости самого архиепископа.

— Бренди, благодарю вас. И с водой.

— Бренди, благодарю вас, — повторил Майк и добавил: — Только без воды, пожалуйста. — Майку почему-то здесь пить воду не хотелось.

— Вот это по-нашему! — воскликнул довольный Бун. — Кто пьет крепкий спирт — в том крепкий дух! Не какая-нибудь вода! Шутка. Вы поняли? — Он ткнул Джубала пальцем под ребро. — А что пьет юная леди? Колу? Молочко? Чтоб щечки заалели? Или настоящий напиток Счастливого дня, который пьют настоящие мужчины?

— Сенатор, — осторожно спросила Джилл, — ваше гостеприимство распространяется на мартини?

— Ну еще бы! Лучший в мире мартини — мы не пользуемся вермутом. Вместо этого мы его благословляем. Двойной мартини для юной леди! Благослови тебя Бог, сынок, и поторопись. Времени у нас мало. Разве что пропустишь один стаканчик, а потом нам еще предстоит отдать дань уважения архангелу Фостеру и послушать в святилище самого архиепископа.

Принесли напитки и выигрыш за сорванный банк. Они выпили под благословение Буна, а потом Бун начал спорить из-за трехсот долларов, настаивая, чтобы Джубал взял их себе. Джубал уладил спор, положив выигрыш в урну для доброхотных деяний.

Бун с довольным видом закивал головой.

— Бог вам воздаст за это, док... Мы вас еще спасем. Выпьем же, друзья, еще по стаканчику!

Джилл надеялась, что кто-нибудь скажет «да». Джин был здорово разбавлен водой, но теплота, разлившаяся по желудку, несколько смягчила настроение Джилл. Никто, однако, не выразил согласия, и поэтому Бун

повел их по пандусу мимо плаката, гласившего: «Доступ ищущим и грешникам категорически воспрещен. Остановись. Это касается ТЕБЯ!»

За плакатом находилась калитка. Бун сказал ей:

— Епископ Бун и три пилигрима, гости архиепископа.

Калитка открылась. Бун провел их по плавно закругляющемуся коридору в комнату. Комната была большая, очень пышно обставленная и напомнила Джилл почему-то залы похоронных контор, с той лишь разницей, что здесь звучала веселая музыка. Темой служили «Колокола Радости» с добавлением ритмики Конго. Джилл почувствовала, что готова пуститься в пляс. Дальняя стена была стеклянная, причем стекло совершенно прозрачное, почти невидимое. Бун деловито сказал:

— Вот, друзья, мы находимся в присутствии. Можете не становиться на колени, но если вам угодно, пожалуйста. Большинство пилигримов колени преклоняют. А вот это ОН, такой, каким был призван на Небо. — Бун указал своей сигарой. — Смотрите, совсем как живой! Сохранен дивным чудом, плоть нетленна. А это то самое кресло, сидя в котором он писал свои «Послания»... В этой позе он и был призван на небо. Его никуда не передвигали — храм построен вокруг него. Естественно, снесли старую церковь, но ее священные камни сохранены.

Глядя на них с расстояния около двадцати футов, в кресле, удивительно похожем на трон, сидел старик. Выглядел он как живой... и странным образом напомнил Джилл старого козла на ферме, где она жила маленькой в летние месяцы — отвисшая нижняя губа, борода, яростные жесткие глаза. Джилл почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Архангел Фостер вызвал у нее крайне неприятные ощущения.

Майк спросил по-марсиански:

— Мой брат, это Старейший?

— Не знаю, Майк, говорят — да.

Он ответил:

— Я не *грокк* Старейшего.

— Я же тебе сказала — не знаю.

— Я *грокк* скверну.

— Майк! Помни!

— Да, Джилл.

— Что он говорит, юная леди? — спросил Бун. — Какой вопрос вас интересует, мистер Смит?

Джилл быстро вмешалась:

— Так, пустяки. Сенатор, можно мне выйти? Мне нехорошо.

Она еще раз взглянула на тело. Над ним вздымались облака, солнечный луч прорезал их и высветил лицо. С изменением освещения выражение мумии, казалось, изменилось, и глаза блеснули живым огнем.

Бун сказал успокаивающе:

— Да, по первому разу он нередко производит такое впечатление. А попробовали бы вы постоять на галерее ищущих там внизу да посмотреть вверх и послушать тамошнюю музыку. Мощная музыка, с тонировкой подсознания, как мне говорили. Она напоминает им об их грехах. А эта комната — комната Радостных Размышлений — комната для медитаций высших служителей Церкви. Я часто прихожу сюда посидеть и выкурить сигару, если чувствую себя не в своей тарелке.

— Сенатор, я прошу вас...

— О, конечно! Подождите за дверью, милая. Мистер Смит, а вы можете оставаться здесь сколь угодно долго.

— Сенатор, — вмешался Джубал, — а не лучше ли нам всем отправиться на богослужение?

Они вышли. Джилл трясло, она ужасно боялась, что Майк выкинет какой-нибудь номер с этим жутким экспонатом, и тогда их всех линчуют на месте.

Два стража преградили им путь скрещенными копьями у портала святилища. Бун сказал укоризненно:

— Ну, ну... эти пилигримы — личные гости архиепископа. Где их значки?

Были предъявлены значки, а вместе с ними были вручены и номера мест. Почтительный служака сказал:

— Вот сюда, епископ. — И повел их по широкой лестнице к центральной ложе, расположенной как раз против сцены.

Бун остановился.

— Проходите первой, юная леди.

Бун явно хотел сесть рядом с Майком, но Харшоу победил, и место Майка оказалось между Джубалом и Джилл, место же Буна — у прохода.

Лож была великолепна: кресла, сами принимавшие нужную форму, пепельницы, откидные столики для напитков. Они сидели над паствой и всего лишь в сотне футов от алтаря. Перед алтарем молодой священник старательно подогревал энтузиазмом аудиторию, приплясывая под музыку, вскидывая и резко опуская могучие мускулистые руки со сжатыми кулаками. Его сильный бас время от времени заглушался хором, а затем гремел, как колокол, изгоняющий дьявола.

— А ну-ка приподнимите задницы! Вы что, хотите, чтоб дьявол запустил в вас когти, пока вы дрыхните?!

От правого прохода вилась волна змеиного танца, она перекинулась на первые ряды и пошла, пошла по центральному проходу назад; тысячи ног грохотали об пол, повинувшись выкрикам и взмахам рук священника и синкопам хора... Грохот ног... грохот... стоны! Джилл чувствовала, как ритм захватывает ее, ей хотелось принять участие в этом танце, в который вступали все новые и новые десятки людей, повинувшись граду злобных насмешек энергичного молодого священника.

— Этот парень подает большие надежды, — одобритительно сказал Бун. — Я участвовал в богослужении в паре с ним и могу авторитетно заявить, что он умеет довести толпу до кипения и вручает вам ее с пылу с жару. Достопочтенный Джаг Джейкермен — раньше играл левого полузащитника у «Овнов». Да вы его, наверное, видели.

— Боюсь, что нет, — сознался Джубал, — я не интересуюсь футболом.

— Не может быть! Знаете, во время футбольного сезона большинство верующих остается здесь после службы, едят свой ленч прямо на скамейках и смотрят футбол. Заалтарная стена опускается, и прямо перед вами — самый большой в мире стереозэкран. Кажется, что игра идет прямо у вас под самым носом. Качество приема куда лучше, чем дома. Ну а когда смотришь в толпе, дело идет веселее и удовольствия получаешь несравненно больше. — Он свистнул. — Эй, Херувим!

Их провожатый возник почти мгновенно.

— Да, епископ?

— Сынок, ты удрал так быстро, что я не успел сделать тебе заказ.

— Извините меня, епископ.

— Извинения вряд ли помогут тебе попасть в рай. Ладно, возвеселись, сынок. Нажми-ка свою пружину и давай скок-поскок! Вам всем то же самое, друзья? — Он сделал заказ и добавил: — Принеси еще пригоршню моих сигар, спроси у главного бармена.

— Сию минуту, епископ!

— Благослови тебя Господь, сынок. Подожди-ка... — Спираль змеиноного танца проходила как раз под ними. Бун наклонился, сложил ладони рупором, и голос его заглушил шум: — Дон! Эй, Дон! — Какая-то женщина внизу подняла лицо, и он помахал ей. Она улыбнулась. — Добавь-ка к заказу еще виски с лимоном... и валяй по-быстрому.

Женщина появилась почти одновременно с напитками. Бун принес для нее стул из заднего ряда.

— Друзья, познакомьтесь с мисс Дон Ардент. Моя дорогая, это — мисс Бордмен, вон та юная леди в углу, а это, значит, доктор Джубал Харшоу, что сидит рядом с тобой.

— Неужели? Доктор, я считаю ваши рассказы просто божественными.

— Благодарю вас.

— Нет, нет, правда. Я почти каждый вечер слушаю их запись, и она погружает меня в тихий сон.

— Вряд ли писатель может ожидать большей похвалы, — сказал Джубал, сохраняя серьезное выражение лица.

— Ладно, хватит, Дон, — вмешался Бун, — а молодой человек между ними — мистер Валентайн Майкл Смит, «Человек с Марса».

Глаза у нее раскрылись широко-широко.

— О Боже мой!

Бун заржал.

— Господь с тобой, дитя. Мне, кажется, удалось удивить тебя.

Она робко спросила:

— Неужели вы действительно «Человек с Марса»?

— Да, мисс Дон Ардент.

— Зовите меня просто Дон. О Боже мой, никак не верится!

Бун похлопал ее по руке.

— Разве ты не знаешь, что не верить епископу грех? Моя дорогая, а как бы ты отнеслась к тому, чтобы помочь вести «Человека с Марса» к Свету?

— Ох, с наслаждением!

«...Еще бы не с наслаждением, хитрая ты сучка», — подумала Джилл.

Джилл начала злиться, еще когда мисс Ардент только присоединилась к ним. Платье этой женщины было с длинными рукавами, закрытое, матовое и в то же время ничего не скрывало. Материя выделкой напоминала трикотаж, цвет почти не отличался от загорелой кожи Дон, и Джилл была уверена, что под платьем и есть одна только кожа, если не считать самой мисс Ардент, которой было, кстати, довольно много. Платье выглядело нарочито скромным в сравнении с платьями большинства женщин — членов паствы. Некоторые из них, казалось, вот-вот выскользнут из одежды.

Джилл подумала, что мисс Ардент выглядит так, будто она только что вылезла из постели и не возражала бы вернуться обратно... Только с Майком... Прекрати подсовывать ему свои телеса, дешевая подстилка!

Бун сказал:

— Я поговорю об этом с архиепископом, девочка. А теперь иди обратно и возглавляй парад. Джагу нужна твоя помощь.

— Слушаюсь, епископ. Было приятно познакомиться с вами, доктор и мисс Бордмен. Надеюсь, мы увидимся, мистер Смит. Я буду молиться за вас. — И она удалилась, покачивая бедрами.

— Отличная девушка, — сказал довольный сенатор. — Вам когда-нибудь приходилось видеть ее номер, док?

— Кажется, нет. А чем она занимается?

— Вы не знаете?

— Нет.

— Разве вы не слышали ее имени? Это Дон Ардент — самая выдающаяся из всех профессиональных звезд стриптиза Баха-Калифорнии *, вот кто она такая. Работает в круге света от прожектора с диафрагмой, и когда на ней остаются один туфли, свет падает только

* Штат Мексики на северо-западе тихоокеанского побережья.

на ее лицо, а все остальное невидимо. Очень эффектно. И в высшей степени духовно. Разве можно поверить, глядя сейчас на это дивное лицо, что она когда-то была исключительно аморальной женщиной?

— Я бы в это ни за что не поверил.

— Нет, нет, точно. Именно такой она и была. Спросите у нее. Она вам все скажет. А еще лучше, приходите на обряд очищения для ищущих — я вам дам знать, когда она будет принимать участие. Знаете, когда она кается — это помогает другим женщинам преодолеть свою робость, чтобы публично сознаться в своих грехах. И она от этого не страдает, ей радостно сознавать, что она помогает другим. Она очень предана делу и каждую субботу вечером вылетает сюда после своего последнего шоу, чтобы выступить в воскресной школе. Она преподает в классе Радости для юношей, и посещаемость в нем выросла втрое после того, как она приступила к делу.

— Вот этому я могу поверить, — согласился Джубал. — И сколько же лет этим счастливым юношам?

Бун расхохотался.

— Вам-то меня не обмануть, старый хитрец. Кто-то вам выдал девиз класса Дон: «Никто не может быть так стар, чтобы не стать молодым».

— Нет, серьезно...

— Вам туда не попасть, пока не увидите Свет и не пройдете через Очищение. Это ведь единственная истинная Церковь, пилигрим, а не те ловушки сатаны, не те вонючие ямы беззакония, которые зовутся церквями, чтобы склонять опрометчивых в идолопоклонство и прочие непотребства. К нам нельзя зайти «на часок», чтобы убить время, пока идет дождь, — сначала вам придется спастись. Практически... Ой-ой, нас предупреждают... включаются камеры... — Во всех углах огромного зала замигали огоньки. — Ну, Джаг подготовил их как надо. Сейчас дело пойдет.

Змеинный танец втягивал в себя все большее число участников. Немногие оставшиеся сидеть аплодировали в такт и подпрыгивали на своих скамьях. Служители торопились, чтобы успеть поднять упавших, многие из которых — преимущественно женщины — корчились, изо рта у них шла пена. Таких клали у алтаря, где они

бились, как рыбы на песке. Бун указал сигарой на костлявую рыжую женщину лет сорока в изорванном платье.

— Видите эту женщину? Вот уже год, как каждую службу на нее снисходит Дух. Теперь с ее помощью к нам нередко обращается сам архангел Фостер... Когда это бывает, нужно не меньше четырех здоровых мужчин, чтобы удержать ее. Она может быть призвана на небо в любую минуту и готова к этому. Кто-нибудь хочет еще выпить? Бар работает хуже, когда камеры приходят в действие и начинается вот такое движение.

Майк позволил снова наполнить свой стакан. Он не разделял отвращения Джилл к этой сцене. Его очень огорчало то обстоятельство, что «Старейший» оказался просто испорченной пищей. Но это он отложил в памяти, а сейчас упивался неистовством, бушевавшим внизу. Оно так живо напомнило ему Марс, что он одновременно чувствовал тоску по дому и ощущал тепло домашнего очага. Ни одна деталь не была марсианской, все было совершенно не так, и все же он *грокк* нарастающее сближение, не менее реальное, чем при водном обряде, и такое мощное по количеству участников и по интенсивности, какого он еще не встречал за пределами своего Гнезда. Как бы он хотел, чтобы кто-нибудь пригласил его присоединиться к тем, кто прыгал и извивался там внизу. Ноги просто чесались от желания принять участие в пляске.

Он увидел мисс Дон Ардент. Может быть, она пригласит его? Ему не надо было узнавать ее по росту или по комплекции, хотя по росту и общему силуэту она в точности походила на Джилл. У мисс Дон Ардент было собственное лицо, и ее боли, печали и желания четко проступали на нем под улыбкой. Он подумал о том, не захочет ли мисс Дон Ардент когда-нибудь разделить с ним стакан воды. Сенатор Бун надоел ему. И Майк был рад, что Джубал не посадил сенатора рядом с ним. И очень жалел, что Дон Ардент отослали прочь.

Мисс Ардент даже не подняла глаз. Процессия беснующихся унесла ее. Человек на платформе поднял обе руки; огромный зал затаился. Человек резко и сильно бросил руки вниз.

— Кто счастлив?!

- МЫ СЧАСТЛИВЫ !
- Почему?
- БОГ... ЛЮБИТ НАС !
- Кто вам это сказал?
- ФОСТЕР СКАЗАЛ НАМ ЭТО !

Мужчина упал на колени и поднял один кулак.

- Дайте мне услышать рык льва!

Они ревели, они были, они вопили в такт движениям кулака, игравшего роль дирижерской палочки, то усиливавшего гамму звуков, то снижавшего его, пока она не падала до почти неулавливаемого ухом ворчания, а потом поднимаясь крещендо и сотрясая балкон.

В экстазе, столь остром, что он почувствовал опасность погрузиться в самозабвение, Майк, казалось, погружался в этот рев, но, поскольку Джил сказала ему, что этого нельзя делать нигде, кроме своей комнаты, он сдержал себя, и волны звуков плыли, лишь омывая его.

Мужчина на сцене поднялся с колен.

— Спонсором нашего первого гимна, — сказал он деловито, — являются «Пекарни Манны», компания, производящая Ангельский Хлеб — этот истинный Ломоть Любви с улыбающимся лицом архиепископа на обертке каждого хлебца, к которому приложен купон-премия, подлежащий погашению в любой ближайшей Церкви Нового Откровения. Братья и сестры! Завтра «Пекарни Манны», чьи отделения разбросаны по всей нашей стране, начнут гигантскую дешевую распродажу товаров, приуроченную ко Дню Равноденствия. Пусть ваши дети пойдут в школы с коробками, наполненными печеньем архангела Фостера, каждая из которых специально благословлена и обернута в бумагу с подобающим текстом. Будем же молиться, чтобы каждое печенье, которое будет отдано, привело к Свету хотя бы одно чадо грешника. А теперь подкрепим это пожелание святыми словами нашего старого и горячо любимого гимна. — «Вперед, Дети Фостера!» — Ну-ка, давайте все вместе!

Вперед, Дети Фостера! — Бах!
 Повергнем врагов своих в прах!
 Вера — и щит наш, и меч,
 Рубите им головы с плеч!

— Теперь вторую строфу!

Пришел им погибели срок —
К победе ведет нас Бог!

Майк был в таком восхищении, что даже не пытался *грокк* слова. Он *грокк*, что слова не важны. Важно другое — все растут ближе. Снова зазмеился танец, громовые выкрики танцующих сливались с хором.

После гимна вновь шли объявления, Небесные Новости, потом снова реклама и вручение призов. Спели второй гимн — «Счастливые лица подняты к Небу», спонсором которого были «Универсамы Даттельбаума», где продавались только товары, предназначенные для «спасенных», стоявшие вне всякой конкуренции по своему качеству, и при каждом магазине имелась Комната Радости для детей, находившаяся под наблюдением Спасенной сестры.

Священник подошел к краю платформы и приложил ладонь к уху.

— МЫ... ХОТИМ... ДИГБИ!

— Кого?

— МЫ... ХОТИМ... ДИГБИ!

— Громче! Пусть он услышит вас!

— МЫ... ХОТИМ... ДИГБИ! — Шквал аплодисментов, грохот топающих ног.

— МЫ... ХОТИМ... ДИГБИ! — Снова шквал, снова грохот.

Так продолжалось до тех пор, пока стены здания не начали колебаться. Джубал наклонился к Буну.

— Еще немного, и случится то же, что было у Самсона с храмом.

— Не бойтесь, — ответил Бун, не вынимая сигары изо рта. — Стены крепки, их поддерживает вера. Они построены так, что могут выдержать любые колебания; их, можно сказать, специально для этого спроектировали. Впечатляет, не правда ли?

Померк свет, раздвинулся занавес; ослепительное сияние высветило архиепископа, размахивающего сжатыми кулаками над головой и широко улыбающегося аудитории.

Зал ответил ему львиным рыком, а он залу — воздушными поцелуями. Идя к алтарю, он остановился, приподнял одну из кликушествующих женщин, которая все еще корчилась, поцеловал, мягко опустил на пол, двинулся дальше, снова остановился и преклонил колена возле костлявой Рыжей. Не глядя, он протянул руку назад, и кто-то невидимый вложил в нее микрофон.

Архиепископ обнял Рыжую за плечи и приблизил микрофон к ее губам.

Майк не уловил слов. Он решил, что это не английский язык. Архиепископ переводил, пользуясь паузами, во время которых изо рта Рыжей обильно шла пена.

— Архангел Фостер с нами... Он доволен нашим поведением... Поцелуйте сестру, сидящую справа... Архангел Фостер любит вас... Поцелуйте сестру, что сидит слева от вас.

Женщина опять что-то сказала. Дигби помешкал.

— Что? Что такое? Громче, прошу тебя!

Она что-то пробормотала и громко вскрикнула.

Дигби поднял глаза к балкону и улыбнулся.

— Его послание адресовано пилигриму с другой планеты — Валентайну Майклу Смиту, «Человеку с Марса»! Где же вы, Валентайн Майкл? Встаньте!

Джилл попыталась удержать Майка, но Джубал прошептал ей сердито:

— Не надо мешать. Пусть встанет! Помашите им, Майк. И садись.

Майк так и сделал, удивляясь, что теперь все они скандируют:

— «ЧЕЛОВЕК С МАРСА»! «ЧЕЛОВЕК С МАРСА»!

Проповедь предназначалась, по-видимому, преимущественно ему, но он не понял ее содержания. Слова вроде были английские, но поставлены, казалось, не в том порядке, и было столько шума, столько аплодисментов, столько криков «Аллилуйя!» и «Счастливый День!», что он совсем запутался.

Закончив проповедь, Дигби передал бразды правления богослужением тому же молодому священнику и ушел. Бун встал.

— Пошли, друзья. Хорошо бы нам опередить эту толпу.

Майк последовал за ним, держа Джилл за руку. Они шли изящным арочным туннелем. Джубал спросил:

— Этот туннель ведет к посадочной площадке? Я приказал моему пилоту дожидаться там.

— Что? — спросил Бун. — Да, это туда. Но мы с вами идем на свидание с архиепископом Дигби.

— Как?! — воскликнул Джубал. — Нет, нет, нам уже пора домой.

Бун был поражен.

— Доктор, архиепископ ждет вас. Вы обязаны отдать ему дань уважения. Вы же его гости!

Джубал сдался.

— Хорошо. Надеюсь, там не будет много народа. У мальчика и без того сегодня слишком много впечатлений.

— Будет только архиепископ Дигби.

Бун посадил их в лифт, и через минуту они оказались в гостинной апартаментов Дигби.

Открылась дверь, в нее быстрыми шагами вошел Дигби. Он уже снял ризы и теперь был одет в развевающуюся мантию. Он улыбался.

— Извините, что вам пришлось ждать меня, мне надо было принять душ после службы. Вы даже не представляете, сколько потов сходит с вас, пока борешься с сатаной. Значит, это и есть «Человек с Марса»? Да благословит тебя Бог, сын мой! Приветствую тебя в храме божьем. Архангел Фостер желает, чтобы ты чувствовал себя здесь как дома. Он взирает на тебя с небес.

Майк не ответил. Джубал был очень удивлен, увидев, какого маленького роста Дигби. Возможно, на сцене на нем были туфли на высокой платформе? Или тут сыграло роль освещение? Если бы не козлиная бородка, которую он носил в подражание Фостеру, этот человек как две капли воды походил бы на удачливого торговца подержанными машинами — та же улыбка, те же размашистые дружелюбные манеры. Но он напомнил Джубалу и какое-то реальное лицо. Вспомнил! «Профессора» Саймона Магуса — давно почившего мужа Бекки Вейси. Чувства Джубала к священнослужителю несколько смягчились. Саймон был самым симпатичным из всех известных ему прохвостов.

Дигби пробовал свои чары на Джилл.

— Не преклоняй колен, дочь моя. В частной обстановке мы просто друзья. — Он говорил с ней, удивляя Джилл своим знанием ее прошлого, а в конце добавил очень серьезно: — Я глубоко уважаю твое призвание, дочь моя. В благословенных словах архангела Фостера Бог повелел нам заботиться о теле своем, дабы душа могла стремиться к Свету, не будучи отягощена мыслями о плоти. Я знаю, что пока ты не принадлежишь к нам... Но труды твои освящены Господом. Все мы спутники на пути к небесам.

Он повернулся к Джубалу.

— И вы тоже, доктор. Архангел Фостер сказал, что Бог повелел нам быть счастливыми... И так же часто случалось мне, отложив посох свой, чувствуя смертную усталость, провести исполненный радости час за чтением ваших историй... чтобы встать освеженным и готовым к новым битвам.

— Э-э-э... благодарю вас, епископ.

— Я говорю от чистого сердца. Я держал в руках запись ваших дел, начертанную на небесах... ну ладно, не в этом дело. Я знаю — вы неверующий. Что ж, в великом замысле Господа Бога есть место даже для сатаны. Просто вам еще не пришло время уверовать. Из вашей печали, боли сердечной и горя вы сплетаете радость для других. Это внесено на ту страницу Книги Судеб, куда записывается приход. А теперь, простите, но я призвал вас сюда не для того, чтобы вести теологические споры. Мы никогда не спорим, мы ждем, когда подобные вам увидят Свет, и тогда принимаем вас в свои объятия. Сегодня же мы просто проведем час в радости общения друг с другом.

Джубал признал, что болливый маленький жулик — отменный хозяин. Его кофе, ликеры и закуски были просто великолепны. Майк, кажется, немного нервничает, особенно сейчас, когда Дигби отозвал его в сторону, чтобы поговорить наедине. Но, черт побери, надо же мальчугану учиться говорить с посторонними!

Бун показывал Джилл реликвии Фостера, лежавшие в витрине, сооруженной у дальней стены комнаты. Джубал с улыбкой наблюдал за ними, одновременно

продолжая намазывать *pate de foie gras* * на ломтик поджаренного хлеба. Он услышал, как щелкнул замок, и оглянулся. Ни Дигби, ни Майка в комнате не было.

— Куда они вышли, сенатор?

— А? О чем вы, доктор?

— Епископ Дигби и мистер Смит... где они?

Бун, казалось, только теперь увидел закрывшуюся дверь.

— О, они вышли на минуточку. Там находится комната для личных аудиенций. Разве вы там не были? Ну, когда архиепископ показывал вам свои покои?

— Хм... да... — Это была комната с креслом на постаменте («трон», с усмешкой поправил себя Джубал) и скамеечкой для коленопреклонения. Джубал подумал, кто из них воспользуется троном, а кто скамеечкой; если этот мишурный епископ начнет дискутировать с Майком на религиозные темы, он рискует нарваться на большую неожиданность. — Я надеюсь, они долго не задержатся?

— Я в этом не сомневаюсь. Вероятно, мистер Смит захотел поговорить с архиепископом о чем-то наедине. Знаете, я прикажу, чтобы ваша машина ждала вас у выхода из туннеля, там, где мы садились в лифт. Туда есть ход из личных покоев архиепископа. Вам это сэкономит минут десять.

— Вы очень любезны.

— Таким образом, если у мистера Смита есть на душе что-то, в чем он хочет исповедаться, нам не стоит его торопить. Я выйду и позвоню... — Бун ушел.

Джилл воскликнула:

— Джубал, мне это не нравится! Я полагаю, что нас хитростью отвлекли, чтобы Дигби мог остаться с Майком наедине.

— Очевидно.

— Как они посмели? Я прорвусь туда и скажу Майку, что время ехать.

— Попытайся, — ответил Джубал, — но ты ведешь себя, как испуганная наседка. Если Дигби попытается обратить Майка в свою веру, то дело кончится тем, что

* Паштет из гусиной печени (фр.).

Майк обратит его в свою. Принципы Майка слишком тверды, расшатать их совсем непросто.

— Все равно, мне это не нравится.

— Отдохни. Лучше поешь что-нибудь.

— Я не голодна.

— Если я откажусь от даровой жратвы, меня тут же выкинут из писательской гильдии. — Джубал водружил ломоть виргинской ветчины на хлеб, намазанный маслом, добавил еще кое-что, превратившее бутерброд в неустойчивый зиккурат *, и принялся жевать.

Через десять минут Бун не вернулся. Джилл сказала резко:

— Джубал, я сейчас вытащу Майка отсюда.

— Валяй!

Она подошла к двери.

— Заперто!!!

— Я думал, что это вполне вероятно.

— Что же делать? Ломать?

Джубал поглядел на дверь.

— Ммм... Если у меня будет таран и десятка два крепких парней, я, пожалуй, попытаюсь ее высадить. Джилл, эта дверь сделала бы честь любому сейфу.

— Что же делать?

— Стучи, если хочешь. А мне хотелось бы знать, почему так задержался Бун.

Джубал выглянул в коридор и увидел возвращавшегося Буна.

— Извините, — зашепшил Бун, — пришлось послать Херувима на поиски вашего пилота. Тот сидел в комнате Радости и завтракал.

— Сенатор, — прервал его Джубал, — нам пора ехать. Будьте так добры, известите об этом епископа Дигби.

Бун разволновался.

— Если вы настаиваете, я, конечно, позвоню. Но входить в комнату, где идет личная аудиенция, я не могу.

— Тогда позвоните.

Однако Буну не пришлось испытывать унижений. Дверь открылась, и Майк вошел в комнату. Джилл взглянула на его лицо и вскрикнула:

* Пирамиды с храмами в Древнем Вавилоне.

— Майк, с тобой все в порядке?

— Да, Джилл.

— Я извещу архиепископа, что вы уезжаете, — вызвался Бун и вышел в соседнюю комнату. Он появился из нее почти тотчас же.

— Он уже ушел, — объявил Бун. — Там есть дверь, ведущая прямо в его кабинет. — Бун улыбнулся. — Подобно котам и поварам, архиепископ ходит сам по себе. Шутка. Он часто говорит, что слово «прощайте» ничего не добавляет к Радости. Не обижайтесь.

— Мы не обижены. Благодарим вас за *исключительно* интересный день. Нет, нет, не беспокойтесь, мы сами найдем дорогу обратно.

Глава 24

Сразу же после взлета Джубал спросил:

— Ну, Майк, что ты об этом думаешь?

Майк нахмурился.

— Я не *грокк*.

— Не один ты, сынок. А что тебе говорил архиепископ?

Майк долго молчал, потом ответил:

— Мой брат Джубал, мне надо обдумать, прежде чем я *грокк* это.

— Давай, обдумывай, сынок.

— Джубал, — спросила Джилл, — как им разрешают такое?

— Что?

— Да все. Это же не церковь! Это сумасшедший дом.

— Нет, Джилл. Это церковь... плюс логический эклектизм наших дней.

— Что?

— В Новом Откровении ничего нового нет. Ни Фостер, ни Дигби ни одной оригинальной мысли сюда не вложили. Они просто собрали вместе несколько дряхлых трюков, подкрасили их, подновили и пустили в дело. В процветающее дело. Больше всего боюсь того, что могу дожить до такого времени, когда эта церковь станет обязательной для всех.

— Ох, нет.

— Ох, да! Гитлер начинал с меньшего. А торговал-то он всего-навсего ненавистью. Счастье представляется куда более перспективным товаром. Я-то знаю, я сам участвую в таком рэжете. Об этом мне Дигби и напомнил сегодня. — Джубал скорчил гримасу. — Мне бы дать ему по морде, а он заставил меня проглотить это. Вот почему я боюсь епископа — он умен. Знает, что хотят люди. Счастья. Наш мир прожил целое столетие, исполненное чувствами вины и страха, а теперь Дигби говорит людям, что бояться нечего ни в этой жизни, ни после нее, что Бог повелел им быть счастливыми. День за днем он долдонит одно и то же: «Не бойтесь, будьте счастливы».

— Да, это верно, — согласилась Джилл, — и работает он в поте лица, но...

— Фи! Он не работает, а лицедействует!

— Нет. У меня сложилось впечатление, будто он верит, что приносит в жертву все.

— Я сказал «Фи!» Джилл, из всей чуши, что правит миром, худшая — концепция альтруизма. Люди всегда делают только то, что хотят. Если им трудно сделать выбор, или если сделанный выбор выдается за «жертву», можешь быть уверена, что за ним не стоит ничего более благородного, нежели неприятное ощущение, порожденное жадностью... Необходимость выбрать одно из двух, когда приходится выбирать, на что ему потратить доллар — на пиво или же отложить на гостинец ребятишкам, или что делать — встать ни свет ни заря и бежать на работу или потерять ее. И он всегда выбирает то, что причинит ему поменьше неудобств или принесет побольше удовольствия. Мерзавец и святой тоже делают выбор, но только в большем масштабе. Вот так и Дигби. Святой или мерзавец, но он явно не принадлежит к числу строевых олухов.

— Так кем же вы его считаете, Джубал?

— А в чем между ними разница?

— Ох, Джубал, ваш цинизм — всего лишь позерство. Конечно, есть разница!

— Ммм... да, конечно, есть. И я очень надеюсь, что он мерзавец... ибо святой может причинить зла в десятки раз больше. Подчеркни это двойной чертой. Ты,

конечно, снова можешь навесить на это ярлык «цинизм», как будто так можно опровергнуть мою правоту. Джилл, что тебе больше всего не понравилось в этом богослужении?

— Ну... да все. И не говорите мне, что это и есть служение Богу.

— Имеешь в виду, что они действуют иначе, чем та малая церковь Брауна, которую ты посещала, когда была маленькая? Крепись, Джилл, но то, что происходит в соборе Святого Петра, тоже не похоже на твою церковь. А уж то, что в Мекке — тем более.

— Да... но... ни одна из тех церквей не похожа на эту. Змеиные танцы, игральные автоматы... Даже бар. Ведь это просто непристойно!

— Думаю, что храмовая проституция тоже не очень-то украшала церковь...

— Что?

— Я хочу сказать, что многие вещи, в том числе и «зверь о двух спинах», — могут выглядеть во время церковной службы еще более неуместными, чем в жизни. Что касается змеиных танцев, то видела ли ты когда-нибудь богослужение трясунов? Я тоже не видел. Церковь, которая выступит против полового акта, долго не просуществует. А танцы во славу Господа имеют долгую историю. И они вовсе не обязаны быть артистичны — из трясунов никогда не составишь труппу для Большого Театра. Зато они исполнены энтузиазма. А считаешь ли ты индейскую пляску Дождя кощунством?

— Это совсем другое дело.

— Так ведь все в мире различно. Но чем сильнее внешние различия, тем очевиднее может проступить внутреннее сходство. Теперь насчет игровых автоматов. Разве тебе не приходилось видеть, как в церкви играют в бинго *?

— Ну... приходилось... В нашем приходе к игре прибегали, чтобы собрать деньги и оплатить закладную. Только играли у нас лишь по пятницам, вечером и никогда — во время службы.

* Игра типа лото.

— Вот как! Это напоминает мне притчу о жене, которая очень гордилась своей добродетелью. Она никогда не спала с посторонними, если муж был дома.

— Джубал, ваш пример совсем из другой оперы!

— Возможно. Аналогии еще более обманчивы, чем логика. Но, моя юная леди...

— Вы бы хоть улыбались, когда говорите такое!

— Шутка. Джилл, если что-то является греховным в воскресенье, то оно греховно и в пятницу, во всяком случае я *грокк* так и, возможно, так же *грокк* «Человек с Марса». Единственная разница, которую я вижу, заключается в том, что фостериты, если ты проиграешь, в утешение дают тебе еще душеспасительное изречение. Пожалуй, твоему бинго до них очень далеко.

— Поддельные тексты! Тоже мне — тексты из Нового Откровения! Босс, вы хоть его читали?

— Читал.

— Тогда должны знать, что все это лишь подделка под библейский язык. Часть текста омерзительно слащава, часть просто чушь, а остальное — отвратительно.

Джубал молчал долго. Наконец промолвил:

— Джилл, а тебе известны священные книги индуистов?

— Боюсь, что нет.

— А Коран? Или другие главные писания? Я мог бы проиллюстрировать твою точку зрения ссылками на Библию, да боюсь задеть твои чувства...

— Ничего. Не заденете.

— Хорошо. Тогда я воспользуюсь Старым Заветом. Его разбор обычно людей обижает меньше. Ты помнишь место о Содоме и Гоморре? Как был спасен Лот, когда Бог поразил эти грешные города?

— О, конечно. Его жена еще превратилась в соляной столб.

— Мне всегда казалось это чрезмерно жестоким наказанием. Но мы говорим о Лоте. Петр описывает его как справедливого богобоязненного и достойного человека, избегавшего грязной болтовни грешников. Святой Петр должен быть авторитетом в вопросах добродетели, поскольку ему вручены ключи от небесных врат. И все же трудно понять, что делает Лота чудом добродетели? Пастбище он разделил только по требованию

брата. В битве попал в плен. Из города бежал, чтобы спасти свою шкуру. Накормил и приютил двух странников, но поведение его доказывает, что он прекрасно знал о том, что они весьма важные особы. А потому в соответствии с Кораном и моими собственными суждениями, его гостеприимство должно оцениваться куда ниже, чем если бы он счел их просто бродягами. Помимо вышеизложенного и отзыва Святого Петра, в Библии приведен лишь один факт, по которому можно оценить добродетель Лота, добродетель столь высокую, что небеса взяли на себя труд спасти ему жизнь. Смотри «Книгу Бытия», глава XIX, стих восьмой.

— И что же там сказано?

— А ты прочти. Боюсь, мне ты не поверишь.

— Джубал, я в жизни не встречала такого противного человека!

— А ты — очень миленькая, и потому я прощаю твое невежество. Ладно, но потом все же посмотри. Соседи Лота ломились к нему в дверь, чтобы разобратся с этими ребятами-чужестранцами. Лот не стал спорить, он предложил сделку. У него были две дочки, девственницы, как он утверждал, и он пообещал толпе, что выдаст этих девушек, и пусть толпа поступит с ними, как пожелает — по существу предложил групповое изнасилование пьяной бандой. Он умолял воспользоваться девушками, как им заблагорассудится... лишь бы толпа перестала ломиться в двери.

— Джубал... неужели там так сказано?

— Я модернизировал язык, но смысл ясен, как призывный кивок шлюхи. Лот предложил банде «старых и молодых», как говорит Библия, изнасиловать двух юных девственниц, если соседи прекратят ломиться в его дверь. Слушай! — ухмыльнулся Джубал, — надо было испробовать этот способ, когда банда С.С. ломилась в мою дверь. Возможно, и меня пригласили бы на небо. — Он нахмурился. — Нет, рецепт требует *virgin intactae* *, и я затруднился бы в выборе — кто из вас подходит.

— Во всяком случае от меня вы этого не узнаете.

* Девственниц (лат.).

— Ладно. Даже Лот мог ошибиться. Но именно это он им и пообещал — двух невинных дочерей, юных, нежных и напуганных. Уговаривал банду их изнасиловать... Лишь бы оставили его подобру-поздорову. — Джубал засопел. — И этого-то сукиного сына Библия выдает за праведника!

— Кажется, в воскресной школе нас учили не так, — сказала Джилл задумчиво.

— Черт! Прочти сама. И это не единственный удар, который ожидает любого, решившегося читать Библию внимательно. Возьми случай с пророком Елисеем. Елисей был таким святым, что одно лишь прикосновение к его мощам возродило к жизни мертвеца. Он был лысый старый хрен, вроде меня. Однажды дети стали потешаться над его плешью, точно так же, как это делаете вы, девчонки. И Бог послал медведей, чтобы они разорвали в клочья сорок два ребенка. Именно так об этом рассказывается во второй главе Второй Книги Царств.

— Босс, я никогда не смеялась над вашей лысиной.

— А кто послал мое имя и адрес этим жуликам, рекламировавшим восстановитель для волос? Кто бы это ни был, Бог все видит, и ей лучше почаще оглядываться по сторонам — нет ли где медведей! Библия битком набита такого рода историями. Преступления, от которых только что не рвет, объявляются одобренными Господом или даже творимыми по его указанию... Наряду, я должен добавить, со здравым смыслом и вполне пригодными правилами поведения в обществе. Но я ценю Библию. Во всяком случае там нет ни капли той порнографической чуши, которая выдается за Священное Писание у индуистов. Или у десятка других религий. Но я и их не предаю анафеме. Вполне можно предположить, что именно одна из этих мифологий и содержит слово Божье и что наш Бог на самом деле просто параноик, приказывающий разорвать на куски сорок два ребенка только за то, что они подшутили над его жрецом. И не спрашивай меня о порядках на Небе — я ведь с ними не знаком. Я говорю о другом: Новое Откровение Фостера — сплошные свет и радость по сравнению с другими писаниями. Патрон епископа Дигби — славный парень. Он хочет, чтобы люди были счастливы, счастливы на Земле плюс вечное бла-

женство на Небесах. Он не требует, чтобы мы умертвляли плоть. О, нет! Тут он предлагает нам целый пакет выгодных условий. Если ты любишь выпить, и сыграть в азартные игры, да затащить в постель девчонку, то приходи в церковь, и все получишь под ее покровительством. Совесть твоя будет чиста. Валяй, получай удовольствие. Живи! Будь счастлив! — Однако у самого Джубала вид был не особенно счастливый. — Но за все надо платить. Бог Дигби требует признания. Каждый, кто недостаточно глуп, чтобы стать счастливым на условиях этого Бога, — грешник, и заслуживает, чтоб с ним поступали соответственно. Впрочем, таковы правила всех богов, а потому не надо винить лишь Фостера и Дигби. Их змеиный яд вполне ортодоксален.

— Босс, можно подумать, что вы уже наполовину обращены в их веру.

— Вот уж нет! Мне не нравятся змеиные танцы, я ненавижу толпу и никогда не разрешу болванам указывать мне, что я должен делать по воскресеньям. Я просто возразил против твоей критики, будто Новое Откровение — «неправильная» церковь. Как литературное произведение, «Откровение» стоит выше среднего уровня, что естественно, ибо составлено оно из кусков, надерганных из других писаний. Что касается внутренней логики, то мирские правила неприменимы к священным писаниям, хотя и тут «Новое откровение» следует оценить весьма высоко: оно редко гоняется за собственным хвостом, подобно собаке. Попробуй-ка примирить Старый Завет с Новым или буддийскую доктрину с буддийским апокрифом. Что касается морали, то фостеризм есть фрейдистская этика, присыпанная сахарной пудрой для тех, кому трудно воспринимать психологию в чистом виде, хотя и сомневаюсь, что старый развратник, который написал «Откровение», — извини, который был вдохновлен свыше написать его, — это понимал. Хоть он и был недостаточно учен, но зато полностью созвучен своему времени. Он впитал в себя *Zeitgeist* * — ужас и чувство вины и безверия. Поэтому

* Дух времени (нем.).

му и попал со своим учением в самую точку. Ладно. Умолкни. Я хочу вздремнуть.

— А кто болтал-то?

— Как всегда, соблазн исходил от женщины. — Джубал закрыл глаза.

Прилетев домой, они нашли Какстона и Махмуда, приехавших на денек. Бен огорчился, узнав, что Джилл уехала, но ему удалось перенести удар с помощью Анни, Мириам и Доркас. Махмуд всегда делал вид, что приезжает с официальной целью — повидать Майка и доктора Харшоу, однако и он продемонстрировал силу духа, оказавшись наедине лишь с джубаловыми напитками, закусками, садом и одалисками, которые всячески его ублажали. Мириам массировала ему спину, а Доркас голову.

Джубал взглянул на Махмуда.

— Не вставайте.

— А я и не могу. Она сидит на мне. Привет, Майк!

— Привет, мой брат Стинки, доктор Махмуд.

Затем Майк так же официально поздоровался с Беном и попросил разрешения уйти.

— Беги, сынок, — сказал ему Джубал.

Анни спросила:

— Ты придешь к ленчу, Майк?

Ответил он очень серьезно:

— Анни, я не голоден, спасибо. — Повернулся и вошел в дом.

Махмуд дернулся, чуть не сбросив Мириам.

— Джубал, что тревожит вашего сына?

— Ага, — воскликнул Бен, — он выглядит так, будто у него морская болезнь.

— Пусть себе. Просто хлебнул лишку религии. — Джубал описал их утренние приключения.

Махмуд нахмурил брови.

— А разве была необходимость оставлять его наедине с Дигби? Мне это кажется, извини меня, брат, не слишком-то мудрым.

— Стинки, ему надо привыкать к общению. Вы обучали его теологии, он мне рассказывал. Можете на-

звать хоть какую-нибудь причину, по которой Дигби не имеет права проповедовать свои идеи? Ответьте мне как ученый, не как мусульманин.

— Могу ответить только как мусульманин, — тихо отозвался Махмуд.

— Тогда извините, я, конечно, уважаю ваши взгляды, но не разделяю их.

— Джубал, я воспользуюсь словом «мусульманин» в его точном значении, а не как сектант, которого Марьям совершенно ошибочно именует магометанином.

— Так и буду называть тебя, пока ты не научишься правильно выговаривать «Мириам». И перестань, пожалуйста, вертеться.

— Хорошо, Марьям. Ой! Женщинам вредно иметь мускулы. Джубал, в качестве ученого, я вижу в Майке вершину своей карьеры; как мусульманин же, я прежде всего ценю в нем готовность исполнить волю Божью... и я счастлив, хотя и вижу определенные трудности, ибо он пока не *грокк* даже, что означает английское слово «Бог». — Махмуд пожал плечами. — Равно, как в арабском слово «Аллах». Но как человек и всегда — как раб Божий, я люблю этого мальчика — нашего приемного сына и брата по воде — и не хотел бы, чтоб он попал под дурное влияние. Оставим в стороне религиозные предубеждения — этот Дигби представляется мне носителем крайне дурного влияния. А что думаете вы?

— Оле! — Бен заплодировал. — Он скользкий подонок. Мне не удалось разоблачить его рэкет в своей колонке только потому, что синдикат сдрейфил. Стинки, продолжай, и я, пожалуй, примусь за изучение арабского и даже куплю себе молитвенный коврик.

— Буду рад. А коврик не обязателен.

— Я с вами согласен, — вздохнул Джубал, — по мне уж пусть Майк лучше курит марихуану, чем будет обращен Дигби в свою веру. Но не думаю, что ему грозит опасность попасть под влияние этого синкретического болтуна. И все же ему следует научиться бороться с дурными влияниями. Вас я считаю отличным парнем, но не думаю, что шансов у вас намного больше, — у мальчика удивительно острый и пытли-

вый ум. Весьма вероятно, что Магомету придется уступить место новому пророку.

— Если такова будет воля Божья, — ответил Махмуд.

— Ну а тогда нам и спорить не о чем, — согласился Джубал.

— Мы тут рассуждали о религии перед вашим приездом, — тихо вмешалась Доркас. — Босс, а вы знаете, что у женщин тоже есть душа?

— А она у них действительно есть?

— Так утверждает Стинки.

— Марьям, — объяснил Махмуд, — хотела знать, почему мы, «магометане», считаем, что душа есть только у мужчин.

— Мириам, это такое же вульгарное заблуждение, как и предположение, будто евреи приносят в жертву христианских младенцев. В Коране говорится, что в рай входят целыми семьями — мужчины и женщины вместе. Смотри, например, суру «Золотые украшения», стих семнадцатый, не так ли, Стинки?

— «Войдите в Сад, вы и жены ваши, и будьте счастливы», — таков, пожалуй, лучший перевод, — согласился Махмуд.

— Ладно, — отозвалась Мириам, — но я слышала о чудных гуриях, которые живут в раю и служат развлечением для мужчин, что делает вроде бы жен излишними?

— Гурии, — объяснил Джубал, — это особые создания, подобные джиннам или ангелам. Есть и гурии-мужчины или что-то в этом роде. Гуриям не приходится зарабатывать свое место в раю, они как бы входят в его штат. Они разносят нежные фрукты и прохладительные напитки, от которых никогда не бывает похмелья, а также развлекают соответственно вкусам заказчиков. Что касается душ жен, то они не работают. Верно, Стинки?

— В общем верно, если оставить в стороне ваш излишне игривый тон. — Он вскочил так резко, что Мириам свалилась с него. — Слушайте! А может, у вас, девочки, в самом деле нет душ...

— Ах ты, неверная собака! — свирепо воскликнула Мириам. — Сейчас же возьми свои слова обратно!

— Мир, мир, Марьям. Даже если у тебя нет души, значит, ты все равно бессмертна. Джубал, а может быть так, что человек умрет и не заметит этого?

— Не знаю, никогда не пробовал.

— А может быть, я умер на Марсе, и мне только приснилось, что я вернулся на Землю? Оглянитесь! Сад, которому позавидовал бы сам Пророк; четыре дивные гурии, приносящие нам роскошную пищу и приятные напитки в любое время суток. И даже есть их мужские эквиваленты, если уж ты окажешься слишком разборчивым. Это рай?

— Гарантирую, что нет, — ответил Джубал, — мне лично скоро платить налоги за его содержание.

— Ну мне-то это не мешает.

— И потом эти гурии... даже если мы допустим, что они равны красотой, то в конце концов, красота-то существует лишь в глазах смотрящего...

— Ничего, перебежусь...

— А вот за это вы заплатите, босс! — воскликнула Мириам.

— Кроме того, остается, — продолжал Джубал, — еще одно необходимое назначение гурий...

— Ммм... — произнес Махмуд, — не будем в это входить. В раю, кроме быстротечного плотского наслаждения, должно быть постоянное духовное удовлетворение. Верно?

— В этом случае, — с иронией отозвался Джубал, — я положительно уверен, что они не гурии.

— Тогда придется мне обратиться одну из них в свою веру, — вздохнул Махмуд.

— Почему же одну? У вас там такие места, что можно иметь полную квоту.

— Увы, мой брат, согласно мудрым словам Пророка, хотя закон и позволяет четырех, но праведная жизнь возможна не более чем с одной.

— Приятно слышать. И какую же вы предпочитаете?

— А это мы посмотрим. Марьям, ощущаешь ли ты в себе прилив духовности?

— Идите к дьяволу! Еще гурии какие-то...

— Джилл?

— Дайте мне шанс, — взмолился Бен. — О судьбе Джилл хочу позаботиться я.

— Ладно, к Джилл мы еще вернемся. Анни?
— Очень жаль, но я уже занята.
— Доркас, ты мой последний шанс.
— Стинки, — ответила она тихо, — вы только скажите, сколько духовности вам от меня надо.

Майк поднялся в свою комнату, закрыл дверь, лег на кровать, принял эмбриональную позу, закрыл глаза, проглотил язык и замедлил биение сердца. Джилл не любит, когда он отключается днем, но категорически не запрещает, поставив условием, чтобы это происходило не на людях; как много вещей, которые нельзя делать публично, но из всех них, только эта вызывала у Джилл настоящий гнев. Он с нетерпением ждал, когда же наступит подходящее время, ждал с тех самых пор, как покинул комнату, что была исполнена такой скверны. Ему просто необходимо было немедленно уйти в себя и попытаться *грокк* происходящее.

Он опять сделал то, что Джилл запретила ему делать... И теперь испытывал чисто человеческую потребность убедить себя, что его поступок вынужден, но его марсианское воспитание не разрешало воспользоваться столь легким путем. Он оказался в точке перелома, от него требовалось правильное действие, и он сам избрал — какое. Он *грокк*, что выбрал его верно. Но его брат по воде Джилл не одобрила бы такой выбор...

Но тогда, значит, у него не было выбора? Получается неустранимое противоречие. Нет, в точке перелома выбор есть всегда. Дух мужает, делая выбор.

А одобрила бы Джилл, если б он избрал другой путь, который сохранил бы пищу?

Нет, он *грокк*, что запрет Джилл включал и этот вариант.

В этот-то миг существо, порожденное человеческими генами и сформировавшееся под влиянием марсианского воспитания, существо, которое не было ни человеком, ни марсианином, наконец завершило одну из стадий своего развития, разбило скорлупу, перестало быть эмбрионом. Гордое одиночество предопределен-

ной свободы воли овладело им, а вместе с тем пришла и безмятежная марсианская способность обнять, взлелеять, испытать горечь и без ропота принять последствия действий. С трагической радостью он понял, что точка перелома принадлежит лишь ему, а не Джилл. Его брат по воде мог учить, советовать, направлять, но выбор в критической точке на двоих не делится. Это была «собственность», которая не продавалась, не делилась, не передавалась по ипотеке. Собственность и собственник *грокк* нераздельно. Действие, которое он выбрал в точке перелома, и он сам теперь стали неразделимы.

Сейчас, когда он осознал себя самобытной сущностью, он чувствовал, что может еще теснее *грокк* со своими братьями, при этом оставаясь самим собой. Взаимодействие душ было, есть и пребудет вечно. Майк остановился, чтобы взлелеять и восхвалить всех своих братьев — таких многочисленных на Марсе (некоторые еще во плоти, другие уже бестелесны) и столь редких, а потому особо дорогих ему, на Земле. Он вдруг отчетливо представил себе неведомую мощь земной Триады, с которой ему еще только предстояло слиться, и мысли о которой он с нежностью лелеял сейчас, ибо долгое ожидание свершилось, и теперь он мог *грокк* многое, в том числе и себя самого.

Майк все еще пребывал в трансе. Надо было *грокк* так много; надо было осмыслить и найти место множеству неувязок, и все это следовало приспособить к своей новой стадии взрослости, в особенности же все то, что он видел, слышал и чувствовал в храме архангела Фостера (и вовсе не только тот острый миг, когда он и Дигби оказались наедине лицом к лицу)... и почему епископ — сенатор Бун — вызывал в нем чувства настороженности и недоверия... и почему мисс Дон Ардент он ощущал как брата по воде, хотя она таковым и не была... и почему в беснованиях и завываниях — там внизу — он обонял аромат блага, которое *грокк* не полностью.

А над всем этим то и дело всплывали слова рассуждений Джубала, эти рассуждения тревожили его больше всего. Он изучал их, сравнивая с тем, чему его учили в Гнезде для малышни, пытаясь найти мост, с помощью которого можно преодолеть языковые разли-

чия — того языка, на котором он думал, и того, на котором учился думать. Слово «церковь», часто мелькавшее в речах Джубала, представляло наибольшую трудность. В марсианском аналогичной концепции не было, разве что, если взять и «церковь», и «преклонение», и «Бог», и «паству», и множество других слов и приравнять их к всеобъемлющему единому слову, с которым его ознакомили еще в период ожидания начала роста... а затем снова перевести эту концепцию на английский в виде той фразы, которая была отвергнута (конечно, по разным причинам) и Джубалом, и Махмудом, и Дигби.

ТЫ ЕСТЬ БОГ. Теперь он был ближе к пониманию значения этой фразы на английском, хотя она и была лишена той неизбежности, которая была свойственна марсианскому представлению о мире. В уме он сопоставил английскую фразу и марсианское слово и почувствовал, что близок к тому, чтобы *грокк*. Повторяя их многократно, подобно адепту, твердящему, что «драгоценность в лотосе», он погрузился в нирвану.

Незадолго до полуночи Майк ускорил работу сердца, обрел нормальное дыхание, проверил работу всех органов тела, распрямился и сел. Еще недавно усталый и измотанный, сейчас он был полон ощущением радости и легкости, голова была свежа, а он весь устремлен к деяниям, ожидавшим его впереди.

Он ощущал чуть ли не щенячью потребность в общении, такую же сильную, как недавняя жажда тишины. Он вышел в холл и страшно обрадовался, что встретил там брата по воде.

— Привет!

— О! Хелло, Майк! Ты выглядишь как огурчик.

— Отлично себя чувствую. А где все остальные?

— Спят. Бен и Стинки час назад отправились домой, а прочие пошли ложиться.

— О! — Майк огорчился, узнав об отъезде Махмуда. Он хотел объяснить ему, что теперь он *грокк* по-новому.

— Я уже тоже ложилась, да захотелось перекусить что-нибудь. А ты не голоден?

— Еще как голоден!

— Пошли! Там есть холодный цыпленок, и я поищу еще чего-нибудь.

Они спустились в кухню и щедро нагрузили подносы.

— Давай уйдем из дома, ночь такая теплая.

— Это ты здорово придумала, — согласился Майк.

— Так тепло, что можно искупаться. Настоящее индейское лето. Я включу прожектора.

— Не надо, — ответил Майк, — я сам понесу поднос.

Майк великолепно видел в темноте. Джубал считал, что ночное зрение возникло у Майка под влиянием условий, в которых он рос. И Майк *грокк*, что это правда, хотя и не полная, — его приемные родители научили, как нужно смотреть. Что же касается теплой ночи, то он чувствовал бы себя отлично голым даже на Эвересте, но его братья по воде очень плохо переносили перепады температур и давления атмосферы. Майк относился к их слабости с пониманием с тех пор, как узнал о ней. Сам он сейчас больше всего мечтал увидеть снег, — он знал, что каждый крошечный кристаллик воды жизни строго индивидуален, — читал об этом, — и ему очень хотелось походить по снегу босиком и поваляться в сугробах.

А сейчас он был рад и теплой ночи, и милой компании своего брата по воде.

— О'кей, бери поднос. А я включу подводное освещение. Чтобы поесть, нам хватит и его.

— Чудесно. — Майк любил смотреть, как свет проходит сквозь водную рябь. Это было благо — добрая красота.

Они поели у бассейна, потом легли на траву и стали любоваться звездами.

— Майк, это — Марс? Верно, ведь Марс? Или Антарес?

— Это — Марс.

— Майк, а что они делают на Марсе?

Майк колебался. Вопрос был поставлен слишком широко для его бедного английского языка.

— На той стороне, что поближе к горизонту, — в южном полушарии — сейчас весна. Учат растения расти.

— Учат расти?

Он искал нужные слова.

— Ларри тоже учит их расти. Я помогал ему. Но мой народ — марсиане — теперь я *грокк*, что вы — мой народ, — они учат растения иначе. На другом полушарии становится холоднее, и оставшихся в живых, переживших лето нимф забирают в гнезда, чтобы ускорить созревание. — Он помолчал. — Из людей, оставшихся на экваторе, один умер во плоти, остальные горюют.

— Да, я слышала. В «Новостях» сообщали.

Майк новостей не слышал. Он и не знал об этом, пока его не спросили.

— А им не следовало бы горевать. Мистер Брукер Т. В. Джонс, техник-пищевик первого класса, вовсе не опечален. Старейшие лелеют его.

— Ты его знал?

— Да. У него было свое лицо, темное и прекрасное, но он страдал от тоски по дому.

— О Боже, Майк... А ты не тоскуешь по дому? По Марсу?

— Сначала тосковал, — ответил он. — Я был всегда одинок. — Он повернулся на бок и крепко обнял ее. — Но теперь я больше не один. Я *грокк*, что никогда не буду теперь один.

— Майк, милый...

Они поцеловались и продолжали целоваться без конца, пока его собрат по воде не сказала, задыхаясь:

— О Боже! Еще сильнее, чем в первый раз.

— Тебе хорошо, брат?

— Да! Еще как! Поцелуй меня крепче.

Спустя бесконечно долгое время по космическому календарю она спросила:

— Майк? Это... я хочу сказать... ты знаешь?

— Я знаю. Так растут теснее. Мы становимся все ближе.

— Ну... я давно уже готова... Боже, мы все давно готовы... но... не волнуйся, милый... чуточку повернись, я тебе помогу.

Когда они слились и *грокк* вместе, Майк сказал очень тихо и торжественно:

— Ты есть Бог!

Она ответила ему, но не словами, а потом, когда она *грокк* все ближе и ближе, и Майк почувствовал, что он почти готов умереть во плоти, ее голос заставил его вернуться назад:

— О... О... Ты есть Бог!

— Мы *грокк* Бога.

Глава 25

На Марсе люди уже приступили к строительству герметических куполов для мужской и женской групп, которые должны были прибыть со следующим кораблем. Дела шли куда быстрее, чем ожидалось, так как марсиане оказывали колонистам большую помощь. Часть сэкономленного времени пошла на разработку плана дальнего прицела — расчетам возможности высвободить из песков Марса связанный кислород. Это могло сделать планету более пригодной для будущих поколений землян. Старейшие и не помогали, и не мешали разработке плана. По этому вопросу они еще не вынесли суждения. Медитации подводили их все ближе и ближе к важнейшей критической точке, которая должна была определить развитие марсианского искусства на многие тысячелетия вперед.

На Земле продолжались выборы. Один поэт-модернист издал ограниченным тиражом томик своих стихов, состоящих из одних знаков препинания и интервалов между ними. Журнал «Тайм» поместил на них рецензию и заметил, что было бы недурно печатать в таком виде ежедневные бюллетени Федеральной Ассамблеи. Началась мощная кампания в пользу торговли репродукционными органами растений, цитировали миссис

Джозеф Дуглас (известную своей книгой «В тени Величия»), будто бы сказавшей: «Я не могу себе представить стола без цветов и салфеток». Тибетский свами из Палермо (Сицилия) объявил в Беверли-Хиллз о недавно обнаруженной им древней науке Йоги: обучение пульсирующему дыханию, что укрепляет как прану, так и космическое притяжение полов. Его челы должны были сидеть в позе матсиендрасана, одетые в одни лишь домотканые набедренные повязки, в то время как он громко скандировал Риг-Веду, а один из его помощников-гуру в другой комнате изучал их кошельки. Правда, из последних ничего не пропадало — цель обследования была гораздо более далеко идущей.

Президент Соединенных Штатов объявил первое воскресенье ноября «Национальным Днем Бабушек» и убеждал Америку встречать их цветами. Несколько похоронных контор было обвинено в том, что преднамеренно сбивали цены на цветы. Епископы фостеритов, после секретного конклава, объявили о Втором Величайшем Чуде — архиепископ Дигби был во плоти перенесен на небо и произведен там в архангелы, причем в ранге, следующем за архангелом Фостером. Публикация этих вестей несколько задержалась из-за необходимости ждать одобрения небесами назначения новым архиепископом Хью Шорта. За его кандидатуру высказалась фракция Буна, хотя переголосовывать пришлось несколько раз. «L'Unita» и «Хей» опубликовали идентичные опровержения насчет процедуры избрания Шорта. «l'Osservatore Romano» и «Крисчен Сайенс Монитор» игнорировали их, «Таймс оф Индия» разразился хихиканьем, «Манчестер Гарриан» — не сделал никаких комментариев — в Англии фостеритов мало, но зато они исполнены воинственного задора.

Дигби повышение нисколько не радовало. «Человек с Марса» прервал его деятельность в тот момент, когда работа была еще далека от завершения, а этот болван Шорт безусловно погубит дело. Фостер слушал с ангельским терпением, пока Дигби не выдохся, а потом сказал:

— Слушай, Младшенький, ты теперь ангел. Так что лучше забудь обо всем. Вечность — не место для сведения счетов. Ты тоже был тупым ослом, пока не

отравил меня. А потом ты действовал совсем неплохо. Сейчас, когда Шорт стал архиепископом, он пойдет верным путем — куда он денется?! Ведь с Папами дело обстоит точно так же. Некоторые из них были просто «прыщами», пока их не возводили на престол. Валяй, поболтай с кем-нибудь из них — у нас тут профессионального соперничества нет.

Дигби успокоился, но все-таки одно требование выдвинул. Фостер покачал своим нимбом.

— Его трогать нельзя. Тебе не стоит и пытаться. О! Конечно, если ты хочешь оказаться в дураках, то можешь подать прошение о чуде. Но уверяю, тебе будет отказано — ты же пока в нашей системе не разбираешься. У марсиан тут своя организация, отдельная от нашей. И пока он им нужен, мы его и пальцем тронуть не можем. Они ведут дело по-своему, Вселенная ведь бесконечно разнообразна, и каждый в ней получает по своему вкусу, — вы, оперативники, это часто упускаете из виду.

— Вы хотите сказать, что этот щенок меня может нагло вышвыривать, а я, значит, с этим должен мириться?

— Я же смолчал, хотя имел не меньший повод быть недовольным, не так ли? А теперь слушай. Работы тут много, и ее надо делать. Босс требует дела, а не склок. Если тебе нужен выходной, чтоб успокоиться, отправляйся потихоньку в мусульманский рай и отдохни. А не хочешь — поправь свой нимб, расправь крылья и вкалывай. Чем скорее ты начнешь действовать как ангел, тем быстрее ощутишь себя им. Будь счастлив, Младшенький!

Дигби испустил глубокий неслышный вздох:

— О'кей! Я счастлив. С чего начинать?

Джубал не слышал об исчезновении Дигби, когда о нем объявляли. А когда услышал, то, хотя у него и были некоторые подозрения, он от них отмахнулся. Если Майк и причастен к этому делу, его никто не заподозрил, а происшествия с епископами Джубала мало волновали, если, конечно, при этом не задевались его личные интересы.

В домашнем штате Джубала произошли невиданные пертурбации. Он более или менее понимал, в чем дело, но не знал, кто виновница. И не желал вмешиваться. Майк уже совершеннолетний и, предположительно, вполне способен защитить себя в схватке. Да и в любом случае мальчугану давно пора «просолиться»*.

По тому, как держались девушки, Джубал не мог реконструировать преступления, ибо расклад все время менялся: то АБВ против Г, потом БВГ против А, или АВ против ВГ, или АГ против БВ, то есть все возможные комбинации, которые могут быть созданы из четырех ревнивых женщин.

Так продолжалось почти целую неделю, последовавшую за достопамятным визитом в церковь; все это время Майк оставался в своей комнате, пребывая обычно в трансе столь глубоком, что Джубал посчитал бы его мертвым, если б не видел нечто подобное раньше. Джубал на все это наплевал бы, но порядок в доме пошел ко всем чертям. Девушки, похоже, половину времени проводили в том, что бегали на цыпочках взглянуть, «как там Майк», и были слишком заняты, чтобы готовить, а тем более выполнять секретарские обязанности. Даже твердокаменная Анни... Черт побери! Да она хуже всех!

Забывчива, внезапные слезы... А ведь Джубал был готов поставить на кон собственную жизнь, что, если бы Анни стала свидетелем Второго Пришествия, она бы запомнила дату, присутствующих, события и барометрическое давление, даже не шевельнув ресницами своих спокойных синих глаз.

Поздно вечером в четверг Майк проснулся, и к его услугам сразу оказался весь алфавит АБВГ — «подобно пыли под колесами его колесницы». Девушки тут же вспомнили о нуждах Джубала, так что он решил счесть все это за благословение Божие и оставить без последствий. Тем более что у него появилась забавная мышка, что, если бы он потребовал объяснений, Майк увеличил бы их жалованье в пять раз, послав простую

* Термин, заимствованный из Южной Африки, где «просоленным» называли скот, перенесший местные болезни и ставший иммунным.

открытку Дугласу, а девочки с такой же готовностью всячески поддержали бы Майка.

Раз домашнее спокойствие восстановилось, Джубал не стал возражать, что его королевство теперь управляется мажордомом. Еду подавали вовремя, по вкусу она была даже лучше, чем раньше; а когда он кричал «Первая!» — очередная девочка появлялась с блестящими глазами, счастливая и энергичная. Джубалу было в высшей степени все равно, в какую иерархическую пирамиду выстроены мужчины его дома. Да и в какую девушки — тоже.

Кроме того, ему было очень интересно следить за изменениями, происходившими в Майке. Еще неделю назад Майк был послушен в такой степени, которую Джубал назвал бы невротической; сейчас же он был настолько уверен в себе, что Джубал считал бы это нахальством, не будь Майк по-прежнему трогательно вежлив и внимателен.

Майк принимал поклонение девушек как должное; стал выглядеть скорее старше своего возраста, чем моложе; голос его приобрел звучность, и говорил он уверенно, а не робко, как раньше. Джубал решил, что Майк стал по-настоящему членом человеческой расы и скоро этого пациента можно будет выписать из «больницы».

За исключением (напомнил себе Джубал) одной черты — Майк никогда не смеялся. Он уже мог улыбнуться шутке, иногда ему не нужно было спрашивать в чем ее смысл. Майк был жизнерадостен и даже весел, но никогда не смеялся.

Джубал решил, что это неважно. Его пациент был разумен, здоров и человечен. Еще несколько недель назад Джубал мог бы побиться об заклад, что Майк не выздоровеет. Он был достаточно скромн, чтобы не приписывать себе всю славу. Девушки сыграли тут важнейшую роль. Или надо говорить — девушка?

С первого дня пребывания Майка в поместье Джубала, тот почти ежедневно повторял ему, что его дом — здесь, но что ему рано или поздно следует набраться духу и отправиться поглядеть на мир. Поэтому Джубал, казалось, не должен был удивиться, когда однажды за завтраком Майк объявил, что уезжает. К собственному

изумлению, Джубал не только поразился, но и обиделся. Свое огорчение он попытался скрыть возней с салфеткой.

— Вот как? И когда же?

— Мы уезжаем сегодня.

— Хм... во множественном числе. И что же, мне, Ларри и Дьюку теперь придется самим готовить себе еду?

— Мы обговорили это, — ответил Майк. — Мне кто-то нужен, Джубал, я пока плохо понимаю, как и почему люди ведут себя в разных ситуациях, и часто делаю ошибки. Лучше всего подошла бы Джилл, тем более, что она хочет продолжать изучать марсианский язык. Но если ты не можешь обойтись без кого-то из девушек, то пусть будут Дьюк или Ларри.

— Значит, у меня в этом деле есть голос?

— Джубал, решать будешь ты. Мы это понимаем.

(Сынок, а ведь, пожалуй, ты впервые в жизни согласал. Сомневаюсь, что я удержал бы даже Дьюка, если бы ты решил, что тебе нужен именно он).

— Я думаю, тебе нужна Джилл. Но помните, дети, что ваш дом здесь.

— Мы знаем... и вернемся. И снова разделим воду.

— Обязательно, сынок.

— Да, отец.

— Что?

— Джубал, в марсианском языке нет синонима слову «отец». Но недавно я *грокк*, что ты мой отец. И отец Джилл.

Джубал искоса поглядел на Джилл.

— Ммм... Я *грокк*.... Берегите себя, дети.

— Да. Пойдем, Джилл.

Они исчезли прежде, чем Джубал успел встать из-за стола.

Глава 26

Это был обычный бродячий цирк — карусели, сласти, дешевые забегаловки, где дурачью облегчали карманы. Лекция о сексе, подогнанная под взгляды местных невежд на теорию Дарвина; «живые картинки», где участницы одеты, а вернее раздеты, сообразно с разрешением местного начальства и его вкусами; Бесстрашный Фентон, совершающий свой смертельный прыжок под шумные овации зрителей. В программе представления нет чтеца мыслей, но есть фокусник; нет женщины с бородой, но есть гермафродит; нет шпагоглотателя, зато есть пожиратель огня; нет татуированного мужчины, но есть татуированная женщина, она же заклинатель змей, которая под занавес появляется совершенно обнаженной... одетой лишь в собственную кожу, расписанную экзотическими рисунками, — и любому ротозею, который обнаружит хоть один квадратный дюйм кожи без татуировки, начиная от шеи и ниже, обещан приз в двадцать долларов.

Приз так никто и не получил. Миссис Пайвонски позировала в «собственной коже» плюс в объятиях четырнадцатифутового боа-констриктора, известного под именем Хони Бун, чьи кольца были размещены на теле владелицы змеи столь страгически точно, что даже

церковный совет вряд ли нашел бы в этом зрелище что-то непристойное. В качестве дополнительной защиты (для боа) миссис Пайвонски стояла на стуле, поставленном внутри брезентовой загородки, куда запускали десяток кобр.

Да и свет был не слишком ярок.

Но вызов, брошенный миссис Пайвонски, был честным вызовом. Ее муж до самой своей смерти владел татуировальной студией в Сан-Педро, и, когда дела шли вяло, они с женой татуировали друг друга. В конце концов продолжать работу над женой стало невыносимо — ниже шеи не оставалось ни единого свободного кусочка кожи. Миссис Пайвонски очень гордилась тем, что была самой изукрашенной женщиной в мире. Причем разрисованной руками величайшего мастера в этом виде искусства, — именно таково было ее мнение о собственном муже.

Патриция Пайвонски общалась и с жульем, и с грешниками без всякого вреда для себя; она и ее муж были обращены самим Фостером, и Патриция, куда бы ни забрасывала ее судьба, всегда посещала ближайшую Церковь Нового Откровения. Патриция с радостью распрощалась бы с любым фиговым листком в финале представления, ибо была убеждена, что она — лишь полотно для религиозного шедевра, куда более высокого, чем те, которые можно видеть в музеях и соборах. Когда она и Джордж увидели Свет, еще около трех квадратных футов поверхности Патриции ничем не были заняты, к моменту же смерти мужа она носила на себе красочное жизнеописание Фостера, от его колыбели со склоняющимися над ней ангелами и до Дня Славы, когда он был вознесен на небеса.

К сожалению, большая часть этой священной истории должна была прикрываться одеждой. Патриция, конечно, могла показывать ее на закрытых сборищах Радости в церквях, которые посещала, особенно если об этом просил ее пастырь, что случалось частенько. Патриция не могла выступать с проповедями, не умела петь, на нее никогда не снисходил Дух, чтоб подвигнуть на выкрики на неизвестных языках, но зато она служила живым свидетельством реальности Света.

В цирке ее номер был предпоследним. У нее оставалось еще время, чтобы убрать свои фотографии и скользнуть за кулисы, чтобы ждать там начала своего финала. А на сцене в это время работал фокусник.

Доктор Аполло раздал стальные кольца и пригласил желающих убедиться, что они цельные. Затем заставил их держать кольца так, чтобы они частично перекрывали друг друга, и дотронулся до каждого места, где кольца пересекались, своей волшебной палочкой. Образовалась цепь. Он оставил палочку висеть в воздухе без видимой поддержки, взял из рук своей ассистентки сосуд с яйцами и начал одновременно жонглировать шестью. Его искусство, однако, почти не привлекало зрителей — они предпочитали рассматривать ассистентку фокусника. Надето на ней было побольше, чем на юных леди, выступавших в «живых картинках», и тем не менее было очевидно, что ни один квадратный дюйм ее кожи не татуирован.

Зрители вряд ли даже заметили, что шесть яиц превратились сначала в пять, затем в четыре... три... два... и теперь доктор Аполло подбрасывал в воздух только одно яйцо.

— Яиц с каждым годом становится все меньше, — сказал он, швырнув яйцом в публику. Он повернулся к зрителям спиной, и никто, по-видимому, не обратил внимания, что яйцо так и не достигло своего назначения.

Доктор Аполло вызвал на помост какого-то мальчугана.

— Сынок, я знаю, о чем ты думаешь. Ты считаешь — я не настоящий волшебник. Вот тебе за это доллар. — И он протянул мальчишке банкнот, который тут же растаял в воздухе. — Ну и дела! Попробуем-ка еще разок. Получил? Ну беги скорее домой, тебе давно пора быть в постели. — Фокусник нахмурился. — Мадам Мерлин, чем мы теперь займемся?

Ассистентка что-то шепнула ему, и он покачал головой.

— Но не перед публикой же?

Она снова что-то прошептала, и он тяжело вздохнул.

— Друзья! Мадам Мерлин хочет в постель. Может, кто-нибудь из джентльменов готов ей помочь?

Он поглядел на очередь желающих.

— Ох, вас слишком много! Пусть останутся только те, кто служил в армии.

Все равно желающих оставалось слишком много, доктор Аполло выбрал из них двоих и сказал:

— Там под подмостком есть солдатская койка. Поднимите, пожалуйста, брезент и будьте добры — устанавите ее на помосте. Мадам Мерлин, смотрите сюда, прошу вас.

Пока добровольные помощники расставляли койку, доктор Аполло делал пассы.

— Спите... спите... вы уже уснули... Друзья, она в глубоком трансе. Может быть, те джентльмены, что готовили кровать, уложат мадам Мерлин? Осторожней...

Девушку в состоянии почти трупного окаменения перенесли на койку.

— Благодарю вас, джентльмены.

Фокусник взял все еще висевшую в воздухе волшебную палочку и указал ею на стоявший в глубине сцены столик. Простыня, отделившись от груды сложенных на столике предметов, подлетела к фокуснику.

— Прикрой ее, закрой лицо, люди не любят, чтобы на них пялились во сне. Благодарю вас, джентльмены, пройдите, пожалуйста, на свои места... Отлично! Мадам Мерлин, вы меня слышите?

— Да, доктор Аполло.

— Вы сейчас крепко спите. А теперь ваше тело становится легче. Вы спите на облаках. Вы плывете... — Окутанная простыней фигура поднялась над койкой примерно на фут. — Осторожно! Не улетите!

Какой-то мальчишка объяснял желающим шепотом:

— Когда он закрыл ее простыней, она провалилась через люк... а это просто каркас из проволоки. Сейчас он сорвет простыню, каркас сложится и исчезнет. Так-то всякий сможет.

Аполло не обращал внимания на мальчишку.

— Выше, мадам Мерлин, еще выше! Вот так... — Закутанная фигура парила в шести футах над сценой.

Мальчишка снова зашептал:

— Там такой стальной прут, который нам не виден. Он вон там — за краем простыни, что свисает до самой койки.

Доктор Аполло попросил добровольцев убрать койку.

— Койка ей не нужна, она спит в облаках. — Он повернулся к плавающей фигуре и притворился, будто прислушивается к чему-то. — Громче, пожалуйста! Вот как? Она говорит, что простыня ей мешает.

(...Сейчас каркас исчезнет...)

Фокусник сорвал простыню. Аудитория даже не обратила внимания, что та тут же куда-то пропала. Все смотрели на мадам Мерлин, спящую в воздухе в шести футах от пола сцены. Товарищ того парнишки, которому досконально все было известно о фокусе, спросил, а где же стальной прут? Тот ответил:

— Надо смотреть туда, куда он не хочет, что б ты глядел. У них тут такое освещение, что лампы слепят нам глаза.

— Довольно, сказочная принцесса, — произнес доктор Аполло, — дайте мне вашу руку. Проснитесь! — Он поставил ее на пол и помог спуститься.

— ...Ты видел, куда он поставил ногу? Вот туда-то и спрятался прут. — Мальчик кивнул с довольным видом. — Просто трюк, всего и делов-то.

Фокусник продолжал:

— А теперь, друзья, будьте любезны, выслушайте внимательно выступление нашего ученого лектора профессора Тимошенко...

Его перебил зазывала:

— Не уходите! Только на нашем представлении и с одобрения совета университетов и департамента безопасности этого замечательного города мы предлагаем двадцать долларов без вычета налогов любому из вас, кто...

Объявление перешло в финал.

Циркачи начали убирать реквизит. Завтра надо было грузиться на поезд. Жилые палатки останутся для ночевки, но в главном куполе тут же служители принялись снимать подпорки.

Зазывала, он же собственник цирка и управляющий, вернулся обратно в купол, после того как финал кончился, и из зала выгнали нескольких олухов, прочно засевших в задних рядах.

— Смитти! Не уходи... — Хозяин вручил фокуснику конверт и сказал: — Парень, мне очень жаль... но ни ты, ни твоя жена с нами в Падьюку не поедете.

— Я догадывался.

— Слушай, друг! Это не потому, что я к тебе плохо отношусь, — просто я должен заботиться о представлении. Мы берем чету экстрасенсов. Они работают чертовски здорово, а она еще дает сеансы френологии и гадает, а он жонглирует мячом. С тобой же, как известно, я договора на весь сезон не заключал.

— Я знаю, — согласился фокусник. — И не сержусь, Тим.

— Я рад, если так. — Зазывала помедлил. — Смитти, хочешь дам тебе совет?

— С удовольствием выслушаю тебя, — просто ответил фокусник.

— О'кей, Смитти, твои трюки великолепны. Но трюки — это еще не волшебник. Ты все время как-то выпадаешь из роли. Ты славный товарищ, занимаешься своим делом, никогда не подложишь другому циркачу свинью, всегда готов помочь. Но ты не настоящий циркач. Нет у тебя той изюминки, которая превращает этих олухов в крутых болванов. Настоящий фокусник заставляет деревенщину разинуть рот только тем, как он достает из воздуха четвертак. Вот, например, левитация — никогда я не видел номера лучше, но на дурачье он совершенно не действует. Ты не учишься их психологии. Возьми, например, меня. Я ведь даже четвертак из воздуха не достану. Я не умею делать ничего, кроме одного, но зато это одно делаю отлично. Я понимаю психологию деревенщины. Я знаю, что она хочет, даже если она сама этого не знает. Это и называется умением показать товар лицом, и оно равно необходимо и политику, и проповеднику, вещающему с кафедры, и фокуснику. Когда ты поймешь, что нужно олуху, то тебе не понадобится и половины инвентаря, лежащего в твоём сундуке.

— Думаю, ты прав.

— Я сам знаю, что прав. Зрителю нужны секс, кровь и деньги. Кровь мы ему предложить не можем, но зато позволяем надеяться, что глотатель огня или метатель ножей того и гляди совершит ошибку; денег тоже не даем: мы поощряем его склонность к жульничеству, а сами в это время тащим у него из кармана. Секса настоящего тоже нет, но почему семь из десяти покупают билет на финал? Да потому, что хотят видеть голую бабу. Мы показываем ему нечто совсем иное, и он уходит от нас довольный.

А что еще от нас нужно олуху? Тайна. Он хочет думать, что мир — это мир романтики, хотя дело обстоит как раз наоборот. Вот это и есть твоя работа. А ты этого не умеешь. Понимаешь, сынок, олухи знают, что твои трюки обман, но им хочется думать, что это не так. И ты должен им в этом помочь. Но этого умения у тебя нет.

— А как же его приобрести, Тим?

— Черт возьми! Этому надобно научиться самому. Возьми хоть твою придумку назвать себя «Человеком с Марса». Нельзя же требовать, чтобы деревенщина проглотила больше, чем она в состоянии проглотить. Они видели «Человека с Марса» по стерео или на фото. Ты действительно немного похож на него, но будь ты даже его двойником, все равно каждый олух понимает, что в бродячем цирке «Человека с Марса» быть не может. Это все равно, что шпагоглотателю взять псевдоним «Президент Соединенных Штатов». Дурню хочется верить, но позволять тебе унижать его высокое представление о собственных умственных способностях он не даст, каковы бы они там ни были в действительности. В общем, даже у дурня какой-то умишко всегда найдется.

— Я запомню.

— Разболтался я — все зазывалы приобретают такую привычку. Надеюсь, деньжонок у вас хватит? Вы на меня не злитесь? Черт, так у нас не полагается, но, может, вам нужен небольшой заем?

— Спасибо, Тим. Как-нибудь справимся.

— Ладно. Ну будь здоров! Пока, Джилл. — И он быстро вышел.

Почти тут же из-за кулис появилась Патриция Пайвонски уже в халате.

- Детки, Тим отказался от вашего номера?
- Мы и так собирались уйти, Пат.
- Я на него так зла, что подумываю о том же.
- Ну, Пат...

— И оставляю его без финала. Номера-то всегда найти можно, а вот финал, да еще такой, чтобы полиция к нему придрататься не могла, это куда труднее!

- Пат, Тим прав, я не умею показать товар лицом.

— Ну... а мне вас будет не хватать. О Господи... Послушайте, до утра все свободны, давайте пойдем ко мне в палатку и посидим часок.

— Знаешь, Пат, — предложила Джилл, — лучше поедem к нам. Неужели тебе не хочется искупаться как следует в большой горячей ванне?

- Хм... тогда я захвачу с собой бутылочку.

— Нет, — возразил Майк, — я знаю, что ты пьешь, и у нас все уже приготовлено.

— Чудесно... вы ведь остановились в «Имперiale», верно? Мне надо посмотреть, в порядке ли мои детишки, и сказать Хони Буну, что я уйду. Потом поймаю такси. Так что буду через полчаса, ладно?

Они уехали. Машину вел Майк. Это был маленький городок, автоматический контроль движения тут отсутствовал. Майк вел машину, точно придерживаясь скорости, максимальной для этой полосы, ловко проскальзывая в промежутки между машинами, которые Джилл замечала лишь тогда, когда они уже оставались позади. Майку это давалось без труда. Джилл же пока только обучалась его искусству: Майк растягивал свое индивидуальное ощущение времени до тех пор, пока жонглирование яйцами или езда в густом потоке машин с большой скоростью не становились простым делом, не требующим никаких усилий. Джилл подумала, как странно, что этот же самый человек еще месяц назад не мог справиться со шнурками от ботинок.

Они не разговаривали: было невозможно говорить, думая на различных скоростях. Джилл стала вспоминать ту жизнь, с которой они только что распрощались, выбирая в памяти ее отдельные эпизоды, пестуя и лелея их в марсианских и английских понятиях. Всю свою жизнь, пока она не встретила Майка, Джилл подчинялась тирании часов — и тогда, когда была

школьницей, и уже взрослой девушкой в училище, и потом в условиях жесткой больничной рутины.

Жизнь в бродячем цирке была совсем другой. Если не считать того, что ей приходилось несколько раз в день торчать на арене, по возможности принимая красивые позы, остальное время она могла не думать о часах. Майку было безразлично, едят ли они раз в день или шесть, его вполне устраивало то, как Джилл ведет их нехитрое хозяйство. У них была своя палатка; во многих городках они вообще не покидали территорию цирка от момента прибытия до отъезда. Цирк был их гнездом, до которого не докатывались беды и радости внешнего мира.

Разумеется, площадь вокруг цирка кишела дурачьем, но Джилл быстро восприняла точку зрения циркачей — дурачье, то есть зрители — не люди. Они просто протоплазма, единственная функция которой — снабжать артистов деньгами.

Цирк был самым счастливым из их домов. Тут все было не так, как тогда, когда они впервые пустились в мир, чтобы пополнить образование Майка. Их все время узнавали, и иногда им было трудно отделаться не только от газетчиков, но и от бесчисленного множества людей, которым почему-то казалось, что они имеют право требовать от Майка то одно, то другое.

Тогда Майк усилием воли придал своему лицу морщины зрелости и внес в него кой-какие изменения. Это плюс тот факт, что они останавливались в тех местах, где «Человека с Марса» уж никак не могли ожидать, обеспечивало им достаточное уединение. Примерно тогда же Джилл позвонила домой, чтобы сообщить свой новый адрес, и Джубал предложил им «легенду». Через несколько дней Джилл прочла в газете, что «Человек с Марса» удалился от мира в тибетский монастырь.

Монастырь же назывался «Гриль Хэнка» и находился в заштатном городишке, где Джилл работала официанткой, а Майк мойщиком посуды. Майк разработал очень быстрый и эффективный способ мытья тарелок, которым пользовался, когда хозяина не было поблизости. На этой работе они продержались неделю и поехали дальше, иногда нанимаясь на работу, иногда — нет. Они стали почти ежедневно посещать публичные биб-

лиотеки, после того как Майк узнал об их существовании (до этого Майк считал, что в библиотеке Джубала собраны копии всех изданных на Земле книг). Когда же ему открылась ослепительная истина, они остановились в Акроне на целый месяц. Джилл уйму времени проводила в беготне по магазинам, ибо Майк с книгой был неважным компаньоном.

Но самым чудесным приютом за все время их странствий стал Бакстеровский цирк «Любые зрелища и вихрь удовольствий». Джилл хихикнула, вспомнив (только вот в каком это городке?), как полиция совершила налет на цирк во время показа «живых картинок». Это было несправедливо — они же, как всегда, обо всем договорились предварительно — как выступать, с бюстгальтерами или без них, какой будет свет — яркий или голубоватый притененный, ну и так далее. Тем не менее шериф потащил их в суд, а мировой судья явно вознамерился упрятать девочек в тюрьму. Цирк закрыли, циркачи ходили на все судебные заседания вместе с олухами, готовыми на все, что угодно, лишь бы хоть глазком взглянуть на этих «бесстыдных женщин». Майк и Джилл приткнулись в самом заднем ряду битком набитого зала.

Джилл внушила Майку, что он *никогда* не должен делать ничего из ряда вон выходящего там, где это могут заметить. Но Майк *грокк*, что наступил «касп» — критическая точка...

Как раз в ту минуту, когда шериф давал показания «о публичном оскорблении нравственности», делая это с большим смаком, он и судья оказались в чем мать родила.

Джилл и Майк улизнули во время переполоха, все обвиняемые — тоже. Пришлось прервать гастроли и уехать в более порядочный городок. С именем Майка это «чудо» никто не связал.

Джилл всегда, как величайшее сокровище, будет хранить воспоминание о выражении лица шерифа. Ей тут же захотелось телепатически напомнить Майку о том, как смешно выглядел этот паршивый шериф. Однако на марсианском языке отсутствовало понятие «завбавность», так что сказать ей ничего не удалось. Их

телепатическая связь непрерывно углублялась, но действовала лишь в пределах марсианского языка.

(— Да, Джилл? — ответил он мысленно.

— Потом.)

Они подъехали к отелю; Джилл чувствовала, как замедляется темп работы мозга Майка, когда он стал припарковывать машину. Джилл предпочитала жить в палатке, но там было большое неудобство — отсутствовала ванна. Конечно, душ — это тоже ничего, но что может быть лучше большой ванны, наполненной горячей водой, в которую можно залезать и отмокать сколько душе угодно. Поэтому иногда они регистрировались в отеле и брали напрокат машину. Майк, благодаря своему воспитанию в юные годы, не разделял отвращения Джилл к грязи. Теперь он был почти таким же, как она, чистюлей, но только потому, что Джилл положила немало трудов на его переобучение. Он умел оставаться безукоризненно чистым и без купания, точно так же, как ему не требовалось обращаться к парикмахерам с тех самых пор, как он узнал, какой длины волосы нравятся Джилл. Однако погружаться в Воду Жизни Майк обожал по-прежнему.

«Империял» был старой и весьма обветшалой гостиницей, но ванна в номере для новобранцев была огромная. Джилл прошла туда сразу после того, как они вошли в номер, пустила воду и ничуть не удивилась, когда внезапно оказалась голой. Милый Майк! Он знал ее любовь к покупкам и всячески потворствовал этой слабости, отсылая в никуда ее наряды, которые, как ему казалось, перестали ей нравиться. Он проделывал бы это ежедневно, если б Джилл не предупредила его, что частая покупка такого количества новой одежды может показаться обитателям цирка подозрительной.

— Спасибо, милый, — крикнула она. — Залезай!

Он уже или разделся, или отправил куда подальше свой костюм; скорее первое, решила она. Майк не любил покупать одежду — ему это казалось скучным делом. Он не видел в одежде иного смысла, кроме как для защиты тела от холода; кстати, эту человеческую слабость он тоже не разделял. Они влезли в ванну, глядя в глаза друг другу. Джилл зачерпнула в пригоршню воды, прокоснулась к ней губами и протянула Май-

ку. В повторении ритуала необходимости не было, просто Джилл нравилось напоминать ему о том, о чем он все равно не забыл бы, даже если бы прошла целая вечность.

— Я вспомнила, — сказала она, — как забавно выглядел тот ужасный шериф, когда оказался без штанов.

— А он выглядел забавно?

— Ой, потрясающе!

— Объясни, почему забавно? Я не понимаю шутки.

— Ну... наверное, я не сумею. Это не шутка, вернее она не похожа на анекдоты и смешные каламбуры, которые можно разъяснить.

— Я не *грокк*, что он был смешон, — сказал Майк. — В обоих мужчинах — в судье и человеке закона — я чувствовал скверну. Если бы я не знал, что ты рассердишься, я бы услали их в никуда.

— Милый Майк, — она дотронулась до его щеки, — хороший мой мальчик! Ты сделал гораздо лучше. Им этого никогда не забудут: теперь тут ареста за «непристойную обнаженность» не будет лет пятьдесят. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Я уже давно хотела сказать тебе, как мне обидно, что наше представление провалилось. Я ведь старалась написать сценарий получше, но, видно, режиссера из меня не вышло.

— Это моя вина, Джилл. Тим верно сказал — я не *грокк* олухов. Но то, что мы были с циркачами, свою пользу принесло. Я теперь буду *грокк* олухов все больше и больше с каждым днем.

— Ты не должен звать их олухами, не должен звать их дурачем, раз мы больше не работаем с тобой в цирке, они просто люди, а не дураки.

— А я *грокк*, что они дурачье.

— Да, милый, но это невежливо.

— Я запомню.

— Ты уже решил, куда мы поедем?

— Нет, но когда придет время, я буду знать.

Верно. Майк всегда знал, когда и куда надо. С того момента, как его подчинение сменилось доминированием, он постоянно становился все сильнее и увереннее. Тот мальчик, которому казалось утомительным держать в воздухе пепельницу, теперь не только мог легко удерживать Джилл на высоте шести футов от пола, одно-

временно занимаясь другими делами, но и обладал способностью излучать столько силы, сколько требовали обстоятельства. Джилл вспомнила тот грязный участок, где застрял грузовик. Человек двадцать безуспешно пытались вытащить его из грязи, но только когда Майк подставил плечо, утонувшее в грязи заднее колесо само вылезло из нее. Теперь Майк стал опытнее и никому не давал повода заподозрить его в чем-то сверхъестественном.

Джилл вспомнила, как он наконец *грокк*, что ощущение присутствия скверны, необходимое, чтобы отправлять вещи в никуда, нужно лишь, когда дело касается живых существ, а одежда Джилл, например, отнюдь не обязана стать «нехорошей», чтобы отправляться туда же. Правила важны для малышни, взрослый же может поступать так, как он *грокк*.

Интересно, какие еще изменения произойдут в Майке? Впрочем, особенно ее это не беспокоило — Майк добр и мудр.

— Майк, а как было бы здорово, если бы и Доркас, и Анни, и Мириам оказались бы с нами в одной ванне! И отец Джубал, и мальчики, и вся семья наша!

— Потребовалась бы ванна куда больше.

— Ну в тесноте, да не в обиде. А когда мы снова навестим наш дом, Майк?

— Я *грокк*, что скоро.

— «Скоро» в марсианском понимании? Или земное «скоро»? Не обращай внимания, дорогой, это свершится, когда исполнится ожидание. Кстати, я вспомнила, что тетушка Патти должна появиться с минуты на минуту, то есть очень «скоро» в земном понимании. Поможешь меня?

Джилл встала; пена, взбитая в ванне, покрывала ее тело, стекала по нему, снова поднималась и обильно пузырилась.

— Ох, щекотно!

— Окатить водой?

— Я окунусь. — Она присела, встала и отряхнулась. — Как раз вовремя!

Кто-то стучал в дверь.

— Дорогие, вы одеты?

— Иду, Пат, — крикнула Джилл и добавила, выходя из ванны: — Обсуши меня, ладно?

Она тут же обсохла, даже на полу мокрых следов не осталось.

— Милый, ты не забудешь надеть что-нибудь? Патти — леди, не то что я.

— Не забуду.

Глава 27

Джилл схватила свою одежду и выскочила в гостиную.

— Входи, дорогая. Мы выкупались, Майк сейчас выйдет. Я приготовлю тебе выпить, а второй стаканчик ты получишь прямо в ванне. Горячей воды сколько хочешь.

— Я приняла душ, после того как уложила Хони Буна спать, но, конечно, я с удовольствием приняла бы ванну. Однако, Джилл, детка, я же приехала вовсе не затем, чтобы купаться; я здесь только потому, что у меня сердце разрывается, когда я подумаю, что вы, дети, уезжаете.

— А мы тебя не потеряем из виду. — Джилл занялась посудой. — Тим прав. Майку и мне нужно как следует отшлифовать наш номер.

— Ваш номер и так о'кей. Нужно только кое-где добавить шуточек, но... Привет, Смитти!

Она протянула ему руку в перчатке. Вдали от цирковой арены миссис Пайвонски всегда носила перчатки, платье с высоким воротом и чулки. Она выглядела (да и была) респектабельной вдовой средних лет, тщательно следящей за своей фигурой.

— Я только-что говорила Джилл, — продолжала она, — что у вас отличный номер.

Майк улыбнулся.

— Пат, не смейтесь над нами. Он никуда не годится.

— Нет, это не так, дорогуша. О! В него, конечно, нужно добавить перчику. Побольше шуток. И сделать чуть-чуть пооткровеннее костюм Джилл. У тебя прекрасная фигурка, девочка.

Джилл покачала головой.

— Это ничего не даст.

— Знаете, я была знакома с одним фокусником. Он одевал свою помощницу по моде веселых девятидесятых годов... я имею в виду тысяча восемьсот девятые, конечно, так что у нее ног вообще не было видно из-под платья. А во время представления он заставлял исчезать одну за другой части ее туалета. Олухи были в полном отпаде. Не поймите меня превратно, дорогие, все было вполне прилично, к концу представления на ней было надето не меньше, чем на тебе сейчас.

— Патти, — отозвалась Джилл, — я бы работала наш номер вообще в голом виде, если бы не страх, что полиция запретит наши цирковые представления.

— Из этого у тебя ничего бы не вышло, девочка. Олухи бы озверели. Но если у тебя хорошая фигура, то почему бы этим не воспользоваться? Что было бы с моим амплуа татуированной женщины, если бы я не показывала столько, сколько мне разрешается?

— Кстати об одежде, — вмешался Майк, — мне кажется, вам тут жарковато, Пат. Кондиционер в этой развалюхе сдох, надо думать, температура поднялась до девяноста градусов *...

Майк был одет в легкий халат, чего было вполне достаточно с позиций относительно легкомысленных нравов циркачей. Жара на него почти не действовала, ему лишь изредка приходилось чуть-чуть приспособливать свой метаболизм к внешним условиям. Но их подруга привыкла к тому, что в обычной обстановке на ней почти ничего не было, — одежду она рассматривала преимущественно как средство скрыть татуировку, когда она была среди дурачьи.

— Почему бы вам не расположиться у нас со всеми удобствами? Разве среди нас есть посторонние, мои

* По Фаренгейту (32,2°C).

цыплатки? — Это была шутка, которая, как говорил ему Джубал, должна показать, что здесь собралась веселая дружная компания.

— Конечно, Патти, — поддержала его Джилл, — если ты под платьем без ничего, я тебе что-нибудь подыщу.

— Гм... ну я там надела кое-что...

— А тогда с друзьями нечего чиниться. Дай я расстегну тебе молнию.

— Позволь мне сначала снять чулки и туфли...

Патриция разговаривала, одновременно прикидывая, как бы половчее перейти к теме религии. Господи, эти детишки уже давно готовы стать ищущими, в этом она была уверена, но считала, что впереди у нее еще целый сезон, чтобы привести их к Свету.

— Что касается циркового дела, Смитти, то важно прежде всего понять психологию олухов. Если бы ты был настоящим волшебником... о, я совсем не хочу сказать, что ты плохо знаешь свою работу, дорогой, ты ее знаешь... — Она сняла чулки, смяла в комок и положила их в носок туфли, после чего позволила Джилл расстегнуть молнию. — Я имею в виду, как если бы вы заключили союз с дьяволом... Однако олухи все равно были бы уверены, что все это только ловкость рук. Поэтому вам даже в этом случае пришлось бы пользоваться обычными для всех простых фокусов приемами. Приходилось ли вам, например, когда-нибудь видеть пожирателя огня с хорошенькой ассистенткой? Что вы! Красотка смазала бы ему весь номер! Ведь олухи должны ждать только одного, — чтобы он поджег себя.

Она стащила платье через голову. Джилл взяла его и поцеловала Пат.

— Вот теперь, тетушка Патти, ты стала куда больше похожа на себя. Сядь поудобнее, возьми стаканчик, расслабься...

— Секундочку, милая. — Миссис Пайвонски в душе молила небо о помощи. Ну, разумеется, ее татуировка сама говорит за себя — ведь для того-то Джордж и нанес ее на тело жены. — А у меня для дурачьи есть вот это! Вы когда-нибудь смотрели, я хочу сказать, по-настоящему смотрели мои картинки?

— Нет, — призналась Джилл, — как-то неудобно было на тебя пялиться, как будто мы парочка настоящих олухов.

— Ну так посмотрите сейчас, мои милые, ведь именно для этого мой Джордж, упокой Господи его честную душу на небесах, изобразил их на мне. Чтоб на них смотрели, чтоб их изучали! Вот здесь, прямо под моим подбородком изображено рождение нашего пророка — Пресвятого архангела Фостера — совсем еще невинного младенца, даже не ведающего, что ему уготовили небеса... но ангелы уже знали, — видите, сколько их тут вокруг него? Следующая сцена — это его первое чудо, когда, будучи еще юным грешником в деревенской школе, он отправился в лес и там подстрелил крохотную пичужку... поднял ее, погладил, и она улетила прочь — невредимая. Теперь я повернусь к вам спиной...

Она объяснила, что у Джорджа в распоряжении не было сплошного большого куска кожи, когда он приступил к своему величайшему творению, и ему пришлось переписывать «Нападение на Пёрл-Харбор» в «Армагеддон», а «Небоскребы Нью-Йорка» в «Священный город».

— Но, — призналась она, — хотя теперь каждый дюйм моей кожи отдан священным картинам, Джорджу пришлось повертеться, чтобы изобразить на живой плоти все важнейшие события земной жизни нашего пророка. Вот здесь, например, вы видите его произносящим проповедь со ступеней безбожной теологической семинарии, откуда его изгнали... Это первый раз, когда его арестовали, — начало гонений. А сзади, на моей спине вы видите его разрушающим реликвии идолопоклонников... а рядом он в узилище, где на него снисходит Божественный Свет. Затем малочисленные Верные врываются в тюрьму...

(Достопочтенный Фостер усек, что для поддержания религиозной свободы медные кастеты, дубинки и готовность схватиться с копами куда более важны, чем пассивное сопротивление. Его церковь была воинственной с самого начала. Однако он был неплохим тактиком — в сражения ввязывался лишь там, где тяжелая артиллерия была на стороне Бога).

— ...и освобождают его, потом мажут дегтем и вываливают в перьях того недостойного судью, который его туда бросил. Спереди же... ах, вам не видно, мешает мой лифчик... так жаль...

(— *Майк, чего она добивается?*

— *Ты знаешь. Скажи ей сама.*)

— Тетя Патти, — спросила мягко Джилл, — вы хотите, чтоб мы как следует рассмотрели ваши картинки? Да?

— Ну... как говорит Тим в своей лекции, Джорджу пришлось использовать всю мою кожу, чтобы завершить историю Пророка...

— Раз Джордж вложил в нее столько труда, значит, он хотел, чтобы люди смотрели на нее. Снимай все, я же сказала тебе, что готова вести свой номер вообще без всякой одежды... а ведь он предназначен всего лишь для развлечения. У тебя же есть цель, святая цель...

— Ну... если вы хотите... — В сердце своем Патти спела «Аллилуйя», предназначая ее Фостеру за оказанную поддержку, — с этой поддержкой, да с помощью картин Джорджа она поведет этих славных детей к поискам Света. — Я расстегну...

(— *Джилл...*

— *Нет, Майк...*

— *Погожди...*)

Внезапно, удивленная миссис Пайвонски обнаружила, что ее расшитые блестками трусики и лифчик исчезли! Джилл, наоборот, нисколько не удивилась, что ее белье тоже перестало существовать, хотя и испытала некоторое смущение, увидев, что на Майке уже нет халата. Она приписала это его вежливым, как у котенка, манерам.

Миссис Пайвонски с трудом перевела дух. Джилл обняла ее.

— Ну, ну, милочка... все в порядке. Майк, нужно было все же предупредить человека!

— Хорошо, Джилл. Пат...

— Да, Смитти?

— Ты сказала, что мои фокусы — ловкость рук. Ты хотела раздеться — я тебе помог.

— Но как? Где мой костюм?!

— Там же, где белье Джилл и мой халат. Пропали.

— Не беспокойся, Патти, — вмешалась Джилл, — мы дадим тебе другие. Майк, тебе не следовало этого делать.

— Извини, Джилл... я *грокк*, что все будет хорошо.

— Хм... пожалуй. — Тетушка Патти не казалась слишком огорченной, к тому же она никому не расскажет, ведь она настоящая циркачка.

Миссис Пайвонски вовсе не волновала пропажа двух элементов ее костюма... Собственная нагота ее тоже не смущала, нагота ее друзей — тем более... Зато ее очень волновала теологическая сторона проблемы.

— Смитти, это что — настоящая магия?

— Думаю, ты могла бы назвать ее и так, — согласился Майк, тщательно подбирая слова.

— Я бы предпочла назвать это чудом, — ответила она откровенно.

— Зови как хочешь, но это не ловкость рук.

— Я поняла. — Она не испугалась. Патриция Пайвонски ничего не боялась — ее поддерживала вера. Но насчет друзей у нее возникли некоторые сомнения. — Смитти, погляди мне в глаза. Ты подписал договор с дьяволом?

— Нет, Пат. Не подписывал.

Она пристально поглядела ему в лицо.

— Ты не лжешь?

— Он не умеет лгать, Патти.

— Тогда это чудо? Смитти... Ты *святой*!

— Не знаю, Пат.

— Архангел Фостер тоже не знал, пока не перешагнул во второй десяток... хотя чудеса он творил и до этого. Ты — святой. Я чувствую это. Думаю, что почувствовала еще во время нашей первой встречи.

— Я не знаю, Пат.

— Я полагаю, весьма вероятно, что он святой, — сказала Джилл, — только сам он этого не знает. Майкл, ты сказал слишком много, чтобы остановиться на этом.

— Майкл? — вскинулась Патти. — Ты — архангел Михаил, посланный нам в образе человеческом!

— Патти, ну пожалуйста!.. Если это даже он, то ему об этом ничего не известно.

— А ему и знать не надо. Бог творит чудеса по собственному соизволению.

— Тетушка Патти, ты дашь мне закончить рассказ?

Вскоре миссис Пайвонски узнала, что Майк — «Человек с Марса». Она согласилась, что с ним надо вести себя, как с обычным человеком, оговорив при этом, что у нее есть свое собственное мнение о его природе и причинах появления на Земле; Фостер, пока он пребывал на Земле, тоже был обыкновенным человеком, но одновременно всегда оставался архангелом. Если Джилл и Майк настаивают на том, что они не спасены, она будет обращаться с ними так, как они ее просят, — пути Господни неисповедимы.

— Я полагаю, вы можете называть нас ищущими, — сказал ей Майк.

— И довольно об этом, милые! Я уверена, что вы уже спасены; впрочем, и сам Фостер в свои ранние годы был ищущим. Я помогу вам.

Она приняла участие и в другом чуде. Они сидели на ковре. Джилл легла на спину и телепатически предложила Майку попробовать. Без лишних слов он поднял ее в воздух. Патриция наблюдала происходящее в безмятежном спокойствии.

— Пат, — обратился к ней Майк, — ляг тоже.

Она повиновалась с готовностью, как если бы он был сам Фостер.

Джилл повернула к ним лицо.

— А может, меня лучше спустить вниз, Майк?

— Нет, я справлюсь.

Миссис Пайвонски почувствовала, что тихо поднимается ввысь. Испуга она не испытывала; она ощущала всепобеждающий религиозный экстаз, молниеносный прилив тепла к своему лону, вызывающий слезы на глазах. Такой мощи она не испытывала с тех самых пор, как святой Фостер коснулся ее. Майк приблизил ее к Джилл, и та обняла Патти. Слезы полились обильнее, сопровождаемые тихими счастливыми вздохами.

Майк опустил их на пол, он не чувствовал усталости и даже не помнил, когда последний раз уставал.

Джилл шепнула:

— Майк, нам нужна вода...

(— ???

— Да, — ответил ее мозг.

— И что же?

— Прекрасная необходимость. Как ты думаешь, зачем она пришла сюда?

— Я знал. Я только не был уверен, что ты знаешь... или одобряешь. Мой брат. Мое второе «Я».

— Мой брат...)

Майк отправил стакан в ванную, заставил течь воду из крана и вернул стакан Джилл. Миссис Пайвонски наблюдала за происходящим с интересом. Она уже больше была не в состоянии удивляться. Джилл сказала ей:

— Тетушка Патти, это похоже на крещение... или на брак. Это марсианский обычай. Он означает, что ты веришь нам, а мы верим тебе... что мы можем сказать тебе все, и ты можешь довериться нам во всем... что мы партнеры, верные друг другу до конца. Но, однажды скрепленная, эта связь не может быть нарушена никогда. Если ты разорвешь ее, мы сразу же умрем, спасены мы или нет. Если же мы разорвем ее... впрочем, мы этого сделать не можем физически. Если ты не хочешь, можешь не разделять с нами воды — мы все равно останемся друзьями. Если этот обряд противоречит твоей вере — не совершай его. Мы не принадлежим к ней. Возможно, никогда не будем принадлежать. Мы ищущие — так, пожалуй, будет вернее всего нас называть. Майк?

— Мы грокк, — согласился он. — Пат, Джилл говорит верно. Я хотел бы сказать тебе это по-марсиански, тогда было бы яснее. В обряд входит все, что есть в браке, и гораздо больше того. Мы рады предложить тебе воду, но если есть хоть малейшая причина — в твоей религии или в твоём сердце, мешающая тебе принять ее от нас... не пей!

Патриция Пайвонски перевела дух. Ей уже приходилось делать подобный выбор когда-то... и супруг ее был свидетелем этого выбора, но не запретил его... Кто она такая, чтобы отказывать святому? И его благословенной невесте?

— Я жажду этого, — твердо сказала она.

Джилл отпила глоток.

— Мы растем ближе. — Она передала стакан Майку.

— Благодарю тебя за воду, брат. — Он сделал глоток. — Пат, я даю тебе Воду Жизни. И пусть ее у тебя будет всегда вволю. — Он передал ей стакан.

Патриция взяла.

— Благодарю. О благодарю вас, мои дорогие. Вода Жизни! Я люблю вас обоих! — Она выпила с жадностью.

Джилл приняла стакан и допила до дна.

— Мы все растем ближе, братья.

(— Джилл?

— Сейчас!)

Майк поднял нового брата на руки, понес и мягко опустил на постель.

Валентайн Майкл Смитт *грокк*, что физическая любовь людей — очень человеческая и очень физическая, — существует не только для ускорения развития яиц и является не только ритуалом, при помощи которого происходит сближение. Акт сам по себе уже был познанием. Он все еще старался *грокк* это глубже, глубже, пытаясь при каждом новом случае *грокк* во всей полноте. Он уже давно не стыдился своего познания, что даже Старейшим неведом такой экстаз, — он *грокк*, что его новый народ обладал уникальной духовной глубиной. С немеркнувшей радостью старался он познать эту глубину, тем более что на него не влияли никакие воспринятые в детстве запреты, которые могли вызвать чувство вины или боязни.

Его учителя, нежные и щедрые, победили его невинность, не ранив при этом его чувств. Результат был столь уникален, как уникален был сам Майк.

Джилл нисколько не удивилась, когда Патти просто, как нечто естественное приняла факт, что, разделив воду по древнему марсианскому обычаю, она должна тут же разделить и самого Майка, теперь уже по древнему человеческому ритуалу. Джилл чуточку удивилась тому спокойствию, с каким Пат восприняла способность Майка творить чудеса. Джилл просто не знала, что Патриция уже встречалась со святым — и ожидала от святых всего, чего угодно. Джилл ощущала покой и радость от мысли, что переломная точка была

встречена правильно задуманным поступком... а потом для Джилл наступила пора экстаза, — она и сама разделила счастье сближения.

Когда они отдохнули, Джилл попросила отправить Пат в ванну, прибегнув к телекинезу, и радостно хихикала, временами взвизгивая от смеха вместе со старшей подружкой. Впервые Майк сделал это когда-то в шутку в сходной ситуации, желая позабавить Джилл, но потом это превратилось почти в семейную традицию, которая, как была уверена Джилл, должна понравиться Патти. Джилл умирала со смеху, глядя на лицо Патти, которую намыливали и оглаживали невидимые руки, а потом вытирали насухо без помощи полотенец или сухого горячего воздуха.

Патриция только хлопала глазами.

— Теперь просто необходимо выпить.

— Разумеется, милочка!

— Я все еще хочу, дети, показать вам мои картинки. — Они прошли в гостиную, где Патти остановилась в самом центре ковра. — Только сначала поглядите на меня. На меня, а не на картинки. Что видите?

Майк мысленно удалил татуировку, чтобы видеть нового брата без украшений. Татуировка ему нравилась, она выделяла Пат из прочих людей, делала ее неповторимой личностью. Татуировка даже придавала Патти какой-то марсианский привкус, ставила ее особняком среди безликой людской толпы, где все были похожи друг на друга. Майк подумал, как бы выглядел он сам, если бы сделал себе татуировку, и тут же попытался *грокк*, что она будет изображать. Жизнь его отца и брата по воде Джубала? Надо будет подумать. Джилл тоже может захотеть получить татуировку... А есть ли рисунок, который может превратить Джилл в еще более прекрасную, оставив ее одновременно неизменной?

То, что он увидел, глядя на Пат без татуировки, понравилось ему меньше, — она выглядела так, как и должна выглядеть женщина. Майк все еще не мог *грокк* коллекцию фотографий Дьюка, хотя они показали ему, что существует большое разнообразие в формах, размерах и цвете женщин, а также в самой акробатике любви, — но кроме этого, он не *грокк*

ничего из столь высоко ценимых Дьюком картинок. Марсианское воспитание превратило Майка в тонкого наблюдателя, но оно сделало его невосприимчивым к изысканному наслаждению от созерцания эротических сцен. Он, безусловно, видел в женщинах (включая сюда и Патрицию Пайвонски) источник сексуального возбуждения, но это в его представлении нисколько не зависело от разглядывания их внешности. Запах и прикосновение к ним значили куда больше — в этом отношении он, видимо, был одновременно и квазичеловеком и квазимарсианином. Параллельный марсианский рефлекс (такой же неромантический, как чихание) возникал под влиянием именно этих ощущений, но носил сугубо сезонный характер, и секс для марсиан был не более возбуждающ, чем внутривенное вливание.

Без татуировки Майк заметил одну вещь: у Патриции было собственное выражение лица, которое прожитая жизнь сделала необыкновенно прекрасным. У нее, понял он с удивлением, лицо было даже более самобытным, чем у Джилл. Он испытал к Пат глубокое чувство, которое пока еще не научился называть любовью.

Кроме того, у нее был свой, принадлежавший только ей запах и голос. Голос был чуть хриловатый, и Майк с радостью слушал его, даже если не *грокк* значения произносимых слов. Ее запах впитал в себя горьковатый аромат мускуса, исходившего от змей, с которыми она возилась. Майк любил змей, он умел обращаться даже с самыми ядовитыми, прибегая к способности растягивать время, что сводило опасность быть укушенным к нулю. Он *грокк* с ними, он вкушал их невинные и безжалостные мысли, они почему-то напоминали ему о доме. Майк, кроме Патриции, был единственным человеком, который мог взять в руки Хони Буна и тем доставить ему удовольствие. Змея была столь апатична, что трогать ее могли многие, но Майка она считала как бы заместителем Пат.

Майк вернул татуировку на место.

Джилл же никак не могла понять, зачем это тетушке Пат вообще понадобилась татуировка? Она выглядела бы куда милее, если бы не походила на ходячую страничку из комикса. Ей нравилась внутренняя сущность Пат, а не то, как она смотрелась... хотя, впрочем,

татуировка давала ей возможность вести безбедное существование... пока она не станет слишком старой, а тогда олухи перестанут платить за удовольствие полюбоваться ею — даже, если бы картинка была наколоты самим Рембрандтом. Джилл надеялась, что Патти успела отложить в чулок на черный день круленькую сумму, и тут же вспомнила — Патти теперь собрат по воде и разделяет с Майком его безграничное состояние. От этой мысли у Джилл стало теплее на душе.

— Ну, — повторила миссис Пайвонски, — что же вы видите? Сколько мне лет, Майкл?

— Не знаю.

— Догадайся.

— Не могу, Пат.

— Ох, да брось ты!

— Патти, — вмешалась Джилл, — он и в самом деле не может. Он еще не научился определять возраст — ты же знаешь, как недавно он живет на Земле. Майк даже счет ведет в марсианских годах и вообще пользуется марсианской арифметикой. Если нужно что-то посчитать, я делаю это за него.

— Ладно. Тогда скажи ты, дочка. И говори правду.

Джилл внимательно оглядела Пат, отметив стройность ее фигуры и обратив особое внимание на руки, шею и глаза... а затем скинула лет пять, несмотря на обязательство быть предельно честной с братом по воде.

— Ммм... где-то лет тридцать, год сюда, год туда.

Миссис Пайвонски засмеялась.

— Вот преимущество Истинной Веры, мои дорогие. Джилл, милочка, я приканчиваю пятый десяток.

— Но тебе столько никогда не дашь!

— Вот, что делает Радость, моя милая. После рождения первого ребенка моя фигура пошла ко всем чертям — прозвище «толстуха» было изобретено как будто прямо для меня. Живот выглядел так, будто я хожу на шестом. Грудь обвисла, и мне никак не удавалось их приподнять. Можешь посмотреть сама — конечно, хороший хирург никогда не оставляет шрамов, но на мне они все равно были бы заметны, детка. По крайней мере в двух картинках оказались бы дыры. А затем я увидела Свет! Нет, не физические упражнения, не диета — я ем как поросенок! Радость, моя дорогая!

Совершеннейшее счастье во Господе по протекции самого благословенного Фостера.

— Поразительно! — воскликнула Джилл.

Тетушка Патти явно не придерживалась диеты и за время их знакомства не занималась никакими упражнениями, а Джилл, как медсестра, прекрасно знала, какие шрамы оставляет операция по подтягиванию груди. Нет, к этой татуировке скальпель хирурга не прикасался.

Майк же про себя решил, что Пат сама научилась «придумывать» свое тело таким, каким ей хотелось его видеть, но по неведению приписала результат Фостеру. Он учил Джилл контролю над телом, но ей надо было сначала лучше освоить марсианский язык, а уж потом она могла полностью овладеть этим умением. Впрочем, куда торопиться; ожидание принесет свои плоды.

Пат же продолжала:

— Я хотела, чтобы вы увидели, на какие чудеса способна Вера. Но главные изменения — внутри! Радость! Богу ведомо, что я плохой проповедник, но все же я попытаюсь объяснить вам. Во-первых, надо было понять, что все так называемые «церкви» — всего лишь ловушки дьявола. Наш возлюбленный Христос проповедовал истинную веру, говорил Фостер, и я ему верю. В средние века слова Иисуса была извращены и искажены так, что он сам их не узнал бы. Поэтому и был послан на Землю Фостер, дабы объявить Новое Откровение и придать учению былую чистоту. — Патриция Пайвонски подняла перст и внезапно превратилась в жрицу, облаченную в святость и мистическую символику. — Бог хочет, чтобы мы были счастливы. Он наполнил мир вещами, которые способны сделать нас счастливыми. Разве обратил бы Господь сок винограда в вино, если бы не желал, чтобы мы пили и веселились? Он оставил бы его соком... или превратил бы его в винный уксус, из которого нельзя извлечь даже улыбки. Разве это не правда? Конечно, он вовсе не рассчитывал, что люди будут напиваться как скоты, лупить своих жен и бросать детей. Он дал нам дивные вещи, чтобы мы наслаждались ими, а не гадили их. Если вам нравится пить и даже напиваться среди друзей, познавших Свет, и это понуждает вас пускаться в пляс или громко возносить хвалу Богу за его доброту, то почему бы и

нет? Бог создал алкоголь. Он же создал и ноги; он сотворил так, чтобы в танце сделать человека счастливым... — Патриция помолчала. — Налей-ка мне еще стаканчик, дорогая. Ремесло проповедника вызывает жажду... только не лей слишком много имбирного эля — хлебный виски хорош сам по себе... И это еще не все. Если Бог не хотел, чтоб женским телом восхищались, он создал бы его безобразным, это ведь понятно, не так ли? Бог не какой-нибудь обманщик. Он сам запустил эту игру, и он не мог сделать ее для нас — олухов — безвыигрышной, как мухлюют с рулеткой в игорных домах городка, где хозяйничает жулье. Бог не станет посылать в ад людей, проигравших в жульнической игре!

Ладно! Бог хочет, чтобы мы были счастливы, и он повелел нам любить друг друга. Любить даже змею, если бедняжка нуждается в любви. Любите ближнего... и оставьте пощечины лишь для служителей сатаны, старающихся сбить вас с предназначенного пути и завести прямехонько в ад. И под «любовью» Бог понимает не жиденькую любвишку старой девы, боящейся оторвать глаз от молитвенника, дабы не узреть плотского искушения! Если Бог ненавидит плоть, то зачем же он сотворил ее так много? Бог не слюнявый неженка! Он сотворил Большой Каньон, и летящие по небу кометы, и циклоны, и жеребцов, и землетрясения — так разве может он, создавший все это, отвернуться и практически напустить в штаны только потому, что какая-нибудь девушка нагнулась чуть-чуть ниже и парень увидел ее титьку? Ты знаешь, что это не так, и я тоже знаю. Когда Бог повелел нам любить, он вовсе не собирался нас обжудить. Он имел в виду именно любовь. Люби крохотных детишек, которым постоянно нужны сухие пеленки, люби сильных, пропахших потом мужчин, люби их так, чтобы было больше ребятишек, нуждающихся в любви, а в промежутках между родами просто люби, потому что любовь — это благо.

Конечно, это не значит, что любовью следует торговать, так же как бутылка хлебного виски вовсе не означает, что я обязательно должна напиться и ввязаться в драку с полицейским. Продавать любовь нельзя, как нельзя купить радость, — на них нет ярлычка с

ценой... а если вы думаете, что есть, то вам открыта дорога в ад. Но если вы отдаете любовь с открытым сердцем и берете в обмен то, чего у Бога хватает с запасом, то дьявол до вас не доберется! Деньги? — Она взглянула на Джилл. — Милочка, да разве ты совершишь обряд разделения воды, скажем, за миллион долларов? Или за десять миллионов? Причем без вычета налогов?

— Конечно, нет!

(— *Майкл, ты грюкк это?*

— *Почти во всей полноте, Джилл. Это ожидание.)*

— Понимаешь, милочка? Я знала, что в вашей воде — любовь. Вы ищущие и уже близки к Свету. Но раз вы двое, благодаря той любви, которая переполняет вас, «разделили воду и стали расти ближе», как говорит Майк, то я смогу поведать вам о вещах, которые обычным ищущим недоступны.

Достопочтенный Фостер, то ли рукоположенный самим собой, то ли Господом Богом, — в зависимости от того, каким авторитетам верить, — инстинктивно улавливал пульс своего времени лучше, чем опытный циркач проникает в душу олуха-зрителя. Культура, известная как «Америка», на протяжении всей своей истории отличалась двуликостью. Ее законы были пуританскими, ее скрытая суть — скорее раблезианской; ее главные религии — аполлоническими, обряды и ритуалы ближе к дионисийским. В двадцатом веке (христианская эра Терры) нигде на Земле секс не подавлялся так сильно, как здесь, но и интерес к нему был необычайно высок.

Фостер, подобно другим великим религиозным лидерам этой планеты, обладал двумя качествами: у него была необыкновенно магнетическая натура, а в сексуальном отношении он даже близко не подходил к понятию земной «нормы». На Земле великие лидеры были или целомудренны, или сексуально озобочены. Так вот, Фостер уж никак не был целомудренным.

Не были такими и его жены, и его жрицы, — утверждение духовного возрождения, согласно Новому От-

кровению, сопровождалось ритуалом, самой природой предназначенным, чтобы «расти ближе».

В истории Терры существовало много культов, использовавших ту же технику, но в Америке до появления Фостера они были слабо представлены. Фостера не раз изгоняли из родного города, пока он не довел до нужной кондиции метод, позволивший ему широко распространить свой дурнопахнущий культ. Он щедро заимствовал у масонов, коммунистов, католиков и рекламных агентств Мэдисон-Авеню, а еще шире — у более ранних писаний, создавая Новое Откровение. Это кушанье было изрядно подслащено идеями о возврате к раннему христианству. Фостер основал «внешнюю церковь», которую мог посещать любой желающий. Выше нее стояла «средняя церковь», для мира именовавшаяся «Церковью Нового Откровения»; там счастливые спасенные платили церковную десятину, пожинали плоды все расширяющегося церковного бизнеса и без памяти веселились на бесчисленных фестивалях Радости, завершающих службу. Все их грехи были прощены, а возможности совершить новые у них почти не оставалось, раз они поддерживали свою церковь, были честны в делах с братьями-фостеритами, предавали проклятиям грешников и были счастливы. Новое Откровение не поощряло прилюдного распутства, а при обсуждении взглядов на сексуальное поведение соблюдало сугубую таинственность.

«Средняя церковь» поставляла штурмовиков. Фостер позаимствовал опыт уоббли * начала двадцатого века: если местные обыватели пытались подавить движение фостеритов, те собирались в этом городке в таком множестве, что ни тюрьмы, ни полиция не могли с ними справиться, и тогда у копов трещали ребра, а тюрьмы брались штурмом.

Если же прокурор был смел и возбуждал уголовное дело, его обычно не удавалось доказать. Фостер, получив опыт под огнем, заботился о том, чтобы судопроизводство велось с соблюдением каждой буквы закона. Ни один фостерит не был осужден как таковой ни Верхов-

* Член одного из первых профсоюзов в США — «Индустриальные рабочие Мира».

ным Судом США, ни впоследствии — Высшим Судом Федерации.

Частью официальной церкви была «внутренняя церковь» — прочное ядро истинно преданных, из которых выдвигались пастыри, общественные деятели и политические воротилы. Все они считались «возродившимися», не подвластными греху и бесспорными кандидатами на райское житие, надежными хранителями церковных тайн.

Фостер тщательно отбирал своих людей, делая это лично, пока позволял масштаб операций. Он искал мужчин того же сорта, к какому принадлежал сам, и женщин, какими были его жрицы-жены — динамичных, фанатически верующих, упрямых и свободных от ревности (или легко расстававшихся с ней, равно как и с чувством вины или неудовлетворенности) в ее повседневном человеческом смысле. Все они были потенциальными сатирами и нимфами, ибо тайная церковь и была тем дионисийским культом, которого так не хватало Америке и для которого существовал огромный внутренний рынок.

Фостер был дьявольски осторожен: если кандидаты во внутреннее ядро состояли в браке, их вербовали только парами. Незамужние и неженатые кандидаты должны были отличаться сексуальной привлекательностью и агрессивностью. Он внушал своим священникам, что число мужчин должно быть равным или немного большим, чем число женщин. Нигде не зарегистрировано, что Фостер изучал более ранние культы Америки, но он знал или чувствовал, что большинство этих культов рухнуло из-за того, что всепоглощающая похоть жрецов возбуждала чувство ревности. Фостер эту ошибку не повторил: он никогда не держал женщин, даже тех, на которых «женился», только для себя.

Фостер вообще неохотно шел на расширение «внутренней церкви». «Средняя церковь» поставляла вполне достаточно средств, чтобы утолить скромные аппетиты масс. Если «возрождение» производило на свет две супружеских пары, способных на «небесный брак», Фостер считал это вполне достаточным. Если ни одной, он спокойно ждал, пока посеянные семена взойдут, и посылал возвращать их опытных священников и жриц.

Насколько это было возможно, он проверял парные кандидатуры лично, вместе с какой-нибудь жрицей. Поскольку такая пара бывала уже «спасена», во всяком случае в понимании «средней церкви», то риска почти не было — с женщинами дело обстояло совсем просто, а мужчин он тщательно изучал, прежде чем спустить на них своих жриц.

До того как стать «спасенной», Патриция Пайвонски была молодой замужней и «очень счастливой» женщиной. Она родила ребенка, уважала и восхищалась своим гораздо более пожилым мужем. Джордж Пайвонски отличался щедрой любящей натурой, но ему была свойственна одна слабость — он частенько напивался и не мог выполнять свои супружеские обязанности после длинного рабочего дня. Патти считала, что ей повезло в жизни, правда, иногда Джордж приударял за клиентками — и весьма сильно, если дело происходило ранним утром, к тому же татуировальное мастерство требовало уединения, особенно если речь шла о женщинах. Патти относилась к любовным отклонениям с пониманием, а иногда и сама ходила на свидания с клиентами-мужчинами, особенно с тех пор, как Джордж стал все чаще и чаще прикладываться к бутылке.

И все же в ее жизни была пустота, которая не заполнялась даже тогда, когда благодарный клиент презентовал ей змею, держать которую сам не мог, так как должен был уехать. Патти любила домашних животных и змей ничуть не боялась. Пат устроила ей дом в витрине их ателье, а Джордж написал чудесную красочную картину, служившую фоном и украшенную четырехцветной надписью «Не наступи на меня». Этот лозунг вскоре стал очень популярен.

Пат накупила еще змей, и они очень утешали ее. Но она была дочерью ирландца из Ольстера и девушки из Корка — вооруженное перемирие между родителями, принадлежавшим к разным религиям, оставило ее без собственной конфессии.

Она была уже ищущей, когда впервые услышала проповедь Фостера в Сан-Педро. Ей удалось уговорить Джорджа тоже сходить на несколько воскресных богослужений, но тогда он так и не увидел Света.

Свет дал им Фостер, и они с мужем принесли покаяние в один и тот же день. Когда шесть месяцев спустя Фостер вернулся, оба Пайвонски стали уже настолько ревностными последователями церкви, что он обратил на них свое внимание.

— С тех пор как Джордж узрел Свет, я не знала больше никаких неприятностей, — рассказывала Пат Майку и Джилл. — Он изредка выпивал, но и то лишь в церкви и немножко. Когда наш святой пастырь вернулся, Джордж начал свое великое дело. Разумеется, он хотел показать его Фостеру... — Миссис Пайвонски заколебалась. — Дети, мне, вероятно, не следовало бы говорить вам об этом...

— Тогда не говори, — спокойно откликнулась Джилл. — Патти, дорогая, мы не хотим, чтобы ты делала что-то, что может вызвать у тебя сомнения. Обряд разделения воды должен нести лишь радость.

— Но я хочу рассказать! Только помните, что это дела церковные и обычно их не обсуждают... Я-то ведь про вас никому не скажу.

Майк кивнул.

— Здесь на Земле мы называем это «личными делами братьев по воде». На Марсе такой проблемы вообще не существует... но тут я *грокк* — она возникает. «Личные дела» братьев вообще не обсуждаются.

— Я... *грокк*. Забавное слово, но я, кажется, начинаю его понимать. Ладно, дорогие, пусть это будет «личное дело брата по воде». Знаете ли вы, что все фостериты татуированы? Я имею в виду настоящих членов церкви, тех, кто спасен навечно, ну как я? ...О нет, я говорю не о татуировке по всему телу! Погляди-те на это — прямо над моим сердцем. Это священный поцелуй Фостера. Джордж сделал так, чтобы он выглядел как часть картины заката... так что никто не догадывается... Но это его поцелуй — Фостер сделал его *сам*! — Восторг Пат поднялся почти до экстаза.

Они внимательно присмотрелись к отпечатку.

— Это действительно след поцелуя, — с удивлением заметила Джилл, — как будто целовал кто-то с намазанными помадой губами. — А я думала, что это кусочек заката.

— Да, именно так Джордж и задумал. Ибо мы не показываем поцелуй Фостера кому попало, то есть тем, у кого его нет; у меня и в мыслях этого не было до нынешней минуты. Но, — решительно сказала она, — вы оба непременно рано или поздно будете носить такой знак, и, когда придет время, я сама его вам вытатуирую.

— Я не понимаю, Патти, — спросила Джилл, — как он может поцеловать нас? В конце-то концов, он... где-то на небесах?

— Да, милочка, он именно там. Сейчас я все объясню. Любой священник, любая жрица могут дать вам «фостеров поцелуй». Он означает, что Бог в вашем сердце, Бог стал частью вас самих... навеки.

Майк тут же насторожился.

— Ты есть Бог.

— Как, как, Майкл? Ну... я никогда раньше не слышала этих слов, но они чудесно выражают мысль... Бог в тебе и с тобой, и дьяволу ты неподвластен.

— Да, — согласился Майк. — Ты *грокк* Бога.

Он с радостью подумал, что ближе, чем когда-либо, подошел к выражению марсианской концепции... правда, Джилл теперь непосредственно изучает марсианский вариант, и к ней это придет само собой.

— В общем, ты прав, Майкл. Бог... *грокк* тебя — и ты обвенчан в светлой любви и вечной радости с его церковью. Священник или жрица целуют тебя, а потом на этом месте делается татуировка, которая сохранит поцелуй навеки. Отпечаток не обязательно так велик, как мой, — он ведь точно повторяет по величине и по форме благословенные уста Фостера — и может находиться в любом месте тела, лишь бы он был скрыт от глаз грешников. Любое местечко, лишь бы не было видно. А показываешь его только тогда, когда приходишь на Сборище Радости вечно спасенных.

— Я слышала о Сборищах Радости, — отозвалась Джилл, — но не знаю ничего о том, что там происходит.

— Ну, — рассудительно сказала миссис Пайвонски, — есть разные Сборища Радости. Те, что для рядовых членов паствы, которые спасены, но могут все же скатиться вновь на стезю греха, очень веселые, вроде настоящих вечеринок, где молитв не очень-то

много, и они тоже проходят оживленно, но зато много шума и веселья. Там допускается и немножко секса, только следует быть осторожным — с кем и как, ибо не следует сеять семена раздора между братьями. Церковь очень ревностно относится к поддержанию должного порядка — всему свое место и время.

Сборища же Радости для вечно спасенных... там осторожность не нужна, ибо там нет никого, кто мог бы согрешить, — с грехом у них покончено навсегда. Хочешь пить и напиться в стельку — о'кей, такова значит воля Божья, иначе бы ты этого не захотел. Хочешь пасть на колени и молиться, или возвысить свой голос в пенье... или сорвать с себя одежды и пуститься в пляс — на все это воля Божья. Там нет никого, кто способен увидеть в таких делах что-то дурное.

— Похоже, ничего себе вечериночка, — сказала Джилл.

— О да, там всегда прекрасно. И тебя преисполняет райское блаженство. Если ты просыпаешься под утро рядом с кем-нибудь из навечно спасенных братьев, то знаешь, — он оказался здесь потому, что Бог захотел дать тебе благословенную Радость. И у всех них есть поцелуй Фостера — они все твои братья. — Она задумалась, слегка наморщив брови. — Чувствуешь себя, будто ты разделила воду. Понимаете?

— Я *грок* тебя, — согласно кивнул Майк.

(— *Майк???*)

— *Жди, Джилл, жди полной ясности.*)

— Только вы не думайте, — продолжала Патриция серьезно, — что на Сборища Радости внутреннего храма можно пройти лишь потому, что у вас есть такая татуировка. Приглашенные братья и сестры... ну возьмем, к примеру, меня. Как только я узнаю, куда едет наш цирк, я пишу в тамошнюю церковь и посылаю им свои отпечатки пальцев, чтобы они сверили их с досье вечно спасенных, хранящемся в храме архангела Фостера. Оставляю в конторе объявлений свой адрес. Затем отправляюсь — это бывает каждое воскресенье, я никогда не пропускаю Сборищ Радости, даже если Тиму приходится отменить из-за этого финал, — и там меня проверяют. Они рады видеть меня, ведь я — тоже

аттракцион, благодаря своим единственным в мире и непревзойденным священным изображениям; часенъко весь вечер проходит в том, что я даю людям внимательно рассматривать мои рисунки... и каждая минута такого вечера исполнена для меня непреходящего блаженства. А бывает так, что пастырь просит принести в церковь Хони Буна и изобразить сценку Евы и Змия, для чего, разумеется, нужно, чтоб на все тело был предварительно нанесен макияж. Кто-нибудь из братьев играет роль Адама, нас изгоняют из рая, и пастырь излагает действительный смысл этой истории, а не ту, уже ставшую привычной нам ложь; сцена заканчивается восстановлением нашей благой невинности, а уж потом начинается настоящая вечеринка.

А еще всех очень интересует мой поцелуй Фостера, — добавила она, — ибо он вознесся на небо двадцать лет назад, и мало кто может похвалиться поцелуем, который был бы дан не его представителем. У меня же есть свидетельство храма о подлинности моего. И я повествую о том, как было дело, Гм...

Миссис Пайвонски поколебалась немного, а затем поведала Майку и Джилл эту историю со всеми подробностями, — и Джилл так и не поняла, куда же девалась ее и без того сильно ограниченная способность краснеть? Затем она *грохк*, что Майк и Патти принадлежат к числу невинных божьих детей, которые просто не способны на грех, независимо от того, что творят. Ради Патти ей очень хотелось, чтобы Фостер действительно оказался святым пророком, спасшим ее и даровавшим ей вечное блаженство.

Но Фостер! Раны Господни, что за гнусный тип!

Внезапно, благодаря сильно возросшей способности восприятия, Джилл оказалась вновь в той комнате со стеклянной стеной. Она снова глядела прямо в мертвые глаза Фостера. Но сейчас он казался ей совсем живым... и она ощутила содрогание в лоне и подумала, как бы поступила она, если бы Фостер предложил бы свой священный поцелуй ей... и свою священную плоть впридачу?

Она воздвигла перед собой заслон, но Майк успел уловить ее мысль. Она почувствовала его улыбку, отражающую всю глубину его всепонимающей невинности.

Джилл встала.

— Патти, милочка, когда тебе нужно быть дома?

— О Боже, мне уже давно пора быть там!

— А зачем? Цирк уедет не раньше десяти тридцати?

— Хони Бун будет скучать. Он ревнует, когда я прихожу слишком поздно.

— Разве ты не можешь сказать ему, что была на Сборище Радости?

— Да, конечно... — Старшая женщина обняла Джилл. — Оно ведь так и есть! Так оно и есть, верно!

— Вот и чудесно... Я пойду спать — устала. В котором часу тебе надо вставать?

— Если я попаду домой к восьми, я успею попросить Сэма сложить мою палатку и проверю, хорошо ли устроены мои дорогие детки...

— Завтрак?

— Позавтракаю в поезде. Да и обычно по утрам я пью только кофе.

— Я готовлю его утром. А вы, мои дорогие, можете бодрствовать, сколько хотите. Я разбужу вас вовремя... если вы заснете. Майк вообще не спит.

— Ни крошечки?

— Никогда. Обычно он сворачивается в комочек и думает, но не спит.

— Еще одно знамение, — серьезно сказала миссис Пайвонски. — Я знаю. И, Майкл, вскоре и ты поймешь это. Твое призвание еще впереди.

— Возможно, — согласилась Джилл. — Майк, я просто падаю с ног от усталости. Отправь меня прямо в постель, хорошо? — Она поднялась в воздух и перелетела в спальню... там уже сама собой распахнулась постель. Джилл тут же уснула.

Она проснулась в семь, выпорхнула из постели и просунула голову в соседнюю комнату. Свет был выключен, шторы опущены, но те двое не спали. Джилл услышала, как Майк произнес тихо и уверенно: «ТЫ ЕСТЬ БОГ».

— Ты есть Бог, — шепнула Патриция еле слышно, как будто она наглоталась наркотиков.

— Да. Джилл есть Бог.

— Джилл... есть Бог. Да, Майкл.

— И ты есть Бог.

— Ты есть Бог. Еще, Майкл, еще...

Джилл тихонько вышла и отправилась чистить зубы. Затем дала Майку знать, что проснулась, и поняла, что он об этом уже знает. Когда она опять вернулась в гостиную, туда уже лился солнечный свет.

— Доброе утро, мои милые! — Она поцеловала их обоих.

— Ты есть Бог, — просто сказала Патти.

— Да, Патти. И ты есть Бог. Бог во всех нас.

Она посмотрела на Патти в резком солнечном свете и увидела, что та ни капельки не устала. Что ж, ей был знаком этот эффект, — когда Майк хотел, чтобы она не спала всю ночь, Джилл переносила это без всякого труда. Она сильно подозревала, что ее вчерашняя усталость была вызвана желанием Майка... и услышала, как Майк мысленно согласился с ней.

— Вот и кофе, дорогие; кроме того, в наших запахах нашелся пакет апельсинового сока.

Они легко позавтракали, переполненные счастьем. Джилл видела, что Патти задумчива.

— Что с тобой, дорогая?

— О, мне не хотелось говорить об этом... но... на что вы будете жить, дети? У тетушки Патти чулок набит плотно, и я подумала...

Джилл засмеялась.

— Ой, милочка! Мне не следовало смеяться, но «Человек с Марса» богат! Ты же наверняка слышала об этом?

Миссис Пайвонски была озадачена.

— Конечно, я слышала... но разве можно верить всему, что говорят в «Новостях»?!

— Патти, ты просто чудо! Поверь, что теперь, когда мы братья по воде, мы бы без колебаний, как говорят марсиане, «разделили бы гнездо», ведь для нас эти слова — не просто поэтическая строчка. Но дело обстоит совсем наоборот. Если тебе понадобятся деньги, ты только дай знать. В любом количестве... В любое время. Напиши нам, еще лучше, позвони мне, ведь Майк в деньгах ничего не смыслит. Знаешь, дорогая, у меня сейчас на счету лежит тысяч двести. Сколько тебе нужно?

Миссис Пайвонски удивилась.

— Господи, да мне они вовсе не нужны!

Джилл пожала плечами.

— Если понадобятся, ты только скажи... Или ты вдруг захочешь яхту... Майк с радостью подарит тебе яхту!

— В самом деле, Пат! Я еще никогда не видел яхт. Миссис Пайвонски покачала головой.

— Не нужно мне никаких яхт, все, чего я хочу от вас — это любви.

— Ты ее уже имеешь, — отозвалась Джилл.

— Я не *грокк* «любовь», — сказал Майк, — но Джилл всегда говорит верно. Если она у нас есть — она твоя.

— ...и еще знать, что вы спасены. Впрочем, об этом я не беспокоюсь. Майкл рассказал мне про ожидание и в чем его смысл. Ты понимаешь, Джилл?

— Я *грокк*. Я никогда не ощущаю нетерпения.

— У меня тоже есть что-то для вас обоих. — Татуированная леди взяла сумочку и вынула оттуда небольшую книжку. — Мои дорогие... Это тот самый экземпляр Нового Откровения, который мне вручил лично Фостер... той ночью, когда он наградил меня поцелуем. Я хочу, чтоб он был всегда с вами.

На глаза Джилл навернулись слезы.

— Но, тетушка Патти... Патти, наш дорогой брат... Мы не можем принять ее... мы купим себе другую...

— Нет. Это... как вода, которую я разделяю с вами. Чтоб стать ближе.

— О! — Джилл вскочила на ноги. — Мы разделим ее, она теперь наша общая! — Джилл поцеловала Пат.

Майк потрепал Джилл по плечу.

— Жадный Маленький Брат! Сейчас моя очередь.

— Я всегда жадничаю в таких делах.

«Человек с Марса» поцеловал нового брата в губы, потом в то место, куда целовал Фостер. Он обдумал (по земным масштабам, мгновенно), выбрал симметричное местечко там, где это позволял рисунок Джорджа и поцеловал ее, растягивая время для детального обдумывания и действия. Было необходимо *грокк* капиллярные сосуды...

Обеим женщинам показалось, что он лишь на мгновение приложил губы к коже. Джилл раньше, чем Патт, поняла его замысел.

— Пат! Смотри!

Миссис Пайвонски глянула вниз. На коже горел ярко-красным цветом, подобно тому, как горят стигматы *, отпечаток губ Майка. Она чуть не потеряла сознание... Но крепость веры победила.

— ДА! ДА! Майкл...

Еще через несколько минут татуированная леди исчезла, а ее место заняла похожая на мышку домашняя хозяйка в закрытом платье с длинными рукавами и в перчатках.

— Я не плачу, — сказала она спокойно, — нет расставаний в вечности. Я буду ждать.

Она поцеловала их и ушла, не оглядываясь.

* Христовы раны.

Глава 28

— БОГОХУЛЬСТВО!

Фостер поднял глаза.

— Кто тебя укусил, Младшенький?

Эту пристройку делали второпях, и кое-какие создания умудрялись сюда проникнуть — обычно это были целые тучи почти невидимых бесенят... в общем-то безвредных, но укусы их щекотали «эго».

— Да вот... чтобы поверить, надо увидеть собственными глазами... Минуточку, я прокручу сейчас в обратную сторону аппарат Всевиденья...

— Ты бы удивился, если б знал, чему я только могу поверить, Младшенький. — Тем не менее начальник Дигби все же уделил ему ничтожную часть своего внимания... Трое «преходящих» — это были люди — как он понял, мужчина и две женщины, болтающие о вечности. Ничего особенного.

— И что же?

— Вы слышали, что она сказала?! «Архангел Михаил»! Это надо же!

— И что же?

— Как что?! Боже! Боже!

— И очень может быть.

Нимб Дигби затрясся.

— Фостер, вы наверное плохо смотрели! Она имела в виду этого идиота-переростка, который нагло вышвырнул меня прямо под космические ливни. Посмотрите-ка еще раз.

Фостер увеличил изображение, убедился, что ангел-ученик сказал правду, заметил еще кое-что и улыбнулся своей ангельской улыбкой.

— А откуда тебе известно, что он не архангел, Младшенький?

— А?!

— Я не встречал Майкла последнее время в клубе, а его имя внесено в списки Тысячелетнего Турнира Солипсистов — это знак того, что вернее всего, он послан на задание. Майкл — один из самых азартных игроков в солипсизм в нашем секторе.

— Даже сама подобная мысль непристойна!

— Если б ты только знал, как много самых лучших идей нашего босса назывались непристойными в разных отделах... Вернее, ты не должен удивляться, учитывая твой богатый опыт оперативника. Но «непристойность»!.. Это ж нулевая концепция, она не имеет теологического смысла... «Для чистого — нет нечистого».

— Но...

— Я все еще говорю, Младшенький. В дополнение к тому факту, что наш брат Михаил, по-видимому, отсутствует в данный микромиг... а я не могу проследить за ним... поскольку мы с ним состоим в разных списках дежурств... Так вот, татуированная леди, которая назвала его архангелом, вряд ли ошибается — ведь она одна из самых святых среди «преходящих».

— Кто это говорит?

— Я говорю. И при этом я знаю, о чем говорю. — Фостер снова изобразил сладкую ангельскую улыбку.

Милая крошка Патриция! Зубы у нее чересчур выдаются вперед, а все же она по-змеиному привлекательна и к тому же сияет внутренним светом, что делает ее похожей на церковный витраж. Он отметил не без змеиной гордыни, что Джордж закончил свое великое начинание с тех пор, как он последний раз видел Патрицию. Картина его вознесения на небо совсем недурна, даже очень недурна — в самом высшем смыс-

ле. Обязательно надо будет повидаться с Джорджем, поздравить его и сказать, что видел Патрицию... Хм... А где же находится сейчас Джордж? Насколько он помнил, тот был художником-творцом в секции разработки дизайна Вселенной и трудился под непосредственным руководством самого Архитектора... неважно... Главный регистр вытащит его оттуда за ничтожную долю тысячелетия.

Какой же очаровательной пышечкой была Патриция! И какое священное неистовство было свойственно ей! Еще бы чуточку напористости и чуть меньше скромности, и он сделал бы ее своей жрицей. Однако Патриция могла воспринять Бога лишь в соответствии с собственной натурой. А потому ее место было только среди лингаятов *... где в ней как раз не нуждались.

Фостер подумал было, не подвернуть ли еще окуляр Всевиденья, чтобы увидеть ее такой, какой она была в прежние времена, но отказался от этого с ангельским самообладанием. Надо работать.

— Оставь в покое Всевиденье, Младшенький, мне надо поговорить с тобой. — Дигби повиновался и стал покорно ждать продолжения. Фостер щелкнул по нимбу — была у него такая привычка, когда он впадал в медитацию. — Младшенький, ты очень медленно обретаешь ангельское достоинство.

— Мне очень жаль.

— Сожаления — это не для Вечности. Вся беда в том, что ты слишком много времени уделяешь тому молодому человеку, который может быть (а может и не быть) нашим братом Михаилом. Подожди! Во-первых, не твое дело судить об инструменте, использованном для того, чтобы вызвать тебя сюда с пышных пастбищ. Во-вторых, тебе досаждают даже не он, ты ведь его не знал вовсе, а мысль о той маленькой брюнеточке, что работала у тебя секретаршей. Она получила мой поцелуй всего лишь за краткий миг земного времени до того, как тебя призвали сюда. Разве не так?

— Мне еще предстояло проверить ее.

— Тогда, без сомнения, тебе должно доставить ангельскую радость то, что архиепископ Шорт после

* Шиваистская секта, возникшая в Индии в XII в.

того, как он подверг ее тщательному экзамену... о, очень тщательному — я уже говорил тебе, что он подрастет, — повысил ее, и теперь она наслаждается более глубоким счастьем... вполне, впрочем, заслуженным... Ммм... да... Пастырь должен находить радость в самой работе... а когда его повышают, он обязан радоваться и этому. Случилось так, что открылось место Хранителя-Стажера в только что открывшемся новом секторе, — работа немного не соответствует рангу, который тебе номинально присвоен, я согласен, но очень интересная с точки зрения обретения ангельского опыта.

Эта планета... да, ее можно считать планетой... ты увидишь сам... она населена расой не двуполых, а трехполых существ, и мне сказали в высших инстанциях, что сам дон Жуан не выразил ни малейшего интереса ни к одному из этих трех полов... Это не просто догадка: его вызывали на время проведения испытаний. Он орал и молил вернуть его в тот маленький индивидуальный ад, который он для себя создал.

— Значит, хотите меня сослать в провинцию, да? Чтоб я не мешал... не крутился под ногами?

— Ну, ну... как же ты можешь помешать? Кроме этой невозможности, все остальное возможно. Я пытался разъяснить тебе это, когда ты прибыл.

Но пусть тебя это не волнует. Тебе разрешено совершать попытки вечно. В твое командировочное предписание включена «петля», позволяющая перемещаться из «здесь» и «сейчас» туда и обратно без потери времени. Ну теперь давай, лети и начинай вкалывать. Мне надо работать.

Фостер вернулся к тому мгновению, на котором его прервали.

Ох, да! Бедная душа, временно назначенная быть Агнес Дуглас и служить своеобразным стрекалом для мужа — эту тяжелую работенку она выполняла с неослабевающим рвением... Теперь ее работа завершена, и Агнес нуждалась в отдыхе и в реабилитации после невыносимого истощения... Иначе она начнет брыкаться, вопить и разбрызгивать клочья эктоплазмы из всех отверстий... О, после такой тяжелой работы она, безусловно, нуждается в экзорцизме. Впрочем, любая работа тяжела, да и как может быть иначе? «Агнес Дуглас»

была безотказно надежным полевым оперативником. Она готова принять любое, самое сомнительное поручение, лишь бы быть уверенной в его «непорочности». Тогда хоть жги ее на костре, хоть определяй в монастырь, — она все равно добьется успеха.

В общем-то Фостеру «непорочность» мало импонировала, хотя он испытывал профессиональное уважение ко всем, кто делал свою работу добросовестно. Он бросил последний взгляд на миссис Пайвонски. Вот это соратник, который ему по душе! Милая крошка Патриция! Такая пылкая, такая благословенная...

Глава 29

Как только за Патрицией закрылась дверь, Джилл спросила:

— А что будет теперь, Майк?

— Мы уезжаем. Джилл, ты читала кое-что об извращенной психологии?

— Да, но меньше, чем ты.

— Тебе знакома символика татуировки? И то, что означают змеи?

— Конечно. Я узнала о Патти все в первую встречу. И надеялась, что ты ей поможешь.

— Я не мог, пока мы не стали братьями по воде. Секс, конечно, помогает, но только тогда, когда полностью делишь друг друга, когда растешь ближе. Я *грокк*, что если бы попытался сделать это без сближения, то... в общем, не уверен...

— А я *грокк*, что ты не мог бы, Майк. В этом-то и причина — одна из многих, что я люблю тебя.

— Я еще не *грокк* любовь. Джилл, я не *грокк* людей. Но мне очень не хотелось, чтобы Пат ушла.

— Тогда останови ее. Пусть останется с нами.

(— Джилл, ожидание *глится*!

— Я знаю.)

— Сомневаюсь, — продолжал Майк, — что мы можем дать ей все то, в чем она нуждается. Она должна отдавать себя всю и всегда. Сборища Радости, змеи, дурачье — всего этого Пат мало. Она хотела бы возложить себя на алтарь ради счастья всего человечества и каждого отдельного человека. Вот это и есть Новое Откровение... Я *грокк*, что разные люди вкладывают в него разный смысл. Пат — вот такой.

— Да, Майк! Милый мой Майк!

— Время ехать. Выбери платье и возьми свою сумочку. Весь остальной мусор я выкину.

Джилл с некоторой грустью подумала, что две-три вещички ей все жегодились бы. Майк всегда переезжал с места на место, имея на себе только костюм, и, видимо, *грокк*, что ей тоже так больше нравится.

— Я надену то миленькое голубое.

Платье подплыло к ней, наделось на поднятые руки, щелкнула молния. Туфли сами зашагали к Джилл, и она сунула в них ноги.

— Я готова.

Майк уловил не смысл ее мыслей, а их окраску, — суть была чужда марсианскому сознанию.

— Джилл? Хочешь, мы задержимся и поженимся?

Она задумалась.

— Сегодня воскресенье, лицензии на брак не выдаются.

— Тогда завтра. Я *грокк* — ты бы хотела.

— Нет, Майк.

— Почему нет, Джилл?

— Ближе, чем мы есть, стать невозможно — мы ведь разделили воду. Это одинаково верно и на марсианском, и на английском.

— Ты права.

— Другая причина — чисто английская. Я не хочу, чтобы Доркас, Анни, Мириам, а теперь и Патти думали, будто я их вытесняю.

— Джилл, но ведь никто из них так не подумает.

— Не хочу рисковать, потому что мне свадьба не нужна. Я давно вышла за тебя замуж — еще там — в больничной палате, сотни лет назад. — Она помолчала. — Но есть одна вещь, которую ты мог бы сделать для меня.

— Какая, Джилл?

— Ты мог бы называть меня какими-нибудь ласковыми именами. Вот как я зову тебя.

— Да, Джилл. А какими ласковыми?

— Ох! — Она быстро поцеловала его. — Майк, ты самый милый, самый славный из всех виденных мной людей, но, надо думать, на обеих планетах нет никого, кто бы так выводил меня из себя! Ладно, не напрягайся! Просто время от времени зови меня Маленьким Братом... У меня от этого все внутри тает.

— Да, Маленький Брат.

— О Боже! Пошли отсюда, а то я опять затащу тебя в постель. Встретимся внизу; я пойду платить по счетам. — Она быстро вышла.

Они сели в первый попавшийся «Грейхаунд», даже не спрашивая, куда он отправляется. Неделей позже они объявились дома, несколько дней разделяли воду с братьями, а потом уехали, даже не попрощавшись. Прощание было тем человеческим обычаем, которого Майк не любил; он говорил «до свидания» только незнакомцам.

Вскоре они появились в Лас-Вегасе, где остановились в отеле, расположенном в некотором удалении от Стрипа. Майк развлекался в игорных домах, Джилл убивала время, работая шоу-герл. Петть и танцевать она не умела, но выходила на сцену в колоссальной шляпе, улыбаясь, чуть прикрытая кусочками осыпанной блестками материи, — такая работа в современном Вавилоне Запада ее вполне устраивала. Она предпочитала работать в те часы, когда Майк был занят, и каким-то образом Майк всегда устраивал ее на те места, которые она выбирала. Поскольку казино открыты круглые сутки, то и Майк был занят непрерывно.

Майк играл осторожно, старался выигрывать понемногу, придерживаясь тех границ, которые установила для него Джилл. После того как он выдоил из каждого казино по несколько тысяч долларов, он все там же спустил, чтобы не прослыть удачливым крупным игроком. Затем он нашел себе место крупье, причем никак не вмешивался в бег маленького шарика, а изучал людей, стараясь *грокк*, что влечет их к игре. Он *грокк* наличие мощной побудительной силы, которая сродни

сексуальности, но в то же время *грокк* в ней ощутимую скверну.

Джилл сначала думала, что посетители роскошного ресторана-театра, в котором она выступала, были обычным дурачком, и, следовательно, с ними можно было не церемониться. Но, к ее удивлению, выяснилось, что ей в самом деле было приятно выставлять себя перед ними. С усиленной знанием марсианского языка честностью она попыталась проанализировать свои чувства. Ей всегда нравились восхищенные взгляды мужчин, которых она находила достаточно интересными, чтобы желать их прикосновения. Ее раздражало, что вид ее прекрасного тела не вызывал у Майка никакой реакции, хотя он был предан этому телу так, как может лишь мечтать любая женщина...

...если он не был слишком занят. Впрочем, и в этом случае он был щедр — разрешал ей вызывать его из транса, менял без всяких жалоб скорость своего метаболизма, становился веселым, внимательным, любящим.

Тем не менее у Майка была такая странность — одна из многих, чем-то сходная с его неспособностью смеяться. Поступив в шоу-герлс, Джилл обнаружила, что ей приятно зрительное обожание чужих мужчин, поскольку этого ей Майк дать не мог.

Однако ее крепнувшая беспощадная честность в отношении себя самой вскоре разрушила и эту теорию. В зале было полным-полно людей пожилых, весьма упитанных и совершенно лысых, что вряд ли могло понравиться Джилл, которой всегда внушали отвращение «похотливые старые кобели», хотя подобное определение относилось не ко всем старикам. Джубал, например, мог сколько угодно смотреть на нее, мог даже пользоваться весьма вольной лексикой, но это никогда не вызывало у нее ощущения, будто он только и ждет подходящего случая, чтобы ее потискать.

Теперь же она убедилась, что «похотливые старые кобели» не вызывали в ней былого отвращения. Когда она ловила их восторженные взгляды или исходивший от них запах похоти, — а она его чувствовала и даже могла определить, от кого именно он исходит, — ей не было противно. Больше того, это согревало ее, вызывало чувство тайного удовлетворения.

«Эгсбиционизм» ранее был для нее лишь медицинским термином — слабостью, к которой она относилась с презрением. Теперь, обнаружив его в себе и анализируя его, она решила, что эта форма нарциссизма нормальна, либо не нормальна сама Джилл. Но она не чувствовала себя ненормальной. Она была здорова — здоровее, чем когда-либо раньше. Здоровье у нее всегда было отличное, — медсестрам оно необходимо, но теперь у нее не случалось ни насморка, ни расстройства желудка; она не могла даже вспомнить, когда у нее в последний раз отекали ноги.

О'кей, если здоровой женщине приятно, что ею любуются, то ясно как день, что здоровым мужчинам нравится смотреть на нее — иначе во всем этом нет никакого смысла! И тут она с чисто интеллектуальных позиций, наконец, поняла Дьюка с его фотографиями.

Она обсудила эту проблему с Майком, но Майк никак не мог взять в толк, почему Джилл когда-то терпеть не могла, чтобы на нее смотрели. Он прекрасно понимал, что можно старательно избегать прикосновений. Майк сам не терпел рукопожатий, он хотел, чтобы к нему прикасались лишь собратья по воде. Джилл не была уверена в том, как далеко заходит это чувство. Она объяснила ему, что такое гомосексуализм, после того как Майк прочел статью о нем и не смог его *грокк*; она научила его, как избегать мужских приставаний, — ей было известно, что такой красивый мальчик, как Майк, их обязательно привлечет. Он последовал ее совету, сделал свое лицо более мужественным, что почти уничтожило былую гермафродитную прелесть его черт. Но Джилл не была уверена, что Майк отверг бы предложение, исходя оно, скажем, от Дьюка; к сожалению, все братья по воде мужского пола отличались явной мужественностью, точно так же, как братья противоположного пола — женственностью. Джилл подозревала, что Майк обязательно почувствует скверну в жалком сексе однополых — и с ними никогда не разделит воду.

Не мог Майк понять и того, почему теперь ей нравилось, когда на нее глазуют. Их отношение к данной проблеме совпало только раз, — когда они работали в цирке, и Джилл была совершенно равнодушна к масле

ным взглядам зрителей. Сейчас Джилл понимала, что ее нынешнее самосознание в те времена уже начало зарождаться, и по-настоящему она вовсе не относилась равнодушно к мужским взглядам. Под влиянием стресса, вызванного необходимостью приспособиться к «Человеку с Марса», ей пришлось сбросить с себя часть навыков, порожденных культурой воспитания, в том числе и таких, как жеманность, которую иногда сохраняют медсестры, чья профессия, вообще говоря, не терпит подобной чепухи.

Джилл даже не подозревала, что в ней сидит это жеманство, пока не потеряла его совсем. И теперь смогла признаться себе, в ней есть нечто такое счастливо-бесстыдное, чем, возможно, обладают кошки «в поре».

Джилл попробовала объяснить это Майку, развив мысль о взаимодополняющих функциях нарциссизма и интереса к созерцанию эротических сцен.

— Истина в том, Майк, что я получаю наслаждение от того, что мужчины разглядывают меня... множество мужчин... почти каждый. Поэтому теперь я *грокк*, почему Дьюк так любит фотографии женщин, и чем они сексуальнее, тем лучше. Это не значит, что я хочу лечь в постель с этими мужчинами, во всяком случае не больше, чем Дьюк — забраться туда со своими фотографиями. Но когда они смотрят на меня... говорят обо мне... думают обо мне, о том, как я желанна, у меня возникает ощущение теплоты — там внутри. — Она слегка нахмурилась. — Мне следовало бы сняться в неприличнейшем виде и послать фотографию Дьюку... чтобы сказать, как я сожалею, что не сумела *грокк* то, что мне казалось тогда его слабостью. Если это слабость, то она присутствует и во мне... только в женском варианте... Конечно, если это слабость, а я *грокк*, что это не так.

— Что ж, похвально. Мы найдем фотографа.

Она покачала головой.

— Лучше уж я просто извинюсь. Такое фото я не пошлю, — Дьюк никогда не пытался приударить за мной, и я совсем не хочу, чтоб у него возникали подобные идеи.

— Джилл, а ты не хочешь Дьюка?

Она услышала, как в его уме прозвучало эхо понятия «брат по воде».

— Об этом я никогда не думала. Полагаю, что была верна тебе. Но *грокк*, что ты прав. Сейчас бы я не отвергла Дьюка, и наверняка мне было бы с ним хорошо. А что ты думаешь об этом, дорогой?

— Я *грокк*, это благо, — серьезно ответил Майк.

— Мой галантный марсианин, бывают такие времена, когда женщина отдала бы все, лишь бы увидеть хоть тень ревности, но полагаю, нет ни единого шанса, чтоб ты *грокк* «ревность». Дорогой, а что бы ты *грокк*, если б один из этих олухов набросился на меня?

Майк даже не улыбнулся.

— Я *грокк*, что его бы тут же не стало.

— И я *грокк*, что так случилось бы. Но Майк, выслушай меня, дорогой. Ты ведь обещал не делать ничего подобного, кроме как в крайней ситуации. Если ты услышишь, что я кричу, и, проникнув в мой мозг, поймешь, что я действительно в беде, то это одно. Но мне приходилось иметь дело с «кобелями» еще тогда, когда ты был на Марсе. В девяти случаях из десяти, когда девушку насилуют, это частично ее собственная вина. Так что не надо торопиться.

— Я запомню. Хотел бы, чтоб ты послала Дьюку эту фотографию.

— Что, милый? Если я решу приударить за Дьюком, а я могу, раз ты навел меня на такую мысль, я лучше трону его за плечо и скажу: «Дьюк, а не стоит ли нам?.. Я — готова». Начинать же с посылки похабных фотографий, подобных тем, что посылали те грязные бабы тебе, я не согласна. Однако если тебе этого хочется — о'кей!

Майк наморщил лоб.

— Если хочешь послать Дьюку такую карточку — пошли, не хочешь — не надо. Мне просто было интересно посмотреть, как снимают «грязные» картинки. Джилл, а что это такое?

Майк никак не мог понять изменившихся взглядов Джилл, равно как и разрешить давнюю загадку художественного собрания Дьюка. Бледное марсианское отражение бурной человеческой сексуальности не давало ему опоры, для того чтобы *грокк* нарциссизм,

извращенное наслаждение от любования женским телом, стыдливость или, наоборот, стремление выставить свое тело на всеобщее обозрение.

Он сказал:

— Понятие «неприличное» содержит небольшую скверну, но я *грокк*, что ты видишь в нем не зло, а скорее благо.

— Видишь ли, неприличная картинка может быть еще и тем и другим. Это зависит от того, к кому она попадет, — так я считаю теперь, когда преодолела свои предрассудки. Но... Майк, мне придется показать тебе, рассказать трудно... Прикрой жалюзи, ладно?

Венецианские жалюзи закрылись сами собой.

— Вот смотри, — сказала Джилл, — эта поза лишь слегка неприлична, и любой шоу-герл приходится прибегать к ней в профессиональных целях... эта — чуть больше, но и ее принимают немало наших девушек... а вот эта — безусловно непристойна... а такая — уже более чем... Что же касается этой, то она настолько грязна, что я не рискнула бы позировать в ней даже с лицом, прикрытым полотенцем; разве уж, если бы ты сам упросил меня.

— Если твое лицо будет закрыто, то зачем мне эти позы?

— Спроси у Дьюка, вот все, что я могу тебе предложить.

— Я не *грокк* скверны, я не *грокк* блага. Я *грокк* лишь... — и он произнес марсианское слово, обозначающее нулевой уровень эмоций.

Поскольку Майк так ничего и не понял, они продолжали обсуждать эту проблему, пользуясь то марсианским языком, ибо он позволял скрупулезно точно определять оттенки эмоций и нравственные ценности, то английским, поскольку марсианский не имел аналогов некоторых концепций. Чтобы раскрыть тайну, Майк вечером занял в ресторане боковой столик, а Джилл научила его, как дать на чай метрдотелю.

Джилл гордо вышла первой; ее улыбка предназначалась всем, а еле заметное подмигивание — одному Майку. Она внезапно поняла, что в присутствии Майка то радостное греющее чувство, которое она испытыва-

ла каждый вечер, неизменно возросло, — она не удивилась бы, что светится в темноте.

Когда все девушки вышли на сцену и расположились на ней живописной группой, Майк оказался футак в десяти от Джилл. Она к тому времени получила повышение, — ее ставили в самый центр. Режиссер передвинул ее туда уже на четвертый день, сказав: «Не знаю, в чем тут дело, детка, у нас тут есть девушки, сложенные вдвое лучше, но в тебе есть что-то такое, что не дает зрителям оторвать глаз от твоей фигурки».

Пока она принимала разнообразные позы, между ней и Майком шел мысленный разговор.

(— *Что-нибудь чувствуешь?*

— *Я грокк, но не во всей полноте.*

— *Погляди туда, куда смотрю я, мой брат. Вон тот коротышка, видишь, как его корчит? Он жаждет меня.*

— *Я грокк его жажгу.*

— *Ты хорошо видишь его?*

Джилл не сводила взгляда с глаз зрителя: и для того, чтобы разжечь его интерес, и для того, чтобы Майк мог видеть ее глазами. Теперь она все лучше грокк марсианский образ мышления, и по мере того, как они с Майком росли ближе, им все чаще случалось прибегать к этому новому, чисто марсианскому способу общения. Джилл пока еще не достигла в нем совершенства, а Майку было достаточно просто окликнуть ее, чтобы воспользоваться ее зрением, тогда как она всецело зависела от помощи Майка.

(— *Мы грокк его вместе, — согласился Майк. — Большая жажда к Маленькому Брату.*

— *!!!*

— *Да. Какая прекрасная агония.)*

Музыка требовала возвращения к прежнему медленному ритму. Джилл подчинилась музыке, двигаясь с горделивой чувственностью и каждой клеточкой своего тела ощущая закипавшую в ней страсть, порожденную взглядами Майка и неизвестного. По ходу она должна была идти прямо на коренастенького незнакомца. Взгляды их цепко удерживали друг друга.

Вдруг случилось нечто, для нее совершенно неожиданное, ибо Майк никогда не говорил ей о такой воз-

можности. Она по-прежнему ловила эмоции зрителя, продолжая дразнить его взглядами и движениями тела и одновременно транслируя Майку свои ощущения...

...и вдруг увидела себя чужими глазами и почувствовала всю примитивность потребности, сквозь призму которой видел ее незнакомец.

Она споткнулась и упала бы, не поддержи ее Майк, который телепатически подхватил ее и удерживал до тех пор, пока она не смогла двигаться самостоятельно; ее второе зрение исчезло.

Парад красоток продолжался, пока все они не исчезли за кулисами. Когда они уже были за сценой, девушка, которая шла сразу же после Джилл, спросила:

— В чем дело, Джилл?

— Каблук попал в щель.

— Как тебе удалось удержаться на ногах? Никогда не видела ничего подобного! Ты двигалась точно марионетка на ниточках.

(Так оно и было, милочка!)

— Надо будет попросить менеджера поглядеть, что там такое. Похоже — отстала половица.

Все время, пока шла вторая часть шоу, Майк транслировал ей, как она выглядит в представлении разных зрителей, стараясь, однако, не вызвать у Джилл нового шока. Ее страшно удивило, как варьировали эти изображения: один видел только ноги, другого завораживали плавные движения торса, третий не мог оторвать глаз от высокой груди. Майк дал ей возможность посмотреть, как видит он остальных девушек ее труппы. Джилл радовалась, что Майк воспринимает их так же, как и она, только контрастнее.

Что ее удивило, так это то, что ее чувства обостряются, если она смотрит на девушек глазами Майка.

Майк ушел, не дожидаясь финала, чтобы избежать того момента, когда толпа хлынет к выходу. Джилл не думала, что увидится с ним вечером, — он взял отгул только на время ее выступления. Однако когда она вернулась в гостиницу, то почувствовала, что он дома, еще не дойдя до их номера. Дверь открылась сама собой и закрылась за ней.

— Хелло, дорогой, — окликнула она, — как я рада, что ты дома...

Он ласково улыбнулся ей.

— Теперь я *грокк* неприличные картинки. — Ее платье внезапно исчезло. — Можешь показать мне еще одну?

— Что? О Господи, конечно же!

И она показала ему несколько позиций из тех, что уже демонстрировала недавно. И каждый раз Майк давал ей возможность увидеть себя его глазами. Она смотрела... она ощущала его эмоции... она чувствовала, как поднимается в ней волна желания, как усиливается оно эхом от столкновения импульсов, посылаемых ею и Майком... Наконец она приняла позу — самую откровенную из тех, что могло подсказать ей воображение.

— «Гадкие» картинки — великое благо, — сказал Майк серьезно.

— Да. Теперь и я это понимаю. Так чего же ты ждешь?

Они отказались от работы и стали посещать подряд все ревю на Стрипе. Джилл поняла, что она *грокк* непристойные картинки лишь тогда, когда они пропущены сквозь мужское восприятие. Если Майк смотрел внимательно, она разделяла весь его настрой — от чувственной робости до грубого желания, но если внимание Майка отвлекалось, то «модель» — танцовщица или «ню» — становились для нее обыкновенными женщинами. Джилл решила, что это хорошо, ибо обнаружить в себе еще лесбийские наклонности — было бы, пожалуй, уже перебором.

Но вообще забавно: оказалось, что наблюдать девушек глазами Майка было «Великим благом», а еще большим благом была радость оттого, что он, наконец, смотрел на нее с тем же чувством, что и другие мужчины.

Они переехали в Паоло-Альто, где Майк попытался «проглотить» всю библиотеку имени Гувера. Но сканеры не смогли работать с нужной для Майка быстротой, да и сам он вряд ли был способен так быстро перелистывать страницы и проглядывать их содержание, чтобы перечитать все фонды библиотеки. Он, наконец, признал, что быстрее набирает информацию, чем мо-

жет ее *грокк*, даже если будет проводить все время, пока библиотека по ночам закрыта, в размышлениях. С облегчением Джилл организовала переезд в Сан-Франциско, где Майк приступил к более систематическим изысканиям.

Однажды, придя домой, она нашла Майка бездельничающим в окружении множества книг — Талмуда, Камасутры, Библии в многочисленных переводах, Книги Мертвых, Книги Мормонов, драгоценного для Патти экземпляра Нового Откровения, религиозных апокрифов, Корана, полного издания «Золотой Ветви», книги «Путь, Наука и Здоровье», а также священных писаний других больших и малых религий и даже таких редкостей, как «Книга Законов» Кроули.

— Что с тобой, милый?

— Джилл, я не *грокк*.

(— *Жди, Майк. Ожидание ведет к полноте.*)

— Не думаю, что в этом случае ожидание даст ее. Я знаю, в чем тут беда: я не человек, я — марсианин, облеченный в чуждое для него тело.

— Для меня ты больше, чем человек, дорогой, и я люблю твоё тело.

— О, ты *грокк*, о чем я говорю. Я не *грокк* людей. Не могу понять этой множественности религий. У моего народа...

— Твоего народа, Майк?

— Извини. Я должен был сказать, что у марсиан лишь одна религия, и это не вера, а уверенность. Ты *грокк* это — «Ты есть Бог»?

— Да, — согласилась она, — я действительно *грокк*... по-марсиански. Но, дорогой, по-английски это получается совсем иначе, хотя я и не знаю — почему.

— Видишь ли, на Марсе, если нам нужно что-то узнать, мы обращаемся к Старейшим, и их ответ всегда верен. Джилл, а не может быть так, что у людей нет собственных Старейших? Нет, я хочу сказать, души? Когда мы расстаемся с плотью — умираем — неужели мы умираем насовсем... полностью... так, что ничего не остается? Неужели мы живем в невежестве потому, что нам все равно? Потому, что мы исчезаем и не возвращаемся назад спустя короткое время, которого марсианам хватило бы разве что для одного сравнитель-

но недолгого пребывания в трансе? Скажи мне, Джилл, ты же человек!

Ее улыбка была нежна и спокойна.

— Ты же мне все объяснил сам. Ты научил меня понимать вечность и уже не можешь отнять познанное. Ты не можешь умереть, Майк, ты можешь только лишиться плоти. — Она прижала обе руки к груди. — Вот это тело, которое ты научил меня видеть твоими глазами... и которое ты так любишь... оно когда-нибудь исчезнет. Но не исчезну Я! Потому, что Я есмь Я! Ты есть Бог! Я есть Бог! И мы есть Бог во веки веков. Я не знаю, где окажусь и буду ли помнить, что когда-то была Джилл Бордмен, которая с радостью выносила судна в больнице и еще больше радовалась, выходя обнаженной под свет ярких прожекторов. Я любила это тело...

С несвойственной ему быстротой он протянул руку, и ее одежда исчезла.

— Спасибо, родной, — сказала она, — это тело нравилось мне... и тебе... и нам обоим, которые сделали его таким. Но я не думаю, что стану оплакивать его, когда придет пора проститься с ним. Я надеюсь, что ты съешь его, когда я умру во плоти.

— О, конечно, я съем тебя, если только не прощусь с плотью первым.

— Не думаю, что у тебя это выйдет. Ты ведь гораздо лучше контролируешь свое прекрасное тело и, надеюсь, проживешь по крайней мере еще несколько столетий. Разве что решишь сам умереть во плоти пораньше.

— Возможно. Но не сейчас, Джилл, я так старался. Во скольких церквях мы побывали?

— Мне кажется, во всех, какие есть в Сан-Франциско. Трудно даже вспомнить, сколько раз мы ходили только на службы для ищущих.

— Это только ради Пат... Я бы вторично и близко не подошел к ним, если ты не сказала, будто ей приятно знать, что мы продолжаем свои попытки.

— Да, для нее это важно. А лгать мы не можем... Ты не умеешь, а я не могу... Во всяком случае лгать Патти...

— По правде говоря, — признал Майк, — в фостеритах что-то есть. Но все поставлено с ног на голову.

Они идут ощупью, подобно мне в бытность мою циркачом. Они никогда не исправляют свои ошибки, потому что это, — и он заставил книжку Пат подняться в воздух, — в основном сущая фальшивка.

— Да. Но Патти этого не видит. Она как невинный ребенок. Она есть Бог и действует соответственно с этим... Только не ведает, что она Бог.

— Хм... такова уж наша Пат. Она верит этому лишь тогда, когда я ей это повторяю, да еще с «выражением». Джилл, есть только три места, где можно искать истину. Есть Наука, — но я узнал о том, как устроена Вселенная больше, когда еще был совсем малышом, нежели об этом знают земные ученые. Им известно так мало, что я не смог побеседовать с ними даже о такой элементарной штуке, как левитация... Я нисколько не унижаю ученых. То, что они делают, верно и нужно, я это полностью *грокк*. Но они не ищут то, что ищу я, — ты не можешь *грокк* пустыню, сосчитав, сколько в ней зернышек песка. Далее есть философия, которая, как полагают, объясняет все. Так ли? Багаж, который предъявляет любой философ на выходе, тот же самый, с которым он вошел; исключение — те, что обманывают самих себя и доказывают свои выводы собственными предпосылками. Вроде Канта. И все прочие, что бесконечно ходят по кругу, гоняясь за собственным хвостом. Поэтому ответ должен быть *здесь*. — Он показал на грудку книг. — Только там его *нет*. Отдельные куски, как я *грокк*, — верны, но их сочетание — никогда. А если и попадется что-то дельное, то от вас обязательно потребуют, чтобы самое трудное было принято на веру. *Вера!* Грязное слово, странно, что ты не упомянула его, когда обучала меня ругательствам, которые не употребляются в порядочном обществе.

Джилл улыбнулась.

— Майк, да никак ты пошутил!

— Я не собираюсь шутить... и мне это не кажется смешным. Джилл, я ведь даже тебе оказал плохую услугу — раньше ты часто смеялась. А я так и не научился смеяться... Теперь и ты забыла смех... Вместо того, чтобы мне стать человеком, ты становишься марсианином.

— Я счастлива, милый. Ты, наверное, далеко не всегда слышишь, как я смеюсь.

— Даже если б ты рассмеялась на середине Маркет-Стрит, я и то услышал бы. Я *грокк*. С тех пор как я перестал бояться смеха, я всегда его замечал, особенно если смеялась ты. Если бы я *грокк* смех, я бы *грокк* и людей, так мне кажется. Тогда я смог бы помочь таким, как Пат. Научить ее тому, что знаю, и узнать то, что знает она. Мы бы поняли друг друга.

— Майк, все, что тебе надо сделать для Патти, это видаться с нею почаще. А мы встречаемся так редко! Давай уедем их этих мерзких туманов. Она сейчас дома — цирковой сезон закончился. Съездим на юг и повидаемся... мне всегда хотелось побывать в Баха-Калифорнии. А потом мы могли бы поехать еще южнее — там тепло, — взяв ее с собой. Это было бы так чудесно.

— Решено!

Она вскочила.

— Сейчас я оденусь. Ты хочешь оставить какие-нибудь книги? Я могу отправить их Джубалу.

Майк щелкнул пальцами, и все книги исчезли, кроме подарка Патти.

— Мы возьмем с собой только ее. Пат могла бы заметить. Джилл, а сейчас я хотел бы побывать в зоопарке.

— Ладно.

— Хочу плюнуть в верблюда и спросить его, почему он такой кислый. Может, верблюд — это Старейший вашей планеты? И поэтому тут все так вверх дном?

— Две шутки за один день, Майк!

— И все же я не смеюсь. И ты не смеешься. И верблюд. Может быть, он *грокк* — почему? Это платье годится? Тебе нужно нижнее белье?

— Будь добр, милый. Тут так прохладно.

— А ну-ка, вверх! — Он левитировал ее на два фута вверх. — Трусики. Чулки. Пояс с резинками... Туфли. Теперь вниз, и подними руки. Бюстгальтер? Он тебе не нужен. Теперь платье, и все готово. И ты красива, что бы это слово ни значило. На тебя приятно смотреть. Может быть, я наймусь на должность камеристки, если окажется, что на большее не гожусь. Ванны, шампунь, массаж, прическа, макияж, одежда на

все случаи жизни. Я даже научусь делать тебе маникюр именно так, как ты любишь. Что еще будет угодно, мадам?

— Ты прекрасная камеристка, милый.

— Да, я *грокк* это дело. Ты выглядишь так хорошо, что я подумываю, не снять ли с тебя все и не устроить ли тебе массаж, знаешь тот, чтоб расти ближе...

— Конечно, Майк!

— Я-то думал, ты знаешь, что значит ожидание? Сначала своди меня в зоопарк и купи мне арахисовых орешков.

— Договорились, Майк.

В парке «Золотые Ворота» было холодно и ветрено, но Майк ничего не замечал, а Джилл уже умела делать так, чтобы не мерзнуть. И все-таки, когда они попали в теплый обезьянник, было приятно немного ослабить контроль над собой. Если бы не тепло, Джилл здесь не понравилось бы: и маленькие обезьянки, и крупные человекообразные были так отвратительно похожи на людей. Джилл думала, что она навсегда покончила с ложной стыдливостью и настолько взрослая, что может лелеять с почти марсианским наслаждением все плотское. Публичные совокупления и другие физиологические акты человекообразных не оскорбляли ее. Эти несчастные, брошенные за решетку люди-животные не могли никуда скрыться от чужих взглядов, в чем же их винить? Она наблюдала за ними без отвращения, ее безразличность несколько не страдала. Нет, не это, а то, что они были «слишком похожи на людей» — каждое движение, каждая гримаса, каждый удивленный или испуганный взгляд напоминали ей то, чего она больше всего не любила в своей расе.

Джилл предпочитала львятник — огромные самцы, гордые даже в своем заточении, спокойное материнское достоинство крупных самок, аристократическая красота бенгальских тигров, из зрачков которых, казалось, глядели сами джунгли, изящные леопарды — быстрые и смертельно опасные, запах мускуса, который не в силах были истребить даже кондиционеры. Майк

разделял ее вкусы. Они могли проводить целые часы там или у вольеров для хищных птиц, или у рептилий, или наблюдая тюленей; однажды Майк сказал, что если бы ему предложили родиться на этой планете, то наибольшим благом для него было бы стать морским львом.

Когда они впервые попали в зоопарк, Майк ужасно огорчился. Джилл пришлось приказать ему остановиться и *грокк*, так как он уже хотел выпустить всех животных на свободу. Потом он согласился, что большинство зверей не смогло бы жить там, где он задумал их освободить, — зоопарк был для них чем-то вроде Гнезда. Ему пришлось на несколько часов уйти в себя, после чего он никогда уже не грозился уничтожить металлическую сетку, стеклянные стены и решетки. Он объяснил Джилл, что решетки нужны не столько для того, чтобы держать за ними зверей, но больше всего чтобы защитить их от публики, чего он сначала не *грокк*. После этого в какой бы город они не приезжали, Майк первым делом шел в зоопарк.

Но сегодня мизантропия верблюдов никак не помогла улучшить настроение Майка. Даже обезьянья мелочь и огромные человекообразные почти не забавляли его. Они с Джилл стояли перед клеткой семьи капуцинов, глядя, как те едят, спят, ухаживают, ласкают малышей, чешутся и просто бесцельно бродят взад и вперед, ожидая пока Джилл бросит им арахис.

Она кинула орешек молодому самцу, но не успел тот его проглотить, как более крупный самец не только отнял подачку, но и задал молодому трепку. Юнец даже не пытался отомстить своему обидчику. Он лишь барабанил костяшками кулаков по полу и кричал что-то в бессильной ярости. Майк внимательно наблюдал за сценой.

Внезапно, обиженная обезьяна прыжком пересекла клетку, накинулась на еще меньшую и учинила ей выволочку куда более жестокую, чем получила сама. Малыш, хныча, уполз прочь. Другие обезьяны не обратили внимания на происходящее.

Майк закинул голову и захохотал, да так, что остановиться уже не мог. Он задыхался, он сотрясаясь от смеха, он опустился на пол, все еще продолжая хохотать.

— Прекрати, Майк!

Он перестал сворачиваться в клубок, но судорожные приступы смеха продолжались. Подошел служитель.

— Леди, вам требуется помощь?

— Будьте добры, вызовите такси. Обыкновенное, воздушное, все равно. Мне надо увезти его отсюда! — И добавила: — Он болен.

— Может быть, «скорую помощь»? Похоже, у него припадок.

— Все, что угодно! — Через несколько минут она уже вела Майка к пилотируемому воздушному такси. Дала пилоту адрес, а потом твердо сказала: — Майк, ты слышишь меня? Успокойся!

Он стих, хотя все еще хихикал, пока она вытирала ему глаза своим носовым платком; так продолжалось всю дорогу домой. Джилл ввела его в спальню, сняла одежду и заставила лечь в постель.

— Все в порядке, дорогой. Если хочешь, можешь отключиться.

— Не надо. Наконец-то я пришел в себя.

— Будем надеяться, — вздохнула она, — ты меня очень напугал, Майк.

— Прости меня, Маленький Брат. Я тоже испугался, когда впервые услышал смех.

— Майк, что же случилось?

— Джилл... я теперь *грокк* людей.

— Э...{??}

— Я говорю верно, Маленький Брат, я *грокк*, — я теперь *грокк* людей, Джилл... Маленький Брат, милая, родная, мой похотливый бесенок с быстрыми ножками и очаровательно-непристойно-развратным и безнравственным либидо... с чудными грудками и дивной попкой... с соблазнительным голосом и нежными руками... моя возлюбленная...

— Что с тобой, Майк?

— О! Я и раньше знал эти слова, я просто не понимал, когда и зачем их произносят... как не понимал и того, почему ты их так ждешь от меня. Я люблю тебя, милая. Я теперь *грокк* слово «любовь».

— Ты всегда любил меня. И я тебя люблю... ах ты, безволосая большая обезьяна... любимый мой.

— Обезьяна? Да. Иди сюда, самочка, положи головку мне на плечо и расскажи анекдот.

— И только-то? Только анекдот?

— Да. И пока ничего, кроме ласки. Расскажи мне анекдот, которого я никогда не слышал, и посмотрим, засмеюсь ли я в нужном месте. Я уверен, что засмеюсь и даже смогу объяснить тебе, в чем соль шутки. Джилл! *Я грокк людей!*

— Но как, милый? Ты можешь мне объяснить? Или для этого нужен марсианский? Или телепатическая связь?

— Нет. В том-то и дело. *Я грокк людей*. Я есть люди! Так что теперь могу сказать это и на их языке. Я понял, почему люди смеются. Они смеются, потому что им больно... потому что только смехом можно снять боль.

Джилл не поняла.

— Тогда, значит, я не «люди». Я не понимаю.

— Ах! Но ты-то и есть «люди», моя милая обезьянча самочка. Ты *грокк* это столь автоматически, что тебе даже не приходится думать, потому что ты выросла среди людей. А я — нет. Я как щенок, выросший вдали от собак, который так и не смог стать похожим на своих хозяев, но и не научился быть настоящей собакой. Поэтому-то мне пришлось так много учиться. Меня учили брат Махмуд, брат Джубал, учили множество других людей... а больше всех меня учила ты. Сегодня я получил свой диплом. И захохотал. Ах, этот бедный маленький капуцинчик!

— Который из них, милый? Мне кажется, что тот большой был просто зол, да и тот, которому я кинула орешек, оказался таким же злобным. И ничего забавного в них я не вижу.

— Джилл, Джилл, моя родная! Я вложил в тебя слишком много марсианского! Конечно, это было не смешно, скорее уж трагично. Вот почему я не смог удержаться от смеха. Я смотрел на клетку, полную обезьян, и внезапно увидел всю скверну, всю жестокость, всю необъяснимость того, что мне приходилось наблюдать, слышать и читать за время, которое я провел среди своего собственного народа. И внезапно ощутил такую острую боль, что стал хохотать.

— Но... Майк... мы же смеемся и когда видим что-то славное, хорошее, а не только когда нечто отвратительное.

— Вот как? Вспомни-ка Лас-Вегас, когда вы, девушки, выходили на сцену, разве люди смеялись?

— Н-н-н-ет.

— А ведь именно вы, девушки, были самой приятной частью этого шоу. Я теперь *грокк*, что, если бы они начали хохотать, вам стало бы больно. Но нет, они хохотали, когда клоун споткнулся о собственную ногу и упал... или над чем-то сходным, в чем тоже не было блага.

— Но люди же смеются не только над этим.

— Разве? Может, я еще не *грокк* во всей полноте. Но покажи мне что-нибудь, что вызывает смех у тебя, любимая моя... шутку, что угодно, но только такое, что вызывает у тебя не улыбку, а утробный смех. И тогда мы посмотрим, не спрятана ли там где-нибудь скверна. И стала бы ты смеяться, если бы этой скверны не было? — Он подумал. — Я *грокк*, что, если обезьяны научатся смеяться, они станут людьми.

— Может быть.

Еще не веря, но с присущей ей добросовестностью, Джилл начала копаться в памяти, отыскивая там шутки, которые в свое время казались ей необычайно смешными и вызывали у нее неудержимый смех: «...и все ее компаньоны по бриджу...», «...а что, я должен кланяться, что ли?», «Ни туда, ни сюда, идиот — вместо...», «...китаец возражает...», «...сломал ей ногу...», «...испугайте меня еще раз...», «...нет, так мне ехать не интересно...», «...и теща хлопнулась в обморок...», «Остановить? Ставлю три против одного, ты сумеешь...», «То же, что случилось с Олли...», «...так оно и есть, неуклюжий ты бык...»

Джилл оставила анекдоты, решив, что это просто плохие выдумки, и перешла к случаям из жизни. Розыгрыши? Но все розыгрыши подтверждали тезис Майка, хотя некоторые из них, вроде стакана с дыркой, были достаточно безобидны. А уж если говорить о шуточках интернов, то их всех следовало бы посадить в клетку. Что же еще? Случай, когда Эльза Мей потеряла трусики? Но ведь Эльзе-то вряд ли было смешно. Или...

— Похоже, и впрямь расквасивший нос клоун — вершина нашего юмора, — мрачно сказала Джилл. — Не очень-то лестно для рода человеческого, Майк.

— Да нет, совсем наоборот,

— Как?

— Я думал... мне говорили, что смешная вещь — это благо. Это не так. Она никогда не смешна для человека, с которым случилась. Ну, как шериф без штанов. Благо в самом смехе. Я *грокк* — это мужество... и желание разделить... выстоять против боли, горя и поражения...

— Но, Майк, какое же может быть благо, если смеются над человеком?

— Конечно, нет. Но я смеялся не над маленькой обезьянкой. Я смеялся над нами. Над людьми. И внезапно понял, что я тоже человек. И не мог остановиться. — Он помолчал. — Это трудно объяснить, потому что ты никогда не жила на Марсе, хотя я тебе многое про него рассказывал. На Марсе никогда не бывает такого, над чем смеются. Все вещи, которые смешны нам, на Марсе или не могут произойти, или им не разрешат случиться... Дорогая, то, что вы называете «свободой», на Марсе начисто отсутствует... все планируется Старейшими... а, может быть, вещи, которые все же происходят на Марсе и над которыми здесь на Земле смеются, на Марсе совсем не смешны, ибо в них нет скверны. Вот как смерть, например...

— Смерть не смешна.

— Тогда почему у вас так много шуток о смерти? Джилл, для нас, для людей — смерть так горька, что мы *должны* над ней потешаться. Все религии противоречат друг другу в любом отдельно взятом пункте, но каждая из них изо всех сил пытается помочь людям сохранить мужество, чтобы они смеялись даже тогда, когда им известно, что они умирают. — Он замолчал, и Джилл почувствовала, что он снова на грани погружения в транс. — Джилл? А может быть, я стою на совершенно неверном пути? Не может ли оказаться, что *каждая* из религий верна?

— Что? Но как это может быть? Майк, если одна из них верна, значит, другие — ложны.

— Так? А ты можешь мне показать кратчайший путь вокруг Вселенной? Ведь в каком направлении ни показать, — расстояние будет кратчайшим... и в конце концов ты укажешь на себя!

— Ну и что это доказывает? Ты же научил меня правильному ответу, Майк: «Ты есть Бог».

— И ты есть Бог, моя любовь. Но именно этот главный факт, никак не зависящий от веры, может означать, что все веры верны.

— Ладно, пусть... Если они все верны, то в данную минуту мне больше всего подошел бы Шива! — Джилл переменяла тему с помощью весьма действенного способа.

— Маленькая язычница! — прошептал он. — Тебя же за это выгонят из Сан-Франциско.

— А мы все равно едем в Лос-Анджелес, там на такие штуки никто внимания не обратит... Ох! Ты есть Шива!

— Танцуй, Кали, танцуй!

Ночью Джилл проснулась и увидела Майка, который стоял у окна и глядел на город.

(— Тебе плохо, брат мой?)

Он обернулся.

— Им вовсе не обязательно быть несчастными.

— Любимый, любимый! Давай лучше уедем домой. Этот город вреден для тебя.

— Я все равно буду думать о том же. Боль, болезни, голод, драки — во всем этом нет необходимости. Это еще глупее, чем те маленькие обезьянки.

— Да, мой милый! И все же это не твоя вина!

— Нет... моя...

— Ну если ты хочешь, то — да... Только ведь этот город не один. На Земле еще пять миллиардов жителей. Ты же не можешь помочь им всем.

— Не знаю.

Он подошел к кровати и сел.

— Я теперь *грокк* их... я могу говорить с ними. Джилл, я мог бы провести наш номер сейчас так, что олухи ржали бы до упаду. Я уверен.

— Ну так в чем же дело? Патти будет рада, да и я тоже. Я люблю цирк, а теперь, когда мы разделили с Патти воду, это все равно что вернуться в родной дом.

Он не ответил. Джилл проникла в его мозг и поняла, что он напрягает все силы, чтобы *грокк*. Она ждала.

— Джилл? А что надо, чтобы стать рукоположенным?

Часть четвертая

ЕГО СКАНДАЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Глава 30

Первая смешанная партия колонистов достигла Марса; шестеро из семнадцати выживших, оставшихся от двадцати трех первых переселенцев, вернулись на Землю. Будущих колонистов тренировали в Перу на высоте шестнадцати тысяч футов. Президент Аргентины бежал как-то ночью в Монтевидео, прихватив с собой два чемодана; новый президент потребовал от Высшего Суда решения об экстрадиции старого или хотя бы его двух чемоданов. Последний молебен о душе почившей в бозе Агнес Дуглас был отслужен в Национальном кафедральном соборе в узком кругу — присутствовали всего лишь две тысячи человек; комментаторы одобритительно отзывались о мужестве, с которым Генеральный секретарь переносил свою тяжелую утрату. Трехлетка по кличке «Инфляция» с грузом в сто двадцать шесть фунтов одержала победу на Кентуккийском дерби. Двое гостей колонии Эйротель, Луисвилль, умерли во плоти — один по собственному желанию, другой — от инфаркта.

Подпольное издание неавторизованной биографии «Дьявол и преподобный Фостер» наводнило территорию Соединенных Штатов; уже к ночи все экземпляры были сожжены, набор рассыпан, наряду с этим пострадали шаттлы, недвижимость, плюс имели место увечья,

побой и нападения. Шли слухи, что в Британском музее сохранился экземпляр первого издания (слухи не подтвердились), а в библиотеке Ватикана — другой (верно, но его выдавали только католическим ученым-церковникам)...

В легислатуру Теннесси был внесен билль, требовавший приравнять число «пи» к трем. Билль был разработан Комиссией по образованию и общественной морали, благополучно прошел нижнюю палату и столь же благополучно скончался в верхней. Межцерковная фундаменталистская группа открыла свой офис в Ван-Бьюрене, штат Арканзас, чтобы собрать средства для посылки миссионеров к марсианам. Доктор Харшоу сделал пожертвование, но отправил его за подписью своего друга (с приложением адреса) — редактора журнала «Новый гуманист» и отпетого атеиста.

Других поводов веселиться у Джубала не было — слишком уж много поступило новостей о Майке. Джубал дорожил приездами Майка и Джилл и очень интересовался прогрессом Майка, особенно после того, как тот сумел развить в себе чувство юмора. Но теперь они редко приезжали домой, так что Джубал был плохо осведомлен о последних событиях.

Джубала не слишком взволновал факт изгнания Майка из Союза теологических семинарий, когда за ним гналась толпа разъяренных теологов, часть которых была в бешенстве потому, что верила в Бога, другая — потому, что нет, но все единодушно ненавидели «Человека с Марса». Джубал считал, что всего, что может приключиться с теологом, исключая колесование, они полностью заслуживают. А для мальчика любой опыт полезен — в следующий раз не будет валять дурака.

Не встревожило его и то, что Майк (с помощью Дугласа) записался под чужим именем в вооруженные силы Федерации. Он был уверен, что ни один сержант не в силах доставить Майку большие неприятности, а то, что может произойти с войсками Федерации, Джубала не слишком волновало — непримиримый старый реакционер Джубал сжег свое свидетельство о почетной отставке и все, что к нему полагалось, в тот день, когда у Соединенных Штатов было отнято право иметь собственные войска.

Джубала удивило лишь то, как мало скандалов учинил Майк в бытность свою «рядовым Джонсом», и то, как долго продержался в армии, — почти целых три недели. Майк увенчал свою воинскую карьеру тем, что захватил целиком все время, предназначенное для ответов на вопросы после одной из лекций, и посвятил его проповеди насчет бесполезности применения силы (с комментариями на тему о желательности сократить численность населения Земли с помощью канныализма), а затем предложил себя в качестве подопытного кролика для испытания любого оружия с целью доказать, что оно не только бесполезно, но вообще не нужно, если направлено против человека, владеющего самодисциплиной.

Предложения Майка не приняли, а его самого просто вышвырнули вон. Дуглас разрешил Джубалу просмотреть суперсекретный доклад, предназначенный лишь для прочтения и имеющий порядковый номер «один» из трех напечатанных копий, предупредив Джубала, что никто, даже начальник штаба, не знает, что «рядовой Джонс» — «Человек с Марса». Джубал просмотрел докладные, очень противоречивые, повествовавшие о том, что произошло во время тренировки «Джонса» с разными типами вооружения. Самым удивительным для Джубала было то, что некоторые свидетели имели мужество клятвенно утверждать, что собственными глазами видели, будто оружие исчезло.

Самый последний параграф Джубал прочел особенно внимательно. «Заключение: данный субъект является природным гипнотизером, и его можно было бы с пользой задействовать в разведке, а для любых боевых подразделений он решительно непригоден. Его ничтожный коэффициент умственного развития (кретин), низкая степень профессиональной пригодности и параноидальные тенденции (мания величия) делают практически невозможным использование таланта, проявляющегося иногда у врожденных идиотов. Демобилизовать за полной непригодностью без пенсион и льгот».

Под конец Майку все же удалось позабавиться. На параде, в последний день его пребывания в армии, когда взвод проходил мимо начальства, командующий генерал и его свита оказались до колен завалены тем

буколическим вторичным продуктом, который так хорошо известен каждому солдату, но весьма редок на смотровых плацах. Продукт исчез, не оставив ничего, кроме вони и веры в массовый гипноз. Джубал решил, что в организации розыгрышей у Майка явно появился дурной вкус, но потом вспомнил инцидент в медицинской школе, где принимали участие труп и декан... Джубал, к счастью, тогда был в резиновых перчатках... Повезло!

Джубал пришел в восторг от бесславной военной карьеры Майка еще и по той причине, что Джилл провела это время дома. Когда Майк, наконец, вернулся, он, по-видимому, нисколько не был огорчен долгой разлукой. Он даже похвастал Джубалу, что исполнил желание Джилл и никого не усла в никуда... Так... несколько неорганических предметов... Хотя, по мнению Майка, Земля могла бы стать куда лучшим местом, если бы у Джилл не было такой слабости. Джубал спорить не стал. У него самого был длинный список, озаглавленный «Чтоб они сдохли!»

Уникальные способы взросления Майка были весьма эффективны — еще бы — Майк сам был уникал! Но его последняя выходка... «Преподобный доктор Валентайн М.Смит, бакалавр искусств, доктор богословия, доктор философии, основатель и пастырь Церкви Всех Миров, инкорпорейтед». Боже! Плохо было уже то, что мальчишка решил стать святым болваном вместо того, чтобы, как и следовало джентльмену, оставить чужие души в покое! Но эти полуфальшивые дипломы... Джубала просто тошнило.

Самое скверное то, что Майк заявил, будто развил свою идею из какого-то случайного высказывания самого Джубала о церкви и ее истинных обязанностях. Джубал допускал, что мог сболтнуть нечто подобное, хотя и не помнил ровным счетом ничего такого.

Майк не распространялся о своих планах. За несколько месяцев, проведенных в захудалом бедном провинциальном колледже, принадлежавшем какой-то секте, он получил степень бакалавра, присужденную после экзамена, а также по просьбе, обращенной к духовному руководству, был рукоположен в ту же самую нелепую секту. Его докторская диссертация на-

счет сравнительной характеристики религий, бывшая чудом учености, но не содержащая ровным счетом никаких выводов, принесла ему звание доктора богословия, по времени совпавшее с пожертвованием (анонимным) все тому же полутолодному колледжу; вторая докторская степень (гонорис кауза *) за «вклад в межпланетные познания» была получена от университета, которому стоило быть поосторожнее, когда Майк намекнул, что такова его цена за выступление на конференции по изучению проблем Солнечной Системы. «Человек с Марса» отказал всем — от Калтекса ** до института Кайзера Вильгельма. Не клонуть на такую наживку Гарвард не мог.

«Что ж, теперь лица у них наверняка приобрели малиновый цвет университетского знамени», — злобно подумал Джубал. Майк провел несколько недель помощником капеллана в церквушке своей занюханной альма-матер, а затем порвал с сектой, впад в ересь и основав свою собственную Церковь. Она была абсолютно кошерная, с юридической точки зрения придраться к ней было невозможно, и она оказалась не менее достойной, если учитывать прецеденты, нежели церковь самого Мартина Лютера... при этом она пахла так же дурно, как помойное ведро, которое не выносили уже целую неделю.

От противного дневного сна Джубала пробудила Мириам.

— Босс, к нам гости.

Поглядев вверх, Джубал увидел готовящееся к посадке такси.

— Ларри, давай винтовку, я поклялся пристрелить любого идиота, который сядет на мои розовые кусты.

— Она садится на траву, босс!

— Пусть сделает еще круг, мы собьем его при следующем заходе.

— Похоже, это Бен Какстон.

* Почетная степень, присуждаемая без защиты.

** Калифорнийский технологический институт.

— Так оно и есть! Привет, Бен! Что будете пить?

— Ничего не буду, уважаемый специалист по дурному влиянию! Просто мне надо поговорить с вами, Джубал.

— По-моему, вы это уже делаете. Доркас, принеси Бену стакан теплого молочка. Он тяжело болен.

— Только соды поменьше, — внес поправку Бен, — и еще молочную бутылку с тремя «ямочками» *. Разговор будет сугубо личный, Джубал.

— Ладно, тогда пошли ко мне в кабинет, хотя если вам удастся хоть что-то утаить от этих девиц, то придется поделиться со мной вашим опытом.

После того как Бен кончил здороваться (в трех случаях антисанитарным методом) с членами семьи, они тихонько скрылись наверху.

Бен вдруг воскликнул:

— Что за чертовщина! Заблудился я что-ли?!

— Просто вы еще не видели нашего нового крыла. Две спальни и еще ванная комната внизу, моя галерея наверху.

— Да у вас тут и без того статуй на целое кладбище!

— Ради Бога, Бен! «Статуи» — это помершие политики. А здесь скульптуры. Будьте добры, говорить о них почтительно, иначе я озверею. Здесь собраны точные копии многих великих скульптур, сотворенных во все времена на нашем мерзком шарике.

— Ну знаете! Эту жуткую уродину я уже видел у вас... но когда вы раздобыли весь остальной металлический балласт?

Джубал обратился к копии «Прекрасной Омиер»:

— Не слушай его, ma petite chère **, он просто варвар, что он понимает! — Он дотронулся ладонью до ее прекрасной, разрушенной временем щеки, а затем нежно погладил пустую опавшую грудь. — Я-то понимаю, каково тебе... но ждать осталось недолго... потерпи еще немного, моя красавица. — Джубал повернулся к Какстону и сказал деловито: — Бен, вам придется подождать, пока я стану обучать вас тому, как надо лю-

* Сорт виски «Хейг с ямочками».

** Моя малышка (фр.).

боваться скульптурой. Вы были грубы с этой дамой. Я этого так не оставляю.

— Что? Не валяйте дурака, Джубал. Вы сами хамите дамам, причем живым... и, по меньшей мере, раз десять в день!

Джубал крикнул:

— Анни! Наверх! И надень свою тогу!

— Знаете, я бы не стал грубить старухе, которая позировала для этой... Чего я никак не пойму, так это того, что так называемый художник имел наглость изобразить чью-то прабабушку в такой позе... и каким испорченным вкусом надо обладать, чтобы поставить ее в своем доме!

Вошла Анни, одетая в тогу. Джубал сказал:

— Анни, я когда-нибудь был груб с тобой? Или с другими девочками?

— Вы требуете, чтобы я высказала свое мнение?

— Именно так. Ты же не в суде.

— Вы никогда не были грубы с кем-нибудь из нас, Джубал.

— Ты когда-либо слышала, чтобы я нахамил леди?

— Я видела вас преднамеренно грубо разговаривающим с женщинами. Я никогда не видела, чтобы вы хамили леди.

— Еще одно твое мнение. Что ты думаешь об этой бронзе?

Анни взглянула на шедевр Родена и медленно произнесла:

— Когда я впервые увидела ее, мне стало страшно. Но потом я пришла к заключению, что, может быть, это самая прекрасная вещь из всех, когда-либо виденных мной.

— Спасибо. Это все.

Она ушла.

— Будете спорить, Бен?

— Что? Да если я когда-нибудь позволю себе вступить в спор с Анни, значит я совсем ополоумел. И все равно *этого* я не *грокк*.

— Внемлите мне, Бен. Увидеть, что девушка хороша, может всякий. Художник же способен взглянуть на хорошенькую девушку и увидеть, какой она будет в старости. Хороший художник способен взглянуть на

старуху и понять, какой она была в молодости. Великий художник в состоянии поглядеть на старуху, сделать ее точный портрет... и заставить зрителя почувствовать, какой очаровательной девушкой она когда-то была... Больше того, он может заставить любого человека, даже с чувствами на уровне армадилла *, ощутить, что прекрасная юная девушка все еще живет, заключенная в эту разрушающуюся плоть. Он сможет передать вам незаметную и бесконечную трагедию того, что нет на свете девушки, которая в душе стала бы старше восемнадцати, безотносительно к тому, что с ней сделало безжалостное время. Взгляните на нее, Бен. Ни мне, ни вам не страшно постареть... но для них старость — синоним ужаса... Взгляните на нее!

Бен смотрел. Наконец Джубал грубо сказал:

— Ладно, утрите сопли. Садитесь.

— Нет, — ответил Бен, — а что вы скажете об этой? Я вижу, что это девушка. Но зачем понадобилось делать из нее крендель?

Джубал взглянул на копию «Кариатиды, рухнувшей под тяжестью камня».

— Я и не ожидал, что вы оцените тяжесть, которая делает эту фигуру чем-то гораздо большим, чем крендель, но, надеюсь, сможете оценить высказывание самого Родена. Что чувствуют люди, глядя на распятие?

— Вы же знаете, я не шляюсь по церквам.

— И все же вам должно быть известно, что изображения распятия обычно отвратительны, а те, что в церквах — особенно ужасны... кровь как кетчуп, бывший плотник, которого превратили чуть ли не в педика... каким он, конечно, не был. А был он крепким парнем, мускулистым и здоровым. Но для большинства людей плохое изображение ничуть не менее действенно, чем хорошее. Они не видят дефектов. Они видят символ, который воздействует на их глубочайшие эмоции. Этот символ напоминает им об агонии и самопожертвовании Бога.

— Джубал, я был уверен, что вы — нехристь!

— Разве из-за этого я должен быть слеп и глух к человеческим чувствам? Самое дешевое гипсовое рас-

* Южноамериканский броненосец.

пятие может пробудить в человеческом сердце эмоции столь могучие, что ради них он пойдет на смерть. Степень артистичности, с которой выполнено изображение, в данном случае роли не играет. А здесь перед нами другой эмоциональный символ, но изваянный с потрясающим артистизмом. Бен, на протяжении трех тысяч лет архитекторы строили здания с колоннами в виде женских фигур. И только Роден наконец показал, что эта работа слишком тяжела для девушки. Он не стал орать: «Слушайте, вы, подонки, если вам так приспичило, то возьмите мужика покрепче!» Нет, он *показал* это. Бедная маленькая кариатида рухнула под ношей. Она хорошая девочка — посмотрите на ее лицо. Серьезное, несчастное, так как она не выполнила свой долг, но при этом никого не винит... даже богов... и еще пытается вновь поднять свою ношу, хотя та и погребла ее под собой.

Но она нечто большее, чем высокое искусство, ниспровергающее низкое. Она символ всех женщин, которым когда-либо приходилось тащить неподъемную тяжесть. И не только женщин — это символ всех женщин и всех мужчин, влачивших свою жизнь мужественно и без жалоб, пока не пришло время рухнуть под своим бременем. Это мужество, Бен, мужество и победа.

— Победа?

— Победа в поражении — что может быть выше этого? Она не сдалась, Бен, она все еще пытается поднять согнувшийся ее камень. Она — это отец семьи, который продолжает работать, чтобы принести домой хотя бы еще одну зарплату, хотя рак уже выел его внутренности; это двенадцатилетняя девочка, которая воспитывает своих братишек, потому что ее мама «ушла на небо»; это телефонистка, которая не покинула свой пост, хотя дым уже душит ее, а пламя отрезало путь к спасению; это неизвестные героини, которые заведомо не могли победить, но не сдались. Пойдем. Отдайте ей, проходя мимо, салют, и пойдем, посмотрим мою «Русалочку».

Бен понял его буквально. Джубал ничего не сказал.

— А вот эту, — произнес он, — мне Майк не дарил. Я ему даже не говорил, почему приобрел ее... и

без того ясно, что это одна из самых очаровательных композиций, сотворенных глазом и рукой человека.

— Эту мне объяснять не надо — она миленькая.

— Что, видимо, должно служить оправданием ее существования, наравне с козлятами и бабочками... Я вкладываю в нее нечто гораздо большее. Она же не вполне русалка, видите? Но она и не человек. Она сидит на земле, она решила остаться на ней... и вечно смотрит на море, безмерно тоскуя о том, от чего отказалась. Вы знаете эту сказку?

— Ганс Христиан Андерсен.

— Да. Она сидит возле гавани Копенгагена; она — это всякий, кто когда-либо делал трудный выбор. Она не сожалеет о своем решении, но должна платить за него. Платить надо за каждый выбор. И плата — не только вечная тоска по дому. Ей никогда не стать человеком. Когда она делает шаг своими ножками, за которые так дорого уплатила, она ступает по острым лезвиям ножей... Бен, я думаю, Майк всегда идет по лезвиям, но не надо говорить ему, что я так сказал.

— Не скажу. Лучше буду смотреть на нее, не думая о ножах.

— Прекрасна, верно? Хотелось бы вам затащить ее в свою постель? Она, наверняка, гибкая, как морской котик, и столь же скользкая.

— Вот те на! Ну и гнусный же вы старикашка, Джубал!

— И с каждым годом становлюсь все хуже. Ну остальных мы смотреть не пойдем... обычно больше одной в день я себе не разрешаю.

— Годится. Я чувствую себя так, будто подряд опрокинул три стаканчика. Джубал, а почему такие вещи не выставляются там, где все могли бы их видеть?

— Потому что мир спятил, а искусство всегда отражает дух своего времени. Роден умер примерно тогда, когда у мира крыша только начала сползать набекрень. Те, кто пришел ему на смену, поняли, каких замечательных результатов он добивался, как использовал для этого свет и тени, массы и композиции, и переняли у него все это. Но им не дано было понять, что Мастер в свои скульптуры вкладывал целые повести об обнаженных человеческих сердцах. Они же презирали жи-

вопись и скульптуру, которые повествовали... Таким работам они приклеили кличку «литература». И ушли в абстракцию. — Джубал пожал плечами. — Абстрактный рисунок — отличная штука для обоев или линолеума. Но искусство — это процесс пробуждения жалости или страха. То, что делают современные художники — просто псевдоинтеллектуальная мастурбация. Тогда как творчество — это скорее половой акт, в ходе которого художник передает свои эмоции зрителям. А эти ребята либо не хотят, либо не способны на это, а потому теряют зрителя. Обычный человек не желает платить за искусство, которое оставляет его холодным. Если же он и платит что-то, то эти деньги выкачивают из него налогами и другими жульническими способами.

— Джубал, я никак не мог понять, почему мне на фиг не нужно искусство. Всегда считал, что это во мне самом чего-то не хватает.

— Ммм... каждый должен учиться понимать искусство. Но и художник обязан пользоваться языком, который может быть понят. Большая часть этих шутов не хотят разговаривать тем языком, которому мы с вами можем обучиться. Они презрительно поглядывают на нас, ибо мы «не в состоянии» понять то, что они хотят нам сообщить. Будто у них есть что сообщать! Отсутствие ясности — прибежище некомпетентности. Бен, вы назвали бы меня художником?

— Что? Ну как же, вы здорово пишете.

— Покорнейше благодарю. Слова «художник» я избегаю по тем же причинам, по которым избегаю слова «доктор». И все же я художник. Большая часть того, что я пишу, будет прочтена только один раз, а может, человек, который и так знает то малое, что я могу ему поведать, вообще не станет меня читать. И все же я честный художник, ибо то, что я говорю, должно действовать на читателя, внушать ему, если удастся, жалость или ужас, или, на худой конец, скрасить его тоскливое одиночество. И я никогда не прячусь от читателей за туманностью языка и не ищу хвалы других писателей за «тонкость приемов» и прочую чушь. Я жду от читателя признания, признания, выраженного в

деньгах, ибо я достал его. А больше мне ничего не надо. Дотации искусству — merde *.

Художник, живущий на средства государства — это просто шлюха, которая профессионально непригодна. Черт вас подери, Бен, вы оторвали у меня пуговицу! Налейте себе стаканчик да расскажите, что там у вас на уме.

— Джубал, я несчастен!

— Подумаешь, новость.

— У меня совсем новый сорт неприятностей, — нахмурился Бен, — и я не уверен, что мне хочется о них распространяться.

— Тогда послушайте о моих.

— У вас неприятности?! Джубал, я всегда думал о вас, как о человеке, который умудряется вечно выигрывать партию.

— Хм... Надо бы когда-нибудь рассказать вам про мою семейную жизнь. Да, у меня неприятности. Дьюк вот уехал... Или вы об этом уже слышали?

— Знаю.

— Ларри, конечно, хороший садовник, но техника, которой занимался тот индеец, у него разваливается прямо на глазах. Хорошие механики — редкость. А таких, которые вписались бы в этот дом, — вообще не существует. Я целиком завишу от приходящих — приходят сюда, переворачивают все вверх дном, только и думают, как бы смошенничать, почти никто не умеет работать отверткой так, чтобы не поранить себя. А я тоже не умею, так что нахожусь от них в рабской зависимости.

— Сердце мое истекает кровью от жалости к вам, Джубал.

— И нечего иронизировать! Механики и садовники — роскошь, секретарши — необходимость. Двое моих беременны, а одна выходит замуж.

Какстон совершенно обалдел. Джубал проворчал:

— О, я ничего не выдумываю. Сейчас они злятся, что я увел вас сюда наверх и не дал им похвастаться своими достижениями. Будьте добры удивиться, когда они вам расскажут.

— И кто же из них выходит замуж?

* Дерьмо (фр.).

— Разве не ясно? Счастливчик — сладкоголосый беглец из страны песчаных вихрей, наш уважаемый брат по воде Стинки Махмуд. Я предложил ему останавливаться у нас всякий раз, как они будут приезжать в нашу страну, а этот подонок засмеялся и напомнил, что я уже с незапамятных времен пригласил его. — Джубал засопел. — А в общем, я не против... какую-никакую пользу выжал бы из нее.

— Что ж, вам бы, может, и удалось — она ведь любит работать. А остальные две, значит, беременны?

— Разнесло не хуже воздушных змеев. Пришлось повторить курс акушерства, так как они заявили, что рожать будут только дома. Представляете, во что превратят новорожденные мой распорядок дня? Кстати, а почему вы вообразили, что ни один из выпяченных животов не принадлежит невесте?

— Ну, я думаю, Стинки слишком порядочен для этого... или хотя бы осторожен.

— Да разве у Стинки в этом вопросе есть право голоса? Бен, за все те годы, что я потратил на изучение этой проблемы, стараясь проследить извилистые ходы их крошечных хитреньких умишек, единственное, что я усвоил, так это то, что, если девица чего решит, так уж своего она добьется. Все, что может мужчина — это примириться с неизбежным.

— Ладно. Так кто же из них не выходит замуж и не... Мириам? Анни?

— Потихе, потихе, я же не говорил, что невеста беременна. А вы, видимо, решили, что будущая жена — Доркас? Нет, арабский учит Мириам.

— Как? Ну, значит, я просто слепой бабуин...

— Совершенно справедливо.

— Но Мириам всегда царапалась со Стинки как кошка!

— И вот такому раззяве доверяют вести колонку в газете! Вам что, никогда не приходилось наблюдать поведение кучки шестиклассников?

— Да... но... Доркас же ради него чуть ли не танец живота готова была танцевать!

— Для Доркас такое поведение вполне естественно. Только, пожалуйста, когда Мириам покажет вам свое обручальное кольцо с камнем, величиной с яйцо птицы

Рух и столь же редким, не забудьте притвориться удивленным. Будь я проклят, если знаю, когда они начнут нереститься. Помните, все они ужасно счастливы... вот почему я и намекнул вам, как обстоят дела, чтоб вы не думали, будто они «попались». Ни одна — ни в прошлом, ни в настоящем. Они счастливы и горды. — Джубал вздохнул. — Я слишком стар, чтобы получать удовольствие от топота крошечных ножек, но я не хочу терять отличных секретарш; к тому же я, неизвестно почему, люблю этих девочек и использую все средства, чтобы уговорить их остаться со мной. Все равно этот дом превратился черт знает во что с тех самых пор, как Джилл впервые совратила Майка... Винить ее, я, конечно, не виню; думаю, вы — тоже.

— Нет. Однако, Джубал, вы, кажется, находитесь под впечатлением, что у Майка дело началось с Джилл?

— Что? — Джубал страшно удивился. — А тогда кто же это?

— Стоит ли быть таким любопытным, дружище? Однако Джилл меня просветила на этот счет, когда я пришел к такому же заключению, что и вы. Как я понял, та, что была первой, оказалась ею более или менее случайно.

— Ммм... Да. В это можно поверить.

— И Джилл так думает. Она полагает, что по счастливой случайности Майк соблазнил или, точнее, был соблазнен той, которая лучше остальных подходит для первого раза. Может быть, вот отсюда вы и можете танцевать, если вам известно, как устроен мозг Джилл и в каком направлении он развит.

— Черт! Как будто я знаю, как работает мой собственный! Что же касается Джилл, то, честно говоря, я никогда и не думал, что поведет процессию она, какой бы влюбленной ни казалась. А насчет того, как работает ее мозг — судить не берусь!

— Ну о Джилл мы еще поговорим. Джубал, а что подсказывает вам календарь?

— Не понимаю, о чем вы?

— Вы же уверены, что в обоих случаях виновен Майк, — если его визиты совпадают по времени.

— Бен, — сказал Джубал сдержанно, — я не сказал ничего, что могло бы послужить вам основой такого заключения.

— Черта с два! Вы сказали, что они горды. А я-то знаю, какое впечатление производит этот проклятый супермен на женщин.

— Потише, сынок, он наш брат по воде.

— Знаю, — сказал Бен ровным голосом, — и тоже его люблю. И тем больше у меня оснований понимать причину их гордости.

Джубал пристально уставился на свой стакан.

— Бен, мне кажется, что ваше имя можно внести в список с не меньшим правом, чем Майка.

— Джубал, да вы с ума сошли!

— Не надо нервничать. Хотя, да помогут мне мириады имен Бога, я и в самом деле стараюсь не совать нос в чужие дела, но вижу и слышу пока нормально. Если по моему дому шастает целый джаз-банд, я, естественно, не могу этого не заметить. Вы ночевали под моей кровлей десятки раз. А сколько раз спали в одиночестве?

— Ах вы, старый негодяй! Ну... я спал один в первую ночь, которую здесь провел.

— Наверное у Доркас болел животик. Ах нет, вы же тогда наглопались наркотиков, так что эта ночь не в счет. А другие?

— Ваш вопрос не имеет отношения к делу, несуществен и недостойн, чтобы я на него отвечал.

— Вот вам и ответ. Прошу заметить — новые спальни расположены вдалеке от моей. Что же касается звукоизоляции, то она здесь, как всегда, неудовлетворительна.

— Джубал, а не может ли ваше собственное имя оказаться в списке выше моего?

— Что такое?!

— Не говоря уж о Ларри и Дьюке. Джубал, все в округе уверены, что ваш гарем — самый роскошный со времен султанов. Не поймите меня превратно — вам хоть и завидуют, но считают старым похотливым козлом.

Джубал побарабанил по подлокотнику.

— Бен, я не возражаю, когда молодые люди фамиллярничают со мной. Но в данном случае я настаиваю, чтобы к моим годам относились с почтением.

— Извините, — сухо отозвался Бен, — мне показалось, что если вы всего минуту назад столь активно обсуждали мою половую жизнь, то вряд ли станете возражать, когда я отвечу вам тем же.

— Нет, нет, Бен, — вы не так меня поняли. Я требую, чтобы девушки относились к моим годам с уважением... в этом вопросе.

— О!

— Я, как вы сами только что указали, стар... очень стар... Между нами, могу с удовольствием сказать, что я еще достаточно сластолюбив. Но похоть не властна надо мной. Я предпочитаю со снисходительным достоинством вспоминать свои былые развлечения, которыми, поверьте, я наслаждался в полной мере, но в повторении которых ныне не нуждаюсь. Бен, даже мужчина моего возраста, чем-то похожий на разрушающиеся городские трущобы в их самом мрачном виде, вполне может заполучить в постель девушку и, возможно, даже извлечь из этого удовольствие, а утром услышать комплимент. Этого можно достичь тремя путями: за деньги или за их эквивалент в виде завещанной недвижимости и прочего... И... Впрочем, сделаем паузу и зададим вопрос — вы можете представить, чтобы хоть одна из этих четырех девушек легла в постель с мужчиной ради перечисленных выше резоннов?

— Нет, ни одна.

— Благодарю вас, сэр. Я стараюсь иметь дело только с теми, кого принято называть «настоящая леди». Рад, что и вы это понимаете. Третья причина сугубо женская: милая юная девушка может иногда взять к себе в постель старую развалину потому, что эта развалина ей нравится, она ее жалеет, хочет, чтобы та получила хоть толику счастья. Это бывает.

— Джубал, так, конечно, может случиться. С любой из них.

— Я тоже так думаю. Но эта причина, хотя она и может показаться существенной каждой из них, не существенна для меня. У меня есть своя гордость, сэр, а потому, будьте добры, вычеркните мое имя из списка.

— О'кей, упрямый глупец, — рассмеялся Какстон. — Надеюсь, что, когда достигну ваших лет, меня будет легче соблазнить.

— Лучше испытывать соблазн и сопротивляться ему, чем испытать разочарование, — улыбнулся Джубал. — Теперь о Дьюке и Ларри: не знаю и знать не хочу. Когда кто-нибудь приезжает сюда погостить, я всегда стараюсь ему внушить, что это не турецкая баня с массажистками и тем более не публичный дом. Это просто дом... и как таковой он сочетает в себе анархию и тиранию без намека на демократическое устройство, как то и бывает во всякой порядочной семье. Иными словами, все свободны делать что им угодно до тех пор, пока я не распоряжусь; мои распоряжения обсуждению не подлежат. Моя тирания никогда не распространяется на половую жизнь. Девочки вполне благоразумно не афишируют своих личных дел. Во всяком случае, — Джубал грустно улыбнулся, — так было до сих пор, пока на арене не появилось марсианское влияние. Возможно, что Ларри и Дьюк и валяют девочек за каждым кустом, но криков о помощи мне лично слышать не приходилось.

— Значит, вы полагаете, это Майк?

— Да, — поморщился Джубал, — но все в порядке: я же сказал, что девочки горды и счастливы... а я не бедняк, не говоря уж о том, что из Майка я могу выжать любую сумму. Дети ни в чем не будут знать нужды. Но, Бен, меня очень тревожит сам Майк.

— Меня тоже, Джубал.

— И Джилл...

— Э-э... Джубал, Джилл — не проблема. Проблема — Майк.

— Черт! И почему этот парень не может вернуться домой и перестать произносить свои идиотские проповеди, молотя по кафедре кулаками?

— Ммм... Джубал, это не совсем то, чем он занят. — Помолчав, Бен добавил: — Я ведь только что оттуда.

— Вот как! А почему сразу не сказали?

— Сначала вы болтали об искусстве, — вздохнул Бен, — затем стали ныть, а в конце перешли на сплетни.

— Что ж, ладно, вам слово.

— Вернувшись с кейптаунской конференции, я побывал у них. То, что я увидел, меня встревожило до чертиков, а потому, ненадолго забежав в офис, я сразу

же примчался к вам. Джубал, не можете ли вы связаться с Дутласом и прихлопнуть все Майковы делишки?

— То, как Майкл распоряжается своей жизнью — его дело, — покачал головой Джубал.

— Вы обязательно вмешались бы, если б видели то, что видел я.

— Нет. Не вмешался бы. Кроме того, я этого физически сделать не могу. И Дутлас тоже.

— Джубал, Майк примет любое ваше решение, касающееся его денег. Он, вероятно, даже не поймет, в чем там дело.

— Ах, нет, еще как поймет! Бен, Майк недавно составил завещание и прислал его мне на предмет критики. Это один из самых хитроумных документов, которые я когда-либо видел. Он понимает, что у него куда больше денег, чем может понадобится его наследникам, и потому использовал часть своих средств на то, чтобы обеспечить сохранность остального. Там предусмотрены всякие ловушки против возможных претензий со стороны родственников его юридических и физических родителей (Майк знает, что он бастард, хотя мне неизвестно, откуда он это узнал) и членов команды «Посланца». Он нашел способ утрясти внесудебным путем разногласия с любыми наследниками, у которых есть претензии prima facie *, и все это столь крепко закручено с юридической точки зрения, что легче свергнуть правительство, чем оспорить завещание. Завещание показывает, что Майку известна каждая акция, каждая ценная бумага. Я не смог найти ничего, что можно было бы раскритиковать. (Включая и пункт, касающийся лично тебя, мой брат). Так что не говорите мне, будто я могу заморозить его деньги.

Бен помрачнел.

— Жаль, что не можете.

— Не могу. Да что толку, если б и смог? Майк почти год как ничего не снимает со своего счета. Дутлас мне звонил по этому поводу — Майк не отвечал на его письма.

* Кажущееся достоверным (лат.).

— Не брал со счета? Джубал, да он тратит уйму денег!

— Может быть, церковный рэкет дает ему кое-что?

— В том-то и загадка. Никакая это не церковь.

— А что же?

— Э... э... э... преимущественно школа филологии.

— Повторите.

— Школа, где изучают марсианский язык.

— В таком случае мне хотелось бы, чтобы он не называл это церковью.

— Возможно, со строго юридической точки зрения, это все-таки церковь.

— Слушайте, Бен, скейтинг-ринг тоже можно называть церковью, если какая-то секта заявит, что катание на роликовых коньках — необходимая принадлежность их обрядов или что катание на коньках выполняет какую-то подсобную функцию. Если можно петь во славу Господа, то можно и кататься на коньках во имя его же. В Малайе есть храмы, которые для непосвященных не что иное как террариумы, в которых содержат змей... Но тот же Высший Суд относит их к числу церквей и требует защиты наравне с нашими собственными сектами.

— Майк тоже разводит змей. Джубал, неужели все позволено?

— Ну... Это спорный вопрос. Церквам обычно не разрешается брать деньги за предсказания будущего и вызов духов умерших, но они имеют право принимать дары, что фактически превращает дары в денежную плату. Стоят вне закона и человеческие жертвоприношения... но в некоторых местах земного шара они все же практикуются... возможно, даже здесь — в бывшей стране свободы. Вообще, можно делать что угодно, даже самое запретное, если к этим делам будет иметь доступ лишь узкий круг посвященных, а язычников станут держать подальше. А в чем дело, Бен? Неужели Майк занимается чем-то, за что можно угодить за решетку?

— Надеюсь, что нет.

— Что ж! Впрочем, если он будет осторожен... фостериты показали, что можно вытворять что угодно

и не нести наказания. В том числе и гораздо худшее, чем то, за что линчевали Джозефа Смита *.

— Майк перенял у фостеритов очень многое. Отчасти поэтому я и тревожусь.

— А что вас беспокоит больше всего?

— Хм... Джубал, это дела «братьев по воде».

— Ну и что же? Прикажете мне носить яд в дупле зуба?

— Предполагается, что те, кто принадлежит к внутреннему кругу, могут умереть во плоти, просто сделав волевое усилие, не надо и яда.

— Так далеко я еще не продвинулся, Бен. Но я знаю, как можно преодолеть последнее сопротивление. Продолжайте же.

— Джубал, я уже говорил, что Майк разводит змей. Я имел в виду прямой и переносный смыслы — обстановка там, как в змеиной яме. Очень нездоровая. Храм Майка огромный. Там есть зал для общих собраний, несколько меньших залов для заранее подготовленных встреч, много совсем маленьких комнат... Ну и жилая часть. Джилл прислала мне радиogramму, в которой объяснила, как добраться, так что я посадил машину у частного входа на боковой улице. Жилые комнаты расположены над большим залом; обстановка полного уединения, которое в других условиях было бы невозможным, так как рядом кипит городская жизнь.

— Какие бы ни были дела, — кивнул Джубал, — законные или противозаконные, а любопытные соседи — в любом случае хуже отравы.

— В этой ситуации ваше изречение бьет в самую точку. Я вошел через входную дверь; предполагаю, что меня сканировали, хотя самого сканера я не заметил. Потом были еще две автоматические двери, а затем антигравитационный лифт. Джубал, это не обычный лифт. Он управляется не пассажиром, а кем-то, кого не видно, да и ощущаешь себя там совсем не как в лифте.

— Никогда такими лифтами не пользовался и впредь не собираюсь.

— С этим лифтом вы бы примирились. Я взлетел вверх как перышко.

* Основатель секты мормонов. Убит в 1844 г. в Илинойсе.

— Бен, я не доверяю технике. Она кусается. — Джубал помолчал. — Однако мать Майка была великим инженером, а его отец — настоящий отец — тоже вполне компетентным инженером, а возможно, и больше того. Если Майку удалось улучшить лифты так, что они стали пригодны для человека, удивительного в том нет.

— Возможно. Я поднялся наверх, и мне не пришлось ни хвататься за что-нибудь, ни пользоваться сетками безопасности, — я их не видел, если говорить правду. Потом были еще автоматические двери, а за ними колоссальная гостиная. Странная по мебелировке и весьма аскетическая по виду. Джубал, некоторые люди считают странными порядки вашего дома.

— Чушь! Они просты и удобны.

— Так вот. Ваше *menage* * — заведение тети Джейн для юных благородных девиц по сравнению с майковой чертовщиной. Стоило мне войти, как я столкнулся с шуткой, в которую никогда не поверил бы. Дама, татуированная с ног до головы... и без единой тряпочки на теле. Представляете? Она татуирована повсюду. Фантастика!

— Да вы просто деревенщина, хоть и из большого города, Бен. Лично я когда-то был знаком с одной татуированной леди. Занятная была девчонка.

— Ладно, — сдался Бен, — эта дама тоже была очень мила, если, конечно, попривыкнуть к ее красочному оформлению, да к тому, что она повсюду таскается со змеей.

— Любопытно, может, это та же самая? Полностью татуированные женщины — редкость. Но леди, которую я знал тридцать лет назад, испытывала перед змеями обычный примитивный страх, а я их люблю... Хотелось бы мне повидаться с вашей знакомой.

— Увидитесь, когда навестите Майка. Она там что-то вроде мажордома. Патриция... но все зовут ее Пат или Патти.

— Ну как же! Джилл ее очень уважает. Правда, она никогда не писала про татуировку.

* Хозяйство, заведение (фр.).

— По возрасту она вполне могла быть вашей подружкой. Когда я назвал ее дамой, я просто выразил свое первое впечатление. Выглядит она, будто ей двадцать, а мне сказала, что ее старшая дочь именно такого возраста. Как бы там ни было, она подкатилась ко мне, улыбаясь во всю ширь, крепко обняла и расцеловала: «Ты — Бен, входи, брат, сейчас я принесу тебе воду». Джубал я занимаюсь газетным рэкетом не первый год, но меня еще никогда не целовали незнакомые дамы, одетые только в татуировку. Я смутился.

— Нет. Вспомните, ведь я уже встречал татуированных леди. В этой разрисовке они считают себя как бы одетыми. Во всяком случае, с моей подругой Садако было именно так. Но японцы не так стесняются своей телесной оболочки, как мы с вами.

— Ладно, — ответил Бен, — Пат тоже не очень думала о своем теле... во всяком случае меньше, чем о татуировке. Ей хочется, чтоб из нее сделали чучело и поместили после смерти голую в музей, для вящей славы Джорджа.

— Джорджа?

— Виноват. Это ее муж. К моему большому облегчению, он уже на небесах... хотя она говорит о нем так, будто он только что вышел хлебнуть за уголком пивка. Но в основе своей Пат, конечно, настоящая леди... и она не дала мне долго чувствовать себя смущенным.

Глава 31

Патриция Пайвонски наградила Бена сердечным братским поцелуем прежде, чем он понял, что на него обрушилось. Она ощутила его смущение, которое ее сильно удивило. Майк велел ей принять Бена и накрепко запечатлел в ее памяти его лицо. Она знала, что Бен принадлежит к числу братьев во всей полноте, что он член Внутреннего Гнезда и что он для Джилл ближе всех, если не считать Майка.

В натуре Пат было одно свойство — бесконечное желание сделать людей такими же счастливыми, какой была она сама, и поэтому она чуть сбавила темп. Предложив Бону раздеться, Патриция не стала настаивать на полной наготе и только попросила снять ботинки — Гнездо было мягким и чистым — такую нереальную чистоту могли поддерживать лишь усилия Майка.

Пат показала, куда повесить одежду, и убежала за выпивкой. О вкусах Бена она знала от Джилл и остановилась на двойном мартини: бедный мальчик выглядит таким усталым. Когда она вернулась со стаканами, Бен был уже бос и снял пиджак.

— Брат, да не испытываешь ты никогда жажды.

— Мы разделим воду, — согласился он и выпил. — Тут ее почти нет.

— Этого достаточно, — ответила она. — Майк говорит, что воду вообще можно примысливать. Важно ведь одно — разделить. Я *грокк* — он говорит верно.

— Я *грокк*. И это как раз то, что мне нужно. Спасибо, Патти.

— Все наше — твое, а ты — наш. Мы рады, что ты наконец дома. Все прочие — либо на Служении, либо учат. Торопиться некуда. Они придут, когда исполнится ожидание. Не хочешь ли осмотреть Гнездо?

Бен согласился, и она повела его на экскурсию. Огромная кухня с баром в одном конце; библиотека, даже более внушительная, чем у Джубала; ваннные комнаты — большие и роскошные; спальни — Бен решил, что это спальни, хотя в них не было кроватей, а только полы, которые тут были мягче, чем в других помещениях; Патти назвала их «маленькими Гнездами» и показала ту, где она обычно спала.

В одном конце комнаты было отведено место для змей. Бен подавил свое отвращение, но с трудом, и то только пока они не дошли до кобр.

— Все в порядке, — заверила его Патти, — раньше они были отделены стеклом, но Майк обучил их не переходить вот за эту линию.

— Я бы предпочел стекло.

— О'кей, Бен. — Она опустила стеклянную перегородку.

Бен тут же почувствовал себя лучше и даже осмелился почесать голову Хони Буну, когда ему предложили эту честь. Пат провела его в другую комнату. Она была очень большая, круглая, а пол в ней такой же мягкий, как в спальнях. В центре был устроен круглый же плавательный бассейн.

— Это, — сказала Пат, — Сокровенный Храм, где в Гнездо принимают новых братьев. — Она попробовала воду ногой. — Хочешь разделить воду и стать ближе? Или просто поплавать?

— Э-э-э... может быть, потом...

— Ожидание прекрасно, — согласилась она.

Вернувшись в огромную гостиную, Патриция вышла, чтобы принести Бену еще стаканчик. Бен раскинулся на большом диване, потом снова встал. В комнате было тепло, от выпитого он вспотел, а диван был «обучен»

приспосабливаться к формам тела сидящего, отчего становилось еще жарче. Бен решил, что здесь одеваться по моде Вашингтона просто глупо, тем более что на Патти вообще ничего нет, кроме змеи, накинутой на плечи.

Бен решил ограничиться шортами, а все прочее повесил в прихожей. Там он заметил табличку, висевшую на наружной двери:

«А не забыл ли ты одеться?»

Бен подумал, что в таком доме подобное предупреждение было более чем уместно. Потом он увидел еще кое-что, чего не заметил раньше: по обеим сторонам дверей стояли большие медные вазы, наполненные деньгами. Наполненные — не то слово: федеральные банкноты различного достоинства вываливались из них на пол.

Он еще с удивлением рассматривал их, когда вернулась Патриция.

— Вот твой стакан, брат Бен. Расти теснее в Радости.

— Спасибо... — Его глаза вернулись к деньгам.

Она проследила направление его взгляда.

— Из меня получилась никудышная домоправительница, Бен. Майк, конечно, помогает мне с уборкой и прочим, что я забываю делать. — Она подняла банкноты и запихала их в ту вазу, где денег было поменьше.

— Патти, но почему...

— О! Мы держим их тут потому, что эта дверь ведет прямо на улицу. Если кто-нибудь выходит из Гнезда, — а мне, например, приходится почти каждый день ходить покупать продовольствие, — то нам могут понадобиться деньги. Вот мы их и держим здесь, чтобы не забыть, когда они будут нужны.

— Просто берете, значит, пригоршню и идете?

— Ну да, конечно, милый. О, я понимаю... Но здесь никого, кроме нас, нет. Если приходят друзья или гости, — а они приходят почти к каждому из нас, — то там внизу есть другие комнаты, они привычнее для наших гостей, там мы их и принимаем. Так что слабые люди не будут подвергаться соблазну.

— Хм... я сам слабый на такие дела!

Она усмехнулась.

— Как же ты можешь соблазниться, если это все твое?

— Ну а грабители?

Какстон попробовал подсчитать, сколько денег может быть в этих вазах. Большинство купюр крупные, черт побери, он и сейчас видел лежащую на полу бумажку с тремя нулями — Патти ее не заметила.

— Один забрался на прошлой неделе.

— Вот как! И сколько он украл?

— О, нисколько! Майк отправил его прочь.

— Вызвал полицию?

— О нет! Майк никогда и никого не отдает копам. Майк просто... — она пожала плечами, — отправил его прочь. После Дьюк заделал дыру на чердаке Зимнего сада... Я тебе его еще не показывала? Он прекрасен... там пол из травы. Джилл говорила, что у тебя тоже травяной пол... именно там Майк и увидел такой пол впервые. У тебя трава повсюду?

— Нет, только в гостиной.

— Если я соберусь в Вашингтон, можно мне будет походить по твоему полу? Полежать на нем? Можно?

— Конечно, Патти... он... э-э-э... он твой.

— Я знаю, милый. Но спросить так приятно. Я лягу и буду ощущать траву всем телом, и меня преисполнит радость, что я нахожусь в «маленьком Гнезде» брата.

— Ты будешь там всегда желанна, Патти. — Он все же надеялся, что змей она оставит дома. — Когда ты приедешь?

— Не знаю. Когда исполнится ожидание. Возможно, Майк знает.

— Отлично. Перед приездом предупреди меня, если можно, чтобы я был в это время в городе. Если нет, то Джилл знает мой код. Патти, неужели никто не считает эти деньги?

— А зачем, Бен?

— Ну... так принято у людей.

— Нет, мы не считаем. Берешь сколько надо, а что останется — кладешь обратно, когда вернешься, если вспомнишь, конечно. Майк велит держать кошелек всегда набитым, а если он опустеет, я возьму у него и наполню.

Бен оставил эту тему, подавленный ее простотой. У него было некоторое представление о безнадежном коммунизме марсианской культуры, он понимал, что Майк создал здесь ее анклав, — эти вазы означали переход от марсианской экономики к экономике Терры. Интересно, знает ли Пат, что это подделка, работающая только благодаря несметному богатству Майка?

— Патти, а сколько вас тут в Гнезде?

Он ощутил смутное беспокойство, но тут же отбросил возникшую было мысль. Чего они от него добиваются? У него ведь нет перед дверями горшков с золотом!

— Дайте-ка вспомнить... около двадцати, включая братьев-послушников, которые еще не умеют думать по-марсиански и не рукоположены.

— А ты рукоположена, Патти?

— О да! Главным образом я помогаю послушникам и все такое прочее. Дон и Джилл — наши высшие жрицы, Дон и я — известные фостеритки, поэтому мы работаем вместе, чтобы показать другим фостеритам, что Церковь Всех Миров не находится в конфликте с верой, во всяком случае не больше, чем баптизм может помешать человеку стать масоном.

Она показала Бену поцелуй Фостера, объяснила его происхождение, а потом продемонстрировала его чудесного компаньона — поцелуй Майка.

— Им известно, что значит поцелуй Фостера и как его трудно получить... Они уже видели кое-какие чудеса Майка и уже почти созрели для того, чтобы их допустили в более высокий круг.

— Это трудно?

— Конечно, Бен... для них. Что касается тебя, меня, Джилл и некоторых других, то мы все были прямо посвящены Майклом в братство. Прочих же Майкл сначала учит... не вере, а тому, как вера воплощается в делах. Значит, им приходится изучать марсианский. Это очень трудно, я сама знаю его неплохо. Но счастье в труде и ученье. Да, так ты спрашивал о Гнезде... Сейчас вспомню... Дьюк, Джилл, Майкл... двое фостеритов... Дон и я... один обрезанный еврей, его жена и четверо детишек...

— В Гнезде есть дети?

— Ой, очень много. Они в Гнезде малышни... тут рядом... Трудно заниматься медитацией, когда детишки вопят и поднимают пыль столбом. Хочешь взглянуть?

— Нет, попозже.

— Еще чета католиков с малышом: к сожалению, они сейчас отлучены от церкви — их выследил собственный священник. Майку пришлось оказать им особую помощь — для них это был страшный удар... и совершенно незаслуженный. Они вставали на заре каждое воскресенье, чтобы, как обычно, поспеть к мессе, но ребятишки болтливы... Еще семья мормонов — вернее из одной отколовшейся секты — это еще трое и их дети. Остальные протестанты, есть и атеист... вернее, он считал себя атеистом, пока Майк не открыл ему глаза. Он зашел сюда посмеяться и остался учиться. Скоро он станет священником. Значит... девятнадцать взрослых, но мы редко бываем тут все вместе, разве что на наших собственных служениях в Сокровенном Храме. Гнездо построено с расчетом на восемьдесят одного (делится на три), но Майк *грокк*, потребуется ожидание, прежде чем нам понадобится большее Гнездо, а к тому времени мы, вероятно, построим новые гнезда. Бен, хочешь побывать на внешнем служении? Посмотришь, как Майк ведет дело. Он как раз сейчас читает проповедь.

— О, конечно, если это не очень трудно.

— Вот и ладно. Подожди минутку, милый, я только приведу себя в порядок.

— Джубал, она вернулась в тоге, похожей на тогу Свидетеля, которую надевает Анни, но с ангельскими крылышками на плечах, высоким воротом и торговой маркой Майка — девять концентрических кругов с абстрактным солнцем — ее носят над сердцем. Это церковное одеяние — Джилл и другие жрицы носят такие же, но у тоги Патти высокий ворот, чтобы скрыть татуировку. Кроме того, Патти надела еще чулки, а сандалии несла в руках.

Все это ее чертовски изменило, Джубал. Придало ей еще большее достоинство. Теперь я видел, что ей боль-

ше лет, чем мне казалось, хотя она все равно выглядела моложе того возраста, который назвала мне сама. У нее прекрасный цвет лица, и просто позор портить такую кожу татуировкой.

Я снова оделся. Она попросила меня взять туфли в руки и через все Гнездо провела в коридор. Мы задержались, чтобы надеть обувь и спустились по пандусу примерно на два этажа. Здесь мы вышли на галерею, с которой открывался вид на главный зал. Майк стоял на сцене. Кафедры не было, только возвышение для лектора, а на задней стене — огромный символ Всех Миров. Рядом с Майком стояла жрица; на таком расстоянии я принял ее за Джилл, но оказалось, что это другая верховная жрица — Дон — Дон Ардент.

— Как вы сказали?

— Дон Ардент — в девичестве Хиггинс, если вам нужны подробности.

— Я встречался с ней.

— Это мне известно — чего же еще ждать от якобы отставного греховодника. Она положила на вас глаз, Джубал.

— Если это знаменитая Дон Ардент, — покачал головой Джубал, — то я видел ее всего несколько минут года два назад. Вряд ли она меня помнит.

— Она помнит. Она собирает все ваше рекламное творчество, записывает на пленку, причем пытается установить все псевдонимы, под которыми вы работаете. Ваши творения навевают ей сладкие сны, без них она просто уснуть не может. Во всяком случае, так уверяет она. Там, Джубал, вас знают все. В той огромной гостиной есть одно-единственное украшение — ваш цветной стереопортрет в натуральную величину. Выглядит это так, будто вам отрубили башку, причем физиономия искажена чудовищной улыбкой. Снимок сделал тайком Дьюк.

— Вот негодай!

— Его подговорила Джилл.

— Тем более мерзавец.

— А ей идею подал Майк. Мужайтесь, Джубал, вы — святой покровитель Церкви Всех Миров.

— Да как они посмели?! — пришел в ужас Джубал.

— Еще как посмели. Майк отдает вам должное за то, что вы положили начало всей этой комедии и так здорово ему все объяснили, что он сразу понял, как можно пересадить марсианскую теологию на земную почву.

Джубал застонал.

— Кроме того, — продолжал Бен, — Дон считает вас красавцем. Если не обращать внимания на этот выверт, она весьма умна... и чрезвычайно привлекательна. Но я отклонился от темы. Майк заметил нас, крикнул: «Привет, Бен! Увидимся позже», — и продолжал свой треп.

Джубал, если б вы только слышали это! Была вовсе не проповедь, на Майке не было торжественного одеяния — просто изящный, хорошо сшитый белый костюм. Болтал он, как распроклятый удачливый торговец автомобилями... Шутил, рассказывал притчи. Суть его слов сводилась к чему-то вроде пантеизма... Одна из притч была о земляном черве, который лезет сквозь почву, встречает другого червя и говорит ему: «О как ты прекрасна! Выходи за меня замуж!» — И получает ответ: «Не валяй дурака! Я твой собственный хвост». Вам приходилось слышать такую притчу?

— Слышать? Да я сам сочинил ее!

— Господи! Мне и в голову не пришло, что она такая древняя. Рассказывал ее Майк вполне к месту. Идея была такая, что каждый раз, когда ты встречаешь другое существо, которое *грокк* — мужчину, женщину, бродячего кота... они могут оказаться «твоим собственным хвостом». Вселенная — это данность, которую мы изготовили сами, а потом позабыли о своей выдумке.

Джубал явно был недоволен.

— Солипсизм и пантеизм! Смешав их, можно объяснить все, что захочешь. Можно игнорировать любой противоречащий факт, примирить взаимоисключающие теории, соединить любые данности и иллюзии и вообще все, что угодно. В общем, что-то вроде безе — один вкус и никакой еды; все неудовлетворительно, как рассказ, который заканчивается словами: «и тут малыш шмякнулся с кровати и проснулся».

— Нечего вам на меня кидаться, сами разбирайтесь с Майком. Можете мне поверить, у него все звучало

весьма убедительно. Раз он остановился и спросил: «Вы, должно быть, устали от этой болтовни?» А они все завопили: «Не-е-ет!» Он действительно крепко прибрал их к рукам. Начал уговаривать, уверял, что охрип и что вообще уже подошло время творить чудеса. А потом показал кучу поразительных фокусов-покусов... Вы знали, что он работал в бродячем цирке фокусником?

— Знал только, что он путешествовал с циркачами. Но мне ничего не известно о причинах, по которым это дело у него не пошло.

— Он шикарный фокусник. Делает вещи, которые обманули даже меня. И если бы он ограничился только этими детскими штучками, все было бы о'кей, но ведь зрителей заворожила прежде всего его болтовня. В конце концов он остановился, а потом сказал: «От "Человека с Марса" все ждут чудес... поэтому мне приходится их творить на каждом нашем служении. Не могу же я перестать быть "Человеком с Марса". Того, что случилось — не переиграешь. Чудеса могут происходить и с вами, если вы того очень захотите. Однако, если вы стремитесь к чему-то большему, чем эти второсортные чудеса, вам нужно войти в Круг. С теми, кто жаждет учиться, я увижусь позже. Карточки уже раздают».

Патти объяснила мне: «Вся эта толпа состоит преимущественно из простофиль, милый, которые приходят сюда либо поглазеть, либо по подсказке друзей, которые уже достигли одного из внутренних Кругов».

Джубал, Майк разбил свое шоу на десять циклов, подобно степеням, существующим в масонских ложах, и никому не говорит, сколько их осталось впереди, пока человек не созреет окончательно. «Это шоу Майка, и он ведет его с той же естественностью, с которой дышит, — говорила мне Пат. — Он прошупывает аудиторию и решает, кто из них годится для дальнейшего. Когда он таких выявит, то дает знак сидящему за решеткой Дьюку, давая ему знать, кто именно подходит, в каком ряду занимает место и так далее... Майк отделяет эту верхушку и избавляется от остальных, которые — балласт. Затем за тех, кто остался, примется Дон, которая получит от Дьюка план зала с его пометками».

— И как же они это проделывают?

— Я не видел, Джубал. Есть не меньше дюжины способов разделить стадо, если Майку известно, кто есть кто, и он может просигнализировать Дьюку. Патти уверяет, что Майк ясновидящий, — такую возможность я не исключаю. Потом начался сбор пожертвований. Даже это Майк обставляет не так, как обычно делается в церквях, — знаете, тихая музыка, почтенные служки... Он считает, что никто не поверит, что это действительно церковь, если не будет сбора пожертвований. Клянусь, они пустили по рядам корзины для сбора денег уже наполовину полными, и Майк сказал, что это деньги, собранные на предыдущем служении, поэтому все, кто голоден, или разорился, или просто нуждается — могут их брать. А если кто-то хочет внести свою лепту, пусть вносит. Делайте одно из двух — или кладите что-то в корзину, или берите из нее. Я так понял, что он практиковал еще один способ отделаться от слишком больших денег.

— Если эта уловка подана как надо, — задумчиво проговорил Джубал, — то она может дать недурные результаты. Большинство людей даст денег больше, чем собирались вначале, и лишь немногие возьмут, да и то чуть-чуть. Думаю — очень немногие.

— Не знаю, Джубал. Патти утатила меня, когда Майк передал ведение службы Дон. Она провела меня в «частную» аудиторию, где шло служение Седьмого Круга, то есть для тех, кто связан с церковью уже несколько месяцев и добился больших успехов. Если, конечно, это можно назвать успехами.

Джубал, переход из одной аудитории в другую был слишком внезапным, и я не успел адаптироваться. Если первое служение было наполовину лекцией, а наполовину зрелищем, то это скорее напоминало обряды воду*. Майк был одет в ризы. Он казался выше, аскетичнее и производил сильное впечатление — глаза его горели. Зал был притенен, звучала музыка, от которой бросало в дрожь и тем не менее так и подмывало пуститься в пляс. Мы с Патти сели на диван, больше похожий на

* Языческий культ, распространенный на некоторых островах Карибского моря.

кровать. Рассказать в деталях, что там происходило, я не могу. Майк что-то пел по-марсиански, они отвечали ему на том же языке, но время от времени затягивали: «Ты есть Бог! Ты есть Бог!» по-английски, за чем следовало какое-то марсианское слово, воспроизвести которое мое горло не в состоянии.

Джубал издал жуткое карканье.

— Вот такое?

— А? Кажется, да. Джубал, вы тоже на крючке? Вы что же, все время водили меня за нос?

— Нет. Ему меня научил Стинки... он говорит, что это отчаянная ересь. Разумеется, если принимать его веру за святую. Это слово Майк переводит так: «Ты есть Бог», но Махмуд уверяет, что перевод Майка очень неточен. Вселенная, объявляющая о своем самопознании... или о своем *рессавимус* *, но без малейшего признака раскаяния... или о десятке других вещей. Стинки говорит, что он не понимает этого слова даже по-марсиански... чувствует лишь, что оно неприличное, по его мнению — худшее из всех неприличных... и отражающее скорее сатанинский вызов, чем божественное благословение. Но, продолжим. Что там было еще, кроме кучки фанатиков, орущих по-марсиански?

— Знаете, Джубал, они вовсе не орали и совсем не были похожи на фанатиков. Временами их голоса опускались до шепота. Иногда поднимались октавой выше. Все это подчинялось ритму... мелодии, чем-то напоминавшей кантату... но при этом явно не было никакой отрепетированной сыгранности. Казалось, что все они — это единое существо, невнятным бормотанием пытающееся выразить свои чувства и мысли. Джубал, вы же видели, как взвинчивают себя фостериты...

— Отвратительное зрелище, доложу я вам.

— Верно. Но то, что было здесь, ничуть не напоминало их неистовство. Здесь было тихо и спокойно, как бывает в минуты, предшествующие погружению в сон. Нет, присутствовала, конечно, и напряженность, она даже нарастала, но... Джубал, вы когда-нибудь присутствовали на спиритическом сеансе?

* Признание вины (лат.).

— Бывал. Я стремился испытать все, что только можно, Бен.

— Тогда вам знакомо чувство растущего напряжения, хотя никто не двинет даже пальцем и не произнесит ни слова. То, что тут происходило, скорее было похоже на такой сеанс, нежели на молитвенное собрание секты или даже на обычное богослужение. Но в этом спокойствии не было слабости. Наоборот, в нем чувствовался заряд грозной силы.

— Значит, сюда подойдет термин «аполлонический».

— Что вы хотите сказать?

— В противоположность «дионисийскому». Люди склонны упрощенно трактовать «аполлонический», придавая ему значение «мягкий», «спокойный», «прохладный». Но «аполлонический» и «дионисийский» — две стороны одной медали. Монахиня, преклонившая колени в своей келье и застывшая в тихой молитве, может испытывать экстаз куда более сильный, чем жрица Пана-Приапа, празднующая весеннее равноденствие. Экстаз рождается мозгом, а не приседаниями и прыжками. — Джубал поморщился. — А другая ошибка заключается в том, что «аполлоничность» отождествляется с благом только потому, что наши самые респектабельные религии аполлоничны в своих ритуалах и заповедях. Всего лишь предрассудок. Продолжайте.

— Ну... то, что я там видел, отнюдь не походило на молитвенное бдение монахинь. Люди вставали, ходили, менялись местами, кое-где даже обнимались, хотя освещение плохо позволяло... Какая-то девушка подсела к нам, но Патти сделала ей знак... девушка поцеловала нас и отошла. — Бен усмехнулся. — Целовалась она, кстати, отменно. Я был единственным, на ком не было тоги. И по этой причине чувствовал себя белой вороной. Впрочем, девушке вроде было все равно.

Все выглядело как-то очень свободно... и в то же время скоординированно. Ну, как движения мышц балерины, что ли... Майк все время находился в движении: то поднимался на возвышение, то расхаживал между присутствующими; раз он даже пожал мне руку и поцеловал Патти, все это хотя и быстро, но не впопыхах. Почти все время молчал. Позади того места, где он стоял, казалось, управляя всем этим шоу, нахо-

дилась какая-то штуковина, похожая на «ящик» стереовизора. Он пользовался ею для «чудес», хотя слова «чудо» не употреблял, — во всяком случае по-английски. Джубал, любая церковь ведь обещает чудеса, но почти никогда их не показывает. Они как варенье у Алисы — его дают только «завтра» и никогда «сегодня».

— Исключения есть, — перебил его Джубал, — кое-кто чудеса все же творит. Среди многих могу назвать, например, «Христианскую Науку» и римско-католическую церковь.

— Римско-католическую? Вы имеете в виду Лурд?

— Я имею в виду чудо Пресуществления.

— Хм... не берусь судить о таком деликатном деле. Что же касается «Христианской Науки», если я сломаю ногу, то, пожалуй, лучше обращусь к костоправу.

— Тогда уж смотрите получше куда ставите ногу, — пробурчал Джубал, — а ко мне не вздумайте обращаться.

— И не подумаю, но и к последователям Уильяма Харви * не пойду.

— Доказано, что Харви действительно влиял на ход заживления переломов.

— Верно. Но вопрос в том — способны ли на это его последователи? Джубал, приведенные вами примеры, возможно, и являлись чудесами, но то, что предлагает Майк, впечатляет куда сильнее. Он или превосходный фокусник, или потрясающей силы гипнотизер...

— А может, и то и другое?

— ...или же он так перестроил схему стереовизора, что отличить изображение от реальности невозможно.

— Зачем же исключать существование подлинных чудес, Бен?

— Такая теория мне не по душе. Чем бы он там ни пользовался, все равно это было шикарное представление. Однажды, при ярком свете ламп там вдруг появился черногривый лев, такой же мощный, как тот, что охраняет вход в библиотеку, а вокруг него весело резвились юные ягнята. Лев же только моргал да позевывал. Ясное дело, такие эффекты вполне по плечу

* Один из основателей «Христианской Науки».

Голливуду... но я чувствовал запах льва. Впрочем, его тоже можно подделать.

— Зачем же все время настаивать на подлоге?

— Черт возьми, я просто хочу остаться беспристрастным!

— Тогда не ставьте телегу впереди лошади. Попробуйте поучиться у Анни.

— Я не Анни. И когда смотрел — не был беспристрастным, а просто наслаждался представлением. Можно сказать, был им ослеплен. Майк показал несколько умопомрачительных фокусов. Левитация и прочее в том же духе. Патти к концу представления ушла, шепнув мне, чтобы я оставался. «Майк, — сказала она, — велел всем, которые не чувствуют себя готовыми к следующему Кругу, уйти». Я сказал, что тогда и мне, пожалуй, самое время уходить, на что она возразила: «Нет, нет, милый! Ты ведь принадлежишь к Девятому Кругу! Сиди. Я скоро вернусь». И ушла. По-моему, никто из комнаты не ушел. Эта группа Седьмого Круга у них считалась «продвинутой»... Я даже не заметил, как снова вспыхнул яркий свет... и тут увидел Джилл.

Джубал, вот это уж ничуть не походило на стереовидение! Джилл заметила меня и улыбнулась. Конечно, когда актер смотрит прямо в объектив камеры, его глаза обязательно встречаются с вашими, где бы вы ни сидели. Но Майк, видимо, так усовершенствовал этот прием, что его надо немедленно запатентовать. Джилл была одета во что-то совсем фантастическое. Майк начал нараспев скандировать... частично на английском... что-то такое о Матери Всего Сущего, о единстве множеств и при этом называл Джилл разными именами... и с каждым новым именем наряд ее менялся...

Бен Какстон насторожился сразу же, как только увидел Джилл. Его не обманули ни свет, ни расстояние. Это была Джилл! Она увидела его и улыбнулась. Он краем уха прислушался к литании, одновременно пытаюсь примирить свою уверенность, что за спиной Майка находится просто большой стереовизор, с увереннос-

тью, что если подняться по ступенькам, то Джилл можно будет даже ущипнуть.

Он чуть было не поступил так, как хотелось, но это была бы слишком подлая шутка, которая могла бы погубить представление Майка. Придется потерпеть, пока Джилл освободиться...

— *Кибела!*

Одежда Джилл внезапно стала совершенно другой.

— *Изуга!*

...то же самое.

— *Фригт!.. Гея!.. Деви!.. Иштар!.. Мариам!.. Праматерь Ева!.. Mater Deum Magna *... Любящая и Возлюбленная!.. Жизнь Вечная!*

Больше Какстон ничего не слышал. Джилл была Праматерью Евой, одетой в одно лишь сияние. Свет разгорелся, и Какстон увидел, что она находится в райском саду, а рядом растет дерево, вокруг которого обвивается огромный змей.

Джилл улыбнулась, протянула руку, погладила змеиную голову, затем повернулась к зрителям и широко распахнула объятия.

Все двинулись ко входу в Рай. Вернулась Патти и тронула Какстона за плечо.

— Бен, пойдем, милый.

Какстону совсем не хотелось уходить, напротив, ему хотелось остаться и утолить жажду светлым видением Джилл... ему не терпелось присоединиться к процессии входящих в Рай. И все же он встал и вышел. По дороге оглянулся и увидел, что Майк обнимает женщину, возглавлявшую процессию верующих... Тут Бен снова повернулся к Патриции и поэтому пропустил, как с поцелуем Майка одежда женщины исчезла, не видел, как Джилл целовала первого мужчину, и одежда у того тоже исчезла.

— Мы пройдем здесь, — объяснила ему Патти, — чтобы дать им время добраться до храма. Конечно, мы

* К и б е л а (Малая Азия, Греция, Рим) — великая мать богов, богиня плодородия; И з и д а (Египет) — сестра и жена Озириса; Иштар (Ассирия-Вавилония) — богиня плодородия, любви, войны; Фригт (Скандинавия) — жена Одина, Деви (Индия) — жена Шивы; Гея (Греция) — богиня Земли; Mater Deum Magna — Богородица (лат.).

могли пойти с ними, но зачем мешать Майку, ведь ему пришлось бы снова входить в образ... а он и без того работает безумно много.

— А куда мы идем?

— Забрать Хони Буна. А потом снова в Гнездо. Если, конечно, ты не захочешь принять участие в посвящении. Впрочем, ты пока не знаешь марсианского, и тебе там будет скучно.

— Но... мне бы хотелось повидаться с Джилл.

— О, она велела передать тебе, что забежит наверх и там встретит тебя. Вот сюда, Бен.

Открылась дверь, и Бен увидел, что находится в том самом саду. Когда они вошли, змея подняла голову.

— Ну, ну, деточка, — ворковала Патриция, — иди, иди к своей мамочке! — Она помогла боа-констриктору развернуться и заползти в корзину. — Дьюк принес ее сюда, а мне пришлось сходить и обвить Хони Буна вокруг дерева, а главное, велеть ему не двигаться с места. Тебе повезло, Бен. Перевод в Восьмой Круг бывает очень редко.

Бен нес корзину с Хони Буном и пришел к заключению, что четырнадцатифутовая змея весит совсем немало. Когда они добрались до верхнего этажа, Патриция остановилась.

— Поставь ее на пол, Бен. — Патриция сняла свою тогу, вручила ее Бену и обмотала змею вокруг тела. — Это награда Хони Буну за то, что он вел себя примерно. Для него пообниматься со мной — большая радость. Почти сразу же мне надо бежать в свой класс, поэтому я поношу его на себе до самой последней минуты. Разочаровывать змей не стоит — это нехорошо, они ведь как дети — грохк не во всей полноте.

Они прошли яров пятьдесят до входа в собственно Гнездо. Бен помог Патриции снять сандалии и чулки; свои собственные ботинки он снял раньше. Они вошли внутрь помещения, и Патти подождала, пока Бен раздевался до шорт, одновременно уговаривая себя снять их тоже. К этому времени Бен уже полностью понимал, что носить одежду внутри Гнезда не полагается (а, может, даже неприлично), как не полагается носить сапоги с подковами в танцзале. Надпись на входной двери, отсутствие окон, покой Гнезда, чем-то напоми-

нающий покой материнского чрева, полное отсутствие одежды на Пат плюс тот факт, что она предложила ему тоже раздеться, — все это говорило о том, что дома процветал семейный нудизм.

Наготу Патриции он в расчет не принял, сочтя, что у татуированной леди могут быть весьма странные пред-
рассудки в отношении одежды, но, войдя в гостиную, они столкнулись с мужчиной, шедшим в направлении
ванных комнат и «малых Гнезд», одетым еще легче Патриции, — ему явно не хватало ее змеи и татуиров-
ки. Мужчина приветствовал их словами «Ты есть Бог» и пошел дальше. Было в гостинной и еще одно доказа-
тельство — женское обнаженное тело, возлежавшее на диване.

Какстон знал, что во многих семьях нагота поощря-
ется (а ведь это и была семья — братья по воде), и все же никак не мог, хотя бы во имя обыкновенной вежли-
вости, распроститься со своим символическим фиго-
вым листком. Ему к тому же мешала уверенность, что
стоит ему раздеться, как в комнату войдут чужие, но
одетые люди, и тогда он почувствует себя круглым
дураком. Господи, а вдруг он, чего доброго, покраснеет?

— А как бы вы поступили на моем месте, Джубал?
Харшоу высоко задрал брови.

— Вы что же думаете, Бен, меня можно шокиро-
вать? Вид человеческого тела часто доставляет наслаж-
дение, нередко вызывает грусть, но никогда не имеет
значения *per se* *. Майк в своей семье практикует
нудизм. Ну и что? Я должен вопить от восторга? Ры-
дать?

— Будьте вы неладны, Джубал! Вам-то легко изо-
бражать из себя олимпийца! Но мне что-то не приходи-
лось видеть вас в обществе без штанов!

— И не увидите. Однако я *грокк*, что ваше поведе-
ние мотивировалось вовсе не стыдливостью: вы страдали
от смертельного страха показаться смешным — есть
такой невроз с длинным псевдогреческим названием.

* Само по себе.

— Чушь! Просто я не знал, какое из моих действий тут могут счесть невежливым!

— Сами вы чушь несете, сэр! Вы прекрасно знали, что вежливо, а что — нет! Просто боялись показаться дураком... а еще вернее, опасались естественного чисто мужского рефлекса... Но я *грокк*, что у Майка были причины для введения такого порядка, — у Майка всегда есть веские причины.

— О да, мне потом Джилл объяснила.

Бен стоял в прихожей, оборотясь к гостиной спиной и придерживая шорты обеими руками. Он убеждал себя, что пришло время очертя голову броситься в холодную воду, когда чьи-то руки обхватили его талию.

— Бен! Дорогой! Какая радость!

А затем Джилл оказалась в его объятиях, ее теплые жадные губы прильнули к его губам... это заставило его порадоваться, что на полный стриптиз он так и не решился.

Джилл уже не была Праматерью Евой, на ней была обычная тога жрицы. Тем не менее Бен был счастлив, ощутив в своих объятиях теплое трепещущее тело девушки.

— Ух ты! — воскликнула она, с трудом отрываясь от его губ. — Как же мне не хватало тебя, чудо ты такое! Ты есть Бог!

— Ты есть Бог! — отозвался он. — Джилл, а ты стала еще красивее, чем раньше!

— Так оно и есть, — согласилась она, — ты попал в самую точку! А я чуть не завизжала, когда увидела тебя во время финала.

— Финала?

— Джилл имеет в виду, — вмешалась Патриция, — конец служения, где она и Мать Всего Сущего, и *Mater Deum Magna*. Ребятки, я побежала!

— Никогда не спеши, Патти.

— Я должна бежать, но я не спешу. Бен, мне надо уложить Хони Буна в постельку, сойти вниз и провести урок. Так что поцелуй меня и пожелай мне спокойной ночи. Хорошо?

Бену не оставалось ничего другого, как поцеловать женщину, «одетую» в гигантскую змею. Последнюю он попытался проигнорировать, а с Патти обошелся так, как она того заслуживала.

Пат расцеловалась с Джилл.

— Спокойной ночи, милые! — И не торопясь ушла.

— Бен, ну разве она не прелесть?

— Прелесть, но сначала она меня озадачила.

— Я *грокк*. Патти потрясает всех — это потому, что она никогда ни в чем не сомневается. У нее все автоматически получается правильно. В этом отношении — она как Майк. Продвинулась Патти дальше нас всех, ей бы давно быть верховной жрицей, но она не хочет, так как татуировка мешает выполнению некоторых обязанностей, например, может отвлечь внимание зрителей. Снять же татуировку она решительно отказывается.

— А как можно снять татуировку? Шкерочным ножом? Это ее убьет.

— Да нет же, милый, Майк может снять ее без следа и без всяких неприятных ощущений. Однако Патриция считает, что татуировка ей не принадлежит и что она лишь ее хранительница. Пойдем сядем. Сейчас Дон принесет обед. Я должна поесть, пока буду с тобой, иначе мне не представится случай проглотить даже крошку до завтрашнего утра. Ну скажи, что ты думаешь о наших делах? Дон говорит, что видела тебя на служении для непосвященных.

— Да.

— Ну и...

— Майк, — подбирая слова начал Бен, — мог бы даже змее всучить туфли...

— Бен, я *грокк* — тебя что-то беспокоит.

— Нет, — отозвался он, — я не могу назвать ничего определенного.

— Я задам тебе тот же вопрос через недельку или две. Не торопись.

— Через неделю меня тут уже не будет.

— Нужно писать твои колонки?

— Целых три. Но даже не будь их, я все равно столько пробыть не смог бы.

— А я думаю, сможешь... Колонки продиктуешь по телефону... пожалуй и о нашей церкви что-нибудь напишешь... И как раз подойдет время, когда ты *грокк*, что стоит остаться тут подольше.

— Не думаю.

— Требуется ожидание, чтобы *грокк* во всей полноте. Ты уже понял, что это не церковь?

— Что-то в этом роде мне сказала Патти.

— Тогда скажем так — это не религия. Это церковь в юридическом и нравственном смысле. Но мы не пытаемся вести людей к Богу. Тут, конечно, кроется противоречие, которое по-марсиански даже не выразишь. Мы не пытаемся спасать души, ибо души не могут погибнуть. Мы не пробуем пробуждать в людях веру, ибо то, что мы им предлагаем, — не вера, а истина. Истина, которую можно проверить. Это истина, пригодная для данного места и данного времени, истина простая, как гладильная доска, истина насущная, как хлеб, и столь практичная, что может сделать войну и голод, насилие и ненависть такими же ненужными, как... одежду в Гнезде. Но сначала нужно научиться марсианскому. Вот тут-то мы и сталкиваемся с главной проблемой — надо найти людей достаточно честных, чтобы поверить своим глазам, способных работать упорно, — это действительно трудно, — чтобы выучить язык, на котором эта истина может быть преподана. Ее нельзя высказать по-английски, точно так же, как словами нельзя изложить Пятую симфонию Бетховена. — Она улыбнулась. — Но Майк не спешит. Он проверяет тысячи людей... Отбирает очень немногих... и они, как капли, просачиваются в Гнездо, где он обучает их дальше. Когда-нибудь Майк обучит нас в такой мере, что мы сможем основать собственные гнезда, а затем... это будет как снежный ком. Только не надо торопиться. Пока мы все еще недостаточно подготовлены. Верно, дорогая?

При последних словах Джилл Бен поднял глаза и опешил, увидев склонившуюся над ним женщину с тарелкой в руках. Он узнал в ней другую жрицу — Дон... Да, кажется, ее зовут именно так. Его изумление ничуть не стало меньше оттого, что она была одета точно как Пат минус татуировка.

Дон улыбнулась.

— Вот твой ужин, брат Бен. Ты есть Бог.

— Э-э-э... Ты есть Бог. Спасибо.

Она поцеловала его, принесла тарелки для себя и Джилл, села справа от Бена и начала есть. Бен огорчился — она села так, что ему было неудобно рассматривать ее; посмотреть же было на что — все атрибуты, делающие из женщины богиню, имелись в изобилии.

— Да, — ответила Дон на последние слова Джилл, — пока еще не готовы, но ожидание даст нужный результат.

— Вот тебе пример, Бен, — продолжала Джилл, — мне пришлось сделать перерыв, чтобы поесть. А Майк не ел с позавчерашнего дня... и не станет есть, пока не выполнит всю работу. Потом-то он наестся впрок, как крокодил, чтобы зарядить себя энергией на долгое время. Кроме того, бывает, что мы с Дон все же устаем, разве не так, милочка?

— Ну конечно. Но сейчас я не устала, Джиллиан. Давай я пойду на служение, а ты побуждешь тут с Беном. Дай мне тогу.

— В твоей головке все перепуталось, дорогая. Бен, она на ногах почти столько же времени, как сам Майк. Мы ведь тоже можем работать очень долго, но нам нужно есть, когда проголодаемся, а иногда необходимо и вздремнуть немножко. Что касается тоги, Дон, то в Седьмом Храме это была последняя, надо сказать Пати, чтобы она заказала гросс *.

— Она уже заказала.

— Я могла бы догадаться. А эта мне тесновата. — Джилл сделала несколько движений торсом, повергших Бена в полное смятение. — Уж не толстеем ли мы?

— Чуть-чуть.

— Ну и хорошо, а то совсем отощали. Бен, ты заметил, что у нас с Дон одинаковые фигуры? Рост, грудь, талия, бедра, вес — абсолютно все, не говоря уж о цвете волос. Мы были уже похожи, когда встретились, а затем, с помощью Майка, превратились почти в близнецов. Даже лица стали похожими, но это пото-

* Двенадцать дюжин.

му, что одинаково думаем и заняты одним делом. Встань, дорогая, и пусть Бен сравнит нас.

Дон отставила тарелку и, выполняя желание Джилл, приняла позу, которая мгновенно сделала ее неотличимой от Джилл, даже если забыть о внешнем сходстве фигур. Бен вспомнил — именно в этой позе стояла Джилл, изображая Праматерь Еву.

— Видишь, Бен, — говорила Джилл с набитым ртом, — ну совсем как я.

— Разница, хоть на волосок, да есть, — улыбнулась Дон.

— Фу! Я почти жалею, что у нас никогда не будут одинаковые лица. В нашем сходстве, Бен, есть одно важное преимущество — нам нужны две верховные жрицы, чтобы поспевать за Майком. Кроме того, — добавила она, — Дон покупает платья, которые годятся обеим, что избавляет меня от необходимости бегать по магазинам.

— Мне кажется, — задумчиво проговорил Бен, — вам не так уж часто приходится носить платья... если исключить тоги...

— А в чем же, по-твоему, мы танцуем? — очень удивилась Джилл. — Танцы — наше любимое занятие, оно не позволяет нам впадать в спячку. Садись и заканчивай свой ужин, Дон. Бен уже достаточно насмотрелся на нас. Бен, в этой переходной труппе есть потрясающий танцор, а город буквально кишит ночными клубами. Мы с Дон таскали беднягу по ночам до тех пор, пока он не стал засыпать прямо на уроках языка, и нам пришлось помогать ему. Впрочем, с ним все будет хорошо: если ты достиг Восьмого Круга, можешь обходиться почти без сна. А почему ты, милый, думаешь, что мы никогда не одеваемся?

— Э-э-э... — И Бен поделился своими трудностями.

У Джилл глаза полезли на лоб, она захихикала, но тут же оборвала смех.

— Понятно. Дорогой, я сейчас в тоге только потому, что нет времени переодеваться, надо поесть да бежать. Если б я *грокк*, что тебя беспокоят такие мелочи, я бы сбросила ее раньше, чем сказала тебе «Хелло!» Мы так привыкли ходить одетыми или раздетыми, в зависимости от служебных обязанностей, что я не подумала,

будто кто-то сможет счесть это невежливым по отношению к гостю. Милый, можешь носить эти шорты, можешь не носить — все зависит от твоего желания.

— Э-э-э...

— Только не надо нервничать. — Джилл улыбнулась, и на щеках у нее появились ямочки. — Это напоминает мне тот случай, когда Майк впервые попал на общественный пляж. Помнишь, Дон?

— Разве такое забудешь?!

— Бен, ты же знаешь Майка. Мне его надо было обучить почти всему. Он никак не мог понять смысла одежды до тех пор, пока не *грокк*, к своему великому удивлению, что мы полностью зависим от изменений погоды. Стыд за собственное тело — не марсианское понятие, его там просто нет. Майк стал *грокк* одежду как украшение, только когда мы начали экспериментировать с костюмами, репетируя наши представления.

Хотя Майк всегда делал то, что я ему говорила, неважно, *грокк* он меня или не *грокк*, ты даже представить не можешь, какое огромное количество разных мелочей нужно знать людям, чтобы вести себя как люди. Нам самим, чтобы постичь всевозможные правила поведения, требуется не меньше двадцати лет. Майку же пришлось осваивать все это, можно сказать, за один вечер. Конечно, кое-какие пробелы остались у него и сейчас. Он совершает поступки, зачастую даже не подозревая, что люди себя так не ведут. Все мы учим его, — кроме Патти, которая убеждена, будто все, что ни делает Майк, — превосходно. Одежду он не вполне *грокк* и сейчас. Он *грокк*, что это скверна, которая разделяет людей, мешает любви и не дает им сблизиться. Только недавно он *грокк*, что этот барьер все же нужен при общении с чужими. Майк долго надевал одежду вообще только тогда, когда я говорила ему, что это необходимо.

И вот как-то раз я забыла напомнить ему об этом.

Мы тогда были в Баха-Калифорнии. Именно там мы встретились, вернее сказать, вторично встретились с Дон. Мы с Майком вечером поселились в номере прибрежного отеля, и он так торопился *грокк* океан, что на следующее утро, не дождавшись, пока я встану, отпра-

вился на пляж, чтобы впервые встретиться один на один с морем.

Бедный Майк! Он явился на пляж, сбросил халат и пошел к воде... Прекрасный, как греческий бог и как тот, не имеющий представления о правилах приличий, принятых в обществе... Вот тут-то и вспыхнул скандал, шум которого разбудил меня и заставил прибежать на пляж как раз вовремя, чтобы спасти Майка от тюрьмы.

Внезапно взгляд Джилл затуманился.

— Он меня зовет. Поцелуй меня, Бен, и пожелай спокойной ночи. Увидимся утром.

— Уходишь на всю ночь?

— Вероятно. Это очень большой переходный класс. — Она встала, протянула ему руку и вдруг оказалась в его объятиях. Потом шепнула: — Бен, милый, а ведь ты опять брал у кого-то уроки. Ну и дела!

— Я? Да ты что! Я верен тебе... конечно, на свой лад.

— Вероятно, так же, как я тебе. Впрочем, претензий у меня нет. Мне просто подумалось, что Доркас тебе в постижении искусства поцелуев явно помогла.

— Разве что совсем немножко. Не слишком ли ты любознательна?

— Класс подождет, пока ты поцелуешь меня еще разок. А я попробую подражать Доркас.

— Лучше уж будь сама собою.

— В конечном счете так оно и выйдет. Я всегда остаюсь сама собой. Майк уверяет, что Доркас целуется вдумчиво — «грокк поцелуй больше», чем кто бы то ни было.

— Ладно, хватит болтать-то.

Она замолчала и печально вздохнула:

— О, мой переходный класс, я иду к тебе, доведенная до того, что, наверное, свечусь в темноте, как раскаленный уголь. Позаботься о нем, Дон.

— Обязательно.

— Поцелуй его сейчас же, и ты поймешь, каково мне приходится.

— Так я и сделаю.

— Бен, будь хорошим мальчиком и слушайся Дон. —
Она вышла не торопясь, но бегом.

Дон придвинулась вплотную и раскрыла объятия.

Джубал приподнял бровь.

— Уж не собираетесь ли вы сказать мне, что в этот момент вы опять сдрейфили?

— А у меня не было выбора... я... гм... «примирился с неизбежным»...

Джубал кивнул.

— Вы попали в ловушку. Самое лучшее, что может сделать в подобных ситуациях даже стопроцентный мужчина — это пойти на почетную мировую.

Глава 32

— Джубал, — серьезно продолжал Какстон, — я бы не обмолвился о Дон ни единым словом, да и вообще ни о чем из случившегося не говорил бы, если бы не считал своим долгом рассказать вам о причинах своей тревоги... за них за всех — за Дьюка, Майка, Дон, Джилл и других жертв Майка. Майк их заморозил. Сила его новой личности просто подавляет. Он решителен, чем-то похож на лихого удачливого коммивояжера и дьявольски привлекателен. Дон тоже умеет быть убедительной — к утру она меня совершенно околдовала и внушила, что все у них в порядке, — очень странно, весело и уютно.

Бен Какстон проснулся и никак не мог понять, где он находится. Было темно, лежал он на чем-то мягком. Но не на кровати...

Внезапно в памяти ожили подробности минувшей ночи. Последнее, что он помнил ясно, — это как лежал на мягком полу Сокровенного Храма и тихо, полупонамеками беседовал с Дон. Она привела его сюда,

здесь они совершили омовение, поплавали, разделили воду и сблизились...

В тревоге он начал шарить вокруг, но ничего не обрел.

— Дон!!!

Стало чуть светлее, как будто настали сумерки.

— Я здесь, Бен.

— Ох, а я подумал, ты ушла.

— Не хотелось тебя будить. — На Дон, к его разочарованию, уже красовалась профессиональная тога. — Я должна идти на утреннее служение для непосвященных. Джилл еще не вернулась. У нее, как ты слышал, очень большой класс.

Ее слова всколыхнули в памяти то, о чем она говорила прошлым вечером, — то, что так растревожило его, несмотря на ее мягкий и спокойный тон... и то, как она убеждала его, пока он не стал соглашаться с ней почти против своей воли. Он еще не *грокк* всего, но... да, Джилл занята обрядом в качестве старшей жрицы — это ее работа, ее радость, ее долг, который Дон предлагала переложить на себя. Бен подумал, что ему следовало бы пожалеть об отказе Джилл...

Странно, но ему ни чуточки не было жаль.

— Дон, неужели тебе пора идти?.. — Он вскочил и крепко обнял ее.

— Надо, Бен, милый... милый Бен. — Она, казалось, таяла в его объятиях, прижимаясь к нему всем телом.

— И именно сейчас?

— Нет, в мире не существует ничего, ради чего следует спешить, — сказала она тихо. Разделявшая их тога пропала. Бен был слишком увлечен, чтобы поинтересоваться, куда она делась.

Во второй раз он проснулся и понял, что «малые Гнезда» освещаются, когда встаешь.

Бен потянулся, обнаружил, что чувствует себя восхитительно и стал взглядом искать свои шорты. Пытался вспомнить, где он их оставил, но не смог припомнить даже обстоятельств, при которых он их снял. Точно — в воде их на нем не было. Значит, они возле бассейна. Он вышел и попал в ванную.

Несколько минут спустя, побрившись и приняв душ, бодрый и свежий, он заглянул в Сокровенный Храм, шорты там не нашел, решил, что, должно быть, отнес их в прихожую, где все хранили одежду для выхода на улицу, сказал «черт с ними» и посмеялся над собой из-за того, что сделал проблему из такой мелочи. Нужны они ему тут в Гнезде... как собаке пятая нога!

Бен не чувствовал даже признака похмелья, хотя они с Дон выпили прилично. На Дон алкоголь, видимо, совсем не действовал, а потому он, надо думать, немного перебрал. Дон!.. Ну и девочка! Она, казалось, даже не рассердилась, когда в самый эмоциональный момент он назвал ее «Джилл»... пожалуй, ей было даже приятно.

В большой комнате Бен никого не нашел, и ему захотелось узнать, который час. В общем-то ему было наплевать на время, а вот есть хотелось и даже очень. Он отправился в кухню поглядеть, не найдется ли там чего-нибудь съестного. В кухне уже был какой-то мужчина.

— Бен!

— Ну и ну! Привет, Дьюк!

Дьюк заключил его в свои медвежьи объятия.

— Бог ты мой, как приятно тебя видеть! Ты есть Бог! Как тебе приготовить яйца?

— Ты есть Бог! А ты тут кухарничаешь?

— Только, если не смогу отвертеться. Мы готовим по очереди. Даже Майк и тот дежурит, разве что Тони удастся его удержать, — в мире нет хуже повара, чем Майк. — Дьюк продолжал разбивать яйца.

Бен подошел к плите.

— Ты займись кофе и тостами. А вустерский соус у вас есть?

— У Пат есть все, что захочешь. Вот он. — Дьюк добавил: — Я к тебе недавно заглянул, но ты здорово храпел. Так получилось, что либо я был занят, либо — ты, и так с самого твоего приезда.

— Что ты тут делаешь, Дьюк?

— Ну, я тут диакон. Буду когда-нибудь и священником. Продвигаюсь, конечно, медленно, да ведь дело не в том. Учю марсианский, как и все. А кроме того, мастер на все руки, вроде как у Джубала.

— Чтоб держать такую махину в порядке, должно быть, нужна целая бригада!

— Бен, ты удивишься, когда узнаешь, как мало с этим забот. Видел бы ты, как Майк обходится с засорившимся туалетом! Так что забот с канализацией у меня нет. Остальные девять десятых техники вот тут в кухне, и ее куда меньше, чем у Джубала.

— А я полагал, что самая сложная аппаратура находится в храмах.

— Да нет — только контроль освещения, вот и все. А вообще-то, — тут Дьюк усмехнулся, — по моей главной работе мне делать практически нечего. Дело в том, что я тут еще и брандмайор.

— Чего?

— Я заместитель начальника пожарной охраны — специально обученный и все такое, а кроме того, — инспектор санитарии и техники безопасности. Мы ведь сюда посторонних не пускаем, чтоб они тут шлялись. Посторонние допускаются лишь на служения для новичков, их никуда больше не пустят без специальной проверки Майком.

Они положили еду на тарелки и сели. Дьюк спросил:

— Ты поживешь у нас, Бен?

— Не могу, Дьюк.

— Вот как? Я тоже приехал сюда только на побывку. Потом уехал и еще месяц вкалывал дома, пока не объявил Джубалу, что ухожу. Так что не бойся, вернешься как миленький. Вообще, ничего не решай, пока не увидишь церемонии «Разделения Воды», которая состоится сегодня вечером.

— «Разделения Воды»?

— Разве Дон тебе не рассказала?

— Хм... кажется, нет.

— Конечно, лучше, если бы это дело тебе объяснил сам Майк. А в общем все равно, ведь наши только об этом и будут говорить весь день. Разделение воды ты грокк. Ведь ты же один из Первопризванных.

— Первопризванных? Дон тоже вроде пользовалась этим выражением.

— Это те, кто стал братьями Майка по воде, еще не изучив марсианского. Прочие обычно не разделяют воду и не растут ближе, пока не доползут до Восьмого

Круга... к этому времени они уже начинают думать по-марсиански... Черт! Многие из них знают марсианский куда лучше меня! Не запрещено — тут ведь ничего не запрещается — разделять воду с теми, кто не достиг Восьмого Круга... Черт возьми, я мог бы даже подхватить какую-нибудь девку в баре, разделить с ней воду, затащить в койку, потом привести в храм... Но я такого никогда не сделаю! Вот где зарыта собака! Мне это и в голову не придет. Бен, хочешь, я сейчас задарма предскажу тебе кое-что? Тебе, должно быть, приходилось бывать в койках с самыми-рассамыми сексуально озабоченными бабами?

— Ну... ну приходилось.

— Я без тебя знаю, что приходилось. Так вот, теперь ты никогда больше не полезешь ни к кому, кто тебе не брат по воде.

— Хм...

— Ладно, посмотрим, что ты скажешь мне этак через годик. Так вот, Майк — единственный, кто может решить, что кто-то из даже еще не дошедших до Седьмого Круга достаточно созрел, чтобы войти в Гнездо. Одной семейной паре Майк предложил воду, когда они только вступили в Третий Круг. Теперь муж уже священник, а она — жрица... Сэм и Рут...

— Не встречал.

— Еще успеешь встретиться. Только из нас всех один Майк может судить о людях так быстро и верно. Изредка Дон и Патти замечают кого-то... но только среди тех, кто уже далеко ушел от Третьего Круга, и к тому же они всегда сначала советуются с Майком, хотя им вовсе не обязательно так поступать. Во всяком случае разделение воды и сближение практикуется, как правило, лишь в Восьмом Круге. Потом уж идет Девятый Круг и вступление в Гнездо. Под обрядом «Разделения Воды» мы понимаем служение в честь этого посвящения, хотя разделять воду мы можем хоть каждый день. Собирается все Гнездо, и новый брат на веки вечные становится частью Гнезда. Что касается тебя, то ты давно его член... Но поскольку по этому поводу служения не было, сегодня все дела откладываются в сторону, чтобы приветствовать тебя. То же

самое было и со мной. Бен, никогда в жизни я не испытывал ничего подобного!

— И все же пока я так и не понял, что это за штука.

— Там много чего... Ты когда-нибудь был на настоящем луау* — из тех, на которые полиция совершает рейды, после чего обычно следует серия скандальных разводов?

— Ну... бывал...

— Тогда, дружище, ты видел всего лишь пикничок учеников воскресной школы... Это один аспект... Теперь второй — ты когда-нибудь был женат?

— Нет.

— Теперь ты уже женат! И после сегодняшнего вечера никаких сомнений в этом у тебя не останется! — У Дьюка на лице появилось задумчиво-счастливое выражение. — Бен, я-то в свое время был женат... Сначала все было ладно, пока внезапно не превратилось в чертово пекло. А сейчас я постоянно чувствую себя прямо-таки на вершине блаженства... Больше того, я в полном отпаде... и говорю я не о том вовсе, что тут можно одновременно крутить с целым букетом обаяшек... Я люблю их — всех моих братьев обоих полов. Возьми, к примеру, Патти — она для нас как мать. Ведь нет такого возраста, когда бы человек не нуждался в матери... Иногда она напоминает мне Джубала... этому старому мошеннику давно пора бы явиться сюда и услышать Слово. Я хочу сказать, тут дело вовсе не в том, что Патти женщина... Ох! Что-то я запутался — вроде собаки, что гоняется за собственным хвостом.

— Кто это тут гоняется за своим хвостом? — прервало его чье-то низкое контральто.

— Ну уж никак не я, — резко повернулся Дьюк, — ах ты, шустрая левантийская блудница! Иди сюда, девочка, и поцелуй своего брата Бена.

— В жизни за это не брала денег, — отклонила комплимент женщина и, плавно покачивая бедрами, подошла к ним. — Начала давать еще когда не знала, что за это платят. — Она расцеловала Бена крепко и со вкусом. — Ты есть Бог, брат!

— Ты есть Бог. Разделим воду.

* Гавайский обряд.

— Да не испытываешь ты жажды! Не обращай внимания на Дьюка. По его поведению можно подумать, что он законченный алкоголик.

Она наградила Дьюка еще более продолжительным поцелуем, во время которого он ласково поглаживал ее весьма пышный фундамент. Это была невысокая полная смуглая брюнетка с волосами, отдающими в синеву, их пышная грива спускалась до талии.

— Дьюк, ты, когда встал, не видел где-нибудь «Ледиз Хоум Джорнел»? — Она отобрала у него вилку и начала есть омлет из его тарелки. — Ммм... как вкусно! Только готовил это не ты, Дьюк.

— Конечно, не я, а Бен. А на что мне «Ледиз Хоум Джорнел»?

— Бен, взбей мне еще парочку дюжин яиц про запас. Я буду жарить их порциями. Там есть статья, которую я хочу показать Патти, милый.

— О'кей, — согласился Бен.

— Только не вздумай ничего менять в нашем заведении! Мне-то оставь немножко! Ты что — думаешь, мужчина может работать на одной маисовой кашнице?

— Ну, ну, Дьюк, милый! Разделенная вода — есть вода приумноженная. Бен, не обращай внимания на жалобы Дьюка, — если ему дать женщин в количестве, достаточном для двух мужчин, а еды — для троих, то он будет кроток, как пасхальный ягненок. — Она принялась кормить Дьюка из своих рук. — И не корчи рожи, братец! Так и быть, я тебе приготовлю второй завтрак. Или это будет уже третий?

— Этот даже и за первый не сойдет. Все ты слопала... Рут, я тут рассказывал Бену, как вы с Сэмом прямо из Третьего Круга махнули в Девятый. Бен чего-то нервничает из-за сегодняшнего праздника Разделения Воды.

Рут подцепила последний кусочек с тарелки Дьюка, поднялась и начала готовиться к стряпне.

— Дьюк, я тебе пришлю что-нибудь получше каши. Возьми кофе и дуй отсюда. Бен, я тоже волновалась, но тебе это ни к чему, милый. Майк никогда не ошибается. Ты — наш, иначе тебя бы тут не было. Собираешься остаться здесь?

— Хм... не могу. Ну как, ты готова принять первую порцию?

— Наливай. Ты вернешься к нам... Когда-нибудь ты обязательно вернешься и останешься навсегда. Дьюк прав — нас с Сэмом вознесли наверх слишком быстро для пожилой чопорной обыкновенной домашней хозяйки.

— Пожилой?

— Бен, одна из наград, которую несет в себе Учение, заключается о том, что, оздоравливая душу, ты оздоравливаешь и тело. Тут «Христианская Наука» совершенно права. Ты заметил пузырьки с лекарствами в ванной комнате?

— Нет.

— Это потому, что их там нет. Сколько народу целовало тебя?

— Несколько.

— Как жрица, я целую больше, чем нескольких, но в Гнезде ты никогда не услышишь, чтобы кто-нибудь чихал. Я когда-то была занудливой бабой, которая всегда чувствовала себя плохо и страдала от женских недугов. — Она усмехнулась. — Сейчас я более чем когда-либо женщина, но вешу на двадцать фунтов меньше, выгляжу на несколько лет моложе, и мне не на что жаловаться, мне нравится быть женщиной. Дьюк польстил мне, назвав «шустрой левантийской блудницей»; я бесспорно «шустрая» — сижу в позе лотоса на занятиях, в то время как раньше мне и наклоны делать было трудно. Все произошло чересчур быстро, — продолжала Рут. — Сэм был профессором восточной лингвистики, сюда он начал ходить потому, что только здесь можно было изучить марсианский. Интерес был чисто профессиональный, церковь ему была ни к чему. Я ходила с ним, чтобы глаз с него не спускать. Я была ревнива, а собственнический инстинкт у меня был развит что надо.

Вот так мы и доползли до Третьего Круга. Сэм быстро продвигался в языке, а я мрачно грызла науку, так как ни за что не хотела выпускать его из поля зрения. И вдруг — бах! Случилось чудо! Мы начали понемногу думать по-марсиански. Майк почувствовал это и однажды вечером задержал нас после служения. Потом Майк с Джилл предложили нам воду. После

этого я поняла, что именно я воплощаю в себе все то, что так отвратительно мне в других женщинах, что я презираю мужа, так как он позволил мне пасть столь низко, и ненавижу за всю причиненную мне боль. Все эти мысли приходили ко мне обрывками на английском, а самое плохое — на иврите... Я рыдала, вопила, превратилась в жернов на шее у Сэма... и не могла дождаться той минуты, когда мы снова сможем разделить воду и стать ближе...

После этого дела пошли лучше, но все же нам здорово доставалось, так как нас почему-то стремительно протаскивали из одного Круга в другой. Майк видел, что нам нужна помощь, и хотел, чтобы мы как можно скорее оказались под защитой Гнезда. Когда для нас подошло время принять участие в ритуале «Разделения воды», я все еще не могла управлять собой, не прибегая к помощи извне. Мне страстно хотелось стать членом Гнезда, но я не была уверена, что сумею разделить себя с семьей другими людьми. Боялась до смерти. И по пути сюда чуть ли не умоляла Сэма повернуть обратно.

Рут подняла глаза — серьезный, благостный ангел с поварешкой в руке.

— Мы вошли в Сокровенный Храм, и в глаза мне ударил прожектор, а наши одежды внезапно исчезли... все остальные были уже в бассейне и по-марсиански звали нас подойти и разделить Воду Жизни с ними... и я бросилась к ним, споткнулась, шлепнулась в воду и... видно, до сих пор никак не вынырну наружу. Да и не желаю! Не трусь, Бен, выучишь марсианский, обретишь нужные навыки и все время будешь получать нежную поддержку братьев. Сегодня вечером ты тоже прыгнешь в наш бассейн, и я буду среди тех, кто раскроет объятия, чтобы поймать тебя, и все будем радоваться, что ты дома, что ты среди нас. Вот — отдай это Дьюку, скажи ему, что, по моему мнению, он поросенок, хотя и милый. А это тебе... ничего, ничего, как-нибудь справишься! Поцелуй-ка меня да беги... У Рут тут и без тебя хватит работы.

Бен оставил ей поцелуй, унося взамен послание и тарелку для Дьюка. В гостиной на одном из диванов он увидел Джилл, которая, по всей видимости, спала, сел,

наслаждаясь этим зрелищем и думая, что Дон и Джилл похожи друг на друга даже больше, чем ему показалось сначала.

Подняв глаза от тарелки, Бен заметил, что глаза Джилл открыты и она улыбается.

— Ты есть Бог, любимый. Пахнет чем-то очень вкусным.

— Ты безумно красива. Я даже не собирался тебя будить. — Он придвинулся поближе и положил ей прямо в рот кусочек омлета. — Это я готовил сам, хотя и с помощью Рут.

— Очень вкусно. Ты меня не разбудил, я просто лодырничала и ждала, когда ты придешь. Всю ночь не спала.

— Ни капельки?

— Ни вот столько! А чувствую себя отлично. Только есть очень хочется. Прими это за намек.

Он покормил ее. Джилл охотно позволила, она даже вставать не стала.

— А ты поспал хоть немножко? — спросила она наконец.

— Э-э-э... немного.

— Сколько же проспала Дон? Часа два?

— О, куда больше!

— Значит, с ней порядок. Два часа для нас теперь значат почти столько же, как раньше восемь. Я-то знала, какая упоительная ночь ждет вас обоих, но боялась, что ей так и не удастся отдохнуть.

— Да... ночь была восхитительная, — согласился Бен, — хотя я был, как бы сказать... удивлен тем, как ты ее мне подложила.

— Хочешь сказать — шокирован... знаю тебя, Бен. Меня очень соблазняла мысль провести ночь с тобой... и я, поверь, жаждала этого, милый! Но ты приехал, исполненный чувства ревности, оно прямо-таки лезло из тебя. Думаю, теперь оно ушло? Да?

— Полагаю, это так.

— Ты есть Бог! У меня тоже была удивительная ночь — свободная от тревоги за тебя, так как я знала, что ты в хороших руках. У Дон чудесные руки, лучше моих.

— О нет, Джилл!

— Вот как! Я *грокк*, какие-то комки ревности в тебе все же остались. Но мы их смоем. — Она села, погладила его по щеке и сказала спокойно — До вечера, милый. Потому что как бы я ни любила всех моих других братьев, мне хочется, чтобы твой ритуал «Разделения Воды» был настоящим совершенством.

— А... — начал было Бен и тут же замолк.

— Ожидание прекрасно, — сказала Джилл и протянула руку к изножью дивана. Бену показалось, что пачка сигарет сама прыгнула ей в руку.

— Я вижу, ты тоже научилась кое-каким фокусам-покусам.

— Чуть-чуть, — улыбнулась Джилл. — «Я только яйцо», как говорит наш учитель.

— И как же это делается?

— Просто свистнула пачке по-марсиански. Сначала ты *грокк* вещь, потом ты *грокк*, чего ты от нее хочешь... Майк! — Она помахала рукой. — Мы тут, дорогой.

— Иду! — «Человек с Марса» подошел прямо к Бену, поднял его на ноги. — Дай-ка взглянуть на тебя. Боже, как приятно тебя видеть!

— Это я рад, что вижу тебя, рад, что наконец-то приехал.

— Что это я слышал о трех днях? Какие-такие три?

— Я человек рабочий, Майк.

— Посмотрим. Девочки волнуются, готовясь к твоему сегодняшнему празднику. Нужно, пожалуй, прикрыть лавочку, толку от них никакого.

— Патти уже изменила расписание, — вмешалась Джилл. — Дон, Рут и Сэм занимаются тем, чем нужно. Патти отменила *matinee* *. Так что ты свободен на весь остаток дня.

— Отличная новость! — Майк сел, положил голову Джилл себе на колени, притянул к себе Бена, обнял его и вздохнул. Он был одет точно так же, как на «внешнем» служении, — в отличный тропический деловой костюм.

— Бен, не связывайся с церковным бизнесом — я день и ночь ношусь из одной аудитории в другую,

* Занятия (фр.).

объясняя людям, почему никогда и никуда не нужно спешить. Тебе вместе с Джилл и Джубалом я на этой планете обязан больше всех, и вот только сейчас удалось урвать время, чтобы поздороваться с тобой. Ну, как ты там? Выглядишь ты прекрасно. И Дон мне сказала, что ты вполне ничего.

Бен почувствовал, что краснеет.

— Я в полном порядке.

— Вот и отлично. Сегодня ночью наши хищницы выйдут на охоту. Но я буду рядом и помогу тебе. Так что к концу церемонии ты будешь чувствовать себя свежее, чем был в начале. Верно, Маленький Брат?

— Да, — согласилась Джилл. — Бен, Майк может придать тебе силу, я хочу сказать — физическую, не говоря уж о моральной поддержке. Я тоже немножко умею, но Майк — он может все.

— Джилл умеет очень многое, — погладил ее Майк. — Маленький Брат — мощная опора для всех. Во всяком случае так было прошлой ночью... — Он улыбнулся ей и пропел:

Не знаю, правда ли, но слышал — ходит слух,
Что миллион отменных самых шлюх
Собрался на конгресс, что созван был,
Чтоб опыт почерпнуть у нашей милой Джилл.

— Верно я говорю, Маленький Брат?

— Фи! — ответила Джилл, польщенная донельзя, крепко прижимая его руку к себе. — Дон — точная моя копия, а опыта у нее побольше.

— Но Дон сейчас внизу, беседует с возможными кандидатами. Она занята — ты нет. Существенная разница, верно, Бен?

— Надо полагать... — Какстон чувствовал себя не очень-то ловко даже в атмосфере этой шутливой болтовни... ему хотелось, чтобы они или перестали обниматься, или дали бы ему возможность уйти.

— Бен, такая ночь, как прошлая, когда помогаешь целой группе сделать рывок в Восьмой Крут, вызывает сильнейшее перевозбуждение. Разреши мне сказать тебе кое-что из курса Шестого Круга. Мы — люди, обладаем тем, чего мой прежний народ не может уви-

деть даже во сне. Я хочу объяснить тебе, как драгоценно это что-то... как остро я ощущаю его ценность, потому что еще недавно не знал о нем ровно ничего, и знаю, каково это — не иметь его. Блаженство быть разделенными на мужчин и женщин. Быть мужчинами и женщинами — благо Господне и величайшее сокровище из всех сотворенных нами, то есть теми, кто есть Бог. Ты согласна со мной, Джилл?

— Ты прекрасно и точно выразил суть, Майк, и Бен знает, что это — истина. Но спой про Дон, милый!

— О'кей.

Испытывая страсть к изящным туалетам,
Дон не потеет даже самым жарким летом...
Конкретно ж, почему ей так в жару легко,
Один лишь знает Бен: не носит Дон трико.

Джилл захихикала:

— Ты ей это спел?

— Да, и она послала мне «приветик из Бронкса»* и еще поцелуй, предназначенный для передачи Бену. Случайно не знаете ли вы, кто сегодня дежурит на кухне? Я вспомнил, что не ел уже два дня. А может, два года?

— Кажется, Рут, — ответил Бен, пробуя подняться с дивана.

Майк притянул его назад.

— Эй, Дьюк! Попробуй отыскать кого-нибудь, кто испечет мне стопку блинчиков, высотой с тебя самого, да притащит галлон кленового сиропа.

— Будет сделано, — ответил Дьюк. — Сам и займись этим.

— Знаешь ли, для этого я, пожалуй, недостаточно голоден. Лучше отыщи Тони или Рут. — Майк притянул к себе Бена и сказал: — Бен, я *грокк*, тебя что-то тревожит?

— Что? Нет, все в порядке.

Майк глянул ему прямо в глаза.

— Как жаль, что ты не знаешь языка, Бен. Я чувствую, что ты не в себе, но мысли прочесть не могу.

— Майк, — позвала Джилл.

* Неприличный звук, издаваемый губами.

«Человек с Марса» поглядел на нее, перевел глаза на Бена и сказал задумчиво:

— Джилл объяснила мне, Бен, в чем твоя беда, и это как раз то, что я никогда не *грокк* во всей полноте. — Майк был встревожен и выбирал слова так тщательно, как старался выбирать, когда еще плохо владел английским. — Но я *грокк*, что обряд «Разделения Воды» сегодня проводить не следует. Ожидание еще длится. — Майк покачал головой. — Мне очень жаль, Бен. Ожидание исцелит все.

Джилл резко села.

— Майк! Нет! Мы не можем так поступать с Беном! Это же Бен!

— Я этого не *грокк*, Маленький Брат, — колеблясь, сказал Майк.

Последовала долгая пауза, куда более напряженная, чем только что прозвучавшая речь. Наконец Майк с сомнением спросил Джилл:

— Ты говоришь верно?

— Ты увидишь! — Джилл резко поднялась и села по другую руку Бена, крепко его обняв. — Бен, целуй меня и ни о чем не беспокойся.

Не дожидаясь, пока он ее поцелует, она поцеловала его первой. Бен уже не думал ни о чем, он погрузился в чувственное сияние, где не было места сомнениям. И тут Майк, все еще обнимавший Бена за талию, с силой прижал его к себе и прошептал:

— Мы *грокк* все теснее... Джилл, пора?

— Да! И здесь же... и сейчас же... Разделим воду, мои любимые.

Бен повернул голову... Овладевшая было им эйфория куда-то улетучилась без следа от сильнейшего изумления: «Человек с Марса» каким-то образом оказался в чем мать родила — даже без фигового листочка.

Глава 33

— И что же, — спросил Джубал. — Вы приняли их предложение?

— Чего? Да я выскочил оттуда как пробка! Схватил одежду, не посчитался с надписью, прыгнул в антиграв, держа в охапке все свое имущество.

— Вон как! Полагаю, на месте Джилл я бы обиделся. Какстон побагровел.

— У меня не было выбора, Джубал.

— Вот как... и что же?

— Ну я схватил одежду, увидел, что забыл чемодан, но возвращаться не стал. Я так спешил, что чуть не разбился. Вы же знаете, как работает обычный антиграв...

— Понятия не имею...

— Да? Если на дискете не набран «подъем», то вы опускаетесь так же медленно, как тянется густая патока. Но я не опускался, я падал с высоты шести этажей. И в тот самый момент, когда я должен был разбиться в лепешку, что-то подхватило меня... Не метка безопасности, а какое-то силовое поле. Перепутался я до смерти, и это переполнило чашу моего терпения!

— Не надо доверять технике. Я всегда довольствуюсь лестницей, в самом крайнем случае — обыкновенным лифтом.

— Да, что-то там не сработало. Дьюк хоть и инспектор по технике безопасности, но все, что ему говорит Майк, он принимает за истину в последней инстанции. Майк его совсем загипнотизировал! Он, черт бы его побрал, их всех загипнотизировал! Что ж, когда наступит полная катастрофа, она будет похуже простой неисправности в антиграве. Джубал, что мы будем делать? Я до смерти боюсь.

Харшоу выпятил губы.

— А какие аспекты кажутся вам наиболее тревожными?

— Какие? Да все до единого!

— Вон как! А я из вашего рассказа вынес впечатление, что вы наслаждались своим визитом до тех пор, пока не повели себя как заяц-трусишка.

— Э-э-э... Ну вроде того... Майк и меня загипнотизировал. — Казалось, Какстон все еще не преодолел своего потрясения. — Может быть, я бы не выскочил оттуда, если бы не та история в самом конце, что переполнило чашу. Джубал, ведь Майк сидел совсем рядом со мной, он обнимал меня... так как же он умудрился в таком положении снять свой костюм?

Джубал пожал плечами.

— Вы были слишком заняты. Небось, и землетрясения не заметили бы.

— Чушь собачья! Я не девочка, глаз не закрываю. Так как же он это проделал?

— Не вижу, почему сие важно. Или вы хотите сказать, что нагота Майка вас шокировала?

— Еще как шокировала!

— И это в то время, когда вы сами сидели с голой задницей? Бросьте, сэр.

— Нет, нет, Джубал! Что мне вам чертеж рисовать, что ли! Я просто не выношу групповые оргии. Меня чуть наизнанку не вывернуло! — Какстон заерзал. — А как вы бы себя почувствовали, если б люди стали вести себя, как обезьяны, прямо посреди вашей гостиной?!

Джубал сложил пальцы.

— Вот в том-то и дело, Бен! Это ведь была не моя гостиная. Раз вы пришли в чужой дом, приходится действовать по правилам этого дома. Таково универсальное правило цивилизованного поведения.

— И вы не находите, что подобное поведение шокирует?

— Это уже совсем другой вопрос. В публичном совокуплении я вижу проявление дурного вкуса, но такой взгляд — следствие ранее внушенных мне представлений. Значительная часть человечества не разделяет моих вкусов; оргии имеют давнюю и долгую историю. Но чтоб шокировать? Мой дорогой сэр, меня шокирует лишь то, что оскорбляет мое представление об этике.

— И вы полагаете, что это — дело вкуса?

— И ничего больше. Мой вкус не более безупречен, чем вкус, например, Нерона. Даже наверняка он менее безупречен: Нерон был живым богом, а я — нет.

— Ну, будь я проклят!

— Вполне возможно, что так и будет. Если, конечно, предположить, что проклятия сбываются. Кроме того, Бен, ведь в данном случае публичности не было.

— Это еще как?

— Вы дали мне понять, что эти люди находятся в групповом браке — в групповой теогамии, если быть точным. Поэтому, что бы там ни случилось, — или должно было случиться (вы не очень-то внятно изложили ход событий), все это имело бы не публичный характер, а сугубо частный. «Здесь нет никого, кроме нас — Богов», так что обижаться или чувствовать себя неловко некому.

— Мне было неловко!

— Просто ваша канонизация не состоялась — вы их обманули. И сами на это напросились.

— Я? Джубал, да я ни в чем подобном не повинен!

— Ну как же — не повинны! У вас была возможность уехать отсюда сразу же после приезда. Вы с самого начала видели, что их обычаи — не ваши обычаи. Однако вы остались, попользовались благорасположением одной из тамошних богинь, причем вели себя с ней так, будто сами были богом. Вам был известен расклад, и они знали, что он вам известен. Их ошибка была в том, что ваше ханжество они приняли за чистую монету. Нет, Бен, Майк и Джилл вели себя достойно — обиду нанесли им вы, ваше поведение.

— Черт бы вас побрал, Джубал, вы все время пере-дергиваете! Я действительно зашел дальше, чем следо-вало, но бежать было просто необходимо: меня ведь чуть не вырвало!

— Получается, что все дело в физиологическом ре-флексе? Да любой человек, который в эмоциональном отношении перевалил за двенадцать лет, просто сжал бы зубы, вышел в туалет, а потом вернулся с каким-ни-будь правдоподобным извинением, когда все уже улег-лось бы. Нет, это был не рефлекс. Рефлекс может вызвать рвоту. Но он не может заставить ваши ноги двигаться в нужном направлении, не может помочь собрать барахлишко, открыть двери и прыгнуть в анти-грав. Это была паника, Бен. Вопрос в том, почему вы запаниковали?

Какстон долго молчал. Потом ответил с тяжелым вздохом:

— Раз вы так ставите вопрос, то, вероятно, потому, что я ханжа.

Джубал покачала головой.

— Ханжа думает, что его собственные жизненные правила и привычки — это законы природы. К вам подобное неприменимо. Вы приспосабливаетесь ко мно-гим вещам, которые противоречат вашему нравственно-му кодексу, тогда как истинный ханжа просто обложил бы ту восхитительную татуированную леди и загромы-хал бы к выходу. Надо искать глубже.

— Я знаю только то, что чувствую себя ужасно несчастным.

— Я уверен в этом, Бен, и мне вас очень жаль. Давайте рассмотрим гипотетический случай. Предполо-жим, там была бы не Джилл, а, например, Майк и Рут, и они вам предложили бы тот же самый интим втроем. Вас это шокировало бы столь же сильно?

— Что? Ну конечно... Я, во всяком случае, считаю так, хоть вы и утверждаете, что это дело вкуса.

— И как бы это вас шокировало? До рвоты? До панического бегства?

— Будьте вы прокляты, Джубал! — Какстон был явно не в своей тарелке. — Ладно... я бы, видимо, нашел предлог и вышел бы в кухню или куда там, а потом уехал бы совсем...

— Очень хорошо, Бен. Вот вы и нашли первопричину всего, что произошло.

— Я?

— Что изменилось в нашем уравнении?

Какстон выглядел совершенно несчастным. Наконец он сказал:

— Вы правы, Джубал, это все из-за Джилл. Я слишком ее люблю.

— Вот это уже ближе, Бен. И все же дело вовсе не в любви.

— Я вас не понимаю.

— Любовь — не единственная эмоция, заставившая вас убежать. Что такое любовь, Бен?

— Что? Да... бросьте вы! Сколько народа от Шекспира до Фрейда пробовали замахнуться на этот вопрос, и никому пока не удалось на него ответить. Я знаю только одно — она ранит.

Джубал покачал головой.

— Я вам дам точное определение. Любовь — это состояние, при котором счастье другого человека — необходимое условие для вашего собственного.

Бен медленно проговорил:

— Годится... потому что я именно так отношусь к Джилл.

— Хорошо. Тогда вам придется признать, что ваш желудок взбунтовался и вы бежали в панике потому, что вам хотелось сделать Джилл счастливой.

— Эй, погодите-ка, ничего подобного я не говорил...

— Тогда, может быть, это была какая-то другая эмоция?

— Я просто сказал... — Какстон осекся. — О'кей! Я ревновал. Но, Джубал, я мог бы поклясться, что это не так. Я знал, что проиграл, я примирился уже давно... Черт!.. Я даже любил Майка не меньше, чем родного. Ревность бесперспективна, она никуда не ведет.

— Во всяком случае не туда, куда бы мы хотели. Ревность — болезнь, любовь — здоровье. Незрелый ум часто принимает одно чувство за другое или считает, что, чем сильнее любовь, тем сильнее и ревность, хотя в действительности они несовместимы. Одно чувство не оставляет места для другого. Объединенные — они

могут вызвать непереносимые мучения, и я *грокк*, что это и есть ваша беда, Бен. Когда ревность подняла голову, у вас не хватило смелости поглядеть ей в глаза, и вы бежали.

— Нет, тут играли роль обстоятельства, Джубал! Эта гаремная обстановка, где каждая доступна для каждого, совершенно подавила меня. Поймите меня правильно! Я любил бы Джилл, даже если бы она была двухпенсовой б...ю! Но она же не такова! По своим представлениям, Джилл высокоморальная женщина!

Джубал кивнул.

— Я это знаю. Джилл обладает неукротимой невинностью, которая не позволяет ей совершать аморальные поступки. — Он нахмурился. — Бен, боюсь, что у вас, да и у меня явно маловато той ангельской невинности, которая необходима, чтобы жить в условиях совершенной нравственности, как живут эти люди.

Бен так и подскочил.

— Вы хотите сказать, что подобные вещи нравственны? Я понимаю, что Джилл не ведает, что поступает плохо, ибо Майк задурил ей голову, а Майк, в свою очередь, тоже не знает, что хорошо, а что плохо. Он же «Человек с Марса»!.. У него было такое детство...

Джубал снова нахмурился.

— Да, я думаю, что эти люди — все Гнездо, а не только эти ребятишки — живут нравственно... Я еще не продумал все детали, но... да... все верно. И вакханалии, и соитие без стыда, и групповой брак, и анархические взгляды... все, все...

— Джубал, вы меня поражаете! Если вы так думаете, то почему не присоединились к ним? Они же ждут вас! Они закаты такое торжество... Дон просто жаждет целовать ваши стопы и прислуживать вам — я не преувеличиваю.

Джубал вздохнул.

— Нет. Лет пятьдесят назад... А сейчас? Бен, брат мой, я уже не способен на подобную невинность. Слишком долго я был связан прочными узами с благоприобретенными пороками и безнадежностью, чтобы надеяться очиститься в их Воде Жизни и снова стать невинным. Если, конечно, допустить, что я когда-то был им.

— Майк считает, что вы обладаете этой «невинностью» в полной мере. Правда, он ее называет как-то иначе. Дон передала мне это *ex officio* *.

— В таком случае, я не захочу его разочаровывать. Майк видит свое собственное отражение: я по своей профессии — зеркало.

— Джубал, да вы просто трусите!

— Именно так, сэр. Меня, однако, беспокоит не их нравственность, а те опасности, что грозят им извне.

— О, ничего подобного им не грозит!

— Вы так думаете? Если мартышку покрасить в розовый цвет и посадить в клетку с бурыми обезьянами, они тут же разорвут ее в клочья. Эти невинные вечно ходят в обнимку с мученичеством.

— По-моему, вы слишком мелодраматичны, Джубал.

— Даже если это так, сэр, — вспыхнул Джубал, — то разве от этого мои слова менее верны? В старину немало святых сожгли на кострах, так что же, вы откажетесь признать их страдания истинными и скажете, что они мелодраматичны?

— Я не хотел вас обидеть. Я просто имел в виду, что им такая опасность не грозит... В конце концов у нас сейчас не средневековье.

Джубал прищурился.

— В самом деле? Что-то я не вижу больших изменений с той поры. Бен, такой расклад предлагался этому гнусному миру неоднократно, и каждый раз мир сокрушал его. Колония Онеида очень напоминает Гнездо Майка; она просуществовала недолго, хотя находилась в сельской местности, где соседей было совсем мало. Или возьмите ранних христиан — анархия, коммунизм, групповой брак, даже поцелуй братства — Майк у них много чего позаимствовал. Хм... если он взял поцелуй братства у них, то, надо думать, мужчины в Гнезде тоже целуются с мужчинами?

Бен выглядел смущенным.

— Я от вас кое-что скрыл... но тут все совсем не так, как у гомиков.

— У ранних христиан тоже было не так. Вы что, держите меня за дурака?

* Официально (лат.).

— Комментариев не будет.

— Благодарю. Я бы только посоветовал воздержаться от братских поцелуев с каким-нибудь пастором из нынешней бульварной церкви. Примитивного христианства больше не существует. Вновь и вновь повторяется одно и то же: в планах предусматривается равенство, истинная любовь, чистые помыслы и высокие идеалы, а за этим следуют преследования и провалы. — Джубал снова вздохнул. — Раньше я очень опасался за Майка. Теперь я боюсь за них всех.

— А я, как вы думаете, себя чувствую? Джубал, я не признаю вашей гипотезы насчет радости и чистоты. То, что они делают — дурно.

— Это в вас говорит ваш печальный опыт — сидит как заноза.

— Хм... не только.

— Но преимущественно. Бен, этика секса очень хитрая проблема. Каждому из нас приходится искать ее приемлемое решение, которое позволило бы нам жить, сталкиваясь с нелепыми, неработающими и жестокими правилами, именуемыми «моральным кодексом». Все знают, что эти правила никуда не годятся, и почти все нарушают их. Но за нарушения мы платим пеню, ощущая постоянную вину, выражая раскаяние на словах. Хочешь не хочешь — этот кодекс оседлал нас и продолжает гнать нас вперед, хоть он уже давно мертв, и от него смердит.

Вот и вы, Бен... Вы воображаете себя свободным от условностей и способным не подчиняться этому кодексу. Но как только сталкиваетесь с новым для вас сексуальным аспектом этики, тотчас проверяете его своим устарелым иудейско-христианским кодексом. И ваш желудок автоматически реагирует... Вам кажется, что это доказывает вашу правду и их неправоту. Фу! Я уж предпочел бы скорее Суд Божий! Что же касается желудка, то он отражает лишь наличие у вас предрасудков, вбитых в ваше сознание еще до того, как вы научились мыслить самостоятельно.

— А как насчет вашего желудка?

— Мой тоже глуповат, но я не позволяю ему управлять моим умом. Я вижу красоту попытки Майка создать идеальную этику и аплодирую его прозрению —

для начала надо выкинуть на свалку прежний сексуальный кодекс и тогда уже строить все на чистом месте. У большинства философов на это смелости не хватает. Они цепляются за основы современного кодекса — моногамию, семейную ячейку, воздержание — целое скопище табу, ограничивающих половые сношения, и играют в бирюльки даже с такой ерундой, как вопрос о том, является ли женская грудь неприличным зрелищем. Но больше всего они заняты обсуждением вопроса о том, как заставить нас подчиняться этому кодексу, игнорируя многочисленные доказательства, что большинство трагедий, встречающихся на каждом шагу, имеет истоки в самом кодексе, а вовсе не в том, что люди его нарушают.

И вот является «Человек с Марса», смотрит на этот священный и неприкосновенный кодекс свежим взглядом и отвергает его начисто. Я не знаком с деталями кодекса Майка, но он явно нарушает законы каждой крупной страны и должен доводить до бешенства всех приверженцев главных религий, а заодно и большинство агностиков с атеистами. И все же бедный мальчик...

— Джубал, он не мальчик, он — мужчина.

— Да разве он мужчина? Этот несчастный псевдомарсианин говорит, что секс — путь к счастью. А секс и в самом деле должен быть средством испытывать счастье. Бен, самое плохое в сексе то, что мы пользуемся им, чтобы терзать друг друга. А он никогда не должен причинять боль, он должен даровать счастье... в худшем случае — удовольствие.

Кодекс говорит: «Не пожелай жены ближнего своего». Результат? Вынужденное воздержание, адюльтеры, ревность, горечь, страдания, иногда убийства, разбитые семьи, несчастные дети... и тайные мелкие интрижки, равно унижающие и мужчин, и женщин. Разве когда-нибудь эта заповедь соблюдалась? Если человек поклянется на своей Библии, что он не возжелает жены своего соседа только потому, что кодекс запрещает это, я тут же заподозрю либо самообман, либо сексуальное извращение. Любой мужчина, достаточно здоровый для того, чтобы зачать ребенка, обязательно пожелает множество женщин, независимо от того, приведет он эти желания в исполнение или нет.

Теперь приходит Майк и говорит: «Нет необходимости желать мою жену... возлюби ее. Нет пределов ее любви, а потому мы обретем многое, потеряем лишь страх, чувство вины, ненависть и ревность». Предложение просто невероятное. Насколько я помню, только дикие эскимосы были настолько чисты и так изолированы от других народов, что их самих можно считать за «людей с Марса». Но мы дали эскимосам понятие о «добродетели», и теперь у них есть и непорочность, и адюльтер, как у «нормальных». Бен, что они выгадали?

— Не хотел бы я быть эскимосом.

— Я тоже. От тухлой рыбы у меня желчь разливается.

— Нет, я имел в виду мыло и воду. Думаю, я просто неженка.

— Я тоже, Бен. Я родился в доме, где канализации было не больше, чем в эскимосском иглу. Так что предпочитаю удобства. Тем не менее все источники описывают нецивилизованных эскимосов как необыкновенно счастливых людей. Если у них и были неприятности, то они происходили, во всяком случае, не от ревности. У них и слова-то такого в языке не было. Они одалживали друг другу жен — для удобства и для развлечения, и это отнюдь не делало тех несчастными. Так кто же дураки? Посмотрите на этот мрачный мир, что окружает вас, а потом скажите — кажутся вам ученики Майка счастливее или несчастнее других?

— Я не говорил со всеми, Джубал. Но... да, они счастливы. Так счастливы, что кажутся просто ошалевшими от счастья. Тут есть какая-то очень хитрая загвоздка.

— Может, загвоздка в вас самих?

— Как это во мне?

— Знаете, стоит пожалеть, что ваши вкусы заморозились в таком раннем возрасте. Даже о трех днях предложенного вам счастья вы будете вспоминать как о величайшем сокровище, когда доживете до моих лет. А вы — вы юный идиот! Позволили своей ревности изгнать вас из рая! Да в ваши годы я бы к эскимосам отправился! Господи, я просто бешусь от черной зависти, и единственным утешением мне служит беспощадная уверенность в том, что вы еще пожалеете о своей глупости! Годы не приносят мудрости, Бен, но дают

перспективу... и самое печальное из того, что ты видишь вдали, — это искушения, которые ты умудрился преодолеть. Я сожалею о многом, но мое раскаяние — ничто в сравнении с тем, что придется переживать в старости вам.

— Перестаньте сыпать соль на мои раны!

— Господи, дружище! Да, может, вы вовсе и не мужик, а просто дохлый мышонок? Я же пытаюсь подбодрить вас! Какого черта вы плачетесь в жилетку старику? Вам надо лететь к Гнезду по прямой, как летит домой почтовый голубь! Слушайте, да если б я был хоть на два десятка лет моложе... я бы сам присоединился к церкви Майка.

— Перестаньте, Джубал! Кстати, а что вы думаете в самом деле о его церкви?

— Вы же сами сказали, что это всего лишь учение.

— И да и нет. Предполагается, что это Истина с большой буквы в том виде, как Майк получил ее от Старейших.

— Старейших? Вот как! Для меня это ерундистика чистейшей воды.

— Майк в них верит.

— Бен, я когда-то знал одного фабриканта, который верил, что получает указания непосредственно от призрака Александра Гамильтона *... Однако... черт, почему это я должен выступать адвокатом дьявола?

— Чего вы так разволновались?

— Бен, самый гнусный грешник — это лицемер, который из религии делает рэкет. И все же воздадим дьяволу должное. Майк верит и учит той истине, которую он знает. Что касается Старейших, то мне в точности не известно, что они не существуют, а просто мое воображение отказывается их себе представить. Что касается его кредо «Ты есть Бог», то оно заслуживает ничуть не меньше доверия, чем многие другие кредо. Придет Судный День, если, конечно, он состоится, и тогда может оказаться, что главным боссом в пантеоне богов является конголезский божок Мумбо-Юмбо.

— Перестаньте нести чепуху, Джубал!

* Видный деятель эпохи Американской Революции (1757-1804 гг.).

— А кто скажет, какое имя будет вынуто из шляпы? Человек создан так, что не может представить в воображении собственную смерть. Это и приводит к бесконечному умножению религий. Хотя ни одна из них не в состоянии доказать, что бессмертие — неопровержимый факт, вопросы, порожденные ими попутно, невероятно важны. Природа жизни; как связано «эго» с телом; проблема самого «эго»; почему каждому «эго» кажется, что оно — центральная точка Вселенной; цель жизни; цель существования Вселенной — все это вопросы первостепенного значения, Бен. Они никогда не будут считаться тривиальными. Наука их разрешить не смогла, и кто же я такой, чтобы издеваться над религией за то, что она пытается это сделать, какими бы неубедительными ни казались мне результаты этой попытки. Может получиться так, что старикан Мумбо-Юмбо еще сожрет меня, ибо подобную вероятность нельзя исключить только потому, что в его честь не построены роскошные соборы. Тем более я не могу вычеркнуть из списка одержимого мальчугана, заиклившегося на идее религии, основанной на культе секса и проповедующего ее в уединенных роскошных комнатах верхнего этажа своего храма. Он-то вполне может оказаться Мессией. Я убежден в незыблемости лишь одного религиозного постулата: самосознание — это отнюдь не просто кучка аминокислот, слипшихся в комок.

— Ну и ну, Джубал! Вам бы следовало стать проповедником.

— К счастью, чаша сия меня миновала. Если Майк сможет указать нам лучший способ организовать жизнь на этой загаженной планете, его сексуальная жизнь не будет нуждаться ни в каких оправданиях. Гении обладают привилегией презирать мнение толпы, им в высшей степени плевать на сексуальные обычаи своих племен — они творят свои собственные законы. Майк — гений. Поэтому ему дела нет до того, «что подумает миссис Гринди», и он действует так, как считает нужным.

Однако, с теологической точки зрения, сексуальное поведение Майка столь же ортодоксально, как Санта-Клаус. Майк проповедует, что все живое в совокупно-

сти есть Бог... что делает Майка и его последователей единственными богами этой планеты, которые обладают самосознанием... так что по всем божеским законам ему должно быть предоставлено членство в профсоюзе богов. А ведь правила всегда гарантируют богам сексуальную свободу, лимитируемую лишь их собственными суждениями.

Вам нужны примеры? А Леда и Лебедь? Европа и Бык; Озирис, Изиды и Гор? Невероятные кровосмешения скандинавских богов? О восточных религиях и говорить не приходится — их боги вытворяют такие штуки, что любой владелец норковой фермы просто спятил бы. А посмотрите-ка на взаимоотношения внутри Троицы у одной из самых распространенных западных религий? Единственный способ, при помощи которого можно согласовать положения этой религии с провозглашенными ею же представлениями монотеизма, это решить, что размножение у богов происходит по совершенно иным законам, нежели у людей. Большинство верующих об этом просто не думает, они опечатывают входную дверь и вешают табличку «Святость. Не беспокоить».

Так что Майк, подобно всем другим богам, должен иметь право на Божий промысел. Единый Бог, чтобы размножиться, должен разделиться, по меньшей мере, на две части. И это касается не одного Иеговы, а всех их. Группы же богов размножаются, как кролики и при этом нисколько не считаются с человеческими правилами и приличиями. Так что уж если Майк занялся божественным бизнесом, то оргии так же неизбежны и предсказуемы, как восход солнца, а, значит, вам лучше забыть о порядках в своем захудалом Поданке и судить Майка по морали Олимпа. — Джубал явно разошелся. — Бен, чтобы понять это, вы должны начать с признания того, что они искренни.

— В этом-то я убежден! Но именно поэтому...

— Неужели убеждены? Вы же начали с утверждения, что они заблуждаются, и осудили их, исходя из тех законов, которые сами же отрицаете. Попробуйте мыслить логично. Бен, это достижение общности путем сексуального акта, эта «множественность в единстве» логически не оставляют места для моногамии. Поскольку

полнейшая сексуальная общность — соединение каждого со всеми — и есть их главное кредо, что с кристальной ясностью подтверждается вашим рассказом, то как же можно ожидать, чтобы они что-то прятали? Прячут всегда то, чего стыдятся, они же не только не стыдятся, а напротив, полны гордости. Прятаться за закрытыми дверями для них все равно, что бросить подачку тому самому кодексу, который они отвергли, или возгласить во всеуслышание, что вы для них человек случайный, которого и на порог-то пускать не следовало.

— Может, мне и в самом деле там нечего было ошиваться?

— Это совершенно очевидно. У Майка на этот счет явно были сомнения, но Джилл настояла на своем. Так?

— Вот это-то и есть самое ужасное!

— Почему же? Она просто хотела, чтобы вы стали одним из них «во всей полноте», как сказала бы Майк. Она любит вас — и не ревнует ни к кому. А вы ревнуете ее, хотя и уверяете, что любите; так что все ваше поведение — сплошное опровержение ваших же утверждений.

— Будь оно все проклято! Но я же люблю ее!

— Вот как? Ну в таком случае, вы просто не поняли, какая высокая честь, если исходить из морали, принятой на Олимпе, вам была предложена.

— Похоже, что действительно не понял, — мрачно ответил Бен.

— Я хочу предложить вам выход из этой ситуации. Вы не могли понять, как и куда исчезла одежда Майка. Хотите скажу?

— Как?

— Это было чудо.

— Да бросьте вы!

— Очень даже просто. Спорим на тысячу долларов, что это было чудо? Поезжайте и спросите самого Майка. Заставьте его повторить свой номер. Не забудьте прислать мне деньги.

— Черт возьми, Джубал! С какой стати я буду отнимать у вас деньги?!

— А вам это не удастся. Спорим?

— Джубал, вы же видите, каков расклад. Я просто не могу туда вернуться.

— Да они встретят вас с распростертыми объятиями и даже никогда не спросят, почему вы уехали. Спорим еще на тысячу, что я прав? Бен, вы были там меньше суток. Разве они не заслуживают хотя бы такого же тщательного расследования, какие вы проводите, когда имеете дело со скандалами, прежде чем публиковать такой сенсационный материал?

— Но...

— Заслуживают?

— Да... но...

— О, ради Бога, Бен! А еще уверяете, что любите Джилл, и не хотите предоставить ей равные шансы с каким-то жуликом-политиканом! Не желаете уделить ей десятой доли тех усилий, которые потребовались от нее, когда она кинулась вам на помощь! Интересно, где бы вы были сейчас, если бы она проявила такую же мягкотелость? Вернее всего — жарились бы в аду! Вы тут скулили насчет вселенского блуда, а знаете ли вы, чего боюсь я?

— Чего же?

— Христа распяли за то, что он проповедовал без разрешения полиции. Так вот — подумайте-ка лучше об этом.

Какстон грыз ноготь и молчал, потом внезапно вскочил.

— Еду.

— После ленча?

— Сейчас же.

Через двадцать четыре часа Бен прислал Джубалу телеграфом две тысячи долларов. Через неделю, когда известий от него больше не поступало, Джубал послал факс в офис Бена: «Какого черта вы пропали?»

Ответ задержался: «Учу марсианский. Ваш аквафратер * Бен».

* Брат по воде (лат.).

Часть пятая

ЕГО СЧАСТЛИВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Глава 34

Фостер оторвался от дел своих.

— Младшенький!

— Сэр?

— Этот мальчишка, до которого ты добирался... Им можно заняться. Марсиане от него отступились.

Дигби казался удивленным.

— Извините. Разве есть у меня перед неким юным созданием невыполненный долг?

Фостер ангельски улыбнулся: в чудесах вообще-то никакой надобности нет; воистину, псевдоконцепция «чудес» несет в себе внутренние противоречия, но этой молодежи все приходится познавать на своем опыте.

— Не обращай внимания, — сказал он мягко, — речь идет о небольшом мученичестве, и я займусь им сам... Да... Младшенький!

— Сэр?

— Зови меня просто «Фос» — церемонии нужны, когда мы на оперативной работе, в творческой студии они ни к чему. И напомни мне, чтоб перестал звать тебя «Младшенький», ты неплохо справился с работой на том временном задании. Как бы ты хотел называться?

Помощник заморгал.

— А у меня есть другое имя?

- Их тысячи. Какое тебе больше по вкусу?
- Я, знаете ли, никак не припомню в сию вечность.
- Ладно... а не хотел бы ты называться «Дигби»?
- О да, конечно! Очень миленькое имя. Спасибо.
- Не надо меня благодарить. Ты его заслужил.

Архангел Фостер вернулся к своей работе, не забывая и о той маленькой дополнительной задачке, которую возложил на себя. На мгновение он задумался, не стоит ли сделать так, чтоб чаша сия миновала крошку Патрицию, но затем упрекнул себя за столь непрофессиональное, почти человеческое намерение. Чувство жалости ангелам противопоказано. Другое дело — сочувствие.

Марсианские Старейшие вчерне достигли элегантного решения своей эстетической проблемы и отложили ее в сторону на несколько столетий, чтобы она породила новые ответвления. Одновременно, не спеша, можно сказать, почти рассеянно, они «извлекли» информацию из чужеземного малышонка, которого вернули в его родной мир; информация содержала сведения о том, что он узнавал о своем народе, и теперь, восхвалив его, они порвали с ним связь, поскольку для их отдаленных целей он ценности уже не представлял.

Они просмотрели все собранные им материалы и, имея в виду проверку того чернового решения, начали готовиться к проведению исследований эстетических параметров, которые могут возникнуть при анализе творческой необходимости разрушить Землю. Потребуется очень большое ожидание, прежде чем решение можно будет грохк во всей полноте.

Тодайдзы в Камакуре * был опять смыт гигантским цунами, возникшим в результате землетрясения в двухстах восьмидесяти километрах от Хонсю. Волна погубила тринадцать тысяч жителей и швырнула младенца мужского пола высоко, высоко, прямо к подножью статуи Будды, где он был найден и выхвачен монахами, оставшимися в живых. После стихийного бедствия, уничтожившего его близких, этот младенец прожил

* Камакура — древняя столица Японии. Ныне — город-музей. В храме Тодайдзы (1252 г.) находится гигантская статуя Будды.

девяносто семь лет по исчислению Терры и не оставил после себя ни потомства, ни заслуживающих упоминания деяний, разве что прославился как человек, который постоянно рыгал. Синтия Дачесс ушла в монастырь, что сопровождалось страшной шумихой в средствах массовой информации, и покинула его три дня спустя, но уже без всякой помпы. Бывший Генеральный секретарь Дуглас перенес инсульт, ограничивший движения его левой руки, но не помешавший его способности удерживать доверенное ему богатство. «Лунар Энтерпрайз» опубликовала проспект выпуска облигаций своей дочерней компании «Арес Чендлер Корпорейшен», находящейся в единоличном владении. Исследовательский корабль «Мери Джейн Смит», летающий на генераторах Лайл, сел на Плутоне. Город Фрезер, штат Колорадо, отметил у себя самую низкую февральскую температуру за все время своего существования.

Епископ Окстангью в новом храме на Гранд-Авеню прочел проповедь по тексту (Матфей, XXIV, 24): «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Он ясно дал понять, что в его диатрибе речь идет не о мормонах, не о «Христианской Науке», не о римских католиках и уж ни в коем случае не о фостеритах; не касается она и других собратьев-проповедников, чьи добрые деяния намного перевешивают их незначительные отступления от ортодоксальных взглядов или ритуалов... Она направлена исключительно против тех отъявленных еретиков, которые соблазняют верующих, уводя их от веры отцов своих. В одном субтропическом курортном городе этой страны уже принесены три жалобы, обвиняющие некоего пастыря и трех его помощников, а также «Джона Доу», «Мери Роу» * и других в поощрении публичного разврата плюс беспорядке и оргиях в своем доме и в содействии росту преступности малолетних. Прокурор округа не хотел возбуждать дело, так как подобных заявлений у него было

* Юридические фикции, применяемые в судебной практике США и Великобритании при возбуждении дел против лиц, личность которых не установлена.

не меньше десятка, но жалобщики пока еще никогда не являлись на предварительное слушание дел.

Прокурор указал на это обстоятельство, на что адвокат жалобщиков ответил: «На этот раз у вас будет достаточная поддержка. Архиепископ Шорт твердо решил положить конец деяниям этого антихриста».

Прокурора антихристы не интересовали, но приближались первичные выборы.

— Хорошо, только помните, что без поддержки я мало что могу сделать.

— Вы ее получите.

Доктор Джубал Харшоу об этом инциденте ничего не знал, но слышал о множестве подобных же, так что причин для беспокойства у него было предостаточно. Он пал столь низко, что стал интересоваться «Новостями». Правда, пока дело дошло лишь до обращения в агентство, которое стало высылать ему кипы вырезок на темы «Человек с Марса», «В. М. Смит», «Церковь Всех Миров» и «Бен Какстон». Однако зараза проникла уже достаточно глубоко, и он пару раз с трудом подавил желание приказать Ларри принести ему «ба-лаболку».

Черт! И почему дети не могут ему хоть письмо написать, зная, что он тут из-за них теряет последнее терпение.

— Первая!

Вошла Анни, но Джубал все еще рассматривал в окно снег и пустой плавательный бассейн.

— Анни, — сказал он, — давай арендуем тропический атолл, а этот мавзолей продадим.

— Слушаюсь, босс.

— Только надо будет составить договор об аренде на то время, пока земля не вернется к индейцам. Я не потерплю тут отелей. Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз диктовал нечто, за что денежки платят?

— Сорок три дня.

— Да послужит это тебе уроком. Начинаем. «Предсмертная песнь умирающего оленя»:

Сердце льдом мне сковала неистово злая зима,
Хлещут ветры стальные, свиваясь в невидимый жгут.
И осколки тех клятв, что ты мне приносила сама,
Ранят душу и кровь, как вампиры, по капле сосут.

Тело в шрамах мое, и как пень изуродован таз,
Голод жадно урчит, мне пустые кишки теребя.
Свет уходит из снегом присыпанных слепнущих глаз.
Смерть, конечно, страшна, но страшнее стократ без тебя.

Лихорадки огонь нарисует возлюбленной лик,
Отодвинет он тьму, что меня окружает стеной,
И в оглохших ушах оживет твой томительный крик.
Это значит — ты здесь. Ты и в смерти пребудешь со мной.

— Вот так, — сказал Джубал деловито, — поставь подпись «Луиза М. Олкотт» и отошли в журнал «Единение».

— Босс, и вы думаете за такое заплатят?

— Что? Зато его оценят в будущем. Сунь в архив, и мой литературный агент сможет использовать его для оплаты расходов по моим похоронам. Есть такая хитрость в литературных делах — лучшие работы начинают цениться после того, как автор протянет ноги. Литературная жизнь — дерьмо! Она чем-то напоминает почесывание кота, чтоб он замурлыкал.

— Несчастный Джубал! Если никто его не пожалеет, так он сам будет себя оплакивать!

— Еще и сарказм к тому же! Разве удивительно, что у меня работа из рук валится?!

— Это не сарказм, босс. Только обутый знает, где у него мозоль.

— Тогда извини. Вот еще гонорарная работа. Название: «Одинок я в пути».

Забвенье есть для нас в петле,
Покой несет топор.
Но только яд, как говорят, надежен, да и скор.

Нас пуля в сердце исцелит —
Спустил курок — дыра!
Но мил мне яд. Как говорят, все прочее — мура.

Неплох, конечно, в печке газ,
И кол, чтоб задом сесть.
Но лучше яд, как говорят, с мороженым поесть.

Когда ж меня отволокут
В церковный наш сарай,
То только яд, как говорят, мне выдаст пропуск в рай.

ХОР:

Когда же под грохот и стук каблуков
Смерть придет и спросит: «Готов?»
Ты крикни: «А кто мне, ребята, здесь друг?»
И яду прими у друга из рук.

— Джубал, — с тревогой спросила Анни, — у вас расстройство желудка?

— Постоянно.

— Это тоже в архив?

— Как! Это для «Нью-Йоркера».

— Пришлют обратно.

— Еще как купят! Это столь омерзительно, что они не устоят.

— Кроме того, тут что-то не то с размером.

— Еще бы! Надо же дать редактору возможность хоть что-то исправить, иначе он будет разочарован. После того как он попишет в эти стихи, их вкус ему понравится куда больше, и он тут же купит. Моя дорогая, я научился избегать настоящей работы еще когда ты даже не родилась, так что не учи деда, как пить сырые яйца. Если хочешь, я немного повожусь с Абби, пока ты будешь перепечатывать. Эй! Самое время кормить Абигейл! Ты же сегодня вообще не «Первая». «Первая» — Доркас.

— Подождет ваша Абигейл! Доркас прилегла. Ее по утрам теперь мутит.

— Чушь! Я чувствую беременность за две недели до того, как ее можно будет определить с помощью кроличьей реакции, и тебе это прекрасно известно.

— Джубал, оставьте ее в покое... Она так боится, что опять ошиблась... и не хочет расставаться с мыслью, что на этот раз повезло. Неужто вы так мало понимаете в женщинах?

— Ммм... Ну уж, если по правде, то — мало. Ладно, не буду к ней придирааться. А почему ты не принесла сюда нашего ангелочка? Тут бы ее и покормила.

— И рада, что не принесла, — чего доброго она наслушается ваших разговоров.

— Значит, я развращаю детей? Вот как!

— Она еще слишком мала, чтобы понять, когда вы серьезны, а когда шутите, босс. Да вы бы и вовсе бросили работу, принеси я ее. Забавлялись бы с ней и все.

— А разве ты знаешь лучший способ убить время?

— Джубал, я очень рада, что вы так любите мою дочку. Я сама считаю ее очаровательной. Однако теперь все время вы тратите либо на игру с Абби, либо... на нытье.

— Ну и что — нам грозит переход на пособие по безработице, что ли?

— Не в этом дело! Если вы не выдаете на гора рассказы, вы духовно деградируете. Этот процесс уже достиг того уровня, когда мне, Доркас и Ларри остается одно — грызть ногти. Когда вы кричите: «Первая!» — мы вздрагиваем в надежде, но, как правило, тревога оказывается ложной.

— Раз денег хватает, чтобы оплачивать счета, так о чем беспокоиться?

— А почему беспокоитесь вы, босс?

Джубал задумался. Рассказать ей? Если у него и были какие-нибудь сомнения в том, кто именно отец Абигейл, то они давно испарились, после того как дело дошло до выбора имени. Анни колебалась между «Абигейл»* и «Зенобия»**, а затем наделила ребенка обоими. Анни никогда не упоминала значения этих имен и, надо думать, не подозревала, что ему-то оно известно.

— Вам не обмануть нас, Джубал, — продолжала Анни твердо, — и Доркас, и Ларри, и я знаем, что Майк вполне способен защитить себя. А вот вы превратились в какого-то маньяка.

— В маньяка?! Я?!

— Ларри установил стереовизор в своей комнате, и мы по очереди смотрим все выпуски «Новостей», да и радио тоже слушаем, и все это не потому, что мы беспокоимся, а исключительно из-за вас. И когда имя Майка появляется в «Новостях», а это бывает частенько, мы узнаем обо всех событиях раньше, чем вам их

* А б и г е й л (гр. евр.) — Отец мой — моя радость.

** З е н о б и я (греч.) — Жизнь от Зевса.

сообщают эти дурацкие вырезки. И мне хочется, чтобы вы вообще бросили их читать.

— Откуда тебе известно про мои вырезки? Я же, черт знает, на какие предосторожности пустился, чтобы вы не пронюхали о них!

— Босс, — сказала она устало, — кто-то должен выносить мусор? Вы что же думаете, Ларри не умеет читать?

— Вот как! Это проклятый сортир работает отвратительно с тех пор, как уехал Дьюк.

— Напишите Майку, и Дьюк тут же появится.

— Ты же знаешь, этого я не сделаю! — Он с горечью подумал, что Анни, безусловно, права... а вслед за пониманием пришло невыносимое для его гордости подозрение. — Анни! Ты осталась здесь только потому, что так тебе велел Майк?

Она ответила не раздумывая:

— Я здесь потому, что хотела сама.

— Ммм... не уверен...

— Джубал, а еще иногда мне хочется, чтобы вы были помоложе и вас можно было бы выпороть. Могу я договорить?

— Валяй!

Интересно, а остался бы хоть кто-нибудь из них? Вышла бы замуж за Стинки Мириам и уехала ли бы она в Бейрут без одобрения Майка? Имя дочки «Фатима-Мишель» могло быть одновременно и данью ее новой религии, и желанием ее мужа доставить удовольствие своему ближайшему другу, а может быть, и кодовым обозначением, вроде двойного имени Абби. Если верно последнее, то знает ли Стинки о своих рогах? Или носит их с той же гордостью, с какой носил их Святой Иосиф? Гм... можно предположить, что Стинки известны сроки его гурии... даже братство по воде вряд ли могло заставить супруга закрыть глаза на такое важное дело. Впрочем, так ли оно важно? Как врач и агностик, Джубал в этом сомневался. Но для них могло и....

— Вы меня не слушаете.

— Извини. Задумался. (Прекрати, грязный старикашка... ишь ты, до чего дошел — копаешься в секретах смысла имен, которые матери дают своим детям! Дальше, чего доброго, примешься за нумерологию...

там за астрологию, а еще дальше за спиритизм, пока маразм не зайдет так далеко, что останутся лишь больница да заботы по поддержанию жизни в теле, где разум уже угас настолько, что не может дать несчастному телу достойную смерть. Иди открой ящик под номером девятым в своей лаборатории — код «Лета» — возьми два грана, хотя и одного более чем достаточно...)

— Вырезки не нужны, мы сами следим за новостями о Майке, и Бен дал нам братское обещание немедленно сообщать обо всех важных происшествиях в Гнезде. Но, Джубал, ведь Майку невозможно причинить физический вред. Если бы вы побывали в Гнезде, как это сделали мы трое, вы бы знали это.

— Меня не приглашали.

— У нас тоже не было приглашения! Кого же приглашают в его собственный дом? Вы просто придумываете отговорки, Джубал. Бен уговаривал вас, Дон с Дьюком прислали письма.

— А Майк не звал.

— Босс, это Гнездо принадлежит вам и мне в той же степени, что и Майку. Майк — первый среди равных... ну как вы здесь. Этот дом ведь принадлежит и Абби?

— Выходит так, — ответил он, — дом ее собственность, а у меня лишь права на пожизненную аренду. — Джубал изменил свое завещание, зная, что завещание Майка делает ненужными какие-либо выплаты денег братьям Джубала по воде. Однако будучи неуверенным в «водном» статусе малышки (за исключением того, что она постоянно мокрая), он завещал все имущество ей и потомкам еще кое-кого. — Я не собирался говорить об этом, но, оттого что ты узнаешь, — особого вреда не будет.

— Джубал, я сейчас зареву. Из-за вас я почти забыла, о чем мы говорили. Это очень важно. Майк ведь никогда не станет вас торопить, и вы это прекрасно знаете. Я *грокк* — он ждет всей полноты свершения, и я *грокк* — вы тоже.

— Ммм... Я *грокк*, ты говоришь верно.

— Ну и прекрасно. И еще я *грокк*, что вы сегодня особенно мрачны из-за нового ареста Майка. Но ведь это далеко не в первый раз.

— Он арестован? Я ничего об этом не слышал! — И добавил: — Будь оно все проклято, девочка!

— Джубал, Джубал! Бен ведь не звонил, вот и все, что нам надо знать. Вам же известно — Майка арестовывали много раз — и в армии, и как циркача, и в других местах, и раз шесть уже как проповедника. Он никому не ответил злом. Все зло на их совести. Поэтому его еще ни разу не удалось засудить, он всегда выходит из тюрьмы, как только захочет.

— За что его в этот раз?

— О, обычная ерунда — публичный разврат, наказуемое законом насилие, заговор с целью вымогательства, действия, ведущие к росту преступности среди малолетних, конспирация с целью обойти закон о бродяжничестве...

— Ого!

— Аннулирована их лицензия на приходскую школу, однако дети в обычную школу вернуться не желали. Не обращайтесь внимания, Джубал, все это сущая ерунда. Единственная вещь, в которой их технически можно обвинить, недоказуема. Джубал, если бы вы видели Гнездо, вы бы знали, что никакие Федеральные силы безопасности не могут подсунуть им следящие устройства. Поэтому успокойтесь. Шума сначала будет предостаточно, потом обвинения отпадут, а средства массовой информации сделают Майку такую рекламу, что народ повалит к ним толпами.

— Анни... а, может быть, Майк нарочно вызвал огонь на себя?

Она едва не потеряла дар речи.

— Господи, мне такая мысль и в голову прийти не могла, Джубал. Майк ведь не умеет лгать, вы же знаете.

— При чем тут ложь? Может, он распускает слухи, в которых все правда, но в суде доказать невозможно?

— Неужели вы думаете, что Майк способен на такое?

— Не знаю. Зато я знаю, что самый хитрый вид лжи — это сказать точно отмеренную часть правды, а потом замолчать. Не первый раз обвинение возбуждено лишь в расчете на рекламу и газетную шумиху. Ладно. Забудем, во всяком случае, до тех пор, пока не

выяснится, что события вышли из-под контроля Майка. Ты все еще «Первая»?

— Если не будете щекотать Абби под подбородком, агукать и издавать прочие звуки, за которые гонораров не платят, я ее принесу. Иначе мне придется будить Доркас.

— Неси Абби. Я сделаю добросовестную попытку издать звуки, за которые платят, — сочиню боевик на совершенно новый и никем не залапанный сюжетец — мальчик встречает девочку.

— Это просто сногсшибательно, босс! Хотелось бы знать, почему до вас об этом никто не подумал? Минуточку... — Она выбежала из комнаты.

Джубал пришел в хорошее настроение — потребовалась всего лишь минута не приносящей дохода деятельности, чтобы вызвать у Абигейл божественную улыбку, а потом Анни устроилась поудобнее и начала кормить девочку.

— Заглавие, — начал он, — «Девочки похожи на мальчиков, но они еще лучше». Начали. «Генри М. Хавершем Четвертый был прекрасно воспитан. Он верил, что есть только два вида девочек — те, с которыми он был знаком, и те, с которыми — нет. Он на сто процентов предпочитал последних, особенно в тех случаях, когда они к нему не липли». С красной строки. «Никто не представлял его той юной леди, которая ни с того ни с сего плюхнулась ему на колени, и Хавершем отнюдь не желал рассматривать это маленькое стихийное бедствие в качестве замены формального...» ...Какого дьявола тебе тут нужно?

— Босс... — начал Ларри.

— Выйди отсюда, закрой дверь и...

— БОСС! Они спалили церковь Майка!

Все бросились в комнату Ларри — Джубал, отставая от Ларри на полкорпуса, Анни, хотя и тащила лишних одиннадцать фунтов, почти наступала ему на пятки. Где-то сзади бежала Доркас, она стартовала позже, разбуженная переполохом.

«...в прошлую ночь. Сейчас вы видите то, что стало с главным входом храма этого культа сразу же после взрыва. Передачу дневного выпуска новостей вел местный корреспондент "Нью Уорлд". Не выключайте

наш канал, у нас наверняка будут для вас новые сообщения. А сейчас минутка для спонсора этой передачи...» Изображение храма исчезло, а на сцене возникла очаровательная хозяйшюка, показанная «наездом» камеры.

— Черт! Ларри, отключи эту штуковину и тащи ее в кабинет! Анни... нет, Доркас, звони Бену!

— Вы же знаете, что в храме нет телефонов, — запротестовала Анни. — Звонить туда бессмысленно.

— Тогда разыщите кого-нибудь, пусть сбегает... нет, в храме никого быть не может... Тогда звоните тамошнему начальнику полиции, нет, лучше окружному прокурору... Последнее сообщение о Майке было, что он в тюрьме?

— Верно.

— Надеюсь, он сейчас там. И все остальные — тоже.

— Я тоже надеюсь. Доркас, возьми Абби. Я пойду звонить.

Когда они вернулись в кабинет, телефон уже заливался во всю мочь, требуя включения скрамблера. Джубал чертыхнулся, набрал комбинацию, решив немедленно послать подальше звонившего, кем бы он ни был.

Им оказался Бен Какстон.

— Привет, Джубал.

— Бен! Ради всех чертей, что у вас там стряслось?!

— Я вижу, вы слушали «Новости»? Поэтому и звоню. Ситуация под контролем.

— Что с пожаром? Раненые есть?

— Да все в порядке. Майк велел передать вам...

— Как это в порядке? Я же видел снимок! Похоже на полный...

— Ах, это... — Бен пожал плечами. — Джубал, послушайте меня, пожалуйста. Мне предстоит позвонить еще многим людям. Вы же не один, кого нужно успокоить. Майк велел звонить вам первому.

— Гм... Хорошо, сэр.

— Никто не ранен, ни у кого даже ожогов нет. Конечно, материальный ущерб миллиона на два потянет. Впрочем, это здание уже все равно не годилось больше, оно «задыхалось» от впитанного в стены опыта впечатлений; Майк и так собирался его бросать. Да, оно

считалось огнеупорным, однако против газаolina и динамита ничто не может устоять.

— Похоже на настоящие боевые действия, а?

— Помолчите, Джубал. Они арестовали восьмерых наших, всех, кого сумели изловить из Девятого Круга, — всех на основании безымянных представлений об аресте, выписанных на «Джона Доу». Майк добился, чтобы нас всех выпустили под залог часа через два, кроме него самого. Он в каталажке.

— Я выезжаю немедленно.

— Спокойно, спокойно... Майк говорит, что вы можете ехать, если захотите, но особой нужды в этом нет. Я с ним согласен. Пожар начался прошлой ночью, когда храм был пуст, — все служения отменены из-за арестов — пуст, разумеется, кроме Гнезда. Все наши, то есть все, кто был в городе, кроме Майка, находились в это время в Сокровенном Храме. Шел обряд «Разделения Воды» в его честь, и тут-то и начались взрывы и пожар. Мы все перешли в запасное Гнездо.

— Судя по всему, вам здорово повезло, раз вы сумели выбраться.

— Мы были отрезаны, Джубал. Вообще-то мы все мертвы...

— ЧТО?!

— Мы все внесены в списки умерших или пропавших без вести. Видите ли, никто из храма так и не вышел, когда началась эта петрушка.

— Выбирались через потайной ход «только для жрецов»?

— Джубал, у Майка есть свои средства для подобных случаев... и я не собираюсь их обсуждать по телефону..

— Вы же сказали, что он в тюрьме?

— Сказал. Он и сейчас там.

— Так как же?..

— Хватит! Если вы приедете, не ходите к храму. Ему капут. Я не буду объяснять вам, где мы находимся... и звоню я не оттуда. Если вы приедете, а я в этом смысла особого не вижу, так как ничего сделать вы не сможете, то приезжайте как обычный пассажир, — мы вас отыщем.

— Но...

— Все. До свиданья, Анни, Доркас, Ларри и вы, Джубал, и бэби. Поделитесь водой. Ты есть Бог. — Экран погас.

Джубал выругался.

— Так я и знал! Вот что получается, если начать валять дурака с религией! Доркас, вызови такси. Анни... нет, сначала закончи кормить ребенка. Ларри, упакуй мой саквояж. Мне нужны все наличные деньги, которые есть в доме. Ларри завтра сходит в банк и пополнит запас.

— Босс, — запротестовал Ларри, — мы едем с вами все.

— Разумеется, все, — сухо подтвердила Анни.

— Умолкни, Анни! Доркас, заткнись! В такое время женщины лишаются права голоса. Тот город — передовая, где может случиться все, что угодно. Ларри, ты останешься здесь и будешь защищать двух женщин и ребенка. Забудь насчет банка — деньги вам не понадобятся, потому что никто из вас и носу не высунет наружу, пока я не вернусь. Игра пошла грубая, а между этим домом и церковью Майка достаточно контактов, чтобы и тут кто-нибудь решился сыграть ва-банк. Ларри, каждую ночь включай все прожектора, проволоку держи под током и в случае необходимости — стреляй. Если потребуется — гони всех в убежище, во всяком случае колыбельку туда поставь заранее. Принимайтесь за дело, мне еще надо переодеться.

Тридцатью минутами позже Джубал сидел в кабинете полностью готовый к отъезду.

— Босс, такси приземляется! — крикнул Ларри.

— Спускаюсь, — ответил он, бросая прощальный взгляд на «Упавшую кариатиду». Глаза его наполнились слезами. Он шепнул: — Ты сделала все, что могла, девочка, но камень всегда неподъемен... да и кому придется под силу такой...

Нежно дотронувшись до руки согбенной фигуры, он повернулся и вышел.

Глава 35

Такси повело себя именно так, как и думал Джубал, ожидавший подвоха от любой машины — испортилось и полетело на ремонтную базу. Джубал оказался в Нью-Йорке, то есть дальше от своей цели, чем был вначале. Он понял, что доберется скорее, если воспользуется обычным рейсовым транспортом, а не заказной машиной. Он прибыл на место через несколько часов, проведя немало времени в тесноте, среди посторонних людей и не видя ничего, кроме экрана стереовизора.

Он видел клип, в котором архиепископ Шорт объявил священную войну против антихриста, то есть Майка, видел множество кадров, показывающих дотла сожженное здание, — было непонятно, как мог кто-нибудь выбраться оттуда живым. Огастус Гривс, сделавший весьма тревожный обзор событий, заявил, что в любой склоке между соседями один всегда зачинщик, и весьма ловко протащил идейку, что вся вина ложится на Майка.

В конце концов Джубал очутился в муниципальном аэропорту, отчаянно потев в своей зимней одежде. Он поглядел на пальмы, как показалось ему, похожие на износившиеся перьевые метелки для пыли, мельком взглянул на океан, подумал, что это просто гигантская

грязная ванна, отравленная разложившимися корками грейпфрутов и человеческими экскрементами, и внезапно понял, что не знает, куда теперь идти.

К нему подошел мужчина в форменной фуражке.

— Такси, сэр?

— Э-э-э... да. — Он поедет в отель, созовет пресс-конференцию, даст интервью, из которого станет ясно его местонахождение.

— Сюда, сэр. — Шофер подвел его к старенькой машине желтого цвета. Ставя саквояж в машину, куда уже сел Джубал, водитель тихо произнес:

— Я принес тебе воду.

— А? Да не испытаеть ты жажды.

— Ты есть Бог. — Пилот закрыл дверь и сел на переднее сиденье.

Они сели на крыше одного из крыльев большого прибрежного отеля на частной, рассчитанной на четыре машины площадке — главная посадочная площадка была на крыше другого крыла. Шофер автопилотом отправил машину на главную площадку, а сам, неся саквояж Джубала, повел его в отель.

— Через главный вход нельзя, — говорил он, — в фойе этого этажа уйма кобр, так что если вам надо будет выйти на улицу, то попросите кого-нибудь — меня или кого другого проводить вас. Я — Тим.

— А я — Джубал Харшоу.

— Я знаю, брат Джубал. Вот сюда. И осторожнее, тут ступеньки.

Они вошли в апартаменты, явно принадлежавшие к числу номеров люкс. Провожатый ввел его в спальню, из которой дверь вела в ванную комнату. Здесь Тим сказал:

— Это ваш номер. — Поставил саквояж и ушел.

На столе Джубал нашел воду, кубики льда и бренди его любимой марки. Он смешал себе порцию, выпил, облегченно вздохнул и снял свой зимний наряд.

Вошла женщина с подносом сэндвичей. Ее одежду Джубал принял за форму горничной, поскольку она походила на шорты, лифчики, саронги и прочее, что скорее должно демонстрировать тело, как то обычно бывает на курортах, чем скрывать его. Женщина улыбнулась ему и сказала:

— Пей глубже, брат наш, и никогда не испытывай жажды. — Она поставила поднос на стол, прошла в ванную, пустила воду, проверила, все ли необходимое на месте. — Вам что-нибудь еще нужно, Джубал?

— Мне? О, нет, нет, все отлично. Бен Какстон здесь?

— Да. Он сказал, что вы сначала захотите принять ванну и немного отдохнуть. Если вам что-то понадобится, только скажите. Попросите любого или пусть позовут меня. Я — Патти.

— А! «Жизнь архангела Фостера», не так ли?

На ее лице появились ямочки, и это сделало ее куда моложе тех тридцати, которые Джубал про себя ей дал.

— Да.

— Мне бы очень хотелось на это поглядеть. Я ведь интересуюсь религиозным искусством.

— Прямо сейчас? Нет, я *грокк*, вам надо принять ванну. А может, вам помочь?

Джубал помнил, что его татуированная подружка японочка не раз оказывала ему такую любезность. Однако сейчас ему до смерти не терпелось смыть грязь и пот и переодеться в летнее платье.

— Нет, спасибо, Патти, однако я с удовольствием взгляну на это, когда тебе будет удобно.

— Когда захотите. Спешить некуда. — Она ушла не спеша, но двигаясь со стремительной быстротой.

Джубал не стал копаться. Спустя короткое время он уже рылся в упакованном Лапри саквояже и сердился, не обнаружив летних брюк. Пришлось ограничиться сандалиями, шортами и яркой рубашкой — наряд, в котором он был похож на забрызганного яркими красками страуса эму, — только ноги были тощие и волосатые. Впрочем, Джубала такие мелочи не волновали уже многие годы. Сойдет до тех пор, пока не придется идти на улицу. Интересно, местная ассоциация адвокатов имеет договор о взаимодействии с пенсильванской?

Он нашел дорогу в большую гостиную, которая, как это бывает часто в отелях, была начисто лишена индивидуальности. Несколько человек сидели вокруг такого большого стереовизора, какие Джубалу приходилось видеть только в стереозалах. Один из сидевших повернулся к нему.

— Привет, Джубал! — Встал и пошел к нему навстречу.

— Привет, Бен. Какова ситуация? Майк все еще в тюрьме?

— О нет! Он вышел оттуда вскоре после нашего с вами разговора.

— Время предварительного слушания дела уже назначено?

Бен ухмыльнулся.

— Все не так, как вы думаете, Джубал. Майка не освободили. Он бежал.

Джубал возмутился:

— Что за идиотизм! Теперь его положение осложнилось во много раз.

— Я же вам говорил, Джубал, волноваться не надо. Мы все вообще считаемся погибшими, а Майк — пропавшим без вести. С этим городом мы распевались, так что все это не имеет никакого значения. Мы уезжаем в другое место.

— Они потребуют его выдачи.

— Не бойтесь. Этого не произойдет.

— Ладно. А где он? Мне с ним нужно поговорить.

— Он тут, совсем недалеко от вашей комнаты, но сейчас он погрузился в медитацию. Майк просил вас пока не предпринимать никаких действий. Если вы настаиваете, его, понятно, можно разбудить. Джилл вызовет его из транса. Но я не советовал бы. Ведь особой срочности нет.

Джубалу отчаянно не терпелось поговорить с Майком и хорошенько отчитать его за всю эту неразбериху, но беспокоить Майка, пока он находится в трансе, было бы еще большим преступлением, чем потревожить самого Джубала, пока он диктует рассказ. Мальчуган и сам выйдет из состояния транса, когда он «грокк во всей полноте», — что бы это ни значило. А если он такого состояния не достиг, то ему снова придется впадать в транс. Беспокоить его было столь же бессмысленно, как будить медведя от зимней спячки.

— Ладно, но я обязательно должен с ним увидеться, как только он очнется.

— Так и будет. А сейчас отдохните и забудьте о трудностях пути. — Бен подвел его к группе собравшихся у «ящика».

— Привет, босс, — сказала Анни, поднимая взгляд и освобождая ему место рядом с собой, — располагайтесь.

Джубал сел.

— Смею ли я спросить, какого дьявола ты тут делаешь?

— То же самое, что и вы, — то есть ничего. И пожалуйста, Джубал, не сердитесь. Мы, как и вы — часть этого дома. Но вы были так взвинчены, что спорить с вами не имело смысла. Поэтому отдохните и послушайте, что говорят о нас. Шериф заявил, что собирается выгнать нас, шлюх, из этого города. Их как — выносят верхом на шестах? Или предлагают идти пешком?

— Не думаю, что существует утвержденный протоколом порядок. Вы все сюда заявились?

— Да... только не злитесь. Ларри и я договорились с ребятами Мак-Клинтока на всякий случай еще год назад. Они знакомы с нашей отопительной системой, знают, где выключатели и все такое прочее.

— Хм... похоже, что я там всего-навсего жилец.

— Но вы же сами настаивали, чтоб вас не загружали хозяйственными мелочами. А вот, что вы не захотели взять нас с собой, — это действительно позор. Мы здесь уже несколько часов, значит, у вас в дороге были неприятности.

— Так оно и есть. Анни, когда я вернусь домой, я оттуда больше в жизни шага не ступлю... оторву шнур у телефона, а «говорильник» разобью кувалдой.

— Да, босс.

— На этот раз я совершенно серьезен. — Он взглянул на гигантский «ящик».

— Что, эта реклама так и будет тянуться без конца? А где моя крестница? И не говори мне, что ты и ее оставила на попечение этих олухов — сыновей Мак-Клинтока!

— Конечно, нет. Она здесь. У нее, благодарение Господу, даже отличная няня завелась.

— Хочу на нее посмотреть.

— Патти вас проводит. Мне она надоела — всю дорогу вела себя совершенно невыносимо. Патти, милочка, Джубал хочет повидать Абби.

Татуированная леди неспешно и стремительно пересекла комнату и остановилась.

— Конечно, Джубал. Я совершенно свободна. Вот сюда. Детишки у меня в комнате, — объяснила она, пока Джубал еле успевал за ней, — так, чтобы Хони Бун мог присматривать за ними.

Джубал был поражен, увидев то, что имела в виду Патриция. Боа возлежал на постели, образуя своими петлями нечто вроде квадрата, служившего гнездом, вернее двумя гнездами, ибо один из отрезков тела змеи пересекал квадрат по диагонали, что создавало две колыбельки, застеленные одеяльцами, в каждой из которых сидело по младенцу.

Змея-няня подняла голову и вопросительно поглядела на подходивших к постели. Патти погладила ее по голове и сказала:

— Все в порядке, милый, папа Джубал хочет с ними повидаться. Приласкайте его чуть-чуть, пусть он *грокк* вас, тогда он в следующий раз уже сам вас узнает.

Джубал сначала погутикуал своей любимице, а когда она в ответ начала курлыкать и брыкаться, он погладил змею. Это был самый великолепный образчик рода *Voidae* из всех, каких ему только приходилось видеть, — больше любого боа-констриктора, жившего в неволе. Поперечные полосы на туловище змеи выделялись отчетливо, а яркие краски на хвосте прямо сверкали. Джубал даже позавидовал Патти, что у нее есть такое домашнее диво, и пожалел, что у него так мало времени, чтобы сойтись с Хони Буном поближе.

Змея потерялась головой об его руку, так как это делают кошки. Патти взяла Абби на руки, сказав:

— Хони Бун, что ж ты мне не сказал? Он всегда дает знать, если девчушки запутываются или им что-то нужно, поскольку сам он может лишь подтолкнуть их обратно, если они попытаются ускользнуть от него. Но он не *грокк*, что мокрую детку надо перепеленать: Хони Бун не видит ничего страшного, если ребенок в луже. Впрочем, Абби — тоже.

— Знаю. Мы прозвали ее «Верный старый дружище»*. А это что еще за прелесть?

— Это — Фатима-Мишель. Я думала, вам уже ска-
зали.

— И они тут? Я думал, они в Бейруте!

— Да, они и в самом деле приехали откуда-то отту-
да. Мириам не стала говорить откуда, сказала, я все
равно не запомню. Я же никогда нигде не бывала. Я
грокк — все места одинаковы — люди-то всюду жи-
вут. Хотите поддержать Абигейл, пока я проверю Фатиму?

Джубал очень хотел и первым делом заверил ма-
лышку, что она самая первейшая красавица в мире,
после чего он сделал такой же комплимент Фатиме. В
обоих случаях он был совершенно искренен, и девочки
ему поверили — Джубал прибегал к этому методу мно-
жество раз еще в те времена, когда он только начинал
работать в администрации Хардинга; при этом он всегда
был искренен, и каждый раз метод срабатывал безуп-
речно.

Уходил он с сожалением, успев сказать те же вол-
шебные слова Хони Буну и потрепав его по голове.

У выхода он столкнулся с матерью Фатимы.

— Босс, милый! — Она расцеловала его и похлопа-
ла по животу. — Я вижу, вас откармливают на убой.

— А как же! Я тут познакомился с твоей дочуркой.
Ангельский куленок, да и только!

— Славную девочку сработали, а? Мы собираемся
продать ее в Рио.

— Я полагал, что в Йемене цены выше.

— Стинки считает, что нет. Придется продать, чтоб
освободить местечко. — Она приложила руку Джуба-
ла к своему животу. — Чувствуете? Стинки и я делали
мальчика — на девчонку у нас времени не хватает.

— Мириам, — сказала Патриция простодушно, —
так говорить нехорошо.

— Извини, Патти. О твоём бэби я бы так никогда не
сказала. Тетя Патти настоящая леди, и она *грокк*, что
я — совсем наоборот.

* Самый крупный гейзер в Йеллоустонском национальном парке.

— Я тоже знаю, что ты не леди, озорница! Но, если Фатиму продают, я дам вдвое больше, чем любой самый богатый покупатель.

— Поговорите-ка с тетушкой Патти об этом. Мне-то еле-еле разрешают хоть на минутку взять ребенка на руки.

— Кроме того, ты пока еще не так уж толста, вполне возможно, что захочешь попридержаться девочку при себе. Дай-ка я посмотрю в твои глаза... Ммм... вполне возможно.

— Точно! Майк *грокк* это дело тщательно и сказал Стинки, что тот сделал мальчика.

— Как мог Майк это *грокк*? Я так даже вообще не уверен, что ты беременна.

— Нет, она беременна, Джубал, — подтвердила Патти.

Мириам взглянула на него серьезными глазами.

— А вы все изображаете скептика, босс? Майк *грокк* это, когда мы еще были в Бейруте, то есть до того, как мы со Стинки сами поверили, что что-то такое есть. Майк нам позвонил... Тогда Стинки заявил в университете, что мы берем годичный отпуск для свободного научного поиска, и вот мы — тут как тут.

— И что же вы тут делаете?

— Работаем. И куда больше, чем на вас, босс, — мой муж рабовладелец от природы.

— А над чем?

— Они составляют марсианский словарь, — сказала Патти.

— Марсианско-английский? Это, должно быть, трудно.

— Нет, нет. — Мириам была откровенно шокирована. — Такая задача невыполнима. Марсианский толковый словарь. Такого еще никогда не существовало. Марсианам он не нужен. Моя работа преимущественно техническая. Я печатаю то, что они готовят. Майк и Стинки, главным образом Стинки, разработали фонетическое письмо для марсианского языка — восемьдесят одна буква-рисунок. Мы работаем с принтером ИБМ, переделали его на марсианский и пользуемся им как на верхнем, так и на нижнем регистрах... Босс, милый, я теперь как секретарша никуда не гожусь. Я

печатаю слепым методом по-марсиански. А вы, пожалуйста, продолжайте меня любить, ладно? Даже, если вы закричите «Первая!», а у меня ничего не получится... Кроме того, я еще не разучилась готовить. И говорят, есть у меня еще кое-какие таланты.

— Что ж, придется мне диктовать на марсианском.

— И будете, когда Майк и Стинки вас обучат. Я грюкк. А, Патти?

— Ты говоришь верно, мой брат.

Они вместе вернулись в гостиную. Там к ним присоединился Какстон и, предложив поискать местечко потише, повел Джубала по коридору в другую гостиную.

— Вы, видимо, сняли для себя почти целый этаж?

— Целиком, — подтвердил Бен. — Четыре номера: секретарский, президентский, королевский и личный номер хозяина отеля. Все они соединяются между собой и имеют вход только с собственной посадочной площадки... можно, конечно, пройти и через фойе, но это небезопасно. Вас предупредили насчет кобр?

— Да.

— Пока нам больше места не надо... но в дальнейшем может стать тесно — народ все прибывает.

— Бен, но долго ли можно жить вот так — у всех на виду? Отельная прислуга вас выдаст.

— Она сюда не поднимается. Видите ли, этот отель — собственность Майка.

— Тем хуже, мне кажется.

— Не хуже, если нашего жирного начальника полиции мистер Дуглас купил на корню. У Майка подставные лица на четырех уровнях, и Дуглас не сует нос в его распоряжения. С тех пор как я передал свою колонку Осу Килгаллену, Дуглас относится ко мне нормально; но он, как я понимаю, отнюдь не жаждет вручить мне контрольные функции. Кстати, номинальный владелец отеля — один из наших, член пресловутого Девятого Круга. Он и оставил себе весь этаж на летний сезон, а менеджер, конечно, и не подумал спросить — зачем, ибо высоко ценит свой нынешний пост. Это первоклассное убежище. Во всяком случае до тех пор, пока Майк не решит, куда мы двинемся.

— Все выглядит так, будто Майк заранее предусматривал подобное развитие событий.

— Я уверен в этом. Еще две недели назад Майк эвакуировал Гнездо малышни — кроме Мириам и ее ребенка. Мириам нужна тут. Майк разослал детей с родителями по разным городам — туда, где он собирался открыть новые храмы, как я думаю. И когда пробил час, нас тут осталось всего около дюжины — спасти такое количество Майку было нетрудно.

— Но вам еле удалось остаться в живых, и при этом вы потеряли все имущество!

— О, все самое важное спасено. Такие вещи, как пленки с языковыми записями Стинки, тот хитрый принтер, которым пользуется Мириам, и даже ваша жуткая физиономия из музея восковых фигур мадам Тюссо... Майк успел спасти также кое-что из одежды и все наличные деньги.

— Вы говорите — Майк? — удивился Джубал, — но мне казалось, что он в это время находился в тюрьме?

— В тюрьме было его тело, пребывавшее в состоянии транса. А сам Майк был с нами в это время, понимаете?

— Я не *грокк*.

— Внутренняя взаимосвязь. Он действовал преимущественно через Джилл, но связаны были все. Джубал, я не могу этого объяснить. В этом надо участвовать. Когда раздался взрыв, он перенес нас сюда, потом вернулся обратно и спас кое-какое барахло.

Джубал нахмурился. Какстон нетерпеливо заговорил:

— Ну конечно, это телепортация. Неужели вы не можете *грокк*? Вы же сами говорили, для того чтобы убедиться, что чудо — есть чудо, мне просто нужно раскрыть глаза. Я так и сделал... и узрел чудо. Только это, видите ли, не более чудесно, чем радио. Вы *грокк* радио? Или стереовидение? Или как действуют компьютеры?

— Я?! Никак нет!

— Вот и я тоже. Но мог бы понять, если бы нашел время и как следует поработал над языком электроники. Там нет ничего чудесного — нужно лишь умение. Телепортация — дело простое, когда ты усвоишь ее «язык», а вот это — по-настоящему трудно.

— Бен, а вы сможете телепортировать предметы?

— Я? Понимаете, этому в детских садах не обучают. Меня из вежливости сделали дьяконом только потому, что я из «первого призыва», но практически добрался я только до уровня Четвертого Круга. Едва-едва начинаю обретать контроль над собственным телом. Телепортацией пользуется регулярно одна лишь Патти... и то, я не уверен, что она обходится без помощи Майка. О! Майк, конечно, говорит, что ей телепортация вполне по силам. Но Патти слишком наивна и скромна для того таланта, которым обладает, и потому считает себя зависящей от Майка. На самом же деле никакой такой зависимости нет. Джубал, я *грокк* вот что — теперь необходимости в Майке нет. «Человеком с Марса» могли бы стать вы, мог бы я. Майк просто первый человек, который открыл огонь. Огонь существовал и до него и существует после того, как он показал, как им надо пользоваться. И стал огонь доступным для всех... для всех, у кого хватит мозгов, чтобы не обжигаться. Понятно излагаю?

— Кое-что я *грокк*.

— Майк — это наш Прометей. Вот и все. Майк сам на это непрерывно указывает. Вы есть Бог, я есть Бог. Все, что *грокк* — есть Бог. Майк такой же человек, как мы все. Конечно, в определенном смысле он супермен, так как мелкий человечиска, обученный марсианами, наверняка выдал бы себя за какого-нибудь божка. У Майка даже соблазна такого возникнуть не могло. Прометей — вот и все.

Джубал медленно вымолвил:

— Прометей заплатил очень высокую цену за то, что принес людям огонь.

— Не думайте, что Майк ее не платит! Он платит двадцатью четырьмя часами работы в сутки по семь суток в неделю, стараясь обучить нас, как играть со спичками и не обжигаться. Джилл и Патти попытались снизить планку и заставили его брать одну «выходную» ночь в неделю — это было задолго до того, как я сюда вернулся. Но разве Майка остановишь! Этот городишко битком набит игорными домами, большей частью шулерскими, так как официально азартные игры тут запрещены. Поэтому «выходные» ночи Майк тратил на то, чтобы отыскивать дома, где идет нечестная игра, и

обыгрывать их. Они пробовали запутивать его, пытались даже убить, прибегали к сильно действующим наркотикам и к услугам здоровенных подонков, — он ведь в городе имел просто репутацию необыкновенно удачливого игрока... что привело в храм еще кучу народа. Тогда они решили не допускать его в игорные дома. Это было ошибкой с их стороны. Колоды карт отказывались тасоваться, будто их заморозили, колеса рулетки не вертелись, стаканчики для костей все время выбрасывали одно и то же число очков. Им пришлось договариваться — упростили Майка уходить сразу же, как только выиграет несколько тысяч. Майк всегда соглашается, когда просят вежливо.

Подумав, Какстон добавил:

— Так что теперь против нас образовался еще один блок. Не только фостериты и другие церковники, но и мафия, и городская политическая машина. Думаю, взрыв храма — дело рук профессионалов, сомнительно, чтобы хулиганье из фостеритовых банд пошло бы на такое дело.

Во время их разговора люди входили и выходили, собирались группами. Джубалу казалось, что он улавливает исходящее от них странное сочетание неторопливого спокойствия и динамичной напряженности.

Никто не волновался, никто не бегал туда и сюда, их действия отличались несомненной целесообразностью, даже такие, казалось, совершенно обыденные и непредусмотренные, как жесты, которыми они обменивались при встрече, поцелуи и так далее. Джубалу померещилось, что он смотрит балетную сцену, поставленную опытным хореографом.

«Спокойствие и все возрастающая напряженность, как будто ожидание чего-то», — решил он. Люди напряжены, но это не утрюмая напряженность страха, — она что-то напоминала Джубалу. Операционную? Когда главный хирург оперирует, а кругом — ни звука, ни единого лишнего жеста?

Нет! Он вспомнил. Много лет назад, когда впервые проводились опытные запуски ракет, работавших на синтетическом топливе, ему случилось присутствовать в бункере при отсчете времени запуска. Он припомнил те же приглушенные голоса, спокойные, такие разные,

но в чем-то сходные движения, то же самое нарастающее возбужденное ожидание. Они ждали, когда наступит «полное свершение», это было ясно. Но свершение чего? И почему они так счастливы? Их храм и все, что они создали, лежали в руинах... и тем не менее они чем-то походили на детей, ожидающих, когда же зажгут рождественскую елку.

Джубал сразу же по прибытии в Гнездо заметил, что нагота, так поразившая Бена при его первом посещении Гнезда, сейчас почти не встречалась, хотя здесь были одни свои. Если даже кто-то и появлялся без одежды, Джубал этого просто не замечал, настолько он проникся теплой семейной обстановкой Гнезда, так что одеты или не одеты члены семьи, не имело никакого значения.

Сейчас его внимание привлекла не кожа, а потрясающий каскад прекрасных черных волос — самых черных из всех, когда-либо виденных Джубалом, — украсивших молодую женщину, которая вошла, поговорила с кем-то, послала Бену воздушный поцелуй, бросила внимательный взгляд на Джубала и вышла. Джубал проводил ее глазами, любясь гордо развевающейся гривой ее черных как ночь волос. Только тогда, когда женщина вышла, он сообразил, что она была облачена лишь в свою поистине королевскую красоту... Вот тогда-то он понял, что она отнюдь не первая из его братьев по воде, которые ходят обнаженными.

Бен заметил его взгляд.

— Это Рут, — сказал он. — Новая верховная жрица. Они с мужем ездили на восточное побережье, думаю, чтобы выбрать место для нового храма. Рад, что они вернулись. Похоже, вся наша семья скоро соберется вместе.

— Какие дивные волосы! Жаль, что она тут же ушла.

— Почему же вы ее не остановили?

— Э-э-э...

— Рут, конечно, пришла специально, чтобы посмотреть на вас, — они же только что приехали. Разве вы не заметили, что все стараются беспокоить вас как можно меньше.

— Гм... заметил.

Еще направляясь сюда, Джубал решил не допускать излишней фамильярности, но оказалось, что он боялся оступиться там, где ступенек вовсе не было. К нему относились в высшей степени гостеприимно, но это отношение скорее напоминало спокойную вежливость кошки, нежели бурное дружелюбие собаки.

— Всех ужасно взволновало ваше появление здесь, и все рады вас видеть... но они благоговеют и не смеют подойти.

— Передо мной благоговеют?!

— Ох, я рассказывал вам прошлым летом... Вы здесь нечто вроде мифа, не вполне реальны и кажетесь гигантом. Майк говорил, что вы единственный человек, который может *грокк* во всей полноте без знания марсианского языка. Многие из них думают, что вы можете читать в умах так же легко, как Майк.

— Что за чушь! Надеюсь, вы их разуверили?

— А кто я такой, чтобы разрушать мифы? Если вы и умеете читать мысли, то все равно не признаетесь. Они немного побаиваются вас — говорят, будто вы поедаете за каждым завтраком ребенка, а когда возвышаете голос, — земля содрогается. Каждый из них был бы счастлив, если бы вы обратили на него внимание... но сами подойти не смеют. Они знают, что даже Майк вытягивается в струнку, когда вы говорите.

Джубал отверг это предположение одним, но весьма крепким глаголом.

— Разумеется, — согласился Бен, — у Майка есть свои слабости. Я же говорил вам, что он всего лишь человек. А вы — наш святой покровитель, и тут уж ничего не поделаешь.

— Пусть... А вон входит кто-то, кого я знаю... Джилл, Джилл, иди сюда, дорогая.

Женщина, помешкав, обернулась.

— Я — Дон. Но все равно, спасибо вам. — Она подошла, и Джубал подумал, что сейчас она начнет целоваться. Вместо этого Дон опустила на колени, взяла его руку и поцеловала ее. — Отец Джубал! Мы рады вам и готовы пить вашу мудрость!

Джубал вырвал руку.

— О! Ради Бога, дитя! Встань и сядь вот здесь рядом. Разделим воду.

— Да, отец Джубал.

— Зови меня просто Джубал. И скажи всем, что мне не нравится, когда со мной обращаются, как с прокаженным. Надеюсь, я тут нахожусь в лоне своей семьи, не правда ли?

— Да... Джубал.

— И потому я хочу, чтобы все звали меня просто Джубалом и обращались со мной как с братом по воде — не больше и не меньше. Каждого, кто наберется нахальства и проявит ко мне почтение, я оставляю после уроков в классе. Ты — *грокк*?

— Да, Джубал, — согласилась она. — Я им так и сказала.

— Как?

— Дон хочет сказать, — вмешался Бен, — как я думаю, что она сообщила Патти, а та передает это остальным — тем, кто умеет слушать внутренним слухом. А они, в свою очередь, расскажут о вашем желании всем, кто пока «глуховат», вроде меня.

— Да, — кивнула Дон, — все верно, кроме того, что говорила я с Джилл, так как Патти вышла в город за чем-то, что понадобилось Майку. Джубал, вы смотрели передачи стерео? Там очень интересные новости.

— Что? Нет, не смотрел.

— Ты имеешь в виду разгром тюрьмы, Дон?

— Да, Бен.

— Мы этого еще не обсуждали. Джубал, Майк не просто взломал тюрьму и явился домой; он для забавы сотворил несколько чудес. Не оставил в окружной тюрьме ни одной двери, ни одной решетки, сделал то же самое с тюрьмой штата, которая находится неподалеку. И разоружил всю полицию. Прodelал он это частично, чтоб не скучали, но главным образом потому, что Майку ненавистна сама мысль о лишении человека свободы по каким бы то ни было причинам. Он *грокк*, что это большая скверна.

— Что ж, все верно, — согласился Джубал, — Майк — человек мягкий. Ему больно, когда он видит человека за решеткой. Я с ним совершенно согласен.

Бен покачал головой.

— Майк вовсе не мягок, Джубал. Убить человека для него сущий пустяк. Но он стихийный анархист и

считает, что запереть человека в тюрьму — большое зло. Свобода личности — и в то же время полная ответственность за поведение этой личности. Ты есть Бог.

— В чем вы видите противоречие, сэр? Убить человека иногда необходимо. А тюремное заключение — преступление против самой его сущности. Между прочим, и вашей в том числе.

Бен посмотрел на него.

— Майк прав, вы *грокк* во всей полноте так же, как и он сам. Я же нет... Впрочем, я пока только учусь. — Помолчав, он добавил: — Как они к этому отнеслись, Дон?

Она тихонько хихикнула.

— Точно как осы, когда им в гнездо сунут палку. Мэр просто пеной исходит. Он потребовал помощи от штата и от Федерации и получил ее. Мы видели, как приземляются машины с войсками. Но как только солдаты вылезают, Майк тут же с ними разделяется — исчезает не только оружие, но даже сапоги, а когда в машинах никого не остается, пропадают и они.

— Я *грокк*, — сказал Бен, — что Майк останется в трансе, пока они не прекратят свои попытки. Чтобы справиться с таким множеством деталей, нужна бездна времени.

Дон помолчала.

— Не думаю, Бен. Это мне бы понадобилось отключаться надолго, чтобы справиться даже с частью того, с чем имеет дело Майк. Однако я *грокк*, что Майк может решить эту задачу даже если б он катался на велосипеде, к тому же стоя в седле на голове.

— Ну... откуда мне знать, я ведь пока способен только делать куличики из песка. — Бен встал. — Иногда у меня от всех вас, чудодеев, голова крутом идет, деточка. Пойду лучше «ящик» посмотрю. — Он задержался, чтобы поцеловать Дон. — Займись-ка папочкой Джубалом. Он любит маленьких девочек. — Какстон вышел, за его спиной сама собой поднялась пачка сигарет и, догнав Бена, влезла ему в карман.

— Это ты сделала, — спросил Джубал, — или сам Бен?

— Бен... Вечно он забывает свои сигареты. Они гоняются за ним по всему Гнезду.

— Хм... Ничего себе куличики!

— Бен продвигается куда быстрее, чем говорит. Он очень святой человек.

— М-да! Дон, ты ведь та самая Дон Ардент, с которой я познакомился в храме Фостера, не так ли?

— О! Вы меня запомнили?! — Она выглядела так, будто ей подарили пригоршню карамелек.

— Еще бы! Но ты изменилась. Ты стала еще прекраснее.

— Это и в самом деле так, — ответила она просто. — Вы приняли меня за Джилл. Она тоже стала куда восхитительнее.

— А где моя дорогая девочка? Я думал, что увижу ее сразу же по приезде.

— Она работает. — Дон помолчала. — Но я ей передам ваши слова, и она сейчас придет. — Она опять помолчала. — Только мне придется заменить ее... с вашего позволения.

— Беги, дитя.

Она встала как раз в тот момент, когда появился доктор Махмуд и уселся на ее стул.

Джубал посмотрел на него с кислой усмешкой.

— Могли бы сделать мне одолжение и сообщить, что прибыли в наши палестины, вместо того чтобы ставить меня в положение, когда я о собственной крестнице должен узнавать от какой-то змеи.

— О Джубал, вы так дьявольски всегда спешите.

— Сэр, когда кто-то... — Джубал не окончил фразу: чьи-то руки закрыли ему глаза. Нежный голос сказал:

— Догадайтесь, кто?

— Вельзевул?

— Попробуйте еще раз.

— Леди Макбет?

— Уже теплее. Еще одна попытка, или вам крышка.

— Джилл, прекрати, иди сюда и сядь рядышком.

— Да, отец. — Она повиновалась.

— И перестань звать меня отцом на людях. Оставь это для дома. Сэр, я начал говорить, что когда кто-то достигает моих лет, он должен непременно поторапливаться. Каждый новый рассвет становится драгоценнее жемчуга... поскольку заката может и не быть.

Махмуд улыбнулся.

— Джубал, вы, кажется, считаете, что если ваши старые суставы перестанут скрипеть, то Земля прекратит свое вращение?

— Безусловно, сэр. С моей точки зрения, именно так и произойдет.

К ним тихонько присоединилась Мириам и села по другую руку Джубала. Он обнял ее.

— В таких обстоятельствах, сами понимаете, не так уже важно лицезрение вашей страшенной физиономии или даже несколько более приятного личика моей бывшей секретарши.

— Босс, — шепнула Мириам, — вы что — напрашиваетесь на пинок в брюхо? Я, как известно, исключительная красавица. Я слышала это от самых высоких авторитетов.

— Помолчи... Другое дело мои крестные дочери. Из-за того что вы не удосужились прислать мне хотя бы открытку, я мог не увидеть Фатиму-Мишель. В этом случае мне пришлось бы возвращаться с того света, чтобы преследовать вас обоих.

— А в этом случае, — указала Мириам, — вы могли бы заодно насладиться зрелищем Микки, втирающей себе в волосы тертую морковь. Вид, повергающий в отчаяние...

— Я говорил в метафорическом смысле.

— А я — нет. Жутко неряшлива, когда ест.

— А почему, — тихо спросила Джилл, — вы говорите метафорически, босс?

— Потому что «призрак» — концепция, которой я не пользуюсь ни в каком другом смысле, кроме метафорического.

— И тем не менее в это понятие заложено нечто большее, — настаивала Джилл.

— Э-э-э... возможно. Но я предпочитаю встретиться с маленькими девочками во плоти, включая и собственную.

— Именно об этом я и говорю, Джубал. Майк *грокк* вас. Он говорит, что у вас впереди еще много лет.

Джубал покачал головой.

— Я уже давно установил себе предел в виде трехзначной цифры.

— А что за цифра? — невинным тоном спросила Мириам. — Та, что была у Мафусаила *?

Джубал тряхнул ее за плечо.

— Твои шутки выходят за грань приличия!

— А Стинки утверждает, что неприличная женщина — это благо, нужно лишь, чтоб ее не было слышно.

— Твой муж прав. В тот день, когда мой календарь на часах впервые покажет трехзначную цифру, я расстанусь с брэнной оболочкой либо марсианскими, либо собственными грубыми методами. Этого вы лишить меня не сможете. Право игрока на выход из игры — одно из самых справедливых правил.

— Я *грокк*, вы говорите верно, Джубал, — медленно произнесла Джилл, — что это лучшее правило в игре, но только не рассчитывайте, что время для него наступит скоро. До познания во всей полноте еще далеко. Не прошло и недели, как Элли составила ваш гороскоп.

— Гороскоп? Господи Боже мой! И кто такая Элли? Как она посмела? Будь я проклят, если не пошлю ее куда подальше!

— Боюсь, ничего у вас не получится, Джубал, — вмешался Махмуд, — поскольку она участвует в работе над нашим словарем. Что же касается того, кто она такая, так это мадам Александра Весант.

Джубал страшно развеселился.

— Бекки? И она тоже попала в этот сумасшедший дом?

— Да, Бекки. Мы зовем ее Элли, так как у нас уже есть одна Бекки. И не надо издеваться над ее гороскопами, Джубал. Она — ясновидящая.

— Что за белиберда, Стинки! Астрология — чушь собачья, и вам это прекрасно известно.

— Рузумеется. Это знает и сама Элли. А большинство астрологов — бездарное жулье. Тем не менее Элли занимается ею еще прилежнее, чем раньше, используя марсианскую математику и марсианскую астрономию, которая куда точнее и полнее нашей. Это ее способ, чтобы *грокк*. Разные могут быть способы — лужица

* Согласно Библии, Мафусаил прожил девятьсот шестьдесят девять лет.

воды, хрустальный шар, внутренности цыпленка. Средства ничего не значат. Майк посоветовал ей продолжать пользоваться теми же символами, что и раньше. Главное-то в том, что она *видит*.

— Какого черта вы под этим подразумеваете, Стинки?

— Способность *грокк* о Вселенной больше, чем о ее крохотном кусочке вокруг нас. Майк обладает ею благодаря годам обучения на Марсе, Элли — почти необученный самородок. То, что она пользуется столь бессмысленным орудием, как астрология, значения не имеет. Четки ведь сами по себе тоже лишены смысла — я имею в виду четки мусульман и ни в коей мере не критикую наших конкурентов. — Махмуд полез в карман, достал оттуда четки и принялся их перебирать. — Считают же, что во время игры в покер иногда полезно повернуть на себе шляпу задом наперед. Частенько это помогает, что отнюдь не доказывает, что шляпы обладают волшебными свойствами.

Джубал бросил беглый взгляд на мусульманское изобретение и решил задать давно интересовавший его вопрос:

— А вы разве все еще правоверный? Я-то полагал, что вы за это время полностью перекаптовались на церковь Майка.

Махмуд отложил четки.

— Я принадлежу к обеим церквям.

— Как? Стинки, так они же несовместимы!

— Только в том случае, если судишь поверхностно. Лучше сказать, что Марьям приняла мою религию, а я — ее. Джубал, брат мой по воде, я все еще раб Божий, полностью покорный его воле... и тем не менее я говорю: «Ты есть Бог, я есть Бог, все, кто *грокк* — Бог». Пророк никогда не внушал нам, что он последний из пророков, и никогда не утверждал, будто ему удалось высказать все, что должно быть сказано. Покорность воле Божией вовсе не означает превращения в робота, неспособного на выбор, а потому неспособного и на грех. Покорность может включать и включает полную ответственность за то, как я или каждый из нас формирует Вселенную. Она наша, и в наших силах превратить ее в рай небесный... а может быть, зага-

доть и даже уничтожить. — Он улыбнулся. — «Для Бога все возможно» — я разрешу себе заимствовать это изречение с поправкой: кроме одного — Бог не в состоянии уйти от себя самого, он не может отречься от собственной полноты ответственности, он всегда должен быть покорен собственной воле. Ислам вечен... Он не может переложить всю ношу на другого. Она принадлежит ему... мне... вам... Майку...

Джубал тяжело вздохнул.

— Стинки, теология у меня всегда вызывает мерихлюндию. Где Бекки? Я не виделся с ней лет двадцать с хвостиком. В общем, очень долго.

— Вы обязательно увидите ее, но сейчас она занята — диктует. Сейчас я вам попробую объяснить все. Ежедневно я провожу какое-то время в тесном мысленном контакте с Майком — это всего несколько секунд, но ощущаются они как восьмичасовой рабочий день. Затем я тут же надиктовываю все, что он в меня «влил» за это время, на магнитную ленту. С этих лент другие люди, хорошо знающие марсианскую фонетику, делают рукописный текст. После этого Марьям перепечатывает рукопись, используя специальный принтер. Этот окончательный материал Майк и я — лучше бы Майк, но у него мало времени, — выправляем от руки.

Но теперь Майк *грокк*, что лучше бы отправить Марьям и меня куда-нибудь, чтобы мы не торопясь закончили эту работу. Вернее сказать, он *грокк*, что мы сами вскоре *грокк* такую необходимость. Поэтому Майк взял на себя работу по подготовке пленок, которых нам хватит на много месяцев или даже лет работы. Кроме того, у нас есть кипы лекций Майка на марсианском языке, которые надо будет расшифровать, когда закончится работа над словарем.

Думаю, что нам с Марьям придется уехать очень скоро, так как Майк, несмотря на занятость, в корне изменил обычный порядок работы. Здесь восемь спален, оборудованных магнитофонами. Все, кто умеет работать: Патти, Джилл, Марьям, я, ваша подружка Эли и еще кое-кто — по очереди дежурят в этих комнатах. Майк погружает нас в транс и диктует — дефиниции, идиомы, понятия, и все это за мгновения, которые нами ощущаются как часы... Затем мы немед-

ленно начинаем надиктовывать все, что он в нас «вложил», пока еще свежа наша память. Такое не каждому по плечу. Дело трудное — необходимо хорошее произношение, а главное — умение, находясь в трансе, слиться с другими, а затем быстро выдать результаты. Сэм, например, обладает всеми нужными качествами, но у него такой акцент! Не знаю как, но он умудряется говорить по-марсиански с акцентом жителя Бронкса *. Так что его привлечь к работе никак нельзя: будут бесконечные ошибки. Так вот Элли сейчас этим и занята — диктует. Она наполовину погружена в транс, и, если ее прервать, она все забудет, что успела надиктовать.

— Я *грокк*, — согласился Джубал, — хотя мысль о Бекки Вейси, как о специалисте по марсианскому языку, меня потрясает... Правда, в свое время она была одной из лучших чтецов мыслей в шоу-бизнесе. Она читала вслух такие вещи, что дураки-зрители со страха чуть не писали в штаны. Стинки, если вы уезжаете в поисках мира и тишины, почему бы не отправиться к нам? В новом крыле места сколько угодно.

— Что ж, может быть. Ожидание покажет.

— Любимый, — серьезно сказала Мириам, — такое решение мне больше всего по душе, раз уж Майк вытаскивает нас из Гнезда.

— Раз уж мы *грокк* необходимость отъезда из Гнезда!

— Это одно и то же.

— Ты говоришь верно, дорогая. Слушай, а когда здесь едят? Мне как-то отнюдь не по-марсиански хочется лопать. В прежнем Гнезде обслуживание было лучше.

— Ну нельзя же ожидать, чтобы Патти работала над твоим проклятым словарем, следила, чтобы вам всем было уютно, была бы у Майка на побегушках, да еще подавала на стол еду, как только ты проголодаешься, мой дорогой. Джубал, никогда Стинки не бывать священником — он раб своего желудка.

— Что ж, я тоже.

— А вы, девочки, могли бы помочь Патти, — добавил Махмуд.

* Район Нью-Йорка с многочисленным еврейским населением.

— Намек поняла. Ты же знаешь, мы помогаем, делаем все, что она позволит, да и Тони не каждого пустит на кухню. — Она встала. — Пойдем, Джубал, посмотрим, что там готовится. Тони будет польщен, если вы посетите его владения.

Джубал отправился с ней, познакомился с Тони, который хмурился, пока не увидел, кто пришел с Мириам, а затем, сияя гордой улыбкой, стал хвастаться своим хозяйством, сочетая это с инвективами против мерзавцев, разрушивших его кухню в Гнезде. Все это время ложка сама собой помешивала соус для спагетти.

Чуть позже Джубал еле отбился от чести сесть во главе длинного стола и занял место среди прочих. На нижнем конце стола расположилась Патти, а на верхнем место пустовало, хотя у Джубала все время было ощущение, которое он с трудом отгонял, что там сидит «Человек с Марса» и что все, кроме Джубала, его прекрасно видят.

Прямо против Джубала сидел доктор Нельсон.

Джубал подумал, что он гораздо больше удивился бы, если б доктора Нельсона тут не оказалось. Он кивнул ему и сказал:

— Привет, Свен!

— Привет, док. Разделим воду?

— Да не испытаеть ты жажды. А вы тут кем работаете? Главным хирургом?

Нельсон покачал головой.

— Учусь медицине.

— Вот как? И чему же научились?

— Только тому, что медицина не нужна.

— Спросили бы меня, я бы вам давно это сказал. А где Ван?

— Приедет вечером или завтра утром. Корабль приземлился сегодня.

— Он сюда частенько навевывается? — спросил Джубал.

— Он тут студент-заочник. Слишком много времени проводит в полетах.

— Приятно будет с ним повидаться. Мы уж год как не встречались.

Джубал заговорил с мужчиной, сидевшим справа от него, тогда как Нельсон завязал разговор с Доркас —

своей соседкой слева. Джубал ощутил то же самое напряженное ожидание, что и раньше, только сейчас оно стало гораздо сильнее. Казалось, идет обычная нормальная семейная трапеза — тихая и спокойная, ничего особенного Джубал обнаружить не мог. Раз кто-то пустил по кругу стакан с водой. Когда он достиг Джубала, тот сделал глоток и передал стакан соседке слева — у нее были круглые глаза, и она испытывала такое благоговение перед ним, что не решалась даже заговорить. Джубал сказал ей:

— Приношу тебе воду.

Ей с трудом удалось выжать из себя:

— Благодарю за воду, отец... Джубал... — И это было все, чего он смог от нее добиться.

Когда стакан обошел всех и добрался до пустого места в начале стола, в нем еще оставалось воды на поддюйма. Стакан сам собой поднялся в воздух, наклонился, вода исчезла, а стакан опустился на скатерть. Джубал почему-то решил, что он участвует в церемонии разделения воды в Сокровенном Храме... возможно даже, что она давалась в его честь... хотя вовсе не походила на ту вакхическую оргию, которая, как он полагал, сопутствует подобному ритуалу. Может, это потому, что они находятся в непривычной обстановке? Или он сам вкладывал в не совсем понятные ему события тот смысл, который рождал его собственный мозг?

А может быть, они нарочно придали церемонии другую тональность из уважения к нему? Такая мысль казалась вполне вероятной, но она почему-то рассердила его. Он убеждал себя в том, что рад, что ему не придется отказываться от предложений, которые все равно пришлось бы отклонить, — возможно, он отклонил бы их в любом возрасте — уж такой у него вкус!

И в то же время, черт побери... «ни в коем случае не заводите разговора о коньках... бабушка стала так стара и хрупка, что это было бы просто невежливо. Хильда, а ты как бы случайно упомяни домино — бабушка обожает играть в домино. А кататься на коньках мы пойдем как-нибудь в другой раз. Хорошо, детки?»

Даже сама мысль о чем-то подобном была Джубалу отвратительна. Он, пожалуй, все же предпочел бы коньки, даже рискуя переломать себе все суставы!

Он постарался отогнать эти размышления, прибегнув к помощи мужчины, сидевшего справа. Его звали, как выяснил Джубал, Сэм.

— Ситуация достаточно ясна. — Сэм говорил очень уверенно. — Птенец неизбежно должен проклянуться. Теперь пришла пора нам всем разлететься по свету. Конечно, неприятностей будет полно, ибо никакое общество не может позволить, чтоб его устоям бросали вызов. А мы бросаем вызов всему, начиная от неприкосновенности частной собственности и кончая нерушимостью брачных уз.

— Собственность тоже?

— Праву собственности в том виде, в котором оно существует сейчас. Пока что Майк вызвал ненависть только со стороны игорной мафии. А что получится, когда появятся тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч людей, для которых банковские сейфы не помеха и которых лишь самодисциплина удерживает от того, чтобы взять все, что им заблагорассудится? Разумеется, она куда крепче, нежели юридические рогатки, но ни одному банкиру этого не понять, пока он сам не пройдет тернистый путь самопознания... а тогда он уже не захочет быть банкиром. А что случится с биржей, если посвященные смогут предсказывать изменения курса акций?

— А вы это можете?

Сэм покачал головой.

— Мне это неинтересно. А вот Саул — вон тот здоровенный еврей, мой двоюродный брат, — он пытается *прожж* это дело вместе с Эли. Майк велел быть очень осторожными и не допускать больших выигрышей, поэтому они используют более десятка подставных счетов; впрочем, любой из посвященных может делать огромные деньги на чем хотите — на торговле недвижимостью, на акциях, на бегах, на азартных играх, на чем угодно, если игра будет вестись против обыкновенных людей. Нет, ни деньги, ни частная собственность не исчезнут; Майк считает, что обе эти концепции полезны, но они будут вывернуты наизнанку, и людям придется обучаться новым правилам (а как это тяжело, мы знаем на собственной шкуре), или они разорятся и превратятся в деклассированных. Что про-

изойдет с «Лунар Энтерпрайз», когда главным средством сообщения между Землей и Луна-Сити станет телепортация?

— Ну и что мне делать — покупать их акции или спустить их?

— Спросите об этом Саула. Может быть, он захочет использовать нынешнюю корпорацию, а может, решит довести ее до банкротства. А может, оставит ее еще лет на сто-двести в полной неприкосновенности. Но ведь то же самое относится и ко всем видам занятий. Как будет учитель справляться с ребенком, если тот знает побольше, чем он? Что станет с врачами, если все люди будут здоровы? Что произойдет с текстильной и швейной промышленностями, если одежда станет ненужной, а интерес женщин к нарядам резко упадет (по-видимому, полностью он никогда не исчезнет), если всем будет наплевать — вышел он на улицу с голой задницей или нет? Что станет с «проблемой фермерского хозяйства», если сорнякам можно будет просто приказать не расти, а продовольственные культуры будут убираться без помощи «Интернейшна Харвестер»? Да назовите любую профессию, и окажется, что новое учение изменит ее до неузнаваемости. Возьмите хотя бы перемену, которая потрясет как институт брака в его нынешней форме, так и частную собственность. Джубал, вы знаете, сколько ежегодно тратится в нашей стране на лекарства и приспособления, чтобы решить мальтузианскую проблему?

— Немного представляю, Сэм. Почти миллиард долларов на противозачаточные пилюли... и не меньше половины этой суммы на никуда не годные патентованные приспособления.

— Ах, да — вы же медик.

— В очень отдаленном прошлом.

— Так что случится с этой отраслью, да и визгом моралистов, если женщина сможет зачать ребенка только по собственному глубоко осознанному желанию, если она будет избавлена от всяких заболеваний, если ее будет заботить лишь мнение людей, придерживающихся тех же взглядов... если вся ее ориентация изменится настолько, что в половом акте она будет ценить лишь страсть и наслаждение, не снившееся и Клеопат-

ре?... А любой мужчина, который попробует ее изнасиловать, умрет, если она *грокк*, так быстро, что даже не успеет понять, что с ним стряслось? Если женщины будут освобождены от страха и чувства вины и, в то же время, будут неуязвимы? Да в конце концов фармацевтическая промышленность — мелочь, но то же самое будет с другими отраслями промышленности, с законами, институтами, вкусами и прочей чупухой, которым вообще предстоит сойти со сцены.

— Я не *грокк* это во всей полноте, — сознался Джубал. — Тем более что это касается вопросов, которые мне лично малоинтересны.

— Один лишь институт не пострадает — институт брака.

— Вот как?!

— Именно так. Он будет очищен, укреплен и станет терпимым. Терпимым? Восхитительным! Видите ли вон ту девчонку с гривой черных волос?

— Да. Я еще раньше был буквально сражен их красотой.

— Она знает, что они изумительны, и отрастила их фута на полтора с тех пор, как мы присоединились к церкви. Это моя жена. Еще год назад мы с ней жили как кошка с собакой. Она ревновала... а я почти не замечал ее. Мне с ней было чертовски скучно. Черт побери, мы с ней надоели друг другу до смерти, и от развода нас удерживали только дети — они, да еще ее собственнический инстинкт. Я знал, что без скандала она меня не отпустит... да и у меня возраст был уже не тот, чтобы попытаться создать новую семью. Ну я и прихватывал кое-что на стороне, у профессоров хватает соблазнов, правда, возможностей удовлетворить их без риска — поменьше. Так что у Рут были основания затаить против меня обиду. А чаще и не таить, а выражать ее весьма громко. А потом мы вступили в Церковь! — Сэм широко и радостно улыбнулся. — И я влюбился в свою собственную жену. Любовница номер один!

Сэм разговаривал только с Джубалом, его слова заглушал гул чужих голосов. Жена Сэма сидела далеко на нижнем конце стола. Она взглянула на них и громко сказала:

— Это преувеличение, Джубал, я иду лишь под номером шесть.

Муж тут же откликнулся:

— А ну-ка, красотка, перестань копать в моем уме! У нас тут мужской разговор. Лучше удели побольше внимания Ларри. — И он кинул в нее булочкой.

Она остановила булочку в воздухе и вернула ее обратно.

— Ларри получает от меня ровно столько внимания, сколько хочет... Впрочем, не исключено, что ближе к вечеру он захочет большего... Джубал, этот мужлан не дал мне закончить. Быть на шестом месте — прекрасно! Дело в том, что, когда мы примкнули к церкви, в его списке моего имени не было вообще. Вряд ли за последние двадцать лет я хоть раз поднималась у Сэма до шестого номера.

— Дело в том, — спокойно продолжал Сэм, — что мы с ней теперь партнеры в гораздо большей степени, чем были когда-то, а добились этого благодаря процессу обучения, достигающего вершины в ритуале «Разделения воды» и в сближении с теми, кто прошел этот путь раньше. Внутри группы существует несколько партнерств, обычно состоящих из законных супружеских пар. Иногда так не получается... но если не получается, то развод происходит без душевных терзаний, и после него остаются более теплые и лучшие отношения между членами разведенной пары, чем те, что существовали ранее — в постели или вне ее. Потеря никаких — кругом чистый выигрыш. Черт возьми, пары создаются не только из мужчин и женщин. Возьмем, к примеру, Джилл и Дон — они работают вместе, как парочка акробатов.

— Хм... а я думал, что они обе — жены Майка.

— Не в большей степени, чем мои или других мужчин, и чем являются для Майка остальные женщины. Все усилия Майка направлены сейчас на то, чтобы сделать как можно больше, а не на то, чтобы делить себя с остальными. — Помолчав, Сэм добавил: — Но если говорить о женах Майка, то ближе всех к этому понятию подходит Патти, хотя она так занята, что их отношения скорее духовные, чем физические. Майку и

Патти обычно не хватает времени, когда дело доходит до выбивания пыли из матрацев.

Патти сидела от них еще дальше, чем Рут. Она посмотрела на них и сказала:

— Сэм, милый, я не считаю, что у меня не хватает времени.

— Каково? — с горечью воскликнул Сэм. — Единственно, чем плоха церковь, так это тем, что у человека тут просто не существует никакой личной жизни!

Это заявление вызвало со стороны братьев женского пола шквал мелких предметов, полетевших в сторону Сэма. Сэм возвращал их обратно, даже не шевельнув пальцем... пока, наконец, тарелка, полная сочных спагетти, не залепила ему все лицо. Брошена она была, как заметил Джубал, Доркас.

Какое-то мгновение Сэм выглядел как жертва автомобильной катастрофы. Затем лицо его внезапно очистилось — исчезли даже капли соуса, запятнавшие рубашку Джубала.

— Не давай ей больше спагетти, Тони. Она выкинула свою порцию, пусть теперь походит голодная.

— Да на кухне этих спагетти уйма, — ответил Тони. — Сэм, а тебе они куда как к лицу. И соус хорош, верно?

Тарелка Доркас поднялась, слетала в кухню и вернулась полной.

— Соус отличный, — согласился Сэм, — я попробовал то, что попало мне в рот. Это какой? Или я не должен интересоваться?

— Мелкорубленный полицейский, — ответил Тони.

Никто не расхохотался. Джубал подумал — а шутка ли это? Потом вспомнил, что его братья часто улыбаются, но очень редко хохочут, а кроме того, разве из полисмена не может получиться вкусное блюдо? Но вряд ли это «длинная свинья», тогда в соусе должен быть привкус свинины. А в этом явно чувствовалась говядина.

Он сменил тему разговора:

— Больше всего в этой религии мне нравится то...

— В религии? — переспросил Сэм.

— Ну пусть будет «церковь».

— Да, — согласился Сэм, — она выполняет функции церкви, а ее квазитеология в какой-то степени

соответствует некоторым религиям. Я перебил вас потому, что в свое время был неспасаемым атеистом, а сейчас я — жрец высокого ранга и, честно говоря, не знаю, кто же я такой в действительности.

— Мне показалось, вы называли себя евреем?

— Да еще ведущим происхождение от нескольких поколений раввинов. Вот потому-то я и стал атеистом. А теперь — вы только поглядите на меня! Впрочем, Саул и моя жена Рут в религиозном смысле остались иудеями — можете сами поговорить об этом с Саулом, и вы увидите, что это ровным счетом ничего не значит. Рут, — как только она преодолела первые трудные барьеры, начала продвигаться куда быстрее меня; она стала жрицей задолго до того, как я стал жрецом. Впрочем, она, знаете ли, очень духовная личность, а думает своими половыми железами. Мне-то все достается куда труднее — я ведь привык работать тем, что у меня здесь — между ушами.

— Учение... — продолжал Джубал. — Именно это мне здесь по душе. Вера, в которой я был воспитан, не требовала ни от кого даже подобия каких-то знаний. Давай, кайся, и ты будешь спасен и наверняка найдешь прибежище в любящих объятиях Иисуса. Человек может быть глуп так, что даже овец своих сосчитать не умеет... но он, так сказать, априорно считается божьим избранником, и ему гарантировано вечное блаженство, ибо он «обращен». Он мог даже Библию в руках не держать, не говоря уже о чем-то другом... Ваша же церковь, как я *грокк*, не приемлет одного словесного обращения.

— Вы *грокк* верно.

— Человек должен начать с желания учиться и следовать по пути долгого и тяжелого обучения. Я *грокк* — это полезно.

— Более чем полезно, — согласился Сэм, — это просто необходимо. Наши понятия не могут быть усвоены без знания языка, а учение, приводящее к такому вот рогу изобилия всяких благ, — начиная с того, как жить без драк, до того, как удовлетворить свою жену, вытекает из концептуальной логики... из понимания, кто ты есть, почему ты здесь, как работает твой организм... и поведения, сообразного с этими знаниями.

Счастье функционирует в зависимости от того, как организовано функционирование самого существа... На английском это чистая тавтология, пустое место. На марсианском же — целый набор эффективно действующих инструкций. Я вам говорил, что, когда я присоединился к церкви, у меня был рак?

— Что? Нет, не говорили.

— Да я сам об этом не знал. Майк *грокк* это, послал меня на рентген и все такое прочее, с тем чтобы я уверился. Потом мы принялись за дело. Лечение верой. В результате произошло чудо. Клиника назвала это «спонтанной ремиссией», что, как я *грокк*, означает полное выздоровление.

Джубал кивнул.

— Такой профессиональный сленг. Иногда рак проходит и сам, но почему, мы не знаем.

— А вот я знаю почему. К тому времени я уже научился управлять своим телом. С помощью Майка я залечил все повреждения, нанесенные мне болезнью. Теперь я мог бы сделать это и без помощи. Хотите посмотреть, как я остановлю работу сердца?

— Спасибо, я уже наблюдал, как это делает Майк. Мой уважаемый коллега, вон тот — брюзга Нельсон — не торчал бы тут сейчас, если бы все это было просто «исцелением верой». Разумеется, тут имеет место волевое управление работой организма. Я *грокк*.

— Извините... Мы знаем, что вы *грокк* все.

— Ммм... Не могу же я считать Майка обманщиком, если он не обманывает. Хотя в данном случае мальчик меня явно переоценивает.

Сэм покачал головой.

— Мы с вами разговаривали в течение всего обеда. Я хотел проверить сам, не принимая в расчет мнение Майка. Вы *грокк*. Не могу даже представить, до каких высот вы могли бы достичь, знай вы язык.

— Ни до каких. Я старик и мало чем могу быть полезен.

— Я придерживаюсь иного мнения. Всем другим Первопризванным пришлось браться за язык, чтобы достичь настоящего прогресса. Даже те трое, что живут с вами, должны были пройти интенсивную тренировку и побыть в трансе значительную часть времени,

проведенного ими в Гнезде при редких наездах к нам. Все, кроме вас... вам это не нужно... разве что вам захочется вытирать с лица спагетти, не прибегая к полотенцу, что, как я *грокк*, вас не так уж интересует.

— Мне вполне достаточно наблюдать это со стороны.

Большинство обедавших уже вышли из-за стола, не соблюдая особых церемоний. Подошла Рут и остановилась возле них.

— Вы, что — собрались провести здесь всю ночь? Или нам убрать вас вместе с тарелками?

— Вот так меня и клюют всю дорогу. Пойдем, Джубал. — Сэм задержался, чтобы поцеловать жену.

Они на минуту остановились в комнате со стереовизором.

— Есть новости? — спросил Сэм.

— Окружной прокурор, — ответил кто-то, — ораторствовал насчет того, что все нынешние беспорядки произошли по нашей вине... И ни одним словом не обмолвился, что ему ровно ничего не известно, как эти чудеса произошли на самом деле.

— Вот бедняга. Похож на собаку, которая вцепилась в чью-то деревянную ногу, а теперь удивляется, почему это у нее болят зубы.

Они с Джубалом отыскивали себе комнату, где было потише.

— Я уже говорил, что этих неприятностей следовало ожидать и что положение будет ухудшаться до тех пор, пока нам не удастся завоевать какую-то часть общественного мнения и к нам не начнут относиться терпимее. Майк не расположен торопиться. Мы прикроем Церковь Всех Миров, впрочем, она и в самом деле уже ликвидирована. Теперь мы переедем и откроем Конгрегацию Единой Веры, и нам снова дадут под зад. Тогда мы воздвигнем еще где-нибудь Храм Великой Пирамиды, и в результате к нам повалят валом жирные и глупые бабы, часть которых кончит тем, что станут стройными и умными; затем, когда медицинская ассоциация, владельцы местных баров, газетчики и *politcos* * примутся хватать нас за пятки, тогда мы откроем Братство Баптистов где-нибудь в новом месте. И

* Политиканы (исп.).

каждый раз у нас будет создаваться крепкое ядро обученных, которым уже никто не может причинить вред. Майк начал всего лишь два года назад, еще не будучи уверен в себе самом и с помощью только трех необученных жриц. А теперь у нас есть крепкое Гнездо плюс «продвинувшиеся» пилигримы, с которыми мы свяжемся немного позже. И когда-нибудь мы станем так сильны, что преследовать нас не сможет уже никто.

— Да, — пробурчал Джубал, — Иисус неплохо всколыхнул это болото, имея всего лишь двенадцать учеников.

Сэм радостно ухмыльнулся.

— Еврейский парень! Спасибо, что напомнили о нем. Он, пожалуй, один из немногих моих соплеменников, кто добился огромного успеха, о чем мы все помним, хотя большинство и не любит говорить на эту тему. Он — еврейский мальчик, который творил добро, и я им горжусь. Прошу заметить, что он тоже не ставил себе целью, чтобы все было обязательно готово к следующей среде. Он создал солидную организацию и дал ей импульс для роста. Майк тоже терпелив. Терпение — часть его учения, причем в такой степени, что уже перестало быть просто терпением. Оно срабатывает автоматически. Нам не приходится заставлять себя.

— Очень полезная черта — в любых ситуациях.

— Это не черта. Так проявляется само учение. Джубал, я *грокк* — вы устали. Хотите, я сниму вашу усталость? Или предпочитаете лечь спать? Если нет, то наши братья будут счастливы болтать с вами хоть всю ночь. Мы, как вы знаете, спим мало.

Джубал зевнул.

— Я предпочитаю хорошую горячую ванну, а потом часиков восемь крепкого сна. Увижусь с нашими братьями завтра... и в следующие дни.

— Их будет много — этих дней, — согласился Сэм.

Джубал нашел свою комнату, прилегавшую к комнате Патти, которая наполнила ванну, застелила постель, не прикоснувшись к ней руками, поставила у постели все нужное для приготовления коктейля, смешала стаканчик и отнесла его на полочку у ванны. Джубал не торопил ее, — она пришла разодетая лишь в свои картинки. Ему был хорошо известен синдром, который

влечет за собой татуировка всего тела, а потому был уверен, что если он не попросит разрешения ее внимательно рассмотреть, то Пат на него обидится.

Он отнюдь не испытывал того смущения, которое испытал Бен в аналогичной ситуации. Он разделся, улыбнулся кривой, но гордой улыбкой, обнаружил, что абсолютно не стыдится, хотя прошло уже много лет с тех пор, как кто-нибудь видел его обнаженным. По-видимому, для Патти это тоже ничего не значило, так как она спокойно наклонилась и проверила температуру воды, прежде чем Джубал сядет в ванну.

После этого она не ушла, а показала ему каждый рисунок, объясняя его содержание и в какой последовательности их следует рассматривать.

Джубал высказал приличествующее случаю благоговение и воздал хвалу искусству художника, оставшись при этом в границах чистого искусствоведения. Про себя он подумал, что никогда еще не видел такого чертовски виртуозного владения татуировальной иглой, — его давняя подружка японочка выглядела бы рядом с Патти, как дешевый коврик рядом с бухарским ковром.

— Рисунки почему-то стали меняться, — сказала Патти, — взгляните, например, на сцену рождения святого — задняя стенка как будто выгибается... кровать отчего-то стала походить на хирургический стол. Но я уверена, что Джорджа это не огорчает. С тех пор как он ушел на небеса, ничья игла ко мне не прикасалась... и если чудесные изменения происходят, то я не сомневаюсь, что это Джордж приложил к ним руку.

Джубал решил, что, хотя Патти определенно немного «с приветом», но очень славная... ему нравились люди с причудами, а те, что считали себя «солью земли», казались ему скучными и быстро надоедали. Впрочем, помешательство Патти не такое уж сильное; его сброшенную одежду она отправила в шкаф, даже не подойдя к ней близко. Патти могла бы служить прекрасным доказательством того, что вовсе не надо быть в здравом уме (как бы ни понимать этот термин), чтобы извлечь из учения огромную пользу; судя по всему, мальчуган может обучить кого угодно.

Джубал почувствовал, что Патти куда-то торопится, и помог ей уйти побыстрее, попросив поцеловать на ночь его крестных дочек, — сам он не успел этого сделать.

— Я немножко утомился, Патти.

Она кивнула.

— А меня зовут продолжать трудиться над словом. — Она наклонилась и поцеловала его — тепло, но мимолетно. — Чтобы было, что передать девочкам.

— И погладь за меня Хони Буна.

— О, конечно. Он *грокк* вас, Джубал. Он понял — вы любите змей.

— Вот и ладно. Разделим воду, брат.

— Ты есть Бог, Джубал.

Она ушла. Джубал поудобнее расположился и вдруг ощутил, что усталости как не бывало, а суставы — те совсем не болят. Патти сработала почище тоника — от нее прямо-таки исходили спокойствие и радость. Хотелось бы и ему, подобно Патти, никогда не ведать сомнений, но по зрелому размышлению он пришел к выводу, что хочет остаться самим собой — старым, чуть-чуть «с приветом» и всегда ироничным по отношению к своей собственной персоне.

Потом он намылился, смыл под душем пену и решил побриться, чтобы не тратить на бритье время перед завтраком. Наконец задвинул задвижку, выключил верхний свет и залез в постель.

Он осмотрелся в поисках какого-нибудь чтива, не обнаружил ничего, почему-то рассердился, ибо из всех его пороков чтение на ночь было самым главным. Пришлось удовлетвориться глотком из стакана и погасить ночник.

Похоже, что разговор с Патти прогнал сон и освежил его. Джубал все еще не спал, когда в комнате появилась Дон.

— Кто здесь? — спросил он.

— Это Дон, Джубал.

— Дон? Не может быть! Это действительно ты?

— Да, Джубал, это я.

— Черт побери, мне же казалось, что я закрыл дверь на замок. Ну-ка, девочка, уходи отсюда... Эй! Убирайся из моей постели! Сию же минуту!

— Хорошо, Джубал, только сначала я хочу вам что-то сказать.

— Ну?

— Я давно люблю вас. Почти так же давно, как Джилл.

— Что за... Перестань болтать чепуху и поскорее убери свою миленькую попку за дверь.

— Я уйду, Джубал, — робко шептала она, — но сначала, пожалуйста, выслушайте меня. То, что я скажу, касается женщин.

— Вряд ли для этого сейчас самое подходящее время. Расскажешь завтра утром.

— Нет, именно сейчас, Джубал.

Он вздохнул.

— Ну ладно. Можешь остаться там, где сидишь.

— Джубал... мой возлюбленный брат... Для мужчин огромную роль играет то, как мы, женщины, выглядим. Поэтому мы и стараемся быть красивыми и в этом есть благо. Я, как вы знаете, выступала в стриптизе. И это тоже было благо — дать мужчинам насладиться видом моей красоты. Это было благо и для меня — я знала, что я даю им то, что мужчинам необходимо.

Но, Джубал, женщины отличны от мужчин. Нам важно знать, каков мужчина. Иногда это может быть очень глупое — например, богат ли он? Или — будет ли он заботиться обо мне и моих детях? А иногда так — добр ли он? Так добр, как ты, Джубал... Та красота, которую мы видим в вас, совсем не та, которую вы видите в нас. Ты прекрасен, Джубал.

— С нами крестная сила!

— Ты говоришь верно, Джубал. Ты есть Бог, я есть Бог, и ты нужен мне. Я предлагаю тебе воду. Примешь ли ты ее и позволишь ли мне стать ближе?

— Хм... слушай, девочка... если я только правильно понял твое предложение...

— Ты *грокк*, Джубал. Разделить все, что у нас есть. Нас самих. Наши сущности.

— Я так и думал. Моя дорогая, ты обладаешь всем, чем можно поделиться... но я... понимаешь, ты опоздала на много лет. Я страшно сожалею об этом, поверь мне. Спасибо тебе. Я искренне и глубоко благодарен, а теперь уходи и дай старику спокойно уснуть.

— Ты уснешь, когда исполнится ожидание. Джубал... я могу поделиться с тобой силой. Но я ясно *грокк*, что в этом нет нужды.

(Будь оно все неладно. И впрямь, кажется, нужды в этом нет.)

— Нет, Дон. Спасибо тебе, моя дорогая.

Она встала на колени и склонилась над ним.

— Тогда еще одно, последнее слово. Джилл посоветовала, чтобы я, если ты откажешься, заплакала. Мне остается лишь залить твою грудь слезами. И мы поделимся водой!

— Я эту Джилл выдеру!

— Да, Джубал. А я начинаю плакать. — И в тишине ночи большая теплая капля упала Джубалу на грудь... потом другая... третья... Дон рыдала почти беззвучно.

Джубал выругался и протянул к ней руки... он смирился с неизбежностью.

Глава 36

Проснулся Джубал свежим, отдохнувшим и счастливым, понимая, что так прекрасно он не чувствовал себя перед завтраком многие, многие годы. Обычно ему удавалось преодолеть черный провал между пробуждением и первой чашкой кофе только внушением, что завтра, может быть, будет хоть чуточку лучше.

Сегодня же он обнаружил, что даже насвистывает какой-то мотивчик. Заметив это, он приказал себе перестать, потом забыл и снова засвистел.

Джубал посмотрел в зеркало, хитровато усмехнулся, а потом его лицо расплылось в довольной улыбке.

— Ах ты, неисправимый старый козел! Ведь и без подобных штук за тобой каждую минуту могут прислать катафалк.

Заметив на груди седой волос, вырвал его, оставив в неприкосновенности еще несколько точно таких же, и начал готовиться к «выходу в свет».

Когда он вышел за дверь, там уже стояла Джилл. Случайность? Теперь он уже не верил в возможность случайных совпадений в этом менаге, тут все точно, как в компьютере. Она кинулась ему в объятия.

— Джубал! О, как мы любим вас! Ты есть Бор!

Он ответил ей поцелуем не менее горячим, чем тот, которым его наградила Джилл. Джубал *грокк*, что было бы ханжеством поступать иначе, и тут же ощутил, что поцелуй Джилл определенно отличается от поцелуев Дон, хотя трудно сказать, чем именно.

Наконец от отстранил ее.

— Ах ты, маленькая Мессалина! Нечего сказать — красиво же ты со мной поступила!

— Джубал, милый, но вы же были просто великолепно!

— Хм... но откуда ты знала, что я все еще могу?

Она глядела на него широко раскрытыми чистыми глазами.

— Джубал, да я никогда и не сомневалась в этом, еще тогда, когда мы с Майком впервые поселились у вас. Понимаете, Майк и тогда, находясь в трансе, видел все, что происходит вокруг, и иногда заглядывал к вам, чтобы задать вопрос или посмотреть, как вы спите...

— Но я же спал один! Всегда!

— Да, милый. Однако я имела в виду не это. Мне всегда приходилось разъяснять Майку вещи, которых он не понимал...

— Грумф! — Джубал решил все же, что добиваться ясности в этом вопросе рискованно. — Все равно, подставить меня таким образом, это нечто...

— Я *грокк*, что в глубине сердца вы так не считаете, Джубал. Вы необходимы нам в Гнезде. Целиком. Вы нужны нам. И раз вы застенчивы и скромны в благости своей, мы сделали все, чтобы принять вас, показав свою радость и одновременно не причинив вам ни малейшей боли. И как вы *грокк*, мы и в самом деле не причинили вам вреда.

— Кто это «мы»?

— Как вы *грокк*, это был полный ритуал «Разделения Воды», объединяющий нас всех. Даже Майк вышел из транса, он *грокк* вместе с вами, а через него и мы все.

Джубал поторопился переменить тему разговора.

— Значит, Майк наконец-то вышел из транса. Вот почему у тебя так горят глаза?

— Частично поэтому. Мы все счастливы, когда Майк не в трансе... Это так хорошо... хотя полностью он нас не покидает никогда. Джубал, я *грокк*, что вы *грокк* не

во всей полноте наш обряд «Разделения Воды». Даже Майк сначала не полностью *грокк* его — он думал, что этот ритуал, как на Марсе, помогает лишь созреванию яиц.

— Ну... это, вероятно, главное. Дети! Что как раз делает очень глупым включение в него некоторых лиц... например, меня... которые ничем не могут способствовать достижению подобной цели...

Джилл покачала головой.

— Дети — это лишь один из результатов и вовсе не главный. Дети придают смысл будущему, а потому они — великое благо. Но ребенок зарождается в теле женщины всего лишь раз, может — три, может дюжину раз за всю жизнь... и это на тысячи раз, в которых она делится собой... Значит, главный смысл заключается в том, чтобы делиться всем, что у нас есть, сближаться до предела возможного и постоянно. Джубал, Майк *грокк* это потому еще, что на Марсе обе вещи — созревание яиц и сближение никак не связаны... он *грокк* еще, что наш путь куда лучше. Какое счастье не быть зачатым марсианином, а быть человеком... быть женщиной.

Джубал посмотрел на нее очень внимательно.

— Дитя, ты беременна?

— Да, Джубал! Я *грокк*, что ожидание свершилось, и теперь я свободна. Почти всем прочим братьям не надо было ждать, но у меня и у Дон было сташно много работы. Когда же мы *грокк*, что наступает переломная точка — «касп», я *грокк*, что после нее придет ожидание, — и вы видите — оно уже наступило. Майк не может построить новый храм за одну ночь, так что высшая жрица получает возможность спокойно и не торопясь зачать и «построить» ребенка. Ожидание всегда вознаграждает.

Из этого не слишком внятного набора слов Джубал уловил лишь главный факт — Джилл убеждена или надеется на осуществление своих давних чаяний. Что ж, надо думать, возможностей для этого у нее было предостаточно. Он решил внимательно приглядывать за ней и в случае, если ее надежды оправдаются, забрать Джилл домой. Суперменские методы Майка наверняка

штука недурная, но совсем неплохо иметь на подхвате современную технику. Потерять Джилл из-за эклампсии или какой-нибудь другой болезни он не собирается, даже если ему придется серьезно поругаться со своими детьми.

Интересно, подумал он, а как ее подруга? Но решил пока ни о чем таком не спрашивать.

— Где Дон? И Майк? Мне кажется, тут сегодня как-то необычно тихо.

В самом деле, кроме них двоих никого кругом не было, не слышалось даже голосов... и тем не менее прежнее ощущение радостного ожидания стало еще более сильным. Казалось, можно было ожидать известной разрядки напряженности после той церемонии, в которой он, очевидно, принял участие, сам того не подозревая, однако воздух казался еще более наэлектризованным, чем раньше. Неожиданно Джубалу вспомнилось, как он, тогда еще маленький мальчик, ждал начала первого в своей жизни циркового представления, и кто-то вдруг громко выкрикнул: «Во, вон идут слоны!»

И Джубалу представилось, что будь он чуточку повыше, он и сейчас увидел бы слонов за спинами толпы народа. Только толпы что-то не было видно.

— Дон велела поцеловать вас за нее. Она будет занята еще часа два-три. И Майк тоже занят — опять в трансе.

— Вот как?!

— Не огорчайтесь, он скоро освободится. Он работает с таким напряжением, чтобы освободить побольше времени для встречи с вами, да и нас всех разгрузить. Дьюк чуть ли не всю ночь рыскал по городу в поисках магнитофонов с высокой скоростью записи того типа, который мы используем в работе над словарем, и сейчас все, кто может, работают, а Майк накачивает их марсианскими фонетическими символами и в скором времени освободится и придет сюда. Дон только-только приступила к диктовке, а я закончила одну порцию и выскочила на минуту, чтобы пожелать вам доброго утра... а теперь бегу обратно — надо успеть надиктовать все материалы, что я получила от Майка за эту ночь. Так что я задержусь немного дольше, чем Дон. А

это вам — поцелуй от Дон. Будем считать, что первый был от меня.

Она обняла Джубала за шею и жадно прильнула к его губам, а потом, отвернувшись, спросила:

— Господи, и зачем только мы ждали так долго? Скоро увидимся!

В столовой Джубал нашел несколько человек. Дьюк увидел его, улыбнулся, помахал рукой и тут же вернулся к еде. По его виду никак нельзя было сказать, что он всю ночь провел на ногах. Впрочем, как выяснилось, у него это была уже вторая бессонная ночь подряд.

Бекки Вейси, увидев, что Дьюк кому-то машет, оглянулась и радостно воскликнула:

— Привет, старый проказник!

Она схватила Джубала за ухо, притянула к себе и шепнула:

— Я-то всегда это знала, но почему вы все-таки ни разу не попытались утешить меня, когда профессор умер? — Потом громко добавила: — Ну а теперь садитесь рядышком, ешьте и поведайте мне, какую еще чертовщину вы намерены учинить?

— Одну минуту, Бекки. — Джубал обошел вокруг стола. — Привет, шкипер. Как слетали?

— Ничего себе. Теперь такие полеты — вроде рейса молоковоза. Мне кажется, вы еще не знакомы с миссис Ван Тромп? Дорогая, это и есть основатель всего этого цирка — единственный и неповторимый Джубал Харшоу. Еще один такой, — и был бы явный перебор.

Жена капитана — высокая женщина с простым лицом и спокойными глазами жены моряка, привыкшей долго вглядываться в даль со «вдовьей дорожки»*, ожидая появления корабля мужа, — встала и поцеловала Джубала.

— Ты есть Бог.

— Э-э-э... Ты есть Бог!

Пора бы уж привыкнуть к этому ритуалу... Черт, если повторять эту формулу достаточно часто, то можно потерять остаток рассудка и уверовать в нее... а

* В приморских городах Новой Англии так назывался балкончик на домах моряков и рыбаков, обращенный в сторону моря.

звучит она очень тепло, особенно, если тебя обнимают крепкие руки фру Ван Тромп. Пожалуй, она даже Джилл могла бы научить, как надо целоваться, подумал Джубал. Она, как бы выразилась Анни, отдавалась этому занятию целиком — спешить ей явно было некуда.

— Полагаю, Ван, — сказал он, — что удивляться вашему присутствию тут не приходится.

— А как же, — ответил космонавт, — человек, который то и дело мотается на Марс, должен уметь перекинуться парой шуточек с туземцами, верно я говорю?

— Значит, и сюда завернули только потрепаться?

— Ну, мало ли причин. — Капитан Ван Тромп потянулся за ломтиком тоста, но тост сам прыгнул ему в руку. — Тут и еда недурна, да и компания тоже ничего себе.

— Это уж точно.

— Джубал, — окликнула его мадам Весант, — кушать подано.

Джубал вернулся на свое место, нашел яичницу с беконом, апельсиновый сок и прочие вкусные штучки. Бекки потрепала его по бедру.

— Ну и богослужение же ты закатил нам, старичок!

— Женщина, занимайся своими гороскопами!

— Хорошо что напомнили, мне как раз нужна точная дата вашего рождения.

— Я рождался три дня подряд. Они вынимали меня по частям.

Бекки ответила непечатным словцом.

— Я и так узнаю.

— Наша мэрия сгорела, когда мне исполнилось три годика, так что ничего ты там не найдешь.

— У меня есть свои методы. Спорим?

— Будешь ко мне приставать, я не посмотрю, что ты уже взрослая девочка и отшлепаю. Ну, как дела, лапушка?

— А как ты оцениваешь? Как я смотрюсь, на твой взгляд?

— Здорова. Фундамент стал монументальнее. Волосы красишь.

— А вот и нет! Уже несколько месяцев, как хной не пользуюсь. Будешь с нами водиться, дружок, мы тебя сразу избавим от белой каемочки вокруг лысины. Вместо нее заведешь лужайку.

— Бекки, я вовсе не собираюсь молодеть. Мне стоило слишком больших усилий добраться до нынешней стадии одряхления, и я намереваюсь насладиться ею подольше. Прекрати молоть языком и дай человеку спокойно поесть.

— Слушаюсь, сэр. Ты есть старый козел.

Джубал уже собрался уходить, когда в кухню вошел «Человек с Марса».

— Отец! О Джубал! — Майк схватил его в объятия и расцеловал.

Джубал мягко высвободился из рук Майка.

— Ты уж не маленький, сынок. Сядь и поешь спокойно. А я посижу рядом.

— Да что я — затрака не видал, что ли? Я пришел, чтобы увидеться с тобой! Сейчас мы отыщем тихонькое местечко и поговорим.

— Здорово придумано!

Они нашли пустую гостиную. Майк тянул Джубала за руку, как взволнованный малыш, встретивший, наконец, своего любимого деда. Он выбрал для Джубала кресло поудобнее, а сам растянулся рядом на кушетке. Они были в той стороне крыла здания, где находилась посадочная площадка. Высокое французское окно выходило прямо на нее. Джубал встал, намереваясь развернуть свое кресло так, чтобы свет не бил прямо в глаза, и с некоторым раздражением обнаружил, что оно развернулось само. Видимо, дистанционное управление предметами облегчало труд, а, может быть, и сэкономило деньги (во всяком случае на стирку белья — его измазанная соусом рубашка была так чиста, что утром он снова надел ее), и ему явно отдавали предпочтение перед громоздкими механическими приспособлениями. Тем не менее Джубал еще не привык к телепатическому контролю, осуществляемому без проводов и кнопок, — его это удивило так же, как механические экипажи — почтенных смиренных лошадок в годы, когда Джубал появился на свет.

Вошел Дьюк, принес бренди. Майк поблагодарил его:

— Спасибо, Каннибал. Нанялся в дворецкие?

— Кому-то надо делать и эту работенку, Чудище. Все мощные умы по твоему повелению вкалывают, как рабы, под знойными микрофонами.

— Ничего, через пару часов они закончат, и ты снова сможешь вернуться к своей электронной ерундистике. Дело сделано, Каннибал! Очко!

— Весь проклятуший марсианский язык под одной обложкой? Чудище, пожалуй, мне надо проверить тебя на предмет перегоревших пробок!

— О нет! Это только те первичные знания, которые у меня есть... точнее, были, — мой мозг сейчас больше похож на пустой мыльный мешок. Высоколобые, вроде Стинки, будут еще сто лет летать на Марс в поисках того, чего я никогда не знал. Но я тоже провернул клевую работенку — шесть недель субъективного времени, если считать с той минуты, когда мы разошлись с ритуала «Разделения Воды» в пять часов или сколько там было... а теперь наши нестигаемые переписчики будут завершать свое дело, пока я стану лодырничать. — Майк потянулся и зевнул. — Прекрасное ощущение. Всегда, когда заканчиваешь работу, чувствуешь себя отлично.

— Ничего, ты их всех тут же запряжешь во что-нибудь новенькое — еще не вечер. Босс, это марсианское Чудище само не знает покоя и никому его не дает. Это он в первый раз за два последних месяца позволил себе чуток отдохнуть. Ему бы записаться в «Анонимные работяги»... А еще лучше, если вы будете навещать нас почаще. Вы на него оказываете благотворное воздействие.

— Такое ни на кого не оказывал и, надеюсь, не окажу.

— Ладно, убирайся, Каннибал, и прекрати свое вранье.

— Вранье, вот уж сказал! Сам меня превратил в патентованного правдолюбца... а в тех кругах, где я вращаюсь, это качество ни к чему. — Дьюк вышел.

Майк поднял бокал.

— Разделим воду, отец!

— Утоли жажду, сынок.

— Ты есть Бог.

— Майк, я еще могу примириться с этим, когда слышу от других, но ты, пожалуйста, перестань величать меня на такой манер. Я знал тебя еще в те времена, когда ты был только «яйцом».

— О'кей, Джубал.

— Вот так-то лучше. С каких пор ты стал пить с утра? Если начать в твоём возрасте, то желудок ты испортишь в два счета. И уж вряд ли тебе удастся дожить до моих лет и стать таким же счастливым старым пьяницей.

Майк бросил взгляд на свой бокал.

— Пью, когда мы разделяем воду. На меня алкоголь не действует, как и на большинство остальных, если, конечно, мы сами не захотим опьянеть. Как-то раз я разрешил себе напиться до чертиков. Очень странное ощущение. Вовсе не благо, как я *грокк*. Что-то похожее на телесную смерть, но без самой смерти. Сходного эффекта, только без всякого вреда для себя, который пришлось бы возмещать, я могу достичь, впадая в транс.

— М-да, должно быть, так экономически выгодней.

— Э-э-э... Наши счета за алкогольные напитки и без того весьма скромны. Вообще содержание храма обходилось нам дешевле, чем тебе — содержание твоего дома. Если исключить затраты на постройку и реквизит, то оплачивать приходилось только кофе да пирожные — у нас ведь другие развлечения. Наши потребности столь малы, что иногда я не мог придумать, куда девать деньги, которые к нам текли ручьем.

— Тогда зачем вы собирали пожертвования?

— А? О, с них обязательно надо брать деньги; Джубал. Олухи ведь не ценят того, что получают задарма.

— Ну я-то ведь это знаю давно, но не был уверен, что и ты дошел до такой мысли.

— О да, я хорошо *грокк* олухов, Джубал. Начал я с того, что проповедовал бесплатно. Ничего из этого не получилось. Нам — людям — нужно изрядно измениться, чтобы уметь принимать бесплатный дар и ценить его. Теперь они не получают даром ничего, пока не дойдут до Шестого Круга. К этому времени у них появляется умение принимать... Принимать ведь труднее, чем отдавать.

— Хм... сынок, думаю, что ты можешь написать книгу о психологии человека.

— Уже написал. На марсианском. Пленки у Стийки. — Майк с наслаждением отпил из бокала. — Хотя понемногу, но все же мы пьем. Некоторым из нас это нравится больше — Саулу, мне, Бену и кое-кому еще. Я научился делать так, чтобы возникал сравнительно небольшой эффект, который зато долго держится и превращается в эйфорическое чувство сближения, по характеру похожее на погружение в транс, но без полного отключения. — Он отпил еще глоток. — Именно этим я и занимаюсь сегодня утром — позволяю себе погрузиться в ощущение покоя и мягкого света, чтобы с радостью встретиться с тобой.

Джубал внимательно посмотрел на Майка.

— Сынок, тебя что-то серьезно беспокоит.

— Да.

— Ты хочешь поговорить об этом со мной?

— Да. Отец, для меня всегда было высочайшим благом разговаривать с тобой, даже если меня ничего не беспокоило. Ты — единственный человек, с которым я могу разговаривать, зная, что он меня *грокк* и его ничем нельзя шокировать. Джилл всегда тоже *грокк*, но если меня что-то грызет, то это тут же передается ей, причем в усиленной степени. С Дон — то же самое. Патти... Патти всегда снимает мою боль, но при этом прячет ее где-то глубоко в себе. Все они слишком ранимы, чтобы разделять с ними во всей полноте то, что я еще сам не могу *грокк* и взлелеять, прежде чем разделить. — Майк говорил очень проникновенно. — Нужна исповедь. Это хорошо понимают католики. И у них есть большой отряд сильных людей, которые способны выслушивать исповедующихся. Фостериты прибегают к групповым покаяниям, они проводят их публично и тем сразу снимают тяжесть со многих душ. Мне тоже придется ввести исповеди на ранних стадиях очищения... О, мы и теперь их практикуем... но от случая к случаю, когда пилигримы фактически в них уже не нуждаются. Для этого нужны очень сильные личности — «грех» ведь редко соединен с подлинной скверной, но грех — это то, что сам грешник *грокк* как грех, и когда ты *грокк* вместе с грешником — это

причиняет тебе сильную боль. Мне это хорошо знакомо. — Майк продолжал очень серьезно: — Одного блага еще не достаточно. Его всегда оказывается мало. Вот это и было одной из первых моих ошибок, ибо для марсиан благо и разум — синонимы. А у нас ведь не так. Возьми Джилл. Ее «благость» была совершенна, когда мы с ней встретились. Но в ее сознании все было так перемешано, что я чуть не погубил ее, да и себя тоже, ибо во мне также все смешалось, прежде чем нам удалось разобраться в себе. Ее бесконечное терпение (очень редкое для этой планеты) — вот что спасло нас... пока я учился быть человеком, а она перенимала мои знания.

Но одного блага всегда мало. Нужна непоколебимая холодная мудрость для того, чтобы благость сотворила добро. Благость без мудрости всегда ведет к злу. — Майк сказал трезво: — Вот почему я нуждаюсь в тебе, отец, а не просто люблю тебя. Мне необходима твоя мудрость, твоя сила, ибо я хочу исповедоваться перед тобой.

Джубал явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ради Христа, прекрати ты этот спектакль, Майк, просто расскажи мне, что тебя гложет, и мы обязательно отыщем выход.

— Хорошо, отец.

Майк надолго замолк, и Джубал был вынужден заговорить первым:

— Тебе тяжело потому, что разрушен храм? Не удивительно. Однако ведь ты пока не razорен, построй новый.

— Да не в этом дело, храм — сущие пустяки.

— Тогда что же?

— Тот храм — он похож на дневник, все страницы которого уже заполнены. Лучше купить новый, чем писать поверх старых записей. Огонь не в состоянии уничтожить накопленный опыт, а с точки зрения практической политики, гонения, да еще в столь впечатляющей форме, только полезны, если думать о дальней перспективе. Церкви всегда процветали на мученичестве и преследованиях — для них нет лучшей рекламы. Если говорить правду, Джубал, то последние два дня можно скорее назвать приятным антрактом в деловой

рутине будней. Нет, никакого вреда нам не причинено. — Внезапно выражение лица его изменилось. — Отец... недавно я узнал, что я — шпион.

— Что ты хочешь этим сказать, сынок?

— Шпион Старейших. Они послали меня сюда шпионить за людьми.

Джубал задумался. Наконец он сказал:

— Майк, я знаю, ты обладаешь блистательным умом. У тебя есть способности, которых я не встречал в других людях. Но человек может быть гением и тем не менее — жертвой какой-нибудь навязчивой идеи.

— Я знаю. Сейчас я объясню, и ты поймешь, безумен я или нет. Ты знаешь, как работает система разведывательных спутников Службы безопасности?

— Нет.

— Я говорю не о технических деталях, которые интересны разве что Дьюку. Я имею в виду общую схему. Они движутся по орбитам вокруг Земли, собирая и храня информацию. В определенной точке «Небесный Глаз» получает сигнал и передает все накопленные данные на Землю. Именно так поступили со мной. Ты ведь знаешь, что мы в нашем Гнезде пользуемся тем, что у вас называется телепатией?

— Да, мне пришлось в это поверить.

— Телепатия существует. Наш разговор, однако, носит приватный характер, а кроме того, никто не осмелится проникнуть в твои мысли. Я, впрочем, не уверен, что это возможно. Даже прошлой ночью мы поддерживали контакт не с тобой, а с Дон.

— И на этом спасибо.

— Я в этом искусстве пока еще только «яйцо», а вот Старейшие — они мастера. Они телепатически связаны со мной, но долгое время я был предоставлен самому себе, меня как бы забыли, однако, в какой-то миг я получил сигнал, и все, что я видел, слышал, сделал, чувствовал и *грокк* — все это излилось из меня в их записывающие устройства. Я не имею в виду, что они стерли все, что я накопил в памяти; вернее будет сказать, что они «проиграли» пленку, сделав себе копию. Я ощутил сигнал, но сделать ничего не мог — все произошло очень быстро. После этого они оборвали связь совсем — я не успел даже протестовать.

— Да... думается, они с тобой поступили не по-честному.

— По их меркам — ничего особенного. Да я бы и сам на это охотно пошел, объясни они мне все перед отлетом с Марса. Однако они не хотели, чтоб я знал; они желали, чтобы я *грокк* без всякого предубеждения.

— И еще я хотел сказать, — продолжал Джубал, — что если ты теперь свободен от этого подлого вмешательства в твою личную жизнь, то все уже позади и не имеет значения. Думаю, что с тем же успехом ты мог все эти два с половиной года ходить по улицам в сопровождении марсианина, но и тогда ничего плохого не случилось бы, разве что народ пялился бы на вас в удивлении.

Майк, однако, шутку не принял.

— Джубал, я тебе сейчас кое-что расскажу, а ты имей терпение выслушать до конца. — И Майк рассказал ему о разрушении Пятой планеты Солнечной Системы, от которой остались одни астероиды. — Что ты на это скажешь, Джубал?

— Мне это напоминает миф о потопе.

— Нет, Джубал. Насчет потопа твердой уверенности ведь не существует. А вот как насчет разрушения Геркуланума и Помпеи?

— О да. Это твердо установленные факты.

— Джубал, уничтожение Пятой планеты Старейшими так же достоверно, как извержение Везувия, — оно записано куда с большими подробностями. Это не миф. Это факт.

— Ладно, предположим. Верно ли я понимаю, что ты боишься, чтоб Старейшие не обошлись с Землей так же, как они поступили с той планетой? Извини меня, но я скажу, что такую версию проглотить весьма затруднительно.

— Джубал, да тут и Старейших не нужно. Тут необходимо лишь знание физики и представление о том, как связана материя, да еще тот контроль, которым я многократно пользовался на твоих глазах. Необходимо лишь сначала *грокк* то, чего ты хочешь добиться. Я мог бы показать тебе это хоть сейчас. Берем, скажем, участок Земли вблизи ее ядра, диаметром так миль в сто — это значительно больше того, что нужно, но мы

же хотим, чтобы все прошло быстро и безболезненно, хотя бы ради того, чтобы Джилл осталась довольна. Почувствуем его размер и местоположение, тщательно *грокк*, как там организована материя и... — Его лицо потеряло прежнее выражение, глаза начали закатываться.

— Эй! — закричал Джубал. — Перестань! Не знаю, можешь ли ты это сделать или нет, но я не хочу, чтоб ты даже пробовал.

— Я никогда этого не сделаю! Для меня такое дело было бы скверной — я же человек!

— А для них — не так?

— Конечно, нет. Старейшие могут *грокк*, что в этом есть красота. Не знаю. О, знания есть и у меня... а вот желания нет никакого. Джилл тоже могла бы, вернее, она может представить себе нужную методику. Но пожелать сделать — никогда. Она тоже человек, это ее планета. Весь смысл нашего учения в этом — сначала самопознание, потом самоконтроль. К тому времени, когда человек научится тому, как уничтожить эту планету таким путем, а не грубым орудием вроде кобальтовых бомб, он не сможет, как я *грокк* во всей полноте, — пожелать этого. Скорее он умрет во плоти. Так что всякая угроза исчезнет. Наши Старейшие тут ведь не суют нос во все щели, как они делают это на Марсе.

— Ммм... сынок, уж если мы проверяем, не спятил ли ты, так давай выясним заодно еще одну штуку. Ты всегда говорил о Старейших так же просто, как я о соседской собаке, но мне, например, весьма затруднительно поверить в существование привидений. Скажи мне, как выглядят Старейшие?

— Да так же, как и все марсиане.

— Тогда как же ты узнаешь, что он не просто взрослый марсианин? Он что — проходит через стены, или что?

— Это может любой марсианин. Я ведь сам вчера прошел сквозь них.

— Тогда что... может, они светятся? Или еще что-нибудь в таком роде?

— Нет. Ты их видишь, слышишь, их можно пощупать — все, что угодно. Похоже на изображение в

стереовизоре, только доведенное до совершенства и спроецированное прямо в твой мозг. Но... послушай, Джубал, такие вопросы на Марсе сочли бы просто глупостью, хотя я понимаю — здесь все иначе. Если бы ты присутствовал на церемонии смерти по плоти, — по вашему, просто смерти, — своего друга, потом отведаль бы его тело, а уж после этого увидел бы его призрак, побеседовал бы с ним, коснулся бы его и так далее, ты поверил бы в существование привидений?

— Или поверил бы, или решил бы, что безнадежно спятил.

— Отлично. Здесь это может быть галлюцинацией... насколько я *грокк*, мы на Земле не болтаемся среди людей после того, как лишимся плоти. Но в случае Марса, надо или признать, что все население планеты подвержено массовым галлюцинациям, или, что самое простое — верно... то самое объяснение, которому меня научили и правильность которого доказана моим личным опытом. Ибо на Марсе «привидения» — самая многочисленная и самая могущественная часть населения. Те, что еще живы, — то есть пока еще во плоти, — работают дровосеками и водоносами, прислуживая Старейшим.

Джубал кивнул.

— О'кей. Я не дрогну, когда надо будет пустить в ход Бритву Оккама. Хотя эта история противоречит моему опыту, но он обретен лишь на одной-единственной планете, а потому — провинциален. Ладно, сынок, значит, ты боишься, что они нас уничтожат?

Майк отрицательно покачал головой.

— Не очень. Я думаю — не *грокк*, а скорее догадываюсь, — что они могут решиться на одно из двух: либо уничтожат нас вообще, либо попытаются подчинить нас в культурном плане, то есть станут переделывать нас в их собственные подобию.

— Значит, ты не опасаясь, что они взорвут нашу планету? Надо сознаться, ты говоришь так спокойно, будто тебя это не касается ни в малейшей степени.

— Нет. Они, понятно, могут решиться и на это. Видишь ли, по их меркам, мы — глубоко больны и искалечены — стоит только посмотреть, что мы творим друг с другом, как не способны понять друг друга,

как полностью лишены возможности *грокк* друг друга, посмотреть на наши войны, эпидемии, голод, жестокость — для них все это проявление безумия. Я это знаю по собственному опыту. Поэтому, я думаю, что они могут пойти на наше уничтожение просто из чувства жалости. Но, Джубал, если они и решатся, произойдет это, — Майк подумал, — минимум лет через пятьсот, а вернее, что прежде чем что-то будет сделано, пройдет тысяч пять лет.

— Долгонько же будут заседать их присяжные.

— Джубал, главная разница между нашими расами заключается в том, что марсиане никогда не спешат, а люди вечно торопятся. Они предпочтут подумать лишнее столетие, а то и полдюжины столетий, лишь бы увериться, что они *грокк* во всей полноте.

— В таком случае, сынок, не волнуйся. Если через пятьсот или тысячу лет люди не научатся жить в ладу с соседями, им никто не поможет — ни ты, ни я. Однако я подозреваю, что они справятся с этим делом.

— Я *грокк* так же, но не во всей полноте. Поэтому и сказал, что не это меня тревожит. Гораздо больше меня волнует вторая возможность, — что они вторгнутся сюда и овладеют нами. Джубал, этого допустить нельзя! Попытка заставить нас вести себя подобно марсианам погубит нас наверняка, но уже далеко не безболезненно. Это будет великая скверна.

Джубал думал долго, прежде чем ответить Майку.

— Но, сынок, разве это не то же самое, что пытаешься сделать ты?

Лицо Майка стало совсем несчастным.

— Я начал именно с этого. Но сейчас я делаю нечто совершенно иное! Отец, я знаю, что ты был разочарован во мне, когда я принялся за эти дела...

— Это твое личное дело, сын.

— Да. Мое. Я должен *грокк* каждый «касп», каждую критическую точку сам... И ты тоже... и каждый другой... Ты есть Бог.

— Я же отказался от такого титула.

— Ты не можешь от него отказаться. Ты есть Бог, и я есть Бог, и все, что *грокк*, есть Бог, а я есть все, что когда-либо видел, или слышал, или чувствовал, или испытал. Я есть все, что я *грокк*. Отец мой, я увидел, в

каком жутком виде находится эта планета, и я *грокк*, хотя и не во всей полноте, что могу на ней многое изменить. То, чему я должен был для этого научить людей, нельзя было преподавать в школах. Мне пришлось эти знания передавать контрабандой, под видом религии, которой они вовсе не являются, и завлекать олухов, играя на их чувстве любопытства. Частично это сработало, на что я и рассчитывал. Учение доступно другим точно так же, как оно оказалось доступным мне — воспитаннику марсианского Гнезда. Наши братья прекрасно живут вместе, — ты видел, ты сам разделял с ними воду, — живут в мире и счастье, не зная ни горечи, ни ревности.

Это одно уже было триумфом. Мы обладаем величайшим даром — делением на мужчин и женщин: возможно, что романтическая физическая любовь уникально присуща только этой планете. Если это так, то Вселенная — куда более скучна, чем могла бы быть... и я смутно *грокк*, что мы, — кто есть Бог, — спасем это бесценное изобретение и распространим его. Соединение тел одновременно со слиянием душ в едином экстазе, принятие дара и его передача другому, и обретение наслаждения друг в друге — ничего даже отдаленно похожего нет на Марсе, и это источник, как я *грокк* в полноте, всего, что делает нашу планету богатой и прекрасной. И, Джубал, до тех пор, пока человек — мужчина или женщина, безразлично — не насладится этим сокровищем, не омоется во взаимном блаженстве слияния душ и тел, этот человек останется столь же девственным, как если бы он никогда не участвовал в совокуплении. Но я *грокк*, ты давно это познал — твое нежелание удовлетвориться меньшим — лучшее доказательство того... да, кроме того, мне это известно лично. Ты *грокк*. Даже не зная того, как надо *грокк*. Дон сказала нам, что ты проник в ее ум так же глубоко, как в ее тело.

— Э-э-э... эта леди несколько преувеличивает.

— Дон в этом отношении не может ошибаться. И — прости меня, — но мы все были свидетелями. Мы читали в ее уме... не в твоём... но вы были с нами, вы поделились с нами всем.

Джубал еле удержался, чтобы не сказать, что единственный раз, когда он чувствовал себя способным читать в умах, была именно вчерашняя ситуация... и то, вернее было бы говорить не о мыслях, а об эмоциях. Он просто пожалел, даже без особой горечи, что нельзя сбросить хотя бы полстолетия, ибо в этом случае Дон пришлось бы распроститься с титулом «мисс», а он смело бросился бы в пучины нового брака, несмотря на несмыслаемые шрамы первого. А еще он подумал, что с радостью обменял бы все годы, которые ему, может быть, еще предстоит прожить, на вчерашнюю ночь. В основе Майк был прав.

— Продолжайте, сэр.

— Вот таким и должен быть сексуальный союз. Но я постепенно *грокк*, что таким он бывает исключительно редко. Чаще встречаются безразличные и механически выполняемые половые акты, и насилие, и совращение, превратившееся в своеобразную игру, вроде рулетки, только еще более бесчестную, и проституция, и целомудрие — истинное и притворное, и страх, и вина, и ненависть, и жестокость, и дети, которых воспитывают в убеждении, что секс — это постыдное и животное чувство, которое следует скрывать и которому никогда не следует доверяться. Дивная, совершенная вещь — разделение на женский и мужской пол — вывернута наизнанку, поставлена с ног на голову, превращена в нечто пугающее и омерзительное.

И каждое из этих отвратительных явлений берет начало в ревности. Джубал, сначала я никак не мог в это поверить. Я и до сих пор не *грокк* ревность во всей полноте, мне она кажется безумием. Когда я впервые познал экстаз сближения, первым моим побуждением было желание немедленно поделиться им с моими братьями по воде — напрямую с другими женщинами и косвенно, — призвав к участию всех братьев мужского пола. Мысль о том, чтобы удержать этот неиссякаемый источник радости только для себя, ужаснула бы меня, если бы и пришла мне в голову. Но она не могла в ней зародиться. И, как естественное следствие, у меня не было ни малейшего желания повторить это чудо с теми, кого я не взлелеял и кому не верю от всего сердца. Джубал, я физически не способен всту-

пить в связь с женщиной, с которой не разделил воду. И так — все в нашем Гнезде. Психологическая импотенция возникает в том случае, если дух не сливается так же, как сливается плоть.

Джубал подумал, что эта система великолепна, но годится лишь для ангелов... но как раз в это мгновение воздушная машина приземлилась на частной площадке — точно напротив Джубала. Он повернулся, чтобы лучше видеть, но не успели ее колеса коснуться крыши, как машина исчезла.

— Опасность? — спросил он.

— Нет. — Майк покачал головой. — Они начали подозревать, что мы нашли убежище здесь — во всяком случае — я. Они полагают, что все остальные погибли. Я имею в виду тех, кто был в это время в Сокровенном Храме. Участников других Кругов они даже беспокоить не стали... — Он усмехнулся. — Мы могли бы сколотить целое состояние на гостиничных номерах — в город прибывают штурмовики епископа Шорта.

— А не пора ли перевести всю семью в другое место?

— Джубал, не надо волноваться. У этой машины даже не было времени связаться со своими по радио. Я охраняю вас. Теперь обороняться проще, так как Джилл, наконец, преодолела свои предрассудки насчет того, что якобы недопустимо лишать людей плоти, даже если в них такая скверна. Раньше мне приходилось прибегать к более сложным приемам защиты, но теперь Джилл знает, что я действую лишь тогда, когда *грокк* во всей полноте. — «Человек с Марса» мальчишески улыбнулся. — Прошлой ночью она сама приняла участие в истреблении... и это было уже не в первый раз.

— А что вы делали?

— Пришлось подчистить кое-какие последствия разрушения тюрьмы. Там было несколько человек, которых я не должен был выпускать... они смертельно опасны. Поэтому я отделался от них, прежде чем начал разрушать ворота. Но я месяцами, от случая к случаю, *грокк* этот город... и понял, что многие из самых худших в тюрьму так и не попадали. Я ждал, составлял списки и в каждом отдельном случае добивался уве-

ренности во всей полноте. Теперь, когда мы покидаем этот город... они здесь больше не живут. Их всех лишили плоти и отправили обратно, чтобы они могли занять место в очереди на право совершить новую попытку. Именно этот случай изменил отношение Джилл, и брезгливая жалость уступила место горячему одобрению: она, наконец, *грокк* во всей полноте, что человека убить невозможно и что мы делаем то же самое, что судья на поле, удаляя игроков за «чрезмерную грубость».

— А ты не боишься играть роль Бога, сынок?

В улыбке Майка не было ни капли сомнения — одна радость.

— Я и есть Бог. Ты есть Бог, и каждый мерзавец, которого я удаляю, — тоже есть Бог. Джубал, существует поговорка, что Бог замечает смерть каждого воробья. Так оно и есть. Но на английском надо бы для точности говорить, что Бог не может не заметить смерти каждого воробья, ибо воробей — он тоже Бог. И когда кот крадется к воробью, то каждый из них есть Бог, выполняющий божий промысел.

Еще одна машина сделала попытку сесть на крышу, но тут же исчезла. Джубал даже не стал комментировать это событие.

— И скольких же вы отправили прошлой ночью?

— Что-то около четырехсот пятидесяти, я не считал. Это больной город. Однако на некоторое время он станет исключительно порядочным. Это, конечно, его не излечит полностью, — ибо без учения не может быть излечения. — Майк снова нахмурился. — И именно об этом я хочу с тобой посоветоваться, отец. Я боюсь, что ввел своих братьев в заблуждение.

Они настроены слишком оптимистично. Они видят, что пока события разворачиваются в нашу пользу, знают, что они счастливы, что сильны и здоровы, что глубоко познают мир, что глубоко и искренне любят друг друга. А теперь им кажется, что они *грокк*, будто требуется всего лишь какое-то время, дабы весь человеческий род достиг такой же благодати. Нет, нет, это наступит не завтра... некоторые из них считают, что на это уйдет тысячи две лет, что даже двух тысяч, воз-

можно, мало для такого огромного дела. И тем не менее они уверены — это сбудется.

И я так думал одно время, Джубал. И заставил их поверить в это. Но я упустил главное: люди — не марсиане.

Я повторял эту ошибку вновь и вновь, каждый раз пытаясь внести поправки и снова ошибаясь. То, что хорошо для марсиан, не обязательно хорошо для людей. О, концептуальная логика, которая может быть выражена лишь на марсианском языке, срабатывает для обоих народов. Логика — неизменна... но исходные данные различны. А потому и результаты получаются разные...

Я не мог понять, почему, например, если люди голодают, никто из них не предлагает себя на заклатие добровольно, чтобы наплатить остальных... на Марсе такой поступок очевиден и расценивается как наивысшая честь. Я не понимал, почему здесь так ценятся дети — на Марсе наших малышей обеих выкинули бы за дверь — пусть живут как знают, ведь девять нимф из десяти погибают в первый же сезон. Моя логика верна, но я неверно истолковывал исходные данные, — здесь между собой конкурируют не дети, а взрослые. На Марсе среди взрослых нет конкуренции — всех непригодных «выпальывают» еще в детском возрасте. Но так или иначе, конкуренция и «выпальвание» должны иметь место, иначе народ обречен на деградацию.

И прав я был или не прав, пытаясь устранить конкуренцию из жизни людей, я впоследствии стал понимать, что человечество не позволит мне достигнуть цели, несмотря на все мои старания.

В дверь просунул голову Дьюк.

— Майк! Ты знаешь, что происходит снаружи? Вокруг отеля собираются толпы.

— Я знаю, — ответил Майк, — скажи нашим, что ожидание еще не свершилось. — Он повернулся к Джубалу. — «Ты есть Бог» — это не послание надежды и ободрения. Это вызов и бесстрашное, ничем не прикрытое принятие на себя всей полноты личной ответственности. — Теперь Майк был печален. — Я слишком редко и мало внушал им это. Только немногие, преимущественно те, что сейчас с нами, — поняли

меня и приняли горечь вместе со сладостью, встали и испили их — и *грокк* их. Другие же — сотни и тысячи других — или настаивают на том, чтобы рассматривать это как приз, выдаваемый без всяких соревнований, как «обращение», или совсем игнорируют сказанное. Что бы я ни говорил, они стоят на своем — понимают Бога как нечто, находящееся вне их самих. Как нечто, только и ждущее случая прижать любого ленивого кретина к своей груди и утешить его. Мысль о том, что усилие обязательно должно быть совершено ими самими... и что все их беды — это дело их собственных рук, эту мысль они либо не хотят, либо не могут уяснить. — «Человек с Марса» покачал головой. — Мои неудачи настолько перевешивают мой успех, что мне кажется, будто если придет время *грокк* во всей полноте, то окажется — я стою на ложном пути, и эта раса пребудет всегда раздробленной, ненавидящей друг друга, воюющей, вечно несчастной, вечно в разладе даже с собственным «я»... и она обречена быть такой ради «выпалывания» непригодных, как это положено каждой расе. Скажи мне, отец, неужели это так? Ты должен наставить меня.

— Майк! Какого черта! Ты что же, считаешь меня всезнающим и непогрешимым?

— Может быть, и нет. Но каждый раз, когда мне надо было что-то понять, ты всегда находил объяснение, и если я *грокк* во всей полноте, то оказывалось, что ты говорил верно.

— Черт побери, но я категорически отказываюсь от подобного обожествления! И я не понимаю одного — ты же всегда убеждал всех во вреде торопливости: ожидание покажет, говорил ты.

— Это так.

— А сейчас ты грубо нарушаешь собственное правило. Ты ждал так недолго — по марсианским понятиям вообще ничтожно малое время — и уже готов сдать-ся, бросить полотенце на ринге. Ты доказал, что твоя система отлично сработала в условиях небольшой группы, и я рад, что могу это подтвердить. Я никогда еще не видел таких счастливых, здоровых и жизнерадостных людей. Этого вполне достаточно для того короткого времени, которое истекло. Возвращайся, когда у тебя

будет в тысячу раз больше последователей — трудолюбивых, счастливых, не ведающих ревности, и мы тогда снова поговорим. Годится?

— Ты говоришь верно, отец.

— Подожди, я еще не закончил. Ты сдрейфил и решил, что, если тебе не удалось поймать на крючок девяносто пять из ста, значит вся наша раса не может существовать без своих пороков, и эти девяносто пять процентов надо будет просто «выполоть». Но, черт возьми, парень, ты же именно и делаешь «прополку», вернее, это делают за тебя те «неудачники», которые тебя не поняли. Ты хотел уничтожить деньги и частную собственность?

— О нет! Внутри Гнезда они нам не нужны, но...

— В любой здоровой семье они тоже ни к чему. Но вне семьи они необходимы, чтобы общаться с другими людьми. Сэм говорил мне, что некоторые братья вместо того, чтобы уходить от мирских забот, занялись бизнесом куда ловчее, чем раньше.

— О да! Делать деньги просто, если ты *грокк* как.

— Что ж, можешь добавить еще одно благо — «Блаженны богатые духом, ибо они туго набивают свою мошну». А как наши показывают себя в других областях деятельности? Выше или ниже среднего уровня?

— Конечно, выше. Видишь ли, Джубал, тут дело не в вере. Учение — просто метод, как эффективнее функционировать в любой области.

— Вот ты сам и ответил на свой вопрос, сынок. Если все, что ты сказал, правда — тут я не судья, я просто спрашиваю, а ты отвечаешь, — тогда конкуренция не исчезает, она становится даже более жесткой, чем раньше. Если лишь только одна десятая процента населения готова воспринять новое, значит, все, что нужно — это показать им путь, а глупцы сами вымрут в течение нескольких последующих поколений... и Землю унаследуют поборники твоего учения. Когда это свершится — через десять тысяч лет или через тысячу, но времени хватит на то, чтобы придумать еще какую-нибудь хитрость, которая заставит их прыгать еще выше. И не следует терять мужество из-за того, что в ангелов тебе удалось превратить за один вечер всего лишь малую кучку людей. Я не думаю, что это

вообще кому-нибудь под силу. Я думал, что ты просто валяешь дурака, притворяясь проповедником.

Майк вздохнул и улыбнулся.

— Я сам начал опасаться, не глуп ли я, но еще больше того, что обманул ожидания своих братьев.

— Хорошо бы, конечно, твоему учению подобрать какое-нибудь название помудреней — например, «Космический халитозис»*, что ли. Впрочем, это не так уж важно. Если ты владеешь истиной, ты ее легко можешь доказать. Только одной болтовней тут ничего не докажешь... ее надо показать наглядно.

Майк молчал долго. Веки его опустились, лицо оцепенело. Джубалу стало неловко — он боялся, что сказал слишком много и заставил мальчугана искать убежища в самосозерцании.

Вдруг глаза Майка раскрылись, и он весело улыбнулся.

— Ты указал мне верный путь, отец. Теперь я готов им показать — я *грокк* во всей полноте. — «Человек с Марса» встал во весь рост. — Ожидание исполнилось.

* Дурной запах изо рта (*мед. термин*).

Глава 37

Джубал и «Человек с Марса» вошли в комнату, где стоял большой стереовизор. Вокруг него собралось все Гнездо. «Ящик» показывал густую бушующую толпу, которую полиция сдерживала с большим трудом. Майк взглянул на нее и улыбнулся спокойно и радостно.

— Они пришли. Наступил момент истины.

То ощущение экстатического ожидания, которое возникло у Джубала сразу по приезде и непрерывно возрастало; теперь, казалось, достигло апогея, хотя никто даже не шевельнулся.

— Сигнал, по-моему, совершенно отчетлив, любимый, — согласилась Джилл.

— Его нельзя упустить, — добавила Патти.

— Мне надо одеться соответственно, — заметил Майк. — В этом кабаке найдется какая-никакая одежда, а, Патти?

— Сейчас найду, Майкл.

— Сынок, мне не нравится эта толпа, — сказал Джубал. — Ты уверен, что сейчас стоит связываться с ними?

— О, конечно, — ответил Майк, — они пришли, чтобы увидеть меня... Значит, я должен спуститься и встретиться с ними.

Он замолчал, и тут же неизвестно откуда возникла одежда, которую он просил. Она окутывала его с бешеной скоростью, хотя несколько женщин и пытались приложить к делу свои руки. Каждая деталь одежды, казалось, знала сама, куда и как ей надо приспособиться, как должны лечь складки.

— Наша работа дает не только привилегии, но накладывает и обязательства — «Звезда эстрады» должна на эстраде сиять... *Грокк* меня? Олухи ждут этого.

— Майк знает, что делает, босс, — отозвался Дьюк.

— Что ж... но я не доверяю толпам.

— Толпа-то, как видите, состоит главным образом из зевак. О, конечно, там есть и фостериты, и кое-кто из тех, что накопили на нас обиду... но Майк справится с любой толпой... Вы увидите... Верно, Майк?

— Ты прав, Каннибал. Если твой выход, иди на сцену и работай. Где моя шляпа? Разве можно выйти на полуденное солнце без шляпы? — Дорогая панاما с яркой щегольской лентой спланировала откуда-то и опустилась ему на голову. Он лихо сдвинул ее набекрень. — Ну вот и готово. Как я выгляжу?

Он был одет в свой обычный, предназначенный для внешних служений белый деловой костюм, безупречно сшитый и отлично отглаженный, туфли под цвет костюма, белоснежную рубашку и богато расшитый шейный платок.

— Тебе недостает только кейса, — сказал Бен.

— Ты *грокк*, он мне нужен? Патти, у нас найдется кейс?

Джилл подошла к Майку.

— Он шутит, милый. Ты выглядишь превосходно. — Она поправила ему платок и поцеловала. (Джубалу показалось, что он тоже ощутил поцелуй на своих губах.) — Иди, говори с ними.

— Да. Мой выход. Анни! Дьюк!

— Мы готовы, Майк.

Анни была одета в тогу Честного Свидетеля, которая облегала ее фигуру, придавая ей особую статью. Дьюк, наоборот, был одет неряшливо, изо рта свисала изжеванная горящая сигарета, потрепанная шляпа сдвинута на затылок, а за ее лентой торчала карточка «Пресса». Весь он был увешан камерами и футлярами.

Они вышли в фойе, общее для всех четырех номеров этажа. Провожал их один Джубал; остальные — их было человек тридцать или около того — стояли вокруг стереовизора. Майк остановился у двери. Около нее был столик, а на нем графин с водой и стаканы, ваза с фруктами и фруктовый нож.

— Тебе лучше дальше не ходить, — посоветовал он Джубалу, — иначе Патти придется провожать тебя обратно мимо своих любимцев. — Майк налил себе стакан воды и отпил из него. — Чтение проповедей возбуждает жажду. — Он передал стакан Анни, потом взял фруктовый нож и отрезал кусок яблока.

Джубалу показалось, что Майк отхватил себе палец... но его внимание отвлек стакан, переданный ему Дьюком. Кровь у Майка не текла, а Джубал уже успел привыкнуть к здешним фокусам. Он взял стакан, сделал глоток, так как в горле у него совсем пересохло.

Майк крепко взял его за руку и улыбнулся.

— Не бойся. Все займет лишь несколько минут. Мы еще увидимся, отец.

Они прошли мимо караульных кобр, и дверь закрылась.

Джубал вернулся в комнату, где находились все остальные, продолжая нести в руке стакан. Кто-то взял стакан из его рук, он даже не заметил — кто, так как было поглощен изображением в большом «ящике».

Толпа, казалось, стала еще больше, она колыхалась, оттесняемая от отеля полицией, вооруженной лишь дубинками. Были слышны отдельные выкрики, заглушаемые неразборчивым гулом толпы.

— Где они, Патти? — спросил кто-то.

— Спустились на лифте. Майк впереди, Дьюк остановился, чтобы подождать Анни. Вышли в холл. Майка увидели. Его фотографируют.

Сцена в стереовизоре сменилась переданным крупным планом изображением головы и плеч чрезвычайно возбужденного комментатора.

«Говорит мобильная группа Ну-Ну — Нью-Йорк-Нетуоркс. Мы, как всегда, передаем из горячей точки. У микрофона ваш добрый знакомый — обозреватель Хэппи Холидей. Нам только что стало известно, что

лжемессия, иногда именуемый также "Человеком с Марса", наконец-то выполз из своего убежища в номер отеля в очаровательном городке Сент-Питерсберге — где есть все, чтобы заставить вас распевать во все горло. Видимо, Смит собрался сдать власть. Вчера он бежал из тюрьмы, воспользовавшись взрывчаткой невиданной силы, переданной ему фанатичными приверженцами.

Но крепкий кордон, которым обложен город, оказался, судя по всему, ему не по силам. Пока мы еще не располагаем, повторяю, пока мы еще не располагаем более свежими новостями, а потому следите за нашими передачами... а сейчас я передам слово местному спонсору, благодаря которому мы смогли, так сказать, отодвинув задвижки, взглянуть на местные делишки...»

«Спасибо Хэппи Холидей, спасибо и вам, добрые люди, что смотрят передачи Ну-Ну! Какова цена рая? Она удивительно низка. Приезжайте к нам на Елисейские поля, только что открытые для застройки весьма ограниченному кругу клиентуры! Эта земля только что поднята из-под теплых вод знаменитого Галфа *, и каждому участку гарантировано по меньшей мере восемнадцать дюймов суши поверх среднего приливного уровня... Требуется лишь небольшой задаток... Ой, ой, я появлюсь позже, друзья, а пока звоните по телефону: Галф, десять, две восьмерки, еще две восьмерки».

«А я благодарю вас, Джек Моррис и застройщики Елисейских полей! Кажется, есть новости, друзья! Да, кажется, есть».

(— Они выходят из главного входа, — тихо сказала Патти. — Пока еще толпа не видит Майка.)

«Пока еще нет... но каждую секунду... а сейчас вы видите главный вход величественного отеля "Сан-Су-си" — жемчужины Галфа, администрация которого ни в коей мере не отвечает за разыскиваемого преступника и сотрудничала с властями все время, согласно заявлению начальника полиции Девиса. И пока мы наблюдаем за происходящим, ожидая развития событий, мы покажем несколько кадров, относящихся к стран-

* Мексиканский залив.

ной карьере этого получеловека, получудовища, возвращенного на Марсе...»

Передача с места действия сменилась кадрами, взятыми из архивов: «Посланец», с ревом взлетающий с Земли многие годы назад, «Победитель», в полной тишине поднимающийся ввысь на генераторах Лайл, марсиане, триумфальное возвращение «Победителя», отрывок из первого фальшивого интервью с «Человеком с Марса» («Что вы скажете о девушках Земли» — «Ги-и-и!»), несколько кадров, снятых на конференции во Дворце правительства, и хорошо известная пленка, запечатлевшая присвоение звания доктора философии, сопровождаемая пулеметной очередью комментариев.

— Ты что-нибудь видишь, Патти?

— Майкл стоит на верхней ступеньке, толпа от него ярдах в ста, ее оттеснили с территории, принадлежавшей отелю. Дьюк сделал снимок, Майк ждет, чтобы тот сменил объектив. Все спокойны.

Хэппи Холидей продолжал репортаж; в «ящике» снова появилась толпа, камера приблизилась к ней, выхватывая лица в первом ряду.

«Вы, конечно, понимаете, друзья, что этот очаровательный городок находится сегодня в уникальной ситуации. Здесь творятся очень странные дела, и люди больше не желают мириться с этим. Их законы поруганы, над их силами безопасности издевались, народ разъярен, что вполне естественно. Фанатичные приверженцы новоявленного антихриста ни перед чем не останавливались в своем стремлении вызвать переполох, пользуясь которым их главарь мог бы ускользнуть из готовой захлопнуться западни, расставленной ему Законом. Так что сейчас может случиться все... все, что угодно! — Голос обозревателя поднялся нотой выше. — Да... вот он выходит... он идет к толпе!»

Камера сделала поворот на сто восемьдесят градусов. Майк шел прямо на нее. Анни и Дьюк отстали, и теперь расстояние между ними все увеличивалось.

«Вот оно! Вот оно! Развязка уже близка!»

Майк продолжал не торопясь идти к толпе, пока его изображение не заняло весь «ящик». Теперь оно было почти в натуральную величину, казалось, он находится в комнате вместе со своими братьями по воде. Он

остановился на краю газона, принадлежащего отелю, всего в нескольких футах от толпы.

«Вы звали меня?»

В ответ рокочущее ворчание толпы.

По небу плыли редкие облака, и в это мгновение солнце вышло из-за одного из них, яркий столб света высветил Майка.

Его одежды исчезли. Он стоял перед толпой, облитый жидким золотом прекрасный юноша, облаченный лишь в собственную красоту — красоту, от которой зашло сердце Джубала; он подумал, что сам престарелый Микеланджело спустился бы со своих церковных подмостков, чтобы запечатлеть эту красоту для еще нерожденных поколений.

Майк мягко произнес:

«Поглядите на меня. Я — Сын Человеческий».

Сцену прервал десятисекундный клип — шеренга танцовщиц, пляшущих канкан и распевающих:

Дамы, дамы, лапочки!
Мойте пеной тряпочки!
Наша пена мыльная
Самая обильная.

«Ящик» наполнился шипящей мыльной пеной, из которой раздавался серебристый девичий смех... Камера снова показала толпу.

«БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ!!» — Кто-то врезал половинкой кирпича прямо Майку по ребрам.

Он повернулся лицом к хулигану.

«Но ты сам Бог. И проклинаешь ты тоже только самого себя... и тебе никуда не уйти от себя».

«БОГОХУЛЬНИК!» — Еще один камень — он попал прямо в левый глаз Майка. Хлынула кровь.

Майк сказал спокойно:

«Убивая меня, ты убиваешь себя... ибо ты есть Бог... и я есть Бог... иного не дано...»

И снова несколько камней достигли своей цели, и кровь полилась из новых ран.

«Внемлите же слову Истины. Нет нужды ненавидеть, нет нужды враждовать друг с другом, нет нужды страшиться чего-либо. Я предлагаю вам Воду Жизни... — Внезапно в руке Майка появился бокал с водой, свер-

кающий в лучах солнца. — Разделите ее друг с другом, когда того пожелаете... идите в мире, в любви, в счастье... все вместе...»

Камень точно попал в бокал и вдребезги разбил его. Другой камень влетел прямо в рот Майка.

Разбитыми кровоточащими губами он улыбнулся толпе, глядя прямо в объектив камеры с выражением всепоглощающей нежности на лице. Скорее всего благодаря случайному наложению солнечного света и отблеска объективов, вокруг головы Майка возник золотой нимб.

«О мои братья, я так любил вас. Пейте же глубоко! Делитесь всем и растите ближе, пока не сольетесь друг с другом. Ты есть Бог!»

Джубал шепотом повторил его слова.

Снова пятисекундный клип: «"Пещера Кахуенга"! Ночной клуб с настоящим лос-анджелесским смогом, который завозится сюда ежедневно! Шесть экзотических танцовщиц!»

«Линчевать его! Повесить проклятого подонка!»

Охотничье ружье крупного калибра грянуло где-то совсем рядом, правую руку Майка оторвало у самого локтя. Рука медленно спланировала на газон и легла на прохладную траву, ладонь раскрыта в жесте призыва.

«Дай ему из другого ствола, Шорти, да целься по-лучше!»

Толпа ржала и аплодировала. Брошенный камень разможил Майку нос, другие попали в голову, создав вокруг нее как бы кровавый венец.

«Истина проста, но путь человека тяжел. Прежде всего вы должны научиться управлять собой. Все остальное приложится. Благословен тот, кто познал себя и умеет управлять собой, ибо ему принадлежит весь мир, и счастье, и радость будут следовать за ним по пятам».

Снова громкий выстрел из охотничьего ружья, за ним еще два. Пуля попала Майку прямо в грудь над самым сердцем, разбив шестое ребро возле грудины и образовав глубокую рваную рану. Картечь и другие пули разбили левую голень в пяти дюймах ниже коленной чашечки, так что малая берцовая кость вылезла под углом, торча из красно-желтой раны.

Майк слегка покачнулся и, засмеявшись, продолжал речь. Голос его звучал чисто и неторопливо.

«Ты есть Бог. Запомни это, и перед тобой откроется Путь...»

«Проклятье! Да заставьте его заткнуться, пусть не поминает всуе имя Господне! Вперед, ребята, прикончим его!!!»

Толпа рванулась вперед, вслед за громилой, размахивающим тяжелой палицей. Они набросились на Майка с камнями, с кулаками, потом, когда он упал, стали бить его ногами.

Он продолжал говорить все время, пока они крушили ему ребра, издевались над его золотистым телом, ломали ему кости и отрывали уши.

Наконец кто-то заорал:

«Назад! Мы сейчас обольем его бензином!»

Получив предупреждение, толпа немного отступила, и камера приблизилась, крупным планом показав лицо и плечи Майка. «Человек с Марса» улыбнулся своим братьям и в последний раз сказал чисто и ясно:

«Я люблю вас».

Беззаботный кузнечик, стрекоча, взлетел на травинку в нескольких дюймах от лица Майка. Он повернул голову, увидел кузнечика, казалось, глядевшего ему прямо в глаза.

«Ты есть Бог», — сказал он и покинул свою плоть.

Глава 38

Языки пламени и клубы дыма заполнили «ящик».

— Вот это да! — воскликнула почти с благоговением Патти. — Самый эффектный финал, который я видела когда-либо.

— Да, — со знанием дела согласилась Бекки, — лучшего не смог бы придумать и мой муж-профессор.

Капитан Ван Тромп сказал тихо, как будто обращаясь к самому себе:

— Эффектно. Очень лихо и очень эффектно. Мальчик сумел уйти как надо.

Джубал оглядел своих братьев. Неужели он единственный, кто несет в себе боль? Джилл и Дон сидели рядом, обняв друг друга за талии, как они сидели всегда, когда им случалось встретиться. Ни одна из них не казалась взволнованной. Даже у Доркас глаза были сухи, лицо спокойно.

Адское пламя в «ящике» сменилось улыбающимся лицом Хэппи Холидея, который сказал:

«А теперь, друзья, предоставим еще несколько минут нашим приятелям с Елисейских полей, которые так щедро уделили нам...» — Патти выключила стереовизор.

— Анни и Дьюк возвращаются, — сказала она, — я проведу их через фойе. А потом будет ленч. — Она пошла к дверям.

Джубал задержал ее.

— Патти! Ты, конечно, знала, что задумал Майк?

Она удивилась.

— Что? Ну, разумеется, нет, Джубал. Надо было дожждаться, пока наступит время свершения. Никто из нас не знал. — Она повернулась и вышла.

— Джубал, — на него смотрела Джилл, — Джубал, наш возлюбленный отец, пожалуйста, подумай и постарайся *грокк* во всей полноте. Майк не умер. Разве он может умереть, если человека убить нельзя. И он не может покинуть нас, раз уж мы *грокк* его. Ты есть Бог.

— Ты есть Бог, — подтвердил он тупо.

— Так-то лучше. Иди и присядь сюда — между мной и Дон.

— Нет. Я хочу побыть один.

Как слепой, он ощупью добрался до своей комнаты, закрыл дверь на засов и тяжело рухнул, вцепившись обеими руками в изножье постели. Мой сын, о мой мальчик! Лучше бы я умер вместо тебя! Перед тобой лежала вся жизнь... а старый дурень, которого ты так почитал, раскрыл варежку и наболтал Бог знает что, внушив тебе дурацкую идею никому не нужного мученичества. Ах, если б Майк принес им нечто полезное, что-нибудь вроде стерео или бинго, а он принес им Истину. Или, во всяком случае, часть Истины. А кому она нужна, Истина?! — И Джубал засмеялся сквозь рыдания.

Наконец ему удалось победить их — и рвущие сердце всхлипывания, и горький смех, и он начал лихорадочно рыться в своем дорожном саквояже. То, что ему было нужно, он захватил с собой. Он всегда держал запас таблеток в своем несессере, держал с тех самых пор, как Джо Дуглас свалился от инсульта и тем напомнил ему, что плоть — всего лишь трава.

Вот и пришла его очередь «держат удар», да только сил держать уже нет. Он отсыпал три таблетки, чтобы закончить дело быстро и без промашки, запил их водой и лег в постель. Боль ушла почти тут же.

Откуда-то издалека до него долетел голос:

— Джубал.

— Отдыхаю. Оставьте меня в покое.

— Джубал! Отец! Ну, пожалуйста!

— Хм... Это ты, Майк? Что случилось?

— Проснись! Еще Сверхъестественное не наступило. Позволь, я помогу тебе.

Джубал вздохнул.

— Ладно, Майк.

Он разрешил помочь ему встать с постели и добраться до туалета. Позволил, чтобы ему подержали голову, пока его рвало, принял стакан воды и прополоскал рот.

— Теперь все о'кей?

— О'кей, сынок. Спасибо.

— Тогда я пойду? У меня еще остались кой-какие делишки. Я люблю тебя, отец. Ты есть Бог.

— Я люблю тебя, Майк. Ты есть Бог.

Джубал повозился еще немного в своей комнате, стараясь придать себе достаточно презентабельный вид, переоделся, выпил немного бренди, чтобы избавиться от горечи во рту и в желудке, а затем вышел, рассчитывая присоединиться к остальным.

В комнате была только Патти — она сидела около выключенного стереовизора. Патти подняла взгляд.

— Будете завтракать, Джубал?

— Спасибо.

Она подошла к нему.

— Вот и хорошо. Боюсь, что большинство остальных уже поели и разбежались, но каждый из них велел передать вам свой поцелуй. Вот они — все в одном.

Ей, кажется, действительно удалось вложить в него всю любовь, доверенную ей остальными, плюс собственную. Джубал почувствовал, что он стал куда сильнее, разделив с Патти ее непоколебимое спокойствие. Горечь ушла.

— Пойдем на кухню, — сказала она. — Тони уехал, поэтому большинство собрались там, хотя его ворчание и раньше-то не очень их разгоняло. — Патти остановилась и попыталась краешком глаза взглянуть через плечо на свою спину. — Вам не кажется, что финальная сцена немножко изменилась? Дымка какая-то появилась, что ли?

Джубал с невозмутимым видом согласился с ней. Ему тоже так кажется. Правда, никаких изменений он не видел, но спорить с идиосинкразией * Патти тоже не собирался.

Она кивнула.

— Так я и думала. Вообще-то у меня круговой обзор, но себя я почему-то со спины не вижу. Приходится, как и раньше, пользоваться двумя зеркалами. Майк обещает, что вскоре я смогу обходиться без них. Впрочем, все это пустяки.

В кухне, кто вокруг стола, кто подальше, собралось около десятка братьев. Дьюк стоял у плиты, что-то помешивая в небольшой кастрюльке для приготовления соусов.

— Привет, босс. Я заказал автобус на двадцать мест. Это самый большой из всех, что могут сесть на нашу площадку... В меньшем нам не разместиться, особенно учитывая команду писунов и любимчиков Патти. Годится?

— Разумеется. Все едут с нами домой?

Если не хватит спален, то девочкам придется организовывать ночлежки в гостинной и еще где-нибудь... Ведь все равно, количество гостей наверняка вырастет раза в два, если не больше. Очень вероятно, что ему самому вряд ли позволят спать в одиночку. И он тут же решил не сопротивляться. Приятно чувствовать рядом с собой чье-то теплое тело, даже если у тебя нет намерений перейти к активным действиям. Господи! Да он почти забыл, как это чудесно! Раста ближе...

— Не все. Повезет нас Тим. Потом ему придется доставить аэробус обратно и на время уехать в Техас. Шкипера, Беатрикс и Свена мы собираемся посадить в Нью-Джерси.

Сэм поднял взгляд от столешницы.

— Рут и я едем к своим ребятишкам. С нами поедет и Саул.

— А может, сначала денек-другой проведете дома?

— Что ж, может быть. Я поговорю с Рут.

* Идиосинкразия (спец. термин) — повышенная болезненная чувствительность организма к определенным веществам или воздействиям.

— Босс, — вмешался Дьюк, — как скоро можно будет заполнить бассейн?

— Прежде мы его никогда не заполняли раньше апреля. Но с новыми обогревателями, я думаю, в любое время. — Джубал помолчал. — Однако нам предстоит немало ненастных дней — вчера снег еще лежал на земле.

— Босс, вот что я вам скажу — эта банда способна прошагать по колено в снегу и, подобно жирафу, ничего не заметить, лишь бы им поплавать. Кроме того, есть куда более дешевые способы не дать воде замерзнуть, чем эти обогреватели, что работают на нефти.

— Джубал!

— Что, Рут?

— Мы остановимся на денек или даже больше. Ребятишки без меня не скучают, да и я не рвусь принять на себя роль мамыши, особенно теперь, когда не будет Патти, чтобы поддерживать дисциплину. Джубал, если вы меня никогда не видели в воде со струящимися по ней волосами, как у сказочной принцессы, считайте, вы меня вообще не видели.

— Договорились. Послушайте, а где эти Квадратно-головый и Голландец? Тем более, что Беатрикс еще никогда не бывала у меня дома. Так куда им спешить?

— Я скажу им, босс.

— Патти, твои змеи могут пожить в теплом сухом подвале? Пока мы что-нибудь не придумаем? Я не говорю о Хони Буне, разумеется. Он — человек. Но мне кажется, что кобрам не стоит ползать по всему дому.

— Конечно, Джубал.

— Так... — Джубал огляделся. — Дон, ты знаешь стенографию?

— А зачем ей она нужна? — вмешалась Анни. — Я же обхожусь без стенографии.

— Мог бы и сам догадаться. А печатать на машинке умеешь?

— Выучусь, если вы того пожелаете, — ответила Дон.

— Стало быть, считай себя в штате, пока где-нибудь не откроется вакансия верховной жрицы. Джилл, мы кого-нибудь забыли?

— Нет, босс. Разве что остальные, которые разъехались, захотят отдохнуть у нас. От этого никуда не денешься.

— Учтено. Дом — это Гнездо номер два, открытый для всех и в любое время. — Он подошел к плите и заглянул в кастрюлю, в которой Дьюк что-то помещивал. Там на донышке было немного бульона. — Хм... Это Майк?

— Да, — Дьюк зачерпнул ложку и попробовал. — Надо подсолить.

— Точно, Майк всегда любил приправы. — Джубал тоже взял ложку и попробовал бульон. Дьюк был прав — бульон чуть сладковат и немножко соли не помешало бы. — И все-таки лучше *грокк* его таким, каким он был. Остался кто-нибудь из тех, кто не разделил его?

— Только вы, босс. Тони строго-настрого приказал мне все время помещивать бульон, если нужно, добавив в него воды и ждать вас. И смотреть, чтобы не пригорело.

— Тогда давай сюда пару чашек. Мы поделимся и *грокк* вместе.

— Слушаюсь, босс. — Тут же с полки слетели две чашки и, спланировав, сели около кастрюльки. — Вот ведь какая штука — Майк всегда спорил, что переживет меня и сервирует из меня блюдо на День Благодарения. Впрочем, может быть, в дураках остался все же я, — мы ведь с ним заключили пари, а денежки с него я вряд ли получу.

— Это не выигрыш — просто игрока удалили с поля. Наливай поровну.

Дьюк повиновался. Джубал поднял чашку.

— Поделится.

— Чтобы всегда расти ближе.

Они не торопясь выпили бульон, растягивая удовольствие, смакуя каждый глоток, восхваляя, лелея и стараясь *грокк* во всей полноте своего благодетеля. К своему удивлению, Джубал нашел, что, хотя он и переполнен эмоциями, они дают ему ощущение спокойного счастья и не вызывают слез. Каким смешным и неуклюжим, похожим на юного щенка, был его сын, когда они встретились впервые... как хотелось ему всех порадо-

вать, какие смешные ошибки он делал... и каким гордым и сильным стал, так и не утерев своей ангельской невинности... Наконец-то я *грокк* тебя, сынок... и ни слова не изменил бы в твоём прошлом.

Патти приготовила ему ленч. Он сел за стол и стал есть, чувствуя такой голод, как будто после ужина прошло несколько дней.

— Я сказал Саулу, — говорил Сэм, — что *грокк* отсутствие необходимости что-либо менять в наших планах. Будем продолжать делать то, что делали раньше. Если товар, которым вы торгуете, хорош — дело пойдёт, даже если основатель фирмы скончался.

— А я и не спорю, — возразил Саул. — Ты и Рут постройте новый храм, а мы — другие. Однако нам нужно время, чтобы собрать необходимые для этого деньги. Такие дела не делаются ни на углах улиц, ни в первой попавшейся лавчонке. Тут требуются и сцена, и реквизит, а значит — нужен капитал, не говоря уж о средствах для отправки на год или два Стинки и Мириам на Марс. Это ведь не менее важно.

— Деньги не проблема, — неожиданно вмешался Джубал.

— Что вы этим хотите сказать, Джубал?

— Как адвокат, я должен был бы промолчать... но, как брат по воде, я говорю, что *грокк*. Минуточку... Анни!

— Да, босс.

— Выкупи то место. То, где был забит камнями Майк. Примерно в радиусе ста футов.

— Босс, это место — часть общественного бульвара. Если взять стофутовый радиус, то придется захватить и отрезок шоссе, и кусок участка, принадлежащего отелю.

— Не спорь.

— Я не спорю. Я сообщаю факты.

— Извини. Они продадут. Участок шоссе перенесут. Черт, да если им выкрутить руки как следует, — они подарят нам эту землю, особенно, если мы станем выкручивать руки с помощью Джо Дугласа. И пусть Дуглас распорядится, чтобы нам выдали из морга все, что осталось от Майка, после того как эта шваль с ним покончила... Мы похороним его на этой земле, скажем,

через год... и весь город будет оплакивать его... А полиция, которая не защитила его сегодня, вытянется по стойке смирно. Какой памятник мы поставим ему? «Упавшую кариатиду»? Нет. Майк был могуч. Он не уронил свой камень. «Русалочка» подошла бы больше, но заложенный в ней смысл поймут не многие. Тогда, может быть, изображение самого Майка? Такого, каким он был, когда обратился к толпе: «Смотрите на меня. Я — СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ...» Если Дьюк не успел его снять в этот момент, то у «Новостей» наверняка найдутся нужные кадры... И, может быть, сейчас или в будущем у нас появится брат, в душе которого вспыхнет искра Родена, и он изваяет Майка вот таким, без всяких выдумок... Мы похороним его там, — продолжал Джубал, — пока без всяких надгробий, и пусть земляные черви и ласковый тихий дождь *грокк* его. Я *грокк*, что Майк бы это одобрил. Анни, я хотел бы поговорить с Джо Дугласом сразу же, как приедем домой.

— Хорошо, босс. Мы *грокк* так же, как вы.

— Теперь о другом. — И он рассказал о завещании Майка. — Вы видите, что каждый из вас стал по меньшей мере миллионером. Нет, гораздо больше, чем миллионером. А насколько больше, я еще не подсчитал. Но намного — даже после уплаты налогов. И никаких обязательств... Хотя, я думаю, вы все будете тратить свои деньги на нужды храмов и прочего такого. Однако если кто-то захочет яхту — пожалуйста. Кстати, Джо Дуглас останется управляющим за ту же плату для тех кто пожелает не забирать свой капитал из дела... Но я *грокк*, что Джо долго не протянет. И тогда управление перейдет к Бену Какстону. Что скажешь, Бен?

Какстон пожал плечами.

— Буду числиться. Я *грокк*, что найму себе настоящего бизнесмена по имени Саул.

— Значит, замечано. Придется обождать немного, но никто не осмелится оспорить завещание. Майк отлично все предусмотрел. Когда мы сможем убраться отсюда? Оплачены ли счета?

— Джубал, — мягко подсказал Бен, — отель принадлежит нам.

Вскоре они уже были в воздухе. Полиция не чинила препятствий. Город успокоился так же быстро, как взбунтовался. Джубал сел впереди вместе со Стинки Махмудом и позволил себе расслабиться... Он чувствовал, что нисколько не устал, что его не грызет тоска и что он даже не очень стремится поскорее укрыться в своем убежище.

Они обсудили планы Махмуда отправиться на Марс, чтобы поглубже изучить язык. Джубал с удовольствием услышал, что это произойдет сразу после того, как завершится работа над словарем; по мнению Махмуда, ему только на сверку фонетики и транскрипции потребуется не меньше года.

Джубал проворчал:

— Полагаю, мне самому придется учить всю эту чертовщину, чтобы понимать вашу болтовню.

— Как ты *грокк*, брат.

— Но, черт побери, я не желаю иметь ничего общего со всякими расписаниями, уроками и прочим идиотством. Я буду заниматься, как и когда хочу.

Махмуд помолчал.

— Джубал, классы и расписание в храме были необходимы, так как мы работали целыми группами. Однако были и отдельные исключения.

— Вот это мне и нужно!

— Анни, например, продвинулась очень, очень далеко, только помалкивает об этом. С ее исключительной памятью она необычайно быстро выучила марсианский язык, чему, разумеется, помогла и постоянная внутренняя связь с Майком.

— Ну у меня, во-первых, память совсем другая, а во-вторых, Майка с нами нет.

— Зато есть Анни. И даже такого упряма, как вы, Дон может соединить напрямик с Анни... если вы, конечно, ей разрешите. Впрочем, уже для второго занятия Дон вам не будет нужна. Анни сможет обойтись и без нее. Не пройдет и нескольких дней, как вы начнете думать по-марсиански, — это по календарному времени, по субъективному будет подольше, но кого это волнует? — Махмуд ухмыльнулся. — А сопутствующие согревательные телодвижения вам придется по душе.

Джубал так и взвился.

— Ах, вы подлый, злобный, похотливый араб, умыкнувший вдобавок одну из самых лучших моих секретарш!

— За что вечно пребуду у вас в долгу. Но вы же ее не навсегда потеряли. Она тоже будет давать вам уроки... Уж она-то своего не упустит!

— Убирайтесь! Поищите себе другое место! Не мешайте мне предаваться размышлениям!.. Чуть позже Джубал завопил: — Первая!

К нему подошла Доркас и села рядом, держа в руках все нужное для стенографирования.

Джубал взглянул на нее, прежде чем начать диктовку.

— Детка, ты выглядишь куда счастливее, чем раньше. По-моему, ты прямо светишься.

Доркас мечтательно сказала:

— Я назову его Деннисом *.

Джубал кивнул.

— Недурно. Очень даже недурно! (Подойдет даже в том случае, если вопрос о настоящем отце спорен.) Как ты насчет того, чтобы поработать?

— Я готова. Чувствую себя отлично.

— Начнем. Пьеса для стереовидения. Черновой вариант. Предварительное название — «Марсианин по имени Смит». Пролог. Камера надвигается на Марс, используются кадры из архивов. Крупный план переходит в мелкий, изображающий место посадки «Посланца». Вдали стоит космический корабль. Марсиане — съемка либо архивная, либо новая... Крупным планом — каюта внутри корабля. Женщина лежит на...

* Божественный из Нисы (греч.).

Глава 39

Вердикт, в отношении Третьей от Солнца планеты, сомнений никогда не вызывал. Старейшие Четвертой планеты не только не были всезнающими, но в некоторых отношениях по провинциализму не уступали землянам. Они *грокк*, исходя из своей местной системы ценностей, и с помощью марсианской высшей логики, со временем неизбежно должны были ощутить неизлечимую скверну в вечно спешащих, беспокойных, склочных обитателях Третьей планеты, скверну, которая обязательно требовала «выпалывания», раз они ее уже *грокк*, взлелеяли и возненавидели.

Однако к тому времени, когда марсиане не торопясь доберутся до такого решения, в высшей степени вероятно и даже почти неизбежно, что Старейшим будет не под силу уничтожить эту странную и причудливую расу. Реальная опасность уничтожения была столь мала, что те, кому надлежало курировать Третью планету, не стали тратить на нее даже ничтожной частицы вечности.

Во всяком случае Фостер.

— Дигби!

Помощник поднял взор.

— На несколько тысячелетий я отлучусь по особому заданию. Познакомься со своим новым начальни-

ком. — Фостер обернулся и сказал: — Майк, это архангел Дигби, твой помощник. Он знает, что и где в студии у нас лежит, и ты найдешь в нем неплохого исполнителя для тех дел, которые задумаешь.

— О, мы с ним поладим, — заверил его архангел Михаил и, обратясь к Дигби, спросил: — Мы с вами встречались?

— Разве упомнишь, — ответил Дигби, — особенно, когда все время приходится скакать из одного «где-когда» в другое...

— Неважно. Ты есть Бог.

— Ты есть Бог, — отозвался Дигби.

— Бросьте вы эти церемонии! — прикрикнул Фостер. — Я тут оставил вам кучу работы, не вздумайте возиться с ней целую вечность. Разумеется, «Ты есть Бог», — а кто не Бог?

Он исчез. А Майк, сдвинув на затылок нимб, принялся за работу. Он уже присмотрелся и видел множество вещей, требующих переделки...

ЧУЖАК В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

перевод с английского В. Ковалевского, Н. Штуцер

Часть первая

Его сомнительное происхождение 7

Часть вторая

Его неслыханное богатство 105

Часть третья

Его эксцентричное образование 323

Часть четвертая

Его скандальная карьера 452

Часть пятая

Его счастливое предназначение 528

Миры Роберта Хайнлайна кн. 10/Пер. с англ.— Рига:
Полярис, 1994.—623 с.

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга десятая

Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редактор М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко
Корректор К. Вартанова

Оператор компьютерной верстки Т. Крукле
Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Цветные иллюстрации: А. Кириллов
Оформление шмуцтитула: А. Сергунин

Подписано в печать 4.05.93. Формат 84×108/32. Усл. печ. листов
32,76. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2506. С 023.

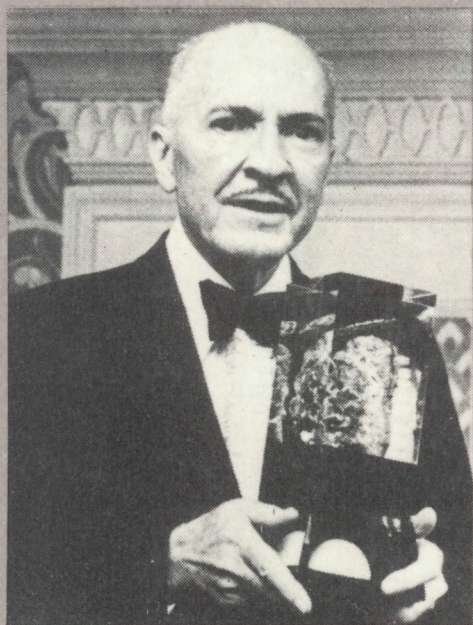
Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством

ЛР № 062455 от 23.03.92
Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия
СССР Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers